31761 08106641 7

БИБЛІОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ
ЧЕРКЕСОВА
С. ПЕТЕРБУРГЪ.
НЕВСК 54

2413.

DUPLICATE
5902

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КН. 11-я.

НОЯБРЬ, 1899.

ПЕТЕРБУРГЪ.

С.П.Б. НЕБОЙ

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1899.

Стр.

I.—МИРОВАЯ „ТРАГЕДІЯ ВѢРЫ".—**Ѳ. Ф. Зѣлинскаго** 5

II.—ПОБѢДИТЕЛЬНИЦА.—Разсказъ.—**В. Г. Авсѣенко** 52

III.—СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ.—Экономическіе очерки изъ жизни края.—**И. Алексанова** 105

IV.—ИСТОРІЯ ОДНОЙ УЛИЦЫ.—Изъ домашней жизни бѣднѣйшаго слоя лондонскаго населенія.—**С. Р—тъ**. 121

V.—ИЗЪ ПАРИЖСКИХЪ СКИТАНІЙ.—Очерки.—**И. Сѣверова** 159

VI.—ВНѢШКОЛЬНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ НАРОДА ВЪ ГЕРМАНІИ. — Очерки и замѣтки.—**М. Сукенникова** 188

VII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Сонетъ.—II. Сфинксы надъ Невой. Изъ пѣсенъ о каменномъ городѣ.—**Юр. Верховскаго**. 228

VIII.—ОТРЫВКИ ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ.—I.—**Л. М. Жемчужникова** 239

IX.—АМЕРИКАНЕЦЪ.—Романъ: „David Harum", a story of american Life, by E. Noyes Westcott.—VII-XIV.—Съ англ.—**А. Б—г—** 261

X.—И. С. ТУРГЕНЕВЪ и А. А. ФЕТЪ.—**П. Гутьяра** 314

XI.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Разсвѣта нѣжная пора...—II. Ловецъ.—III. Ожиданіе.—**П. Быкова**. 337

XII.—ВОЙНА И ИДЕЯ МИРА.—I-III.—**Л. З. Слонимскаго**. 341

XIII.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.— Права и составъ Государственнаго Совѣта.—Двѣ системы отмѣны новыхъ земскихъ расходовъ: вслѣдствіе ихъ непроизводительности и вслѣдствіе ихъ обременительности. — Программа улучшеній въ положеніи земскаго дѣла.—Земство и противо-пожарныя мѣры.—Еще о земскихъ ходатайствахъ. Пересмотръ Городового Положенія. 350

XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Трансваальская война. — Исторія „южно-африканской республики" и ея отношеній съ англичанами.—Переговоры о правахъ иностранныхъ поселенцевъ въ Трансваалѣ. — Уступки президента Крюгера и требованія Чемберлэна.—Печальная развязка. - Третейскій судъ по венецуэльскому вопросу.—Политическій кризисъ въ Австріи. 375

XV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—С. Ѳ. Платоновъ, Очерки по исторіи Смуты въ Москов. государствѣ XVI—XVII вв.—Извѣстія XI-го Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ.—К. Михальчукъ, Что такое малорусская рѣчь? — Т.— Новыя книги и брошюры 388

XVI.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — I. An. France. Pierre Nozière.—II. Em. Zola, Les quatres evangiles. Fécondité.—**З. В.**—III. Homenaje a Menendez y Pelayo, r. I-II.—**Л. Ш.** 411

XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Отзывы воронежскихъ крестьянъ о различныхъ видахъ начальной школы.—Церковно-приходскія школы въ юго-западномъ краѣ.—Второклассныя церковно-приходскія школы.—Евреи и дворянство.—Брошюра: „Гдѣ выходъ"? 425

XVIII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I. Объ изданіи Календаря „Синяго Креста", на 1900-й годъ. Обществомъ попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ. — II. Отъ Императорскаго Казанскаго Университета. 439

XIX.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Грумъ-Гржимайло, Г. Е., Описаніе путешествія въ западный Китай, т. II. — Карѣевъ, Н., Исторія Западной Европы въ новое время, т. III, и Курсъ Новой исторіи, ч. I. — Гейне, Собраніе сочиненій, изд. р. П. Вейнберга, т. VI.—Малый Энциклопедическій Словарь Брокгауза, т. I.—Мутеръ, Р., Исторія живописи въ XIX в.—Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго, т. III.

XX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XVI стр.

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1900 года.
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

ТИПОГРАФІИ М. М. СТАСЮЛЕВИЧА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, В. О., 5 лин., д. № 28.

ИЗДАНІЯ,

НАХОДЯЩІЯСЯ НА СКЛАДѢ ВЪ МАГАЗИНѢ *):

Н. И. ПИРОГОВЪ.

Сочиненія. Въ двухъ томахъ. Т. I. Съ приложеніемъ статьи: „Прощаніе Кіевскаго учебнаго округа съ Н. И. Пироговымъ". Съ портретомъ и факсимиле и съ двумя рисунками. Т. II. Съ портретомъ и факсимиле и тремя рисунками. Изданіе 2-ое. Спб. 1900 г. Цѣна каждаго тома 3 р.; за оба тома 5 р.

Проф. И. Я. ФОЙНИЦКІЙ.

На долгѣ. Сборникъ юридическихъ статей и изслѣдованій съ 1870 г. Томъ II. Спб. 190 г. Ц. 3 р. 50 к. Имѣется въ продажѣ т. I. Ц. 3 р. 50 к.

Н. КАРѢЕВЪ.

Исторія Западной Европы въ новое время. Вышелъ и разсылается подписчикамъ шестой и послѣдній выпускъ (2-я часть 3-го тома). Содержаніе: Просвѣщенный абсолютизмъ и французская революція. Изд. 2-ое. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. Имѣются въ продажѣ: т. I—ц. 2 р.; т. II—ц. 3 р. 50 к.; т. III—ц. 3 р. 50 к.; т. IV—ц. 4 р.; т. V—ц. 5 р.

Проф. А. ТРАЧЕВСКІЙ.

Учебникъ Русской исторіи. Ч. I. Древняя Россія. Съ 25 рисунками. Ч. II. Новая Россія. Съ 47 рисунками. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб. 1900 г. Цѣна каждой части 1 р. 25 к.

А. ЛЕВЕНСТИМЪ.

Профессіональное нищенство, его причины и формы. (Предисловіе. Общія свѣдѣнія о нищенствѣ и его причинахъ. Развитіе нищенства по мѣсту и времени. Характеристика профессіональныхъ нищихъ. Типы городскихъ и сельскихъ нищихъ. Гнѣзда нищенства. Нищіе-дѣти. Выводы.) Бытовые очерки. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

---

*) См. выше, въ октябрѣ, № 10.

Я. Г. ГУРЕВИЧЪ и Б. А. ПАВЛОВИЧЪ.

Историческая хрестоматія по Русской исторіи. Пособіе для старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Ч. II. Изд. 4-е, исправл. и дополн. Я. Г. Гуревичемъ. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 25 к. Ч. I—1 р. 75 к., ч. III—2 р. 25 к.

ЭРНСТЪ ГЕККЕЛЬ.

Современныя знанія о филогенетическомъ развитіи человѣка. Докладъ въ четвертомъ Интернаціональномъ Конгрессѣ зоологовъ въ Кембриджѣ, 26 августа 1898 г. Переводъ В. Вихерскаго. со второго дополненнаго нѣмецкаго изд. Спб. 1899 г. Цѣна 60 к.

АЛЕКСАНДРЪ БАРСУКОВЪ.

Родословіе Шереметевыхъ. Спб. 1899 г. Ц. 75 коп.

Б. Ф. БРАНДТЪ.

Иностранные капиталы. Ихъ вліяніе на экономическое развитіе страны. Ч. I. Теоретическія основанія. Опытъ иностранныхъ государствъ. Спб. Ц. 2 р. Ч. I Иностранные капиталы въ Россіи. Металлургическая и каменноугольная промышленность. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к. Цѣна за обѣ части 4 руб.
Борьба съ пьянствомъ за границей и въ Россіи. Кіевъ. Ц. 60 к.

ГЕЙНЕ.

Собраніе сочиненій. Редакція Петра Вейнберга. Томъ VI. Съ біографіей и портретомъ автора. (Содержаніе: Признанія.—Донъ-Кихотъ.—Мысли и замѣтки.—Статьи смѣшаннаго содержанія.—Рецензіи.—Мемуары.—Примѣчанія). Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к. Томы I—V по 1 р. 75 к.

ИВАНЪ ЛЕВИЦЬКЫЙ.

Повисти и оповидання. Т. I. Мыкола Джеря.—Запорожци.—Бурлачка.—Баба Параска та баба Палажка.—Въ концерти.—Два браты.—Витрогонъ.—Приятели.—Бабалка Панасъ Круть.—Невынна.—Бидный думкою багатіе.—Попались.—Помижъ порогамы.—Зъ портретомъ автора. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

НЕЗАВИСИМЫЙ.

Этика обыденной жизни. Пятое изд. Спб. 1900 г. Ц. 1 руб.

А. И. СВИРСКІЙ.

Смертная казнь и другіе разсказы. Спб. 1900 г. Ц. 1 руб.

А. Ф. МИХНЕВИЧЪ и Н. Н. ТОВСТОЛѢСЪ.

Практическое руководство къ составленію и совершенію договоровъ. Вильна. 1899 г. Цѣна 1 р. 50 к.

М. М. ЛЮТОВЪ.

Жизнь и труды Гиббона. Съ его портретомъ и fac-simile. Изд. 2-е. Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. для фундамент. библ. гимн. и реальн. учил. и допущена въ безплатныя нар. читальни и библ. Спб. 1900 г. Ц. 75 к.

Проф. С. ТОМПСОНЪ.

Свѣтъ видимый и невидимый. Рядъ рождественскихъ лекцій, прочтенныхъ въ Великобританскомъ Королевскомъ Институтѣ. Переводъ съ англійскаго В. Чепинскаго. Текстъ иллюстрированъ 150 рисунками. Спб. 1900 г. Ц. 60 к.

М. А. ЭНГЕЛЬГАРДТЪ.

Прогрессъ какъ эволюція жестокости. Введеніе. Жестокость и прогрессъ.—Первые плоды просвѣщенія.—Воспитаніе человѣчества.—Эволюція жестокости.—Эпоха избіенія младенцевъ.—Прогрессъ какъ эволюція лицемѣрія.—Эволюція безнравственности. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

А. К. ЕРЖЕМСКІЙ.

Самоучитель фотографіи на бромо-желатинной эмульсіи и хлоросеребряныхъ бумагахъ. 2-е изд. дополненное. Съ 250 рисунками въ краскахъ. Спб. 1899 г. Ц. 3 руб.

Н. И. ПОЗНЯКОВЪ.

1) Въ лучшіе годы. Собраніе стихотвореній. Изд. 2-е. Спб. Цѣна въ переплетѣ 2 р.
2) По захолустьямъ. Очерки и разсказы. Изд. 2-ое, дополненное. Спб. Цѣна 75 к.
3) Соловьиный садъ и другіе разсказы. Содержаніе: Соловьиный садъ. — Первый визитъ. — „Лепетиторъ“.—Смерть и жизнь.—Револьверъ.—„Парламентъ“. — Простое слово. —На волоскѣ.—Двѣ милостыни.—Разумные.—Злое дѣло.—Нежданно.—Прекрасная заря. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

ГЮИ ДЕ-МОПАССАНЪ.

Отецъ Милонъ. Сборникъ новыхъ разсказовъ. Съ портретомъ автора. Переводъ съ французскаго Н. М. Гарвея. Спб. 1900 г. Ц. 75 к.

П. ГЕРАСИМОВЪ.

Народные разсказы. 1) Усердіе не по разуму. Ц. 10 к. 2) Копѣечку бросишь—рубль подберешь. Ц. 30 к. 3) Дома и у турокъ. Ц. 30 к. 4) Покойница воскресила. Ц. 20 к. 5) Наѣхалъ и чуть не въѣхалъ. Ц. 10 к. 6) Грѣхъ и покаяніе Петра Безлицаго. Ц. 15 к. 7) На грѣхъ минута—на отвѣтъ жизнь. Ц. 15 к.

МАЛЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Съ приложеніемъ краткихъ руководствъ по различнымъ отраслямъ знанія и словарей иностранныхъ языковъ. Въ 12 выпускахъ. Изданіе Брокгауза и Ефрона. Вышли вып. I-IV. Подписная цѣна на все изданіе 18 руб.; цѣна каждаго выпуска 1 р. 50 к.

М. Г. МОРГУЛИСЪ.

Значеніе гипнотизма для юристовъ. 2-е изд. Спб. Ц. 40 коп.

А. ПОВОРИНСКІЙ.

Систематическій указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству, гражданскому и уголовному. Составлено по порученію предсѣдателя Высочайше учрежденной Коммиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части Министра Юстиціи. Спб. Ц. 4 руб.

Л. М. БРИЛЛАНТЪ и С. Я. ШКЛЯВЕРЪ.

Алфавитный указатель къ рѣшеніямъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента и Общихъ Собраній Правительствующаго Сената. Съ 1885 до 1899 года. Спб. 1899 г. Цѣна 6 руб. въ переплетѣ.

В. И. СЕМЕВСКІЙ.

Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Историческое изслѣдованіе. Т. I. Отъ начала золотопромышленности въ Сибири до 1870 г. Т. II. Положеніе рабочихъ послѣ 1870 г. Спб. Цѣна каждаго тома 3 руб.

Н. М. ЯДРИНЦЕВЪ.

Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе. Этнографическія и статистическія изслѣдованія, съ приложеніемъ статист. таблицъ. Спб. Ц. 2 р.

Сибирь какъ колонія, въ географическомъ, этнографическомъ и историческомъ отношеніи. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Иллюстрированное 16 сибирскими видами и типами. Спб. Ц. 4 р.

Н. ЦУХАНОВЪ.

Сборникъ положеній, извлеченныхъ изъ рѣшеній Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента и общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената за 1889—1897 г. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.

СПИСОКЪ АВТОРОВЪ, ПОИМЕНОВАННЫХЪ ВЪ № 10 (ОКТЯБРЬ).

Абаза, К. К.
Баронъ, проф., переводъ Л. Петражицкаго.
Барсуковъ, А. П.
Бернаръ, Клодъ.
Бобылевъ, Д., проф.
Вайнштейнъ, С. Я.
Вейнбергъ, В. П.
Гражданское Уложеніе.
Костомаровъ, Н.
Лэнъ-Пуль, Стэнли.
Моревъ, Д. Д.
Петровъ, М. Н., проф.
Программы.
Радцигъ, А. А.
Розинъ, Н.
Соколовъ, А.
Справочный карманный Словарь.
Судейкинъ, Власій.
Филипповъ, Тертій.
Тайлоръ, Э. Б.
Тэнъ, Н.
Шепелевичъ, Л. Ю.
Шопенгауеръ, Артуръ.
Энциклопедія.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ LXIII. — ТОМЪ CCCLXXIV. — 1/13 НОЯБРЯ 1899.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВУХСОТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1899

AP
50
V5
g. 34
Кн. 11

LIBRARY
MAR 5 1968
UNIVERSITY OF TORONTO

МІРОВАЯ
„ТРАГЕДІЯ ВѢРЫ“

...Вѣчный миръ и порядокъ царятъ въ заоблачномъ пространствѣ; вѣчными волненіями, вѣчной борьбой обуревается заключенная въ предѣлы атмосферы—среда. Здѣсь — царство трехъ стихій, доступныхъ для одушевленныхъ организмовъ; тамъ—простирается необъятная, неизмѣняющаяся четвертая стихія, пламенный эѳиръ—„пылающая стѣна вселенной“, какъ ее называетъ Лукрецій...

Таково было долгое время представленіе человѣчества о мірозданіи. Съ этимъ представленіемъ мы считаемся и понынѣ, когда говоримъ о четырехъ стихіяхъ, и это вполнѣ справедливо: оно содержитъ въ себѣ не одну только долю правды, а всю правду, если только перевести его съ матеріальнаго языка наивной древности на болѣе осторожный и отвлеченный языкъ современной науки. Туда, въ заоблачную, безстрастную стихію, удалило древнее человѣчество и своихъ боговъ,—при томъ, тѣмъ дальше, чѣмъ болѣе догматъ объ единокровности людей и боговъ сталъ подвергаться сомнѣнію, чѣмъ сильнѣе человѣческая мысль стала противиться представленію о страждущемъ богѣ: такъ-то сонмъ могучихъ властелиновъ природы, нѣкогда ходившихъ среди людей, все болѣе и болѣе сосредоточивался на какомъ-нибудь Олимпѣ, окружая сіяющимъ ореоломъ его загадочную вершину, пока онъ наконецъ, отступая передъ пытливой стопой и мыслью человѣка, не отдѣлился отъ нея и, поднимаясь все выше и выше,

не слился съ небесными свѣтилами, которымъ этотъ сонмъ боговъ и понынѣ оставляетъ свои имена. Съ тѣхъ поръ божество древнихъ пребываетъ въ царствѣ вѣчнаго мира и порядка: тамъ нѣтъ ни бурь, ни страстей, тамъ—никакая „трагедія“ невозможна.

Три доступныхъ человѣку стихіи никогда не проникнутъ въ ту четвертую и не внесутъ въ нее свой разладъ, свои страданія, свою—жизнь: зато, четвертая стихія пребываетъ среди насъ съ тѣхъ поръ, какъ Прометей похитилъ частицу пламеннаго эѳира и принесъ ее людямъ. Съ этого времени частица божества обитаетъ въ нашихъ сердцахъ: живя одною жизнью съ нами, она претерпѣваетъ всѣ наши тревоги и страданія и, въ силу своей высшей природы, заставляетъ насъ претерпѣвать ихъ сильнѣе, мучительнѣе, чѣмъ какое бы то ни было одушевленное существо. Трагедія древняго божества невозможна; но трагедія древней вѣры, этой зароненной въ человѣческія сердца искры божества, вполнѣ возможна—это самая могучая, самая захватывающая изъ всѣхъ возможныхъ трагедій. Отдѣльные ея акты и сцены писали многіе—всѣ тѣ, въ чьей груди зароненная искра Прометеева огня давала болѣе сильное пламя, чѣмъ у обыкновенныхъ людей; они писали ихъ, одни—своимъ перомъ на хартіяхъ и пергаментахъ своихъ твореній; другіе—своими дѣйствіями на видимыхъ скрижаляхъ исторіи и невидимыхъ—на смутной, но живучей традиціи народнаго сознанія; третьи—своею кровью на языческихъ аренахъ и христіанскихъ плахахъ и кострахъ. Но возможно ли написать ее всю? Думаемъ, что нѣтъ; да и если бы народился когда-нибудь столь могучій умомъ и сердцемъ человѣкъ, который съумѣлъ бы перенести міровую „трагедію вѣры“ изъ области чаяній въ область ясныхъ представленій — онъ остался-бы единственнымъ читателемъ собственнаго произведенія.

Но почему же, спросятъ, посвящаемъ мы свой трудъ попыткѣ, которая, по самому существу своему, должна остаться несовершенной? Потому, что успѣхъ, который работа мысли сулитъ исполнителю, состоитъ не въ одномъ только совершенствѣ отдѣльнаго результата. Имѣя выборъ между совершимостью малаго и величіемъ несовершимаго, духъ человѣка безустанно мечется между тѣмъ и другимъ. Если онъ настроенъ такъ, что въ первомъ случаѣ малость, а во второмъ несовершимость, отравляютъ ему работу, то онъ гибнетъ такъ, какъ гибнетъ герой въ „Потонувшемъ колоколѣ“ Гауптманна, когда его услужливые, но слабосильные работники-гномы, вмѣсто задуманнаго цѣлаго, созидаютъ ему превосходные, но частичные узоры; если онъ, во избѣжаніе этой гибели, отрекается отъ сво-

ихъ чаяній, довольствуясь мелкимъ и осуществимымъ, то онъ слишкомъ дорогой цѣной окупаетъ свое спасеніе, вырождаясь изъ творца въ ремесленника. Итакъ, что же дѣлать? Примиримся съ обоими изъянами, въ силу самой природы вещей присущими нашей работѣ—не съ одной только малостью совершимаго, но и съ несовершимостью великаго. Уподобимся созидающимъ живые острова въ тропическихъ моряхъ; будемъ терпѣливо, атомъ за атомомъ сооружать наше коралловое зданіе, но будемъ, время отъ времени, отрываясь отъ работы, заглядывать вверхъ, сквозь туманъ волнъ:—далеко ли до свѣта? Эти паузы, конечно, не двинутъ впередъ нашего труда, но дадутъ намъ, быть можетъ, свѣжесть и бодрость продолжать его.

Повторяемъ—примиримся съ тѣмъ, что намъ не удастся вполнѣ перенести міровую „трагедію вѣры“ изъ области чаяній въ область ясныхъ представленій; нашъ предметъ и такъ великъ, но свѣжесть духа, внушаемая его изученіемъ, вознаграждаетъ за такую работу: пусть она будетъ, такимъ образомъ, несовершенной, но не безуспѣшной, а мы, чтобы достигнуть подобнаго успѣха, должны поступить такъ, какъ поступаютъ всегда при научныхъ трудахъ: мы должны продолжать работу съ того мѣста, на которомъ оставилъ ее послѣдній крупный дѣятель на этомъ поприщѣ.

I.

Такимъ дѣятелемъ является нѣмецкій поэтъ т.-наз. „реакціонной“ эпохи, Карлъ Иммерманъ; его символическая драма „Мерлинъ“ [1]) дастъ намъ и точку отправленія, и въ значительной мѣрѣ—матеріалъ для нашихъ разсужденій. Едва ли имя Иммермана можетъ разсчитывать у насъ на то, чтобы возбудить полное представленіе о его дѣятельности; да и въ самой Германіи держится только память объ его „Oberhof“, этой прелестной повѣсти изъ народнаго быта, извлеченной изъ его могучаго сатирическаго романа: „Münchhausen“. Остальное и тамъ уже быльемъ поросло. А между тѣмъ, поэтъ Мерлина, другъ Гейне и Мендельсона, заслуживаетъ того, чтобы его творенія были спасены отъ несправедливаго вердикта потомства, обрекшаго ихъ, повидимому, на забвеніе. Пусть потонутъ въ волнахъ

[1]) Первое изданіе: Düsseldorf, 1832. Изъ позднѣйшихъ могутъ быть названы: изд. Hempel'я (Imm.'s Werke. Berlin 1878—82, J. XV); M. Koch'a (въ Deutsche Nationalliteratur, herausg. von Jos. Kürschner. J. 159), и Reclam'a (UniversalBibliothek № 599, самое доступное).

времени его историческія и фантастическія драмы, его эпосы и мелкія стихотворенія; но его два крупныхъ романа: „Эпигоны“ и уже названный „Мюнхгаузенъ“, несмотря на шаблонность фабулы въ первомъ и ея причудливость во второмъ, достойны извѣстности и у насъ, какъ вѣрное зерцало эпохи тридцатыхъ годовъ въ Германіи, въ столь многихъ отношеніяхъ напоминающей время, переживаемое нынѣ нами. Да и изъ драмъ по крайней мѣрѣ одна можетъ разсчитывать на интересъ съ нашей стороны; это—трилогія: „Alexis“, посвященная участи царевича Алексѣя Петровича. Конечно, наши избалованные по части реализма глаза легко замѣтятъ въ этой трагедіи недостатокъ мѣстнаго колорита; но если мы такъ снисходительны въ этомъ отношеніи къ Меримé и другимъ французамъ, у которыхъ этотъ недостатокъ еще гораздо болѣе ощутителенъ, то мы не можемъ отказать въ своемъ участіи нѣмецкому поэту, добросовѣстно изучавшему русскую старину и знакомившему съ нею своихъ соотечественниковъ въ ту эпоху, когда ихъ свѣдѣнія о Россіи ограничивались общераспространенными розсказнями, а именно, что у насъ обыватели расниваютъ „Wutki“, закусывая ее сальными огарками, поскольку этому времяпрепровожденію не препятствуетъ появленіе либо медвѣдя, либо страшнаго Kosack'a съ его неизмѣннымъ аттрибутомъ— Knute.

Но объ этомъ здѣсь говорить не приходится; насъ здѣсь интересуетъ исключительно его „Mythe“, какъ онъ назвалъ свою драму: „Мерлинъ“. Отличаясь въ этомъ отъ вышеназванныхъ произведеній, оно современниками такъ же мало было оцѣнено, какъ и потомствомъ; во всѣ времена оно имѣло немногихъ, но искреннихъ и восторженныхъ почитателей. Они смѣло приравнивали его къ величайшему произведенію нѣмецкой поэзіи, называя ее „Анти-Фаустомъ“ или „Вторымъ Фаустомъ“; но, за исключеніемъ этой небольшой горсти сильныхъ мыслью людей, публика довольно безучастно отнеслась къ этому глубокому по содержанію и чарующему по формѣ творенію. Поэтъ зналъ это и безъ труда мирился съ своей судьбою: „мой Мерлинъ,—говаривалъ онъ,—изнемогаетъ подъ тяжестью своей метафизической брони“. И все же онъ сознавалъ свое безсиліе дать своимъ идеямъ другую форму, и это безсиліе понятно: и мы въ свою очередь не видимъ лучшаго средства развить міровую „трагедію вѣры“, какъ пользуясь созданными нѣмецкимъ поэтомъ образами. Мы просимъ нашихъ читателей послѣдовать за нами прежде всего въ величественный храмъ Иммермана, въ надеждѣ, что намъ удастся открыть съ него еще болѣе ши-

рокій горизонтъ, чѣмъ какой представился утомленнымъ глазамъ его даровитаго зодчаго.

Итакъ, что такое „Мерлинъ“ Иммермана? Что такое, прежде всего, самъ Мерлинъ?

II.

Его образъ былъ заимствованъ поэтомъ изъ средневѣковыхъ преданій, которыя именно тогда, въ эпоху расцвѣта романтизма, дѣятельно разрабатывались представителями какъ литературы, такъ и науки; надобно, однако, сознаться, что его роль въ этихъ романахъ было довольно жалкая. Врядъ ли гдѣ-либо разладъ между грандіозностью первичной концепціи и слабостью исполненія чувствуется сильнѣе.

Согласно первой, Мерлинъ не болѣе и не менѣе, какъ антихристъ. Владыка ада, испуганный сошествіемъ Спасителя въ его мрачную обитель, рѣшаетъ слѣдовать примѣру своего великаго противника: овладѣвъ тѣломъ, но не душой, дѣвушки-христіанки, онъ дѣлаетъ ее матерью намѣченнаго имъ врага Христова, знаменосца адской рати на землѣ. Но его замыселъ не удается; его сынъ наслѣдуетъ отъ него только силу ума, въ остальномъ же рѣшительно становится на сторону своей матери, безвинно обезчещенной, скромной и богобоязненной дѣвы. Таково начало; но вызванныя имъ ожиданія не удовлетворяются дальнѣйшимъ ходомъ романа. Дѣятельность Мерлина сводится къ длинному ряду довольно наивныхъ и безцѣльныхъ чудесъ, которыя онъ творитъ при дворѣ англійскихъ королей, Утера и его сына Артуса; въ заключеніе онъ гибнетъ, благодаря бретонской красавицѣ Ниніанѣ, которая, влюбивъ его въ себя, выманиваетъ у него все его чудесное знаніе и окончательно приковываетъ его къ себѣ: всемогущій нѣкогда чародѣй кончаетъ свою жизнь безпомощнымъ и обезсиленнымъ, подъ чудеснымъ боярышникомъ въ бріонскомъ лѣсу. Таковъ романъ о „волшебникѣ Мерлинѣ“ (Merlin l'enchanteur); посмотримъ теперь, что изъ него сдѣлалъ нашъ поэтъ.

Отчаяніе владыки мрачнаго царства остается точкой отправленія и здѣсь; оно изображено въ первой сценѣ пролога, въ разговорѣ сатаны съ Люциферомъ, происходящемъ гдѣ-то въ горахъ на окраинѣ сирійской пустыни. Съ нихъ открывается видъ на плодородную равнину; тамъ живетъ богатый хозяинъ-христіанинъ съ своей молодой дочерью, Кандидой. Ея чистота прельщаетъ сатану; и дѣйствительно, въ своей безграничности ея

благочестіе идетъ на встрѣчу его планамъ. Не довольствуясь христіанской жизнью въ своей семьѣ, она идетъ къ отшельнику Плациду, чтобы провести ночь въ молитвѣ среди благоговѣйной тишины пустыни; здѣсь и совершается задуманное сатаною дѣло. Но помыслы дѣвы были чистые; звуки гимна: „O, sanctissima!“—раздающіеся въ отдаленіи и носящіеся во время роковой ночи надъ „великимъ дѣяніемъ мрака“, говорятъ намъ, что въ концѣ концовъ сатана ошибется въ своихъ разсчетахъ.

Чудесное зачатіе Мерлина—содержаніе пролога; отмѣчу тутъ же, что въ его трехъ главныхъ лицахъ изображены представители трехъ различныхъ типовъ вѣры. Сатана — это античная, эллинская вѣра, пораженная, повидимому, на смерть появленіемъ Спасителя; отшельникъ Плацидъ—это первобытное, наивное христіанство, не тронутое еще богословіемъ и видящее въ смиренномъ обращеніи къ Христу залогъ отпущенія грѣховъ; что касается Кандиды, то она въ своей безгрѣшной дѣвственности предвосхищаетъ Мерлина. Но объ этомъ будетъ подробнѣе сказано ниже.

Дѣйствіе главной части трагедіи происходитъ въ Англіи: туда бѣжалъ съ малолѣтнимъ Мерлиномъ его воспитатель Плацидъ, спасаясь отъ преслѣдованія возбужденной противъ чуднаго отрока толпы. Кандиды уже нѣтъ: Мерлинъ почтилъ ее надгробнымъ памятникомъ и похоронилъ съ нею за-одно и первую эпоху своего земного бытія. Отрочество миновало, наступила пора зрѣлой дѣятельности—передъ нами возмужалый Мерлинъ.

Въ чемъ же его задача?

Постараемся описать ее словами самого поэта, насколько проза въ состояніи передать поэзію, да еще таинственную религіозную поэзію, для выраженія которой самъ поэтъ привлекъ средневѣковую „титурелеву“ строфу. Плацидъ все еще находится при Мерлинѣ, записывая его вѣщія слова о судьбѣ человѣчества, „каковой она была, а не каковой она казалась“; разсказъ былъ доведенъ до тѣхъ дней, когда Господь носилъ свой крестъ на землѣ. Теперь идетъ продолженіе.

„Въ ту ночь ужасовъ, которая видѣла предательство злодѣя, Онъ, взявъ чашу съ виномъ, сказалъ: эта Моя кровь избавитъ васъ отъ грѣха. Берите и пейте! оставляю вамъ новое наслѣдіе: что было, то стало прошлымъ, а все будущее сохранитъ память Вечери.

„Въ Моей крови течетъ полная двойная благодать: она служитъ общимъ достояніемъ для всѣхъ, но она же потечетъ и для

немногихъ. Васъ посылаю Я въ ширь и въ даль, но въ то же время Я готовлю скрытый отъ всѣхъ храмъ въ Монсальватѣ.

„Когда затѣмъ на горестномъ древѣ повисъ Царь добродѣтели, вдали былъ гордый Петръ, и лишь юный Іоаннъ плакалъ у креста. Тогда сотникъ, слуга Пилата, вонзилъ копье въ плоть Христа, и изъ Его бока полилась багряная кровь.

„Теперь внимай, какъ слабому была дана новая сила! Іосифъ изъ Аримаѳеи, не желавшій раньше показываться съ Христомъ, теперь подошелъ съ чашей отъ тайной вечери и въ грустномъ молчаніи принялъ въ нее струю съ креста.

„И вотъ любовь создала двойное царство: явно, въ проповѣдническомъ пылу, пошла къ язычникамъ вдохновенная горсть учениковъ, и въ то же время Іосифъ, съ радостной душой, сроднившись съ тайной, скрылся со своей чашею въ глубокой пещерѣ.

„Тѣ двѣнадцать испытывали страданія въ странахъ всѣхъ народовъ—помыслы Іосифа были направлены на внутреннее воспріятіе святости. Тѣ, въ оковахъ и темницахъ, выносили злобу насмѣшниковъ, завистниковъ, мучителей—онъ же сталъ первымъ стражемъ *Грааля*...

„И когда рука смерти его коснулась, легко и ласково, какъ въ цвѣтникѣ рука дѣвы касается розы, тогда великая святыня, озаренная собственнымъ свѣтомъ, поднялась къ небу и вернулась въ свою обитель.

„Но съ тѣхъ поръ она вторично опустилась на землю; въ искрахъ этой моей рѣчи пылаетъ, постигни это, *первое реченіе о Граалѣ*. Но близится уже прекрасное время *второго*; когда разольется, торжествуя, его свѣтъ, тогда я къ тебѣ вернусь и доскажу остальное“.

Въ чемъ состоитъ это „второе реченіе о Граалѣ“, этого Мерлинъ Плациду не сообщаетъ: мы узнаемъ это изъ его молитвы, которую онъ произноситъ уже по уходѣ своего вѣрнаго пѣстуна. Вотъ эта молитва:

„Ты рѣшилъ, о неисповѣдимый, таинственный, пройти черезъ всякій позоръ нашего міра; въ послѣдней, въ самой глубокой грязи остались прекрасные слѣды Твоего сладкаго пребыванія.

„Такъ Ты отдался рыбакамъ, мытарямъ, разбойнику, съ разбитыми голенями обѣщалъ Ты свое великое гостепріимство, темнымъ умамъ далъ Ты свой завѣтъ.

„И снова Ты, кроткій Богъ, силою Твоей воли плѣненъ въ Монсальватѣ: Тебя держитъ въ неволѣ темный Титурель со своей тупой, робкой братьей.

„Но теперь Твое нисхожденіе завершено! Вернуть Тебя на стезю духа—вотъ для чего Ты избралъ Мерлина. Онъ Тебя поведетъ, Ты это знаешь, по пути возвращенія, озаряемомъ Твоимъ пламенемъ.

„Я—тотъ, кому суждено увлечь царственныя души, увлечь главы, увѣнчанныя славой и любовью: рыцарей, дамъ, короля Артуса; святому Граалю я доставлю достойныхъ стражей".

Глубокій смыслъ того, въ чемъ Мерлинъ видитъ свое призваніе, будетъ разъясненъ въ свое время, здѣсь же мы не будемъ разрушать миѳической оболочки, скрывающей замыслы поэта.

Освободить святыню Грааля изъ недостойныхъ рукъ темнаго Титуреля, отдать ее доблестному Артусу и его паладинамъ, представителямъ всего лучшаго, что только создала земля—вотъ задача, которую себѣ поставилъ Мерлинъ. Тщетно хочетъ ему воспротивиться его отецъ, явившійся пріобщить его къ тѣмъ замысламъ, ради которыхъ онъ его создалъ,—Мерлинъ отрекается отъ сатаны и торжественно заявляетъ о своей рѣшимости служить одному только Богу. Но въ то время, какъ онъ направляется ко двору Артуса, ему преграждаетъ путь соперникъ и противникъ—волшебникъ Клингзоръ.

Этотъ соперникъ уже старъ. Всю свою жизнь онъ посвятилъ исканію въ природѣ того, что выше всякой природы; онъ стяжалъ славу великой, неземной мудрости, прослылъ богомъ среди людей, но не нашелъ ничего, чему онъ могъ бы поклоняться самъ. Теперь онъ видитъ, что у него собираются отнять и тотъ сосудъ безъ содержанія, которымъ онъ, за неимѣніемъ лучшаго, тѣшилъ себя до тѣхъ поръ,—поклоненіе людей: приближается новый пророкъ на смѣну старому. Клингзоръ рѣшается не допустить этого, но встрѣча съ Мерлиномъ имѣетъ другой, неожиданный для него исходъ. Въ душѣ вдохновеннаго юноши онъ находитъ то, чего онъ такъ долго тщетно искалъ; побѣжденный, но ликующій сердцемъ, идетъ онъ спокойно умирать въ своемъ „Замкѣ Чудесъ", Мерлинъ же продолжаетъ свой путь къ Артусу.

Тѣмъ временемъ и при дворѣ Артуса стали ждать Мерлина. Веселая жизнь рыцарей и дамъ, озаряемая свѣтомъ чести и свѣтомъ любви, давно уже не удовлетворяла короля, давно уже мысль о Граалѣ ему щемила сердце непонятной тоской. Въ своей тревогѣ онъ обратился къ Клингзору; старый волшебникъ понялъ, что короля устрашаетъ мысль о смерти, и зная, что только неимѣющее начала можетъ избѣгнуть конца, далъ ему насмѣшливый совѣтъ: „искать дитя, не имѣющее отца". Этимъ онъ, самъ

того не сознавая, подготовилъ почву для Мерлина. Пока этотъ послѣдній приближается, жизнь паладиновъ течетъ обычнымъ порядкомъ; въ рядѣ сценъ изображены волнующія ихъ заботы: проблема чести, о которой спорятъ первые рыцари двора—Эрекъ, Гавейнъ, Гарейсъ; проблема рыцарской любви, возбужденная новоприбывшимъ рыцаремъ Ланселотомъ, который, какъ спаситель королевы Джиневры, требуетъ права посвятить ей свою любовь, не зная того, что она—супруга его господина. Пѣсни менестреля веселятъ участниковъ этой беззаботной жизни; наконецъ, разноцвѣтные огни палатокъ потухаютъ; тихая ночь воцаряется надъ спящимъ дворомъ короля Артуса. Вотъ обстановка, въ которой его застаетъ Мерлинъ.

Но онъ застаетъ тамъ еще одно существо, встрѣча съ которымъ должна была оказаться для него роковой. Это—сестра королевы, красавица Ниніана. Вѣрная своему имени (означающему, якобы, по-халдейски: „я этого не сдѣлаю“), она бѣжала отъ сестры, когда та отправилась ее искать; теперь же она пришла сама и пришла съ подаркомъ, рубиновымъ кольцомъ, обладающимъ способностью показывать каждому предметъ его желаній. Кольцо свѣтится надъ палатками рыцарей, и передъ ихъ сонными глазами возникаетъ то, къ чему ихъ безсознательно влечетъ невѣдомая, непреоборимая сила—храмъ Монсальвата. Приходъ Мерлина разрушаетъ чары; Ниніана убѣгаетъ, Артусъ и паладины просыпаются; Мерлинъ вѣнчаетъ Артуса королемъ Грааля. Всѣ отправляются въ путь, отыскивать Монсальватъ. Но какъ, спрашивается, отнесется къ ихъ начинаніямъ самъ Монсальватъ и управляющая имъ неисповѣдимая воля?

Дѣйствіе переносится туда, въ „Землю Спасенія“ (Salva Terra), гдѣ подъ строгими сводами готическаго храма блистаетъ святая чаша, озаряя чудеснымъ свѣтомъ таинственный полумракъ обители и наполняя неземнымъ блаженствомъ души своихъ слугъ, рыцарей Грааля. Новый членъ удостоился пріобщенія къ избранной братьѣ: это—молодой Лоэнгринъ. Лишь на порогѣ святыни удастся ему постигнуть тайну Грааля, оставшуюся неизвѣстной Мерлину; но въ ту минуту, когда онъ готовится войти въ обитель, выходитъ Титурель и объявляетъ о послѣднемъ рѣшеніи божества. Грааль долженъ покинуть западъ, долженъ перенестись въ Индію и ея дремучіе лѣса; послѣдній пришелецъ, сподобившійся коснуться порога святыни, долженъ вернуться въ міръ и принести ему вѣсть о Граалѣ—„скорбящимъ въ утѣшеніе, злодѣямъ въ укоръ“.—Почему это?—„Меня изгоняетъ изъ освященныхъ мною мѣстъ антихристъ, стремящійся отравить родъ

человѣческій ужаснымъ грѣхомъ". Итакъ, Мерлинъ и его миссія отвергнуты.

Тѣмъ временемъ Артусъ, Джиневра и паладины блуждаютъ въ пустынѣ по указанному Мерлиномъ пути. Всѣ утомлены; Эрекъ въ изнеможеніи падаетъ. Король велитъ положить его на носилки, чтобы онъ хоть мертвымъ достигъ Монсальвата; раздаются голоса: „Ищите Мерлина!" Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ остался Мерлинъ? Онъ пожелалъ дать себѣ кратковременный отдыхъ въ бріонскомъ лѣсу: тамъ Нинніана съ дѣтски веселыми пѣснями удитъ рыбу въ свѣтломъ пруду; тамъ цвѣтетъ боярышникъ, маня подъ свою прохладную тѣнь усталыхъ и влюбленныхъ. Воронова, безпокоившихъ своимъ крикомъ Джиневру, прогнали, но мертвая тишина пустыни еще страшнѣе. Послѣдній хлѣбъ, послѣдняя вода розданы; король въ отчаяніи посылаетъ двоихъ паладиновъ искать путь на родину; изъ нихъ возвращается одинъ, другой поскользнулся и упалъ въ бездну,—это единственная дорога, ведущая домой. Теперь осталась одна только надежда: „Зовите Мерлина!" Снова раздаются крики: „Мерлинъ, Мерлинъ!" Ихъ слышно и подъ боярышникомъ, но неясно: Мерлинъ хочетъ уйти къ своимъ, но Нинніана его удерживаетъ: зачѣмъ? вѣдь это олени кричатъ въ лѣсу. Мерлинъ остается: надо утѣшить испуганную дѣвушку, оставить ей залогъ вѣрности. Но гдѣ этотъ залогъ? Гдѣ та сила, передъ которой остановилась бы власть Мерлина? Такая сила есть: „есть слово, страшное, глубокое, непреоборимое, которое, разъ будучи произнесено, навсегда приковало бы меня къ этому мѣсту... Не далѣе могъ бы я отойти, какъ жукъ, котораго мальчикъ привязалъ за ножку: здѣсь я просидѣлъ бы весну среди цвѣтовъ шафрана и поповника, здѣсь я считалъ бы плоды дикой сливы подъ Ивановъ-день, здѣсь дроздъ пѣлъ бы мнѣ свою осеннюю пѣсню, здѣсь мои ноги окоченѣли бы въ зимнемъ снѣгѣ. Вотъ какъ близко всемогущество соприкасается съ безпомощностью!"—Одно слово! Что же это за слово?.. Опять слышны крики: „Мерлинъ!"... „Нѣтъ, ты была права,—говоритъ Мерлинъ,—то олени кричатъ въ лѣсу". Страшное слово, еще не будучи произнесено, уже на половину очаровало его: его мысли кружатся вокругъ него, онъ не въ состояніи отказать Нинніанѣ, просящей его повѣрить ему свою тайну: „Не я говорю, она сама говоритъ во мнѣ, мученіе просится наружу". Онъ шепчетъ роковое слово на ухо подругѣ. „Я не разслышала",—отвѣчаетъ Нинніана,—и чтобы удостовѣриться, повторяетъ его. Въ мигъ Мерлинъ преобразованъ; ему кажется, что онъ въ цѣпяхъ, что онъ прикованъ къ стѣнѣ

желѣзной башни. Нинiана съ крикомъ спасается отъ его угрозъ; паладинамъ, отчаянные вопли которыхъ въ третій разъ оглашаютъ сцену, онъ громко отвѣчаетъ: „Я здѣсь! здѣсь, въ башнѣ!.. Я рву свои цѣпи—онѣ не слабѣютъ; я хочу расшатать столбы —они не уступаютъ. Я охотно прыгнулъ бы изъ окна, чтобы быть съ вами; но тамъ внизу чудовища шевелятъ пастью въ озерѣ крови. Не кричите же такъ жалобно, не мѣшайте мнѣ заснуть; развѣ я не страдаю невыносимо? развѣ нужно, чтобы я еще болѣе мучился?“...

Это—главная часть трагедіи, озаглавленная: „Грааль“; слѣдуетъ краткій эпилогъ: „Мерлинъ-страдалецъ“. На кладбищѣ встрѣтились трое: Плацидъ, отыскивавшій Мерлина, менестрель, отыскивавшій Артуса, и Лоэнгринъ, отправленный къ людямъ съ вѣстью о Граалѣ. Узнавъ отъ послѣдняго о безполезности поисковъ, менестрель разбиваетъ арфу, посвященную славѣ Артуса; Плацидъ разрываетъ пергаментъ съ записаннымъ на немъ „первымъ реченіемъ о Граалѣ“. Лоэнгринъ хочетъ ихъ утѣшить, но самъ утѣшенія не знаетъ. „На этой могилѣ,—говоритъ онъ,— обращенной къ солнцу, слабо свѣтящему черезъ цвѣтныя стекла окна, я спрашиваю тебя, Грааль: къ кому посылалъ ты меня? Твое слово не допустило меня во внутрь святыни; прости поэтому, что я еще не вполнѣ омертвѣлъ, что земныя чувства мнѣ еще волнуютъ грудь. Пылая пламенемъ твоей высокой воли, я пошелъ, какъ ты мнѣ приказалъ, помогать всѣмъ страждущимъ, всѣмъ несчастнымъ; и вотъ я нашелъ Клингзора бездыханнымъ подъ развалинами его замка, а Артуса, Джиневру и ихъ дружину—умершими въ пустынѣ, Мерлина—обезумѣвшимъ. Богатѣйшій умъ раздавленъ горемъ; любовь, честь, доблесть—обезображенные голодомъ трупы; благоговѣніе омрачено крыломъ помѣшательства. Что только было совершеннаго, прекраснаго, несравненнаго, то перешло въ ужасное тлѣніе; кому же, о, Боже, долженъ я подать помощь? мнѣ кажется, что земля—пустая, грустная, безжизненная степь, покрытая костьми, голая, необозримая, безплодная, и что черное знамя Уничтоженія развѣвается надъ нею“...

Это—итоги происшедшаго до сихъ поръ; но вотъ въ дѣйствіе вводится новый моментъ. Къ Мерлину, поющему безумныя пѣсни подъ боярышникомъ, является сатана. По его мановенію, „недостойное зрѣлище“ прекращается. „Гдѣ я?“—спрашиваетъ Мерлинъ. Скоро къ нему возвращается сознаніе; его второй вопросъ: „Гдѣ мои друзья?“—„У меня“,—отвѣчаетъ сатана.— „У тебя?“—„Да, среди великой общины въ аду, у меня“. Мер-

линъ въ отчаяніи ломаетъ руки; но собесѣдникъ его утѣшаетъ: „Ихъ не жарятъ, не жгутъ въ сѣрнистомъ огнѣ, не разбиваютъ, не гвоздятъ палицами и молотами, не бросаютъ нагими въ ледяную купель, не вплетаютъ въ кружащіяся колеса; все это—басни, о которыхъ лишь глупцы болтаютъ! Но *это* слово остается—слово великое, непреложное, грозное: имъ хотѣлось къ Нему,—а достались они мнѣ!" Теперь Мерлинъ знаетъ, что Богъ его отвергъ; отвергъ — но за что? „Быть можетъ,—коварно спрашиваетъ его сатана,—ты совершилъ какое-нибудь прегрѣшеніе? Быть можетъ, преступное желаніе, нечистая похоть, дерзкое самомнѣніе, скрывались въ укромномъ уголкѣ твоего сердца? Подумай: если бы ты, сломленный, могъ покаяться, могъ, обратившись къ Нему, воспылать пламенной жаждой искупленія, — Онъ бы, пожалуй, протянулъ тебѣ руку, и я бы отталкивающагося грѣшника отступился".

Мерлинъ.—Мнѣ не въ чемъ каяться! Моя душа, одинъ сплошной вздохъ тоски и желанія, стремилась вверхъ къ Нему, чтобы въ порывѣ счастья Ему поклониться!

Сатана.—Далѣе: въ чемъ провинились тѣ, которыхъ ты велъ?

Мерлинъ.—О, невинные, о, бѣдные друзья! Я подносилъ васъ точно чашу, полную живительно-сочныхъ цвѣтовъ и плодовъ, хотѣлъ посвятить этотъ радостный даръ алтарю: зачѣмъ, мой Возлюбленный, зачѣмъ отвергъ Ты его?

Сатана.—Число его предостерегающихъ ангеловъ—легіонъ!

Мерлинъ.—И ни одного, ни одного не встрѣтили мы на своемъ пути.

Сатана.—Полагаютъ, затѣмъ, что Онъ говоритъ съ вами голосомъ вашей совѣсти!

Мерлинъ.—Наша совѣсть была нѣма!

Такимъ образомъ, почва подготовлена; сатана вторично—и на этотъ разъ съ полной надеждой на успѣхъ—пытается завладѣть своимъ непокорнымъ сыномъ.

Сатана.—Я готовъ принять тебя со всѣми твоими ранами, тебя, раздавленнаго бременемъ твоей непосильной ноши. Я хочу, чтобы ты выздоровѣлъ на моей широкой груди, вновь окрѣпъ, отдыхая подъ моей сѣнью. Достаточно уже заплатилъ ты за свое ученіе: пора, чтобы ты наконецъ позналъ себя; дай же мнѣ, ненавидящему болтовню и хвастовство, радостно освободить тебя отъ твоего позорнаго рабства. Вкуси хоть теперь свободу, мудрость, гармонію въ ея сладостной, восхитительной полнотѣ! Воспрянь, будь моимъ; сдѣлай три шага назадъ, отрекись отъ Него и увѣруй въ меня!

Мерлинъ.— Нѣтъ!

Сатана.—Нѣтъ?

Мерлинъ.—Это — единственный звукъ, который остался моимъ.

Сатана.—О, ты, смѣсь неразумія и упрямства!—Терпѣніе мое скоро истощится. Да развѣ есть хоть одна нить, которая бы вела отъ тебя къ Нему?

Мерлинъ.—Вся вѣчность, отдѣляющая меня отъ Его милости! Да, я вычеркнутъ изъ книги благодати, исключенъ изъ числа дѣтей-наслѣдниковъ; я—негодный черепокъ, мишень для насмѣшекъ сволочи въ притонахъ разврата; Онъ заперъ меня туда, куда вгоняютъ псовъ; и вотъ я лежу, съ изорваннымъ тѣломъ, обливаясь кровью,—и не могу отказаться отъ Него!

Сатана.—Элоимы падаютъ ницъ передо мною; а ты—комъ грязи и кала...

Мерлинъ.—Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ...

Сатана.—Негодное сѣмя Евы! Вонь тлѣнія уже исходитъ отъ тебя: ты созрѣлъ для погибели! (*Касается его.*)

Мерлинъ (*умирая*).—Да святится имя Твое!..

III.

Такъ-то, послѣ гибели однихъ и отчаянія—т.-е. интеллектуальной смерти—другихъ, остаются живыми только оба крайнихъ, непримиримыхъ принципа вѣры, олицетворенные въ двухъ символахъ—сатанѣ и Граалѣ. И пока живъ будетъ міръ, эти два принципа будутъ образовать оба полюса вѣры и отъ нихъ будутъ исходить тѣ враждебныя другъ другу теченія, которыя, встрѣтившись въ груди одного и того же человѣка, будутъ вызывать такой же конфликтъ, такую же трагедію, какъ и въ драмѣ о волшебникѣ Мерлинѣ. Выясненіе этихъ двухъ принциповъ, поэтому,—наша первая задача.

Начнемъ съ сатаны. Уже по пересказу драмы читатель могъ замѣтить, что передъ нимъ не дьяволъ, не отецъ зла и врагъ рода человѣческаго — дьяволъ ужился бы со всякимъ типомъ вѣры, будучи антитезисомъ божества, и не могъ быть носителемъ особой религіозной идеи. Нѣтъ; исходя изъ совершенно правильной мысли, что наша умственная и нравственная культура есть продолженіе античности, а не юдаизма, поэтъ представилъ въ своемъ сатанѣ именно античную религію, поскольку послѣдняя выражалась не въ культахъ, а въ сознаніи просвѣ-

щенѣйшихъ мужей древности. И да не подумаетъ читатель, что поэтъ допустилъ анахронизмъ, воскрешая, будто бы, окончательно побѣжденную христіанствомъ и поэтому отжившую свой вѣкъ религію. Та религія античности, о которой идетъ рѣчь, была, правда, побѣждена христіанствомъ, но не уничтожена имъ; она всплываетъ наружу вездѣ тамъ, гдѣ свѣточъ христіанства тускнѣетъ, и если бы современной наукѣ о мірѣ, чиновачальникомъ которой признается Дарвинъ, удалось выработаться въ цѣльное интеллектуально-этическое міросозерцаніе, то имъ стала бы именно античная религія Иммермановскаго сатаны. Но почему же, спрашивается, поэтъ сдѣлалъ ея носителемъ библейскаго сатану, а не какого-нибудь эллинскаго бога? Ленау въ своемъ дионрамбѣ, посвященномъ памяти Бетховена, говоритъ, что „при звукахъ его симфоній, шумящихъ точно ливни святой грозы, ему чудится, что на тучахъ приближается Зевсъ и цѣлуетъ обагренное кровью чело Христа" — при чемъ онъ разумѣетъ такой же контрастъ, какъ и нашъ. Но Иммерманъ писалъ драму: драма предполагаетъ фабулу, а для Зевса нѣтъ общей фабулы съ христіанскимъ Олимпомъ. Къ тому же, историческая эволюція религій шла на встрѣчу символизаціи, избранной нашимъ поэтомъ: отцы церкви объявили языческихъ боговъ дьяволами — можно было, поэтому, безъ натяжки выставить сатану представителемъ языческой религіи. Это до того естественно, что современный итальянскій поэтъ Джозуэ Кардуччи пошелъ по тому же пути: нѣкоторыя строфы его знаменитаго „Inno a Satana" производятъ впечатлѣніе, будто онѣ написаны подъ вліяніемъ „Мерлина".

Для сатаны общая фабула съ христіанскимъ Богомъ, разумѣется, была: но для того, чтобы сатана могъ явиться въ требуемой роли представителя античной, т.-е. естественной религіи, ее нужно было нѣсколько видоизмѣнить, вводя въ нее новые элементы. Эти послѣдніе восходятъ къ Платону, допускавшему, что высшее божество поручило сотвореніе міра низшему духу, такъ называемому *деміургу*; отъ Платона они перешли къ гностикамъ, отожествившимъ этого деміурга съ сатаной: Иммерманъ, подчиняясь духу своего времени, воспроизводитъ ихъ съ примѣсью гегеліанства. Согласно этой фабулѣ, Богъ создалъ лишь матерію, какъ таковую, въ качествѣ отрицанія самого себя: но сатана—деміургъ, „полный пламеннаго состраданія, на крылахъ бури спустился къ отверженной — таково истинное преданіе о грѣхопаденіи ангеловъ!" — „Я"—продолжаетъ онъ, стараясь вовлечь сына въ кругъ своихъ замысловъ,—„я отдѣлилъ твердую

землю отъ неба, отдѣлилъ свѣтъ отъ мрака, море отъ материка, зажегъ пламя рѣющихъ въ эонрѣ свѣтилъ, призвалъ къ жизни все несмѣтное число животныхъ породъ. И вотъ онѣ были и двигались, жили той маленькой жизнью, которую моя любовь вселила въ каждую изъ нихъ; все прыгаетъ, мчится, ликуетъ; всякая тварь узнаетъ назначенную ей пищу по влеченію, которымъ я ее одарилъ. Къ шестому дню все было готово; тогда я, вдыхая благоуханіе мірозданія, прошелся по саду и принялъ невинную, младенческую благодарность отъ тысячи породъ моей юной паствы“.

Мы безъ труда узнаемъ тутъ божество Природы, непосредственно реальную, видимую и ощутимую, хотя и глубоко таинственную жизненную силу, которою живетъ нашъ міръ и мы сами; но витализмъ, это—научная теорія, фундаментъ—если угодно—религій, но еще не религія. Для того, чтобы этой теоріи превратиться въ религію, нужно, чтобы къ физическому элементу присоединился нравственный: мыслима ли нравственность чистаго витализма? Сатана утверждаетъ, что—да. „Знаешь ли ты,—спрашиваетъ онъ Мерлина,—нѣчто болѣе совершенное, чѣмъ мое зданіе? болѣе постоянное равновѣсіе расцвѣта и умиранія? болѣе чистый обмѣнъ рожденій и смертей? болѣе нѣжныя оттѣненія въ смѣшеніи радости и горя? Знаешь ли ты болѣе необходимую необходимость? болѣе законченный кругъ взаимно сцѣпленныхъ обязанностей? болѣе справедливое уничтоженіе вины? болѣе безусловное постоянство? Богачъ находитъ себѣ кару въ томъ самомъ, что̀ составляетъ предметъ его желаній; герой побѣждаетъ благодаря избытку силъ и черезъ него же гибнетъ; царь пьетъ наравнѣ со всѣми изъ чаши забвенія; народъ остается во мракѣ, по зато онъ неразрушимъ“.

Физическій принципъ поднятъ въ нравственную сферу; закону сохраненія матеріи и энергіи въ видимомъ мірѣ соотвѣтствуетъ столь же безусловный законъ *сохраненія нравственной силы*. Вся эволюція нравственной монады совершается внутри предѣловъ земной жизни: нѣтъ надобности, для возстановленія нарушеннаго равновѣсія, прибѣгать къ гипотезѣ надземнаго міра: оно возстановляется здѣсь же, на землѣ, въ силу того же витализма, который царитъ и въ физической природѣ; „обмѣну“ же рожденій и смертей соотвѣтствуетъ столь же чистый обмѣнъ радостей и горестей. Но что̀ же сказать о явныхъ несправедливостяхъ нашей жизни? Ихъ нѣтъ; то, что̀ мы относимъ туда, столь же призрачно, какъ и кажущееся исчезновеніе матеріи, кажущаяся остановка движенія.—А неравномѣрное распредѣле-

ніе благъ земныхъ?—Оно существуетъ только для того, кто односторонне судитъ о предметахъ и, видя въ нихъ одни только плюсы или одни только минусы, скрываетъ отъ себя простой фактъ, что $+1000-1000$ и $+1-1$ — одинаковыя величины.—Но вотъ — счастливецъ, баловень природы и судьбы; вотъ, съ другой стороны,—больной или узникъ; неужели въ одномъ существованіи этихъ двухъ противоположностей нѣтъ вопіющей несправедливости?—Нѣтъ, такъ какъ оба они не одинаковой душой воспринимаютъ свои ощущенія: почему же вы, признающіе $^1/_2$ и $^{1000}/_{2000}$ за одинаковыя величины, въ данномъ случаѣ сравниваете только числители, упуская изъ виду неравенство знаменателей, т.-е. воспринимающихъ душъ? Примите во вниманіе и ихъ—тогда вы увидите, что моментъ высшаго упоенія счастливца представляетъ такую же величину, какъ и моменты отдыха больного или узника.—А смерть?—Она не ощутительна для особи, которая, не выработавъ еще индивидуальнаго самосознанія, живетъ одной общей жизнью съ своей породой; для той же, у которой это сознаніе выработалось, интенсивность индивидуальной жизни должна служить вознагражденіемъ за потерянную экстенсивность. Чего же вы ропщете? Откажитесь, если вамъ страшно, отъ „лжевѣры въ мнимое я“ (Ichwahn), и вы безъ труда, размышляя о „цѣнности жизни“, присоединитесь къ „героическому міросозерцанію“ реформатора нашихъ дней.—Углубитесь въ прелесть этого нравственнаго макрокосма, точнаго реверса физическаго, и вы увидите, что и здѣсь, не выходя изъ предѣловъ видимой жизни, „силы восходятъ и нисходятъ, взаимно подавая другъ другу золотые сосуды“.

Итакъ, живи во всю, живая тварь, развивай зародыши всѣхъ силъ, вложенныхъ въ тебя природой; въ этомъ—не только наслажденіе, но и заслуга. Разъ внѣ жизни нѣтъ ничего, то законъ жизни остается единственнымъ обязательнымъ для насъ закономъ, единственнымъ мѣриломъ, дающимъ намъ познать цѣнность всего, что окружаетъ насъ; хорошо все то, что способствуетъ осуществленію жизни. Хороша дѣятельность, но дѣятельность полная, всесторонняя, затрогивающая и призывающая къ жизни по возможности всѣ части нашего существа: хорошо напряженіе этой дѣятельности, дѣлающее человѣка героемъ, когда жизнь бурной волной разливается по жиламъ, когда чувствуешь, что все полно тобою и ты полонъ всѣмъ, когда все прошлое, все настоящее сливаются въ одинъ упоительный мигъ; хороши страсти, ведущія къ этому торжеству—и отвага, и гнѣвъ, и любовь... особенно любовь. Тутъ законъ жизни дѣйствуетъ

съ удвоенной силой; природа, озабоченная сохраненіемъ и развитіемъ породы и впѣ предѣловъ существованія особи, окружила всѣми чарами, которыя были въ ея власти, моментъ этой передачи, этой излучины жизни. Она хотѣла, чтобы всѣ стремились къ этому высшему наслажденію чувствъ, такъ какъ только при этомъ всеобщемъ стремленіи возможно всеобщее соревнованіе и побѣда совершеннѣйшихъ, при чемъ совершается передача достоинствъ, а съ этимъ—постепенное совершенствованіе породы, высшее осуществленіе закона жизни.

Такова религія сатаны.

И вдругъ золотая цѣпь, сдерживавшая въ предѣлахъ видимости нравственный макрокосмъ, разрывается; чья-то таинственная рука направляетъ ея отдѣленные другъ отъ друга концы куда-то внѣ пространства, въ невидимый, невѣдомый міръ; чье-то властное слово свергаетъ законъ жизни съ того престола, откуда сатана одинаково управлялъ и физической, и нравственной природой. Отнынѣ гармонія мірозданія нарушена; нравственный макрокосмъ пересталъ быть реверсомъ физическаго; ихъ силы, дѣйствовавшія до тѣхъ поръ въ одномъ направленіи, отнынѣ обращены другъ противъ друга. Что прежде называлось жизнью, теперь было объявлено смертью, и ему была противопоставлена другая—истинная, настоящая жизнь; пути же къ достиженію этой новой жизни были прямо противоположны тѣмъ, по которымъ осуществлялась жизнь религіи витализма. Требовалась не дѣятельность, а созерцаніе; не пылкое стремленіе, а отреченіе и лишеніе; не страсть, а смиренная кротость; не любовь, а...

Любовь!.. что дѣлать, мы по неволѣ путаемся въ терминологіи, такъ какъ нашъ языкъ въ своей эволюціи не сопровождалъ перехода отъ религіи сатаны къ религіи Христа. Но древніе христіане знали, что дѣлали, когда они новому принципу *христіанской* любви, въ противоположность къ сверженному *amor*, дали имя *caritas*—и намъ ничего не остается, какъ послѣдовать за ними. Можемъ даже идти дальше, и, въ виду того, что это послѣднее понятіе получило свое наибольшее развитіе въ средніе вѣка,—принять и знаменующее его слово въ его средневѣковой формѣ. Кто видѣлъ въ Италіи, наканунѣ праздника св. Франциска, это слово: „Charitas“, пылающимъ огненными буквами на храмахъ этого восторженнаго проповѣдника христіанской любви, тотъ пойметъ и одобритъ предпочтеніе, которое ему отдается въ Италіи.

Amor выдѣляетъ и возвышаетъ однихъ на счетъ остальныхъ; *charitas* уравниваетъ всѣхъ, подводя ихъ подъ общее понятіе:

„ближній“. Дифференціація душъ, естественная въ обычной жизни, стала теперь немыслимой: было бы верхомъ нечестія допустить, что у труженика и страдальца душа менѣе чуткая, чѣмъ у какого-нибудь баловня природы и судьбы. А при равенствѣ знаменателей неравенство числителей оказалось явной и вопіющей несправедливостью: очевидно, нравственное равновѣсіе, нарушаемое *здѣсь*, возстановляется *тамъ*: очевидно, всякое горе, всякое лишеніе *здѣсь*—будетъ возмѣщено *тамъ*. Итакъ, бѣги отъ жизни и ея радостей, безсмертная душа: чѣмъ болѣе ты будешь смирять и карать себя *здѣсь*, тѣмъ богаче, тѣмъ роскошнѣе станетъ сокровище, которое тебѣ будетъ предоставлено *тамъ*.

А наслѣдственность, а порода?.. Но законъ жизни въ физическомъ мірѣ неумолимъ: при новыхъ условіяхъ, все это должно мельчать и слабѣть. Колесу эволюціи данъ обратный ходъ; мы должны вернуться къ началу, къ первобытному хаосу. Отецъ жизни, сатана, это знаетъ: въ провозглашеніи принципа *charitas*, въ сверженіи закона жизни, онъ видитъ замыселъ Всевышняго разрушить его твореніе, вернуть то, что было раньше. „Въ теченіе трехъ тысячелѣтій,—говоритъ онъ,—таилъ Онъ свое недовольство; но теперь Онъ—въ гнѣвѣ за то, что моя любовь призвала къ бытію то, что Онъ жестоко осудилъ на вѣчный сонъ,—разлилъ клокочущій варъ броженія на землю. Съ тѣхъ поръ какъ Онъ стоналъ и дрожалъ на Голгоѳѣ, червь точитъ плоды великаго дерева, чума разъѣдаетъ суставы крѣпко сложеннаго тѣла, мое безсмертное благочувствіе отравлено. Вѣдь очи монхъ людей—вотъ тѣ чаши, къ которымъ все живое поднимаетъ, съ жаждой освѣженія, свои высохшія уста; къ нимъ я направилъ всѣхъ гостей моей трапезы. А Онъ... заслонилъ туманомъ ясные, веселые взоры, съ тончайшимъ коварствомъ увлекая несчастныхъ въ безсущное, въ непзслѣдимое. Но къ чему нёбо, если ему нельзя услаждаться? Къ чему ухо среди поста молчанія? Какая польза въ рукѣ и ногѣ при вялой неподвижности? что проку въ глазахъ, которыхъ не радуютъ цвѣта? И вотъ они, одаренные чувствами, нервами, кровью, духомъ—силятся презрѣть эти мои дары: о, нечестиво самоубійственное стремленіе! о, бѣшенство, разрушающее самый родникъ жизни! Дай имъ только, подъ властью безцѣльной тоски, изпыть въ своихъ тщетныхъ заботахъ—и умретъ весна, осень, лѣто, вечеръ, утро, не вдохновляемыя болѣе хвалою людей; вся природа погаснетъ въ страданіяхъ смерти. Тогда Онъ достигнетъ того, чего хотѣлъ; овладѣетъ тѣмъ, что мое—тогда Онъ опять съ хаосомъ наединѣ!“

Вотъ причина трагической грусти деміурга—той грусти, ко-

торая даже его ближайшимъ подданнымъ непонятна. Сладкое слово *charitas*, видно, глубоко запало въ душу человѣчеству, когда даже Люциферъ не можетъ противостоять его чарамъ.— „Да, это такъ,—говоритъ онъ,—таинственный вѣтерокъ ласкающаго разложенія проносится надъ землей; съ свѣжей, доброй, кроткой улыбкой заключаютъ они свой новый союзъ. Прежніе ликующіе напѣвы выростаютъ въ гимны торжественныхъ славословій; камни, и тѣ восчувствовали желаніе легко воспрянуть къ небесамъ. Порталъ вытягивается въ сводчатый проходъ, чтобы услышать исходящую свыше сладкую вѣсть; низкая колонна выростаетъ въ стройный стволъ и несетъ, точно дерево, гранитные цвѣты и плоды“... Но сатана недоступенъ этой чувствительности; раздающееся вдали церковное пѣніе звучитъ для него похоронной пѣснью всему тому, что онъ призвалъ къ жизни, всему прекрасному и сильному, что было при немъ и чему долѣе не бывать. „О, земля, дочь моего пламени, ты ли изольешь въ стонъ всю твою жизнь? О, юный пылъ, о, буйное веселье, о, нагія тѣла, о, дерзкое искусство, о, мощный кличъ богатырскаго гнѣва, о, прекрасная и въ смерти царственно-грозная отвага,—все изстрадалось въ безсмысленномъ плачѣ, въ тупо-святошескомъ унынін!“

Вотъ обстановка, вотъ настроеніе, въ которомъ созрѣваетъ мысль—послѣдовать примѣру Всевышняго, и, ради спасенія закона жизни, дать гибнущему міру антихриста.

IV.

„Что такое Грааль?“—спрашиваетъ Плацидъ своего молодого учителя въ той сценѣ, гдѣ тотъ выясняетъ ему двойную сущность Крови Господней. И мы должны поставить здѣсь этотъ вопросъ,—но не съ тѣмъ, чтобы отвѣтить на него съ точки зрѣнія наивной легенды.

Въ то время, когда двери Монсальвата уже раскрылись передъ Лоэнгриномъ, въ его сердце закрадывается сомнѣніе, не дающее ему переступить порогъ храма. „Подлинно ли я избранъ?“—спрашиваетъ онъ:—„вѣдь то, что во мнѣ есть—самое обычное дарованіе“. Но тотчасъ его умъ проясняется, ему совѣстно своихъ сомнѣній: „чѣмъ была бы святость, если бы до нея можно было дослужиться? чѣмъ была бы безконечность, если бы конечное могло достигнуть ея на крыльяхъ желанія? Нѣтъ, надо мною тяготѣетъ неотвратимость, стальныя цѣпи охватываютъ меня. Дѣяніе человѣка, единственно отличимое,

это—*сознавать себя въ состояніи избраннаго*".—„Да, Лоэнгринъ, —отвѣчаютъ ему:—жалкая хитрость (Schelmenlist), учащая, что можно купить высшее сокровище за грошъ, называемый добродѣтелью, у насъ въ загонѣ... Но и это у насъ въ такой же мѣрѣ считается жалкою хитростью, какъ если бы кто думалъ, что путемъ отреченія и страданій онъ можетъ обрѣсть святой Грааль... Нѣтъ! Грааль — таинство, ниспосланный даръ. Теперь только, когда ему открылась сущность этого таинства, ему дозволяютъ прочесть надпись надъ порталомъ храма: она гласитъ: „Я основалъ себя по собственному праву: напрасно ищете вы меня. Тотъ путникъ, который находитъ мою обитель—того искалъ я".

По этимъ словамъ мы легко узнаемъ, что̀ такое Грааль и какая его роль въ трагедіи вѣры; Грааль, это—*благодать*, единственное условіе оправданія и спасенія для христіанина. Да, единственное; рядомъ съ нимъ нѣтъ другого: заслуга, какъ въ ея положительныхъ проявленіяхъ („добродѣтель"), такъ и въ отрицательныхъ („отреченіе и лишенія"), рѣшительно отвергается: цѣна ей—„грошъ", и только „жалкая хитрость" можетъ соображать, что за этотъ „грошъ" ей удастся купить спасеніе. — Но чѣмъ же можно удостоиться этой благодати? — Ничѣмъ: она всецѣло въ рукахъ Того, Кто ее ниспосылаетъ избраннымъ. Человѣкъ ничѣмъ не въ состояніи содѣйствовать достиженію этой благодати и, слѣдовательно,—своему спасенію; во-первыхъ, потому, что всѣ средства, которыми онъ располагаетъ, ничтожны въ сравненіи съ величіемъ предмета его желанія; во-вторыхъ, потому, что такая открытая человѣку возможность *заслужить* свое спасеніе была бы ограниченіемъ правъ Всевышняго—даровать его своимъ избранникамъ по своему собственному произволу. Нѣтъ, человѣкъ долженъ отказаться отъ всякой мысли о томъ, будто онъ своими дѣлами можетъ снискать расположеніе своего Творца: его единственное дѣло, это—„чувствовать себя въ состояніи избраннаго"; его оправдываетъ только вѣра—и болѣе ничего.

Ученіе о всемогущей и самодовлѣющей благодати, какъ извѣстно, едва было затронуто восточной церковью, занимавшеюся почти исключительно космогоническими и христологическими вопросами; зато на Западѣ, гдѣ еще жилъ юридическій духъ древняго Рима, отношеніе человѣка къ Творцу было главнымъ предметомъ всеобщаго вниманія. Всѣхъ волновало соотношеніе обоихъ путей, представляющихся къ спасенію: opera meritoria—со стороны человѣка, и gratia gratis data—со стороны Бога; первымъ, рѣшительно высказавшимся въ пользу исключительнаго значенія второго, былъ великій Августинъ; все это ученіе, потому,

носитъ названіе августинизма. Его послѣдствія были очень серьезны; вѣдь если человѣкъ никакими своими дѣяніями не можетъ измѣнить въ ту или другую сторону движеніе Божьей благодати, то это значитъ, что Богъ еще заранѣе, еще до ихъ рожденія, намѣтилъ и избранныхъ, и отверженныхъ (praedestinati); но если такъ, то гдѣ же справедливость?—Гдѣ справедливость? Справедливость требовала бы, чтобы вся человѣческая порода была обречена на гибель, такъ какъ она вся, какъ „massa perditionis“, заслуживаетъ ее; если же Богу въ его неисповѣдимой милости угодно добрую часть ея, по собственному выбору, спасти и удостоить высшаго блаженства, то кто осмѣлится видѣть тутъ нарушеніе справедливости?—Но гдѣ первый принципъ христіанской нравственности, гдѣ charitas? Въ чемъ ея смыслъ, если она не можетъ содѣйствовать спасенію ближняго отъ угрожающей ему гибели? — Charitas измѣняетъ свое направленіе; отъ существа она переносится на Творца, являясь заслуженною благодарностью Ему за дарованную благодать; она естественно сопровождаетъ то чувство, которое признается единственнымъ отличительнымъ дѣяніемъ избранника.

Ученіе Августина, признанное въ принципѣ церковью, неоднократно возобновлялось съ большей или меньшей послѣдовательностью въ теченіе среднихъ вѣковъ; окончательно его возстановила реформація—.Лютеръ и особенно Кальвинъ. Иммерману, какъ протестанту, христіанство Лютера естественно должно было представляться самой чистой и высокой формой христіанства; и мы, съ извѣстной точки зрѣнія, имѣли бы право сказать, что религія Грааля—это христіанство, какъ его поняли и изобразили реформаторы. Дѣйствительно, когда собесѣдникъ Лоэнгрина, объявивъ человѣческую добродѣтель, какъ залогъ благодати, „жалкою хитростью“, продолжаетъ такимъ образомъ: „въ Монсальватѣ ты встрѣтишь бойкую, дерзкую молодежь; въ Монсальватѣ водятся отважные грѣшники (kühne Sünder)—Амфортасъ, Сигуна, отдающіеся суетнымъ страстямъ“,—то трудно не вспомнить о томъ афоризмѣ, въ которомъ католическая Германія сосредоточила этику Лютера: glaubt an Gott und sündigt tapfer! Все же нѣкоторыя оговорки необходимы—въ виду слѣдующей сцены, которую можно бы назвать „видѣніемъ Лоэнгрина“.

...„Вотъ храмъ наполняютъ небесные образы, рѣющіе подъ поясами сводовъ; архангелы, власти, начала, престолы спускаются на лучахъ вдоль колоннъ, вѣнчая голову Богоматери. Она, чистая, отдыхаетъ на золотомъ тронѣ, вся углубленная въ

Младенца, давящаго своей ручкой змѣя смерти. Со всѣхъ сторонъ подходятъ святые, радостно указывая на раны, которыми людскія пытки ихъ одарили; такъ, Севастьянъ—при высшемъ страданіи, въ нѣгѣ возрожденія!—вѣчно умираетъ сладкою смертью; о, онъ постигъ крайнюю глубину сладострастія! Маленькіе ангелы прилетаютъ и играютъ крестомъ, чашей, терніями, столбомъ и бичомъ, добывшимъ ту кровь. И какъ вѣтеръ съ запада шумитъ въ спѣломъ житѣ, такъ шумитъ, гремитъ, бушуетъ въ морѣ любви органъ съ страстными порывами своихъ звуковъ. Гдѣ же печаль? — Она умерла отъ блаженства любви! — Морщина? — Ее сгладила рука любви! — Тѣнь? — Ее разогналъ свѣтъ любви: да, въ радости, юности, ясности ликуетъ любовь!"

Это уже, конечно, не Лютеръ; да, но и не Августинъ. Мы узнаёмъ по этимъ чертамъ средневѣковой августинизмъ, отразившійся и на искусствѣ, которое, вѣроятно, ближайшимъ образомъ вдохновило поэта,—тотъ августинизмъ, проповѣдникомъ котораго былъ Augustinus redivivus двѣнадцатаго вѣка, св. Бернардъ, „отецъ средневѣковой созерцательности" (contemplatio), какъ его называютъ, съ ея лирической, почти чувственной экзальтаціей при углубленіи въ страданія и раны Христа и съ обусловленнымъ ею пышнымъ расцвѣтомъ „божьей любви". Быть можетъ, на нашего поэта тутъ оказали вліяніе и нѣкоторыя явленія внутри лютеранства его эпохи, близкія по своему характеру къ мистической экзальтаціи св. Бернарда (онъ самъ ихъ описалъ въ своихъ „Эпигонахъ"): быть можетъ, онъ думалъ и объ янсенистахъ съ ихъ мистическимъ августинизмомъ: какъ бы то ни было, мы благодарны ему, что онъ освободилъ религіозныя концепціи своей драмы отъ узкихъ рамокъ конфессіонализма.

Насъ здѣсь интересуетъ другой вопросъ: нетрудно замѣтить, что то христіанство, выразителемъ и символомъ котораго является Грааль, далеко не тожественно съ тѣмъ, которое вызвало гнѣвъ и отчаяніе сатаны и породило въ немъ желаніе создать антихриста. Дѣйствительно, тамъ требовались отреченія и лишенія, долженствующія добыть для христіанина, взамѣнъ пожертвованныхъ имъ земныхъ благъ, вѣчное сокровище въ небесахъ—здѣсь это отреченіе, эти лишенія являются „жалкой хитростью"; тамъ мы имѣемъ равенство людей, какъ ближнихъ, подъ цвѣтомъ всеобъемлющей charitas, побѣдившей дифференцирующій языческій amor—здѣсь сохранено лишь слово charitas, понимается же подъ нимъ любовь къ Богу, какъ благодарность за лично испытанную дифференцирующую благодать; тамъ „все изстрадалось въ безсильномъ плачѣ, въ тупомъ святошескомъ унынии"—здѣсь „въ

радости, юности, ясности ликуетъ любовь". Отмѣтимъ здѣсь это несоотвѣтствіе—объяснять его еще не мѣсто, такъ какъ имъ главнымъ образомъ обусловливается эволюція вѣры въ душѣ самого Мерлина, о которой придется говорить ниже,—но установимъ вмѣстѣ съ тѣмъ фактъ, что христіанство Грааля не менѣе, а гораздо болѣе враждебно религіи сатаны, чѣмъ то, которое привело его въ ярость, когда онъ съ сирійскихъ скалъ смотрѣлъ на зачатіе новой вѣры въ долинѣ Іордана. То раннее христіанство—о немъ рѣчь будетъ тотчасъ—въ одномъ сходилось съ витализмомъ сатаны: оно признавало *дѣятельность* человѣка его главной заслугой, признавало соревнованіе въ этой дѣятельности. Положимъ, этой дѣятельности было указано другое и даже противоположное прежнему направленіе, колесу былъ данъ, какъ мы сказали выше, обратный ходъ; все-же, оно не было остановлено, движущаяся имъ сила не была разрушена, такъ что будущему поборнику замысловъ сатаны достаточно было вторично измѣнить направленіе движенія; это, спѣшимъ замѣтить, не конструкція, а прямой выводъ изъ неоспоримыхъ историческихъ фактовъ, какъ это подтвердитъ всякій, кто знакомъ съ исторіей церкви. Здѣсь не то. Вся дѣятельность, какова бы она ни была, объявлена безцѣльной и безплодной; пускай ученіе о предопредѣленіи войдетъ въ плоть и кровь вѣрующихъ—и результатомъ будетъ повсемѣстный квіетизмъ, ставящій чувства и настроенія на мѣсто дѣяній. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, дѣйствовать? Всѣ наши поступки лишены всякой цѣнности, поскольку они исходятъ не отъ Божьей благодати, а отъ нашей свободной воли. Да у насъ ея и нѣтъ, этой свободной воли — praedestinatio устраняетъ liberum arbitrium. Ты согрѣшилъ—не кручинься: во-первыхъ, ты не могъ не согрѣшить, и стало быть не отвѣтственъ; а во-вторыхъ, твой грѣхъ не вычеркнетъ тебя изъ книги благодати, если ты въ ней стоишь; а если не стоишь, то не все ли равно?

Никогда церковь не признавала ученія о самодовлѣющей благодати, о предопредѣленіи и объ отсутствіи свободной воли въ той строго послѣдовательной формѣ, въ которой оно по временамъ излагалось въ богословскихъ сочиненіяхъ; всегда требованія практической нравственности сглаживали рѣзкости теологической теоріи. Но въ „трагедіи вѣры" движущіе принципы должны быть выставлены во всей своей неумолимой чистотѣ—и съ этой точки зрѣнія нашъ поэтъ вполнѣ правъ.

Мы видѣли, какъ у самаго порога Монсальвата внезапное открытіе истины вызвало въ душѣ Лоэнгрина то торжественное

настроеніе, въ которомъ всѣ страданія и несовершенства казались ему снесенными и залитыми могучимъ потокомъ Божьей любви; но вотъ за кратковременной экзальтаціей послѣдовали долгія скитанія по землѣ—и Лоэнгринъ извѣрился въ дѣйствительности той вѣсти о Граалѣ, которую онъ долженъ былъ принести людямъ. Онъ увидѣлъ во-очію всю ту „massa perditionis", въ отверженіи которой его религія приказываетъ ему видѣть актъ высшей божеской справедливости; и эта „massa perditionis" обнимала все, что только было „совершеннаго, прекраснаго, несравненнаго на землѣ". Такъ и Меланхтонъ, съ страстнымъ увлеченіемъ неофита примкнувшій къ Лютеру, отшатнулся отъ него въ вопросѣ о предопредѣленіи и „порабощеніи воли" (servum arbitrium).

Но иначе представляется религія Грааля тому, кто смотритъ на нее извнѣ глазами разума—иначе тому, кто (подобно Августину и нѣкоторымъ августинцамъ, съ Лютеромъ включительно) дошелъ до нея путемъ внутренняго переживанія, послѣ долгихъ и томительныхъ сомнѣній, кому она явилась непосредственной увѣренностью въ спасеніи, исполненіемъ августинской молитвы: die animae meae: „salus tua Ego sum!" Носителемъ *этого* аспекта религіи Грааля поэтъ вывелъ Титуреля. Вотъ какъ поетъ о немъ менестрель при дворѣ короля Артуса (читатели легко найдутъ въ его пѣснѣ родственность настроенія съ однимъ очень извѣстнымъ стихотвореніемъ Лермонтова, но и помимо того справедливость требуетъ, чтобы въ изложеніи религіи Грааля не была забыта та ея сторона, въ которой заключается ея главная, ея лучшая сила):

„Нѣкогда въ Землѣ Спасенія (Salva Terra) услышалъ Перциллъ чудные звуки; они раздавались не на землѣ—они раздавались съ небесныхъ высотъ.

„То не были слова, которыя можно бы было понять; Перциллу стало грустно съ этой самой минуты.

„Онъ повѣрилъ эту вѣсть, умирая, своему сыну; тотъ качалъ на колѣняхъ прекраснаго, милаго младенца.

„И когда малолѣтній Титурель услышалъ изъ устъ дѣда о пѣснѣ въ Землѣ Спасенія—его умъ омрачился.

„Онъ спрыгнулъ внезапно съ колѣнъ отца и пустился бѣжать, томимый тоской, по всей землѣ.

„Онъ все прислушивался, не раздастся ли гдѣ-либо эта пѣснь, и вздыхалъ, что она все еще ему не звучитъ.

„Титурель уже выросъ изъ своего дѣтскаго платья; въ поискахъ обходитъ землю доблестный юноша.

„Уже сходятъ свѣжесть и румянецъ съ молодыхъ нѣкогда щекъ; въ поискахъ обходитъ землю старѣющій Титурель.

„Съ морщинами на челѣ, съ сѣдыми, рѣдѣющими волосами падаетъ въ отчаяніи среди пустыни старикъ.

„И вотъ спускаются съ неба четыре ясныхъ какъ серебро ангела, неся въ своихъ рукахъ святую чашу.

„И снова раздалось чудное пѣніе, нѣкогда услышанное дѣдомъ,—то пѣніе, ради котораго пошелъ странствовать благочестивый внукъ.

„И на чашѣ запылали огненными знаками письмена; вотъ что возвѣстилъ своимъ пламенемъ трижды священный Грааль:

„Тебя, Титурель, избралъ я своимъ пѣстуномъ; ты построишь мнѣ храмъ и назовешь его Монсальватомъ“.

Такъ и Августинъ, въ поискахъ за чудными звуками, зароненными въ его душу его благочестивою матерью Моникою, долго скитался по пустынямъ неоплатонизма и манихеизма, пока они ему не раздались вновь изъ устъ Амвросія; исповѣдь Августина—вотъ толкованіе символовъ, заключающихся въ краткой легендѣ о Титурелѣ. Только тотъ, кто путемъ внутренняго перерожденія проникся религіей Грааля, можетъ судить объ ея абсолютной цѣнности: остальные могутъ говорить объ ея культурномъ значеніи, но должны воздерживаться отъ всякихъ сужденій о томъ, чѣмъ она была и еще можетъ быть для своихъ адептовъ.

V.

Религія сатаны, т.-е. законъ жизни, и религія Грааля, т.-е. произволъ благодати, представляютъ собой оба полюса, между которыми и подъ вліяніемъ которыхъ движется олицетворенная въ Мерлинѣ религіозная идея. Но кромѣ этихъ двухъ концепцій возможны еще другія; ихъ носителями являются другія выступающія въ трагедіи лица—Плацидъ, Кандида, Артусъ, Клингзоръ. Всѣ они, будучи очень непохожи другъ на друга, составляютъ, тѣмъ не менѣе, одну группу, рѣзко отличную отъ тѣхъ двухъ принциповъ, о которыхъ рѣчь была выше: тѣ восторжествовали надъ Мерлиномъ, оставшись неприкосновенными послѣ его паденія—эти, напротивъ, такъ или иначе переходятъ въ Мерлина, подготовляя его и преклоняясь передъ нимъ.

Это касается, прежде всего, той формы христіанства, представителемъ которой выведенъ Плацидъ.

Мы встрѣчаемъ его впервые въ разговорѣ съ Кандидой—

разговорѣ, напоминающемъ отчасти сцену въ Чудовомъ монастырѣ у Пушкина. Только тутъ собесѣдники помѣнялись ролями. Стремленіе Кандиды къ отшельнической жизни не нравится Плациду. „Отчего же ты самъ, мой отецъ, посвятилъ себя строгому одиночеству?—спрашиваетъ та. Онъ отвѣчаетъ указаніемъ на ихъ различный возрастъ, и затѣмъ продолжаетъ:—„Старому воину добыли право на покой его раны, трудно поддававшіяся леченію; морщины на моемъ лбу—вотъ рубцы ранъ, полученныхъ мною во многихъ бояхъ".—„Развѣ тебѣ жилось такъ дурно?—спрашиваетъ Кандида".—„Оставь это, дитя мое,—отвѣчаетъ онъ,—это—дѣла прошлаго". Но въ этомъ онъ ошибается: прошлое не хочетъ умирать. Въ ту тревожную ночь, во время которой совершается „великое дѣло мрака", она опять навѣщаетъ Плацида. „Мой сонъ былъ неспокоенъ,—жалуется онъ на слѣдующее утро:—мнѣ снились горестныя событія моей молодости, и старая вина, давно поблекшая, грозно подняла руку противъ меня. Вотъ я и наказанъ; какъ строго бранилъ я эту бѣдную дѣвушку (объ этомъ ниже), вмѣсто того, чтобы въ духовной бесѣдѣ провести съ нею ночь и кротко возжечь въ ея сердцѣ кроткій свѣтъ покаянія! Да, вотъ каковы мы: мы радостно мнимъ себя уже на горѣ, а между тѣмъ наше высшее, наше лучшее дѣяніе—это постоянное, тяжелое восхожденіе".

Какъ понятно, какъ близко намъ все это! Очевидно, мы имѣемъ здѣсь раннюю форму христіанства—ту самую, противъ которой такъ яростно возсталъ сатана. Сознаніе человѣкомъ своей грѣховности и жажда покаянія—вотъ первыя, самыя дѣйствительныя силы, создавшія христіанскія общины: „покайтесь и примите крещеніе, ибо царствіе Господне близится",—таковъ былъ кличъ, уготовившій путь Господу. И нѣтъ возможности сомнѣваться, что религія покаянія, которую мы имѣемъ здѣсь—самая дѣйствительная, самая захватывающая форма откровенія человѣку высшаго нравственнаго начала, руководящаго его жизнью, а съ нимъ и Бога. Таковъ смыслъ притчи о блудномъ сынѣ; таковы много разъ повторяющіеся примѣры въ исторіи обращеній и религіозныхъ подвиговъ; таковы и выводы практической психологіи. Не на ясномъ голубомъ небѣ, нѣтъ—на мрачныхъ, грозовыхъ тучахъ появляется радуга, этотъ древній символъ примиренія Бога съ человѣкомъ: такъ и въ душевномъ мірѣ свѣтъ вѣры загорается на темномъ фонѣ грѣха. Не таинственную Божью благодать, не неописуемое райское блаженство сулили проповѣдники христіанства внимавшей имъ толпѣ: чарую-

щей силой, привлекавшей къ нимъ сердца, было „отпущеніе грѣховъ“.

Но чѣмъ очевиднѣе этотъ фактъ, тѣмъ двусмысленнѣе и соблазнительнѣе положеніе, занимаемое въ религіи покаянія грѣхомъ. Съ одной стороны, грѣхъ—зло, отдаляющее человѣческую душу отъ Творца; но, съ другой стороны, онъ—единственное условіе покаянія и, слѣдовательно, примиренія съ Творцомъ. Удивительно ли, что съ этой послѣдней точки зрѣнія грѣхъ показался однажды... выразимся осторожно: чѣмъ-то въ родѣ добра? Это не конструкція; Тертулліанъ, этотъ великій парадоксистъ среди христіанскихъ апологетовъ, имѣлъ смѣлость объявить грѣхъ заслугой: „peccando promeremur!“—сказалъ онъ съ той неподражаемой эффектной краткостью, которая свойственно его рѣчи; „не согрѣшишь—не покаешься, не покаешься—не спасешься“, твердили, много вѣковъ спустя, оедосѣевцы. Положимъ, есть средство избѣгнуть этого соблазна,—и церковь не замедлила имъ воспользоваться. Нѣтъ надобности опасаться, какъ бы въ религіи покаянія грѣшникъ не оказался въ лучшемъ положеніи, чѣмъ нетронутый грѣхомъ человѣкъ: всѣ мы грѣшники. И дѣйствительно, въ области разсужденій затрудненіе устраняется довольно легко; но наша совѣсть дѣлаетъ строгое различіе между настоящими грѣхами, ложащимися на нее тяжелымъ бременемъ и взывающими о примиреніи, и такими, въ силу которыхъ мы всѣ безъ особаго безпокойства чувствуемъ или, вѣрнѣе, называемъ себя грѣшниками.

Въ этомъ заключается тайное противорѣчіе религіи Плацида и вмѣстѣ съ тѣмъ причина ея недолговѣчности. Покаяніе (мы говоримъ о настоящемъ покаяніи), пароксизмъ, мощное сотрясеніе нашего нравственнаго организма,—какъ финалъ жизни, оно безукоризненно и ничего болѣе не требуетъ. Но если оправданному грѣшнику говорятъ: „иди и не грѣши“,—то предстоящая ему дальнѣйшая жизнь, дальнѣйшія его отношенія къ Богу, уже не укладываются въ рамки религіи покаянія. Это касается не только отдѣльнаго человѣка, но и всего человѣчества; и для него наступило, послѣ первыхъ восторженныхъ десятилѣтій, время, когда оно извѣрилось въ непосредственно предстоящемъ концѣ міра и пришествія царствія Господня, когда религіей, облюбованной въ виду ожидаемой скорой смерти, пришлось воспользоваться какъ орудіемъ для жизни. Тогда и произошелъ кризисъ.

Плациду не суждено было обрѣсть покой въ пустынѣ, куда онъ, какъ кающійся, удалился, въ ожиданіи скорой кончины; его

увлекъ за собой Мерлинъ. „Гдѣ исходъ,—жалуется онъ,—изъ этого лабиринта? Гдѣ истина? Гдѣ начинается заблужденіе? Я думалъ, что нить моей жизни уже мирно доведена до конца; и вдругъ непонятное мнѣ чудо опять вырываетъ меня изъ полумрака моей обители на свѣтъ дня! Такъ птица вечеромъ скрывается подъ уступомъ стѣны, чтобы тамъ заснуть; но жестокая буря ее изгоняетъ изъ ея убѣжища и бросаетъ на встрѣчу порывамъ и ливнямъ грозы". Онъ и любитъ своего таинственнаго питомца, самъ не зная почему, и ненавидитъ его, какъ разрушившаго прежній идеалъ его жизни. „Мнѣ хочется подчасъ,—говоритъ онъ ему,—прогнать тебя суровымъ проклятіемъ: но я чувствую, что это было бы для меня величайшимъ горемъ. Ты стоилъ мнѣ многихъ заботъ и трудовъ; все-же, мнѣ было бы лучше, еслибы я умеръ, не увидѣвъ тебя".

Отнынѣ Плацида, какъ самостоятельнаго типа, уже нѣтъ; онъ перешелъ въ Мерлина и раздѣляетъ его судьбу. Религія покаянія растворилась въ другой, болѣе широкой и могучей; въ какой, именно,—это покажетъ дальнѣйшее.

VI.

„Что за новое зрѣлище! Къ старику подходитъ кроткая, молодая дѣва, прекраснѣйшая изъ всѣхъ, которыхъ я видѣлъ когда-либо въ своихъ странствованіяхъ. На ея челѣ такое сіяніе невинности, что мнѣ почти стыдно своего; золотыя кудри озаряютъ ласковымъ свѣтомъ ея свѣжее, румяное личико"... Таковы слова Люцифера при появленіи Кандиды, и сатана ихъ подтверждаетъ: „въ красотѣ съ нею ни одна не сравнится, но ея лучшее украшеніе—чистота: ни одно сновидѣніе еще не коснулось ея".

Итакъ, передъ нами невинная, безгрѣшная душа; чѣмъ можетъ быть для нея религія покаянія? что можетъ ей дать кающійся грѣшникъ Плацидъ, котораго она навѣщаетъ въ его пустынѣ? Тревожные вопросы, которые пришлось возбудить въ предъидущей главѣ, возникаютъ вторично по отношенію къ Кандидѣ, и успокоительнаго отвѣта на нихъ нѣтъ. Напротивъ, соблазнъ только усиливается; выходитъ, что какъ грѣхъ ведетъ къ покаянію и, слѣдовательно, къ спасенію, такъ чистота ведетъ къ гордынѣ и, слѣдовательно, къ гибели.

Да, Кандида чиста, и съ этой своей чистотой она носится какъ съ новымъ платьемъ: боясь испортить ее малѣйшимъ пят-

нышкомъ, она уходитъ изъ дому, въ пустыню. Ея отецъ созвалъ на этотъ вечеръ гостей; правда, это народъ хорошій, хотя и веселый, но она его не выноситъ; когда старикъ Плацидъ находитъ эту мнительность преувеличенною, она уподобляетъ себя улиткѣ, содрогающейся при малѣйшемъ прикосновеніи. По ея просьбѣ, онъ уходитъ въ сосѣднюю пещеру приготовить ей постель изъ мха и травы; она остается одна среди лилій его садика. „Ахъ, еслибы и я,—вздыхаетъ она,—колыхаясь на стебелькѣ легкимъ, воздушнымъ цвѣткомъ, могла прожить такъ, чтобы моя нога не попирала болѣе жесткой, кремнистой земли, чтобы мои очи болѣе не смотрѣли на забаву и боль, на радость и горе!“

Въ этомъ настроеніи ее застаетъ сатана и объявляетъ ей о своихъ замыслахъ. Она испугана его появленіемъ гораздо болѣе, чѣмъ его словами, которыхъ она, въ своей невинности, не поняла, но тотчасъ послѣ его ухода ее осѣняетъ мысль: „Такъ точно вѣдь и къ Іисусу Христу приходилъ искуситель!“ Все выше и выше уносится она въ своихъ мечтахъ, какъ чистая дѣва; „дѣвственница, — говоритъ она Плациду. — стоитъ подъ охраной вышнихъ силъ; вотъ что возбуждаетъ безсильную ярость предвѣчнаго зла. Пророчества исходятъ изъ устъ дѣвственницы; не тонетъ та ладья, что ее везетъ; грѣшникамъ, съ которыми говоритъ она, даруется прощеніе!“—„Молись лучше сама, чтобы Богъ тебя простилъ,—строго отвѣчаетъ ей Плацидъ:—все наше достояніе дано намъ въ пользованіе; если мы будемъ обращаться съ нимъ какъ со своей собственностью, то истинный собственникъ дастъ знать о себѣ“. Сатана ликуетъ: „Да,—говоритъ онъ, притворяясь на минуту библейскимъ сатаной:—грѣхи причиняютъ мнѣ не мало хлопотъ, зато чистѣйшая чистота—для меня лишь игрушка“. Этимъ парадоксъ еще разъ подтверждается.

Заключительную сцену пролога—сцену отчаянія Кандиды послѣ роковой ночи—приведемъ въ переводѣ цѣликомъ. По мнѣнію Кинкеля, ученаго и поэта, „эти стихи принадлежатъ къ самымъ сильнымъ, которые когда-либо написала рука стихотворца“; во всякомъ случаѣ это—одно изъ лучшихъ мѣстъ нашей трагедіи:

Плацидъ.—Что случилось?

Кандида.—Не знаю! Но ты, ты знай вотъ что: эта земля не изъ земли—эта почва изъ хрусталя, и я вижу все насквозь, до самой пропасти. И сидитъ тамъ могучій исполинъ на престолѣ, воздвигнутомъ изъ горестей, среди вѣчной поляны муче-

ній; и мрачные богатыри сидятъ кругомъ на креслахъ и скамьяхъ, и адъ поетъ своему царю торжественную хвалебную пѣснь. Я вижу: стѣна возвышается изъ тысячелѣтнихъ грѣховъ; тамъ вѣютъ несмѣтные вздохи, не смогшіе обрѣсть покоя. И рѣка ужасовъ окружаетъ эту роскошную обитель; а за нею разстилаются въ безконечность гнѣзда нерожденныхъ еще грѣховъ. Твои проступки, старый лицемѣръ, тоже обогащаютъ сокровищницу ада; я вижу ихъ, и ты долженъ мнѣ вѣрить; та, что тебѣ это говоритъ—сама уже падшая. Зачѣмъ несешь ты эти лиліи? Мертвенные лики фурій, вы смѣетесь надо мною! Я растопчу васъ; безжизненно строгіе судьи! (вырываетъ у него лиліи и топчетъ ихъ). Проклятіе небу! Проклятіе землѣ! Проклятіе всему, что̀ зовется жизнью! Ты одинъ, мой могучій женихъ, будь восхваленъ, будь прославленъ!

Плацидъ.—Предвѣчный, мои уста умолкаютъ. Тебѣ извѣстны Твои пути, и Ты знаешь, что̀ я въ нѣмомъ благоговѣніи повергаю себя къ Твоимъ стопамъ.

Кандида.—Я разбита моимъ отчаяніемъ; но, я чувствую, осколки вновь снаются сладостью того, что̀ я испытала, и въ нѣгу обращается тоска. Владѣй я собою вновь, я бы вторично такъ же себя отдала; но еще болѣе желала бы я никогда не увидѣть свѣта. Неужели нѣтъ ничего, что̀ могло бы удержать меня въ широкомъ круговоротѣ времени?.. Ахъ, слеза! О, да, слеза—послѣдній другъ обреченныхъ. Теките же, мои слезы, изливайте, мои глаза, несказанное горе въ неизсякающій ручей! Расплывитесь, мои молодые члены! обратись въ слезы, плоть и кость! Ахъ, быть можетъ, эти воды опять станутъ прозрачны и чисты! И когда омытая ими душа погрузится въ пучину, я буду озеромъ, сверкающимъ въ долинѣ среди травъ, и его волны, робко взирая на голубое небо, спросятъ: „скоро ли пожелаешь ты увидѣть въ нашемъ зеркалѣ твой возлюбленный ликъ?“

Это противорѣчивое чувство, смѣсь восторга и отчаянія—прямое продолженіе столь же противорѣчиваго соединенія чистоты съ гордыней, которое мы нашли въ душѣ Кандиды еще до прихода къ ней сатаны. Ей такъ и не удалось найти исходъ изъ мучительнаго парадокса, образующаго самое ядро религіи чистоты; она умираетъ, передавъ сыну неразрѣшенное противорѣчіе, о которое разбилась ея жизнь. Но ея духъ „не нашелъ покоя въ той землѣ, которая видѣла ея позоръ“; не нашелъ онъ его и тогда, когда Мерлинъ перенесъ ея останки въ ту страну, которая стала полемъ его дѣятельности. Лишь тогда

могло наступить успокоеніе, когда было найдено разрѣшеніе мучительной загадки, какъ это покажетъ трагедія Мерлина.

VII.

Плацидъ и Кандида были отъ Бога; Артусъ и Клингзоръ—отъ сатаны. И справа, и слѣва текутъ притоки, имѣющіе слиться въ могучемъ руслѣ души Мерлина.

Осуществленіе жизни—таковъ законъ сатаны; осуществляется же она путемъ соревнованія достоинствъ и побѣды совершеннѣйшихъ. Доблесть и честь, красота и любовь, управляютъ міромъ дѣятельной жизни: все, что они создали лучшаго на землѣ, собралъ король Артусъ вокругъ своего „Круглаго-Стола“. Его паладины и дамы—великая братія сатаны.

Она могла бы остаться такой, и тогда Мерлинъ прошелъ бы непонятнымъ на фонѣ ея свѣтлой жизни,—и что бы случилось тогда—это говоритъ сатана въ послѣдней сценѣ эпилога: „Зачѣмъ ты ихъ не оставилъ въ ихъ палаткахъ веселящимися при свѣтѣ ихъ цвѣтныхъ лампъ! Тогда, по прошествіи утѣхъ и шутокъ, холодъ внезапной смерти унесъ бы ихъ души безбоязненными изъ земныхъ пространствъ; тогда бы безболѣзненно бродили по муравѣ Асфодэлова луга ихъ спокойно-сумрачныя тѣни, не зная ни желаній, ни страха, точно воспоминанія нашихъ сновъ!“

Но они не остались беззаботными приверженцами религіи сатаны: невѣдомая сила заронила въ ихъ душу искру смутнаго чаянія—и это чаяніе предало ихъ Мерлину.

„Въ тотъ праздникъ Троицы, подъ Кардвейлемъ, состоялся турниръ Круглаго-Стола — тотъ турниръ, который въ жизни его паладиновъ долженъ былъ быть тѣмъ же, чѣмъ они сами были для жизни міра: моментомъ высшаго расцвѣта, высшаго напряженія ихъ силъ и счастья. Зрѣлище было восхитительное: веселый трескъ лопающихся копій, среброволосые старцы, вновь чувствующіе себя молодыми, кружащіяся, пѣнистыя чаши вина, отроки, поднимающіе гербы побѣдителей! А тамъ—нѣжныя, бѣлыя груди красавицъ, волнуемыя чарующей силой любви; тамъ королева Джиневра на роскошномъ престолѣ, царица красоты среди такой свиты!“

И вотъ—„смѣется рыцарь, смѣется дама, но на рѣсницахъ короля сверкнула слеза“.

Что вызвало эту слезу, причину всего, что имѣло случиться потомъ—объ этомъ поэтъ молчитъ; этого и мы объяснить не

можемъ. Какъ загадочно зарожденіе организмовъ въ неорганическомъ мірѣ, зарожденіе сознанія—въ органическомъ, такъ загадочно и зарожденіе въ сознаніи живущихъ той силы, которая не даетъ имъ довольствоваться жизнью и ея благами и заставляетъ ихъ искать другой, таинственной точки опоры. И здѣсь мы должны сказать: ignoramus et ignorabimus!

„На рѣсницахъ короля сверкнула слеза".—„Окруженный весельемъ и роскошью, я внезапно почувствовалъ щемящій страхъ; мнѣ показалось, что смерть на чахломъ конѣ, голодъ съ вервіемъ вокругъ тощаго тѣла, моръ съ его ядовитыми стрѣлами, отчаяніе съ его пристальнымъ гложущимъ взоромъ,—что всѣ они готовы броситься на моихъ рыцарей и дамъ, именно за то, что они выступаютъ такъ царственно, такъ благородно"...

Такъ самъ король объясняетъ свое смущеніе. Въ этомъ чувствѣ ничего бы страннаго не было: это—дополнительный цвѣтъ грусти, окружающій мрачнымъ кольцомъ всякое яркое проявленіе радости, минорный тонъ второй темы вальса или мазурки. Такія настроенія быстро забываются: въ душѣ же короля осталась смутная тоска, которую онъ напрасно старается заглушить блескомъ празднествъ, службой чести и любви. Достаточно, чтобы среди этихъ празднествъ зазвучала пѣснь о Граалѣ—и его умъ омрачается: онъ бросаетъ дамъ, бросаетъ паладиновъ и уходитъ въ уединеніе. Его свита знаетъ за нимъ эту странность: „какъ же ты забылъ,—упрекаетъ Гавейнъ менестреля,—что эта пѣснь о Граалѣ Артусу причиняетъ мученіе? Отъ нея исходитъ таинственная волшебная сила, проникающая своей отравой его спокойную кровь".—„Быстро мчатся духи по воздушной мглѣ,—поясняетъ другой,—они коснутся людского чела,—и пѣна безумія вздымается въ мозгу".

Да, „таинственная волшебная сила", „прикосновеніе духовъ"—все это та же искра Прометеева огня, заронённая въ сердце человѣка,—третья великая загадка въ эволюціи жизни.

Клингзоръ, къ которому Артусъ обратился за разъясненіемъ своихъ сомнѣній, не оказался въ состояніи ему помочь: онъ не могъ ему дать того, чего не имѣлъ самъ. Но, самъ того не сознавая, онъ уготовилъ путь тому, кто былъ сильнѣе его; насмѣшливо-аллегорическій отвѣтъ: „ищите ребенка, не имѣющаго отца".—отдалъ Артуса во власть Мерлина. Отнынѣ онъ слѣдуетъ за нимъ; прежніе идеалы—доблесть и честь, красота и любовь—забыты: Мерлинъ снялъ съ Артуса вѣнецъ земной державы, вѣнчая его на царство Грааля: отверженіе Граалемъ Мерлина влечетъ за собою и отверженіе Артуса. И вотъ братья

Круглаго-Стола опять во власти сатаны; но тлѣющая у нихъ въ груди искра Прометеева огня не даетъ имъ успокоиться на „Асфодэловомъ лугу“, подобно прочимъ сумрачнымъ тѣнямъ античной обители Аида. „Теперь они изнываютъ отъ жажды по замурованномъ родникѣ,—и ни одна капля его влаги не орошаетъ ихъ устъ. Они чувствуютъ, что безъ небеснаго свѣта существовать невозможно,—и въ то же время холодная дрожь имъ говоритъ, что они отвержены; тщетно надѣются они быть уничтожены этимъ сознаніемъ—имъ лишь воскрешается ихъ сила переносить мученія. Видитъ несчастная дружина и Бога, и сонмъ святыхъ—но видитъ ихъ точно воздушное марево, точно безплотный сонъ.—Вотъ гдѣ безотрадность—вотъ гдѣ она!“

VIII.

Ко двору короля Артуса принадлежитъ и Клингзоръ; онъ дополняетъ его, какъ интеллектуальная сила дополняетъ волевую, какъ созерцательная жизнь дополняетъ дѣятельную. Мы встрѣчаемъ его и въ томъ „турнирѣ подъ Кардвейлемъ въ Троицынъ день“; но онъ „сидѣлъ поодаль и насмѣшливо улыбался“. Подобно Артусу, и онъ отъ сатаны: подобно ему, и онъ лелѣетъ въ своей груди искру Прометеева огня, но изъ гордости не хочетъ признаться въ этомъ передъ самимъ собою, пока не приходитъ тотъ, подъ чьимъ вліяніемъ эта искра разгорается въ бурное пламя,—то пламя, въ которомъ онъ гибнетъ.

Въ противоположность, однако, какъ Артусу, такъ и прочимъ личностямъ, о которыхъ была рѣчь до сихъ поръ, Клингзоръ—глубоко трагическая личность; трагедія Клингзора идетъ параллельно трагедіи Мерлина, нарушая—по мнѣнію одного критика—единство этой послѣдней. Но это нарушеніе было необходимо; представитель односторонняго интеллектуализма не могъ отсутствовать среди религіозныхъ типовъ „трагедіи вѣры“, а усугубленная сознательность, естественно присущая подобному типу, столь же естественно увеличиваетъ и трагизмъ его положенія.

Какъ было сказано выше, Клингзоръ внѣшнимъ образомъ принадлежитъ ко двору Артуса: веселый и придурковатый гофмаршалъ Кай, комическій персонажъ трагедіи, называетъ его „придворнымъ некромантомъ“—но въ душѣ своей онъ чувствуетъ себя чужимъ и одинокимъ среди витязей и красавицъ Круглаго-Стола. „Я не могу отдаться душой Артусу, но мнѣ хотѣлось бы быть такимъ же, какъ и тѣ: вѣчной зарей играетъ ихъ жизнь

въ палаткахъ на цвѣтистомъ лугу!“ Въ теченіе долгихъ лѣтъ изучалъ онъ природу, чтобы извлечь изъ нея представленіе о чемъ-нибудь высшемъ, о чемъ-нибудь такомъ, передъ чѣмъ онъ могъ бы преклониться: но во всей природѣ онъ не нашелъ ничего болѣе высокаго, болѣе совершеннаго, чѣмъ его собственный умъ, изучающій и одухотворяющій ее. „Горе тебѣ,—вздыхаетъ онъ,— если ты всей силой своего пламеннаго желанія погрузишься въ окружающій тебя міръ! Онъ оживляется ужасною жизнью, но изъ своихъ костей высасываетъ мозгъ“.

Случилось обратное тому, на что онъ надѣялся; вмѣсто того, чтобы согрѣть себя на лонѣ желаннаго божества, онъ свою душу отдалъ обоготворенной имъ природѣ; онъ создалъ мощною силой своей мысли религію, въ которую увѣровали, преклоняясь предъ его умомъ, его современники,—но въ которую онъ самъ увѣровать не можетъ, такъ какъ знаетъ, что она создана имъ, что его божества—упыри, живущіе его душой, его кровью, его жизнью.

Этотъ типъ намъ не безъизвѣстенъ: во всѣ времена исторіи христіанства, начиная съ гностиковъ, продолжая схоластиками, номиналистами, затѣмъ—социніанцами, масонами и кончая, пока, Гегелемъ и Кантомъ—жили люди, пытавшіеся поставить „gnosis“ на мѣсто „pistis“, и сдѣлать, взамѣнъ откровенія и вѣры, разумъ и спекуляцію фундаментомъ религіи. Такимъ образомъ, не только теорія вѣры, но и исторія требовала введенія въ ея вѣру принципа, олицетвореннаго въ Клингзорѣ. И дѣйствительно, вырабатывая этотъ типъ, нашъ поэтъ позаимствовалъ его черты и у гностиковъ, и у Гегеля: и хорошо, если бы онъ этимъ удовольствовался. Но онъ не устоялъ противъ соблазна (которому поддался и Гёте въ „Фаустѣ“) ввести въ свою трагедію элементъ литературной борьбы своей эпохи. Въ это время какъ разъ романтизмъ въ Германіи боролся съ неогуманизмомъ. Иммерману, сочувствовавшему романтикамъ, угодно было сдѣлать борьбу Клингзора съ Мерлиномъ отчасти отраженіемъ этой литературной борьбы и надѣлить перваго изъ нихъ чертами, заимствованными у великаго веймарскаго мудреца. Это было крупной близорукостью (Гёте можно сопоставлять только съ Мерлиномъ, но никакъ не съ Клингзоромъ), и мы имѣемъ полное право учесть эти черты, изучая роль Клингзора въ „трагедіи вѣры“.

Мы—въ „Замкѣ-Чудесъ“ (Castel-Merveil), причудливомъ дворцѣ, выстроенномъ Клингзоромъ, символѣ его мудрёной религіи; гностическій змѣй окружаетъ магическимъ кольцомъ обычное мѣстопребываніе волшебника. Клингзоръ чувствуетъ себя утомленнымъ;

восемьдесятъ лѣтъ отдалъ онъ на служеніе своему божеству, нещадно расточая свою богатую душу; но божество, все отъ него принявъ, ничего ему не дало. Теперь его время прошло; скоро настанетъ смерть,—а затѣмъ что?.. По его же приказанію его карликъ читаетъ ему изъ Экклесіаста; но провозглашеніе „суеты суетъ“ его возмутило. Лучшія силы его жизни протестуютъ противъ этого приговора. „Брось книгу въ огонь! Это—поддѣлка жида-барышника, а не исповѣдь царя, прославленнаго устами мудрецовъ. „Суета суетъ“!—такъ можетъ говорить только тупая посредственность. Отъ головы до ногъ насъ обуреваетъ духъ времени: все плотнѣе, все замкнутѣе становится кругъ, образуемый горой, рѣкой, кустомъ, животнымъ—а мы сами боимся разсѣяться, мы сами—точно безплотный дымъ!“ Но его пылъ быстро остываетъ.—Единство природы! сколько разъ искалъ онъ утѣшенія въ этомъ представленіи! „О, несчастное начинаніе—обоготворять природу! Да, она тебѣ покажетъ свою божественность — какъ ее показалъ Зевсъ въ смертоносной тучѣ преступному любопытству (Семелы)!“—Карликъ утѣшаетъ его вѣрою всѣхъ людей въ созданную имъ религію; по его мановенію, сходятъ съ постаментовъ его божества, раздается пѣснь любви и весны, пѣснь эллинскаго Олимпа, пѣснь растительныхъ душъ—но голосъ этихъ упырей еще болѣе его раздражаетъ. „Довольно! довольно!—кричитъ онъ, разгоняя видѣнія:—усталъ я все слушать самого себя. Ваши голоса ничему меня научить не могутъ, ваше сіяніе для меня поблекло. Мучительный пробѣлъ не заполняется, когда твореніе говоритъ съ своимъ творцомъ“. И все-таки онъ хочетъ еще разъ услышать свой собственный голосъ; онъ велитъ карлику спѣть ему пѣсню, нѣкогда имъ сложенную,—„пѣсню суровую, страшную, сильную, чтобы отъ ея ужаса проснулась моя отвага“. Тотъ поетъ ему пѣсню про смерть, про его собственное тлѣніе среди сорныхъ травъ у развалинъ башенъ, гдѣ дуютъ вѣтры и носятся ночные мотыльки; но эта пѣсня, созданіе его дерзновенной молодости, теперь ему невыносима. Наконецъ онъ подходитъ къ магическому змѣю, символу замкнутой цѣпи вращенія силъ въ макрокосмѣ, „глубокаго себялюбія“ бездушной природы: „Ты знаешь, чего я хочу; отвѣть и ты знакомъ, великимъ и безмолвнымъ“. Съ этими словами онъ касается змѣя волшебнымъ жезломъ; змѣй разсыпается въ прахъ.—Прахъ!—вездѣ одинъ и тотъ же отвѣтъ.

Вторая сцена—единоборство, если можно такъ выразиться, Клингзора съ Мерлиномъ. „Замокъ-Чудесъ“ опостылѣлъ вол-

шебнику. „Гнѣвъ, мой ретивый конь, понесъ меня по путямъ тревоги изъ дворца; прахъ змѣя безмолвенъ, а тамъ разъѣзжаетъ тотъ кудесникъ. Да, онъ кудесникъ, если не хуже; нѣтъ на землѣ того, кто былъ бы выше Клингзора... Слѣпая чернь окружаетъ его; теперь онъ на пути ко двору, чтобы и тамъ властвовать. Мнѣ людская сволочь давно опротивѣла, но я хочу, чтобы мои изреченія и пѣсни управляли ею, пока я живъ; а тамъ пусть себѣ летитъ въ хаосъ весь этотъ вздоръ". Окончательно извѣрившись въ себя, старый магъ хочетъ, однако, чтобы въ него вѣрили: этого требуетъ его гордость,—не единственное, но преобладающее его чувство.

Не единственное—живетъ въ немъ и другое, хотя онъ и считаетъ его погибшимъ. Еще въ „Замкѣ-Чудесъ" онъ, вспоминая о своихъ безплодныхъ поискахъ, съ горечью говорилъ: „Коснувшись края ея платья, я потерялъ тоску по прекрасной невѣстѣ"; но помимо его воли эта благородная, святая тоска живетъ въ его сердцѣ; она-то и является причиной, почему онъ не можетъ, подобно своему карлику, найти удовлетвореніе въ поклоненіи толпы. Но онъ насильственно заглушаетъ въ себѣ это хорошее чувство: въ мрачной злобѣ преграждаетъ онъ дорогу Мерлину, насмѣшливо привѣтствуя его, какъ ловкаго самозванца-пророка. Протестъ вдохновеннаго юноши его смѣшитъ: „а! ты вѣришь въ себя? что же, это полезно!"—и онъ проситъ его разрѣшить ему загадку. „Если загадка разрѣшится, то она не загадка",—отвѣчаетъ ему погруженный въ свои собственныя думы пророкъ; все же Клингзоръ настаиваетъ на своемъ и предлагаетъ ему свою загадку, ясный смыслъ которой, выражаясь современнымъ языкомъ,—„банкротство науки" въ ея трехъ коренныхъ дисциплинахъ (логикѣ, физикѣ и этикѣ) и тщетность ея попытокъ утолить жажду изучающаго ее человѣчества.

„Три мальчика силятся приносить намъ пищу въ своихъ ведрахъ; они наполняютъ ихъ изъ безконечныхъ запасовъ, они черпаютъ изъ бездоннаго моря.

„Они бѣгутъ и суетятся, они подносятъ ведра къ нашимъ устамъ; но лишь только мы пожелаемъ пить и ѣсть, какъ въ ведрахъ изсякаетъ пища.

„И снова они бѣгутъ къ запасамъ, и снова они мчатся къ морю; но нѣтъ утоленія голоду и жаждѣ, такъ какъ тѣ ведра, тѣ ведра—пусты".

Мерлинъ отвѣчаетъ:

„Все это будетъ такъ, пока сіяющая Дѣва не сойдетъ съ

неба на землю и съ блаженно-свѣтлыми очами не вступитъ въ кругъ трехъ мальчиковъ.

„Мальчики падаютъ ницъ; ведра, разбитыя, разлетаются; мирно улыбается Дѣва, и нашъ голодъ, наша жажда—утолены“.

„Разгадка темнѣе самой загадки“,—глумится Клингзоръ.

„Ты думаешь?—отвѣчаетъ Мерлинъ:—нѣтъ! ея черты потому только представляются тебѣ смутными, что Дѣва тебѣ никогда еще не являлась“.

Мы знаемъ эту дѣву, духъ которой вдохновляетъ юнаго пророка, даетъ ему силу и восторжествовать надъ сатаной, и сразиться съ умнѣйшимъ изъ смертныхъ, съ владѣльцемъ Замка-Чудесъ; ея имя—„Charitas“; узналъ ее и Клингзоръ, которому болѣзненный уколъ напомнилъ о давно погребенной „тоскѣ по прекрасной невѣстѣ“. Но онъ еще не сдается: если Мерлинъ—пророкъ, пусть онъ засвидѣтельствуетъ свой божественный даръ пророчествомъ.

Тутъ поэтъ съ большимъ искусствомъ воспользовался, осмысливая его, эпизодомъ изъ романа о Мерлинѣ, о которомъ рѣчь была выше. „Скажи мнѣ, — спрашиваетъ волшебникъ,—какая будетъ причина моей смерти?“—„Ты умрешь,—отвѣчаетъ Мерлинъ, — отъ великаго горя“. — „Ты, я вижу, держишь свои гроши наготовѣ; этотъ отвѣтъ найти было нетрудно“. Съ этими словами онъ уходитъ; затѣмъ, обернувшись юношей, возвращается и вторично задаетъ тотъ же вопросъ. „Ты умрешь,—отвѣчаетъ пророкъ,—отъ великаго блаженства“.

Этого только и добивался волшебникъ; вернувъ себѣ прежній видъ, онъ злорадно уличаетъ своего соперника, но тотъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ разъясняетъ ему свою мысль: „Я хотѣлъ тебя почтить, Клингзоръ, своимъ двуликимъ пророчествомъ; я вѣрю въ твое благородное ядро, о, окутанная мглою блуждающая звѣзда; я предсказалъ тебѣ двоякую смерть—и мое слово сбудется еще до утренней зари“.

Эти слова и дальнѣйшія, слѣдующія за ними разъясненія окончательно, хотя и не вдругъ, воскрешаютъ въ Клингзорѣ то его лучшее чувство, которое онъ считалъ погребеннымъ; „прекрасная невѣста“, о которой онъ нѣкогда тосковалъ, предстаетъ его глазамъ, одѣтая не въ пестрый нарядъ себялюбивой природы, а въ бѣлое платье христіанской „charitas“. Пораженный на смерть въ своей гордости, но возрожденный въ своихъ лучшихъ упованіяхъ, возвращается онъ въ Замокъ-Чудесъ.

Ему осталось одно великое дѣло—первое и послѣднее, на

которое его вдохновила charitas—разрушить собственною рукой бездушную лжевѣру, которую онъ измыслилъ и навязалъ людямъ.

Третья сцена опять переноситъ насъ въ Замокъ-Чудесъ; ея краткость, удобопонятность и поэтичность позволяютъ намъ ограничиться однимъ переводомъ, — при чемъ мы просимъ читателя дополнить въ своемъ воображеніи тревожные, волнующіеся ритмы діалога и плавное, величавое теченіе баллады.

Карликъ.—Могу я остаться при тебѣ?

Клингзоръ.—Нѣтъ, войди въ замокъ: воспали отъ сандальнаго дерева благовонный огонь: брось дорогой бальзамъ въ гордое пламя: пусть горятъ всѣ свѣчи, пусть блистаетъ мраморъ лѣстницъ, пусть всѣ колонны украшаютъ вѣнки: все долженъ ты убрать въ сіяніе и роскошь....

Карликъ.—Властитель мой, а когда же празднество?

Клингзоръ.—Ты его увидишь.

(*Карликъ уходитъ въ замокъ; Клингзоръ беретъ арфу и опускается на сильное изъ форта.*)

Клингзоръ (*поетъ*). — Подъ старымъ королемъ Ротеромъ падаетъ конь, измученный въ бѣгствѣ съ поля брани. Мимо всѣ рыцари, мимо обозъ! вотъ онъ лежитъ среди пыльной мглы. Его голова свѣшивается, тускнѣютъ его глаза; нѣтъ никого при умирающемъ старцѣ, кто помогъ бы ему въ судорогахъ предсмертныхъ мученій.

Голосъ карлика (*изъ замка*).—Отъ напора твоихъ звуковъ трескаются стѣны, разбиваются стройныя колонны; умѣръ игру арфы, сжалься надъ твоимъ твореніемъ!

Клингзоръ (*поетъ еще громче*). — Нѣтъ никого при умирающемъ старцѣ: зато онъ самъ при себѣ остался: онъ обращаетъ померкнувшій взоръ къ милому свѣту солнца; вотъ юноша-побѣдитель рысью къ нему подъѣзжаетъ, но, подъѣхавъ, соскакиваетъ съ коня и хочетъ удалиться въ сторону, говоря: „не желаю омрачать твоей кончины".

Голосъ карлика.—Или ты не слышишь, какъ звенятъ окна отъ порывовъ твоей пѣсни? Столбы и стропила скрипятъ, сотрясенныя тобою: сонмы бушующихъ духовъ воютъ, шипятъ и гудятъ повсюду, весь замокъ дрожитъ!

Клингзоръ (*поетъ, напрягая всѣ силы*).—Ты думаешь, мой сынъ, я умираю отъ горя, что боги такъ со мною порѣшили? О, милый! я умираю отъ блаженства, что ты, юноша, меня побѣдилъ. О, мой дорогой, мой ненаглядный! вѣдь въ этомъ и было

мое несчастіе, что я не находилъ того, кто выше меня—теперь, наконецъ, я сподобился его увидѣть!

(*Умираетъ. Замокъ-Чудесъ обрушивается.*)

IX.

„Есть Камусъ (или Ваалъ, или Перунъ — все равно); онъ требуетъ отъ меня, чтобы я его кормилъ и поилъ. Если я буду исполнять этотъ свой долгъ къ его удовольствію, то онъ дастъ мнѣ счастливую охоту и побѣду надъ врагомъ; если нѣтъ, то онъ пошлетъ мнѣ гибель отъ пасти звѣря или стрѣлы врага. А буду ли я говорить правду, уважать собственность моего сосѣда, помогать слабымъ и т. д.—до этого ему дѣла нѣтъ“... Съ этнологической точки зрѣнія мы и это грубое и первобытное міросозерцаніе называемъ религіей; но въ „трагедіи вѣры“ ему не мѣсто, такъ какъ никакое серьезное отношеніе къ нему для насъ невозможно. Лишь съ пріобщенія *нравственнаго* элемента начинается для насъ серьезная религія. Это не значитъ, однако, что нравственный элементъ—непремѣнная составная часть религіи: послѣ многихъ тысячелѣтій ея эволюція повела къ выдѣленію „моралізма“ и къ обособленію религіи, какъ религіи, отъ нравственности; это—религія Грааля. При всемъ громадномъ различіи, впрочемъ, неоспоримо, что первый и послѣдній фазисы въ эволюціи религіи въ одномъ схожи между собой: оба они чужды нравственности.

Для „трагедіи религіи“ нужны другіе полюсы—такіе, которые подлинно дѣйствуютъ на магнитную стрѣлку нашего религіознаго чувства; ея точка отправленія поэтому—не божество безъ нравственности, а—нравственность безъ божества, нравственность, непосредственно вытекающая изъ закона жизни,—однимъ словомъ—религія сатаны. Для ея укрѣпленія среди людей созданъ Мерлинъ.

Въ его жилахъ течетъ кровь сатаны и Кандиды—бурная, страстная, безпокойная кровь; но его дѣтство протекло подъ опекой смиреннаго старца Плацида. Отрокъ Мерлинъ поэтому покорный послушникъ религіи покаянія; „бренная оболочка дитяти безъ отца, бѣдная сирота неба и земли, несчастная законченность, лишенная развитія (Unsel'ges Fertigsein und Nimmerwerden), не смягчаемая елеемъ слабости, не возбуждаемая любовью (въ смыслѣ, конечно, amor), не отталкиваемая ненавистью“—такъ онъ самъ себя характеризуетъ.

„Несчастная законченность, лишенная развитія“ — оно понятно; какое же дальнѣйшее развитіе возможно для того, кто чувствуетъ себя совершеннымъ? То же заявляло и раннее христіанство устами Тертулліана: „Намъ нечего болѣе искать, разъ у насъ есть Христосъ“. Зато какая разница между первыми апологетами и Климентомъ Александрійскимъ! Религія, считавшая себя раньше финаломъ міра, убѣдилась въ его жизненности и, превратившись въ первостепенную культурную силу, рѣшительно вступила на путь эволюціи. Мерлинъ сбрасываетъ оболочку отрока: „Ein männlich Wirken winkt, Mann will ich sein“—съ этими (трудно-переводимыми) словами онъ превращается въ юношу.

Его отецъ пришелъ заявить о своихъ правахъ на него. Мерлину сатана вполнѣ понятенъ: „Ты приходишь,—говоритъ онъ ему,—точно богъ весны черезъ ея чертоги; соловьи витаютъ вокругъ твоихъ плечъ, ты приносишь съ собою благоуханіе всѣхъ юныхъ цвѣтовъ; а въ той складкѣ, что съ мягкой грустью окаймляетъ твои уста, я узнаю въ то же время все обиліе благодатной осени. Красотой и величіемъ дышетъ твой ликъ; привѣтствую тебя, прекрасный царь земли!“ На краткое приказаніе своего отца: „верни людямъ здоровье! разбей почетъ, воздаваемый женственному, тупому, смутному завѣту!“—онъ отказывается все это исполнить. Напрасно сатана въ восторженныхъ словахъ —они приведены выше (гл. 3.)—развиваетъ ему свою религію; въ глазахъ Мерлина онъ—*не врагъ Бога, а часть божества*, и дѣло искупленія человѣчества — не разрушеніе, а возвышеніе и освященіе дѣла „прекраснаго царя земли“... „Ты въ своей тревогѣ считаешь свою землю обреченной на гибель тѣмъ, что Онъ, когда твоя работа была кончена, нѣжно приблизилъ ее къ себѣ и на устахъ роскошно убранной невѣсты запечатлѣлъ тотъ поцѣлуй, которому имя—Христосъ? О, знай, именно теперь она живетъ и не умретъ никогда!“

Въ чемъ же ошибка сатаны? Въ томъ, что онъ отожествляетъ религію покаянія съ христіанствомъ вообще. Конечно, только осуществленіе жизни обусловливало совершенствованіе; противодѣйствіе закону жизни ведетъ къ вырожденію и гибели; но Мерлинъ и не думаетъ ему противодѣйствовать. Мощной рукой юный богатырь вѣры сплочиваетъ воедино враждовавшія другъ съ другомъ начала: по ту сторону „пылающей стѣны мірозданія“ появляется небесная цѣпь, продолжающая и завершающая разорванную цѣпь земного макрокосма: то, что казалось противорѣчивымъ здѣсь, примиряется тамъ. Нѣтъ, Богъ не проти-

вится осуществленію жизни; такъ казалось нѣкогда, но та пора миновала, „время нисхожденія прошло“; „прошло время пришибленной смиренной скорби; отнынѣ Онъ хочетъ видѣть радостный румянецъ на щекахъ людей, хочетъ ликовать вмѣстѣ съ ликующими“. Вѣра—изъ жизневраждебной силы должна превратиться въ жизнетворную, давая высшее освященіе всему тому, что̀ служитъ совершенствованію человѣчества; *воля Бога есть осуществленіе жизни*—вотъ сущность новаго ученія, возвѣщеннаго Мерлиномъ міру.

Легко понять, что это ученіе держится на соединеніи двухъ понятій—заслуги и благодати, изъ которыхъ первое принадлежитъ царству земли и земной жизни, второе — царству Бога, при чемъ разумѣется, конечно, не отрицательная заслуга религіи покаянія, а положительная, какъ высшее проявленіе закона жизни; легко понять, во-вторыхъ, что эта заслуга, условіе благодати, сама обусловливается полной свободой человѣческой воли; и столь же легко понять, въ-третьихъ, что всѣмъ этимъ рѣшительно исключаются представленія о принципіальной испорченности природы. Нѣтъ, природа чиста и безгрѣшна, и стремленія, которыя отъ нея получаетъ человѣческая душа, суть стремленія хорошія; человѣкъ можетъ, въ силу свободы своей воли, слѣдовать имъ и достигнуть, путемъ заслуги, спасенія — но онъ можетъ также, въ силу той же свободы своей воли, насилуя свою природу, впасть въ грѣхъ, ведущій къ гибели. Мы знаемъ это ученіе, прямо противоположное ученію Августина о „massa perditionis“, о предопредѣленіи и о произволѣ благодати; это—*пелагіанизмъ*. Мерлинъ въ этомъ фазисѣ своего развитія тожественъ съ молодымъ и рьянымъ противникомъ Августина, Юліаномъ Экланскимъ, самымъ пламеннымъ поборникомъ пелагіанизма.

Судьба пелагіанизма въ исторіи церкви извѣстна: будучи формально объявленъ ересью, онъ, тѣмъ не менѣе (въ болѣе смягченномъ видѣ такъ-называемаго полупелагіанизма), имѣлъ громадное вліяніе на дальнѣйшее развитіе ея догматовъ; всякое усиленіе августинизма было обостреніемъ борьбы съ пелагіанскими элементами католическаго ученія. Особенно это касается реформаціи Лютера; если мы, съ извѣстной точки зрѣнія, можемъ въ религіи Грааля видѣть аллегорическое изображеніе протестантизма, то мы имѣемъ такое же право назвать Мерлина представителемъ католичества. Но, повторяемъ, въ обоихъ случаяхъ нужны будутъ оговорки; поэтъ, какъ уже было сказано выше, вполнѣ справедливо освободилъ свою „трагедію вѣры“ отъ узкихъ рамокъ конфессіонализма, выводя въ нихъ лишь

чистые принципы, не затемненные тѣми компромиссами, которые неизбѣжны въ реальномъ, историческомъ развитіи практически осуществляемыхъ идей.

Но согласуемы ли тѣ коренныя понятія, на плотномъ сцѣпленіи которыхъ Мерлинъ воздвигъ свое новое зданіе религіи радости—заслуга и благодать? Онъ въ этомъ увѣренъ; сатана же, которому онъ показываетъ небесное продолженіе земной цѣпи, видитъ и то, чего онъ въ своемъ энтузіазмѣ не замѣчаетъ. „Въ ту ночь,—говоритъ онъ ему впослѣдствіи,—когда ты обнажилъ цѣломудренное лоно эмпирея—я увидѣлъ то, чего твои глаза навѣрное не видѣли; въ эту ночь Онъ навѣки тебя отвергъ". Мерлинъ этого не замѣчаетъ; красота его величественнаго зданія скрываетъ отъ его взора разладъ въ его фундаментѣ. Принципъ заслуги провозглашенъ: отнынѣ *она* ведетъ къ благодати. Раньше было иначе: слабый Іосифъ Аримаѳейскій, темный Титурель были награждены свыше мѣры. Но это было добровольнымъ самоуниженіемъ божества; теперь наступила новая эра: восхожденіе началось, а съ нимъ и царство заслуги. Заслуга же—это то, путемъ чего осуществляется жизнь: аллегорическимъ выраженіемъ новаго принципа будетъ поэтому вѣнчаніе Артуса на царство Грааля.

Но *какъ осуществляется жизнь?* По какимъ каналамъ протекала она для того, чтобы создать эти плоды совершенства, такъ плѣняющіе взоръ Мерлина въ лицѣ короля и паладиновъ Круглаго-Стола? Узнать это нужно: до сихъ поръ Мерлинъ болѣе вѣрилъ въ жизнь, чѣмъ зналъ ее, и эта вѣра была своего рода „fides implicita"; а для того, чтобы это узнать, путь одинъ—нужно самому ей отдаться. И Мерлинъ рѣшилъ отдаться жизни; его путь отъ могилы матери къ Артусу посвященъ ея прохожденію.

Народъ его окружаетъ, жаждетъ услышать отъ него слова откровенія; но Мерлинъ сознаетъ, что пока его призваніе не осуществлено, онъ долженъ не поучать народъ, а самъ у него учиться. „Прошу васъ,—говоритъ онъ,—идите, оставайтесь въ своихъ хижинахъ: благочестивые нравы вашихъ отцовъ, каждый день, проведенный въ работѣ, дадутъ вамъ болѣе, чѣмъ вся наука, которою располагаетъ Мерлинъ". Это пока совершенно въ духѣ христіанской „charitas": такъ и Францискъ Ассизскій посылалъ своихъ учениковъ въ народъ, велѣлъ имъ принимать участіе въ его работѣ, служить ему, чѣмъ кто могъ. Да, конечно, трудъ есть осуществленіе жизни, онъ же и заслуга—настоящій труженическій трудъ, а не безполезный созерцательный аскетизмъ; и все-таки Мерлину страшно: онъ боится даль-

нѣйшихъ откровеній на пути жизни. Когда Клингзоръ его останавливаетъ, онъ говоритъ самому себѣ: „сознайся, ты лукавишь передъ самимъ собой: эта задержка доставляетъ тебѣ удовольствіе; чѣмъ дальше тебя уносятъ впередъ твои ноги, тѣмъ сильнѣе влечетъ тебя обратно. Въ глухихъ ущельяхъ дикихъ скалъ—вотъ гдѣ твоя обитель; въ ней бы оставаться тебѣ. Къ чему мнѣ вторгаться въ общество людей, когда я человѣческой участи не раздѣляю?“ Онъ чувствуетъ, что ему чего-то недостаетъ для того, чтобы вполнѣ сродниться душою съ людьми, что пока онъ будетъ прежнимъ Мерлиномъ,—всегда будетъ какая-то стѣна между нимъ и жизнью; но вернуться для него уже невозможно. Онъ легко объясняетъ Клингзору загадку его жизни, зажигая въ его душѣ святой огонь той „charitas“, которая пылаетъ въ его собственной груди; но въ то же время онъ отказывается отвѣтить ему на вопросъ, что̀ такое онъ самъ.—„Смотри,—говоритъ онъ ему, — все то, что̀ живетъ и движется, и развивается согласно законамъ своей собственной природы—все это мнѣ гораздо ближе, чѣмъ моя собственная личность; великая, царственная душа короля,—нѣжная и скромная, какъ фіалка, вѣрность супруги (der Frauen sanfte Veilchentreue)—отвага рыцаря—стыдъ дѣвушки—бѣдный трудовой день маленькихъ людей—работа и невзгоды послѣдняго крестьянина — все это для меня цѣнно и важно, гораздо важнѣе, чѣмъ мое собственное, ничтожное „я“. А такъ какъ я весь отдался жизни, то и жизнь мощнымъ потокомъ влилась въ меня, и теперь во мнѣ зрѣютъ и увядаютъ уже не мои—нѣтъ!—а великія міровыя мысли. Онѣ величаво текутъ по своимъ строгимъ путямъ; я, точно перышко, вмѣстѣ съ ними уношусь къ океану; а тамъ онѣ, омытыя его волнами, въ своей священной жестокости разрушатъ мое *я*“.

До сихъ поръ внутренній покой Мерлина еще ничѣмъ не нарушенъ; цѣльность его всеобъемлющей личности, освѣщенной и согрѣтой пламенемъ христіанской „charitas“, побѣждаетъ и перерождаетъ Клингзора. Напрасно сатана глумится надъ позднимъ обращеніемъ стараго волшебника, стараясь его увѣрить, что предметъ его благоговѣнія—„самый малый изъ его малыхъ“, насмѣшливо утѣшая его тѣмъ, что его непокорный сынъ уже „выбитъ изъ колеи“; что онъ „уже схваченъ самымъ жестокимъ изъ всѣхъ противорѣчій: желаетъ ускользнуть отъ него и не можетъ“; что онъ „скоро изрыгнетъ ужаснѣйшее проклятіе, онъ, этотъ опутанный змѣями Лаокоонъ“. — Клингзоръ не даетъ исторгнуть у себя счастливую увѣренность, что онъ, наконецъ,

увидѣлъ того, предъ кѣмъ онъ можетъ преклониться. Этотъ моментъ—апогей дѣятельности Мерлина.

Но великая міровая мысль—мысль примиренія заслуги, осуществляющей жизнь, съ благодатью—течетъ дальше своимъ плавнымъ, строгимъ теченіемъ, унося съ собою Мерлина... и наконецъ показывается тотъ утесъ, о который ему суждено разбиться. Утесъ этотъ—Ниніана. Можетъ ли широкая, всеобъемлющая душа генія, вся отдавшаяся жизни, впустившая ее въ себя мощной, полной струей—можетъ ли она остаться чуждой тому чувству, которое является высшимъ осуществленіемъ жизни? И вотъ бѣлый свѣтъ христіанской „charitas“ какъ будто меркнетъ въ груди Мерлина: его затмеваетъ внезапно загорѣвшееся багровое пламя языческаго „amor“. „То утренняя звѣзда,—вздыхаетъ онъ,—запала въ грудь Мерлина: ею Мерлинъ измѣненъ, поддѣланъ, отравленъ: онъ уже болѣе не Мерлинъ!“ Но слабость продолжается лишь мгновеніе: какъ только багровое пламя объяло его всего—прежняя увѣренность къ нему возвращается. Нѣтъ, онъ все тотъ же Мерлинъ, но въ то же время его душа, принявъ въ себя этотъ новый элементъ, стала выше, совершеннѣе прежняго. Исчезло то препятствіе, въ силу котораго онъ, несмотря на все желаніе, не могъ сродниться съ людьми: теперь, съ этой новой страстью въ груди, онъ чувствуетъ себя ихъ братомъ. „Ты любишь!—говоритъ онъ самъ себѣ: — о, это ужасное слово, ввергающее въ бездну всѣ твои силы... О, нѣтъ, это слово сладко, какъ звукъ свирѣли: его шопотъ, подобный благоухающему весеннему вѣтерку, разбудитъ прахъ моей матери въ ея могилѣ; я чувствую, она выпрямляется въ своемъ саванѣ и тихо говоритъ мнѣ: „теперь ты—сынъ земли!“ Да, я—сынъ земли, вся ея боль стала моею; отъ легкаго ласкающаго вздоха мирной грусти до раздирающаго вопля страстнаго отчаянія — все, все стало моимъ! Довѣрьте груди Мерлина ваши жалобы, ликованія, сомнѣнія, все, что только могутъ сказать уста и измыслить сердце, вы, рабы земли, живущіе и имѣющіе жить: въ ней найдетъ откликъ каждое чувство. Какъ нѣкогда Богъ въ своихъ страданіяхъ все глубже и глубже погружался въ земное, такъ теперь земное, отрѣшившись отъ своей грубой оболочки, восходитъ въ мою божественность. Теперь только слову уготована нива; теперь искупленіе завершило свой кругъ“. Такъ-то „amor“—земная, чувственная любовь—принятъ въ новую вѣру во всемъ томъ значеніи, которое онъ имѣлъ въ религіи жизни,— какъ первенствующая, неодолимая, перерождающая и возвышающая человѣка сила. Это послѣдовательно, правильно, необходимо;

безъ этого высшее осуществленіе жизни останется внѣ религіи Мерлина; сатана-деміургъ перестанетъ быть частью божества, какою его изображалъ Мерлинъ—онъ вновь станетъ его противникомъ, увлекая съ собою въ мятежъ и на гибель все, что только есть наиболѣе жизненнаго, наиболѣе смѣлаго, наиболѣе прекраснаго на землѣ. И здѣсь мы должны прибавить, что это не одна только конструкція: исторія религіи является на помощь ея теоріи. Такъ точно и пелагіанизмъ разбился объ утесъ чувственной любви. Самъ Пелагій робко отступилъ передъ послѣдствіями своего ученія, осуждая чувственность, какъ навожденіе дьявола; но его смѣлый ученикъ, Юліанъ Эклапскій не задумался возстановить правду и послѣдовательность и въ этой части его ученія. Откуда же происходятъ „desideria carnis“, столь часто насилующія нашу волю, коль скоро наша природа хороша? Нѣтъ, чувственность сама по себѣ невинна; міръ, въ которомъ мы живемъ,—лучшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ, а чувственная любовь составляетъ необходимое условіе его существованія. Церкви не трудно было осудить пелагіанизмъ; труднѣе было найти выходъ изъ того лабиринта, въ которомъ онъ погибъ. Супружество было возведено въ таинство, но то, безъ чего супружество въ физіологическомъ отношеніи не имѣетъ смысла, продолжало считаться грѣхомъ; ни Августинъ, ни Ѳома Аквинскій, ни тридентскій соборъ не могли разбить творенія природы, неразрывно связавшей „conjugium“ съ „concupiscentia“, не могли спасти перваго для Бога, предоставляя послѣднюю сатанѣ.

И какъ тогда ученіе Пелагія погибло, благодаря неумолимой послѣдовательности Юліана, такъ точно и въ новѣйшее время религія Сенъ-Симона рухнула, когда Анфантэнъ повелъ ее по тому же пути. Это послѣднее событіе произошло, къ слову сказать, какъ разъ въ эпоху Иммермана, и поэтъ сознается, что сенъ-симонизмъ не остался безъ вліянія на его „Мерлина“. Не этимъ ли объясняется и нѣсколько неожиданное обращеніе Мерлина къ Кандидѣ въ приведенномъ только-что отрывкѣ? Какъ извѣстно, апологія чувственной любви была изложена Анфантэномъ именно въ письмѣ къ матери.

Челнокъ Мерлина, впрочемъ, еще не разбился объ утесъ любви; толчкомъ вышибло только руль у кормчаго изъ рукъ, и челнокъ, завертѣвшись, поплылъ по теченію; но его гибель уже недалека. Еще теплится свѣточъ христіанской „charitas“; Мерлинъ подходитъ къ спящимъ паладинамъ. „О, мои люди“,—говоритъ онъ,—„мои величественные люди; вотъ каковъ ихъ видъ! Насыться, мое око, этимъ зрѣлищемъ; я вѣдь ужъ вашъ братъ.

Теперь только я сталъ жрецомъ, и моя рука, сама содрогающаяся отъ боли, можетъ облегчить вашу боль". Братъ—жрецъ; нѣтъ, этого мало.

Только-что Мерлинъ говорилъ о своей божественности и ставилъ свое дѣло въ одинъ рядъ съ дѣломъ искупленія человѣчества, и это сознаніе въ немъ ростетъ и ростетъ. „Вотъ притча, —говоритъ онъ Артусу, вѣнчая его на царство:—имѣющій уши, да слышитъ. Тѣхъ, что свидѣтельствуютъ, трое: двое уже явились—одинъ въ жизни, другой въ смерти, третій былъ обѣщанъ. Здѣсь ли онъ—это вамъ скажетъ біеніе вашего сердца"! И, не довольствуясь этимъ яснымъ намекомъ, онъ восклицаетъ:—„за мною! вы знаете, кто съ вами идетъ; я—духъ! ведетъ васъ Параклитъ!"

Да. Кандида можетъ теперь спокойно отдыхать въ своей могилѣ; она вся возродилась въ своемъ сынѣ. Загадка, томившая ее, имъ рѣшена—рѣшена на почвѣ его новой религіи. Будетъ ли только долговѣчна эта религія, знаменосцемъ которой, вмѣсто „charitas", выступаетъ „amor"?

Уже Ниніана отвлекла Мерлина отъ того подвига, на который его вдохновляла „charitas"; онъ съ нею въ бріонскомъ лѣсу, хотя его мысли и витаютъ подчасъ у его друзей. Что касается Ниніаны, то, какъ представительница чувственной любви, она вся отъ сатаны: въ ней нѣтъ того внутренняго голоса, который напѣвалъ Артусу про блаженство въ Монсальватѣ и Клингзору про „тоску по прекрасной невѣстѣ". Въ своемъ женихѣ она отказывается видѣть что-нибудь особенное; онъ просто „ростомъ больше Петра да Ивана",—вотъ и все. Именно, этимъ она и властвуетъ надъ нимъ, отнимаетъ у него, одно за другимъ, его достоинства, замѣняя ихъ собою, любовью къ себѣ. Когда-то Мерлинъ не пожелалъ воспользоваться своей чудодѣйственной силой, чтобы почтить свою мать: „что установилъ Богъ, того не измѣнитъ Мерлинъ"; теперь онъ, чтобы понравиться Ниніанѣ, производитъ затмѣніе солнца — она смѣется. „Объ это легкомысліе разбивается сила деміурга!" — вздыхаетъ Мерлинъ:—„я подчиняю себѣ небесное свѣтило — для нея это лишь забава. Неужели это равнодушно-неразрушимое, скрывающееся въ ея пустой, дерзкой улыбкѣ—неужели оно-то и есть жизнь?" Вскорѣ потухаетъ и „Charitas"; Мерлинъ уже не слышитъ криковъ Артуса и его друзей, взывающихъ къ нему о помощи: побѣдоносно разливается багровое пламя факела, который зажегъ „amor". Много ли осталось отъ прежняго Мерлина? Осталось одно—та загадочная непрерываемость сознанія, въ силу которой человѣкъ—онъ самъ.

Ее Мерлинъ удерживаетъ въ видѣ таинственнаго слова; сказать его Ниніанѣ онъ долго не рѣшается, но, наконецъ, оно само просится наружу. Неизбѣжное совершается; часть разбитаго сознанія въ безумной гордынѣ возносится до небесъ: „Жирнѣе жертвы! не то — новый потопъ для всей живой твари! Вы не должны имѣть другихъ боговъ, кромѣ меня!“ — другая часть опускается ниже животнаго: Мерлинъ окончательно „подмѣненъ, поддѣланъ, отравленъ“, проводя дни и ночи въ безпомощномъ помѣшательствѣ подъ роковымъ боярышникомъ въ бріонскомъ лѣсу.

Противорѣчіе дало себя знать; оба враждебныя другъ другу начала, на которыхъ Мерлинъ воздвигъ зданіе своей вѣры, возстали другъ противъ друга и своею борьбой разрушили зданіе. Сатана это зналъ заранѣе; но одного онъ не зналъ: не зналъ того, что насколько противорѣчіе сильнѣе того духа, который пытался его устранить, настолько *потребность* его устраненія сильнѣе самаго противорѣчія. И въ этомъ заключается трагизмъ положенія Мерлина и его послѣдователей въ многовѣковой исторіи человѣчества. Пусть грубое прикосновеніе царя земли прервало святыя слова, въ которыхъ страдалецъ-пророкъ изливаетъ послѣднюю тоску своей души; она, тѣмъ не менѣе, живетъ въ душахъ тѣхъ, кто продолжаетъ слѣдовать по указанному имъ пути. И пока жива будетъ на свѣтѣ высокая любовь, стремящаяся охватить собою все возвышенное, лучшее, прекрасное въ области явленій и чаяній, пока люди съ ихъ пошлымъ самодовольствомъ еще не заполонили землю,—до тѣхъ поръ не прекратится борьба за вѣру Мерлина и за ея символъ: „воля Бога есть осуществленіе жизни“.

Ѳ. Зѣлинскій.

ПОБѢДИТЕЛЬНИЦА

РАЗСКАЗЪ.

I.

Владиміръ Дмитріевичъ Долоцкій уже минутъ двадцать сидѣлъ въ кабинетѣ Андрея Яковлевича Лавдовскаго, и все не могъ заговорить о томъ дѣлѣ, ради котораго онъ пріѣхалъ въ этотъ утренній часъ. Ему мѣшалъ другой посѣтитель, маленькій сѣденькій генералъ, съ крупными губами и выпуклыми глазами, горячо толковавшій съ хозяиномъ о какомъ-то новомъ акціонерномъ уставѣ, о какихъ-то акціяхъ и паяхъ. Надо было пересидѣть этого генерала, изрѣдка вставляя въ разговоръ незначительныя и ненужныя замѣчанія.

Наконецъ, генералъ поднялся и простился. Лавдовскій пошелъ проводить его.

Долоцкій всталъ, прошелся по комнатѣ и оглянулъ давно знакомую ему обстановку. Большой, высокій кабинетъ имѣлъ довольно внушительный видъ, и говорилъ о серьезности хозяина. Ничего нарядnаго, но много дорогого. Скучный стиль etriге соотвѣтствовалъ всему остальному. Громадный письменный столъ былъ заваленъ бумагами и брошюрами всевозможныхъ форматовъ, заключавшими въ себѣ отчеты разныхъ промышленныхъ обществъ. Въ шкафахъ краснаго дерева стояли все большіе переплетенные томы, тоже дѣлового вида. Коверъ былъ порядочно истоптанъ, а кресла просижены.

Черезъ минуту Лавдовскій вернулся и, вторично пожавъ Долоцкому руку, сказалъ съ улыбкой, которой старался придать любезное выраженіе:

— Къ вашимъ услугамъ. Что хорошенькаго скажете?

Но Долоцкій не имѣлъ сказать ничего „хорошенькаго"; напротивъ, обстоятельство, по которому онъ сюда пріѣхалъ, было изъ самыхъ непріятныхъ. Поэтому онъ внутренно весь съёжился и проговорилъ съ дѣланнымъ безразличіемъ тона:

— Я заѣхалъ потолковать съ вами, Андрей Яковлевичъ, относительно моего векселя. Ему срокъ черезъ недѣлю.

Вся любезность мгновенно сбѣжала съ лица Лавдовскаго. Онъ быстро взглянулъ на посѣтителя и, покачнувшись всѣмъ тѣломъ впередъ, произнесъ съ дѣловою сухостью:

— Да, да, помню. Вы, конечно, заплатите?

Долоцкій въ этомъ тонѣ тотчасъ почувствовалъ совсѣмъ не то, чего ожидалъ. Его внутренно покоробило.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что я хочу просить васъ пересрочить,—сказалъ онъ, съ трудомъ выдерживая сухой, словно обиженный взглядъ кредитора.—У меня въ настоящее время столько затрудненій, что было бы очень трудно уплатить въ срокъ.

Лавдовскій вытянулъ углы губъ книзу.

— Но это не въ обычаѣ, помилуйте! Это совсѣмъ не въ обычаѣ,—сказалъ онъ.—И притомъ, векселъ не у меня, онъ давно дисконтированъ, такъ что я совсѣмъ ничего не могу сдѣлать.

Долоцкій слегка поблѣднѣлъ. Онъ почувствовалъ, что ему откажутъ, а это имѣло для него большое значеніе.

— Я думалъ, что вы будете такъ любезны, позволите переписать векселъ,—сказалъ онъ съ легкой хрипотой въ голосѣ.—Сумма незначительная, а между тѣмъ я именно въ настоящее время затрудняюсь...

— Нѣтъ, ужъ вы какъ-нибудь устройте это, я ничего не могу сдѣлать,—перебилъ его почти строго Лавдовскій.—Я вѣдь не дисконтёръ, всѣ мои деньги въ коммерческихъ дѣлахъ. Мнѣ очень пріятно было оказать вамъ услугу, когда вы ко мнѣ обратились, но будьте любезны, не поставьте меня въ затрудненіе.

Долоцкій, совершенно смущенный, отвѣтилъ неувѣреннымъ тономъ, что постарается уплатить, и всталъ. Лавдовскій его не удерживалъ и не возобновлялъ разговора: онъ хотѣлъ дать понять, что объ отсрочкѣ платежа и рѣчи быть не можетъ. И чтобъ придать себѣ еще больше дѣловой строгости, онъ не вспомнилъ о женѣ Владиміра Дмитріевича и не поручилъ передать ей поклонъ.

Это обстоятельство тоже смутило и оскорбило Долоцкаго. Въ невѣжливомъ умолчаніи о женѣ ему подозрѣвался тайный

смыслъ. Лавдовскій какъ будто боялся, чтобъ отъ него не потребовали снисхожденія, какъ отъ хорошаго знакомаго, бывающаго въ домѣ и отчасти даже поклоняющагося красотѣ Людмилы Павловны Долоцкой. Не вспомнивъ о ней, онъ какъ будто хотѣлъ показать, что все это не имѣетъ никакого отношенія къ ихъ маленькому денежному дѣлу.

Владиміръ Дмитріевичъ, спустившись съ лѣстницы, взялъ извозчика и поѣхалъ въ свой департаментъ. Но какъ только санки тронулись, печальныя размышленія налегли на него съ такимъ гнетомъ, что онъ весь даже какъ-то погнулся, и ушедшіе въ глубину глаза его ничего не видѣли и не различали по дорогѣ, кромѣ грязной спины извозчичьяго кафтана.

Всѣ послѣдніе дни, подсчитывая въ умѣ свой активъ и пассивъ, Долоцкій каждый разъ приходилъ къ заключенію, что прежде всего необходимо отсрочить платежъ Лавдовскому. Ему казалось это не особенно труднымъ, такъ какъ Андрей Яковлевичъ былъ человѣкъ денежный, и взятая у него сумма—полторы тысячи—не могла стѣснить его. Когда, полгода назадъ, Долоцкій обратился къ нему, Лавдовскій, повидимому, охотно оказалъ ему услугу. Потомъ этотъ самый Лавдовскій нѣсколько разъ обращался къ его содѣйствію по какимъ-то дѣламъ въ департаментѣ, и Долоцкій старался быть ему полезнымъ. Поэтому онъ былъ почти увѣренъ, что ему не откажутъ обмѣнить вексель на новый. Но ему отказали. Это опрокидывало всѣ его разсчеты и лишало его всякой возможности распутать свои дѣла.

Онъ запутался понемножку, почти незамѣтно для себя, и до послѣдняго времени довольно благополучно изворачивался. Но на квартиру ему сильно надбавили, а обмѣнить ее на болѣе дешевую ему не удалось. Осенью пришлось болѣе обыкновеннаго истратить на разныя домашнія надобности. Жена схватила какую-то болѣзнь, докторъ двѣ недѣли ѣздилъ по два раза каждый день. Въ департаментѣ вычитали изъ жалованья за полученную награду, и частнымъ образомъ—на какія-то подписки. А въ довершеніе всего, ему уже нѣсколько мѣсяцевъ упорно не везло въ карты, въ маленькой не-клубной игрѣ, которую онъ велъ потому, что всѣ его знакомые не признавали другого препровожденія времени.

И вотъ, благодаря всѣмъ этимъ незадачамъ, онъ очутился въ положеніи человѣка запутавшагося. Это его совсѣмъ разстраивало, потому что, сколько онъ ни придумывалъ, гдѣ достать денегъ и какимъ образомъ извернуться, но придумать ничего не могъ.

„Какъ глупо: вѣдь всего какія-нибудь двѣ тысячи, и я сталъ бы на ноги,—думалъ онъ, механически перебирая лежавшія на его департаментскомъ столѣ бумаги.—И уплатить ихъ понемногу можно было бы почти нечувствительно. Вѣдь мы семь, восемь тысячъ въ годъ постоянно проживаемъ. Правда, нѣсколько тысячъ добавлялось изъ капитала жены. Вся бѣда въ томъ, что отъ этого капитала уже ничего не осталось. Но какъ было сдѣлать, чтобъ не трогать его? Дороговизна ростетъ, а доходы не увеличиваются. Положеніе совершенно ненормальное, и что-нибудь во всякомъ случаѣ придется сдѣлать. Да! что-нибудь“...

Но это „что-нибудь“ рисовалось Долоцкому до такой степени неясно, что не заключало въ себѣ ни утѣшенія, ни исхода.

II.

Дома, за обѣдомъ, Долоцкій старался скрыть свой разстроенный видъ, но это ему плохо удавалось. Жена поминутно на него взглядывала, онъ замѣчалъ эти взгляды, и еще болѣе терялся. Ему казалось, что его скверное настроеніе духа дѣйствовало на всѣхъ, что шестилѣтняя Ниночка сегодня меньше шалила, а ея бонна, швейцарка m-lle Амели, меньше разговаривала и строже произносила свои замѣчанія.

Прожевывая котлетку, Долоцкій думалъ все объ одномъ и томъ же. „Сократить расходы... но какимъ образомъ? Не могу же я сказать Людмилѣ, что намъ не по средствамъ три блюда за столомъ, что надо ѣсть обѣдъ изъ двухъ блюдъ. Или предложить ей не дѣлать двухъ-трехъ новыхъ платьевъ, когда мода мѣняется чуть не каждый мѣсяцъ, и ни на комъ не увидишь ни прошлогднихъ рукавовъ, ни юбокъ. У мужчинъ это не такъ замѣтно, а женщинѣ невозможно обходиться безъ новыхъ туалетовъ. Или отказать m-lle Амели и взять русскую бонну? Но Ниночка уже такъ мило начала щебетать по-французски, что было бы варварствомъ прекратить все это...

„Нѣтъ, придется что-нибудь совсѣмъ другое. Надо обратить вниманіе на разныя мелочи, на которыя незамѣтно уходитъ масса денегъ. Извозчики, напримѣръ; я могъ бы иногда ѣздить въ „конкѣ“. И потомъ, карты: въ послѣднее время я постоянно проигрываю. Но тогда надо перемѣнить кругъ знакомыхъ, а это тоже невозможно. И притомъ, послѣ ряда проигрышей, должно же мнѣ, наконецъ, повезти.

„Но главное не въ этомъ, главное въ томъ, чтобъ извер-

нуться сейчасъ. Надо заплатить по векселю Лавдовскаго. Полторы тысячи... гдѣ я ихъ возьму?"

Послѣ обѣда Долоцкій ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, и закуривъ сигару (ихъ оставалось очень немного въ ящикѣ), протянулся съ ногами на оттоманкѣ. Черезъ нѣсколько минутъ вошла его жена, съ яблокомъ на тарелочкѣ, и, оглянувшись, сѣла подлѣ него на низенькомъ креслѣ.

Людмила Павловна была лѣтъ на восемь моложе его. Ей теперь шелъ двадцать-восьмой годъ—лучшій возрастъ для женщинъ ея типа, не слишкомъ высокихъ, стройныхъ, безъ наклонности къ полнотѣ, слегка смуглыхъ, съ некрупными, изящными чертами лица и роскошью густыхъ темныхъ и тонкихъ волосъ, съ непослушными прядями надъ лбомъ и надъ маленькими, прижатыми ушами. Съ этой наружностью Людмила Павловна сохраняла всю свѣжесть первой молодости, не тронутую жизнью. Въ ея таліи прибавилось всего нѣсколько сантиметровъ, а нѣкоторая полнота въ плечахъ не портила ея фигуры. Только легкій темный пушокъ надъ верхней губой обозначался теперь сильнѣе, чѣмъ когда она была дѣвушкой. Но этотъ пушокъ, такъ хорошо оттѣнявшій ея розовато-смуглую кожу и яркую окраску губъ, придавалъ особенную прелесть ея лицу. И маленькая родинка надъ уголкомъ рта казалась посаженною такъ кстати, что безъ нея наружность Людмилы Павловны какъ будто потеряла бы въ своемъ общемъ обликѣ.

Владиміръ Дмитріевичъ свѣсилъ съ дивана ноги и поправилъ подушку подъ локтемъ. На него разомъ налетѣло безпокойное, нервное настроеніе. По необычному приходу жены и мелькомъ схваченному выраженію ея лица онъ тотчасъ догадался, что она заведетъ разговоръ именно о томъ, что его волновало и мучило. Она въ послѣднее время, замѣчая признаки безденежья въ домѣ, нѣсколько разъ задавала ему вопросы, на которые онъ отвѣчалъ уклончиво, имѣя въ виду вывернуться изъ тисковъ и не желая посвящать ее въ свои непріятности. Но теперь онъ самъ не зналъ, можно ли продолжать скрывать отъ нея денежныя затрудненія.

— Ты сегодня какъ будто разстроенъ чѣмъ-то?—сказала Людмила Павловна, поставивъ тарелочку къ себѣ на колѣни и принимаясь тщательно очищать ножичкомъ яблоко.

— Можетъ быть... немножко...—отвѣтилъ Долоцкій.

— Что такое? почему же ты не скажешь?—спросила съ мелькнувшимъ на лицѣ безпокойствомъ Людмила Павловна.—Что-нибудь по службѣ?

— Нѣтъ, по службѣ все благополучно. Такъ, маленькія затрудненія по финансовой части. У меня въ послѣднее время стало какъ-то недохватывать денегъ,—отвѣтилъ мужъ.

Людмила Павловна разрѣзала яблоко и надкусила половинку его бѣлыми, ровными зубками.

— То-есть, денегъ у насъ всегда недохватывало, но раньше можно было брать изъ моего маленькаго капитала...—сказала она.

— Ну да, ты сама знаешь,—подтвердилъ мужъ.

— А какъ ты изворачивался въ этомъ году, когда въ банкѣ уже ничего не было?—спросила Людмила Павловна.

— А въ этомъ году... пришлось въ долги войти,—объяснилъ съ маленькой запинкой Долоцкій.

— Ты у кого-нибудь занялъ?

— Весной пришлось взять подъ вексель.

— Много?

— Полторы тысячи.

— У кого?

— У Лавдовскаго.

Яблоко опять хрустнуло подъ бѣлыми зубками Людмилы Павловны.

— По векселю скоро платить нужно?—спросила она, бросивъ на мужа спокойный, какъ будто мимолетный взглядъ.

Долоцкому все тяжелѣе становилось вести этотъ разговоръ. Гдѣ-то около сердца онъ даже чувствовалъ боль. Но онъ рѣшился все сказать.

— Срокъ платежа черезъ недѣлю,—отвѣтилъ онъ. — Я заѣзжалъ сегодня къ Лавдовскому, просилъ нельзя ли отсрочить, но онъ отказалъ.

Людмила Павловна помолчала, опустивъ руки вмѣстѣ съ тарелочкой на колѣни. Долоцкій исподлобья взглянулъ на нее, желая видѣть выраженіе ея лица. Но лицо ея было спокойно и только болѣе обыкновеннаго серьезно.

— Ты напрасно обращался къ Лавдовскому; онъ, повидимому, дрянь,—сказала она.

И брови ея на минуту нахмурились больше прежняго. Она припоминала, что съ нѣкоторыхъ поръ Лавдовскій, этотъ противный господинъ съ большими губами и желтыми глазами, поглядывалъ на нее съ какою-то слащавостью и приставалъ съ своими любезностями пошловатаго тона.

— Я самъ сожалѣю,—сказалъ Долоцкій.

— Ему надо заплатить,—произнесла послѣ короткаго молчанія Людмила Павловна.—Полторы тысячи, я думаю, можно

собрать. За мое жемчужное колье въ ломбардѣ дадутъ тысячи двѣ.

Долоцкій быстро поднялъ голову.

— Какъ, ты хочешь заложить свое колье? свою любимую вещь?—переспросилъ онъ въ смущеніи.

— Но если это необходимо!—возразила молодая женщина, вставая.—Безъ колье я могу обойтись нѣкоторое время, и ты, пожалуйста, не смущайся. Но надо подумать о томъ, что нашихъ средствъ намъ, очевидно, не хватаетъ. Такъ нельзя продолжать, это ясно. Надо что-нибудь придумать.

— А развѣ я не думаю!—возразилъ Долоцкій.—Но я какъ-то не умѣю взяться.

Людмила Павловна посмотрѣла на него съ спокойною снисходительностью и, ничего не сказавъ, вышла изъ кабинета.

III.

Нѣсколько дней этотъ разговоръ не возобновлялся между мужемъ и женой. Владиміръ Дмитріевичъ чувствовалъ себя неловко, и положеніе дѣлъ его серьезно озабочивало. А Людмила Павловна казалась по прежнему спокойною и взглядывала на него ободряющими, ласковыми глазами.

— Я все думаю, какое бы мнѣ найти частное занятіе, чтобы пополнить свои доходы, — сказалъ разъ Владиміръ Дмитріевичъ.

Людмила Павловна на это усмѣхнулась съ маленькой гримаской.

— То-есть, какъ это: занятія?—переспросила она.—Переводы для журналовъ дѣлать, что ли?

— А хоть бы и это,—произнесъ мужъ.

Молодая женщина пожала плечами.

— Ты самъ знаешь, что это можетъ дать гроши, — сказала она.—Я бы поняла, еслибъ ты захотѣлъ заняться дѣлами...

— Аферами?—переспросилъ Долоцкій.

— Называй какъ хочешь. Такими дѣлами, которыя могутъ сразу дать тысячи, десятки тысячъ.

— Гдѣ же найти такія дѣла? Да я и не подготовленъ къ этому. Тутъ нужны особыя знанія, опытность...

— Какія же знанія хотя бы у Лавдовскаго?—возразила Людмила Павловна.—Или у Жамлина? или у Дощатовскаго? А между тѣмъ они имѣютъ по тридцати, по сорока тысячъ доходу.

— Да, но они имѣли какой-нибудь случай войти въ эту сферу; у нихъ подходящія связи, отношенія,—замѣтилъ Долоцкій.

— Вотъ и надо создать себѣ такой случай,—тономъ убѣжденія сказала молодая женщина. — По моему, кто хочетъ достигнуть, тотъ достигаетъ. Все дѣло въ томъ, что мы вращаемся въ кругу, который слишкомъ далекъ отъ этихъ сферъ. Наши знакомые очень милые люди, но вѣдь это все чиновники, или военные—они, разумѣется, безполезны для такихъ цѣлей. Надо бывать въ такомъ обществѣ, гдѣ встрѣчаются крупные дѣловые люди, капиталисты, директоры банковъ, вліятельные бюрократы...

— О!—произнесъ Долоцкій и пожалъ плечами.—Мы играли бы очень жалкую роль въ такомъ обществѣ.

— Ты думаешь?—переспросила Людмила Павловна тономъ, въ которомъ прозвучала почти надменная самоувѣренность.—Это зависѣло бы отъ насъ самихъ. Я никогда и нигдѣ не играла бы жалкой роли. И ты также, будь увѣренъ.

Долоцкій невольно улыбнулся: самоувѣренность жены ему нравилась, и какъ будто ободряла его самого.

— Я не знаю, почему мы никогда не бываемъ у Ивицкихъ?—продолжала Людмила Павловна.—Они оба всегда такъ любезны къ намъ. Не далѣе какъ сегодня я встрѣтила m-me Ивицкую въ магазинѣ, и она настойчиво просила быть у нихъ завтра.

Долоцкій слегка поморщился. Ивицкіе были извѣстны всему Петербургу, жили открыто, давали отличные маленькіе обѣды и большіе вечера, но общество у нихъ собиралось довольно смѣшанное, и тамъ велась большая игра. Въ нынѣшнюю зиму у нихъ появилась даже рулетка.

— Это совсѣмъ не нашъ кругъ,—сказалъ Владиміръ Дмитріевичъ.

— Но, именно, это такой домъ, гдѣ можно встрѣтить весь крупный дѣловой Петербургъ и завязать связи,—возразила Людмила Павловна.—Во всякомъ случаѣ, надо посмотрѣть, что тамъ можно сдѣлать. Я дала Варварѣ Николаевнѣ слово за себя и за тебя.

Долоцкій пожалъ плечами, какъ бы слагая съ себя отвѣтственность, и ничего не сказалъ.

Въ глубинѣ души онъ не особенно возставалъ противъ идеи жены. Конечно, если бы они сдѣлались постоянными гостями Ивицкихъ, это произвело бы неблагопріятное впечатлѣніе въ кругу ихъ близкихъ знакомыхъ; но почему не бывать тамъ изрѣдка? И притомъ, этотъ близкій имъ кругъ, очень чопорный, но совсѣмъ не блестящій, порядочно надоѣлъ имъ обоимъ. Вла-

димiръ Дмитрiевичъ не разъ замѣчалъ, что жена тамъ скучаетъ за вѣчнымъ винтомъ по маленькой и за нескончаемыми разговорами о томъ, что̀ дѣлается въ другихъ, болѣе блестящихъ петербургскихъ кругахъ. А главное,—все это близкое имъ общество стояло совершенно въ сторонѣ отъ широкой волны жизни, пробавлялось департаментскими или полковыми интересами, и совсѣмъ не годилось для той цѣли, которая начинала смутно рисоваться въ воображенiи Владимiра Дмитрiевича.

Заняться дѣлами, и именно такими, о какихъ говорила жена,—дѣлами, которыя не требуютъ никакой спецiальной подготовки и при удачѣ даютъ десятки тысячъ премiй—это до очевидности заманчиво. Но какъ этого добиться, какъ начать? Жена права, для этого нужны прежде всего связи. Нужно постараться сблизиться съ какимъ-нибудь дѣловымъ человѣкомъ, съ однимъ изъ этихъ „фезёровъ“, которые придумываютъ какiя-то акцiонерныя общества, проводятъ какiе-то уставы, и при случаѣ предложить свои маленькiя услуги, въ родѣ секретарства или агентуры... Можно при этомъ воспользоваться кое-какими знакомствами въ бюрократическомъ мiрѣ, взять на себя сношенiя съ канцелярiями. А тамъ—дальше, дальше, и чѣмъ длиннѣе будетъ радiусъ, тѣмъ обширнѣе будетъ описываемый имъ кругъ.

Мысли Людмилы Павловны тоже останавливались на этой темѣ, но онѣ были гораздо опредѣленнѣе и самоувѣреннѣе. Въ томъ мiрѣ, куда они оба хотѣли заглянуть, несомнѣнно все основывалось на личномъ интересѣ и личныхъ отношенiяхъ. А въ личныхъ отношенiяхъ что̀ же можетъ быть сильнѣе женской красоты и женскаго кокетства? Десять самыхъ дѣльныхъ мужчинъ не добьются того, чего добьется хорошенькая женщина. „Серьезные люди, директоры, капиталисты?.. Знаю я ихъ!“—думала Людмила Павловна, и въ воображенiи ея рисовались нѣсколько знакомыя ей, внушительныя фигуры петербургскихъ „фезёровъ“, съ бѣгающими глазами и выраженiемъ запоздалой жизнерадостности на обрюзглыхъ лицахъ.—„Я возьмусь за нихъ“...

IV.

Петръ Корниловичъ Ивицкiй встрѣчалъ гостей въ первой, самой большой гостиной, съ тою до крайности привѣтливою любезностью, какою отличаются только очень плутоватые люди. Ему было лѣтъ сорокъ-пять, но его гладко выбритое лицо съ густыми, выхоленными усами и только-что начинающеюся лы-

синой блистало юношескимъ румянцемъ. Несмотря на свою совсѣмъ не регулярную жизнь, онъ имѣлъ видъ человѣка, никогда не выходившаго изъ условій мирнаго и безпечальнаго существованія, никогда не знавшаго ни страстей, ни потрясеній и не растрачивавшаго своихъ жизненныхъ запасовъ.

Знали о немъ, въ сущности, немного. Онъ былъ членомъ правленія въ нѣсколькихъ крупныхъ акціонерныхъ учрежденіяхъ, гдѣ получалъ немалые оклады. Предполагали, что у него есть гдѣ-то въ самарской губерніи большое имѣніе, служившее для него неистощимымъ источникомъ кредита и всякихъ чрезвычайныхъ рессурсовъ. Проживалъ онъ несомнѣнно тысячъ пятьдесятъ въ годъ, да иногда столько же въ одну зиму проигрывалъ; но какъ укладывался и уравновѣшивался его балансъ—объ этомъ никто не могъ основательно судить.

Во второй гостиной, отдѣланной гобеленами и уставленной множествомъ художественныхъ предметовъ, такъ что она походила на маленькій музей, встрѣчала гостей m-me Ивицкая. Она тоже казалась моложе своихъ тридцати-пяти лѣтъ, тоже отличалась сохранившеюся здоровою свѣжестью, но, не обладая красотой, сосредоточила всѣ свои заботы на томъ, чтобы придать своей наружности и своему обращенію самую чарующую привѣтливость. Невозможно было улыбаться любезнѣе ея, и никакіе глаза не имѣли такого ласкающаго до приторности выраженія.

При видѣ Людмилы Павловны, она бросилась къ ней съ такимъ радостнымъ стремленіемъ, какъ будто весь успѣхъ вечера зависѣлъ отъ ея появленія.

— Вотъ кто меня совсѣмъ не хочетъ знать и кого я напрасно ждала столько времени!—воскликнула она, крѣпко сжимая руку Людмилы Павловны, но не забывая въ то же время окинуть всю ее тѣмъ быстрымъ взглядомъ, какимъ всякая женщина оглядываетъ другую женщину, когда та появляется въ большомъ туалетѣ.

А сегодняшній туалетъ Людмилы Павловны былъ очень милъ: она надѣла свое новое, пополамъ съ бархатомъ, платье цвѣта mauve, съ выписанной изъ Парижа, очень изящной отдѣлкой корсажа. Платье было безукоризненно сшито, и охватывало ея красивую фигуру, какъ перчатка. Полу-открытая, слегка смуглая шея Людмилы Павловны розовѣла подъ розоватымъ же жемчугомъ стариннаго колье—того самаго колье, которое сегодня въ послѣдній разъ красовалось на ней: на дняхъ его приходилось сдать въ ломбардъ. И хотя Людмила Павловна заставляла себя свыкнуться съ этой мыслью, тѣмъ не менѣе она раздражала ее.

— Садитесь здѣсь, подлѣ меня, и позвольте вамъ представить друзей нашего дома,—обратилась къ ней Варвара Николаевна.—Мосьё Пыхачевъ, мосьё Неровицкій, мосьё Кокоринъ...

Перваго изъ нихъ, Пыхачева, Людмила Павловна встрѣчала раньше. Она привѣтливо протянула ему руку, которую тотъ медленно пожалъ своими короткими, пухлыми пальцами, не сводя съ молодой женщины откровенно любующагося и, какъ у него всегда выходило, нѣсколько циническаго взгляда.

И въ то же время, мелькомъ вскидывая глазами на Неровицкаго и Кокорина, онъ говорилъ, продолжая начатый разговоръ:

— А все-таки это дѣло непропащее, совсѣмъ непропащее. У нихъ заводъ стоитъ на угольной залежи,—этого преимущества другіе не имѣютъ. И въ шестидесяти верстахъ руда, такъ что доставка обходится въ одну восьмидесятую съ пудо-версты. Ну, прибавьте нагрузку...

— Я не спорю, въ другихъ рукахъ дѣло могло бы совсѣмъ иначе пойти,—замѣтилъ Неровицкій;—но вѣдь вы знаете, тамъ всѣмъ ворочаетъ Мельхиседековъ, а извѣстно, что онъ такое.

— Мельхиседековъ не на своемъ мѣстѣ,—отозвался Пыхачевъ.—Это отличный, исполнительный управляющій, но чтобъ стоять во главѣ большого дѣла, онъ не годится.

— Главная бѣда та, что у нихъ акціонерный капиталъ весь исчерпанъ,—вставилъ Кокоринъ.—Они сами знаютъ, что надо и то, и другое, да ухватиться нечѣмъ.

— А почему же они спятъ и не дѣлаютъ новаго выпуска акцій?—сказалъ Пыхачевъ.—Имъ давно слѣдовало къ этому обратиться.

— Я слышалъ, у нихъ этотъ вопросъ обсуждается,—замѣтилъ Неровицкій.

— Непремѣнно должны къ этому придти,—продолжалъ Пыхачевъ.—Жизнеспособность полная, условія мѣстонахожденія лучше, чѣмъ у кого-нибудь. Въ три, въ четыре года дѣло можетъ пойти блистательно. Но безъ денегъ нельзя. Имъ новая домна нужна, а по-моему, еще и собственная вѣтвь необходима.

— На соединеніе съ нижне-озерской?

— Непремѣнно. На Мостовицы, Дудуево, и оттуда прямо всунуться въ узелъ. Сто-десять верстъ. Считайте версту въ тридцать-четыре тысячи: выходитъ три милліона семьсотъ сорокъ тысячъ.... Дѣло окупится въ нѣсколько лѣтъ.

— Вы полагаете, выпускъ имѣлъ бы успѣхъ? — спросилъ Неровицкій.

Пыхачевъ со смѣхомъ повернулъ къ нему свое грузное туловище.

— Ну, это ужъ глядя по тому, какъ возьмутся за дѣло,— отвѣтилъ онъ. — Если попадетъ въ надлежащія руки, такъ и сдѣлается. Мы съ вами, кажется, знаемъ, какъ за эти вещи съ толкомъ браться.

Отрывистый, желудочный смѣхъ встряхнулъ его еще раза два, и затѣмъ онъ повернулся къ Людмилѣ Павловнѣ и произнесъ съ небрежно-любезной улыбкой:

— Простите, мы совсѣмъ неинтересный для васъ разговоръ ведемъ...

Людмила Павловна, слушавшая этотъ неинтересный разговоръ съ утомлявшимъ ее напряженіемъ, тоже улыбнулась.

— Напротивъ, я люблю дѣловые разговоры; я вѣдь сама дѣловая женщина,—сказала она.

— Да будто бы? — тономъ нескрываемаго сомнѣнія переспросилъ Пыхачевъ, и скосилъ глаза на вырѣзъ ея ворота.

— Увѣряю васъ. Вотъ попробуйте, возьмите меня въ какое-нибудь дѣло,—смѣло отвѣтила Долоцкая.

Пыхачевъ усмѣхнулся, ничего не сказавъ, только еще пристальнѣе уставился глазами на вырѣзъ ея корсажа.

Въ эту минуту Невицкій дотронулся рукой до всѣхъ троихъ дѣловыхъ людей.

— Макао въ полномъ составѣ; не начать ли намъ?—сообщилъ онъ вполголоса.

Людмила Павловна встала и пошла взглянуть, что дѣлается въ другихъ комнатахъ.

V.

Общество было уже въ полномъ сборѣ. Во всѣхъ углахъ стояли ломберные столы, и вездѣ шла крупная игра. Въ одной изъ партій винта участвовалъ Долоцкій. Людмила Павловна постояла минуту подлѣ него, заглянула въ его карты, улыбнулась ему своимъ ободряющимъ взглядомъ и прошла дальше.

Въ дверяхъ стоялъ Лавдовскій, а передъ нимъ маленькій господинъ съ усами, торчавшими какъ у одичалаго кота, и говорилъ необычайно громко, фыркающимъ и словно надругающимся тономъ:

— Вы только подумайте: раньше пудо-верста обходилась намъ одну-шестнадцатую, а теперь три-восьмыхъ. Вы понимаете, какой отсюда минусъ вытягивается?

Лавдовскій поклонился Людмилѣ Павловнѣ съ своею всегдашнею дѣланною улыбочкой. Она чуть-чуть кивнула головой, и не протянула руки.

„А я догадываюсь, что такое значитъ пудо-верста, — подумала она, улыбаясь сама себѣ.—Это значитъ плата за провозъ по желѣзной дорогѣ за версту съ пуда".

Она прошла дальше. Въ самой крайней комнатѣ, называвшейся „библіотечкой",—хотя вся библіотека состояла изъ двухъ низенькихъ шкафовъ съ разрозненными старыми журналами,— играли въ рулетку. Пухлый молодой блондинъ, съ отвислыми щеками и губами, держалъ банкъ. Онъ, очевидно, проигрывалъ, и маленькіе свѣтлые глаза его глядѣли злобно. Вокругъ было шумно; мужчины и дамы тѣснились кругомъ стола, разговаривали, смѣялись, разсчитывались. Двое знакомыхъ молодыхъ людей уступили мѣсто Людмилѣ Павловнѣ.

— Не хотите ли поставить?—предложили ей.

— Дайте прежде посмотрѣть, я не имѣю понятія о рулеткѣ,—сказала она.

— Штучка, заслуживающая вниманія,—отозвался одинъ изъ молодыхъ людей.

Игра продолжалась. Людмила Павловна смотрѣла молча, съ серьезнымъ видомъ, потомъ достала изъ кармана портмонне, вынула маленькую золотую монету и поставила на „красную". Она выиграла. Знакомые молодые люди захлопали въ ладоши.

— Отлично начато,—сказалъ одинъ.—Знаете, для перваго раза вы сегодня непремѣнно выиграете. Поставьте на номеръ.

Но Людмила Павловна не хотѣла рисковать en plein. Она поставила на „черную", и опять выиграла: повторила ставку, и съ такимъ же успѣхомъ.

— Вотъ теперь очень трудный вопросъ: черная или красная?—сказала она со смѣхомъ, позвякивая собранными въ руку монетами.—Я хочу все это на одинъ ударъ поставить. Ну, пусть будетъ красная.

И она бросила на столъ свою горсточку золота. Красная, дѣйствительно, выиграла. Банкометъ выплатилъ ей уже съ совсѣмъ злыми отъ продолжающагося проигрыша глазами.

— Поставьте же на номеръ! — убѣждалъ одинъ изъ молодыхъ людей.—Вѣдь вамъ чертовски везетъ.

Но Людмила Павловна не послушалась, и отсчитавъ пять золотыхъ, поставила ихъ на шесть нумеровъ. Счастье и на этотъ разъ не измѣнило ей. Она собрала выплаченное ей золото, запихала въ портмонне и опустила его въ карманъ.

— Довольно, нельзя злоупотреблять счастьемъ,—сказала она.

— Въ банкѣ ничего нѣтъ,—объявилъ банкометъ, и всталъ, весь красный, съ растеряннными и злыми глазами.

— Браво, вы сорвали банкъ!—воскликнули въ одинъ голосъ молодые люди, и снова захлопали въ ладоши.

Людмила Павловна, улыбаясь, отошла отъ стола. Ей сдѣлалось необычайно весело. Выигрышъ имѣлъ не только матеріальное значеніе, но наполнялъ ее какимъ-то ощущеніемъ торжества.— „Мнѣ везетъ“,—думала она, повертывая въ карманѣ такъ неожиданно наполнившееся золотомъ портмонне.

Въ одной изъ гостиныхъ ее окликнула Варвара Николаевна.

— Позвольте вамъ представить Виктора Александровича Галиновскаго,—сказала она.

Передъ Людмилой Павловной поднялся съ низенькаго кресла господинъ лѣтъ сорока-пяти, чрезвычайно приличнаго вида, темноволосый, съ небольшою лысиной и наружностью умнаго бюрократа. Одѣтъ онъ былъ безукоризненно. На отлично сшитомъ фракѣ его блестѣли двѣ звѣзды: онъ пріѣхалъ прямо изъ засѣданія какой-то коммиссіи.

Людмила Павловна сто разъ раньше слышала эту фамилію. Галиновскій былъ восходящею или даже уже взошедшею звѣздою на петербургскомъ оффиціальномъ небосклонѣ. Онъ занималъ значительное мѣсто и пользовался громаднымъ вліяніемъ. За нимъ была упрочена репутація отличнаго дѣльца, и притомъ человѣка серьезно образованнаго и съ широкими взглядами.

Галиновскій подвинулъ кресло Людмилѣ Павловнѣ и, усѣвшись противъ нея, сейчасъ же, съ свободой очень привыкшаго къ обществу человѣка, началъ разговоръ,—незначительный, безъ притязанія на изобрѣтательность, но въ которомъ помимо прорывались довольно злой сарказмъ и слегка ядовитая, надъ всѣмъ подсмѣивающаяся веселость. Умные, настойчивые, пытливые глаза его при этомъ почти не отрывались отъ молодой женщины, и въ нихъ все явственнѣе проступало сочувственное, любующееся выраженіе. Онъ замѣтилъ Людмилу Павловну еще раньше, когда она проходила въ „библіотечную“, и тогда же съ большимъ интересомъ освѣдомился о ней у хозяина дома и просилъ непремѣнно представить его ей.

— Удачно играли?—спросилъ онъ, вспомнивъ о рулеткѣ и кивнувъ головой на портьеру, изъ-за которой доносился веселый шумъ игры.

— Почему вы думаете, что я непремѣнно играла? — переспросила Людмила Павловна.

— Ваше лицо выдаетъ васъ: я читаю на немъ выраженіе удовлетворенія, какое даетъ удачный рискъ, — отвѣтилъ Галиновскій.

— Неужели у меня такое предательское лицо?—засмѣялась Людмила Павловна.

— Я догадался бы, впрочемъ, просто потому, что всѣ молодыя женщины вообще любятъ рискъ, — продолжалъ Галиновскій.—Это у нихъ въ природѣ. Вѣдь вся жизнь женщины проходитъ въ томъ, что она рѣшаетъ вѣчный вопросъ: рискнуть, или не рисковать?

— Напримѣръ?—спросила Людмила Павловна.

— Да, напримѣръ, начинается это съ замужества, которое всегда представляетъ собою громадный рискъ, несравненно большій, чѣмъ для мужчины женитьба, потому что женщина теряетъ независимость, а мужчина ее сохраняетъ. — пояснилъ Галиновскій.—Затѣмъ, всякій романъ. Для женщины это почти всегда не что иное, какъ вопросъ: рискнуть или нѣтъ?

Людмила Павловна прищурилась на него съ такимъ выраженіемъ, какъ будто собиралась обидѣться.

— И больше ничего?—спросила она.

— Но вѣдь я говорю о женщинахъ вообще, о самыхъ обыкновенныхъ женщинахъ, у которыхъ и романы могутъ быть только самые обыкновенные, — оправдывался Галиновскій. — Какъ бы то ни было, женщины всегда больше расположены къ риску. Въ игрѣ—онѣ самыя азартныя; это я наблюдалъ въ заграничныхъ казино, гдѣ играютъ въ баккара или рулетку. Въ дѣлахъ тоже никто не спекулируетъ съ такимъ легкимъ сердцемъ, какъ женщины. Ужъ если онѣ пускаются въ аферы, то въ самыя рискованныя.

— Значитъ, я не похожа на другихъ женщинъ; на аферы у меня совсѣмъ противоположный взглядъ, — сказала Людмила Павловна.—Я признаю только такія дѣла, въ которыхъ можно выиграть навѣрняка, не рискуя ни одной копѣйкой.

Галиновскій посмотрѣлъ на нее и улыбнулся.

— Что-жъ, и такія бываютъ дѣла, — сказалъ онъ. — Но будто вы прикосновенны къ этой области?

— Развѣ я ужъ такъ непохожа на дѣловую женщину?

— Откровенно говоря, не похожи.

Людмила Павловна сдѣлала серьезное лицо.

— Вотъ вы и ошиблись, — сказала она. — У меня голова переполнена дѣловыми соображеніями. Я только и мечтаю о томъ, чтобы сыграть роль въ какомъ-нибудь крупномъ финансо-

вомъ дѣлѣ, сорвать хорошій куртажъ и... и разбогатѣть, разумѣется.

Галиновскій продолжалъ улыбаться, но глаза его смотрѣли серьезнѣе.

— Вы не шутите со мной?—спросилъ онъ.

— Нисколько. Что тутъ невѣроятнаго? — воскликнула Людмила Павловна.—Вѣдь, вотъ, всѣ, кого вы здѣсь видите, дѣлаютъ то же или мечтаютъ о томъ же. Въ этихъ гостиныхъ почти весь денежный Петербургъ собрался. И все это—состоянія, нажитыя въ короткое время, и, конечно, не трудомъ, а спекуляціей. Все это—счастливцы, идущіе къ милліонамъ самымъ короткимъ путемъ. Ну, и я предпочитаю такой путь, хотя мой милліонъ—очень маленькій, у меня нѣтъ ненасытной жадности. Я хочу быть богатой въ самомъ буржуазномъ смыслѣ.

— А вѣдь считается, что это все не такъ просто и легко, какъ вы, можетъ быть, думаете,—сказалъ Галиновскій.

— И да, и нѣтъ, — возразила Людмила Павловна. — Все зависитъ отъ случая, отъ сцѣпленія обстоятельствъ, и немножко—отъ умѣнья. Развѣ можно сказать, что легко выиграть въ рулетку? А, вотъ, я выиграла.

Умные глаза Галиновскаго еще болѣе оживились.

— Я могу только сказать, что вы—очень интересный экземпляръ женщины,—произнесъ онъ.—Вы позволите мнѣ продолжать нашъ разговоръ?

— О, съ удовольствіемъ,—отвѣтила Людмила Павловна.

VI.

За нѣкоторыми столиками кончили играть. Большое макао тоже кончилось. Въ гостиныхъ стало оживленнѣе и шумнѣе. Въ ожиданіи ужина, гости сновали изъ комнаты въ комнату, разминаясь и пережевыя впечатлѣнія выигрыша и проигрыша. Пыхачевъ раза два прошелъ мимо Людмилы Павловны, пріостанавливаясь на своихъ толстыхъ ногахъ: его, повидимому, очень интересовало видѣть ее въ оживленномъ разговорѣ съ Галиновскимъ. Столкнувшись въ дверяхъ съ Неровицкимъ, онъ показалъ на нее глазами и произнесъ:

— Интересная бабенка; да кто она, собственно, такая?

Неровицкій, собравшій о ней раньше краткія свѣдѣнія отъ Варвары Николаевны, сообщилъ, что мужъ ея чиновникъ, служитъ тамъ-то и живутъ они скромно, но прилично.

— Викторъ-то Александровичъ совсѣмъ прилипъ къ ней, — замѣтилъ Пыхачевъ, снова покосившись на Долоцкую и Галиновскаго.—Баба съ толкомъ, повидимому.

Лавдовскій безпрестанно ходилъ взадъ и впередъ мимо Людмилы Павловны, обнаруживая даже признаки ажитаціи: его совсѣмъ озадачилъ этотъ долгій уединенный разговоръ ея съ Галиновскимъ. У него явилось сомнѣніе, не промахнулся ли онъ, отказавъ Долоцкому въ пересрочкѣ векселя. Столкнувшись съ Пыхачевымъ, онъ вдругъ съ странною озабоченностью спросилъ его:

— Вы, кажется, и раньше были знакомы съ m-me Долоцкой?

— Немножко. А Галиновскій-то, кажется, въ первый разъ видитъ ее сегодня? — въ свою очередь полюбопытствовалъ Пыхачевъ.

— О, нѣтъ, они давно знакомы: это давнишній флёртъ,— поспѣшно совралъ Лавдовскій.

Онъ и самъ, вѣроятно, не могъ бы объяснить, зачѣмъ ему понадобилось соврать: но у него это уже вошло въ привычку.

Галиновскій, между тѣмъ, всталъ и, наклонясь къ Людмилѣ Павловнѣ, сказалъ интимнымъ тономъ:

— Я избѣгаю оставаться здѣсь ужинать: это даже неудобно по дѣловымъ отношеніямъ. Но позвольте просить васъ познакомить меня съ вашимъ мужемъ и получить разрѣшеніе быть у васъ.

— Будемъ очень рады васъ видѣть,—отвѣтила съ очаровательной любезностью Людмила Павловна.—А мужа мы сейчасъ разыщемъ. Дайте мнѣ вашу руку.

И она прошла съ нимъ черезъ рядъ комнатъ, среди заинтересованной толпы, безцеремонно пожиравшей ее глазами.

Галиновскій пріостановился съ Долоцкимъ на нѣсколько минутъ, поговорилъ, внимательно оглядывая его своими пытливыми глазами, радушно и крѣпко пожалъ ему руку, и затѣмъ незамѣтно скрылся.

Цвицкій, торопливо обходя гостей, звалъ ужинать. Пыхачевъ изъ другого угла гостиной почти подбѣжалъ къ Людмилѣ Павловнѣ и подставилъ ей свою жирную руку.

— Викторъ Александровичъ отнималъ васъ у всѣхъ цѣлый вечеръ, а теперь ужъ я завладѣю вами, — сказалъ онъ своимъ грубовато-небрежнымъ тономъ.

Людмилу Павловну коробилъ этотъ тонъ: но она очень мило улыбнулась, просунула, словно подъ подушку, руку подъ пухлый

локоть Пыхачева и пошла съ нимъ. — „Подожди, мой милый, вѣдь я не даромъ тебѣ улыбаюсь и буду сидѣть подлѣ тебя за ужиномъ; у насъ еще будутъ счеты...“ —думала она, и на лицѣ ея лежало то самое выраженіе внутренняго торжества, съ какимъ она отошла отъ рулеточнаго стола.

Ужины у Ивицкихъ всегда отличались оживленіемъ. Многолюдная толпа, довольная собою и не очень чопорная, весело шумѣла. Дамы, молодыя и по большей части хорошенькія, громко хохотали, показывая бѣлые зубы и ямочки на щекахъ, и не отказывались отъ подливаемыхъ имъ бокаловъ.

Пыхачевъ, тыкая вилкой въ какую-то рыбу, допрашивалъ Людмилу Павловну, о чемъ она говорила съ Галиновскимъ.

— У насъ былъ дѣловой разговоръ,—отвѣтила Долоцкая.

— Будто? Ну, я его умнѣе считалъ,—отозвался Пыхачевъ съ своимъ желудочнымъ смѣхомъ.—О какихъ же дѣлахъ вы говорили?

— О многихъ. Я интересовалась узнать, напримѣръ, какъ онъ смотритъ на выпускъ новыхъ акцій заводомъ, находящимся въ упадкѣ...—объяснила Людмила Павловна.

— А васъ почему это можетъ интересовать?—удивился Пыхачевъ.

— Я же вамъ говорила, что я дѣловая женщина, и, притомъ, меня занялъ вашъ разговоръ съ Неровицкимъ и Кокоринымъ. Рѣчь шла, если вы помните, именно объ одномъ такомъ заводѣ...

— Нижне-озерскомъ?

— Да, нижне-озерскомъ.

— Такъ какого же мнѣнія Викторъ Александровичъ?—поинтересовался Пыхачевъ.

Людмила Павловна усмѣхнулась съ значительнымъ видомъ.

— Ну, я не такая болтушка, какъ вы думаете,—отвѣтила она.—Викторъ Александровичъ и не сталъ бы высказывать мнѣ свои мнѣнія, еслибъ считалъ меня способной тотчасъ разглашать ихъ.

— Вотъ вы какая!—протянулъ почти съ удивленіемъ Пыхачевъ.

— Совсѣмъ дѣловая! — повторила съ маленькимъ смѣхомъ Людмила Павловна, и подумала:—„Отчего не помистифицировать эту тушу? Галиновскій предпочелъ вести со мной болѣе интересный разговоръ, но это Пыхачева не касается“.

Толстякъ продолжалъ въ упоръ любоваться ею, прихлебывая изъ стаканчика.

— Вотъ вы лучше отвѣтьте мнѣ на дѣловой вопросъ,— сказала Людмила Павловна, переходя въ серьезный тонъ:—вамъ хотѣлось бы захватить въ свои руки новыя нижне-озерскія акціи?

— Объ этомъ еще только одинъ разговоръ идетъ, — отозвался Пыхачевъ.

— Но еслибъ дѣло было рѣшено?

Пыхачевъ пожалъ плечами.

— Они попробуютъ сами все сдѣлать. И наглупятъ, разумѣется,—сказалъ онъ.

— Вотъ и не надо допускать ихъ до этого, — возразила Людмила Павловна.

Пыхачевъ пытливо покосился на нее.

— У васъ тамъ есть, можетъ быть, свой человѣкъ?—спросилъ онъ недовѣрчиво.

Людмила Павловна опять усмѣхнулась.

— Можетъ быть. Но дѣловые люди не показываютъ раньше времени своихъ картъ,—сказала она.—А впрочемъ,—прибавила она тотчасъ,—заѣзжайте какъ-нибудь на-дняхъ ко мнѣ, мы потолкуемъ.

Пыхачевъ отвѣтилъ, что заѣдетъ съ особеннымъ удовольствіемъ.

VII.

Людмила Павловна возвращалась домой радостно возбужденная, почти счастливая. Она точно сразу почувствовала подъ собою новую, твердую почву. Откинувшись въ уголъ кареты, она весело щурилась въ тусклую темноту петербургской ночи и немножко мечтала.

Всѣ эти люди, которыхъ она видѣла у Нвицкихъ, довольно противны. Одинъ Галиповскій не похожъ на другихъ: онъ хорошо образованъ, и въ немъ нѣтъ этой циничесной меркантильности, сосредоточивающей всѣ человѣческіе интересы на „пудоверстѣ". Но остальные, въ родѣ Пыхачева, совсѣмъ не симпатичны. Что же дѣлать? Зато это—сила, и именно та, которая ей нужна. Надо только заставить эту силу служить ей.

И ей казалось, что это можно сдѣлать. Молодость и красота женщины—хорошее оружіе. А ума, повидимому, вовсе не такъ много требуется. Она сегодня имѣла успѣхъ, въ этомъ нельзя было сомнѣваться. Немножко женской ловкости, и они сами научатъ ее тому, что ей надо...

— Ты играла въ рулетку?—спросилъ мужъ.

— Да, и очень удачно: выиграла рублей четыреста,—отвѣтила, отрываясь отъ своихъ мечтаній, Людмила Павловна.—А ты?

— А я сорокъ. Но это отлично, что ты въ такомъ выигрышѣ,—произнесъ Долоцкій, и, отыскавъ ея руку, пожалъ ее.

Мысль Людмилы Павловны на минуту перескочила на мужа. Ей почему-то представалъ вопросъ, какую роль онъ займетъ въ ея планахъ. Но она не остановилась на этомъ вопросѣ. „Онъ хорошій, добрый...“—неопредѣленно отвѣтила она сама себѣ.

На другой день, рано утромъ, къ Владиміру Дмитріевичу неожиданно заѣхалъ Лавдовскій. Какъ у всѣхъ людей этого склада, наружность и обращеніе его тотчасъ выразили, что онъ явился въ заискивающемъ настроеніи: въ походкѣ, въ манерахъ его сквозила какая-то пріятельская развязность, голосъ звучалъ съ несвойственной ему сладостью, желтоватые глаза искательно бѣгали и искрились. Послѣ минутнаго разговора, онъ сейчасъ же сталъ извиняться за свой отказъ пересрочить вексель.

— Но тогда, понимаете, я былъ стѣсненъ въ деньгахъ,—объяснилъ онъ:—а теперь мнѣ случилось получить значительный платежъ, и я нарочно заѣхалъ къ вамъ, чтобъ сообщить, что съ удовольствіемъ готовъ оказать вамъ эту маленькую услугу...

Долоцкій, удивленный, не зналъ, какъ отнестись къ такой неожиданной любезности. Возможность переписать вексель и избавить жену отъ необходимости закладывать колье очень его радовала. Но въ внезапной услужливости Лавдовскаго чувствовался какой-то подозрительный смыслъ, и Долоцкій подумалъ, что лучше всего было бы узнать мнѣніе жены. Извинившись, что на минуту оставляетъ посѣтителя одного, онъ прошелъ къ Людмилѣ Павловнѣ.

— Что за чудеса такія: Лавдовскій пріѣхалъ, лебезитъ и предлагаетъ переписать вексель.—объявилъ онъ.

Людмила Павловна, сидѣвшая передъ туалетнымъ столикомъ, быстро повернула къ мужу вспыхнувшее лицо.

— Ни подъ какимъ видомъ!—сказала она.—Передъ такими господами нельзя обязываться. Скажи ему, что не нуждаешься въ его одолженіяхъ, и что по векселю будетъ заплачено.

Долоцкій вернулся въ кабинетъ, и, повторивъ свои извиненія, объявилъ, что очень благодаренъ за любезность, но такъ какъ деньги уже приготовлены, то нѣтъ надобности въ отсрочкѣ платежа.

Лавдовскій удивился, даже растерялся въ первую минуту.

Но у него была очень толстая кожа, сквозь которую не легко проходили впечатлѣнія. Съ обычною безцеремонностью, онъ сейчасъ же перешелъ къ другому предмету. У него было дѣло въ томъ учрежденіи, на которое Галиновскій имѣлъ непосредственное вліяніе, и онъ рѣшился тутъ же просить Долоцкаго посодѣйствовать ему.

— Вѣдь вы, кажется, въ хорошихъ съ нимъ отношеніяхъ,— замѣтилъ онъ.—Викторъ Александровичъ даже бываетъ у васъ въ домѣ, не правда ли?

— На какомъ же основаніи я сталъ бы просить за васъ? Вѣдь вы лицо для меня постороннее,—возразилъ Долоцкій, не сочтя нужнымъ отвѣтить на послѣдній вопросъ Лавдовскаго.

— Но что вамъ стоитъ? И Галиновскому тоже ничего не будетъ стоить, а для меня дѣло очень важное,—сказалъ тотъ.

Долоцкій на это сухо отвѣтилъ, что у каждаго могутъ быть свои важныя дѣла, и перемѣнилъ разговоръ.

Желтое лицо Лавдовскаго еще болѣе пожелтѣло. Онъ опять мысленно назвалъ себя дуракомъ за то, что отказалъ Долоцкому.—„Но кто же могъ знать! Простой чиновникъ, и съ очень маленькимъ состояніемъ, если не совсѣмъ безъ состоянія...“—пытался онъ оправдать себя.

Стребя красными пальцами шапку, онъ, однако, рискнулъ сказать:

— Людмилу Павловну, конечно, нельзя такъ рано безпокоить? Передайте, пожалуйста, тысячу любезностей отъ меня; вѣдь я всегда былъ такимъ усерднымъ поклонникомъ вашей супруги. Вчера она была въ полномъ смыслѣ царицей вечера.

Лавдовскій наконецъ уѣхалъ, а черезъ часъ посыльный принесъ изъ магазина огромную корзину живыхъ цвѣтовъ съ его карточкой. Людмила Павловна пожала плечами...

VIII.

Спустя часа два, въ гостиную Людмилы Павловны вошелъ Пыхачевъ. Онъ только-что позавтракалъ въ ресторанѣ, и отъ него пахло виномъ.

— Здравствуйте, здравствуйте, барынька...—привѣтствовалъ онъ хозяйку, поднося къ губамъ протянутую ему руку.

Людмилу Павловну опять покоробило и отъ этого тона, и отъ запаха вина, и отъ всей вицшности Пыхачева; но она подумала, что еще не время его дисциплинировать.

Пыхачевъ грузно опустился на кресло и обвелъ глазами комнату.

— Довольны квартирой?—спросилъ онъ. — Теперь это насущный вопросъ. Сколько платите?

Людмила Павловна удовлетворила его любопытству.

— Ну, а сколько же вы вообще прживаете въ годъ? — продолжалъ Пыхачевъ. — Если это не секретъ. Тысячъ пять, шесть?

— Это не секретъ, но кому же какое дѣло до этого? — отвѣтила Людмила Павловна.—Если васъ интересуетъ, сколько мой мужъ получаетъ жалованья, справьтесь въ канцеляріи.

— Ну, и свое какое-нибудь состоянье есть?—все-таки продолжалъ Пыхачевъ, совсѣмъ не замѣчая маленькаго нервнаго подергиванья въ плечахъ хозяйки.—Тысяченокъ двадцать, тридцать, изъ приданаго, а?

Онъ эти разспросы дѣлалъ безъ всякой цѣли, просто потому, что человѣческая личность опредѣлялась для него прежде всего размѣрами капитала или дохода. Не зная денежной цѣнности человѣка, онъ какъ-то не умѣлъ о немъ судить, и вообще въ отношеніяхъ къ нему ощущалъ неясность. Въ его кругу, какъ только называли какое-нибудь новое имя, самъ собою сейчасъ же слѣдовалъ вопросъ: „а чѣмъ онъ живетъ?“—или: „а сколько онъ имѣетъ?“

Людмила Павловна догадалась, наконецъ, что на безсознательное невѣжество Пыхачева нельзя обращать вниманіе, и очень мило ему улыбнулась.

— Сколько у насъ теперь, это неинтересно,—сказала она: —я обѣщаю объявить вамъ первому, когда у насъ будетъ милліонъ.

Пыхачевъ повернулся въ креслѣ, точно почувствовалъ щекотку.

— Хе-хе!—засмѣялся онъ. — Милліонъ штука хитрая, до него шутя не дойдешь.

— А кто вамъ сказалъ, что я собираюсь шутить?—возразила совершенно серьезно Людмила Павловна. — Лучше всего, перейдемъ къ дѣлу, о которомъ вчера говорили. Я должна вамъ сказать, что дѣйствительно заинтересовалась имъ. Мнѣ кажется, что для нихъ, для нижне-озерскихъ заправилъ, безусловно необходимо остановиться на выпускѣ новыхъ акцій.

— Это и мое мнѣніе,—подтвердилъ Пыхачевъ. — Дѣло, въ сущности, солидное, но безъ капитала имъ не повернуться. Но бѣда въ томъ, что очень они сомнѣваются въ успѣхѣ выпуска.

Да и не напрасно, потому что сами они ничего не съумѣютъ сдѣлать.

— Вотъ потому-то и надо ихъ убѣдить не браться самимъ, а отдать дѣло въ надежныя руки.—сказала Людмила Павловна.

— Какъ ихъ убѣдить!—возразилъ Пыхачевъ.

Но затѣмъ онъ вдругъ, съ возможной для него живостью, повернулся къ молодой женщинѣ и спросилъ:

— Да вы скажите прямо: у васъ есть какія-нибудь зацѣпки въ этомъ случаѣ?

Людмила Павловна улыбнулась съ значительнымъ видомъ.

— Хотите вмѣстѣ со мной войти въ это дѣло? — спросила она вмѣсто отвѣта.

Пыхачевъ тоже осклабился.

— Какъ же не хотѣть, когда на лицо такой прелестный компаньонъ?—сказалъ онъ. — Но штука-то въ томъ, что пока это даже не дѣло. Надо, чтобъ они приступили, тогда видно будетъ.

— Напротивъ, тогда поздно будетъ, потому что они захотятъ попытаться сами все сдѣлать, — возразила Людмила Павловна. — Надо именно теперь вступить съ ними въ переговоры и убѣдить ихъ, что выгоднѣе всего было бы передать всю операцію въ ваши руки.

Пыхачевъ посмотрѣлъ на нее ободряющимъ и любующимся взглядомъ.

— А вѣдь вы, въ самомъ дѣлѣ, дѣловая барынька, какъ я вижу,—произнесъ онъ слащаво, и, взявъ ея руку, приложился губами.

— Разглядѣли, наконецъ?—отозвалась съ маленькимъ смѣхомъ Людмила Павловна. — Такъ какъ вы думаете, стоитъ похлопотать?

— Почему же не стоитъ? Эмиссіонная операція предвидится крупная,—отвѣтилъ Пыхачевъ.

— „Это называется: эмиссіонная операція: такъ и замѣтимъ“,—подумала Людмила Павловна.

— У меня, видите ли, какая мысль,—сказала она вслухъ:— я имѣю въ виду человѣка, котораго надо послать туда, и который отлично съумѣетъ повести тамъ переговоры.

— Кто же такой?—полюбопытствовалъ Пыхачевъ.

— Мой мужъ,—отвѣтила Людмила Павловна.—Васъ удивляетъ, потому что онъ неизвѣстенъ въ вашихъ сферахъ? Но я вамъ ручаюсь, что онъ сдѣлаетъ это лучше всякаго другого. Но, конечно, дешево онъ не возьмется.

И она взглянула на Пыхачева въ упоръ, слегка постукивая по мозаичному столику нервно подрагивавшими пальцами.

— Дѣло не въ условіяхъ, а въ томъ, чтобы дѣло было сдѣлано,—проговорилъ недовѣрчивымъ тономъ Пыхачевъ.

— Если мужъ не сдѣлаетъ, то никто не сдѣлаетъ,—отвѣтила совершенно увѣренно Людмила Павловна.

— Вашего супруга тамъ вѣдь не знаютъ совсѣмъ...—продолжалъ сомнѣваться Пыхачевъ.

— И не нужно этого, такъ какъ онъ явится съ личной рекомендаціей Галиновскаго.

— Ахъ, вотъ какъ! — произнесъ совсѣмъ другимъ тономъ Пыхачевъ.—Да, конечно... это надо принять въ соображеніе.

— Вотъ видите! Я наобумъ не стала бы вамъ предлагать,—сказала, внутренно вся оживляясь, Людмила Павловна.

Она замѣтила впечатлѣніе, произведенное именемъ Галиновскаго, и догадалась, что дѣло почти выиграно.

— Такъ вотъ, будемъ теперь говорить прямо,—продолжала она.—Если мой мужъ, недѣли черезъ двѣ, привезетъ положительный отвѣтъ—въ чемъ я не сомнѣваюсь,—то въ какую сумму вы оцѣните его участіе?

Пыхачевъ поднялъ глаза къ потолку, потомъ пустилъ взглядъ по ковру и наконецъ отвѣтилъ:

— У насъ принято въ подобныхъ случаяхъ... пять процентовъ.

— Собственно за поѣздку? Лучше выразимъ это въ опредѣленной цифрѣ: десять тысячъ. Изъ нихъ три тысячи вы выдадите впередъ, а остальныя по возвращеніи,— сказала совершенно спокойнымъ, дѣловымъ тономъ Людмила Павловна.—А затѣмъ, что касается нашего участія въ дѣлѣ, то это надо опредѣлить тоже заранѣе. Мои условія—пятая часть. Она будетъ выплачена вами мнѣ по окончаніи всей операціи наличными деньгами или акціями, смотря по тому, какъ мы условимся.

Пыхачевъ помолчалъ съ очень серьезнымъ видомъ. Дѣло представлялось ему чрезвычайно выгоднымъ. Притязаніе на пятую часть, въ сущности, не было чрезмѣрнымъ, такъ какъ вся аффера имѣла коммиссіонный характеръ и не требовала затраты капитала. Рисковалъ онъ только тремя тысячами, въ случаѣ если бы поѣздка Долоцкаго оказалась неуспѣшной. Но такой суммой можно было рискнуть.

— Давайте, попробуемъ,—сказалъ онъ наконецъ.—А въ условіяхъ сойдемся. Мы тоже люди дѣловые, понимаемъ, что даромъ ничего не дѣлается.

IX.

Не прошло нѣсколькихъ минутъ по уходѣ Ныхачева, какъ Людмилѣ Павловнѣ доложили о Галиновскомъ. Онъ заѣхалъ со службы, въ вицмундирѣ, но, несмотря на этотъ оффиціальный нарядъ, держался гораздо проще, свободнѣе, чѣмъ вчера.

— Владиміръ Дмитріевичъ еще не вернулся изъ департамента?—любезно освѣдомился онъ.

Имя и отчество Долоцкаго ему не трудно было помнить, такъ какъ онъ прочелъ ихъ на дощечкѣ на дверяхъ.

— Такихъ маленькихъ чиновниковъ, какъ мой мужъ, не отпускаютъ рано,—отвѣтила Людмила Павловна, улыбаясь.— Можно предложить вамъ чаю?

Галиновскій не отказался. Онъ очень удобно усѣлся въ низенькомъ креслѣ, даже подушку забралъ подъ руку, и протянулъ по ковру обутыя въ безукоризненныя ботинки ноги.

— Довольны ли вы остались вчерашнимъ раутомъ? Какъ вы нашли общество нашихъ милліоперовъ и дѣльцовъ?—спросилъ онъ.

Людмила Павловна повела плечами съ маленькой гримаской.

— Мнѣ слѣдовало бы отнестись къ нимъ чрезвычайно снисходительно, потому что они были очень любезны ко мнѣ,— отвѣтила она;—но нельзя не сознаться, что ихъ свѣтскія качества стоятъ не на высокомъ уровнѣ. Одинъ изъ нихъ сейчасъ былъ у меня, и началъ съ того, что пожелалъ узнать, сколько я проживаю въ годъ, и есть ли у меня двадцать тысячъ въ банкѣ.

— Кто же это?—спросилъ, усмѣхнувшись, Галиновскій.

— Ныхачевъ.

— Ну, еще бы! Это одинъ изъ крупныхъ и характерныхъ представителей своего круга,—отозвался Галиновскій.—Пропитанъ насквозь безсознательнымъ плебействомъ, и чувство личнаго достоинства понимаетъ только въ формѣ наглости. Въ душѣ, разумѣется, кромѣ денегъ и денежныхъ разсчетовъ—ничего ровно.

— О, что до его души, я такъ далеко и не заглядываю,— сказала со смѣхомъ Людмила Павловна.—Но вѣдь существуетъ же умѣнье казаться немножко лучше, чѣмъ человѣкъ на самомъ дѣлѣ. А онъ и этого труда не дастъ себѣ.

— При его состояніи зачѣмъ же!—подхватилъ Галиновскій.—Мелкіе людишки и такъ будутъ пресмыкаться передъ

нимъ, а другихъ ему не нужно, съ другими ему было бы не по себѣ.

— Впрочемъ, это не мѣшаетъ имъ быть любезными съ дамами,—сказала ироническимъ тономъ Людмила Павловна.—Вотъ эту корзину мнѣ преподнесъ другой экземпляръ въ такомъ же родѣ, нѣкто Лавдовскій.

— Ну, это уже совсѣмъ мелкій пройдоха,—отозвался Галиновскій.—Меня даже удивляетъ ваша снисходительность къ его любезностямъ!

— Прислалъ съ посыльнымъ—что же мнѣ было дѣлать? Отослать назадъ—значило бы поссориться; а развѣ все это стоитъ ссоры? Я смотрю на этихъ господъ исключительно съ практической стороны: какъ бы то ни было, а всѣ крупныя дѣла все-таки въ ихъ рукахъ. Вѣроятно, такъ же и вы смотрите.

— У меня съ ними обязательныя отношенія,—отвѣтилъ Галиновскій.—Мы, въ нѣкоторой степени, двѣ воюющія стороны, и между нами идетъ непрерывная борьба. Мы имъ немножко покровительствуемъ, а они совсѣмъ не немножко расширяютъ свои притязанія. Въ концѣ концовъ, обѣ стороны, кажется, остаются не очень довольными другъ другомъ.

— Но вы, во всякомъ случаѣ, побѣждаете?

— По крайней мѣрѣ, намъ такъ кажется. Они иногда проигрываютъ просто потому, что имъ недостаетъ образованности. Я не говорю обо всѣхъ,—есть и въ этомъ кругу блестящія исключенія. Но большинство лишено образованія и даже не замѣчаетъ этого. Вы удивитесь, если я вамъ скажу, что по самымъ крупнымъ, многомилліоннымъ дѣламъ получаются записки, мнѣнія, ходатайства, въ которыхъ простая грамотность является рѣдкостью. Конечно, дѣло въ дѣлѣ, но нельзя же отрицать, что широкая образованность никакому дѣлу повредить не можетъ.

— Я думаю!—тономъ сочувствія подхватила Людмила Павловна.—И вы совершенно правы, что они ничего этого не сознаютъ. Сколько я замѣчала, они держатся чрезвычайно высокаго мнѣнія о своемъ умѣ. Имъ кажется, что такъ какъ они умѣютъ наживать деньги, а деньги для нихъ выше всего, то этимъ уже доказывается ихъ превосходство надъ остальнымъ человѣчествомъ.

— А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, деньги наживаются чрезвычайно рутиннымъ способомъ,—замѣтилъ Галиновскій.—Когда я близко ознакомился съ этими дѣлами, я былъ пораженъ, до чего тутъ все просто и шаблонно. Выработалась готовая организація, и вся задача только въ томъ, чтобы попасть въ нее.

Попалъ—и дальше уже все своимъ порядкомъ само дѣлается. А попадаютъ, разумѣется, не умомъ, а случаемъ и обстоятельствами. Затѣмъ, вся эта дѣловая махинація: куртажи, росписаніе акцій по льготной цѣнѣ, выборы въ правленіе, такъ называемое проведеніе уставовъ съ выговореннымъ долевымъ участіемъ, фиктивное учредительство, оплачиваемое наличными деньгами акціонеровъ, биржевая игра павѣрняка—все это уже само собою, по заведенному порядку. Все это, въ сущности, такъ просто, что если бы вмѣшался тутъ человѣкъ съ умомъ дѣйствительно необыкновеннымъ, то... я и не знаю, что тогда произошло бы: онъ прямо проглотилъ бы всѣхъ и все.

Лицо Людмилы Павловны выражало сосредоточенное, почти благоговѣйное вниманіе; она даже подалась всѣмъ корпусомъ слегка впередъ, чтобы быть ближе къ Галиновскому.

— Я слушаю васъ какъ музыку.—сказала она съ мелькнувшей на губахъ улыбкой восхищенія.—Вѣдь меня живо интересуютъ эти дѣловыя сферы, мой мужъ немножко самъ занимается дѣлами. И притомъ это такъ умно, такъ... сильно, все, что вы говорите; у васъ такое знаніе среды, такъ много наблюдательности...

Галиновскій чуть-чуть даже вспыхнулъ, даже какъ-то подозрительно поёжился отъ этой неожиданной, почти страстно высказанной похвалы. Онъ уже привыкъ къ выраженіямъ лести, и оставался равнодушенъ къ ней. Но въ звукѣ голоса Людмилы Павловны ему слышалась искренность, къ которой нельзя было отнестись безразлично.

— Вы слишкомъ любезны къ моимъ маленькимъ наблюденіямъ,—сказалъ онъ, обративъ къ ней неувѣренный взглядъ.

— Я привыкла цѣнить умъ выше всего.—отвѣтила серьезнымъ тономъ Людмила Павловна.—Я ставлю умъ выше молодости, красоты и даже доброты.

— Въ такомъ случаѣ вы составляете исключеніе между свѣтскими женщинами,—замѣтилъ Галиновскій.

— Какая же я свѣтская женщина?—возразила Людмила Павловна.—Я даже очень мало бываю въ свѣтѣ, и мнѣ тамъ совсѣмъ не весело. Должно быть, я раньше времени состарилась,—добавила она съ своей милой улыбкой.—Нѣтъ, кромѣ шутокъ, я слишкомъ серьезна для свѣта. Я не понимаю удовольствія въ обществѣ людей, которые никакимъ образомъ не могутъ заинтересовать меня. Я предпочитаю читать, заниматься музыкой или просто мечтать... Развѣ это не старомодно?

И она посмотрѣла на Галиновскаго довѣрчиво, какъ будто

этотъ недолгій разговоръ уже сблизилъ ихъ, и какъ будто она не старалась даже скрыть, что отдѣляла его отъ всѣхъ тѣхъ, кого встрѣчала ежедневно и кто не могъ заинтересовать ее.

X.

Людмила Павловна обладала тѣмъ высшимъ искусствомъ кокетства и женской интриги, которое сразу находитъ пути для вкрадчиваго вторженія въ чужую душу. Галиновскій съ перваго раза обрисовался ей весь, съ своимъ громаднымъ самолюбіемъ, очень небольшимъ запасомъ опыта въ дѣлахъ сердца, неувѣренностью въ своихъ внѣшнихъ качествахъ и средствахъ и глубокозатаенною, почти безнадежною мечтою о какомъ-нибудь счастливомъ романѣ. Въ его наружности не было ничего непріятнаго, но онъ не былъ красивъ. Какъ умный человѣкъ и притомъ проведшій очень серьезную молодость, онъ долженъ былъ придти къ скептическому взгляду на свои внѣшнія данныя; но онъ, конечно, зналъ свою нравственную цѣну и подозрѣвалъ существованіе женщинъ, доступныхъ очарованію и вліянію мужского ума. И Людмила Павловна сразу поняла, что для вторженія въ эту самолюбивую и скептическую душу надо воплотить въ себѣ образъ именно такой женщины. Надо заставить его вѣрить, что его умъ производитъ обаяніе, начинаетъ дѣйствовать на воображеніе. Передъ увлеченіемъ, возникшимъ этимъ путемъ, его скептицизмъ не долженъ былъ устоять.

И Людмила Павловна очень искусно заставляла Галиновскаго говорить, придавая своему лицу все болѣе заинтересованное выраженіе. Онъ сразу на это попался, оживился, почувствовалъ желаніе блистать. Онъ и безъ того любилъ говорить и зналъ, что умѣетъ говорить. Его визитъ затянулся; ему было чрезвычайно пріятно въ этой скромно-хорошенькой гостиной, съ этой молодой, красивой и умной женщиной, которая его явно заслушивалась, и въ серьезно улыбающихся глазахъ которой и во всемъ невыразимо-миломъ обликѣ онъ чуялъ что-то увлекающееся и влекущее, раздражительно пробѣгавшее по его нервамъ.

Наконецъ, разговоръ перешелъ на болѣе близкія темы.

— Вы сказали, вашъ мужъ тоже занимается дѣлами?— спросилъ Галиновскій.

Людмила Павловна снисходительно усмѣхнулась.

— Именно немножко,—отвѣтила она.—Онъ вѣдь служитъ,

а частныя дѣла—это такъ, потому что надо же подумать о томъ, чтобы пріобрѣсти что-нибудь. Да, притомъ, вы совершенно вѣрно сказали, что самое трудное—войти въ эту организацію. Мужу вотъ только теперь представляется случай къ тому: на-дняхъ онъ уѣзжаетъ на нижне-озерскій заводъ, чтобы вести тамъ нѣкоторые переговоры.

— Онъ вступилъ съ кѣмъ-нибудь въ дѣло?—спросилъ Галиновскій.

— Это будетъ зависѣть отъ исхода переговоровъ,—отвѣтила Людмила Павловна.—Кстати, Викторъ Александровичъ, вы могли бы оказать мнѣ большую, большую услугу,—добавила она, обративъ на Галиновскаго полный самаго невиннаго кокетства взглядъ.

— Пожалуйста, что прикажете?—вызвался Галиновскій.

— Дѣло въ томъ, что моего мужа тамъ никто не знаетъ, онъ точно съ луны свалится,—объяснила Людмила Павловна.—Что, еслибъ вы могли дать ему свою карточку? Это разомъ раскрыло бы ему всѣ двери.

Галиновскій внутренно слегка поморщился: онъ очень не любилъ давать рекомендаціи къ частнымъ лицамъ. Но невозможно было отказать въ такой незначительной по виду услугѣ. Онъ поспѣшно вынулъ изъ портфельчика карточку и подалъ молодой женщинѣ.

Людмила Павловна повертѣла карточку въ рукѣ, и обернувъ ее оборотной стороной, повела по ней розовымъ ногтемъ и сказала съ очаровательной улыбкой:

— А развѣ вы не черкнете здѣсь словечка? Иначе, пожалуй, подумаютъ, что мужъ просто вытащилъ эту карточку гдѣ-нибудь изъ вазы... Вотъ тамъ въ углу, на столикѣ, перо и чернила.

Галиновскій повиновался и написалъ: „Рекомендую Владиміра Дмитріевича Долоцкаго, лично мнѣ извѣстнаго".

— Ахъ, я вамъ очень, очень обязана!—поблагодарила Людмила Павловна.—Но вы уже уходите? Развѣ вы такъ торопитесь?

— Я и не подозрѣвалъ, что просидѣлъ у васъ почти два часа.—сказалъ Галиновскій.

— Да неужели!?—воскликнула Людмила Павловна.—Но какъ незамѣтно пробѣжало время! Надѣюсь, мы скоро увидимся? Когда мужъ уѣдетъ, я все буду сидѣть дома. Вы должны навѣщать меня.

И она почти дружески пожала ему руку и встала проводить его. Въ дверяхъ она опять повторила, словно не придя еще въ себя отъ изумленія:

— Но какъ съ вами незамѣтно прошло время! Вотъ что̀ значитъ...

Она не договорила и какъ бы даже сконфузилась.

— Что̀ же такое значитъ?—переспросилъ, глядя на нее въ упоръ, Галиновскій.

— Нѣтъ, не скажу,—отвѣтила Людмила Павловна, отвѣчая на этотъ взглядъ тоже смѣлымъ, почти задорнымъ взглядомъ.— Вы и безъ того, конечно, очень высокаго мнѣнія о себѣ; а это недостатокъ, котораго не слѣдуетъ поощрять.

XI.

Когда Долоцкій вернулся изъ своей канцеляріи, Людмила Павловна встрѣтила его загадочнымъ смѣхомъ, обыкновенно предвѣщавшимъ какую-нибудь хорошую новость.

— Что̀ такое?—спросилъ Владиміръ Дмитріевичъ, цѣлуя ей руки.

— Твоя жена, не шутя, сдѣлалась дѣловою женщиной,— сказала она.—Я въ одинъ день столько сдѣлала... Во-первыхъ, скажи: вѣдь ты можешь взять двухнедѣльный отпускъ?

— Отпускъ? зачѣмъ? куда?—удивился Долоцкій.

— Во-вторыхъ, мое кольѐ не надо будетъ закладывать... Ахъ, вѣдь я изъ-за этого больше всего старалась... Но погоди, сядемъ, я тебѣ все объясню по порядку.

И она разсказала о своихъ переговорахъ съ Пыхачевымъ, и показала карточку Галиновскаго. Владиміръ Дмитріевичъ былъ озадаченъ и совершенною внезапностью, и серьезностью дѣла; ему представлялось очень смѣлымъ ѣхать по такому порученію, совсѣмъ не будучи къ нему подготовленнымъ. Онъ возражалъ и колебался.

— Пыхачевъ объяснитъ тебѣ все, что̀ нужно, никакой премудрости во всемъ этомъ нѣтъ,—спокойно настаивала Людмила Павловна.—Ты только держи себя тамъ и говори съ апломбомъ, не давай замѣтить въ себѣ новичка. Карточка Галиновскаго заставитъ слушать тебя.

— И все-таки моя поѣздка можетъ ни къ чему не привести,—сомнѣвался Долоцкій.

— Въ худшемъ случаѣ она приведетъ къ тому, что ты завтра же получишь три тысячи, — возразила съ новымъ смѣхомъ Людмила Павловна.—Самому тебѣ поѣздка обойдется не болѣе пятисотъ рублей; слѣдовательно, двѣ съ половиною тысячи

останутся у насъ въ карманѣ. Изъ этихъ денегъ мы заплатимъ по векселю Лавдовскому и поправимъ свои дѣла. А за всѣмъ тѣмъ, я все-таки думаю, что тебѣ удастся привести переговоры къ благопріятному концу, и тогда у меня въ рукахъ—цѣлое состояніе. Твоя жена будетъ богатая женщина!

Въ ушахъ Долоцкаго нѣсколько странно прозвучали слова жены, которыми она какъ бы заблаговременно выдѣляла себя, давала понять, что деньги будутъ принадлежать ей, а не обоимъ вмѣстѣ. Но онъ не остановился на этомъ. Да, въ сущности, развѣ она не права была въ этомъ случаѣ?

— Тутъ нельзя колебаться, Владиміръ,—сказала Людмила Павловна ободряющимъ и какъ будто властнымъ тономъ.

Долоцкій и не колебался уже. Послѣ денежныхъ затрудненій, преслѣдовавшихъ его въ этомъ году, ему было чрезвычайно пріятно хотя бы помечтать о тѣхъ перспективахъ, которыя открывала передъ нимъ жена. Онъ не раздѣлялъ ея увѣренности въ успѣхѣ, но ея тонъ ободрялъ, оживлялъ его. За обѣдомъ онъ былъ особенно разговорчивъ и поминутно бросалъ на жену любующіеся взгляды.

— Но какимъ образомъ тебѣ удалось все это устроить?—спрашивалъ онъ нѣсколько разъ.

Людмила Павловна поводила плечами и улыбалась торжествующей улыбкой.

— Такимъ, что я прямо шла къ цѣли,—отвѣчала она.

Утромъ на другой день Долоцкій заѣхалъ къ Пыхачеву, переговорилъ съ нимъ окончательно, получилъ чекъ на три тысячи, и потребовалъ письменнаго обязательства въ томъ, что, въ случаѣ благопріятнаго окончанія переговоровъ, Пыхачевъ уплачиваетъ ему остальныя семь тысячъ. Это требованіе, повидимому, подняло довѣріе Пыхачева къ дѣловитости своего новаго сотрудника.

Черезъ два дня Долоцкій уѣхалъ.

Пыхачевъ въ тотъ же вечеръ заѣхалъ къ Людмилѣ Павловнѣ, когда она только-что вернулась изъ вокзала, проводивъ мужа. Она не приняла бы его, еслибъ они не сошлись на лѣстницѣ. Тучный милліонеръ пріѣхалъ прямо съ обѣда, и отъ него опять сильно пахло виномъ.

— Проводили, барынька, муженька? И чудесно!—сказалъ онъ, грузно опускаясь въ кресло.

— Очень даже чудесно,—подтвердила Людмила Павловна,—если мужъ блистательно поведетъ тамъ наше дѣло.

— Ну, я не про то: дѣло мы и безъ него бы сдѣлали,—

возразилъ Пыхачевъ.—Я говорю: чудесно, потому что вы теперь, однѣ, повеселиться можете.

— Если бы вы могли сдѣлать дѣло безъ моего мужа, то вѣроятно не обязались бы уплатить ему десять тысячъ,—сказала спокойно Людмила Павловна, оставляя безъ вниманія послѣднее замѣчаніе.

— Экая вы, право, дѣловая какая, какъ посмотрю я на васъ!—укоризненно сказалъ Пыхачевъ.—Я, вотъ, говорю про то, что для васъ, молодой женщины, интересно въ первый разъ безъ мужа, свободной остаться.

— Я одинаково свободна, при мужѣ и безъ мужа,—возразила Людмила Павловна, и взглянула на Пыхачева невинно улыбающимися глазами.

Она рѣшила не оскорбляться его выходками, а напротивъ, осторожно приручать его, пока онъ былъ ей нуженъ.

— Неужели скучать собираетесь?—продолжалъ Пыхачевъ.—Теперь чудесно было бы за-городъ прокатиться, цыганъ послушать...

— Когда мужъ вернется, Алексѣй Степановичъ!—отвѣтила съ тѣмъ же невиннымъ взглядомъ Людмила Павловна.

— Ну вотъ, мужъ! — произнесъ разочарованнымъ тономъ Пыхачевъ, и даже почесалъ въ бородѣ, которая какъ-то странно заскрипѣла подъ его пальцами.—Къ тому времени, пожалуй, и снѣгъ сойдетъ. Что-жъ, такъ и будете все дома сидѣть?

— Не всегда. Но зачѣмъ я поѣду безъ мужа за-городъ? Чтобъ меня встрѣтили знакомые, и на другой день разславили бы по всему Петербургу? — возразила Людмила Павловна. — Это было бы совсѣмъ глупо, какъ всякая лишняя неосторожность.

— А вчера,—вдругъ вспомнилъ Пыхачевъ, — когда я отъ васъ ушелъ, я Галиновскаго подлѣ вашего подъѣзда встрѣтилъ; вѣдь это онъ къ вамъ ѣхалъ?

— Ко мнѣ.

— Ухаживаетъ, очевидное дѣло?

— Можетъ быть. Мнѣ бы это кстати: онъ человѣкъ чрезвычайно полезный для дѣла,—отвѣтила съ невиннымъ смѣхомъ Людмила Павловна.

— Ну, вотъ опять! — воскликнулъ почти съ комическимъ отчаяніемъ Пыхачевъ.—А я безполезенъ, что-ли?

— Но вѣдь вы не ухаживаете.

— Я-то?

— Я не замѣтила. Да вы, навѣрное, и не умѣете. Вотъ, вы предлагаете за-городъ ѣхать; на что же это похоже!

— Неосторожно?

— Разумѣется.

Пыхачевъ посмотрѣлъ на Людмилу Павловну какъ-то подозрительно, и вдругъ схватилъ ее за руку.

— Поѣдемте въ каретѣ, насъ никто не увидитъ...—проговорилъ онъ, наклоняясь къ ней.

Людмила Павловна захохотала и отдернула руку.

— Не взять ли мнѣ съ собою маску, чтобъ и у цыганъ меня никто не увидѣлъ?—сказала она, и нажала электрическій звонокъ.

Явилась горничная.

— Подайте намъ сюда чай,—приказала Людмила Павловна.

Но Пыхачевъ покривился, насупился и, отказавшись отъ чаю, уѣхалъ.

XII.

Черезъ недѣлю по отъѣздѣ Владиміра Дмитріевича, отъ него пришло письмо. Оно заключало въ себѣ самыя радостныя для Людмилы Павловны извѣстія. Вопреки ожиданіямъ, почва оказалась достаточно подготовленною, и нижне-озерскіе дѣльцы не заставили убѣждать себя въ необходимости и своевременности новаго выпуска акцій. Существовали только сомнѣнія, можно ли ожидать успѣха. Долоцкій повелъ переговоры очень ловко, отчасти поддерживая сомнѣнія, отчасти наводя на мысль, что вѣрнѣе и проще всего—сдать всю операцію въ опытныя руки, людямъ, у которыхъ имѣются для этого и проторенные пути, и отношенія, и авторитетъ прежнихъ успѣховъ. Придется, конечно, заплатить крупный куртажъ, но это не имѣетъ значенія, потому что опытныя руки съумѣютъ добиться такихъ выгодныхъ условій для операціи, какихъ сами нижне-озерскіе дѣльцы никогда бы не достигли. Мельхиседековъ, управлявшій почти единолично всѣмъ дѣломъ, сталъ подаваться на этотъ планъ, и вмѣстѣ съ Долоцкимъ выработалъ главныя основанія новаго выпуска. Что же касается желѣзно-дорожной вѣтви на Мостовище и Дудуево, то, по мнѣнію Владиміра Дмитріевича, постройка эта была не подъ силу нижне-озерскому заводу, и ее слѣдовало бы разсматривать какъ самостоятельное предпріятіе, въ которомъ заводъ могъ бы участвовать въ качествѣ одного изъ учредителей. Такимъ образомъ имѣлось впереди новое дѣло, для котораго надо провести уставъ и создать акціонерное общество.

„Рѣшительно, мой Владиміръ становится такимъ же дѣловымъ человѣкомъ, какъ и я,—подумала Людмила Павловна.—Эти соображенія о желѣзной дорогѣ совсѣмъ не глупы, и современемъ ими надо будетъ воспользоваться".

Пыхачеву она сообщила только, что мужъ очень доволенъ ходомъ переговоровъ и не сомнѣвается въ успѣхѣ.

— Повѣрили теперь, что со мною можно дѣла дѣлать?—добавила она съ торжествующей улыбкой.

— Что̀ дѣла!—съ комическимъ отчаяніемъ махнулъ рукою Пыхачевъ.—Вы для меня прежде всего прелестная женщина, въ которую, вотъ ей-Богу же, до чертиковъ влюбиться можно.

— Что-жъ, попробуйте: это одно другому не мѣшаетъ,—отвѣтила со смѣхомъ Людмила Павловна.

— А смѣетесь-то зачѣмъ же?

— „Смѣяться, право, не грѣшно, надъ тѣмъ, что̀ кажется смѣшно",—продекламировала нараспѣвъ молодая женщина.

Но затѣмъ лицо ея тотчасъ приняло серьезное выраженіе. Она расположилась поудобнѣе на кушеткѣ, оправила платье, изъ-подъ котораго чуть-чуть выставлялись кончики ея туфель, и сказала дѣловымъ тономъ:

— А вѣдь намъ, Алексѣй Степановичъ, теперь надо формально опредѣлить наши взаимныя условія. Если мужъ привезетъ вамъ готовое дѣло, надо, чтобъ къ тому времени у меня въ рукахъ былъ документъ на мою пятую часть. Безъ этого я ему не разрѣшу и говорить съ вами.

Пыхачевъ слегка поморщился.

— Скажите, пожалуйста, документъ!—произнесъ онъ совсѣмъ другимъ тономъ.—А слову моему развѣ не повѣрите?

— Повѣрю, Алексѣй Степановичъ, всегда повѣрю; но вѣдь слово живетъ, пока человѣкъ живъ,—возразила Людмила Павловна.—А у васъ, вотъ, шея короткая, и кутнуть вы любите шибко—долго ли до грѣха?—добавила она, и опять засмѣялась, но такимъ веселымъ, задорнымъ смѣхомъ, что у Пыхачева, несмотря на напоминаніе о короткой шеѣ, словно щекотка прошла по нервамъ.

— Дайте же хоть ручку поцѣловать!—взмолился онъ.

— Можете обѣ.

И Людмила Павловна протянула руки. Пыхачевъ, сопя и съ трудомъ нагибаясь, поцѣловалъ ихъ нѣсколько разъ. Молодая женщина вынула изъ кармана батистовый платокъ и спокойно обтерла имъ руки.

— Такъ вы, Алексѣй Степановичъ, приготовьте обязатель-

ство въ такомъ смыслѣ, что, по окончаніи эмиссіонной операціи, вы уплачиваете мнѣ пятую часть той суммы, которая составитъ вашъ заработокъ въ этомъ дѣлѣ,—сказала она.

Пыхачевъ поправился въ креслѣ и вобралъ въ себя необъятную струю воздуха.

— Это вѣдь составитъ, пожалуй, очень кругленькую сумму,— произнесъ онъ.

— Я такъ и разсчитываю.

— Тысячъ двадцать-пять, пожалуй.

— Около того.

— Да десять тысячъ Владиміру Дмитріевичу за поѣздку...

Людмила Павловна спокойно откинулась на спинку кушетки.

— Если вы думаете, что это слишкомъ много, я вѣдь не настаиваю,—сказала она.—Я могу отозвать мужа оттуда телеграммой.

— Вотъ, у васъ сейчасъ крайнія мѣры,—проворчалъ Пыхачевъ:—я вовсе не къ тому говорю.

— Хотите просто поторговаться?—сказала, улыбаясь, Людмила Павловна.—Но будемъ говорить серьезно. Вы сами понимаете, что въ такомъ дѣлѣ пятая часть—вовсе не много. Все дѣло я сама направила, и въ дальнѣйшемъ я опять буду нужна, чтобъ помочь благополучному прохожденію его черезъ всѣ препятствія. А кромѣ того, вы, какъ опытный человѣкъ, отлично понимаете, что послѣ этой операціи вы для нижне-озерскаго предпріятія сдѣлаетесь своимъ человѣкомъ, и не пройдетъ года, какъ сядете тамъ директоромъ. Слѣдовательно, о чемъ же толковать? Потерять все это вы не захотите, а свои условія я поставила.

— Да ужъ вы себя въ обиду не дадите, это что и говорить,—произнесъ съ нѣкоторою даже унылостью Пыхачевъ.— Слушаемъ-съ, пусть будетъ по-вашему.

— Слѣдовательно, завтра завезете мнѣ документикъ?

— Завезу, завезу.

Онъ всталъ и погладилъ громадными, толстыми руками бока своего сюртука.

— Эхъ, барынька, и охота только вамъ, съ этакой красотой, да нашими скучными дѣлами заниматься!—проговорилъ онъ.—Захотѣли бы только, такъ эти десятки-тысячъ сами собою посыпались бы къ вашимъ ножкамъ.

— Чтожъ, когда я захотѣть не умѣю...—отозвалась опять со смѣхомъ Людмила Павловна.

XIII.

Галиновскій стѣснялся бывать слишкомъ часто у Людмилы Павловны. Въ немъ еще существовалъ остатокъ неувѣренности. Громадное самолюбіе его ставило иногда передъ нимъ вопросъ: „А не играю ли я смѣшную роль, увлекаясь женщиной, которой просто нескучно со мной разговаривать, безъ всякаго признака романическихъ отношеній?“

Людмила Павловна отлично понимала его сдержанность, которой такъ часто противорѣчилъ разгорающійся блескъ его глазъ и чуть примѣтно вспыхивающая краска лица. И улыбаясь втихомолку, она старалась опять вызывать этотъ блескъ и эту краску...

Ихъ разговоры, впрочемъ, принимали иногда и дѣловой характеръ.

— Имѣете ли вы понятіе, — спросила разъ Людмила Павловна,—о проектѣ какой-то желѣзно-дорожной вѣтви отъ нижнеозерскихъ заводовъ на Мостовищи и Дудуево?

Галиновскій постарался припомнить.

— О проектѣ я ничего не знаю, — сказалъ онъ, — но объ этой вѣтви иногда заходятъ разговоры, потому что она представляется до нѣкоторой степени необходимою.

— Не правда ли?—съ живостью подхватила Людмила Павловна.—Такъ что, если бы за это дѣло взялись серьезнымъ образомъ, въ вашихъ сферахъ взглянули бы на это благосклонно?

— Я думаю,—отвѣтилъ Галиновскій.—Но почему васъ можетъ это интересовать?

— Ахъ, почему! — протянула молодая женщина. — На это есть важныя причины. Если дѣло наладится, то я буду въ немъ участвовать. Что вы такіе удивленные глаза сдѣлали? Вамъ странно, какъ это я могу участвовать въ такомъ серьезномъ, крупномъ дѣлѣ?

— Согласитесь, что это не совсѣмъ обыкновенно.

— Соглашаюсь. Но, видите ли, мнѣ кажется, что я не очень... глупа, и почему же этимъ не воспользоваться? И въ особенности, когда я имѣю возможность обратиться иногда къ вамъ за добрымъ совѣтомъ.

Галиновскій любезно склонилъ голову.

— Всегда къ вашимъ услугамъ,—сказалъ онъ.

Людмила Павловна мило улыбнулась, встала, подошла къ роялю, и вдругъ заиграла страстную, яркую, надрывающуюся

симфонію очень мало извѣстнаго у насъ итальянскаго автора, Сгамбатти. Она играла мастерски, съ громадною силой и выразительностью. Галиновскій, большой любитель музыки, слушалъ ее какъ очарованный. Самый переходъ отъ прозы предъидущаго разговора къ этимъ волнующимъ, болѣзненно-страстнымъ звукамъ словно потрясъ его. Онъ подошелъ къ Людмилѣ Павловнѣ и стоялъ не шевелясь, съ какимъ-то новымъ ощущеніемъ вглядываясь въ ея наклоненную головку, полоску шеи надъ кружевнымъ воротомъ корсажа и мелкіе завитки волосъ, отдѣлявшіеся отъ ея прически. Что-то какъ будто тихо, тихо защемило въ немъ...

Наконецъ онъ сѣлъ, и когда Людмила Павловна, окончивъ играть, опустилась противъ него на кушетку, онъ продолжалъ молчать. Онъ сознавалъ, что необходимо что-нибудь сказать, и вмѣсто того какъ будто самъ ждалъ чего-то.

— Вамъ не понравилась моя игра? — спросила черезъ минуту Людмила Павловна, разсматривая свои розовые ногти.

— Какъ вы можете это предполагать!—протестовалъ Галиновскій.—Я, просто, еще не опомнился отъ впечатлѣнія.

— Музыка такъ сильно на васъ дѣйствуетъ?—продолжала Людмила Павловна.

Она не глядѣла на него, и въ ея пониженномъ голосѣ звучало что-то особенное, какъ будто въ немъ дрожало отраженіе только-что сыгранной симфоніи.

— Что это такое? чье это? и почему вамъ вздумалось именно это сыграть?—проговорилъ вмѣсто отвѣта Галиновскій.

Людмила Павловна назвала имя автора.

— Это одна изъ моихъ любимыхъ вещей,—добавила она.— Но какъ вы меня удивили! Я совсѣмъ не предполагала, чтобы музыка такъ сильно на васъ дѣйствовала.

— Да, иногда... такая какъ ваша...—проговорилъ Галиновскій.—Васъ надо такъ понять, что вы считаете меня сухимъ, черствымъ человѣкомъ, неспособнымъ чувствовать художественное наслажденіе? — вдругъ добавилъ онъ съ неожиданно зазвучавшею въ голосѣ горечью.

Людмила Павловна широко раскрыла удивленные глаза.

— Васъ, Викторъ Александровичъ? Васъ я считаю сухимъ, черствымъ человѣкомъ?—повторила она тономъ изумленія.

— Чиновникомъ... — добавилъ съ тою же горечью Галиновскій.

Лицо молодой женщины выразило еще большее изумленіе.

— Вы—чиновникъ? Да развѣ это правдоподобно?—проте-

стовала она.—Какой же вы чиновникъ, Викторъ Александровичъ? Вы—дѣятель, это я допускаю; но для чиновника вы слишкомъ крупны, у васъ слишкомъ много своего, личнаго... Нѣтъ, вы это не серьезно сказали? Вы не могли думать, чтобы я была способна составить себѣ о васъ такое пошлое представленіе...

Голосъ молодой женщины звучалъ почти обидой...

А волненіе Галиновскаго все больше возрастало. Людмила Павловна угадала правильно: онъ ничего такъ не боялся, какъ репутаціи чиновника. Это была самая больная его струна, потому что чиновника, хотя бы и особенно выдающагося, онъ все-таки сознавалъ въ себѣ.

Онъ быстро схватилъ ея руку и поцѣловалъ.

— Пожалуйста, простите; это во мнѣ говоритъ иногда мое глупое самолюбіе,—сказалъ онъ.—Въ душѣ, я гораздо лучше цѣню ваше дорогое вниманіе.

Людмила Павловна не отнимала руки, и ея потупленные глаза не смотрѣли на него.

— Не самолюбіе, Викторъ Александровичъ, а недовѣріе къ людямъ,—возразила она.—И еще больше, можетъ быть,—недовѣріе къ женщинамъ. Я не знаю вашей интимной жизни, не знаю вашего прошлаго, но вы производите на меня впечатлѣніе человѣка, который много разъ разочаровывался, обманывался, и мало-по-малу привыкъ къ нравственному одиночеству. Вы, вѣроятно, никогда и ни въ комъ не встрѣчали правильной оцѣнки самому себѣ.

— Другими словами—меня не любили,—сказалъ Галиновскій.—Вы правы. Я и самъ не любилъ, и не былъ любимъ.

Онъ проговорилъ это горькимъ, ядовитымъ тономъ, и смуглое лицо его какъ будто еще болѣе потемнѣло.

— О, какъ я васъ отлично поняла съ перваго раза!—сказала Людмила Павловна, и ей стоило труда удержать улыбку—до такой степени это восклицаніе соотвѣтствовало дѣйствительности, только не той, которая такъ предательски волновала и дразнила Галиновскаго.

— Остается утѣшительное сознаніе, что теперь во всякомъ случаѣ уже поздно сожалѣть,—сказалъ онъ, усмѣхнувшись сухою, горькою усмѣшкой.

Людмила Павловна медленно подняла на него глаза.

— Почему поздно?—спросила она.

— Потому что молодость прошла, возможность прошла...—отвѣтилъ Галиновскій.

Она ничего не сказала и, серьезная, неподвижная, прижа-

лась къ спинкѣ кушетки. Прошло минуты двѣ—молчаніе не прерывалось. Галиновскому почувствовалось что-то жуткое въ этомъ напряженномъ безмолвіи.

— Вы о чемъ-то задумались?—сказалъ онъ наконецъ, вглядываясь въ странное, загадочное выраженіе ея лица.

— О вашихъ словахъ,—коротко, словно съ неохотой отвѣтила молодая женщина.

— Развѣ я не правъ?

— Я ничего не могу сказать, — произнесла тѣмъ же тономъ Людмила Павловна.

И она осталась такой же неразговорчивой, задумчивой, какъ будто озадаченной. Галиновскій, уходя, чувствовалъ, что и съ нимъ происходитъ что-то странное и совсѣмъ не шуточное...

А Людмила Павловна, проводивъ его, подошла къ зеркалу и съ минуту внимательно разсматривала свое лицо, принявшее обычное умное и спокойное выраженіе.

„Кажется, я недурно играю мою маленькую комедію?"—думала она, немножко любуясь собою.

„Боюсь, что Галиновскій отнесется къ ней слишкомъ серьезно, и тогда это уже не будетъ комедія. Но нѣтъ, пустяки. Баловство ненасытнаго самолюбія, и ничего больше. Когда будетъ нужно, я дамъ этому самолюбію маленькій щелчокъ, и все уляжется".

XIV.

Заѣхавъ на другой день въ банкъ, чтобы заплатить по векселю Лавдовскаго, Людмила Павловна встрѣтила тамъ Пыхачева.

— Заготовили „документикъ"?—спросила она.

Пыхачевъ сталъ извиняться недосугомъ, и обѣщалъ завтра непремѣнно все сдѣлать.

— Только, барынька, ужъ какъ вы себѣ хотите, а я непремѣнное условіе ставлю: дѣло это мы должны вспрыснуть.

— Никакихъ условій!—отказалась, засмѣявшись, Людмила Павловна.

— Нѣтъ, ужъ какъ себѣ хотите, а я иначе не согласенъ,—настаивалъ Пыхачевъ.—И компаньоны мои тоже самое требуютъ.

— Какіе компаньоны?

— Перовицкій, Кокоринъ; я почти всѣ дѣла съ ними дѣлаю.—У Ивицкихъ на вечерѣ они оба такъ очаровались вами, что проходу мнѣ не даютъ: познакомь, да познакомь съ вами.

— Мы вѣдь познакомились.

— У насъ на завтрашній день заговоръ составленъ: мы устраиваемъ маленькій завтракъ въ ресторанѣ, съ блинами, и имѣемъ честь почтительнѣйше пригласить васъ, — настойчиво продолжалъ Пыхачевъ. — „Документикъ“ мы вамъ вручимъ торжественно, въ полномъ собраніи комитета, и сейчасъ же окропимъ.

— Окропить вы безъ меня можете,—возразила все тѣмъ же отшучивающимся тономъ Людмила Павловна.—Пригласите знакомыхъ нѣвичекъ, и вамъ съ ними гораздо веселѣе будетъ, чѣмъ со мной. Я отъ шампанскаго скучная дѣлаюсь.

— Безъ васъ ни за что въ свѣтѣ!—объявилъ почти сурово Пыхачевъ.—Какія тамъ нѣвички? Мы должны въ своей компаніи вспрыснуть дѣло. Вѣдь это первое съ вами дѣло, сами посудите. Неужели вы такъ горды, что не захотите чокнуться съ товарищами?

Людмила Павловна подумала и сказала:

— Чокнуться я буду очень рада. Но мы вотъ какъ сдѣлаемъ: пріѣзжайте завтракать ко мнѣ и привезите вашихъ друзей.

Пыхачевъ, понимавшій веселые вспрыски не иначе, какъ въ ресторанной обстановкѣ, пытался возражать, но Людмила Павловна не уступала.

Ей и у себя вовсе не хотѣлось принимать этихъ господъ; но уклониться не было возможности. Она понимала, что если ее въ самомъ дѣлѣ сочтутъ гордою, то станутъ всячески ей мстить и вредить.

„Взялась за крупное, такъ ужъ нечего смотрѣть на мелочи“,— думала она.

Неровицкій явился на другой день раньше всѣхъ, съ громаднымъ букетомъ живыхъ цвѣтовъ, громадной брилліантовой булавкой въ красномъ галстухѣ и преувеличенной свободою манеръ. Онъ очень мало вращался въ обществѣ и, сознавая за собою этотъ пробѣлъ, старался взять апломбомъ. Съ необычайной развязностью онъ сразу же, безъ приглашенія хозяйки, прошелся чуть не по всѣмъ комнатамъ, хотѣлъ заглянуть даже въ спальную, такъ что горничная должна была захлопнуть дверь передъ самымъ его носомъ, и наконецъ, вернувшись въ гостиную, сталъ разглядывать мебель и прочія вещи съ любознательностью присяжнаго оцѣнщика.

— Гдѣ у васъ застраховано?—спросилъ онъ.

Людмила Павловна удовлетворила его любопытству.

— И въ какой суммѣ?

Этотъ вопросъ уже разсердилъ хозяйку.

— Вы страховой агентъ, что-ли? — спросила она въ свою очередь.

За Пыхачевымъ швейцаръ втащилъ громадную корзину изъ фруктовой лавки.

— Это что же такое?—изумилась Людмила Павловна.

— А это флакончики для вспрысковъ, — объяснилъ Пыхачевъ.—И всякая тамъ дополнительная снѣдь.

Людмила Павловна, при всемъ своемъ самообладаніи, вспыхнула отъ досады.

— Мнѣ кажется, что я васъ пригласила завтракать, а не вы меня,—сказала она съ раздраженіемъ.

— Ужъ простите; гдѣ же дамѣ самой безпокоиться!—оправдывался тучный милліонеръ.

Людмила Павловна только повела плечами и закусила губу.

Кокоринъ явился съ очень изящной бонбоньеркой. Маленькій, толстоватый, съ подкрашеннымъ желтымъ пушкомъ на лысинѣ и сохранившимся румянцемъ на моложавомъ лицѣ, онъ походилъ на хорошо упитаннаго и хорошо хозяйничающаго помѣщика. Онъ былъ больше другихъ образованъ, зналъ себѣ цѣну и любилъ принимать нѣсколько таинственный видъ человѣка, дѣлающаго гдѣ-то тамъ колоссальныя дѣла, и потому ко всему текущему, наличному, относящагося пренебрежительно. Говорилъ онъ очень тихимъ голосомъ, глядя въ упоръ своими блестящими, свѣтлыми и недобрыми глазами. Когда эти глаза останавливались на молодой женщинѣ, то въ нихъ изъ-за плотояднаго выраженія сквозилъ вопросъ: „а на какую сумму пришлось бы подарить ей брилліантовъ?“ И его жизнь слагалась такимъ образомъ, что очень часто женщины отвѣчали на этотъ вопросъ, и онъ дарилъ.

— Пожалуйте, господа, въ столовую!—поспѣшила пригласить Людмила Павловна.

XV.

Молодая хозяйка, зная, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, устроила завтракъ съ большими претензіями. Готовилъ клубный поваръ, служили лакеи во фракахъ, а одинъ даже въ башмакахъ и шолковыхъ чулкахъ; шампанское стояло въ серебряныхъ холодильникахъ, взятыхъ тоже изъ клуба. Меню было составлено тонкое и длинное. Пыхачевъ ѣлъ съ жадностью, очень благопріятно дѣйствовавшею на аппетитъ остальныхъ. Неровицкій еще издали

внимательно осматривалъ каждое блюдо, желая оцѣнить, какъ оно подано, и, положивъ на тарелку кусокъ, долго его переворачивалъ и разглядывалъ. Кокоринъ бралъ мало, но затѣмъ расхваливалъ съ видомъ тонкаго знатока и соглашался взять еще. Разговоръ вращался больше около разныхъ ресторановъ, русскихъ и заграничныхъ; припоминались необыкновенные обѣды и ужины, гдѣ-то съѣденные, и еще болѣе необыкновенныя цѣны, за нихъ заплаченныя. Царствовала полная непринужденность, какъ всегда, когда мужчины принадлежатъ къ одному кружку.

Людмила Павловна хотѣла быть любезной до крайности.— „Ужъ если я рѣшилась ихъ приручать, то, по крайней мѣрѣ, надо достигнуть цѣли“,—думала она. И ея улыбки были такъ благосклонны, ея голосъ звучалъ такъ весело, что можно было подумать, будто завтракъ въ такомъ обществѣ доставлялъ ей огромное удовольствіе.

Пыхачевъ первый протянулъ къ ней свой бокалъ.

— За здоровье очаровательной хозяйки этого очаровательнаго банкета!—провозгласилъ онъ.

Тостъ былъ принятъ съ общимъ сочувствіемъ. Людмила Павловна, съ своей стороны, предложила выпить за здоровье гостей и за успѣхъ общаго дѣла. Кокоринъ, придавъ своимъ прозрачнымъ глазамъ замысловатое выраженіе, выразилъ пожеланіе, чтобы почаще случалось входить въ дѣла съ такими прелестными компаньонами, какъ хозяйка дома. Пыхачевъ протестовалъ, объявивъ, что никакихъ другихъ дамъ онъ не признаетъ, а поклоняется только одной Людмилѣ Павловнѣ. Неровицкій сказалъ какую-то запутанную рѣчь, изъ которой совсѣмъ ничего не вышло, и при этомъ уронилъ бутылку и облилъ Любовь Павловну шампанскимъ. Всѣ схватили салфетки и бросились вытирать ей платье. Она встала и объявила, что кофе будетъ поданъ въ гостиную.

Тамъ ее опять всѣ обступили. Разговоръ сдѣлался еще оживленнѣе и непринужденнѣе. Пыхачевъ, усѣвшись подлѣ Людмилы Павловны, уставился на нее уже не совсѣмъ трезвыми глазами, такъ что ей было даже неловко. Кокоринъ сначала нѣсколько отяжелѣлъ и, посапывая, только говорилъ, что приступаетъ къ дѣлу ради одной Людмилы Павловны, потому что дѣло, само по себѣ, грошовое. Неровицкій вертѣлъ въ рукѣ сигару, раздумывая, надо ли спросить позволенія хозяйки, или просто закурить, или совсѣмъ не курить. Онъ кончилъ, впрочемъ, тѣмъ, что подошелъ къ роялю и посмотрѣлъ, чьей фабрики.

Кокоринъ, преодолѣвъ первоначальную тяжесть пищеваренія,

пересѣлъ поближе къ Людмилѣ Павловнѣ и обратилъ вниманіе на ея кольца. Камни, по его мнѣнію, были нехороши.

— Хотя для такихъ прелестныхъ ручекъ брилліанты и не нужны,—сказалъ онъ, щуря свои свѣтлые глазки,—но если ужъ носить ихъ, то носить стоющіе.

— Вотъ, когда разбогатѣю, куплю другіе,—отвѣтила со смѣхомъ Людмила Павловна.

— Женщины никогда сами не покупаютъ брилліантовъ,—возразилъ Кокоринъ.—Это отнимало бы всякое удовольствіе носить ихъ. Драгоцѣнности должны быть дареныя.

— Мнѣ никто не дарилъ.

— У меня есть изумительный рубинъ для кольца, въ два сантиметра длиной, темный, чудной шлифовки,—продолжалъ Кокоринъ, взявъ въ руку пальчики Людмилы Павловны и осторожно пожимая ихъ.—Если изъ него сдѣлать кольцо, онъ бы занялъ мѣсто отсюда до сихъ поръ... Такого рубина нѣтъ во всемъ Петербургѣ; я случайно купилъ его въ Лондонѣ. Вы знаете, теперь рубины страшно дороги.

Людмила Павловна тихонько отняла свою руку и посмотрѣла на Кокорина ласково-смѣющимися глазами.

— Какой вы добрый, мосьё Кокоринъ!..—сказала она.—Вы изъ тѣхъ мужчинъ, которымъ доставляетъ наслажденіе дѣлать подарки женщинамъ.

— Прибавьте: крупные подарки! И прибавьте: хорошенькимъ женщинамъ!—поправилъ Кокоринъ, немножко рдѣя въ лицѣ.

— Да, разумѣется—хорошенькимъ женщинамъ,—повторила за нимъ Людмила Павловна. — Я очень люблю такихъ людей. Только я сама никогда не принимаю подарковъ...

Въ эту минуту слуга подалъ ей на подносикѣ карточку Галиновскаго. Ее слегка смутила эта неожиданность, но она тотчасъ оправилась и сказала спокойно:

— Просите Виктора Александровича!

Галиновскій вошелъ. Онъ тоже былъ смущенъ, заставъ у m-me Долоцкой цѣлое общество. Мысль, что онъ попалъ некстати, заставила его даже покраснѣть.

И гости Людмилы Павловны тоже какъ будто почувствовали стѣсненіе. Только сама хозяйка очень мило привѣтствовала новаго посѣтителя, усадила его подлѣ себя, и своимъ спокойнымъ самообладаніемъ тотчасъ устранила почувствованную всѣми неловкость.

Но общій разговоръ не налаживался. По стоявшимъ на столикахъ чашкамъ кофе и рюмкамъ ликеровъ Галиновскій дога-

дался, что здѣсь сейчасъ завтракали. Это почему-то казалось ему страннымъ. Его не пригласили, его держали въ сторонѣ отъ другихъ, какъ будто болѣе близкихъ знакомыхъ. Но кто же эти знакомые? Люди, о которыхъ еще на-дняхъ Людмила Павловна отзывалась чуть не съ презрѣніемъ...

Галиновскій непріятно недоумѣвалъ надъ этими соображеніями. А остальные догадывались, что ему неловко, и въ свою очередь задавали себѣ вопросъ: почему онъ такъ хмурится? Проще всего было—разойтись. Неровицкій, немножко боявшійся Галиновскаго, первый подалъ знакъ къ разъѣзду. Всѣ стали прощаться. Только Кокоринъ, желая показать Пыхачеву и Неровицкому, что можетъ имѣть серьезные разговоры съ Галиновскимъ, отвелъ послѣдняго въ сторону и продержалъ нѣсколько минутъ, толкуя о какомъ-то казенномъ заказѣ.

XVI.

Людмила Павловна, проводивъ гостей, съ видомъ облегченія опустилась на диванчикъ и указала Галиновскому мѣсто подлѣ себя.

— Вы, вѣроятно, одобрите мою политику, Викторъ Александровичъ,—сказала она, улыбаясь ему немножко усталыми глазами.—Мнѣ нужно было накормить этихъ господъ завтракомъ, потому что у моего мужа есть одно общее съ ними дѣло, но я разсудила не приглашать васъ, такъ какъ не предвидѣла для васъ особеннаго удовольствія отъ ихъ общества. Я разсудила правильно, не правда ли? Я не хотѣла быть эгоисткой и требовать, чтобы вы раздѣлили мое самопожертвованіе.

— А я, какъ на грѣхъ, явился незваный и распугалъ вашихъ гостей,—сказалъ Галиновскій.

— За эту случайность я вамъ очень благодарна; а то, пожалуй, они еще сидѣли бы тутъ,—отвѣтила Людмила Павловна.

Галиновскій оставался неразговорчивымъ. Онъ былъ сегодня очень нервно настроенъ, и потому всякое впечатлѣніе ложилось на него сильнѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Когда онъ ѣхалъ сюда, ему казалось, что у него должно произойти объясненіе съ Людмилой Павловной. И ему почему-то казалось также, что у нея съ своей стороны должна явиться потребность высказаться, договориться. Онъ представлялъ ее себѣ непремѣнно въ такомъ же настроеніи, въ какомъ онъ самъ находился, погруженною въ тревожное раздумье, охваченною тѣмъ самымъ неразрѣшеннымъ

возбужденіемъ, какое онъ ощущалъ въ себѣ. И вдругъ онъ находитъ ее поглощенною совсѣмъ другими заботами и интересами, устраивающею какой-то глупый банкетъ какимъ-то совершенно постороннимъ людямъ... Это шло совсѣмъ наперекоръ его настроенію, и въ его голосѣ чувствовалось раздраженіе, когда онъ сказалъ ей:

— Я плохо понимаю, почему вы считаете необходимою особенную любезность съ этими господами? Неужели вамъ съ ними весело?

Людмила Павловна, заслышавъ что-то необычное въ его голосѣ, внутренно вся насторожилась и взглянула на него самыми добрыми и наивно-ясными глазами.

— Какъ это вы, дѣловой человѣкъ, гораздо больше дѣловой, чѣмъ всѣ они, эти случайные богачи и фэзёры, какъ вы можете не понимать, почему я за ними ухаживаю?—сказала она.—Вѣдь вы же знаете, что ни одно дѣло не дѣлается безъ хорошихъ отношеній.

— И какія это дѣла, я тоже плохо понимаю,—продолжалъ Галиновскій страннымъ, почти ворчливымъ тономъ.—Во всякомъ случаѣ, приглашать ихъ къ себѣ, устраивать для нихъ банкеты, да еще лично самой, въ отсутствіе мужа—простите меня, но мнѣ кажется, что это значитъ—слишкомъ мало цѣнить себя.

Людмила Павловна засмѣялась маленькимъ, задорнымъ смѣхомъ.

— Вы какъ будто сердитесь, Викторъ Александровичъ? И по какому поводу! Развѣ это не странно?—сказала она.

Смуглыя щеки Галиновскаго чуть замѣтно покраснѣли.

— Вы совершенно правы, я позволилъ себѣ вмѣшаться... самымъ неумѣстнымъ образомъ,—проговорилъ онъ.—Пожалуйста, простите меня.

— Прощать васъ совсѣмъ не за что, Викторъ Александровичъ,—сказала Людмила Павловна.—Ваше вмѣшательство доказало только, что у васъ есть... немножко дружескаго вниманія ко мнѣ.

— И вы придали бы цѣну такому вниманію? — спросилъ Галиновскій, и сбоку, подозрительно, взглянулъ на нее.

— Я думала, что такіе люди, какъ вы, сами знаютъ себѣ цѣну,—отвѣтила, улыбаясь, Людмила Павловна.

— Что говорить о нашей цѣнѣ! Мы перестаемъ принадлежать себѣ, когда начинается... вотъ эта одурь! — неожиданно возразилъ Галиновскій.

Людмила Павловна быстро взмахнула на него какъ будто испуганными глазами.

— Одурь?—повторила она напряженно.

— Да, конечно, одурь, или что-нибудь еще нелѣпѣе, въ мои годы, при моемъ обликѣ дѣловитаго чиновника...—проговорилъ Галиновскій.—Но все равно. Пусть это глупо, смѣшно, нелѣпо, но я не могу не сознавать, что я только теперь, въ первый разъ, встрѣтилъ женщину, которая... отняла меня у самого себя. Я, конечно, не шучу, если говорю это. Мнѣ не легко въ этомъ сознаваться при моихъ малыхъ надеждахъ на что-нибудь взаимное.

Людмила Павловна слушала его напряженно, какъ будто не дыша, и не отводя отъ него глазъ. Потомъ отвернулась, поставила локти на столъ и закрыла лицо руками. Это лицо безжалостно усмѣхалось...

Галиновскій слегка поблѣднѣлъ. Онъ не думалъ именно теперь, въ эту минуту, высказать свое признаніе; оно вырвалось само собою. Онъ былъ даже доволенъ формой, въ какой оно вылилось: не было произнесено полное слово „люблю“; голосъ его звучалъ искренностью. Но что̀ означало это длящееся молчаніе? Что̀ думала Людмила Павловна? Что̀ онъ услышитъ?

Молодая женщина наконецъ опустила руки; онѣ, какъ разбитыя, упали ей на колѣни. Когда она повернула къ Галиновскому лицо, въ глазахъ ея стояли слезы.

„Кажется, я дурно дѣлаю, что такъ хорошо играю свою маленькую комедію,—думала она въ это время.—Но ради чего я должна щадить его? Что̀ онъ мнѣ такое? И развѣ я виновата, что можно дурачить даже умныхъ мужчинъ? Во всякомъ случаѣ, я не имѣю намѣренія коварнымъ образомъ погубить его. Далеко я не допущу его зайти. Я дамъ ему пріятную иллюзію, которая украситъ его существованіе тайнаго совѣтника, а онъ будетъ расплачиваться со мною маленькими услугами, которыя ему ничего не стоютъ“...

— Вы меня совсѣмъ разстроили, Викторъ Александровичъ,—проговорила она, и на ея только-что насмѣхавшіяся губы набѣжала теперь какъ бы безпомощная улыбка.

Галиновскій схватилъ ея руку, и почувствовалъ ея слабое пожатіе.

— Вы не сердитесь? вы позволяете... любить васъ?—проговорилъ онъ, весь вспыхивая.

Она не отвѣчала. Глаза ея загадочно блуждали по потолку. Онъ цѣловалъ ея руку, которую она не отнимала у него. Наконецъ, она взглянула на него долгимъ, серьезнымъ взглядомъ.

— Я знаю, что вы не пустой, что вы честный человѣкъ,— произнесла она.—Я вамъ вѣрю.

— Да, вы можете вѣрить,—сказалъ Галиновскій какимъ-то сдавленнымъ голосомъ.

XVII.

Его волненіе все возрастало, къ смуглому лицу его кровь приливала пятнами. Никогда еще онъ не чувствовалъ себя въ такомъ напряженномъ и почти тяжеломъ состояніи. Онъ возбуждался и злобствовалъ. Годами накопляемая и подавляемая страстность бушевала въ немъ съ какой-то угрюмой свирѣпостью. Въ этомъ честолюбцѣ, въ этомъ бюрократѣ, создавшемъ себѣ культъ изъ особаго рода министерско-свѣтской корректности, пробуждался, негаданно для него самого, плотоядный хищникъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, удручающимъ образомъ въ немъ расширялось сознаніе своей совершенной неподготовленности къ новому и необычайному моменту жизни. Хищнику недоставало опыта и практики хищничества. Онъ чувствовалъ, что нашелъ свою добычу, но ему не случалось раньше дѣлать того прыжка, который необходимо сдѣлать, чтобы овладѣть ею. И онъ просто повиновался инстинкту энергіи, воспитанному въ немъ карьерой бюрократическаго дѣльца, привыкшаго одинаково брать наскокомъ и сложныя затрудненія народно-государственной жизни, и предательскіе барьеры канцелярской интриги.

Онъ быстро потянулся къ Людмилѣ Павловнѣ, и схватилъ ее обѣими руками за руки.

— Мнѣ тоже надо вѣрить вамъ, вѣрить, что это не игра, не кокетство!—сказалъ онъ какимъ-то почти угрожающимъ тономъ, до боли стискивая ея пальцы.

Глаза и все лицо молодой женщины выразили растерянность, граничащую съ испугомъ: она совсѣмъ не была приготовлена къ такой страстной вспышкѣ. А между тѣмъ Галиновскій, выпустивъ ея руки, обхватилъ ея талію и приблизилъ къ ней пылающее пятнами лицо, съ вспыхнувшими желтымъ блескомъ глазами. Но именно этотъ задоръ, въ которомъ, вопреки всему, своимъ чутьемъ женщины она почувствовала неувѣренность новичка, произвелъ на нее отрезвляющее дѣйствіе. Галиновскій сдѣлался ей совсѣмъ не страшенъ, а только забавенъ.

— Викторъ Александровичъ, я не узнаю васъ! — проговорила она съ насмѣшливой улыбкой, тихонько, безъ нервничанья,

однимъ рѣшительнымъ физическимъ усиліемъ отстраняя его.—Я не ожидала, чтобы вы захотѣли оскорбить меня.

Галиновскій тяжело дышалъ. Онъ чувствовалъ, что прыжокъ звѣря не удался ему; но онъ оставался въ напряженной позѣ хищника, продолжающаго сторожить добычу.

— Развѣ я могъ хотѣть оскорбить васъ?—проговорилъ онъ страстно и злобно.—Вы сказали, что вѣрите мнѣ. И мнѣ тоже нужно вѣрить. Но вѣра безъ дѣлъ мертва есть...

Лицо его странно мѣнялось: то блѣднѣло, то снова покрывалось желто-розовыми пятнами, въ которыхъ кровь сквозила вмѣстѣ съ желчью.—„А если я смѣшонъ, смѣшонъ въ эту минуту?“—проносилось у него въ головѣ и точно оставляло растлѣвающій ядъ въ мозгу.

— Гдѣ же ваше благоразуміе, Викторъ Александровичъ?—заговорила Людмила Павловна, вооружаясь своей наивно-милой улыбкой.—Вѣдь мы съ вами не дѣти. На что это будетъ похоже, если мы забудемъ всякую осторожность? Развѣ мы свободны? У меня есть мужъ, есть маленькое положеніе въ свѣтѣ. А вы... что до васъ касается, я никогда не простила бы себѣ, если бы черезъ меня вы сдѣлались предметомъ недостойныхъ сплетенъ, пересудовъ...

— Какое мнѣ дѣло до какихъ-то глупыхъ пересудовъ!—возразилъ Галиновскій:—я никогда не обращалъ на нихъ вниманія.

Людмила Павловна укоризненно покачала головой.

— Вы не имѣете права такъ разсуждать,—сказала она.—Вы человѣкъ, посвятившій себя государству, обществу. И вы, и я, мы оба должны считаться съ этимъ. Ваша репутація потому и стоитъ такъ высоко, что въ васъ никто не видѣлъ обыкновеннаго человѣка, съ его обыкновенными слабостями. И вы не должны разоблачаться предъ людьми, предъ свѣтомъ. Что скажутъ, если вдругъ узнаютъ о вашемъ романѣ? Развѣ это не повредитъ вашей репутаціи выдающагося дѣльца, государственнаго человѣка, будущаго министра?

— О, я не мѣчу такъ высоко,—перебилъ, съ краскою въ лицѣ, Галиновскій.

Людмила Павловна мило улыбнулась.

— Не знаю, слѣдуетъ ли вамъ вѣрить въ данномъ случаѣ,—сказала она;—мнѣ кажется, постъ министра—именно то, что должно видѣть передъ собою благородное честолюбіе человѣка съ вашими способностями и вашей карьерой. Но вы сами понимаете, что на этомъ пути не должна стоять заурядная рома-

ническая исторія... Это слишкомъ мелко, слишкомъ... не изъ того металла.

Выраженіе лица Галиновскаго измѣнилось: „звѣрь“ пропалъ въ немъ. Ему казалось, что онъ ее понимаетъ и внутренно соглашается съ нею. Въ сущности, то, что она говорила, совершенно совпадало съ его понятіями о необычайной карьерѣ и знаніемъ бюрократическаго міра. Сдѣлаться героемъ слишкомъ громкаго романа теперь, въ его положеніи, было бы рискованно. Это значило бы утратить частицу своего вѣса при такихъ условіяхъ, когда каждый золотникъ принимается въ разсчетъ. Да, она права, тысячу разъ права.

— Какъ жизнь неумолимо подставляетъ намъ свои противорѣчія!—проговорилъ онъ задумчиво, съ невольнымъ ропотомъ еще не успокоеннаго порыва.—Это — наказаніе за слишкомъ поздно сказавшееся чувство.

Людмила Павловна чуть-чуть отвернулась, чтобъ скрыть улыбку, которую не могла подавить. Способность смотрѣть на Галиновскаго преимущественно съ забавной стороны все болѣе брала въ ней верхъ...

— Развѣ у насъ у обоихъ не найдется достаточно ума, чтобъ овладѣть противорѣчіями, какія создаетъ жизнь?—сказала она, немножко отодвигаясь отъ Галиновскаго и откидываясь на спинку дивана.

— Но... это не легко!—произнесъ Галиновскій, и на мгновеніе желтый блескъ опять вспыхнулъ въ его взглядѣ, медленно охватившемъ красивый поворотъ ея стройнаго тѣла.

— Да, не легко... — задумчиво подтвердила Людмила Павловна, но вѣдь то, что легко, имѣло бы для насъ обоихъ очень небольшую цѣну.

„Однако, все это слишкомъ долго тянется; у меня уже въ виски начинаетъ стучать“, — подумала она. — „На сегодня довольно; я уже отбила такую аттаку, какой не могла даже ожидать“.

Она встала, сдѣлала нѣсколько маленькихъ шаговъ по ковру, остановилась и, наклонившись прямо передъ Галиновскимъ надъ столомъ, на который оперлась локтями, подняла лицо, озаренное веселой, немножко хитрой и ласкающей улыбкой.

— Ну, не будемъ теперь больше говорить обо всемъ этомъ,— сказала она.—У меня уже и такъ разыгрались нервы. Давайте болтать о пустякахъ, или, еще лучше—о дѣлахъ. Вы, кажется, спрашивали, какія у меня могутъ быть дѣла съ Пыхачевымъ и его друзьями? А вотъ, взгляните въ эту бумагу.

И она протянула ему лежавшій на столѣ листъ. Это было обязательство, подписанное Пыхачевымъ и привезенное имъ сегодня утромъ.

Галиновскій, нѣсколько разочарованный, не не отставшій отъ своихъ дѣловыхъ привычекъ, развернулъ листъ и медленно, внимательно прочелъ его.

— Дѣло довольно крупное,—сказалъ онъ, какъ будто даже удивленный содержаніемъ бумаги.

— Если состоится, — подхватила Людмила Павловна. — О, съ этимъ дѣломъ у меня связаны громадныя надежды и разсчеты. Вы видите, что я не даромъ вожусь съ господами Пыхачевыми. Если мнѣ удастся довести дѣло до конца, у меня будутъ свои маленькія средства, я буду почти независима... А какъ вы думаете, не встрѣтится препятствій?

— Я думаю, что нѣтъ. Нижне-озерскіе заводы поглотили уже столько денегъ, что ихъ нельзя оставить на произволъ судьбы.

— Ахъ, какъ я рада!—воскликнула съ заискрившимися глазами Людмила Павловна.—Какъ я буду рада! Вѣдь, въ случаѣ чего-нибудь, вы не откажете мнѣ въ маленькомъ содѣйствіи?

Галиновскій любезно склонилъ голову.

— Располагайте мною,—сказалъ онъ.

— Я страшно, страшно вамъ признательна!—воскликнула Людмила Павловна, и черезъ столъ протянула Галиновскому обѣ руки, которыя онъ покрылъ поцѣлуями.—А кстати, такъ какъ рѣчь ужъ зашла о дѣлахъ,—продолжала она съ разомъ охватившимъ ее оживленіемъ,—помните, я вамъ говорила о вѣтви на Мостовищи и Дудуево...

— Помню, — произнесъ, любуясь ея дѣловымъ азартомъ, Галиновскій.

— Вѣдь уставъ акціонернаго общества не трудно будетъ провести? Вы поможете?

— Вы и тамъ принимаете участіе?

— Это только въ проектѣ, и подъ большимъ секретомъ. Объ этомъ теперь ни гу-гу. Но когда наладится, вы примете дѣло подъ свое покровительство?

— Если вы попросите? Какое же можетъ быть сомнѣніе!

— Ахъ, я знала, что вы милый, милый, милый! — трижды воскликнула Людмила Павловна, и еще разъ крѣпко пожала Галиновскому руку.

XVIII.

Долопкій возвратился ровно черезъ двѣ недѣли послѣ своего отъѣзда. Онъ не только все устроилъ, но и привезъ съ собою Мельхиседекова, чтобы прямо приступить къ дѣлу.

Успѣшная поѣздка очень оживила Владиміра Дмитріевича. Онъ и поздоровѣлъ какъ будто, и повеселѣлъ, и набрался спокойной самоувѣренности дѣлового человѣка. Завтракая вдвоемъ съ женой въ самый день пріѣзда, онъ очень остроумно разсказывалъ о своихъ провинціальныхъ встрѣчахъ и впечатлѣніяхъ, и вообще обнаруживалъ радостное возбужденіе, на которое Людмила Павловна отвѣчала сочувственными, ласковыми взглядами. Мысль, что у нихъ опять есть деньги, и еще будутъ деньги, наполняла ихъ чувствомъ торжества. Этотъ завтракъ напоминалъ Долоцкому такой же завтракъ вдвоемъ, на другой день послѣ ихъ свадьбы. Онъ приглядывался къ женѣ, и ему казалось, что она даже похорошѣла съ тѣхъ поръ, что въ ея красотѣ теперь больше зрѣлой роскоши, а въ выраженіи лица—больше осмысленности.

— Но какъ ты удачно успѣла здѣсь все наладить и устроить!—повторялъ онъ нѣсколько разъ, весело щуря свои любующіеся глаза.—Пыхачевъ, я думаю, торговался какъ лавочникъ?

— Н...не особенно,—отвѣтила небрежнымъ тономъ Людмила Павловна. — Я должна была, впрочемъ, устроить имъ у себя маленькій банкетъ... Все вышло очень мило. Пыхачевъ привезъ, съ моего разрѣшенія, Неровицкаго и Кокорина. Тебѣ надо забросить къ нимъ карточки. Но что это за типы! Они снимали съ меня допросъ, сколько мы проживаемъ въ годъ, а Кокоринъ прямо съ мѣста предлагалъ мнѣ какой-то необыкновенный рубинъ. Я посовѣтовала ему сдѣлать изъ него себѣ булавку для галстуха.

Владиміръ Дмитріевичъ слегка поморщился.

— Что за пошлое нахальство!—произнесъ онъ.

— Это у нихъ уже въ природѣ. Меня сначала коробило, но я рѣшила смѣяться и отшучиваться. Вотъ такъ, просто, буквально, захохотать въ глаза—это отлично на нихъ дѣйствуетъ,—пояснила Людмила Павловна.—У Пыхачева вся влюбленность тотчасъ осаживается, какъ послѣ стакана содовой воды.

— Онъ разыгрываетъ влюбленнаго?—спросилъ какъ-то сквозь зубы Долоцкій.

Ему какъ будто вдругъ жуткимъ показалось, что его жена будетъ теперь окружена милліонерами, привыкшими все на свѣтѣ считать предметомъ купли и продажи, избалованными и наглыми, можетъ-быть еще никогда не нарывавшимися на серьезное сопротивленіе...

— Они всѣ привыкли волочиться,—замѣтила небрежнымъ тономъ Людмила Павловна.—Но ихъ пугаетъ Галиновскій. При всей своей наглости, они отлично понимаютъ, что этотъ человѣкъ имѣетъ передъ ними громадныя преимущества.

— Галиновскій тоже... пустился въ ухаживанье?—спросилъ Долоцкій.

— И очень кстати, — спокойно подтвердила молодая женщина.—Они его боятся, и для нихъ его благосклонность все-таки важнѣе вниманія самой хорошенькой женщины. Теперь они будутъ пресмыкаться предо мной, чтобъ угодить ему. А съ нимъ мнѣ гораздо удобнѣе ладить. Онъ только одинъ и умѣетъ разговаривать съ женщиной. Онъ очень симпатиченъ, право...

— Очень можетъ быть...—проговорилъ напряженнымъ тономъ Долоцкій.—Ты отзываешься о немъ съ такимъ сочувствіемъ... какъ будто онъ въ эти двѣ недѣли успѣлъ проявить всѣ свои блестящія качества...

Людмила Павловна посмотрѣла на мужа, усмѣхнулась и подвинула къ нему чашку кофе.

— Ты точно ревнуешь?—проговорила она шутливо.

Лицо Долоцкаго сохраняло напряженное выраженіе.

— Не ревную, а просто думаю о томъ, что твой кругъ знакомствъ разомъ совершенно перемѣнился, что ты теперь окружена другимъ обществомъ, и въ этомъ обществѣ совсѣмъ другія отношенія къ женщинѣ, другіе взгляды и нравы...—сказалъ онъ, глядя въ свой кофе.

— У меня достанетъ смысла, чтобъ умѣть поставить себя и въ этомъ обществѣ,—отвѣтила Людмила Павловна.

— И ты... ничего не боишься?—задалъ вопросъ Долоцкій, и исподлобья взглянулъ на жену.

Она разсмѣялась.

— Чего же, напримѣръ?—спросила она.

Долоцкій не сразу отвѣтилъ. Онъ допилъ свой кофе, пересѣлъ подлѣ жены и осторожно обнялъ ея талію.

— Мнѣ представляется, что среди этихъ господъ, съ ихъ милліонами, съ ихъ вліяніемъ и значеніемъ, твой мужъ сдѣлается для тебя очень, очень маленькимъ человѣчкомъ,—сказалъ онъ наконецъ, заглядывая ей въ глаза.

Людмила Павловна усмѣхнулась и положила руку въ руку мужа.

— Какіе пустяки!—возразила она.—Ты всегда останешься для меня тѣмъ же, чѣмъ былъ. Я тебя знаю, и знаю, почему я ни на кого не промѣняла бы тебя.

— А мнѣ можно узнать, почему?—спросилъ Долоцкій, крѣпче обнимая талію жены.

— Потому что ты самъ—мой, безусловно мой,—отвѣтила Людмила Павловна, и въ ея голосѣ зазвучала сердечная ласка.—А это я цѣню выше всего на свѣтѣ. У меня очень развито чувство собственности... Но полно объ этомъ говорить. Еслибъ я не знала себя, не знала, что никакимъ опасеніямъ тутъ нѣтъ мѣста, я не разсказывала бы тебѣ объ ухаживаньяхъ биржевыхъ тузовъ или запоздалаго романтика въ вицмундирѣ. Люди хотятъ дурачиться—отчего же ихъ не подурачить? Давай лучше говорить о дѣлахъ. Прежде всего, конечно, Пыхачевъ долженъ выплатить тебѣ семь тысячъ за поѣздку. Это онъ заплатитъ, но, конечно, не сейчасъ, а постарается оттянуть хоть на нѣсколько дней. Пускай, дадимъ ему снисхожденіе. Затѣмъ, такъ какъ обязательство на мою пятую часть выдано, то можно прямо свести Мельхиседекова съ Пыхачевымъ, чтобъ они не теряли времени. А когда все будетъ подготовлено, я возьмусь за Галиновскаго.

Долоцкій всталъ.

— Да, да, надо сейчасъ же ѣхать,—сказалъ онъ, собираясь идти переодѣться.

— Подожди,—остановила его Людмила Павловна.—Помнишь, ты писалъ относительно вѣтви на Мостовищи? Твои соображенія очень вѣрны, я ими воспользовалась.

Долоцкій вопросительно взглянулъ на нее.

— Какимъ образомъ?

— Я говорила съ Галиновскимъ. Онъ находитъ эту вѣтвь прямо необходимой, и обѣщаетъ поддержку, если образуется акціонерное общество. Поэтому, не говори ни слова Пыхачеву и вообще никому. Хорошо было бы убѣдить Мельхиседекова тоже молчать до поры до времени. А потомъ, въ удобную минуту, мы все это пустимъ въ ходъ, и ты выступишь въ числѣ учредителей. Это будетъ уже совсѣмъ крупное дѣло.

— Еще бы!—воскликнулъ съ оживленіемъ Долоцкій.—Потребуется складочный капиталъ въ три съ половиной милліона, если не болѣе.

— Ты отлично сдѣлалъ, что привезъ Мельхиседекова,—продолжала Людмила Павловна.—Представь его мнѣ. Мы сначала

съ нимъ все это устроимъ, и потомъ обратимся къ нашимъ милліонерамъ съ готовымъ предложеніемъ, какъ хозяева дѣла.

— Чудесно!—торжествующимъ тономъ протянулъ Долоцкій.

— Я думаю, что недурно!—отозвалась Людмила Павловна.—Такія два дѣла для перваго начала—лучше и желать нельзя.

И она засмѣялась веселымъ, искреннимъ, полнымъ смѣхомъ, и прижавшись къ мужу, поцѣловала его крѣпко, отъ души...

Теперь Людмилѣ Павловнѣ уже за тридцать лѣтъ. Время очень осторожно касается ея красоты. Она почти такъ же хороша собою, только въ выраженіи ея глазъ явилась какая-то излишняя смѣлость, самоувѣренная и презрительная. Но кругъ ея знакомствъ очень расширился, и кругъ поклонниковъ также. Ее чрезвычайно цѣнятъ въ томъ обществѣ, которое продолжаетъ собираться у Ивицкихъ. И какъ кажется, вращаясь въ этомъ обществѣ, она немножко усвоила его тонъ.

Пыхачевъ и его пріятели все такъ же за нею ухаживаютъ, увѣряя себя и другъ друга, что ея часъ еще не насталъ. Только Галиновскій отказался отъ всѣхъ надеждъ, и по временамъ какъ будто затаенное злобное чувство къ ней встаетъ въ его душѣ; но Людмила Павловна умѣетъ заворожить его и возстановить нарушенное равновѣсіе...

В. Авсѣенко.

СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ

Экономическіе очерки изъ жизни края.

I.

Со времени устройства Новороссійскаго порта и проведенія къ нему желѣзнодорожной вѣтви отъ ст. Тихорѣцкой, владикавказской ж. д., Ростовъ-на-Дону занимаетъ нѣсколько неопредѣленное, точно выжидательное положеніе. Вначалѣ, предъ сооруженіемъ порта, ожидалась катастрофа въ торговой жизни Ростова, но катастрофы не произошло; настало лишь затишье, какое-то броженіе въ неизвѣстности относительно будущаго. У Ростова Новороссійскъ кое-что отнялъ, кое-что обезцѣнилъ, охладилъ нѣсколько коммерческую его страстность, вызвалъ нѣсколько банкротствъ, но все это еще не то, что̀ ожидалось. Причиной такого положенія дѣлъ служитъ то обстоятельство, что портъ въ Новороссійскѣ вышелъ изъ неудачныхъ: свирѣпствующій тамъ нордъ-остъ не былъ строителями принятъ во вниманіе или не побѣжденъ, вслѣдствіе чего и образовалась та неопредѣленность, въ которой пребываютъ какъ Новороссійскъ, такъ и естественный соперникъ его, Ростовъ-на-Дону. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ, свирѣпый нордъ-остъ—полный властелинъ Новороссійска: онъ рветъ крыши съ домовъ и складовъ, валитъ бунты зерна и выбрасываетъ изъ порта суда и даже пароходы; когда свирѣпствуетъ нордъ-остъ, Новороссійскій портъ считается закрытымъ. Тутъ ужъ предпріимчивость безсильна, и потому-то всѣ торгово-промышленныя фирмы края—въ полной нерѣшительности. Очевидно только одно: если съ нордъ-остомъ не съумѣютъ или не захотятъ поладить, Новороссійску предстоитъ забвенье, а вмѣстѣ,

значитъ, безплодно погибнутъ и тѣ милліоны, которые уже затрачены на это дѣло. Между тѣмъ, съ первыхъ же дней открытія дороги и порта, полезность и необходимость Новороссійска стала сказываться съ очевидностью для всѣхъ: хлѣбные грузы пошли со всѣхъ сторонъ на Новороссійскъ, и желѣзная дорога сразу оказалась несостоятельною въ своевременномъ подъемѣ всѣхъ грузовъ—успѣхъ явный. На Новороссійскъ стали направлять грузы не только производители сѣвернаго Кавказа, но и съ сѣвера—съ воронежской дороги, далеко выше Ростова, чего никто не ожидалъ. Въ нашей окраинѣ тѣсную связь съ хлѣбной операціей имѣютъ всѣ остальныя отрасли торговли: разъ гдѣ тверды обороты съ зерномъ, тамъ непремѣнно бойко развивается торговля другими производствами,—такова издавна руководящая роль хлѣба въ краѣ. Но въ данномъ случаѣ, если Новороссійскъ не представляетъ собою торговаго рынка, то исключительно по причинѣ неизвѣстности его будущаго. Почти десятилѣтній опытъ указалъ, однако, на то, что одной новороссійской вѣтвью далеко не исчерпываются задачи усовершенствованія путей сообщенія на сѣверномъ Кавказѣ, и что новороссійская вѣтвь явилась только пробнымъ опытомъ въ дѣлѣ избавленія этого богатаго края отъ экономической зависимости предъ торгово-промышленными центрами, играющими роль посредниковъ. Въ скорости начата была постройка петровской вѣтви (Владикавказъ-Петровскъ), проходящей по нефтеноснымъ пространствамъ терской области; вѣтвь эта, какъ равно и ставропольская и другія, проектируемыя пока, могутъ имѣть, впрочемъ, второстепенное значеніе въ судьбахъ края. Солидныя надежды возложены, главнымъ образомъ, на царицынско-тихорѣцкую вѣтвь, проходящую по самымъ хлѣбороднымъ мѣстамъ ставропольской губерніи и идущую на сѣверъ до берега Волги. Только съ устройствомъ этой дороги можно было ждать коренныхъ измѣненій къ лучшему экономическаго быта богатаго, но жестоко эксплуатируемаго сѣвернаго Кавказа. Тѣмъ не менѣе, здѣсь надо опять отмѣтить, что задача не вполнѣ еще будетъ выполнена, если нордъ-остъ въ Новороссійскѣ будетъ продолжать властвовать надъ судьбами экспорта и если къ борьбѣ съ нимъ не будутъ приняты какія-либо серьезныя мѣры.

Въ настоящее время весь сѣверный Кавказъ—только производитель, поставщикъ сырья и производитель безгласный, безправный, рабски подчиненный условіямъ, а очень часто и произволу эксплуатирующихъ его трудъ коммерческихъ центровъ. *Свои* дороги и *свой* портъ должны бы положить предѣлъ этому эко-

номическому рабству и, открывъ новые центры сбыта, придать производительнымъ силамъ и средствамъ края совершенно самостоятельный характеръ. Новороссійскъ, отправляя за границу производства своего края, тѣмъ самымъ избавилъ бы его отъ всей тяжести посредническихъ расходовъ, которые ложатся на него при экспортѣ товаровъ черезъ Ростовъ-на-Дону и Азовское море. Трудно даже приблизительно исчислить сумму ложившихся на кавказскую производительность расходовъ, обязанныхъ необходимости, по неимѣнію другого выхода, везти продукты для сбыта въ Ростовъ. Можно имѣть только нѣкоторое представленіе объ этихъ расходахъ, если взять во вниманіе полукопѣечный сборъ, взимаемый городами Ростовомъ, Азовомъ, Нахичеванью за всѣ отправляемые за границу товары, или, правильнѣе говоря, зерновой товаръ, такъ какъ главнѣйшій по количеству экспорта предметъ—зерно—даетъ доходу этимъ городамъ въ урожайные годы свыше 350 тысячъ рублей; если же мы примемъ во вниманіе, что около двухъ-третей всего количества отпускаемаго за границу товара поставляется этимъ городамъ Кавказомъ, то получимъ цифру болѣе 200.000 руб., отнимаемыхъ у кавказскаго производителя только этимъ *гроше-вымъ* налогомъ. На этого же самаго производителя ложится еще фрахтъ 30 милліоновъ пудовъ зерна за провозъ черезъ Донскія гирла, Азовское море и Керченскій проливъ,—затѣмъ перегрузка въ Ростовѣ и амбары. Если еще прибавить сюда массу другихъ побочныхъ расходовъ, сопряженныхъ съ существующей постановкой дѣла, то окажется, что кавказскій хлѣбъ, прежде чѣмъ попадетъ на настоящій путь къ иностраннымъ рынкамъ, т.-е. на Черное море, теряетъ ежегодно въ своей цѣнности нѣсколько милліоновъ рублей. Эти милліоны извлекаются непосредственно изъ убогихъ кармановъ производителя, т.-е. обывателя станицы и села. Посредники-скупщики, перепродавцы, коммиссіонеры здѣсь не теряютъ ровно ничего; свой куртажъ они получаютъ съ существующей цѣны. Вотъ этихъ-то расходовъ, съ окончательнымъ устройствомъ Новороссійскаго порта (если этому суждено совершиться), и избавится сѣверный Кавказъ, такъ какъ тогда у него будетъ на Черномъ морѣ свой портъ, ведущій съ заграничными покупателями непосредственныя сношенія.

II.

Неразрывно съ измѣненіемъ условій сбыта сырья за границу для сѣвернаго Кавказа связанъ также вопросъ о новой формѣ труда и дѣятельности фабрично-заводской и промышленной. Этого рода дѣятельность, болѣе капитальная и обезпеченная, чѣмъ хлѣбопашество на Кавказѣ, почти отсутствуетъ, особенно фабрично-заводская. Это и понятно: отъ громаднаго, богатаго природными дарами края требовались только физическій трудъ и нехитрое воздѣлываніе матери сырой земли; вотъ и приналегли на эту самую мать сыру землю, и приналегли съ такой силой, что она совсѣмъ приблизилась къ полному истощенію. Необходимо дать ей отдыхъ, надо упорядочить это первобытное веденіе хозяйства, прекратить это огульное, безшабашное, словно озлобленное выжиманіе соковъ благодатнаго чернозема. Фабрично-заводская дѣятельность настолько незначительна на сѣверномъ Кавказѣ, что о ней можно бы безъ грѣха и не упоминать: она ограничивается нѣсколькими винокуренными (а гдѣ ихъ нѣтъ?) заводами, двумя-тремя ничтожными мукомольными мельницами и столькими же табачными фабриками (въ Екатеринодарѣ, Армавирѣ и Майкопѣ); этимъ заводамъ и фабрикамъ нельзя давать значенія самостоятельной отрасли дѣятельности: они далеко не удовлетворяютъ даже мѣстныхъ потребностей окружающаго ихъ района. Движеніе и жизнь фабрично-заводской дѣятельности можетъ дать сѣверному Кавказу лишь полное усовершенствованіе Новороссійскаго порта. Производство табачное за Кубанью, напримѣръ, имѣетъ блестящую будущность: благопріятная для табаководства гористая мѣстность и почва Закубанья давно уже, лѣтъ тридцать назадъ, обратила на себя вниманіе малоазіатскихъ плантаторовъ—грековъ и армянъ, переселившихся сюда и начавшихъ разводить табачныя плантаціи; но дѣло ведется безобразно, и о соблюденіи какихъ-либо, хотя примитивныхъ, требованій раціональнаго табаководства не имѣется ни малѣйшаго представленія. На лѣтніе мѣсяцы на плантаціи нанимаются, преимущественно изъ городовъ, партіи рабочихъ, главнымъ образомъ дѣвушекъ, начиная отъ двѣнадцатилѣтняго возраста; плантаціи находятся за предѣлами городовъ и станицъ, и потому стоятъ почти внѣ всякаго надзора. Между тѣмъ гигіеническія условія табаководства, рѣшительно игнорируемыя плантаторами, въ конецъ убиваютъ здоровье молодыхъ женщинъ, работающихъ здѣсь; но

плата заманчива—10 и до 20 руб. въ мѣсяцъ—и женская молодежь идетъ на приманку. Въ довершеніе картины должно отмѣтить царящій на плантаціяхъ развратъ самаго грязнаго свойства: дѣвушки живутъ здѣсь вдали отъ всякаго наблюденія и пользуются поэтому неограниченной свободой. Самое табаководство въ промышленномъ отношеніи стоитъ внѣ всякихъ разумно выработанныхъ правилъ или условій; покупка и продажа листового табаку производятся самымъ примитивнымъ способомъ, при посредствѣ „фактора" — обыкновенно невѣжды въ дѣлѣ; необходимой выдержки и сушки нѣтъ: лишь бы продать! Складами закубанскаго листового табаку служатъ: Екатеринодаръ, Анапа и Новороссійскъ; отсюда-то, а часто и изъ самаго мѣста производства, снабжаются для фабрикаціи почти всѣ табачныя фабрики Россіи и выпускаются ими разные сорта табаку подъ маркой „турецкаго". Закубанскій табакъ въ Россіи считается лучшимъ.

III.

Изъ другихъ промысловъ на сѣверномъ Кавказѣ обращаютъ на себя вниманіе рыболовство и винодѣліе. Какъ первое, такъ и второе ждутъ урегулированія и правильной постановки дѣла. Рыболовство въ устьяхъ Кубани производится самымъ непозволительнымъ образомъ; кубанское областное хозяйство раздѣлило рыболовныя мѣстности на семь участковъ, и въ каждомъ изъ нихъ существуетъ надзоръ; очевидно, надзоръ этотъ не удовлетворителенъ, что можно заключить изъ того, что богатый промыселъ этотъ годъ отъ году падаетъ,—вѣрнѣе, истощается. Главныя рыболовныя мѣста въ кубанской области—агуевскіе и темрюкскіе промыслы; первые отдаются съ торговъ въ арендное содержаніе и даютъ среднимъ числомъ около 100 тыс. руб. дохода (иногда арендная плата доходитъ до 150 тыс. руб., но зато бываютъ годы, когда она понижается до 85 тыс. руб.); хотя контрагентъ и обязывается соблюдать извѣстныя правила при эксплуатаціи, направленныя къ сохраненію промысла, но обязательства эти пишутся болѣе для „проформы", и контроля за исполненіемъ этихъ правилъ почти никогда не бываетъ; знаменитая, дѣйствительно, по качеству и вкусу „агуевская" икра теперь далеко не заслуживаетъ пріобрѣтенной ею ранѣе репутаціи; теперь всѣ силы заводчиковъ направлены къ тому, чтобы побольше добыть икры и рыбы, а о качествѣ ихъ и раціональномъ веденіи дѣла заботятся очень мало. Еще болѣе замѣча-

тельна судьба темрюкскихъ рыбныхъ ловель. Тутъ, кромѣ безпорядка, въ промыслѣ важную роль играетъ замѣшавшееся въ дѣло „недоразумѣніе“. Снабдивъ городъ Темрюкъ общими городскими правами и землей, забыли утвердить за нимъ воду (Темрюкъ расположенъ у одного изъ гирлъ Кубани); такимъ образомъ, вода, а слѣдовательно и ловли остались за войсковой казной; въ результатѣ получилось то, что темрюкане, какъ населеніе рѣчного города, лишились главнѣйшаго своего естественнаго промысла—рыболовства. Но жизнь и ея дѣйствительность сильнѣе правъ и разграниченій: необходимость существованія вызвала въ горожанахъ незаконное рыболовство; несмотря на запретъ и противодѣйствія рѣчной казачьей полиціи, охраняющей интересы областного хозяйства, темрюкане выдѣлили изъ себя довольно многочисленный элементъ рыбаковъ-крючниковъ, производящихъ ловъ рыбы, преимущественно красной, въ запретныхъ мѣстахъ; отсюда пошли распри, преслѣдованіе крючниковъ, отбираніе крючьевъ и снастей; дѣло доходило до схватокъ на водѣ крючниковъ съ охраной, и, какъ случаи бывали, кончалось иногда убійствами. Права рѣчная полиція, охраняющая ввѣренные ей интересы, и правы, по-своему, рыболовы, побуждаемые къ незаконному лову рыбы у берега родного города борьбою за существованіе. Рѣка, устье ея и семиверстное разстояніе отъ берега въ глубь моря принадлежатъ войсковому хозяйству; Темрюкъ же, расположенный у устья Кубани, пользуется лишь правомъ брать воду для домашняго употребленія—и только. Городъ неоднократно возбуждалъ ходатайство по этому предмету, но безплодно; казаки твердо держатся убѣжденія: „Земля наша и вода наша“. Право—великое дѣло.

Нечего и говорить о томъ, что въ виду такого ненормальнаго положенія дѣла, и рыболовство у Темрюка, какъ контрабандное, производится весьма неправильно. Исключеніе составляютъ рыболовные заводы, существующіе съ вѣдома и разрѣшенія областного правленія; здѣсь уже наблюдается хотя относительно правильная форма рыболовства. На заводахъ этихъ работаетъ масса рабочихъ, извѣстныхъ здѣсь подъ названіемъ „забродчиковъ“. Эти забродчики—послѣдніе могикане той знаменитой плеяды непомнящихъ родства Ивановъ, которыми была полна, 50—100 лѣтъ назадъ, юго-восточная Русь, и которые—заслуга немалая—были первыми основателями многихъ изъ городовъ нашего юго-востока. Не такъ давно, лѣтъ 15—20 назадъ, ловъ рыбы на этихъ заводахъ производился на паяхъ: треть улова поступала въ пользу хозяина, а остальныя двѣ трети—въ распо-

ряженіе „ватаги“. Время измѣнило порядки: „долю“ замѣнила плата, а съ нею явились штрафы, вычеты—и образовался голодный и холодный безпаспортный пролетаріатъ.

IV.

Не блестяще также въ краѣ и состояніе винодѣлія. Въ кубанской области занимаются имъ въ незначительномъ размѣрѣ и крупнаго промышленнаго значенія оно тамъ почти не имѣетъ. Выдающееся положеніе винодѣліе занимаетъ въ терской области, гдѣ центрами производства вина могутъ быть названы Кизляръ и Моздокъ. Въ прежнее время, когда винодѣліе не представляло еще особенной доходной статьи, мѣстное вино, особенно „кизлярское“, славилось своимъ качествомъ; но теперь даже въ Ростовѣ и Таганрогѣ, какъ ближайшихъ пунктахъ, невозможно добыть натуральнаго кизлярскаго вина; правда, предлагаютъ какую-то жидкость съ маркой „кизлярское“, но это кизлярское оказывается какою-то подкрашенною дрянью. И въ винодѣліи, какъ и въ земледѣліи, преслѣдуется здѣсь также и единственная эксплуататорская цѣль: съ какимъ-то остервенѣніемъ стремятся побольше выжать соковъ, смѣшать съ водой и продать. Кромѣ мелкихъ винодѣловъ, въ области имѣется очень много крупныхъ промышленниковъ; эти послѣдніе или имѣютъ собственные сады, или скупаютъ виноградъ у казаковъ и поселянъ. Нѣсколько загадочно слѣдующее обстоятельство: терское вино, кромѣ кизлярскаго, да и то поддѣльнаго, пользуется незначительною извѣстностью, и едва ли его можно отыскать въ розничной продажѣ; между тѣмъ въ терской области производятся милліоны ведеръ вина. Куда же дѣвается это море сока? Мы знаемъ, что вино продается большими партіями на мѣстѣ и въ Нижнемъ-Новгородѣ, на ярмаркѣ, но никто не знаетъ и не пьетъ этого вина. Оно, слѣдовательно, исчезаетъ. Вино въ Кизлярѣ и вообще на мѣстѣ производства продается партіями, разумѣется,—отъ 60-ти коп. ведро и до 2-хъ руб., а иногда, смотря по качеству, и дороже. Крупными же купцами этого вина являются агенты извѣстныхъ столичныхъ и провинціальныхъ виноторговцевъ. Скупленное въ громадномъ количествѣ вино это дѣлится на двѣ части: лучшія вина отправляются за границу, а болѣе дешевыя поступаютъ въ „химическія лабораторіи“ отечественныхъ винодѣловъ. „Заграница“ возвращаетъ намъ наше же вино, только искусно переработанное, подъ разными блестящими ярлыками, а наши, „ничто же сумня-

шеся", продѣлавъ тѣ же, но болѣе упрощенныя манипуляціи, рекомендуютъ потребителямъ терское вино, какъ лучшій хересъ, лафитъ или еще что-нибудь въ этомъ родѣ. Виноградство и винодѣліе въ послѣдніе годы стали развиваться и на черноморскомъ берегу сѣвернаго Кавказа—близъ Новороссійска и Анапы, гдѣ посадка французскихъ лозъ дала блестящіе результаты. По свойству почвы и успѣхамъ, добытымъ опытами виноградства, надо ожидать серьезную конкурренцію винамъ крымскимъ. Развитіе этой отрасли промышленности обязано частной иниціативѣ; такъ, близъ Анапы разсажены были виноградники генераломъ Пиленко, причемъ изъ разведенной имъ школы лозы выдавались желающимъ безплатно. Какихъ-нибудь 10—15 лѣтъ назадъ, на этомъ клочкѣ черноморскаго побережья мѣста подъ виноградники продавались по 30—40 р. десятина; теперь она дошла до 400—500 р. Засаженная десятина черезъ два года на третій продается вдвое дороже. Въ послѣднее время правительствомъ раздаются участки земли близъ Новороссійска подъ виноградники, но условія нѣсколько невыгодны, почему, какъ говорятъ, охотниковъ на эти участки является мало. Во всякомъ случаѣ винодѣліе здѣсь имѣетъ несомнѣнно блестящую будущность.

V.

Есть въ терской области станицы: Шелкозаводская, Червленая, Бороздинская и др. Здѣсь когда-то населеніе занималось шелководствомъ, т.-е., правильнѣе говоря, кормкой шелковичныхъ червей и добываніемъ кокоповъ; это свидѣтельствуется и старожилами, и до сихъ поръ сохранившимися плантаціями тутоваго дерева; но теперь отъ этого прекраснаго полезнаго промысла осталось одно лишь воспоминаніе. Въ Червленой станицѣ нынѣшнее населеніе не имѣетъ даже никакого представленія о шелковичномъ червѣ, о коконѣ, о шелководствѣ вообще; тутовицы вырубаются безпощаднымъ образомъ! Старожилы объясняютъ прекращеніе здѣсь шелководства его безвыгодностью, отсутствіемъ сбыта коконовъ и, наоборотъ, выгодностью винодѣлія; тѣмъ не менѣе, въ области есть мѣста, гдѣ любители все еще продолжаютъ заниматься кормленіемъ червей; будь, слѣдовательно, здѣсь постоянный спросъ на коконы—явилась бы въ краѣ цѣлая отрасль промышленности. Впрочемъ, шелководство въ При-азовскомъ краѣ имѣетъ прошлое; судя по сохранившимся по-днесь плантаціямъ тутоваго дерева (morus alba) въ окруж-

постяхъ Таганрога и Нахичевани-на-Дону, а также—по устнымъ преданіямъ—шелководство здѣсь было нѣкогда въ большомъ распространеніи, и имъ занимались профессіонально. Въ предпослѣдніе годы своего существованія ростовское уѣздное земство энергично было-занялось вопросомъ о заведеніи въ уѣздѣ шелководства, въ виду благопріятныхъ условій, существующихъ здѣсь для этой цѣли. Къ послѣдней очередной сессіи приготовлены были матеріалы и проекты для разсмотрѣнія и утвержденія земскаго собранія, но распоряженіе высшей администраціи о присоединеніи ростовскаго уѣзда и таганрогскаго градоначальства къ донской области, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уничтоженіи ростовскаго земства, положило конецъ поднятому-было вопросу о развитіи въ краѣ шелководства. Нѣсколько лѣтъ назадъ, близъ Ростова-на-Дону были попытки, по частной иниціативѣ, завести червокормленіе, и даже была устроена маленькая шелкоразмотная фабрика, но попытка не увѣнчалась успѣхомъ.

Извѣстно также, что коннозаводство и овцеводство на сѣверномъ Кавказѣ, а главнымъ образомъ въ кубанской области, занимаютъ видное мѣсто; первое сосредоточено въ рукахъ исключительно капиталистовъ, а второе—овцеводство—хотя и служитъ предметомъ эксплуатаціи крупныхъ хозяйствъ и промышленниковъ, тѣмъ не менѣе является также подспорьемъ для населенія станицъ и хуторовъ. Благодаря отдаленности центровъ сбыта овечьей шерсти и другихъ продуктовъ овцеводства, мелкимъ хозяевамъ попадаетъ очень небольшое вознагражденіе. Центральнымъ пунктомъ сбыта овечьей шерсти является все тотъ же Ростовъ, въ которомъ сосредоточены всѣ шерстомойные заводы, и вотъ, чуть ли не черезъ десятыя руки, грязная „черноморская“ и „испанская“ шерсть, перекочевывая сказочныя тридевять царствъ, попадаетъ наконецъ въ „первыя руки“, возрастая въ цѣнѣ вдвое противъ заплаченной производителю, не считая тѣхъ неизбѣжныхъ „обвѣса“ и „обмѣра“, которые какъ бы самимъ небомъ узаконены при процедурѣ „пріемки“ шерсти, льна и хлѣба тамъ, гдѣ-то въ глуши станицъ, селъ и хуторовъ, вдали отъ закона и общественнаго контроля.

Указывая на настоящее печальное положеніе хозяйства на сѣверномъ Кавказѣ, необходимо упомянуть здѣсь, что сооруженіе новыхъ путей сообщенія и появленіе новыхъ, чисто мѣстныхъ торгово-промышленныхъ центровъ должны оказать на экономическую жизнь края благодѣтельное вліяніе. До сихъ поръ сѣверный Кавказъ служитъ ареной грубыхъ эксплуататорскихъ махинацій; край переполненъ „пришлецами", нахлынувшими сюда, начиная съ пятидесятыхъ годовъ, въ погонѣ за легкой наживой, млечными рѣками и просторомъ...

Само собою разумѣется, что новые пути—въ видѣ желѣзнодорожныхъ линій—создаютъ и новые торговые центры. Говоря о сѣверномъ Кавказѣ, надо замѣтить, что здѣсь такихъ центровъ очень мало. Существующіе города, чуждые даже зачатковъ какой-либо промышленной дѣятельности, въ большинствѣ случаевъ насаждены были для централизаціи въ нихъ мѣстной администраціи, а не вызваны соображеніями промышленнаго или экономическаго свойства, устроены, словомъ, для порядка. Но съ проведеніемъ владикавказской желѣзной дороги, а теперь—вѣтви въ Новороссійскъ, дѣйствительность вызвала къ жизни нѣсколько бойкихъ торговыхъ пунктовъ; изъ нихъ селеніе Армавиръ и ст. Тихорѣцкая (откуда начинается новороссійская вѣтвь) обращаютъ на себя особенное вниманіе, какъ занявшіе сразу довольно видное положеніе въ торговомъ отношеніи. Армавиръ, напримѣръ, рѣшительно сдѣлался „вторымъ Ростовомъ", и въ немъ не только производятся громадныя хлѣбныя операціи, но и весьма замѣтны и солидны торговые обороты — даже проявляются признаки заводской дѣятельности. Армавирцы, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, хлопочутъ о переименованіи своего селенія въ городъ, но пока безуспѣшно, хотя ихъ и не лишаютъ надеждъ. Что касается другого торговаго пункта, ст. Тихорѣцкой, то выгодность его становится очевидной уже въ виду того обстоятельства, что Тихорѣцкая является центромъ трехъ желѣзнодорожныхъ направленій — на Владикавказъ, Новороссійскъ и Ростовъ-на-Дону [1]). Особенное значеніе этотъ пунктъ, кромѣ создаваемаго ему расположеніемъ желѣзнодорожныхъ путей, пріобрѣтаетъ еще и потому, что онъ можетъ явиться ближайшимъ центромъ сбыта произведеній богатаго хлѣбопашествомъ медвѣжинскаго уѣзда, ставропольской губерніи и тихорѣцкаго округа. До Ростова отъ селенія Медвѣжьяго 220 верстъ, а до Тихорѣцкой—105; отъ другого земледѣльческаго пункта—Бѣлой

[1]) А въ недалекомъ будущемъ и на Царицынъ-на-Волгѣ.

Глины, тоже ставропольской губ., до Ростова—170 верстъ, а до Тихорѣцкой—65; приводимъ разстоянія потому, что прежде изъ обѣихъ названныхъ мѣстностей хлѣбъ свозился въ Ростовъ. Независимо выгоды въ разстояніяхъ, Тихорѣцкая передъ Ростовомъ имѣетъ и то преимущество, что отправленный отсюда въ Ростовъ хлѣбъ, слѣдуя за границу, долженъ нести на себѣ еще массу непроизводительныхъ расходовъ, заключающихся, какъ мы уже и говорили, въ перегрузкахъ и перевозкѣ по донскимъ гирламъ, Азовскому морю и Керченскому проливу, что, безъ сомнѣнія, понижаетъ цѣнность хлѣба, тогда какъ изъ Тихорѣцкой хлѣбъ черезъ 8 часовъ доставляется въ Новороссійскъ и отсюда безъ всякихъ перегрузокъ можетъ быть погруженъ на пароходы и отправленъ въ мѣста сбыта. Эта быстрота и упрощенность перевозки хлѣба черезъ Тихорѣцкую приносятъ производителю ту пользу, что они сбываютъ свой хлѣбъ по цѣнѣ значительно высшей, чѣмъ въ Ростовѣ; разница въ цѣнахъ между Ростовомъ и Новороссійскомъ доходитъ иногда до двухъ руб. на четверть. Это—разсчетъ. Тутъ не безъинтересно отмѣтить слѣдующее явленіе. Владикавказская дорога на всемъ своемъ семисотверстномъ разстояніи проходитъ мимо станицъ и селеній; но всѣ они оставлены на болѣе или менѣе дальнемъ разстояніи; поэтому почти у каждой желѣзнодорожной станціи ютятся амбары, склады и лавки, а поселенія-станицы, такимъ образомъ, оказываются въ довольно невыгодномъ положеніи—обойденныхъ и заброшенныхъ; но такъ какъ земля, прилегающая къ станціоннымъ строеніямъ, составляетъ собственность той или другой станицы, то станичные дѣльцы и додумались запретить, общественнымъ приговоромъ, сооруженія жилыхъ помѣщеній и торговыхъ складовъ близъ станціи жел. дор. Такой мѣрой станичники добились того, что хлѣбопромышленники волей-неволей перебрались въ станицы и тутъ стали „ссыпать“ покупаемый у земледѣльцевъ хлѣбъ; само собою разумѣется, что въ станицахъ поднялась цѣнность помѣщеній; складываемый здѣсь хлѣбъ приходится, однакоже, отправлять на станцію жел. дор., почему на него ложится новый расходъ—подвозка, что обходится по 14—16 к. съ мѣшка, а на четверть ложится иногда до 75 коп. Извозомъ занимаются обыватели этой же станицы; дѣло это, вызвавъ новый заработокъ, сослужило, однакоже, населенію плохую услугу: легкій заработокъ, извозный, уменьшилъ число честныхъ тружениковъ станицы, зато образовалъ новый классъ тунеядцевъ, пьяницъ; вмѣстѣ съ развитіемъ извознаго промысла, въ близлежащихъ къ желѣзнодорожнымъ станціямъ станицахъ размножилось также число кабаковъ и трактирныхъ за-

веденій. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить также и того, что нахожденіе торговыхъ складовъ въ станицахъ, помимо неудобствъ и излишнихъ расходовъ, сопряжено съ большимъ рискомъ, именно въ пожарномъ отношеніи. Казачья станица—это сплошная груда соломы, камышу и частью дерева; всѣ постройки сооружены исключительно изъ этихъ строительныхъ матеріаловъ, а слѣдовательно представляютъ собою очень благопріятную почву для пожаровъ. Дѣйствительно, пожары здѣсь уносятъ очень много. Горятъ нехитрыя постройки, а съ ними вмѣстѣ и сложенные въ нихъ товары и имущество. Случаи, когда сгорали десятки, а иногда и сотни дворовъ, довольно часты; такъ, еще не особенно давно въ ст. Новопокровской, куб. обл., выгорѣло до 160 дворовъ, а съ ними и до 20 тысячъ четвертей зернового товара. Пожары не мало пугаютъ коммерсантовъ, а слѣдовательно задерживаютъ правильное развитіе мѣстной торговли. Многіе изъ солидныхъ коммерческихъ домовъ, желавшіе завести непосредственныя сношенія съ производителями, должны были отказаться отъ своей мысли, исключительно изъ опасности въ пожарномъ отношеніи. Ведя рѣчь, въ данномъ случаѣ, о ст. Тихорѣцкой, надо замѣтить, что собственно *станица* Тихорѣцкая отстоитъ отъ станціи въ семи верстахъ. Поэтому и здѣшніе обыватели, по примѣру другихъ, въ свою очередь озаботились объ изданіи приговора, запрещающаго селиться близъ станціи; можно съ этими приговорами мириться еще, когда они дѣйствуютъ въ районѣ ничтожныхъ станицъ и станцій; но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою образчикъ страшнаго злоупотребленія правомъ, произвола надъ вопросомъ, имѣющимъ глубоко важное значеніе, несравненно болѣе серьезное, чѣмъ грошевые интересы казаковъ Тихорѣцкой станицы. Станція Тихорѣцкая, какъ мы и сказали уже,—это довольно важный пунктъ для торговли и, находясь въ узлѣ трехъ желѣзнодорожныхъ направленій, можетъ играть въ судьбѣ сѣвернаго Кавказа очень серьезную роль, какъ Ростовъ, напримѣръ, для при-азовскаго края. Здѣсь нужно вмѣшаться въ дѣло высшей администраціи и, ради блага края, отбросить ничтожныя претензіи небольшой кучки обывателей станицы. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ пунктомъ крупнаго значенія.

Въ „Куб. Обл. Вѣд.“ рекомендованъ былъ уже проектъ образованія на мѣстѣ станціи Тихорѣцкой—*поселка*. Авторъ проекта, извѣстный знатокъ мѣстности, г. Садомцевъ, доказывая, что мѣста у станціи будутъ немедленно заняты чающими движенія торговцами и промышленниками, „даже многими крупными и солидными фирмами Ростова и Нахичевани-на-Дону,

предвидящими упадокъ торговли въ ихъ городахъ", приводитъ слѣдующія свои соображенія, весьма основательныя: „Мѣсто для будущаго поселка очень удобно для жизни; кромѣ того, оно близко къ Новороссійску, къ Дону, откуда прямо, безъ остановки въ Ростовѣ, будетъ слѣдовать къ тихорѣцкому вокзалу лѣсъ, желѣзо, чугунъ, гончарныя произведенія и пр. А самое главное—что у Тихорѣцкой станціи есть свой собственный, самый богатый и производительный хлѣбный рынокъ, медвѣжинскій уѣздъ, ставропольской губ., и самая богатая производительная часть кавказскаго уѣзда (кубанской обл.). Все это, вмѣстѣ взятое, даетъ полное право надѣяться, что въ самомъ непродолжительномъ времени Тихорѣцкій поселокъ явится однимъ изъ цвѣтущихъ торгово-промышленныхъ пунктовъ сѣвернаго Кавказа"...

Намъ кажется, однако, что не поселокъ нуженъ для такого центра, какъ Тихорѣцкая станція, а цѣлый городъ, городъ съ землею и со всѣми городскими правами на началахъ существующаго Городового Положенія. Никакія административныя соображенія не могутъ создать „живого" центра, кромѣ общества; общество—это тѣсно сплоченная масса, связанная съ мѣстомъ всѣмъ своимъ существованіемъ. Живя и дыша своею собственной жизнью, городское общество, само собою разумѣется, является самымъ бдительнымъ и безкорыстнымъ охранителемъ своихъ жизненныхъ интересовъ, интересовъ чисто „шкурныхъ". Посмотрите, напримѣръ, съ какою настойчивостью Ростовъ-на-Дону протестовалъ противъ сооруженія новороссійской желѣзно-дорожной вѣтви, усмотрѣвъ въ этомъ покушеніе на свое благосостояніе, и съ какою находчивостью выдвинулъ, какъ противовѣсъ угрожающей опасности, вопросъ о волго-донскомъ каналѣ! При учрежденіи же поселка на мѣстѣ Тихорѣцкой станціи, при условіи арендной отдачи плановыхъ мѣстъ, не будетъ даже и тѣни общественной цѣлости. Комитетъ или другое учрежденіе, вѣдающее судьбы поселка, будетъ относиться, какъ это не трудно предвидѣть, къ жизни поселка лишь формальнымъ образомъ, какъ начальство, заботящееся лишь о современномъ взысканіи и о водвореніи общественнаго „порядка и тишины". Примѣромъ можетъ служить г. Новочеркасскъ, которымъ правитъ комитетъ, и который, несмотря на то, что является центромъ всѣхъ административныхъ учрежденій громаднаго Донского края, представляетъ собою безжизненность и производитъ на свѣжаго человѣка какое-то тяжелое, мертвящее впечатлѣніе. Если Ростовъ развился до настоящаго своего положенія, то онъ обязанъ этимъ, главнымъ образомъ, своему городскому самоуправленію, стоявшему

всегда во главѣ всякихъ болѣе или менѣе замѣтныхъ движеній на пути торгово-промышленнаго преуспѣянія. Поэтому мы въ правѣ ожидать, что кубанская областная администрація отнесется къ вопросу объ установленіи будущаго Тихорѣцкой станціи съ серьезностью, какой заслуживаетъ дѣло само по себѣ.

Упомянемъ хотя вскользь и о мѣстной печати. Исторія печати на сѣверномъ Кавказѣ очень бѣдна и немногосложна. Старѣйшая въ краѣ газета—„Куб. Обл. Вѣдомости“,—благодаря просвѣщенному взгляду на печатное слово мѣстныхъ областныхъ начальниковъ, въ настоящее время представляетъ собою довольно интересное ежедневное изданіе. „Вѣдомости“ когда-то издавались разъ въ недѣлю, но и тогда уже онѣ обратили вниманіе публики извѣстнымъ циркуляромъ бывшаго наказного атамана, ген. Кармалина, приглашавшимъ сообщать „Вѣдомостямъ“ обо всѣхъ фактахъ, имѣющихъ мѣсто въ предѣлахъ области, находя ихъ полезными какъ для публики, такъ и для мѣстной администраціи, которая не можетъ все знать, все видѣть и все вѣдать.

Частная печать на сѣверномъ Кавказѣ—дѣло совсѣмъ новое, не имѣющее за собою даже 20-ти лѣтъ (исключая сезоннаго „Листка Кавказскихъ минеральныхъ водъ“). Первая частная газета въ краѣ—„Владикавказскій Листокъ“, превратившійся потомъ въ „Терекъ“, газету, выходящую во Владикавказѣ три раза въ недѣлю. Газета пошла-было хорошо; затрогиваемые ею вопросы живо интересовали мѣстное общество, но существованію ея положенъ былъ предѣлъ перенесеніемъ цензуры ея—въ Тифлисъ! Въ восьмидесятыхъ годахъ эта мѣра, какъ карательная для провинціальныхъ изданій, практиковалась часто и имѣла рѣшительное дѣйствіе: подвергнутыя такой мѣрѣ „сокращенія“, газеты, само собою разумѣется, умирали, добровольно прекращая изданіе. Вслѣдъ за „Терекомъ“ появилась въ Екатеринодарѣ „Кубань“, выходившая 1—2 раза въ недѣлю. Будучи по характеру обличительной, „Кубань“ въ каждомъ нумерѣ выводила на всенародный судъ разныхъ смотрителей, кабатчиковъ, уѣздныхъ начальниковъ, станичныхъ атамановъ, станичныхъ писарей—имя имъ легіонъ—и пострадала! За поруганную газетой „честь“ и оскорбленное „доброе имя“ всѣ эти благодѣтели стали таскать газету по судамъ, а съ другой стороны донимать ее тѣми нечистыми путями, которые у насъ, въ провинціи, не только возможны, но и до сихъ поръ еще очень и очень опасны. „Кубань“ погибла.

На мѣсто „Терека“ и „Кубани“, имѣвшихъ очень скоротечную жизнь, появился „Сѣверный Кавказъ“—уже въ Ставро-

полѣ. Въ началѣ своего существованія газета пережила не мало лишеній и затрудненій. Болѣе десяти лѣтъ „Сѣверный Кавказъ“ былъ единственнымъ повременнымъ изданіемъ во всемъ краѣ, и только недавно во Владикавказѣ стала издаваться газета „Казбекъ“, выходящая три раза въ недѣлю. Эта газета пользуется симпатіей мѣстнаго общества.

Таковъ краткій обзоръ жизни одной изъ богатѣйшихъ нашихъ окраинъ, служившій до сихъ поръ ареной самой беззастѣнчивой эксплуатаціи. Надо надѣяться, что, съ окончательнымъ устройствомъ новыхъ путей сообщенія и собственныхъ рынковъ сбыта произведеній, сѣверный Кавказъ наконецъ отдохнетъ и станетъ на правильный путь экономическихъ и общественныхъ преуспѣяній.

П. Алексановъ.

ИСТОРІЯ
ОДНОЙ УЛИЦЫ

Изъ домашней жизни бѣднѣйшаго слоя лондонскаго населенія.

I.

Лондонская улица, обыкновенная, не-торговая улица, это—двѣ гряды каменныхъ стѣнъ, тянущихся по обѣимъ сторонамъ мостовой. Въ этихъ стѣнахъ черезъ одинаковые промежутки вырублены окна и двери. Каждая дверь, это—входъ въ отдѣльную квартиру, комнаты которой расположены въ нѣсколькихъ этажахъ. Позади квартиры имѣется площадка или дворикъ, такъ-называемый „back garden“ (задній садикъ). Бываютъ „садики“ и впереди дома, и тогда они называются „front garden“. Иногда въ каждомъ изъ садиковъ дѣйствительно торчитъ по дереву или кусту.

Типы домовъ бываютъ, конечно, очень разнообразные и зависятъ отъ безпрестанно мѣняющихся вкусовъ населенія, отъ соціальнаго положенія обитателей, отъ условій мѣстности и т. д. Есть поэтому дома, т.-е. улицы съ домами, въ два этажа, въ три, въ четыре и больше этажей.

Въ послѣдніе годы стали распространяться постройки на континентальный образецъ, съ квартирами, расположенными по этажамъ съ общими лѣстницами. Такого рода множество зданій стало воздвигаться особенно въ центральныхъ частяхъ Лондона; при этомъ въ бѣдныхъ частяхъ они носятъ демократическое названіе „buildings“, а въ богатыхъ—аристократическое „mansions“.

Въ болѣе отдаленныхъ отъ центра улицахъ „mansions“ строятся обыкновенно лишь на углахъ и перекресткахъ. Въ большинствѣ случаевъ эти дома состоятъ изъ семи-восьми этажей, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., у парка Сенъ-Джемса, доходятъ и до 13-ти или 14-этажной высоты. Но этого типа дома составляютъ здѣсь лишь нововведеніе, прививающееся довольно медленно и тонущее въ той массѣ домовъ, которые продолжаютъ строиться по-прежнему. Преобладающій типъ, особенно въ той полосѣ Лондона, которая лежитъ между центромъ и окраинными участками, являются дома въ три-четыре этажа, въ каждомъ изъ которыхъ имѣются по двѣ или по три комнаты. Кухня помѣщается въ нижнемъ, „подвальномъ“ этажѣ, называемомъ „basement“; въ первомъ этажѣ, называющемся „ground floor“, помѣщаются столовая и пріемная; во второмъ этажѣ, а по англійскому счету — первомъ — спальня, ванная, уборная; въ третьемъ — комнаты для дѣтей, въ четвертомъ — прислуга и запасныя комнаты. Такова, такъ сказать, схема дома средняго типа, разсчитаннаго для жильца средняго класса. Такъ какъ здѣсь каждая улица состоитъ обыкновенно изъ одного лишь типа домовъ, то и жители въ нихъ состоятъ изъ людей почти одного и того же общественнаго положенія. Къ такой-то улицѣ средняго класса принадлежала и та, о которой я хочу разсказать. Исторія ея, это — исторія десятковъ и сотенъ такихъ же улицъ, расположенныхъ на востокъ и западъ, на сѣверъ и югъ отъ нея, но исторія именно этой улицы мнѣ особенно близка и знакома. Я жилъ на этой улицѣ, я зналъ ее въ дни ея процвѣтанія, присутствовалъ при ея паденіи и видѣлъ ее въ тотъ скорбный день, когда... Но нѣтъ, зачѣмъ забѣгать впередъ!

II.

Первое мое знакомство съ этой улицей, носившей громкое имя Садовой-Террасы, произошло совершенно случайно: извозчикъ, везшій меня изъ Нотингхилла въ Фулгемъ, по привычкѣ, свойственной всѣмъ извозчикамъ въ Лондонѣ, пробираться по самымъ тихимъ и уединеннымъ улицамъ и закоулкамъ, будто бы для сокращенія пути, прокатилъ меня и черезъ Террасу. Первое впечатлѣніе ея на меня было самое подавляющее. Было нѣчто горделиво-торжественное въ ея тишинѣ, въ блескѣ ея чисто вымытыхъ оконъ и въ сверканіи мѣдныхъ ручекъ на дверяхъ ея домовъ. Чѣмъ-то таинственно-уединеннымъ и строго-цѣломудрен-

нымъ вѣяло отъ проволочныхъ сѣтокъ или отъ цвѣтныхъ и матовыхъ экрановъ, закрывавшихъ изнутри нижнія половинки оконъ въ первыхъ этажахъ, отъ простенькихъ парусиновыхъ занавѣсокъ въ верхнихъ этажахъ, отъ нѣжно-бѣлыхъ передниковъ и чепчиковъ изрѣдка перебѣгавшихъ улицу горничныхъ. Несомнѣнно, жители этой улицы принадлежали къ среднему, если не къ верхне-среднему классу, къ зажиточному, почтенному разряду англичанъ, понимающихъ толкъ въ комфортѣ и невозмутимомъ домашнемъ покоѣ и усиленно подражающихъ аристократіи. Проѣзжая къ себѣ по Садовой-Террасѣ, я былъ такъ охваченъ важностью момента и такъ былъ пораженъ „респектабельностью“ улицы, что чуть не снялъ шляпы и не извинился за лошадиный топотъ, такъ безцеремонно ворвавшійся въ эту чопорную тишину. Мнѣ такъ и казалось, что кто-нибудь крикнетъ во слѣдъ везшему меня кэбмену: „тсс!“—точно зрителю, опоздавшему къ представленію и пробирающемуся въ кресла на свое мѣсто.

Таково было мое первое знакомство. Прошелъ годъ-другой, и вдругъ я получаю приглашеніе отъ одного пріятеля посѣтить его на его новомъ мѣстожительствѣ. Я взглянулъ на адресъ—и глазамъ не повѣрилъ: мой пріятель поселился на Садовой-Террасѣ! Я зналъ его до сихъ поръ какъ человѣка бѣднаго и еле перебивавшагося. Онъ былъ художникомъ изъ нѣмцевъ, человѣкомъ не безъ таланта, но трудъ его какъ-то не цѣнился и оплачивался плохо. Заказчиками его состояли, главнымъ образомъ, мелкіе магазины, платившіе ему по пенсу или полтора за квадратный дюймъ холста. Писалъ онъ и пейзажи, и жанровыя картинки, размѣрами никогда не превышавшія 20—30 квадратныхъ дюймовъ. Иногда онъ получалъ заказы и на портреты, за которые брали отъ двухъ до трехъ фунтовъ. Полученіе заказа на портретъ считалось большимъ праздникомъ въ небольшой семьѣ художника, который тогда особенно оживлялся, видя въ такого рода заказахъ довѣріе къ его таланту.

— Нѣтъ ничего труднѣе, какъ писать портреты,—говорилъ онъ тогда, бывало, съ воодушевленіемъ:—помимо технической трудности уловить и передать на полотно человѣческую душу, вамъ еще приходится считаться съ тщеславіемъ и глупостью людской, особенно дамской. Какъ бы вы хорошо ни написали, „сюжету“ всегда покажется, что вы все еще недостаточно воспроизвели его красоту, его „симпатичныя черты“... Ахъ, эти симпатичныя черты,—онѣ мнѣ вотъ гдѣ сидятъ!.. Всякая особа, мужского или дамскаго пола, серьезно убѣждена, что она

обладаетъ какою-нибудь особенной пріятной черточкой, какой нѣтъ у другихъ. Носъ ли, глаза, лобъ, волоса, бедра, плечи, уши, ну, словомъ, что-нибудь ей одной принадлежащее. Попробуйте-ка не выдвинуть, не подчеркнуть въ портретѣ именно этой черты—и вся ваша работа швыряется вонъ, какъ негодная... Трудно жить нашему брату, художнику... Брошу эту профессію... Ну ее!—бывало, заканчиваетъ художникъ свои жалобы на судьбу и на заказчиковъ.

Но онъ все-таки не бросалъ своей профессіи и продолжалъ тянуть тяжелую лямку, продолжалъ терпѣть униженія, нужду; волновался и проклиналъ судьбу, а кисть все еще оставалась у него въ рукахъ. Бывало, въ иной годъ, когда у него оставалось свободнаго времени и нѣсколько свободныхъ денегъ, онъ затѣвалъ нѣчто большое, не по заказу, а на выставку, въ академію. Боже! сколько волненій, сколько трепета, сколько душевныхъ мукъ онъ переживалъ, пока не получалъ извѣщенія, что картина принята и допущена на выставку. И вотъ, она наконецъ на стѣнѣ, на виду у всѣхъ, среди сотенъ и тысячъ другихъ картинъ, среди произведеній художниковъ, имена которыхъ извѣстны всей Англіи, всему міру. Публика проходитъ мимо, замѣчаетъ ее, „не дурно“,—говоритъ. „Не дурно“,—отзывается и критика. Имя художника, нѣмецкое имя Шмидта, отмѣчено критикомъ и въ „Таймсѣ“,—правда, мелькомъ, въ родѣ того, что среди остальныхъ болѣе или менѣе сносныхъ картинъ не дурна, молъ, и картина нѣкоего Шмидта, „должно быть, начинающаго художника“... Начинающій художникъ! Сколько обиднаго, унизительнаго, ужаснаго для человѣка, покрытаго сѣдиной, измученнаго и истощеннаго страданіями! „Начинающій художникъ“! да вѣдь это смертный приговоръ всей прожитой до сихъ поръ жизни, всему прошлому,—а много ли осталось впереди? И бѣдный Шмидтъ уже и не радъ, что выставилъ картину, что ее замѣтили и не обошли молчаніемъ. Одно только утѣшеніе осталось впереди, что ее кто-нибудь облюбуетъ и купитъ. Въ семьѣ Шмидта уже даже разсчитали всякую копѣйку изъ будущихъ денегъ, и дыръ оказывается столько, столько нуждъ и долговъ, что нужно очень щедраго мецената, чтобы все это заткнуть и уплатить. Но Шмидтъ—не модный художникъ, и никто даже не интересуется цѣною его работы. Проходитъ мѣсяцъ-другой, выставка закрывается, и Шмидтъ, чтобы хоть выручить расходы на краски, холстъ, раму и извозчиковъ, начинаетъ бѣгать по знакомымъ художественнымъ магазинамъ, съ предложеніемъ своей картины, тѣмъ болѣе, что деньги нужны до зарѣза, хоть сколько-

нибудь, хоть на какихъ угодно условіяхъ. Ему предлагаютъ, однако, что-то безобразно малое. Владѣльцы магазиновъ видятъ, съ кѣмъ дѣло имѣютъ, и стараются еще сильнѣе прижать бѣднаго человѣка. Все равно продастъ! Онъ долженъ продать, иначе съ голоду околѣетъ. Это не такая птица, чтобы увѣшивать свою мастерскую непродажными работами,—разсуждаютъ торговцы. Но они ошибаются: Шмидтъ не разстанется съ своей картиной за безцѣнокъ. Онъ вѣритъ въ нее, онъ знаетъ цѣну ея, хотя увѣренность его въ достоинствахъ ея значительно упала; но онъ все-таки скорѣе готовъ заложить ее въ кассѣ ссудъ, чѣмъ продать за предлагаемыя деньги. И въ сущности добрый нѣмецъ, гордый и далеко не безталантный, Шмидтъ, какъ воръ, крадется съ своей ношей къ закладчику. Здѣсь, въ кассѣ ссудъ, стоя рядомъ съ какой-то пьяной женщиной, принесшей пиджакъ мужа, Шмидтъ кладетъ на прилавокъ свою работу, и закладчикъ, снявъ бумажную обертку, раньше всего оглядываетъ раму.

— Гм... рама старовата... Сколько?

Шмидтъ боится запросить много. Онъ знаетъ, что закладчикъ, все одно, въ искусствѣ ничего не понимаетъ, и многаго не дастъ. Меньше одного фунта тоже взять нельзя. Закладчикъ согласенъ, и художникъ, съ золотымъ фунтомъ въ карманѣ и тяжелымъ камнемъ на сердцѣ, какимъ-то раздавленнымъ и уничтоженнымъ бѣжитъ вонъ на улицу. „Брошу эту проклятую кисть, ну ее!“—говоритъ онъ, скрежеща зубами. Но новый заказъ на портретъ въ цѣлыхъ три фунта опять поднимаетъ его, неудача быстро забывается, обида какъ будто залечена, и при первомъ же благопріятномъ случаѣ онъ опять пишетъ для какой-то выставки, опять волнуется, идетъ, разочаровывается, проклинаетъ свою профессію, и вѣчно все то же — нужда, нужда, нужда...

И вотъ этотъ-то вѣчно нуждающійся нѣмецъ оказывается вдругъ обывателемъ аристократической Садовой-Террасы. Не разбогатѣлъ ли онъ уже, не сталъ ли моднымъ художникомъ?—подумалъ я. Во всякомъ случаѣ, нужно было его навѣстить, тѣмъ болѣе, что я его уже давно не видалъ. И я отправился въ Садовую-Террасу.

III.

Улица по-прежнему была опрятна и тиха; ступеньки на крыльцахъ были по-прежнему тщательно вымыты, дверныя ручки вычищены, окна вытерты. Но замѣчалось и пониженіе тона.

Какая-то мѣщанская, показная струйка прошла по всей улицѣ, начинавшей какъ будто менѣе бояться внѣшняго свѣта. На окнахъ появились какія-то ужъ очень чистыя, широкія кружевныя занавѣски, по краямъ которыхъ сквозили покрывавшія ихъ тяжелыя матерчатыя гардины; при этомъ занавѣси были повѣшаны такъ, чтобы не скрыть пестрыхъ цвѣточныхъ горшковъ, ни подножниковъ ихъ съ металлическими украшеніями, ни прочей комнатной обстановки. Кисейные чепчики на горничныхъ были словно немного помяты, да и черныя или ситцевыя платья ихъ оставляли желать многаго по части цѣлости и опрятности. На улицѣ встрѣчались и телѣжки уличнаго торговца-зеленщика, выкрикивавшаго свой товаръ: вѣрный признакъ, что иные изъ обитателей Террасы стали вести грошовое хозяйство, покупая провизію въ зависимости отъ предложенія, и что на кухняхъ распоряжаются и готовятъ обѣды сами хозяйки.

Когда я постучалъ въ домъ по указанному адресу, мнѣ открыла дверь горничная, одѣтая по всей формѣ—въ черное платье съ бѣлымъ передникомъ и лентами. Поднимавшаяся съ передней вверхъ лѣстница была покрыта ковромъ, прикрѣпленнымъ къ ступенькамъ сверкавшими мѣдными прутьями. Черезъ открытую въ гостиную дверь можно было замѣтить мягкую мебель, дорогую висячую газовую лампу, изящныя принадлежности камина, какъ расписной экранъ, ажурные щипчики, кокетливыя лопатки и т. под. Вся эта обстановка могла говорить о зажиточности, обезпеченности, богатствѣ, если бы я не зналъ, что тутъ живетъ Шмидтъ.

Горничная указала мнѣ наверхъ, въ третій, самый верхній этажъ. Здѣсь жилъ Шмидтъ съ женой и двумя дѣтьми.

— Вотъ, на какую аристократическую улицу переселился,— началъ я.—Разбогатѣлъ, должно быть?

— Да, держи карманъ, разбогатѣешь тутъ на живописи,— произнесъ Шмидтъ тѣмъ же мрачнымъ и брюзгливымъ тономъ, который онъ всегда принималъ въ минуты жизни трудныя. Очевидно было, что какой-нибудь магазинъ надулъ, денегъ не платитъ или картинъ взять не хочетъ.

— Однако, какъ же это вы попали сюда?—спрашиваю.

— Очень просто,—говоритъ онъ:—мнѣ съ старой квартиры нужно было съѣхать. Я и зашелъ къ агенту (квартирному посреднику), а онъ далъ мнѣ этотъ адресъ. Какъ видите, эти три комнаты, весь, значитъ, этотъ этажецъ, принадлежатъ намъ за восемь шиллинговъ въ недѣлю.

Восемь шиллинговъ въ недѣлю!.. Богатый человѣкъ, конечно,

не станетъ отдавать въ своемъ домѣ комнаты, чтобы выручать какихъ-нибудь восемь шиллинговъ въ недѣлю. Значитъ, на Террасѣ показался обыватель, который хотя и прислугу держитъ, и домъ прилично обставилъ,—далеко не изъ богатыхъ, если даже вовсе не бѣденъ. И дѣйствительно, хозяиномъ квартиры оказался какой-то коммиссіонеръ, который, хотя гдѣ-то и „контору“ имѣлъ, и въ Сити каждый день ѣздилъ, жилъ больше въ кредитъ, должая и лавочникамъ, и домовладѣльцу, и портному—рѣшительно всѣмъ. Въ Садовую-Террасу онъ переѣхалъ съ годъ тому назадъ, и за это время успѣлъ надѣлать столько долговъ, что ужъ началъ терять кредитъ; лавочники стали отказываться отпускать товаръ, прислуга требовала разсчета, а домовладѣлецъ угрожалъ выселеніемъ.

Когда, черезъ мѣсяца два-три, я опять посѣтилъ пріятеля, Садовая-Терраса опустилась еще ниже. У многихъ домовъ подъѣзды оказались неподметенными и окна запыленными. То тамъ, то тутъ можно было замѣтить, что ступеньки у наружныхъ дверей моютъ уже не горничныя въ бѣлыхъ чепчикахъ, а простыя рабочія дѣвушки, которыхъ нанимаютъ случайно за одинъ или два пенса. Такая же случайная работница, такъ называемая char-woman, мыла крыльцо и передъ квартирой, гдѣ жилъ Шмидтъ. Прислуга ушла. Хозяинъ взялъ другую, похуже, но и эта ушла. Она видѣла, что домъ—бѣдный, что платятъ съ трудомъ и что хозяева изъ кожи лѣзутъ, чтобы какъ-нибудь поддерживать видъ состоятельныхъ людей.

Спросъ вызываетъ предложеніе. Требованіе на случайный трудъ уличныхъ работницъ привлекло на Садовую-Террасу многихъ искательницъ работы, особенно въ тѣ дни недѣли, какъ суббота и среда, когда принято въ Лондонѣ чистить окна и крыльца. И такимъ образомъ на „аристократической“ улицѣ показались во множествѣ бѣдныя женщины, грязныя и въ лохмотьяхъ, останавливавшіяся у грязныхъ подъѣздовъ съ предложеніемъ своихъ услугъ.

Очевидно, гордая, чопорная улица переживала тяжелый кризисъ.

— Бѣднѣетъ Терраса! — сказалъ я Шмидту, усѣвшись въ его „студіи“, служившей и гостиной, и столовой.

— Бѣднѣетъ, бѣднѣетъ, — согласился онъ.—Богатые начинаютъ дезертировать, бѣжать во всѣ стороны. Имъ, видите ли, „неприлично“ жить рядомъ съ домомъ, гдѣ не держатъ прислуги, гдѣ крыльцо чиститъ какая-то „street-girl“,—прибавилъ

Шмидтъ съ легкимъ озлобленіемъ, какъ бы принимая за личную обиду это нежеланіе богатыхъ жить съ нимъ на одной улицѣ.

— Вотъ погодите, еще не то будетъ!—сказалъ онъ какъ-то злорадно.

И дѣйствительно, улица дѣлалась все хуже и хуже. Дома быстро пустѣли. Всѣ „хорошіе“ жильцы спѣшили выѣхать, словно ихъ всѣхъ охватила паника; новыхъ не являлось, и домовладѣльцы прибѣгнули къ посредству домоваго арендатора, house farmer'a, спеціальному типу предпринимателя, встрѣчающемуся, кажется, только въ Лондонѣ. Домовый арендаторъ сразу снимаетъ много домовъ и затѣмъ отдаетъ въ наймы части домовъ или даже отдѣльныя комнаты, прилаживая ихъ иногда къ нуждамъ семейныхъ жильцовъ. Такимъ образомъ, домъ о трехъ или четырехъ этажахъ, составлявшихъ раньше одно цѣлое, одну лишь квартиру, обращается въ нѣсколько вполнѣ самостоятельныхъ и другъ отъ друга независимыхъ помѣщеній. Въ каждый отдѣльный этажъ, такъ называемый flat, проводится вода, газъ, ставятся кухонныя плиточки и сооружаются полки, шкапчики, ящики для провизіи и посуды. Остаются только общими для всѣхъ жильцовъ лѣстница, ванная, ватеръ-клозетъ. И всѣ тѣ „униженные и оскорбленные“, которые не могутъ снимать цѣлый домъ и не хотятъ знать надъ собою власти квартирныхъ хозяевъ съ ихъ капризами, идутъ къ „домовому арендатору“ и наполняютъ его flat'ы, словно голубятни. Здѣсь каждый жилецъ ни отъ кого независимъ, каждый въ правѣ считать себя самостоятельнымъ хозяиномъ. Дома арендаторовъ поэтому никогда не пустуютъ и въ среднемъ даютъ ему сто на сто и даже больше чистаго дохода въ годъ.

Вскорѣ и домъ, въ которомъ жилъ Шмидтъ, перешелъ во владѣніе арендатора. Коммиссіонера-кватиросодержателя заставили выѣхать за неплатежъ денегъ; съ лѣстницы сняли коверъ, съ оконъ содрали занавѣси, вынесли цвѣты, отвинтили съ потолка бронзовую лампу—и домъ опустѣлъ, приявъ грязный и запыленный видъ. Шмидтъ, однако, остался въ верхнемъ этажѣ, упросивъ новаго хозяина-арендатора оставить за нимъ комнаты. Въ это время и мнѣ понадобилось помѣщеніе, и я воспользовался случаемъ и переѣхалъ сюда же, занявъ второй этажъ, какъ разъ подъ пріятелемъ. Теперь-то, какъ изъ оконъ моихъ комнатъ, такъ и внутри стѣнъ нашего дома, я могъ съ утра до вечера наблюдать за жизнью Террасы и близко изучать ея новыхъ обитателей.

IV.

Переходъ домовъ въ руки арендаторовъ рѣшилъ участь Садовой-Террасы. Въ улицу нахлынулъ новый жилецъ, такой же, какъ Шмидтъ, малообезпеченный, бѣдный, трудящійся и притомъ многодѣтный, которому особенно трудно было найти комнаты въ другихъ мѣстахъ изъ-за дѣтей. Улица, отличавшаяся раньше строгой тишиной, огласилась теперь голосами многочисленныхъ дѣтей, устроившихъ свои игры по-срединѣ ея, на мостовой и троттуарахъ. Садовая-Терраса какъ будто проснулась отъ долгаго и глубокаго сна. Все въ ней ожило. На троттуарахъ закипѣлъ народъ; раскрылись окна; застучали дверные молоты. Стукъ!.. одинъ разъ. Это—къ жильцу перваго этажа. Стукъ, стукъ!.. два раза. Это—во второй этажъ. Стукъ, стукъ стукъ!.. три раза. Это—къ жильцу въ третій этажъ. Стучитъ булочникъ, молочникъ; стучатъ дѣти, гости и сами жильцы. Терраса проспулась, но какой-то неумытой, всклокоченной, неряшливой. Троттуары и крыльца у домовъ не подметены; окна запылились; занавѣски—какія-то полинялыя, смятыя, ситцевыя, и въ разныхъ этажахъ разнаго цвѣта и фасона. Я прохожу по улицѣ, смотрю на ея окна и двери—и сердце у меня сжимается отъ тоски и боли. Куда дѣвалась былая торжественность и краса! Но все-таки еще не все потеряно, и Терраса все еще сохранила кое-какіе слѣды своего прошлаго. Еще не всѣ дома отдаются въ ней отдѣльными flat'ами, еще не все на ней обнищало и загрязнѣло. Нѣсколько домовъ еще заняты прежними жильцами, не успѣвшими еще переѣхать. На троттуарахъ по временамъ можно еще встрѣчать и горничную съ бѣлымъ передникомъ и развѣвающимися на спинѣ лентами. Но очевидно, что эти болѣе или менѣе богатыя семьи застряли здѣсь по какимъ-либо особеннымъ причинамъ и ждутъ-не-дождутся дня, когда имъ можно будетъ оставить опустившуюся Садовую-Террасу.

Упадокъ улицы, видно, повліялъ и на Шмидта. Эта нахлынувшая бѣднота, эта жизнь рядомъ съ четырьмя или пятью семьями сильно возмущали его и претили его художественному чувству. Онъ сталъ раздражителенъ, плохо работалъ и даже началъ запивать, и вскорѣ жена его съ дѣтьми уѣхала къ роднымъ, а онъ переселился ко мнѣ, устроивъ свою студію въ комнатѣ, выходившей окнами на улицу.

Не успѣлъ онъ очистить свой этажъ, какъ туда сейчасъ же поселилась молодая пара: почтальонъ съ женой, бывшей, до за-

мужества своего, горничной въ какомъ-то баронскомъ домѣ, куда онъ носилъ письма.

Какъ всѣ почтальоны въ Лондонѣ, и нашъ сосѣдъ былъ большимъ сердцеѣдомъ. Красный воротникъ его сюртука, красный кантъ на его штанахъ и мѣдныя пуговицы на его отличносшитомъ, франтоватомъ мундирѣ, не говоря уже о его шелковистыхъ усахъ и румяномъ личикѣ, не могли не оказать своего вліянія на податливое сердце безхитростной горничной. Она была побѣждена, и когда онъ предложилъ ей свою руку и сердце, то она приняла ихъ съ радостнымъ трепетомъ. Прошло, однако, три года раньше, чѣмъ бракъ состоялся. Спѣшить было незачѣмъ, мѣсто у нея было хорошее, а еженедѣльныя свиданія съ женихомъ (разъ въ недѣлю горничная обыкновенно получаетъ отпускъ), прогулки съ нимъ вдвоемъ и посѣщеніе театровъ и родныхъ были слишкомъ полны заманчивой прелести, чтобы скоро разстаться съ ними. Но нужно же было, наконецъ, и пожениться. И они обвѣнчались. Она оставила мѣсто горничной и поселилась съ мужемъ въ двухъ компатахъ. Прошло около года. Молодая женщина должна была родить; хозяйка не хочетъ въ домѣ дѣтей, и молодымъ пришлось переѣхать. Куда? Взять цѣлый домъ, хотя и небольшой—рискованно. Можно, конечно, половину сдать жильцу, но всегда ли найдешь подходящаго,—а тутъ, между тѣмъ, роды приближаются, и почтальонъ идетъ къ домовому агенту, а послѣдній рекомендуетъ ему flat въ Садовой-Террасѣ. Flat, состоящій изъ трехъ комнатъ, одной задней и двухъ переднихъ, и идущій за шесть или шесть съ половиною шиллинговъ въ недѣлю, подходитъ молодой парочкѣ. Она его беретъ—и теперь мы становимся невольными свидѣтелями радостей и скорбей молодыхъ супруговъ, невольными наблюдателями ихъ жизни и характеровъ.

Молодая женщина, не обладавшая особенной красотой, заявила себя сейчасъ большой любительницею чистоты и порядка. Несмотря на свое болѣе чѣмъ интересное положеніе, она, сейчасъ же по переселеніи въ нашъ домъ, принялась за чистку той части лѣстницы, которая вела отъ площадки второго этажа въ ея комнаты, и скоро запущенную лѣстницу нельзя было узнать. Она покрыла ее ковриками, вымыла ступеньки, балясины, перила, натерла какимъ-то глянцевитымъ составомъ обои, заблестѣвшіе точно зеркало; поскребла ванную, принадлежавшую всѣмъ намъ, и вообще привела наружную часть своей квартиры въ образцовый порядокъ. Внутри же квартирка была отлично

меблирована, съ комфортомъ и съ большими претензіями на изящество.

Видно было, что молодая хозяйка не даромъ провела свои дѣвичьи годы въ барской семьѣ. Одна комната, самая большая, была отведена подъ гостиную. Полъ въ ней былъ покрытъ сплошнымъ мягкимъ ковромъ, мебель обита краснымъ плюшемъ, стѣны увѣшаны картинами, въ родѣ тѣхъ, какія „создавалъ“ мой пріятель по пенсу за квадратный дюймъ; на карнизѣ камина возвышались мраморные часы, статуэтки и рамки съ фотографіями. Все было ново и свѣжо. Съ перваго раза видно было, что это обстановка новобрачныхъ, только-что обзаведшихся собственнымъ хозяйствомъ, и что тутъ если не все, то добрая часть — свадебные подарки.

Вторая комната, задняя, была столовой и кухней. Стоявшіе тутъ буфетъ и горка сверкали своими тарелками и тазиками, подставками и подносами, ложками и вилками. Самая меньшая комната, расположенная рядомъ съ гостиной и выходившая также на улицу, составляла спальню.

Казалось бы, что почтальонъ долженъ быть доволенъ своимъ гнѣздышкомъ, такъ уютно, такъ мило устроеннымъ любящей женой, и что счастье молодыхъ супруговъ должно быть полно въ той маленькой чашкѣ, изъ которой они пили. Однако, въ трехъ комнатахъ надъ нами не все обстояло благополучно, и всхлипыванія истерично-плачущей женщины часто доносились оттуда въ нашу обитель. Случалось это почти всегда, когда молодой мужъ, съ пустымъ холщевымъ мѣшкомъ черезъ плечо, въ какихъ въ Англіи разносятъ письма, возвращался домой поздней ночью.

Занятія почтальона начинались въ шестомъ часу утра и кончались въ девятомъ или десятомъ вечера, съ большими промежутками въ теченіе дня. Уходя изъ дому, нашъ почтальонъ, однако, рѣдко приходилъ домой обѣдать и еще рѣже возвращался въ девятомъ часу. Молодая и беременная жена его, при приближеніи времени обѣда, волновалась и безпокоилась словно передъ казнью. Мужъ не приходилъ къ завтраку... Придетъ ли онъ къ обѣду? Она приготовила самое любимое его блюдо, она поджарила ветчину на тминномъ соусѣ, а на второе блюдо у нея рисовая каша съ сахаромъ. Неужели все это должно остынуть, все это ненужно, все это выброшенный трудъ, выброшенное вниманіе? И молодая женщина смотритъ на часы, на мраморные часы, подаренные ей къ свадьбѣ бывшимъ ея сослуживцемъ, выѣзднымъ кучеромъ. Съ какой радостью она при-

нала этотъ подарокъ, сколько счастья, сколько сладостныхъ минутъ обѣщали эти превосходные часы! А теперь они словно ножемъ полоснули по ея сердцу, безхитростному и любящему сердцу, отчетливо пробивъ два часа. Два часа уже, а его еще нѣтъ!.. Не случилось ли съ нимъ чего-нибудь,—вѣдь онъ знаетъ, что сегодня ветчина съ тминнымъ соусомъ.... Что же это,—неужели онъ разлюбилъ тминный соусъ? И молодая женщина быстро накидываетъ на себя пальто, пришпиливаетъ второпяхъ шляпку и бѣжитъ искать мужа, который въ это время, забывъ все на свѣтѣ, стоитъ гдѣ-нибудь въ кабакѣ и угощается пріятелями или, въ свою очередь, угощаетъ ихъ.

Вечеромъ—та же исторія. Опять жарится ветчина или рыба; жена опять мечется, какъ угорѣлая, волнуется, не находитъ себѣ мѣста и тревожится о цѣлости корреспонденціи, порученной мужу для раздачи, боясь, чтобы онъ, съ пьяныхъ глазъ, что-нибудь не напуталъ и не попалъ бы еще подъ судъ. Въ своемъ безпокойствѣ она каждый разъ спускается внизъ, бѣжитъ къ двери на улицу, прислушивается, озирается по сторонамъ, не идетъ ли мужъ, и, съ переполненнымъ отъ горя сердцемъ, рада подѣлиться съ своими сосѣдями тоской и страхомъ, тревожащими ее.

— Ахъ, какое мученье!—говоритъ она сосѣдкѣ внизу:—кто могъ знать, что онъ пьетъ! Такой хорошій, такой добрый! Онъ никогда дурного слова не скажетъ—и вотъ, пьетъ .. Домой не идетъ, съ товарищами все, съ холостыми. Ахъ, эти товарищи, они его до добра не доведутъ; онъ и мѣсто потеряетъ, и въ тюрьму попадетъ... Что дѣлать, что дѣлать! — стонетъ она и, поднимаясь наверхъ къ себѣ, одѣвается и опять бѣжитъ искать мужа по кабакамъ.

На этотъ разъ ей посчастливилось. Она находитъ его, и мужъ и жена возвращаются домой вмѣстѣ. Онъ поднимается вверхъ, тяжело шагая и покачиваясь; она идетъ рядомъ, поддерживая его, съ платкомъ у глазъ... Вотъ они достигли своей площадки, вотъ щелкнулъ замокъ въ ихъ двери, и глухой, долго сдерживаемый женскій плачъ раздается свободно въ верхней части дома. Не слышно ни укоровъ, ни браннаго, рѣзкаго слова; одинъ только плачъ бередитъ нервы и щемитъ особенно сердце моего добраго нѣмца. Но скоро молодая женщина успокоивается; въ домѣ наступаетъ тишина, и всѣ засыпаютъ.

Такъ продолжалось съ мѣсяцъ. Бывало, день-два проходитъ благополучно: почтальонъ обѣдаетъ дома, вечеромъ уходитъ съ женой куда-нибудь въ гости и возвращается съ нею же трез-

вымъ; а тамъ опять—„сцена“ со слезами,—опять, значитъ, запилъ. А между тѣмъ время родовъ приближалось. Всѣ этажи дома ждали этого событія. Вотъ показалась и старушка-повитуха, чистенькая старушка, съ добрымъ лицомъ, съ чепчикомъ изъ бѣлоснѣжнаго тюля. Нѣмецъ, при видѣ ея, пришелъ въ восторгъ. „Вѣдь это настоящій типъ старой бабушки, какія когда-то, въ прежнія добрыя времена, водились у насъ въ Баваріи!“—воскликнулъ онъ и упросилъ-таки ее „посидѣть“ для него съ полчаса, чтобы накинуть этюдецъ въ пятнадцать квадратныхъ дюймовъ. „Этюдецъ“ вышелъ не дуренъ, и Шмидтъ выручилъ на бабушкѣ полкроны.

Съ водвореніемъ въ его квартирѣ бабушки, почтальонъ какъ бы преобразился: сталъ себя соблюдать и нѣсколько дней подърядъ не только приходилъ своевременно къ обѣду, но забѣгалъ домой къ себѣ и въ разное другое время. Очевидно, предстоявшее семейное событіе сильно его занимало, и онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ его. Наконецъ однажды, вечеромъ, сверху раздались стоны, ничѣмъ не похожіе на бывшіе раньше, и всѣ въ домѣ сверху до низу какъ-то притихли, все замерло въ ожиданіи. На этотъ разъ мы всѣ знали, что почтальонъ не пьянъ и что жена его не можетъ пожаловаться на холодность съ его стороны, и во всѣхъ этажахъ, у жившаго подъ нами столяра и въ самомъ низу, гдѣ жила семья слесаря, вездѣ стали говорить шопотомъ и чуть ли не съ какимъ-то благоговѣніемъ.

А сверху, то затихая, то возобновляясь еще съ большей силой, продолжали долетать хватавшіе за душу крики; слышалась возня съ мебелью во всѣхъ трехъ комнатахъ; что-то переносили, переставляли, передвигали. Почтальонъ на службу не пошелъ и то-и-дѣло спускался внизъ и бѣгалъ обратно вверхъ. Вотъ появился и изящно одѣтый господинъ, въ цилиндрѣ и перчаткахъ. Онъ быстро поднялся наверхъ, посидѣлъ тамъ минутъ съ пять или десять и ушелъ. Это былъ докторъ. Онъ ушелъ—значитъ, дѣло идетъ на ладъ, опасности нѣтъ, и мы всѣ рады.

Наступаетъ глубокая ночь. Всѣ уже спятъ въ домѣ; не спятъ только въ верхнихъ комнатахъ. Тамъ все еще возятся, и говорятъ, и охаютъ... Нѣмецъ переворачивается уже на другой бокъ, видя во снѣ какія-то волшебныя перспективы, полныя свѣта, дали, глубины... Онъ хватаетъ кисть, чтобы быстро наносить ихъ на широкое полотно и... не можетъ. Какое-то грязное пятно падаетъ съ кончика кисти и все заливаетъ... Тоска и негодованіе сжимаютъ его сердце, и онъ просыпается, убитый собственнымъ безсиліемъ, какой-то темной безнадежностью...

Кто-то вдругъ робко постучался въ дверь.

— Кто тамъ?—кричитъ Шмидтъ, недовольный, находясь еще подъ впечатлѣніемъ дурного сна.

— Я,—раздается голосъ почтальона:—жена мальчика только-что родила,—сообщаетъ онъ, съ широкой улыбкой счастья на лицѣ.

Черезъ плечо у него мѣшокъ—это онъ отправляется на службу и по дорогѣ радъ былъ подѣлиться съ сосѣдомъ волновавшимъ его счастьемъ.

— А, поздравляю, поздравляю, отъ души!—бормочетъ и повеселѣвшій Шмидтъ, не разъ угощавшійся съ почтальономъ въ сосѣднемъ кабакѣ. — И мать, и ребенокъ — все благополучно?

— Какъ нельзя лучше,—отвѣчаетъ почтальонъ и, быстро спустившись внизъ, выбѣгаетъ на улицу, полный невыразимаго восторга, какой-то душевной легкости и даже внутренней гордости. „Я отецъ!“—какъ будто говоритъ каждый мускулъ на его лицѣ, каждое движеніе его тѣла. Съ какимъ, должно быть, доброжелательствомъ онъ разносилъ въ то утро письма! Какъ хотѣлось ему, вѣроятно, чтобы каждое письмо, просунутое имъ въ чужую дверь, оказалось вѣстникомъ счастья, радости, добра!

V.

Рожденіе сына сильно повліяло на почтальона. Компанія холостыхъ товарищей его теперь мало увлекала. Онъ пересталъ пить и все свободное время проводилъ дома. Вмѣсто плача, сверху стали долетать мягкія и нѣжныя слова, обращенныя къ ребенку. Лежавшая долгое время безъ употребленія, гармоника стала теперь часто выниматься изъ футляра и испускать тягучіе, полные звуки въ неопытныхъ рукахъ почтальона. Плохимъ музыкантомъ былъ этотъ почтальонъ и не любилъ онъ прежде упражняться на инструментѣ, который онъ пріобрѣлъ какъ-то не подумавши, благо лишній фунтъ или два оказались въ карманѣ. Но теперь что-то у него просилось наружу, что-то подмывало его взять гармонику и поиграть, и не только поиграть, но и попѣть. И пѣлъ-то онъ плохо, не лучше, чѣмъ игралъ; но кто въ Англіи не поетъ гимновъ, не знаетъ нѣсколько обыкновенныхъ церковныхъ мелодій? И почтальонъ, и жена его вдругъ стали распѣвать дуэты, особенно по воскреснымъ днямъ и въ компаніи зачастившихъ къ нимъ гостей. При этомъ гармоника служила вѣрную службу, выводя ноты, которыхъ не хватало у пѣвцовъ и значительно подсахаривая далеко не сладкіе голоса ихъ.

Вскорѣ были отпразднованы „крестины“, которыя, впрочемъ, были крестинами только по имени. Собралось много гостей и родныхъ; пили за здоровье новорожденнаго Джорджа, имя котораго уже было занесено достодолжнымъ образомъ въ регистратуру; пили и здоровье молодой матери; играли на гармоникѣ, пѣли и разошлись. Всѣ были трезвы, даже самъ хозяинъ. Крестины обошлись безъ духовенства, такъ какъ маленькій Джорджъ родился баптистомъ, и обрядъ крещенія ждалъ его въ будущемъ, когда выростетъ. Сейчасъ же послѣ „крестинъ“, въ прихожей нашего дома появилась легкая, щегольская колясочка, обитая свѣтлымъ сафьяномъ, со складнымъ верхомъ, съ мягкой шкурой дикой козы въ ногахъ, и молодая мать, кладя въ нее своего сына, отправлялась каждый день на прогулку.

Еще болѣе мирно и хорошо текла жизнь въ семьѣ столяра, жившаго подъ нами, въ первомъ этажѣ. Эта семья была изъ Уэльса и недавно переселилась въ Лондонъ. Жена была высокой и красивой молодой женщиной, съ парой глубокихъ темныхъ глазъ, служившей до замужества экономкой въ отелѣ.

Мужъ былъ столяромъ, веселымъ и бойкимъ молодымъ человѣкомъ, зарабатывавшимъ на мебельной фабрикѣ отъ двухъ до двухъ съ половиною фунтовъ въ недѣлю. Дѣтей у нихъ было всего двое—еще совсѣмъ маленькія двѣ дѣвочки, повидимому очень стѣснявшія мать, которая была немного лѣнива и любила по вечерамъ уходить куда-нибудь съ мужемъ.

Столяръ былъ страстнымъ спортсменомъ, большимъ любителемъ футбола, и, переселившись въ Лондонъ, первымъ дѣломъ записался въ одинъ изъ мѣстныхъ футболскихъ клубовъ. Занимался онъ спортомъ обыкновенно по субботамъ, когда работа въ мастерскихъ и на фабрикахъ вездѣ кончается въ полдень. Дома же онъ проводилъ время въ упражненіяхъ на 5-струнномъ банджо, которымъ владѣлъ мастерски. Къ сожалѣнію, музыкальный репертуаръ столяра былъ менѣе чѣмъ скуденъ: онъ состоялъ всего изъ одной пьесы; да послѣднюю даже и пьесой нельзя было назвать, такъ какъ это была просто діатоническая или хроматическая гамма, которую онъ повторялъ безконечное число разъ съ различной силой ударовъ по струнамъ. Но зато съ какой ловкостью онъ ударялъ по струнамъ, съ какой нѣжностью замирало его піаниссимо и съ какимъ бурнымъ порывомъ разражалось его „фортиссимо“ и „престо“!...

Читатель! если вы музыкантъ-спеціалистъ, то, сдѣлайте одолженіе, не читайте этихъ строкъ, т.-е., лучше сказать, забудьте о нихъ. Онѣ написаны не для васъ, и вы ихъ не поймете. Но

если вы не спеціалистъ, то вы меня поймете и также, какъ и я, простите нѣмца, который съ сентиментальностью, свойственною его великой расѣ, бывало, въ тысячу-первый разъ упивается безхитростной музыкой столяра, а этотъ только и дѣлалъ, что разсыпался мелкими, все быстрѣе и быстрѣе тающими аккордами, или же какъ будто все болѣе и болѣе собирался духомъ, ширился и росъ, пока не заканчивалъ громкимъ, отрывистымъ ударомъ. Одного только не любилъ Шмидтъ,—это когда нашъ сосѣдъ снизу начиналъ подпѣвать собственной музыкѣ.

— Вотъ этого-то ужъ не нужно, и такъ хорошо!—говорилъ онъ.

Но у столяра были свои личные вкусы, и нравилось ли нѣмцу или нѣтъ его пѣніе, онъ не спрашивалъ.

Такимъ образомъ, нашъ домъ можно было бы теперь назвать пріютомъ тишины и семейнаго мира, если бы не портила „ансамбля“ семья слесаря, жившая въ подвальномъ этажѣ и состоявшая изъ матери, отца и двухъ сыновей-мальчиковъ. Собственно говоря, семья была очень дружная. Отецъ былъ высокій, здоровенный и добродушный человѣкъ, работавшій гдѣ-то въ окрестностяхъ на механическомъ заводѣ. Онъ работалъ много и зарабатывалъ фунта два въ недѣлю. Мальчики были очень послушныя и шустрыя дѣти; младшій еще посѣщалъ школу, а старшій уже кое-что зарабатывалъ, состоя на посылкахъ у рыбника, торговавшаго на улицѣ рядомъ. Семья эта жила бы очень недурно, если бы мать не пьянствовала.

Это была уже немолодая женщина, лѣтъ 50 слишкомъ, сохранившая еще слѣды былой замѣчательной красоты. Когда она была трезва, она бывала и хорошей матерью, и хорошей хозяйкой. Въ комнатахъ у нея царствовала безукоризненная чистота; дѣти одѣвались прилично, въ чистые бѣлые воротнички и цѣлую, исправную одежду. Случается, проходитъ мѣсяцъ и даже больше, и она въ ротъ хмельного не беретъ. Все тогда въ ея семьѣ какъ будто выростаетъ, крѣпнетъ, консолидируется, словно молодой организмъ послѣ болѣзни. Но, вотъ, съ деньгами, полученными отъ мужа на хозяйство, она выходитъ вечеркомъ на улицу. Выходитъ она совершенно благообразной и съ самыми лучшими намѣреніями,—она идетъ за покупками, за провизіей, съ сумкой въ рукахъ и очевидно съ твердымъ рѣшеніемъ сейчасъ же возвратиться домой,—но по дорогѣ начинаетъ быстро терять власть надъ собою. Она пробуетъ бороться, старается призвать на помощь всѣ лучшіе инстинкты жены и матери, но ничто не помогаетъ,—бѣсъ оказывается сильнѣе ея, и, пройдя

мимо сверкающаго огнями кабака, мимо его зеркальныхъ оконъ и расписныхъ стеклянныхъ дверей, она отдается всецѣло, безвольно и безпомощно, охватывающей ее жаждѣ къ напиткамъ. Пьетъ она и джинъ, и вйски, и пиво, пьетъ одинъ стаканъ, другой, третій, пьетъ она одна и съ подругами, и съ случайными встрѣчными женщинами. Домой она возвращается поздно ночью или на другой день, безъ гроша въ карманѣ, растрепанной, испачканной. Мужъ выбранитъ ее двумя-тремя крѣпкими словами, облегчитъ этимъ свой гнѣвъ и проститъ. И опять начинается жизнь, не лишенная любви и даже нѣжности. Въ такіе мирные и спокойные періоды по воскреснымъ вечерамъ доносится снизу хоральное пѣніе. Это поетъ соборно вся семья слесаря. Слышенъ басъ отца, очевидно, руководящаго хоромъ, слышны дисканты мальчиковъ и нѣчто скрипучее и завывающее, вырывающееся изъ горла матери. Поютъ они церковные гимны, и, нужно полагать, съ большимъ наслажденіемъ, даже съ какимъ-то неистовствомъ, приводящимъ въ нервное, раздраженное состояніе художника.

— Ахъ, проклятые!.. Опять затянули!—кричитъ онъ, прячась въ другую комнату. Но тутъ его ждетъ еще нѣчто болѣе шумное. Комната выходитъ окнами на улицу, а улица наша въ послѣднее время совсѣмъ-таки пала, и то, что прошлые обыватели ея считали бы совершенно невозможнымъ, теперь не только возможно, но даже стало обычнымъ явленіемъ. Да, на Садовой-Террасѣ въ воскресенье, по вечерамъ, теперь пляшутъ, барабанятъ на роялях, поютъ кафе-шантанные куплеты и хохочутъ, хохочутъ, точно громъ гремитъ. И все это у всѣхъ на виду, все это разносится изъ открытыхъ оконъ, изъ ярко-освѣщенныхъ, всѣмъ видныхъ комнатъ. Ушли, улетѣли, какъ спуганныя птицы, солидные обыватели, жившіе здѣсь адвокаты и врачи, биржевики и управляющіе разныхъ конторъ, такъ благоговѣйно охранявшіе воскресную тишину и наружное благочиніе, такъ старательно прятавшіеся отъ нескромнаго взора прохожихъ. Ихъ мѣсто заняли рабочіе, мелкіе приказчики, почтальоны, полисмены, пожарные служители и тому подобный людъ. Пять-шесть дней въ недѣлю тянутъ они трудовую лямку, ну, а въ седьмой день, въ воскресенье, они хотятъ повеселиться. Не ихъ вина, что театры закрыты. Въ свободный день имъ и такъ весело. И собираются они въ гости, и поютъ, и барабанятъ, и танцуютъ до поздней ночи. И напрасно нѣмецъ нервничаетъ: не передѣлать ему уже Садовой-Террасы! Одно только остается, это—послѣдовать за адвокатами и купцами и переѣхать. Но легко сказать: переѣхать! Тутъ ужъ, по близости, у нѣмца есть и за-

казчики, и кредитъ. Его знаютъ лавочники, и почтальоны, и сосѣди. Когда нѣмецъ выходитъ на улицу, то всѣ дѣти въ Садовой-Террасѣ говорятъ: „вотъ нѣмецъ идетъ!“ а иныя, побойчѣе, прибавляютъ еще: „нѣмецкая сосиска“ (german sausage)!

VI.

Оставленная своими богатыми обитателями, Садовая-Терраса уже не могла удержаться на одномъ уровнѣ и продолжала катиться по наклонной плоскости съ ошеломляющей быстротой. Жилецъ съ постояннымъ и обезпеченнымъ недѣльнымъ заработкомъ въ полтора-два фунта, не говоря уже о заработкѣ въ 2½ или три фунта, сталъ вытѣсняться менѣе обезпеченнымъ, живущимъ какимъ-нибудь домашнимъ ремесломъ или другими случайными заработками. При наступленіи зимы, обѣднѣніе улицы стало еще замѣтнѣе; нужда выступила ярче, сильнѣе. Особенно это сказалось въ покупкѣ угля для топлива. Давно уже на Садовой-Террасѣ не покупали угля тоннами или полу-тоннами. Покупаютъ теперь все больше небольшими мѣшками въ полцентнера вѣсомъ. То-и-дѣло по улицѣ раздается громкій и протяжный крикъ угольщика: „Co-o-al-man!“ На крикъ этотъ, то тутъ, то тамъ, показывается у окна или у двери женское лицо и машетъ рукой. „Who-a!“—командуетъ лошади угольщикъ, и умное животное сразу останавливается. „Go back!“—слышна дальнѣйшая команда, потомъ раздается грохотъ угля, высыпаемаго угольщикомъ изъ мѣшка черезъ отверстіе, сдѣланное въ троттуарѣ, въ подвальчикъ внизу, или же прямо гдѣ-нибудь въ комнату, въ ящикъ. И грохотъ этотъ, долетающій до квартиры черезъ два дома, возбуждаетъ тамъ зависть и тоску. И тамъ нуженъ уголь, нечѣмъ топить, а денегъ нѣтъ, нѣтъ даже шести пенсовъ на полцентнера угля.

Вотъ до чего дошла Садовая-Терраса! Ея обыватели подчасъ не имѣютъ даже шести пенсовъ на уголь. И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Столяръ рѣшительно начинаетъ тяготиться своими сосѣдями справа и слѣва, а жена его, въ бесѣдахъ съ почтальоншей, прямо заявляетъ, что она на „этакой“ улицѣ жить не можетъ. „Помилуйте,—восклицаетъ она съ какой-то непонятной брезгливостью,—тутъ живетъ всякій сбродъ“. Почтальонша вполнѣ согласна съ нею и заявляетъ, что мужъ ея, почтальонъ, уже давно высматриваетъ себѣ подходящую квартирку. „Развѣ можно на такой улицѣ жить!“—говоритъ она въ свою очередь.

Конечно, въ этихъ разговорахъ сказывается не столько упадокъ улицы, сколько свойственная всѣмъ англичанамъ боязнь, что, храни Богъ, кто-нибудь еще можетъ смѣшивать ихъ съ толпой, съ тѣмъ, которые на одинъ мизинецъ стоятъ ниже ихъ. Начиная съ самаго низшаго слоя и кончая самымъ высшимъ, всѣ они переполнены этимъ страхомъ, этими опасеніями. Рабочій, работа котораго требуетъ хотя бы малѣйшаго навыка и ученичества, считаетъ себя выше того, который лишь „general labourer", простой поденщикъ, чернорабочій. Съ такимъ поденщикомъ онъ никогда не будетъ за-панибрата. И одеждой, и образомъ жизни онъ постарается непремѣнно отличиться отъ него, хотя бы послѣдній зарабатывалъ не хуже его, „механика", какъ вообще называютъ себя въ Англіи всѣ ремесленники, будь онъ портной или каменщикъ. Какъ извѣстно, сила и слабости англійскаго трэдъ-юніонизма кроются главнымъ образомъ въ этихъ далеко не демократическихъ чувствахъ англійскаго рабочаго. Не мудрено поэтому, что когда Садовая-Терраса стала заселяться болѣе простыми рабочими, то „аристократія труда", въ лицѣ столяра и почтальона, и особенно женъ ихъ, почувствовала себя такъ же уязвленной въ своей гордости, какъ и тѣ купцы и адвокаты, которые раньше не вынесли сосѣдства рабочихъ.

Даже въ самомъ низу, въ семьѣ слесаря, пошли теперь серьезные разговоры о переѣздѣ. Жена слесаря, несмотря на свой подбитый глазъ, а можетъ быть именно благодаря ему, особенно любитъ показать, что они „не изъ такихъ".

— We are a select people (мы не какіе-нибудь),—говоритъ она, бесѣдуя съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ сосѣдокъ.—Вы не смотрите, что мы теперь такъ живемъ. Когда я была молода, за меня сватался купецъ, но я не хотѣла выйти за него. Глупа была. Вотъ теперь и казнюсь.

Объ этомъ эпизодѣ изъ ея молодости она вообще вспоминала очень часто, особенно возвращаясь домой пьяною.

— Нужно очень было мнѣ выйти за тебя, нищаго!—говорила она тогда мужу въ отвѣтъ на его попреки.—Я бы теперь на собственныхъ лошадяхъ разъѣзжала, лэди была бы... А теперь что? Онъ еще недоволенъ!

Переѣхать, однако, ей пришлось вовсе не потому, что улица перестала нравиться, а просто потому, что они ужъ очень задолжали за квартиру, и хозяинъ больше не хотѣлъ ждать и заставилъ очистить комнаты.

И почтальонъ также выѣхалъ раньше, чѣмъ полагалъ, и по причинѣ, которую наврядъ-ли можно было предвидѣть, судя по

тому, какъ онъ велъ себя за послѣдніе мѣсяцы. Оказалось, что старый грѣхъ проснулся съ новой силой, и почтальонъ сталъ опять пить. Его уволили; это еще больше разнуздало его слабую натуру, и идиллія въ семьѣ его сразу оборвалась. Въ верхнемъ этажѣ опять послышались плачъ и стоны, и опять это были лишь жалобы бѣдной женщины, но не было ни ругани, ни дракъ. Но, вотъ, разъ, вечеромъ, вверху раздался крикъ, и сейчасъ же по лѣстницѣ быстро спустилась почтальонша съ ребенкомъ на рукахъ, блѣдная, съ посинѣвшими губами, и, шепча: „o, dear, dear!.. o, dear, dear!“—стремглавъ выбѣжала на улицу.

Оказалось, что мужъ ее ударилъ. Черезъ нѣсколько минутъ на квартиру явился ея отецъ, старикъ, жившій недалеко и работавшій на фабрикѣ, гдѣ выдѣлывались восковыя свѣчи для католическихъ церквей. Онъ быстро поднялся вверхъ и что-то долго бесѣдовалъ съ зятемъ, спокойно и тихо. По голосу почтальона, плаксивому и вкрадчивому, можно было догадаться, что онъ раскаивается и проситъ прощенія. Вскорѣ зять и тесть вышли вмѣстѣ, должно быть, съ цѣлью супружескаго примиренія. Однако, почтальонъ возвратился домой одинъ, и долго послѣ этого онъ ходилъ взадъ и впередъ по своимъ комнатамъ. На другой день на квартиру пришла жена его.

— Прощайте,—сказала она, встрѣтивъ на лѣстницѣ жену столяра:—я переѣзжаю.

— Куда?

— Къ отцу, на время, пока не найду мѣста.

— Какъ мѣсто? — удивилась сосѣдка.—А мужъ-то, развѣ пуститъ?

— Мужъ? Послѣ того какъ онъ поднялъ руку на меня, онъ мнѣ больше не мужъ. Я была только-что у магистрата (полицейскаго судьи). Его заставятъ платить мнѣ на содержаніе ребенка, а самъ онъ мнѣ не нуженъ. Я ошиблась въ немъ. Думала, что исправится, а онъ еще хуже, и даже руку посмѣлъ поднять!—произнесла она, сверкнувъ черными глазами и приявъ гордый, вызывающій видъ, точно врагъ стоялъ передъ лицомъ.

— Куда же вы теперь!—спросила сосѣдка.

— А за мебелью. Мебель—моя, на мои деньги куплена. Пришла все уложить, а завтра перевезутъ.—отвѣтила она и смѣло поднялась къ себѣ наверхъ, откуда скоро стали доноситься мирные голоса разссорившихся супруговъ. Они говорили спокойно, дѣловымъ тономъ, какъ будто дѣло шло о чемъ-то самомъ обыденномъ и естественномъ, а не о самомъ интимномъ и важномъ въ ихъ жизни. Они дѣлились имуществомъ и хладнокровно

обсуждали, что̀ кому принадлежитъ. Стулья, обитые плюшемъ, мраморные часы и пр. принадлежали женѣ; желѣзная двуспальная кровать, гармоника—мужу; швейная машина, посуда—женѣ; двѣ фарфоровыя чашки, чернильница, сумка—мужу, и т. д.

Раздѣлъ совершился мирно и, повидимому, вполнѣ добросовѣстно, и жена, натянувъ перчатки, бросила мужу: „прощайте!“—и ушла.

— Прощайте!—протянулъ мужъ въ отвѣтъ плаксивымъ голосомъ, какъ будто надѣясь еще разжалобить ее, и вышелъ на площадку провожать ее; а когда та уже была внизу, онъ опять произнесъ: „прощайте!“—получивъ снизу въ отвѣтъ тоже бойкое: „прощайте!“. Послѣ чего онъ вошелъ обратно въ свои комнаты.

На слѣдующій день къ крыльцу присталъ крытый фургонъ, и два дюжихъ носильщика стали укладывать вещи, принадлежавшія женѣ почтальона, а еще черезъ день выѣхалъ и покинутый мужъ, и какъ камешки, брошенные въ море, оба эти лица затерялись для насъ навсегда въ этой человѣческой безднѣ, именуемой Лондономъ.

Выѣхали и столяръ, и слесарь, и также скрылись въ волнахъ того же человѣческаго моря. Исчезъ и мой пріятель Шмидтъ, и исчезъ онъ самымъ печальнымъ и загадочнымъ образомъ. Покончивъ портретъ одного стараго клэрка, сдѣланный по заказу его дочери, пожелавшей украсить свою гостиную „фамильными портретами“, Шмидтъ причесалъ свою посѣдѣлую бѣлокурую шевелюру, одѣлъ свое поношенное пальто, накинулъ на голову мягкую шляпу съ широкими полями и вышелъ, неся картину подъ-мышкой.

Я зналъ, что онъ ушелъ въ дурномъ расположеніи духа, что работа была грошовая, надъ которой онъ долго корпѣлъ, а удовлетворенія художественнаго никакого не испытывалъ.

Особенно не удавался ему носъ старика. Это былъ какой-то странный и совершенно нелѣпый носъ, походившій скорѣе на рельефное изображеніе горнаго кряжа, чѣмъ на человѣческій носъ. Горный кряжъ оканчивался огромнымъ плато, изрытымъ пропастями и усыпаннымъ холмиками и буграми, пестрѣвшими красно-фіолетовыми рудоносными жилами и жилками. Передать на полотно всѣ оттѣнки такого замѣчательнаго носа навряд-ли бы смогъ и болѣе крупный художникъ, чѣмъ мой добрый Шмидтъ; а тутъ еще заказчица, предвидя эффектъ, который картина могла бы производить въ ея гостиной, поставила условіемъ, чтобы носъ ея отца былъ воспроизведенъ такъ, „какъ онъ былъ

въ молодости". Напрасно Шмидтъ напрягалъ свою фантазію,— ничего не выходило.

— Пачкуномъ былъ и пачкуномъ умрешь! — ворчалъ про себя бѣдный художникъ, заворачивая въ оберточную бумагу свою работу.

На улицѣ стоялъ январьскій туманъ, густой и темный, было холодно, и я слышалъ, какъ Шмидтъ, хлопнувъ наружной дверью, кашлянулъ раза два. Это былъ какъ бы послѣдній товарищескій посылъ его ко мнѣ. Больше о Шмидтѣ я уже не слышалъ. Вечеромъ онъ не возвратился; не пришелъ онъ и на слѣдующій день. Недѣли черезъ двѣ, далеко за Гринвичемъ, изъ Темзы вытащили тѣло, плывшее съ какой-то размякшей рамой съ продырявленнымъ въ ней холстомъ, сквозь который торчала рука утопленника. Я поѣхалъ взглянуть, не Шмидтъ ли? Но лицо было уже неузнаваемо, платье снято, и слѣдствіе „коронера" ничего не обнаружило. Узналъ я только, что заказа отъ него не приняли.

Шмидтъ пропалъ навсегда, и я остался одинъ въ своихъ комнатахъ, а вверху и внизу домъ наполнился новыми людьми, еще менѣе обезпеченными, менѣе „аристократическими", чѣмъ прежніе. Вмѣсто почтальона поселился многосемейный портной, вмѣсто столяра—какія-то двѣ сестры неопредѣленныхъ занятій, а вмѣсто слесаря—такъ-называемый „сагман", ломовикъ, служившій недалеко при складѣ сѣна.

VII.

Тотчасъ же по переѣздѣ къ намъ ломовика, въ окнахъ его квартиры появился билетикъ съ надписью: „Здѣсь катаютъ бѣлье". Очевидно, для увеличенія бюджета, жена его старалась тоже что-нибудь зарабатывать. Самъ ломовикъ былъ еще молодой человѣкъ. Онъ имѣлъ блѣднолицую, изнѣженную жену, съ которою жилъ душа въ душу, и двухъ дѣтей, съ которыми постоянно возился, являясь домой къ обѣду. Кажется, только въ это время онъ и могъ возиться съ своими ребятишками, такъ какъ изъ дому уходилъ очень рано и возвращался съ работы поздно вечеромъ. Къ обѣду онъ всегда являлся съ огромнымъ возомъ сѣна, по пути отъ сѣннаго склада къ извозному двору, куда доставлялось сѣно. Заслышавъ шумъ тяжелыхъ колесъ и крикъ „Who-a!" (англійское „тпру!"), маленькая дѣвочка его быстро поднималась изъ подвальнаго помѣщенія на троттуаръ и

спѣшила ему на встрѣчу; какъ бы въ награду за ея привязанность, онъ, бывало, беретъ ее на руки и, осыпая поцѣлуями, несетъ на плечѣ внизъ, гдѣ другой ребенокъ, десятимѣсячный, ждетъ его на рукахъ матери.

Сцена эта во всѣхъ своихъ подробностяхъ повторялась каждый день, и я уже зналъ впередъ, что когда стрѣлка часовъ приблизится къ половинѣ перваго, внизу у рѣшетки нашего дома остановится тяжелый возъ, раздастся громкое „тпру!“, а за нимъ дѣтскій радостный крикъ: „dady!“ (папа!) и нѣжное воркованіе счастливаго отца. Въ воскресенье рабочій былъ свободенъ и работалъ у себя дома цѣлый день, устраивая въ „садикѣ“, принадлежавшемъ къ подвальному этажу, клѣтку для куръ и кроликовъ, раскапывая грядки, сажая цвѣты и овощи, или мастеря для своей дочки разныя игрушки, скамеечки, телѣжки, или же натягивая веревки для просушиванія бѣлья и вообще помогая женѣ по хозяйству. Это былъ человѣкъ домовитый, хозяйственный, собиравшійся, повидимому, обосноваться въ нашемъ домѣ надолго. Случилось, однако, нѣчто другое.

Не прошло мѣсяцевъ двухъ, какъ въ подвалъ опустился высокій молодой человѣкъ, въ цилиндрѣ и черномъ сюртукѣ. Это былъ докторъ одного страхового общества. Его паціенты состояли почти исключительно изъ рабочихъ, которые или составляли между собою „докторскіе клубы“, или же были кліентами страховыхъ обществъ. Члены докторскаго клуба обыкновенно вносятъ отъ одного до шести пенсовъ въ недѣлю, въ зависимости отъ семейнаго состава, и за эти деньги докторъ обязанъ являться по первому зову къ каждому изъ нихъ. Эти должности клубныхъ докторовъ очень распространены въ англійской провинціи, особенно въ каменноугольныхъ районахъ, гдѣ они составляютъ обычное явленіе. Каждая деревня, каждая шахта имѣетъ свой врачебный клубъ. Въ Лондонѣ еще болѣе развито среди рабочихъ классовъ пользованіе врачебной помощью посредствомъ взносовъ въ страховое общество, страхующее жизнь. Прибавляя лишнихъ полтора пенса къ еженедѣльной страховой преміи, страхователь пользуется безплатно медицинскимъ совѣтомъ и лекарствами; послѣднія, впрочемъ, отпускаются въ посудѣ, за которую приходится платить особо, если она не принадлежитъ самому паціенту. За акушерскую помощь полагается доктору лишній фунтъ.

Опустившійся къ нижнимъ жильцамъ, докторъ былъ мнѣ знакомъ, и я даже смотрѣлъ на него, въ нѣкоторомъ родѣ, какъ на соотечественника, такъ какъ онъ былъ сынъ остзейскаго нѣмца,

тоже врача, кончившаго въ Дерптѣ и переселившагося въ Англію лѣтъ 30—40 тому назадъ. Его отецъ въ разговорахъ со мною любилъ еще щегольнуть знаніемъ русскаго языка и, здороваясь со мною, бойко спрашивалъ: „какъ ви поживайтъ?“—и если погода стояла теплая, обязательно прибавлялъ: „сифоня ошень шарко“.

Сынъ его, родившійся и воспитавшійся въ Англіи, уже былъ всецѣло англичаниномъ, но и въ немъ еще осталось какое-то смутное чувство привязанности къ родинѣ его отца. Наше знакомство поэтому хотя и не было близкимъ, но въ то же время не было лишено и той интимной струйки, которая всегда какъ бы чувствуется между людьми, имѣющими какое-то общее „свое“, какъ бы это свое ни было туманно и призрачно.

И теперь, встрѣтившись съ нимъ, я естественно спросилъ его о причинѣ его визита въ нашъ домъ.

— У ломовика младшій ребенокъ умираетъ, — отвѣтилъ онъ. — Это уже не первый визитъ мой.

Когда, черезъ нѣсколько дней, тяжелый возъ, нагруженный сѣномъ, остановился у дома, маленькая дѣвочка по-прежнему выбѣжала на встрѣчу отцу и громко сообщила, что „Бэпъ заспулъ и мама плачетъ“. Опущенная въ окнѣ стора досказала дальнѣйшее. Ребенокъ умеръ.

На другой день возъ у дома не остановился. Молодой ломовикъ, въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ поселился у насъ, сбросилъ свой рабочій костюмъ, плисовые штаны съ жилеткой и шарфъ на шеѣ, и одѣлъ крахмальную бѣлую рубашку, черную пару и новую шляпу. Жена его, тоже пріодѣвшись, приняла благообразный видъ сонной и скучающей поэтессы. Вѣсть о смерти ребенка вскорѣ облетѣла всѣ этажи, и когда она достигла верхняго этажа, оттуда спустилась жена портного, и безъ всякихъ приглашеній и просьбъ съ чьей-либо стороны приняла сейчасъ же въ свои руки бразды правленія въ подвальномъ этажѣ. Отецъ же и мать умершаго ребенка отправились по дѣламъ. Они получили деньги изъ страхового общества, заказали гробикъ, сдѣлали нѣкоторыя покупки и затѣмъ возвратились къ себѣ домой.

Похоронивъ ребенка, ломовикъ, по совѣту доктора, не замедлилъ выѣхать отъ насъ совсѣмъ, убравъ съ собою свой куриный насѣстъ, свои цвѣточные горшки, веревки, стулья, скамейки и вообще всѣ хозяйственныя, декоративныя и игрушечныя принадлежности, которыми онъ разукрашивалъ и переполнялъ задній дворикъ въ часы своего досуга.

Не успѣлъ онъ выѣхать, какъ въ опустѣвшихъ комнатахъ поселился кэбменъ, легковой извозчикъ, съ большой семьей, состоявшей изъ жены, трехъ малолѣтнихъ дѣвочекъ и одной взрослой дочери отъ первой жены.

Дѣвочки у кэбмена были всѣ очень розовенькія, чистенькія и послушныя.

Всѣ трое ходили въ одну школу, и мать ихъ всѣхъ одѣвала въ одинаковыя платьица и шляпки. До замужества, жена кэбмена была горничной и ѣздила съ своей барыней въ Висбаденъ, такъ что кое-что знала и изъ за-граничной жизни, и этимъ своимъ знаніемъ очень гордилась и въ нѣкоторомъ родѣ импонировала имъ своему мужу, который, впрочемъ, былъ настолько тихъ и скроменъ, что ни въ какомъ импонированіи со стороны не нуждался.

Взрослая дочь кэбмена, лѣтъ 18-ти, служила въ одной изъ кофеенъ акціонернаго общества „Воздушнаго-хлѣба“ и содержала себя всецѣло.

Я долго стремился познакомиться съ кэбменомъ, но это мнѣ никакъ не удавалось, потому что встрѣчаться съ нимъ было чрезвычайно трудно. Уходилъ онъ рано, часовъ въ шесть утра, и возвращался часу въ девятомъ вечера. Но вскорѣ семья кэбмена перебралась изъ подвальнаго этажа въ самый верхній, на мѣсто портного, котораго выселили за неплатежъ денегъ. Теперь у меня оказалось больше шансовъ встрѣчаться съ новымъ жильцомъ и хотя бы узнать его въ лицо; но все-таки мое знакомство съ нимъ и его семьей все какъ-то долго не налаживалось. Но, вотъ, разъ, днемъ, когда въ домѣ почти никого не было, жена кэбмена, блѣдная и дрожащая, стукнулась ко мнѣ въ дверь.

— Мужчина!—проговорила она, указавъ рукой на лѣстницу внизъ, когда я выглянулъ на площадку.—Чужой мужчина, сама видѣла! — повторила она какъ въ лихорадкѣ.

— Воръ?—спросилъ я, не понявъ сразу, въ чемъ дѣло.

— Нѣтъ, мужчина, внизу, у дѣвицъ. Мужчина! сама видѣла.

Я уже давно догадывался, что сестры, поселившіяся въ первомъ этажѣ, подо мною, были проститутки. Онѣ выдавали себя за актрисъ, учительницъ танцевъ и вообще за представительницъ „свободныхъ профессій“. Днемъ онѣ сидѣли дома, а по вечерамъ уходили куда-то. Часто къ нимъ приходили какіе-то посѣтители, но, не обладая особенно увлекательной наружностью, сестры, должно полагать, не очень-то преуспѣвали и жили крайне бѣдно, вѣчно нуждаясь и живя впроголодь. Сидя

дома, онѣ вели себя тихо и даже скромно. Прятались отъ сосѣдей и старались придавать себѣ все-таки приличный видъ. Поэтому я мало обращалъ вниманія на то, чѣмъ онѣ живутъ. Иначе, однако, думала кэбменша. Съ перваго же дня, какъ она переѣхала въ нашъ домъ, она стала зорко слѣдить за сестрами и безъ труда открыла, что это самыя вольныя дѣвицы, промышляющія уличнымъ развратомъ. Сдѣлавъ это открытіе, она уже никакъ не могла успокоиться, и теперь, очевидно, тайкомъ прислушавшись къ тому, что происходило внизу, накрыла-таки дѣвицъ—flagrante delicto.

— Помилуйте,—говорила она, вся дрожа отъ гнѣва и переполненная какого-то гадливаго страха, словно мышь проскользнула ей въ рукавъ.—У меня дочь—невѣста (она называла падчерицу дочерью); у меня дѣти, всѣ мы употребляемъ общій ватерклозетъ... Еще зараза заведется. Я уже давно примѣчала и мужу сказала, но онъ у меня—тихоня. Вотъ вы теперь сами видите. Пожалуйста, когда лэндлордъ (хозяинъ) придетъ въ понедѣльникъ, поговорите съ нимъ. Я ему уже сказала про нихъ, но онъ не вѣритъ.

Я обѣщался. Нашъ хозяинъ, котораго мы всѣ называли „лэндлордомъ", обходилъ всѣхъ своихъ жильцовъ по понедѣльникамъ, для сбора квартирныхъ денегъ. Это былъ довольно совѣстливый, снисходительный человѣкъ, не очень прижимавшій неаккуратныхъ плательщиковъ и обыкновенно вымещавшій всѣ свои убытки на новыхъ жильцахъ. Стоило кому-нибудь выѣхать, не заплативъ за квартиру, чтобы хозяинъ сейчасъ же накинулъ плату на нее, и такимъ образомъ какъ бы страховалъ себя отъ будущихъ недоимокъ. А такъ какъ жильцы, чѣмъ дальше, тѣмъ чаще мѣнялись и тѣмъ неаккуратнѣе дѣлались, то и цѣны на комнаты въ его домахъ возросли въ теченіе почти двухъ лѣтъ чуть ли не вдвое. Это поднятіе квартирной платы, однако, не мѣшало его домамъ быть постоянно переполненными и при этомъ все болѣе и болѣе бѣднымъ жильцомъ.

Однако, возвратимся къ нашему кэбмену. Вечеромъ, когда кэбменъ пришелъ домой, жена его опять постучалась ко мнѣ и спросила, можетъ ли ея мужъ зайти ко мнѣ. Я очень обрадовался случаю познакомиться съ нимъ, и сказалъ, что лучше подымусь наверхъ къ нимъ.

Когда я вошелъ въ комнату, служившую у нихъ столовой и гостиной, кэбменъ сидѣлъ у стола, только-что поужинавъ, и держалъ въ рукахъ газету, а старшая дочь его, возвратившаяся изъ кофейни, вытирала посуду.

— Извините, пожалуйста,—началъ онъ,—жена тутъ безпокоитъ васъ. Конечно, женщина. Притомъ въ ея положеніи (кэбменша была въ послѣднемъ періодѣ беременности), всегда, знаете, нѣкоторая повышенная нервозность. Право, какъ-то совѣстно жаловаться хозяину. Вдругъ все это только кажется ей? Можетъ быть, честныя дѣвушки...

Вытиравшая посуду, дочь, красивая и стройная дѣвица, съ интеллигентнымъ лицомъ, хихикнула.

— У васъ, отецъ, всѣ честныя! — проговорила она съ какимъ-то снисхожденіемъ къ слабости отца.

— Конечно, честныя,—произнесъ онъ.—Мало что мужчины ходятъ. Вѣдь вотъ къ вамъ же ходитъ Джэкъ (Джэкъ былъ женихъ его дочери, служившій приказчикомъ въ магазинѣ платья). А кто не знаетъ, въ чемъ дѣло, можетъ подумать Богъ знаетъ что.

— Вздоръ!—вспылила жена его.—Тоже сравнилъ! Вѣдь вотъ мистеръ, — тутъ она кивнула головой въ мою сторону,—видѣлъ. Нужно быть такимъ простофилей, какъ вы, чтобы не отличить честную женщину отъ уличной.

— Да я что!—заговорилъ кэбменъ:—если увѣрены, то поступайте, какъ знаете... Конечно, если гулящія, то... само собою...

Кэбменъ былъ, видимо, не изъ бойкихъ, мало-разговорчивъ и застѣнчивъ. Онъ вообще мало подходилъ къ обычному представленію о кэбменѣ, рисующемся бойкимъ задирой, нахаломъ и сквернословомъ. Но стоило лишь завести съ нимъ рѣчь о его промыслѣ, чтобы онъ воодушевился и заговорилъ довольно оживленно. Кэбменъ собственныхъ лошадей не держалъ, а платилъ за пользованіе лошадью съ упряжью отъ 12 до 17 шиллинговъ въ день, въ зависимости отъ сезона, такъ что онъ самъ себѣ былъ хозяиномъ и могъ работать, когда и сколько хотѣлъ, мѣняя лишь лошадь разъ въ день.

Самымъ тихимъ временемъ въ Лондонѣ для извозчиковъ считается августъ, и въ этотъ мѣсяцъ нашъ кэбменъ всегда уѣзжалъ съ семьей на двѣ недѣли въ провинцію, къ роднымъ.

Мы съ нимъ заговорили о заработкахъ, которые, по словамъ кэбмена, день на день не похожи:—иной разъ выручишь фунтъ или полтора, а иной разъ и цѣлыхъ два фунта.

— Вы, можетъ быть, выручали бы и больше, если бы дамы не боялись васъ. Онѣ говорятъ, что вы ужъ очень нахальны съ ними,—сказалъ я шутливо.

— Не вѣрьте женщинамъ, онѣ дуры! — рѣшительно произнесъ кэбменъ.—Онѣ таксы никогда не знаютъ, и имъ все кажется, что ихъ надуваютъ и требуютъ отъ нихъ больше, чѣмъ

слѣдуетъ. Впрочемъ, есть и между ними очень хорошія, и есть между кэбменами дѣйствительно дурные люди. А все-таки мы не хуже другихъ. Вѣдь, вотъ, изъ 12.000 лондонскихъ кэбменовъ больше половины „титотлеровъ“ (ничего не пьющихъ). Я самъ „титотлеръ“, и сколько лѣтъ! А кто доставляетъ въ полицію столько находокъ, сколько кэбмены? То-и-дѣло въ кэбахъ у насъ оставляютъ, особенно дамы, узелки, пакеты, бумажники, зонтики, даже браслеты. И все это доставляется въ цѣлости въ „Скотландъ-ярдъ“ (главное полицейское правленіе Лондона). Конечно, дѣло не обходится и безъ утайки. Мы вѣдь не ангелы, а все-таки...

— Боятся сѣдоковъ,—сказалъ я:—тѣ могутъ нумера замѣтить и запомнить.

— Ну, какой тамъ сѣдокъ нумеръ помнитъ!—сказалъ кэбменъ, махнувъ рукой.—Ужъ если онъ свою вещь забываетъ, къ которой, можетъ, привыкъ или которую только-что купилъ, а вы хотите, чтобы онъ нумеръ помнилъ. Нѣтъ, извините, тутъ дѣло не въ страхѣ, а въ чести,—потому что мы знаемъ, что публика ждетъ отъ насъ честности. Вотъ вы говорите, что публика или дамы насъ не цѣнятъ. Нѣтъ! цѣнятъ и даже очень. У насъ больше благотворительныхъ учрежденій, чѣмъ у кого-либо изъ рабочихъ классовъ. Кто выстроилъ и завелъ всѣ эти „шелтеры“ (маленькія крытыя помѣщенія вблизи извозчичьихъ биржъ, гдѣ извозчики обѣдаютъ и пьютъ чай), водопои, пріюты для нашихъ вдовъ и сиротъ, рождественскіе вечера, лѣтнія прогулки и пр.? Все—публика. Нѣтъ, ужъ что ни говорите, а публика насъ цѣнитъ! — говорилъ кэбменъ, воодушевленный профессіональной гордостью.

— Вотъ и газеты, и тѣ отъ публики,—прибавилъ онъ, указавъ на кучу газетъ:—все сѣдокъ презентуетъ. Почитаетъ—и кэбмену отдаетъ. Иной разъ самъ купишь лишь вечернюю, а эти, вотъ, большія утреннія—все отъ публики.

Кэбменъ обыкновенно ложился спать въ 10 часовъ, и я его поэтому скоро оставилъ, пообѣщавъ поддерживать его жену передъ „лэндлордомъ“.

VIII.

Съ лэндлордомъ, однако, говорить не пришлось: жилички, все равно, должны были оставить квартиру, за которую имъ нечѣмъ было платить. „Переѣздъ“ ихъ состоялъ въ томъ, что одна взяла подъ-мышку тощій узелокъ, а другая взяла въ руки зонтикъ, и обѣ одновременно вышли, оставивъ въ распоряженіе хозяина

свою „мебель“: кровать, два стула и какую-то поломанную чашу. Когда, однако, хозяинъ сталъ разбирать желѣзную кровать, чтобы унести ее и продать, на квартиру явился господинъ съ книжечкой.

— Миссъ Патрикъ? — спросилъ онъ. Патрикъ—были „выѣхавшія“ только-что жилички.

Ему отвѣтили, что ихъ уже нѣтъ.

— Выѣхали? А мебель? — спросилъ человѣкъ съ книжкой.

— Какая мебель: кровать и стулья? Это мое, — сказалъ хозяинъ.

— Нѣтъ, не ваше. Мебель взята на выплату. Вотъ росписка самой миссъ Патрикъ, не угодно ли. Въ счетъ уплачено всего два шиллинга, а слѣдуетъ два съ половиною фунта. Кровать хорошая, проволочная сѣтка подъ матрацомъ,—началъ агентъ мебельной фирмы.

— Ну, мы еще посмотримъ, кому кровать достанется. Я своего не подарю!—сказалъ лэндлордъ рѣшительно.

— Куда же онѣ перебрались? — какъ-то безнадежно спросилъ агентъ.

— Да, вотъ, одна изъ нихъ только-что прошла,—отвѣтилъ лэндлордъ, кивнувъ головой въ окно.

Агентъ быстро повернулся и выбѣжалъ на улицу.

Чѣмъ кончилось дѣло—неизвѣстно, но лэндлордъ сейчасъ же накинулъ лишній шиллингъ на комнаты, которыя были сданы въ тотъ же день двумъ другимъ дѣвицамъ.

Эти новыя жилички назвали себя портнихами. Дѣйствительно, у нихъ оказались швейная машина и манекенъ дамскаго бюста. Какъ машина, такъ и манекенъ были поставлены въ одной изъ комнатъ какъ разъ противъ двери, такъ чтобы ихъ могли видѣть всѣ жильцы, проходя черезъ переднюю на улицу. Дверь въ эту комнату была всегда раскрыта, какъ бы приглашая каждаго изъ насъ убѣдиться въ трудолюбіи и добропорядочности вновь переѣхавшихъ къ намъ жиличекъ. Временами швейная машина издавала трескъ на весь домъ, и одна изъ портнихъ, съ ленточнымъ ярдомъ черезъ шею, съ наперсткомъ на среднемъ пальцѣ правой руки и съ ножницами въ лѣвой, сновала изъ комнаты въ комнату съ видомъ очень занятого человѣка. Но всѣ эти хитрости ни къ чему не служили: жена кэбмена зорко слѣдила за поведеніемъ дѣвицъ, и на второй же день ихъ переселенія открыла, что онѣ—вовсе не портнихи. Своимъ открытіемъ она поспѣшила подѣлиться съ самой нижней сосѣдкой, поселившейся недавно въ подвалѣ, съ женой сапожника, миссисъ Гринъ.

— Сама видѣла,—говорила она ей:—было около двѣнадцати

часовъ, я не спала. Слышу мужской голосъ у крыльца, потомъ щолкъ ключа въ двери, потомъ шаги... Я уже не могла заснуть... Мужа не хотѣла будить, но я была увѣрена, что внизу—чужой мужчина.

— Да, да, я тоже слышала, — подтвердила сапожница.— Мужъ нездоровъ, все кашляетъ. Я не могла заснуть... Слышу: кто-то поднимается съ улицы, а потомъ мужскіе шаги. Вѣдь, знаете, у насъ все слышно, что дѣлается на улицѣ или наверху надъ нами.

— То-то и есть, вамъ лучше слышно,—произнесла жена извозчика, какъ бы польщенная тѣмъ, что она живетъ не въ подвальномъ, а въ верхнемъ этажѣ.—Я этого не оставлю,—прибавила она рѣшительно:—или онѣ выѣдутъ, или я. Съ *такими* жить въ одномъ домѣ не могу.

Послѣ этого жена извозчика почти вся обратилась въ слухъ. Она не спала, не ѣла и все подкарауливала, и каждое утро она бѣгала внизъ къ сапожницѣ и взволнованно спрашивала: „Слышали? Опять! Сама видѣла!"

Сапожница каждый разъ подтверждала наблюденія кобменши, и послѣдняя съ трудомъ дождалась слѣдующаго понедѣльника, когда хозяинъ долженъ былъ явиться за квартирной платой.

— Вы опять Богъ знаетъ кого впустили!—накинулась она на него.

— А развѣ нехорошіе? — съ видомъ невиннаго младенца спросилъ хозяинъ.

— Самая послѣдняя уличная дрянь!—отвѣтила кобменша съ раздраженіемъ.—Какъ вы только можете пускать такихъ въ домъ, гдѣ живутъ приличныя семьи?

— Да кто ихъ знаетъ, кто онѣ такіе,—оправдывался лэндлордъ.—Говоритъ: портниха, ну и думаешь—портниха, тѣмъ болѣе швейная машина, бюстъ, утюги... А вы увѣрены?—прибавилъ хозяинъ, который, очевидно, получилъ съ портнихи сполна за квартиру, и теперь ему жаль было терять такихъ аккуратныхъ и щедрыхъ жиличекъ, дѣлавшихся все рѣже и рѣже на Садовой-Террасѣ.

— Спросите хотя бы госпожу Гринъ, если мнѣ не вѣрите,—отвѣтила жена извозчика.

Хозяинъ презрительно махнулъ рукой. Грины были очень неаккуратные плательщики и стояли поэтому въ глазахъ лэндлорда на самомъ дурномъ счету.

— Пожалуй, Гринамъ придется раньше выѣзжать,—произнесъ онъ.

— Ну, все одно, если портнихи не выѣдутъ, то мы выѣзжаемъ,—произнесла сердито жена извозчика.—Мы бѣдные люди, для насъ переѣздъ много значитъ, но чѣмъ жить въ такомъ домѣ, лучше—на улицѣ или въ рабочемъ домѣ.

Какъ ни выгодно было удержать нижнихъ жиличекъ, но лэндлордъ долженъ былъ уступить. Ему менѣе всего хотѣлось, чтобы о его домахъ пошла въ околоткѣ дурная слава. Это окончательно уронило бы его въ глазахъ мѣстнаго приходскаго правленія, такъ-называемаго „vestry", которое непремѣнно начало бы его притѣснять разными ремонтами и санитарными выдумками, и, чего добраго, стало бы вчинать иски за содержаніе „неприличныхъ" домовъ, не говоря уже, конечно, о томъ, что мѣстный викарій, которому вѣдь тоже невыгодно терять приличныхъ прихожанъ, ему бы житья не давалъ своими увѣщеваніями, проповѣдями и разными шпильками, на которыя онъ былъ—даромъ что духовное лицо—великій мастеръ. Тутъ поэтому ничего не подѣлаешь, и какъ ни выгодно отдавать комнаты „портнихамъ", а приходится предпочесть извозчичью семью, которая платитъ меньше, но за то высоко держитъ знамя респектабельности.

— Нѣтъ, вы оставайтесь,—сказалъ онъ,—а ихъ я выселю.

И онъ дѣйствительно ихъ выселилъ. Но сохранить домъ въ предѣлахъ внѣшняго благочинія и благообразія уже почти не было возможности. Садовая-Терраса увязала все глубже и чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе приближалась къ краю пропасти, извѣстной въ Лондонѣ подъ именемъ: slumdom. „Slum"—это уже не улица съ трудовымъ, хотя и бѣднымъ населеніемъ, а трущобы, гнѣзда низкаго разврата, притоны профессіональнаго воровства, непомѣрной грязи и пьянства. До такого состоянія Садовая-Терраса еще не дошла, но волны грязи, поднимаемыя со дна огромнаго города, все сильнѣе стали биться въ стѣны этой улицы и все больше и больше забрасывать ее своими брызгами. Того и гляди, она совершенно затонетъ въ нихъ. Пока же не было сомнѣнія, что ее продолжалъ населять въ большей части трудовой народъ. Каждое утро, въ пятомъ часу, улица переполняется стучаніемъ въ стекла и крикомъ: „пять часовъ!" Это стучитъ и кричитъ будильщикъ, человѣкъ, сдѣлавшій себѣ профессію изъ буженія рабочихъ, которымъ нужно рано вставать. Обыкновенно за свою услугу будильщикъ получаетъ по четыре пенса въ недѣлю съ лица. Онъ обходитъ свой районъ съ длинной и тонкой палкой въ рукахъ, такъ что легко достаетъ ею окна второго и даже третьяго этажа, и, постучавъ концомъ ея въ раму или стекло надлежащаго окна и выкрикнувъ при этомъ

требуемый часъ, идетъ дальше. И быстро поднимаются съ постели молочникъ, газетчикъ, зеленщикъ и другіе, служащіе у мѣстныхъ лавочниковъ; поднимаются кочегары, столяры, механики и прочіе, работающіе верстъ за 10—15 отъ дома; поднимаются они съ постели, быстро накидываютъ на себя свои рабочіе костюмы и съ мѣшочками, сумками, узелками спѣшатъ кто куда. Черезъ полчаса все успокаивается. Терраса опять погружается въ сонъ, но часовъ съ восьми она опять оживляется и начинаетъ переполняться звуками, не умолкающими во весь день. Это какіе-то отчаянные звуки, вылетающіе то изъ охрипшихъ глотокъ, то изъ широкихъ грудей, то изъ заложенныхъ и страдающихъ насморкомъ носовъ. Кричитъ молочникъ, зеленщикъ, тряпичникъ; кричитъ продавецъ керосина, точильщикъ ножей, продавецъ плетеной мебели; кричитъ цѣлый часъ, не переводя духа, продавецъ посуды, устраивающій даже аукціонъ посреди улицы. „Полдюжины ложекъ — шесть пенсовъ. Кто больше? Тарелки, отличныя тарелки — шесть пенсовъ дюжина. Кто больше?“ — взываетъ онъ къ обывательницамъ Террасы, и при этомъ бренчитъ ложками и стучитъ тарелками, показывая ихъ крѣпость и усиливая еще больше непрерывающійся шумъ.

Къ вечеру улица дѣлается особенно шумной. Выпущенныя изъ школы, дѣти обращаютъ мостовую въ поле битвы, въ площадь для крикета и футбола. Съ наступленіемъ ночи раздаются подчасъ и громкіе, пронзительные крики побитой пьяной женщины.

Терраса не только переполнилась теперь новыми звуками, но перемѣнился даже запахъ ея. Она уже давно потеряла свою свѣжесть, свой чистый, благоухающій воздухъ. Съ плохо содержимой мостовой и троттуаровъ поднимается зловонная пыль. Изъ домовъ несется запахъ жареной рыбы, сырого бѣлья и какой-то неопредѣленной тухлости, словно изъ долго запертаго шкафа, переполненнаго поношеннымъ платьемъ.

Но еще болѣе, чѣмъ звуки и запахи, перемѣнила Терраса свой внѣшній видъ. Кто бы узналъ въ этой грязной улицѣ прежнюю гордую аристократку? У многихъ домовъ поломаны чугунныя рѣшетки. Это дѣти, играя, постарались все расшатать и свалить, а хозяину-арендатору все одно: вѣдь не его дома. Во многихъ дверяхъ съ улицы разбиты верхнія стеклянныя половинки, въ которыхъ когда-то такъ красиво отражалась изнутри лампа, освѣщавшая переднюю и лѣстницу. Кучки плохо-одѣтыхъ, неряшливыхъ женщинъ, останавливающихся у дверей для сплетенъ, пересудовъ и перебранокъ; безцвѣтные, полинялые куски

матеріи въ окнахъ, замѣняющіе занавѣски; развѣшанныя въ заднихъ дворикахъ для просушки разныя тряпки—все это говоритъ о крайнемъ упадкѣ улицы, и если не о бѣдности обывателей, то о пьянствѣ ихъ, особенно о пьянствѣ женщинъ. Въ полдень, когда дѣти возвращаются изъ школы, ихъ можно видѣть быстро спѣшащими въ кабаки, съ кружками въ рукахъ, за пивомъ для матерей. Безъ пива англійская рабочая семья рѣдко обѣдаетъ, и даже жена извозчика, несмотря на то, что мужъ ея „teetotaler“, обязательно посылаетъ каждый день старшую дѣвочку въ кабакъ съ кружкой за пивомъ.

Не посылаетъ за пивомъ только семья сапожника Грина, и не потому, чтобы жена его или онъ самъ не пили, а просто потому, что они уже очень бѣдны.

IX.

Бѣдность Грина была настоящая бѣдность,—бѣдность конца XIX-го вѣка, противъ которой трудолюбіемъ ничего не подѣлаешь, и изъ которой можетъ выручить только случай. Гринъ былъ бѣденъ именно потому, что жилъ въ наше время. Родись онъ 300 или 400 лѣтъ тому назадъ, онъ былъ бы вѣрно старшиной сапожнаго цеха,—если бы, впрочемъ, его не сожгли на кострѣ за вольнодумство,—имѣлъ бы собственный домъ и мастерскую, бражничалъ бы въ компаніи другихъ сапожниковъ на собраніяхъ цеха и воевалъ бы съ „королевской властью“ и съ другими цехами и городами. Но Гринъ живетъ въ нашъ капиталистическій вѣкъ, и у него ни кола, ни двора. Одно только у Грина, это—дѣти. Сколько ихъ—и сосчитать трудно. Есть у него и грудныя, и годовалыя, и двухъ- и трехъ-лѣтнія; есть дѣти и въ школѣ, и дома; ползаютъ они у него по полу, валяются въ кроваткахъ, бѣгаютъ и играютъ на улицѣ и въ „садикѣ“. Я нѣсколько разъ пробовалъ сосчитать, и каждый разъ сбивался со счета, словно считалъ стаю воробьевъ. Къ тому еще, всѣ дѣти у Грина похожи другъ на друга, всѣ они черненькія, курчавыя и очень хорошенькія. У всѣхъ у нихъ какимъ-то совершенно непонятнымъ способомъ щечки красненькія. Откуда у нихъ румянецъ, у этихъ вѣчно полуголодныхъ дѣтишекъ? Самъ Гринъ смотритъ и удивляется.

— Это у нихъ по наслѣдству отъ матери,—наконецъ, рѣшаетъ онъ.

И дѣйствительно, мать ихъ, худая, отощалая и долговязая

женщина, которая, несмотря на свои молодые годы, потеряла уже всѣ зубы, все еще сохранила нѣжно-румяный цвѣтъ лица и щепетильную чистоплотность.

— Порода такая, англійская! — говоритъ Гринъ, улыбаясь.

И хорошо, что дѣти унаслѣдовали свою породу отъ матери, такъ какъ если бы пошли въ отца, то были бы блѣдны, кашляли и производили бы такое же жалкое впечатлѣніе, какъ и онъ. Что-то скорбное читается въ его глазахъ, усталое и измученное—въ его улыбкѣ и безнадежно-жалостное во всей его фигурѣ.

Нужно сказать, что Гринъ—англичанинъ лишь по имени. По рожденію же это былъ польско-русскій еврей, прибывшій въ Англію молодымъ человѣкомъ 18-ти лѣтъ. Спустя года два по переселеніи въ Англію, Гринъ влюбился въ англійскую дѣвушку, христіанку, и, встрѣтивъ взаимное чувство, женился на ней. И вотъ теперь, всего какихъ-нибудь 10—12 лѣтъ послѣ брака, онъ оказывается отцомъ кучи дѣтей и мужемъ долговязой, начинающей впадать въ ханжество, англичанки.

Какъ сапожникъ, Гринъ—великій артистъ своего дѣла. Онъ шьетъ дамскія ботинки на одинъ изъ самыхъ аристократическихъ магазиновъ Лондона. Въ окнахъ этого магазина его работы привлекаютъ на себя вниманіе модницъ и красуются подъ ярлычками съ надписью: „двѣ гинеи". Каждую пару ботинокъ, сшитыхъ Гриномъ, магазинъ продаетъ по двѣ гинеи, т.-е. по 20 руб. Случается, что ему даютъ „спеціальный" заказъ, и тогда цѣна ботинокъ повышается до $2^1/_2$ и больше гиней. Самъ же онъ получаетъ отъ магазина всего отъ 9 до 10 шиллинговъ за пару. Въ недѣлю онъ можетъ сработать четыре—пять паръ, но плохое здоровье часто не позволяетъ работать, да много времени отнимаютъ поѣздки въ магазинъ, которыя онъ обязательно совершаетъ два раза въ недѣлю.

— Вѣдь тамъ у нихъ не я одинъ, а 50 и больше человѣкъ. Всѣмъ нужно раздавать матеріалъ, у каждаго принимать исполненную работу, со всякимъ разсчитаться, вотъ полдня и пропало,—разсказываетъ Гринъ и рѣчь свою заканчиваетъ восклицаніемъ:—Эхъ, кабы собственная мастерская!

Собственная мастерская—вотъ идеалъ и мечты Грина.

— Въ собственной мастерской я бы тѣ же ботинки продалъ по одной гинеѣ, и, за вычетомъ матеріаловъ, мнѣ бы осталось шиллинговъ пятнадцать,—разсуждаетъ онъ.

— За чѣмъ же дѣло стало?

— А рента? Нужно домъ нанимать, да на хорошемъ мѣстѣ. Я уже смотрѣлъ тутъ недалеко домъ. Можетъ быть, возьму.

— Да, мы смотрѣли, домъ хорошій; можетъ быть, возьмемъ, —повторяетъ за нимъ жена, которая весьма гордится искусствомъ своего мужа. Она беретъ въ руки пару только-что сдѣланныхъ имъ ботинокъ и не можетъ оторвать отъ нихъ глазъ.

— Онъ лучше всѣхъ работаетъ!—восклицаетъ она въ экстазѣ. —Взгляните на каблуки, на подъемъ, на эти носки. У него золотыя руки. Нужна только собственная мастерская...

Очевидно, мысль о собственной мастерской является главной опорой, главнымъ свѣтлымъ лучомъ въ жизни сапожника. Только говоря на эту тему о собственной мастерской, онъ и жена его оживляются, бодрѣютъ и начинаютъ свободно фантазировать. Всѣ заказчицы магазина, которыя живутъ недалеко отсюда, непремѣнно пойдутъ къ нему, увидѣвъ въ витринѣ его будущей мастерской тѣ же ботинки за гинею, за которыя онѣ теперь платятъ двѣ гинеи.

— Кому охота платить вдвое больше, когда можно купить за настоящую цѣну,—подтверждаетъ его жена.

Мысль о собственной мастерской даже разсѣиваетъ его скептицизмъ насчетъ существованія Бога. Въ обыкновенное время Гринъ отзывается очень пренебрежительно о религіи.

— Пустяки, все пустяки! — говоритъ онъ, какъ-то безнадежно махая рукой.—Вотъ, она вѣритъ,—прибавляетъ онъ, взглянувъ въ сторону жены съ снисходительностью взрослаго, говорящаго о шалостяхъ ребенка.

— Я вѣрю, — подтверждаетъ она. — Я всегда была протестанткой и мать моя была протестанткой, а отецъ принадлежалъ къ „высокой церкви“, — говоритъ она, давая этимъ понять, что со стороны отца она, въ нѣкоторомъ родѣ, аристократическаго происхожденія.

— И дѣтей тоже хочетъ дѣлать протестантами,—говоритъ мужъ съ легкимъ упрекомъ.—А все пустяки! Развѣ я бы такъ жилъ, еслибы дѣйствительно былъ Богъ?—восклицаетъ онъ уже съ какимъ-то раздраженіемъ и словно дѣлая дерзкій вызовъ Небу.

Религія, это — самое больное мѣсто въ супружеской жизни Грина. Дѣло въ томъ, что Гринъ только хорохорится, разыгрывая скептика и вольнодумца. На самомъ же дѣлѣ онъ очень труситъ, какъ бы ему за это вольнодумство не влетѣло на томъ свѣтѣ, и въ душѣ онъ остался заправскимъ вѣрующимъ евреемъ, лишь только съ чуть-чуть замѣтнымъ вольнымъ духомъ. И христіанство, или, лучше сказать, протестантство, въ которомъ жена

его старалась воспитывать дѣтей, ему, очевидно, не очень нравилось, но вовсе не съ точки зрѣнія скептицизма. И было просто удивительно, какъ цѣпко, какъ сильно еще держала его въ своихъ оковахъ старая религія, въ которой онъ выросъ, и противъ власти которой онъ такъ возставалъ. Разъ спускаюсь внизъ и вижу, что сапожникъ сидитъ, сложа руки, и ничего не дѣлаетъ.

— Нездоровится?—спрашиваю.

— Да, не совсѣмъ здоровъ,—отвѣчаетъ за него жена.

Самъ онъ какъ-то криво улыбается и смотритъ въ сторону, конфузясь.

— Что же съ вами?—спрашиваю дальше.

— Грудь, какъ всегда,—опять отвѣчаетъ за него жена.

— Грудь дѣйствительно болитъ,—произнесъ онъ наконецъ;— но не работаю потому, что просто не могу работать въ *этотъ* день. Все я забросилъ, никакихъ не соблюдаю ни субботъ, ни праздниковъ, и вообще ничего еврейскаго. А вотъ *этотъ* день, не знаю отчего, не могу нарушить.

— Что же это за день?—спросилъ я, не сообразивъ сразу, въ чемъ дѣло.

— Неужели не знаете? Сегодня—„судный день".

— Да, онъ сегодня еще ничего во рту не имѣлъ: постится со вчерашняго вечера, съ его здоровьемъ-то! — говоритъ его жена.

— Ничего не подѣлаешь. Привычка. Ни разу еще не нарушилъ этого дня. Все, все оставилъ, а „судный день" не могу,— сказалъ вольнодумецъ какимъ-то виноватымъ тономъ.

Между тѣмъ время шло, „собственная мастерская" все еще заставляла себя ждать, а недоимки хозяину за квартиру росли, и сапожникъ долженъ былъ выѣхать изъ дома со всей кучей дѣтей своихъ.

Вообще, неплатежъ за квартиру и принудительное выселеніе стали отличительной чертой всѣхъ новыхъ жильцовъ на Садовой-Террасѣ. Наученный горькимъ опытомъ, хозяинъ дѣлался требовательнѣе, долги пересталъ запускать, и какъ только недѣля прошла и жилецъ не платилъ, онъ сейчасъ же требовалъ очистить квартиру. Вслѣдствіе этого населеніе нашего дома, какъ вообще населеніе всей улицы, сдѣлалось чрезвычайно подвижнымъ и измѣнчивымъ, какъ текучая вода. То-и-дѣло въ домъ кто-нибудь переѣзжалъ и оттуда выѣзжалъ. Не успѣешь узнать, кто поселился, какъ онъ уже выселенъ. Панорама жильцовъ задвигалась слишкомъ быстро, и не только изучать ихъ харак-

теры и привычки, но просто разузнавать ихъ физіономіи оказалось уже невозможнымъ. Дольше оставаться въ этомъ домѣ стало не только тяжело и непріятно, но и безполезно даже съ точки зрѣнія наблюдателя окружающей жизни. И я тоже, наконецъ, разстался съ Садовой-Террасой.

По моемъ выѣздѣ, дѣла ея продолжали идти все по той же покатой плоскости. Улица начинала уже захлебываться все ближе и ближе подступавшими волнами трущобнаго населенія. Каждое улучшеніе, предпринимавшееся въ другихъ частяхъ города, еще болѣе способствовало загрязненію Террасы, куда огромный городъ какъ бы извергалъ изъ себя всю скверну. Все то, что̀ не находило пріюта въ болѣе центральныхъ или въ болѣе отдаленныхъ частяхъ, все то, что̀ экономически и морально вытѣснялось и выталкивалось изъ другихъ мѣстъ, все это приплывало сюда и временно осѣдало въ домахъ Садовой-Террасы.

Домовые арендаторы дѣлали все возможное, чтобы удержать улицу на болѣе или менѣе приличномъ уровнѣ и, такъ сказать, воздвигали плотины противъ наплыва нежелательныхъ квартирантовъ, но ихъ борьба кончилась ничѣмъ. Улица уже пріобрѣла себѣ дурную славу, хорошій квартирантъ обходилъ ее, и невольно приходилось отдавать flat'ы первому встрѣчному.

Но, съ ухудшеніемъ класса жильцовъ, рискъ отъ неплатежа квартирныхъ денегъ еще болѣе возросталъ, возня и хлопоты съ жильцами безмѣрно увеличились. Домовладѣльцы и жильцы сосѣднихъ улицъ стали роптать; приходское правленіе стало очень косо смотрѣть на Террасу и третировало ее какъ отверженную; въ газетахъ участились полицейски-судебные отчеты, въ которыхъ Терраса то-и-дѣло фигурировала, какъ мѣсто драки, нарушенія тишины и даже убійства. Это уже было слишкомъ. Еще немного, и Терраса стала бы „slum“, но до такого положенія богатый собственникъ домовъ не могъ допустить. Быть хозяиномъ трущобъ, получать ренту съ „slum-property“, съ трущобнаго недвижимаго имущества, считается для многихъ лэндлордовъ въ Англіи большимъ позоромъ, и чтобы положить конецъ печальной карьерѣ Садовой-Террасы, домовладѣлецъ рѣшилъ продать на сносъ всѣ старые дома, выстроенные когда-то для богатаго квартиранта, и взамѣнъ ихъ воздвигнуть небольшіе, двухъ-этажные, доступные для людей средняго достатка.

И вотъ, когда, года черезъ два, мнѣ опять пришлось взглянуть на давно знакомую улицу, я былъ пораженъ видомъ громаднаго облака пыли, окутывавшей ее. Уже снесены были крыши и верхніе этажи, и рабочіе, съ ломами въ рукахъ, стоя на облом-

кахъ стѣнъ, отбивали кирпичи и расшатывали желѣзныя балки. Вся улица была въ развалинахъ, обломкахъ и кускахъ штукатуры и гнилого дерева, которые, отваливаясь, поднимали столбы известки и песку. Терраса тутъ же, на глазахъ у меня, исчезала и таяла, а вмѣстѣ съ нею какъ бы исчезали и таяли давно знакомые образы жильцовъ ея, моихъ бывшихъ сосѣдей, съ ихъ маленькими радостями и большими печалями.

Было что-то скорбное и глубоко-грустное въ этомъ зрѣлищѣ разрушенія, слома и сноса улицы, на которой я такъ долго жилъ и которую я такъ хорошо зналъ. Но тутъ же рядомъ возвышались уже кучи кирпича, предназначавшіяся для новыхъ построекъ и предвѣщавшія собою новую Террасу, въ новомъ блескѣ, перерожденною, перестроенною, очищенною...

Новая улица пока еще не замѣнила старой, но кирпичи кладутся, и дома возводятся,—комфортабельные дома для будущихъ жильцовъ, которые, конечно, дадутъ улицѣ и болѣе счастливую дальнѣйшую исторію ея.

С. Р—тъ.

ИЗЪ
ПАРИЖСКИХЪ СКИТАНІЙ

ОЧЕРКИ.

I.

Всѣ собрались у меня, потому что моя мансардная комнатка подъ мшистою черепичною крышей стариннаго дома въ улицѣ Сенъ-Жака была просторнѣе другихъ.

Филибертъ Готьé праздновалъ свое возведеніе въ редакторы юной партійной газетки „Разсвѣтъ“ [1]). Гостями были: старикъ Мирбель—учитель рисованія, нажившій органическую особенность коситься вбокъ, точно рьяная пристяжная, потому что въ петличкѣ у него была фіолетовая ленточка; начинающій поэтъ Редаръ, проводившій ночи въ погонѣ за риѳмами, а дни—въ безплодныхъ набѣгахъ на редакціи; мѣстный букинистъ—шарообразный рѐге-Ламбéръ, имѣвшій надъ полукруглою дверью своей подвальной норки широковѣщательную вывѣску: „Librairie Universelle“, безбожно отсчитывавшій „мансардѣ“ въ черные дни по десяти су за пятифранковыя изданія и теперь, ко всеобщему конфузу, явившійся во фракѣ, цилиндрѣ и перчаткахъ цвѣта варенаго рака...

[1]) Парижскія газеты имѣютъ обыкновеніе облекать званіемъ редактора каждаго болѣе или менѣе постояннаго сотрудника. De jure такой редакторъ считается какъ бы вѣдающимъ извѣстный отдѣлъ газеты или опредѣленный предметъ, а de facto пользуется только правомъ выставлять свое редакторское званіе на визитныхъ карточкахъ, не вмѣшиваясь ни во что редакціонное.

Все смотрѣло по праздничному. Близившееся къ полудню, ласковое майское солнце заливало яркимъ свѣтомъ восточную окраину Парижа и Латинскій-кварталъ, било искоса въ единственное окно, подъ которымъ разстилалась широкая верхушка столѣтняго вяза—единственнаго остатка отъ бывшаго когда-то сада, золотило на столѣ, накрытомъ чистенькою скатертью, добытую практическимъ Мирбелемъ и изжаренную въ булочной курицу на глиняномъ прòтивнѣ, доставленную изъ сосѣдней съѣстной лавочки, рыбу-соль, запеченную въ тѣстѣ, литръ франковаго фіолетоваго вина, салатникъ, полный нѣжнѣйшаго латука, и т. п.

Еще праздничнѣе смотрѣла mademoiselle Тереза,—дочь лавочницы, явившаяся для услугъ,—въ сафьяновыхъ бронзированныхъ туфелькахъ, узорныхъ чулочкахъ и съ чайною розой у корсажа...

Самъ виновникъ торжества,—видный мужчина, съ добрыми карими глазами, съ закинутыми назадъ густыми космами волосъ, открывавшими умный, красивый лобъ, и съ привычною наивною полуулыбкой на крупныхъ румяныхъ губахъ, — прохаживался по комнатѣ, занимая неумѣло гостей и краснѣя безъ всякой причины...

— Дама спрашиваетъ васъ... — сообщила мнѣ вполголоса Тереза, вошедшая съ графиномъ холодной воды.

— Быть не можетъ! — усомнился я, не ожидая такого визита.

Тереза плутовски улыбнулась, хваля мысленно мою скромность въ столь щекотливыхъ дѣлахъ, и прибавила совсѣмъ уже тихо:

— Она тамъ, за дверью...

Я вышелъ.

Предо мною, въ полусумракѣ корридора, вырисовалась стройная фигура женщины подъ длинною вуалью. Она шагнула ко мнѣ и заговорила сдержаннымъ, но неспокойнымъ голосомъ:

— Вы не хотите... вы сердитесь... Ну вотъ и, сама...

Она уже протянула мнѣ узенькую ручку въ перчаткѣ, но, вглядѣвшись, отступила и сказала, принимая оффиціальный тонъ:

— Извините... Я хотѣла... Мнѣ надобно видѣть monsieur Готьé... Вѣдь онъ дома? это его голосъ?

Я тоже извинился и поспѣшилъ вызвать Готьé.

Столъ выдвинутъ былъ на средину. Толстякъ Ламберъ, сбросившій фракъ и оставшійся въ чистѣйшей колеркоровой ру-

башкѣ, искусно разрѣзалъ курицу, точа ножъ объ полъ изъ красной лещадки квадратиками (carreau) и разсыпая всякія прибаутки; Тереза на славу изготовила салатъ и старательно оскоблила клинушекъ зрѣлаго, пахучаго бри,—а Готьé все не возвращался. Слышались только шаги его по корридору да раздававшіеся порою сдержанные возгласы.

Онъ вошелъ совсѣмъ растерянный, улыбаясь какъ-то виновато, и не сразу попалъ въ свою колею хозяина...

Филибертъ Готьé представлялъ собою несовсѣмъ обычное для Парижа явленіе. На него смотрѣли съ завистливымъ удивленіемъ и товарищи его по редакціи, и знакомые, и завсегдатаи кафé „Франсуа I“, на бульварѣ Сенъ-Мишель, гдѣ имѣлъ онъ свои дѣловыя свиданія. Его мѣшковатость, вѣчная наивная полуулыбка, точно нечаянно ронявшіяся, прямыя, твердыя мнѣнія, естественное, казавшееся даже какъ бы предпамѣреннымъ, небреженіе всѣмъ, на чемъ зиждется тонкая политичность парижанъ и что̀ составляетъ все замѣняющій общественный „лоскъ“,—все это приводило въ смущеніе и редактора, и парламентскихъ вожаковъ партіи, но и они, хотя и съ видомъ шутливаго панибратства, протягивали ему руки... Провинціалъ, безъ высшаго образованія, безъ связей, безъ франка въ карманѣ,—онъ въ какой-нибудь годъ завоевалъ себѣ званіе „редактора“, двѣсти франковъ въ мѣсяцъ опредѣленнаго заработка и вниманіе тѣхъ, на одинъ только подступъ къ кому не всегда находится протекція... Къ нему подбирался и осторожный père-Ламберъ, цѣнившій обыкновенно всякій авторскій трудъ лишь въ томикахъ по случаю, а тутъ онъ бывалъ не прочь оцѣнить и рукопись...

Отецъ Филиберта Готьé былъ сборщикомъ пошлинъ въ одномъ изъ городковъ Бретани и умеръ давнымъ-давно. Всѣ говорили, что онъ оставилъ недурное состояніе, но вдова, Бригитта Готьé, выказывала совсѣмъ противное. Правда, она держала въ образцовомъ порядкѣ свой домикъ, съ садикомъ въ квадратную сажень, гдѣ каждый кустикъ и цвѣтокъ были какъ на картинкѣ, щеголяла цѣлой стѣной сверкавшихъ мѣдныхъ кострюль въ кухнѣ, но занималась этимъ самолично, при помощи подроставшихъ дѣтей: Филиберта, Жюля и дочери, Маргариты, а въ сверкавшихъ кострюляхъ готовила лишь супъ изъ пырея да зелени изъ собственнаго огородика... Какъ истинная француженка-скопидомка, имѣющая второю религіей законъ накопленія богатствъ, она извлекала пользу изъ хлѣбныхъ крошекъ, изъ старья и

лоскутковъ, рѣдко точила ножи—чтобы не истачивать ихъ, и даже вату для своихъ ушей имѣла сѣренькую, „не màркую“—чтобы ее меньше выходило...

Младшаго сына, Жюля, отличавшагося манерами и французскою бойкостью, Бригитта Готьé пустила въ науку, и онъ дотянулъ до мѣста товарища прокурора въ горной глуши департамента Варъ, гдѣ и застрялъ навсегда. Филибертъ, звавшійся „увальнемъ“, былъ назначенъ въ контористы и получилъ мѣсто въ родномъ городкѣ. Скромный труженикъ, какъ бы созданный для конторки или кабинета, но надѣленный природнымъ даромъ оріентироваться въ самой пестрой цѣпи обстоятельствъ, въ самой сложной путаницѣ взглядовъ и мнѣній, попадая легко и инстинктивно in medias res, онъ, погруженный въ свое дѣло, понималъ въ политикѣ больше, чѣмъ всѣ присяжные читатели парижскихъ газетъ, большихъ и малыхъ... Съ такою же легкостью, заинтересованный всякими горячими вопросами, онъ разрубалъ въ нихъ гордіевы узлы, посылая въ редакціи бойкія, коротенькія замѣтки... Онѣ охотно печатались, а одна изъ редакцій—только-что возникшій „Разсвѣтъ“—отнеслась даже къ автору съ просьбой о сотрудничествѣ, и лишь жалѣла, что дальность разстоянія мѣшаетъ неизбѣжнымъ иногда личнымъ объясненіямъ.

Филибертъ Готьé, не долго думая, покинулъ свою конторку и явился въ Парижъ. Со свойственнымъ ему даромъ, онъ быстро оріентировался и тутъ, оцѣнилъ по достоинству вычурное политиканство парижанъ, ложь мишурнаго блеска, возгласовъ и рѣчей, ложь въ служеніи долгу, сотканному изо лжи... Онъ сохранилъ свой видъ и манеры наивнаго провинціала, а съ ними и манеру не распускать въ своихъ статьяхъ туманную паутину условнаго краснорѣчія, а освѣщать вопросъ ясно и прямо, бить въ центръ... Въ первой же своей статьѣ онъ заявилъ, что установившееся выраженіе „парижанинъ“ наводитъ на глубокія размышленія, превращая Парижъ, не больше какъ городъ Франціи, во что-то особое, какъ бы иностранное; что всякій французъ, покидающій, ради Парижа, родной свой уголокъ и забывающій его, а нерѣдко даже и презирающій, становящійся какимъ-то парижскимъ гражданиномъ, есть жалкій безпочвенникъ,—недостойный, а часто и вредный космополитъ...

Въ видѣ опредѣленной работы, редакція предоставила Готьé разборъ программы противной партіи, выставлявшей какъ реформу улучшеніе положенія провинціальныхъ чиновниковъ, развитіе кредита для мелкихъ собственниковъ—въ обычномъ раз-

счетѣ на ихъ голоса,—и онъ въ цѣломъ рядѣ статей доказалъ, что всѣ такія реформы, приносящія благо страны въ жертву интересамъ того или другого сословія, есть не больше, какъ ветошь; что первая, дѣйствительно насущная реформа должна состоять въ уничтоженіи искусственнаго дѣленія Франціи на департаменты,—дѣленія, давящаго все, мертвящаго общественную жизнь; не отвѣчая никакой дѣйствительной надобности, оно идетъ въ разрѣзъ съ исторіей, даже географіей и смѣшиваетъ въ одно самые разнообразные интересы, не давая простора ни одному,—сказать короче: необходима *„децентрализація“*...

Это было новое слово, смутившее многихъ не въ одной только противной партіи, и если его не подхватили, не возвели на степень шумнаго вопроса, то именно потому, что размахъ былъ слишкомъ смѣлъ и широкъ, захватывалъ слишкомъ многое...

Какъ истинный кельтъ-бретонецъ—страстный, впечатлительный и упрямый,—Филибертъ Готьé весь ушелъ въ свою идею и, работая надъ нею, росъ и формировался самъ...

Мое знакомство съ нимъ, а затѣмъ и близость устроились совсѣмъ просто и неожиданно. Я зналъ, что рядомъ со мною поселился какой-то оригиналъ-журналистъ, слышалъ чрезъ стѣнку, какъ онъ разсуждаетъ по цѣлымъ часамъ самъ съ собою, вскакиваетъ по ночамъ съ кровати, осѣненный, очевидно, какою-то мыслью... Но такъ какъ знакомства вообще въ Парижѣ—скорѣе неизбѣжная тягота, чѣмъ желательное удовольствіе, то и наше было лишь шапочнымъ. Однимъ утромъ Готьé постучался ко мнѣ.

— Вы, кажется, всегда дома?—сказалъ онъ.—Могу я просить васъ передать вотъ эти корректуры, когда пришлютъ за ними изъ типографіи? Я оставилъ объ этомъ записку на двери. Главное, надо объяснить...

И онъ сталъ толковать, что̀ надо объяснить. Уходя, онъ взглянулъ на мое хозяйство и воскликнулъ:

— Ахъ, у васъ керосиновая кухня! Вы позволите мнѣ бифштексъ иногда зажарить на ней? Спиртовая лампочка жжетъ только...

— Сдѣлайте одолженіе.

И онъ въ тотъ же вечеръ явился со сковородкой и ломтикомъ говядины въ бумажкѣ. Отсутствіе стѣснительной французской щепетильности, добрый, изъ самой глубины свѣтившійся взглядъ—располагали къ нему невольно. Мы стали бывать другъ у друга, обѣдать сообща въ моей просторной комнатѣ. Когда прискучивало домашнее сухояденье, мы отправлялись „изучать“

ютящіеся вокругъ центральнаго рынка, своеобразные дешевые ресторанчики.—гдѣ можно быть сытымъ за одинъ франкъ, гдѣ такъ и стоитъ въ воздухѣ букетъ рагу или фритюра (смотря по спеціальности), гдѣ зимою царитъ удушливое тепло, а лѣтомъ бросаютъ „тѣнь“ два-три рододендрона въ кадкахъ, гдѣ странствующія собаки-нищенки трогаютъ лапой по колѣнкѣ, напоминая объ обязанностяхъ къ ближнему, и смиренно удаляются, получивъ подачку или отказъ... По праздникамъ мы навѣщали шумные загородные трактирчики въ Сюрени, Клиши, а не то, ѣхали съ собственною провизіей въ демократическій Венсенскій лѣсъ, гдѣ по воскресеньямъ такъ важно выступаютъ мелкіе парижскіе rentiers, поддерживая лѣвой рукой жену или дочку, а на правой песя сюртукъ...

Иногда, сидя у меня въ комнатѣ и пробѣгая задумчиво газету за газетой, Готьé вдругъ вскипалъ, вскакивалъ и начиналъ метать громы...

— Помилуйте! — воскликнулъ онъ однажды, швырнувъ отъ себя почтенный парижскій органъ.—Для чего вся эта ежедневная громада печатной бумаги?! Чтобы туманить массу да вводить въ заблужденіе корреспондентовъ иностранныхъ газетъ?.. Проводятъ идею, что не жизнь тяжела, а мало энергіи у людей въ борьбѣ съ нею!.. Что такое борьба эта, взваленная на человѣчество? Она вся исчерпывается цѣлесообразнымъ напряженіемъ силъ и способностей, а онѣ такъ уже взвинчены, что безъ эфира да морфія никто не обходится!.. А обманъ, обвѣсъ, обмѣръ, фальсификація, съѣдающія добрую половину этихъ силъ и способностей? Какъ съ ними бороться человѣку?.. Вернулись бы лучше къ „меркуріаліямъ“!.. [1])

Въ другой разъ, когда министерство, какъ выражаются французы, „поскользнулось на апельсинной коркѣ“, я спросилъ у Готьé, только-что вернувшагося изъ палаты, на какой новый составъ можно надѣяться?

— А развѣ это не все равно? — отозвался онъ, переворачивая старательно свой жарившійся бифштексъ.

— Какой вы странный! Какъ же можетъ быть все равно?

Онъ бросилъ вилку и шагнулъ взволнованно по комнатѣ.

— Это одинъ вопросъ у всѣхъ сегодня! Всѣ точно манны небесной ждутъ отъ перемѣны министерства!—заговорилъ онъ.—

---

[1]) Меркуріаліями назывались прежде годичныя рѣчи во французскомъ парламентѣ, въ которыхъ обсуждались злоупотребленія и упущенія въ государственномъ управленіи.

Но развѣ министерство мѣняется когда-нибудь? Мѣняются лица, мѣняются тонъ, пріемы, а вся машина съ тлетворною канцелярскою рутиной остается, какъ и была!... Не все ли равно, кто будетъ подписывать бумаги, плодить налоги, украшать орденами и пристраивать къ теплымъ мѣстечкамъ своихъ родственниковъ и друзей,—оппортунисты, радикалы, орлеанисты?.. Послѣдніе даже окажутся больше на своемъ мѣстѣ... Что общаго могутъ имѣть съ республиканизмомъ централизація, бюрократизмъ, гильотина, монополіи, косвенные мѣстные налоги, внутреннія таможни, кадастръ, мертвящій всю земледѣльческую Францію?..

Празднество наше завершилось поѣздкой въ сосѣдній Кламорскій лѣсъ и обѣдомъ въ деревенскомъ трактирчикѣ.

Было уже за полночь, когда на обратномъ пути мы съ Готьé добрались до бульвара Сенъ-Мишель. Тутъ только еще закипала ночная жизнь. Со стороны Обсерваторіи, послѣ веселаго латинокварталскаго бала въ Бюльé, спускались толпы распѣвавшихъ студентовъ и ихъ подругъ. Угольное студенческое кафе сіяло огнями; предъ нимъ, въ тѣни большихъ темныхъ каштановъ, толпились съ веселымъ гуломъ гризетки, цвѣточницы, торговки традиціонными лакомствами—орѣхами, пряженными аладьями, крошечными вареными улитками... Весь этотъ—также по традиціямъ—какъ бы семейный, не имѣющій ничего общаго съ заурядным разгуломъ, праздничный шумъ подъ кровомъ тихой, мягкой ночи съ едва мерцавшими звѣздочками на темномъ небѣ, невольно радовалъ, манилъ къ себѣ...

— Зайдемте пива выпить,—сказалъ я Готьé, любившему порою коротать тутъ вечера.

— Охъ, нѣтъ! Очень ужъ мы нагулялись сегодня! — отвѣтилъ онъ, встрепенувшись и точно приходя въ себя.

Дома, однако, онъ не скоро легъ спать. А ночью мнѣ было слышно, какъ онъ шаркалъ по стѣнѣ спичкой, закуривая трубку. Едва разсвѣтало, какъ онъ явился уже ко мнѣ, нахмуренный, посасывая трубку...

— Что съ вами? вы нездоровы?—спросилъ я, глядя на его истомленное, осунувшееся лицо.

— Нѣтъ... Спалъ плохо...—отвѣтилъ онъ, приглаживая свои космы и отчаянно пуская предъ собою клубы дыму. — Одинъ проклятый вопросъ не давалъ покоя... Вчера Тереза перепутала—вмѣсто меня, васъ къ дамѣ вызвала... Ну, эта дама... моя невѣста...

Это было такъ неожиданно, что я лишь молча посмотрѣлъ на него.

— А вопросъ,—продолжалъ онъ,—состоялъ въ томъ, быть ли ей моею женой, или нѣтъ?.. И пришлось рѣшить, что *нѣтъ*...

Мнѣ снова оставалось ограничиться молчаніемъ. Готьé потянулъ изъ трубки такъ, что она захрипѣла, и пустилъ самый чудовищный клубъ дыму.

— Судите, правъ ли я... — проговорилъ онъ изъ-за этого облака.

И онъ сталъ разсказывать.

— Дама эта—madame Дюранъ, вдова... Мужъ ея былъ чиновникъ-парижанинъ, насидѣвшій себѣ съ юношества чахотку въ бюро и успѣвшій оставить женѣ лишь самую крошечную ренту... Въ нашемъ городкѣ у нея есть родные, и каникулы она проводила обыкновенно у нихъ, гдѣ мы и подружились... Воздухъ въ Бретани совсѣмъ не такой, какъ въ Парижѣ... Тутъ онъ холодный, непривѣтливый... отъ него каждый прячется въ себя, какъ улитка въ скорлупу... А тамъ, напротивъ, онъ теплый, живительный, заставляющій открываться, сочувствія искать... У насъ, французовъ, какъ вы знаете, бракъ—карьера для мужчины... Стать депутатомъ, схватить на биржѣ шальной милліонъ или жениться выгодно — одно и то же... Я держался совсѣмъ другого взгляда, хотя въ городкѣ невѣсты съ приданымъ были и для меня... Я привязался къ m-me Дюранъ, и она видѣла и знала, что въ привязанности этой не рента ея убогая играетъ для меня роль... Словомъ, мы стали женихъ и невѣста по склонности, а слѣдующими каникулами должны были сдѣлаться мужемъ и женой... Но тою же осенью подоспѣло письмо изъ „Разсвѣта“, и я очутился въ Парижѣ...

Онъ выколотилъ задумчиво трубку о каблукъ башмака, набилъ ее снова, закурилъ и продолжалъ:

— Я и теперь еще мечтатель, фантазёръ, а тогда и совсѣмъ былъ нетронутый родникъ чувствъ, искренности, идеализма... Мнѣ предстояли борьба, холодъ жизни... всѣ сокровища мои были—трудъ да вѣрная подруга въ радостяхъ и горѣ... Вы поймете, что кипѣло во мнѣ, когда я явился къ m-me Дюранъ... Она знала все и встрѣтила меня холодно, чинно...—„Вы знаете, monsieur Готьé,—сказала она:—въ Парижѣ очень, очень трудно пробить себѣ дорогу, особенно тѣмъ, кто думаетъ существовать перомъ, и вы напрасно бросили ваше мѣсто“...—Все долго разсказывать... Свелось къ тому, что вопросъ о свадьбѣ отдалился... Казавшаяся такою теплою, сердечною, привязанность невѣсты

охладѣла... Въ свою очередь, и я сталъ дѣлать лишь рѣдкіе визиты, ограничиваться церемонными знаками вѣжливости... Потомъ, когда имя мое начали подхватывать газеты, когда для меня открылась возможность носить сюртукъ изъ магазина „Лувръ“ и аккуратно покупать къ обѣду бифштексъ, перемѣнилась вдругъ и m-me Дюранъ... Она начала слать мнѣ любезныя записки, упрекать меня въ холодности... А вчера, вотъ, пріѣхала звать на обѣдъ къ себѣ... Онъ на сегодня назначенъ... Но... я не буду на немъ...

Онъ умолкъ, опустивъ голову.

— Можно мнѣ сказать свое мнѣніе?—спросилъ я.

— Для этого я и разговоръ началъ.

— И вы не обидитесь?

— Ни въ какомъ случаѣ.

— Мнѣ кажется, что суть не столько въ обстоятельствахъ, сколько въ вашемъ собственномъ бретонскомъ упрямствѣ...—сказалъ я. — M-me Дюранъ, очевидно, опытнѣе васъ и выказала осторожность предъ неизвѣстностью... Вы же не хотите принять этого во вниманіе, предпочитаете разсуждать, вмѣсто того, чтобы чувствовать... забываете даже свое, французское: avec les femmes il faut pardonner ou ignorer...

Онъ взглянулъ на меня какъ бы съ упрекомъ.

— Я не разсудкомъ пришелъ къ рѣшенію... — возразилъ онъ.—Я перечувствовалъ, пережилъ... Осторожность, вы говорите... Она похвальна, но все ли можно приносить въ жертву ей? И гдѣ ручательство, что съ новою перемѣной счастья не перемѣнится вновь и m-me Дюранъ, не превратится изъ жены и друга въ обманутую надеждами страдалицу?.. Современный строй жизни безпощаденъ... всюду сотни, тысячи жертвъ... Это можетъ напугать и не m-me Дюранъ... я признаю... Но спасеніе отъ этого не въ рентѣ да осторожности, а именно въ честномъ дружескомъ единеніи, въ теплотѣ, искренности отношеній...

Прошло нѣсколько недѣль.

Заходя въ комнату нашей „concièrge“ за письмами, я нерѣдко видѣлъ адресованные Готьé красивенькіе конвертики съ готическою буквой „Д“, почему и заключалъ, что размолвка между женихомъ и невѣстой кончилась счастливо. Спрашивать Готьé о подробностяхъ мнѣ казалось неловкимъ, а самъ онъ не заводилъ рѣчи объ этомъ.

На-дняхъ, едва слышно постучавшись и тутъ же быстро

отворивъ дверь, вошелъ ко мнѣ какой-то мужчина, съ бойкими ястребиными глазами и непріятно-развязными манерами.

— Вы г. Готьé?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Значитъ, я дверью ошибся. Которая его комната?

— Вотъ, рядомъ. Но его дома нѣтъ.

— Можно мнѣ подождать у васъ?

Онъ рѣшительно не понравился мнѣ, и я сказалъ, что долженъ заниматься.

— О, я не помѣшаю вамъ!—отвѣтилъ незнакомецъ, пододвигая себѣ стулъ.

— Очень можетъ быть. Но всякому желательно находиться у себя,—замѣтилъ я.

Онъ вышелъ, не сказавъ мнѣ ни слова, и сталъ прохаживаться по корридору. Вскорѣ послышались еще чьи-то шаги. Дверь Готьé отпирали. Я вышелъ, надѣясь встрѣтить его, но наткнулся на совсѣмъ неожиданное: дверь была отворена; незнакомецъ и съ нимъ еще другой мужчина, постарше, складывали со стола бумаги въ мѣшокъ, выдвигали ящики...

Незнакомецъ постарше нымыгнулъ одна о другую ладонями, стирая съ нихъ пыль, и обратился ко мнѣ.

— Я полицейскій агентъ... Филибертъ Готьé часто не ночуетъ дома? Есть у него возлюбленная? Ссорятся они?.. — выговорилъ онъ сразу, точно по программѣ.

Я отозвался незнаніемъ, потому что дѣйствительно не зналъ за нимъ ничего подобнаго.

— Вы не можете не знать, — возразилъ незнакомецъ, — и должны говорить правду въ интересахъ правосудія.

— Это и сдѣлалъ я...

Онъ хотѣлъ сказать еще что-то, но отвернулся и съ трескомъ отперъ отмычкой шифоньерку.

Я вернулся къ себѣ. Первою моею мыслью было, что интриги противной партіи припутали къ чему-то Готьé. Судя по времени, онъ могъ находиться еще въ редакціи, и я рѣшилъ отправиться туда, предупредить его о сдѣланномъ обыскѣ. Когда за управившимися незнакомцами хлопнула дверь подъѣзда, я тоже вышелъ.

На троттуарѣ, треща точно раззадоренная канарейка, стояла наша „concièrge", окруженная товарками изъ сосѣднихъ домовъ.

— Monsieur Готьé арестовали!—крикнула она мнѣ.

— Какъ? Когда?!

— Съ часъ тому назадъ. Съ самаго утра сыщики у меня

въ ложѣ сидѣли. Какъ только показался онъ, такъ его взяли и отвезли къ полицейскому коммиссару...

— За что же аресто́вали?

— Да развѣ скажутъ *они*!

Поздно вечеромъ дверь моей комнаты распахнулась, и на порогѣ показался Готье́—блѣдный, какъ смерть, едва держащійся на ногахъ. Онъ молча опустился на диванчикъ и закрылъ руками лицо.

— Дать вамъ воды?—сказалъ я, подходя.

Онъ отнялъ руки отъ лица и проговорилъ, вмѣсто отвѣта:

— Madame Дюранъ умерла...

Мнѣ смутно почудилась связь этой вѣсти съ случившимся, но я не могъ разобраться въ мысляхъ, и лишь сказалъ:

— У васъ обыскъ былъ. Вы знаете?

— Какже... да... Я—убійца ея...

У меня руки опустились.

— Нравственный, если не физическій... Такъ, по крайней мѣрѣ, сочли меня...—добавилъ онъ.

— Какимъ образомъ?!

— Нашли ее мертвою въ постели... отравившеюся... На мое имя письмо оказалось—темное, неясное, только и позволяющее понять, что я—причина смерти... Слѣдователь убѣдился, кажется, что тутъ драма, а не преступленіе, и вотъ... отпустилъ меня... Но не все ли равно? Страшны не судъ, не тюремныя невзгоды... страшенъ вопросъ...

Онъ не кончилъ и снова закрылъ руками лицо.

— Я не знаю,—сказалъ онъ потомъ, вскинувъ вдругъ голову,—не могу въ душѣ, въ совѣсти опредѣлить ясно: привязанность ли ко мнѣ причиною тутъ, или другое... чего женщина не переноситъ, не прощаетъ никому: отвергнутая любовь, оскорбленное самолюбіе?..

Потянулось слѣдствіе. Готье́ то-и-дѣло требовали на допросы, на очныя ставки. Ночи проводилъ онъ въ какомъ-то горячечномъ бреду, наполняя мансарду мучительными стонами, криками...

Спустя мѣсяцъ, слѣдствіе кончилось, и Готье́ освободили отъ всякаго подозрѣнія. Изъ Латинскаго-квартала онъ перебрался на другую сторону Сены.

Мелькнулъ годъ, за нимъ—другой... Толстякъ père-Ламберъ расторговался, примкнулъ къ аристократіи букинистовъ Сенъ-Жерменскаго рынка и привольно раскинулъ свой товаръ на парапетѣ набережной Сены; старикъ Мирбель, много лѣтъ спасавшійся настоемъ ромашки отъ всевозможныхъ недуговъ, не выдержалъ и переселился на ближайшее, Монпарнасское, кладбище; поэтъ Редаръ, доведенный холодностью редакцій до совершеннаго авторскаго изступленія, умудрился выпустить на какія-то средства брошюрку, объявлявшую (не безъ основанія), что такъ превозносимыя красоты французской лиры есть только шумный звонъ (musique tintamaresque), и канулъ вмѣстѣ съ нею въ лету... Филиберта Готьé я совсѣмъ потерялъ изъ виду.

Въ одинъ пасмурный ноябрьскій день мнѣ случилось попасть въ Монмартрское предмѣстье—это историческое гнѣздо парижской прессы всѣхъ цвѣтовъ, фокусъ политики, пріютъ литературной богемы... Мнѣ надо было видѣть редактора одной газеты, къ которому имѣлъ я письмо отъ его друга-пріятеля, начинавшееся къ тому же словомъ: „Citoyen"...

По всей неопрятной деревянной лѣстницѣ, когда я отворилъ изнывшую, мокрую дверь подъѣзда, полулежали на ступенькахъ репортеры, случайные сотрудники, новички, ждавшіе каждый чего-нибудь изъ редакторскаго святилища... Наверху, у стѣнки, точно сторожа это покоившееся людское стадо, стоялъ, сложивъ руки по-наполеоновски, портьé въ фантастической истасканной ливреѣ. Я сталъ подниматься, пробираясь осторожно среди встрѣчавшихся рукъ, ногъ, головъ,—на одну, съ перепутанными сѣдоватыми космами, бывшую совсѣмъ на дорогѣ, я чуть-было не наступилъ.

Редакторъ принялъ меня немедленно. Дѣло касалось вопроса, поднятаго когда-то газетой и теперь забытаго, какъ забывается все, миновавшее свою стадію. Онъ, однако, припомнилъ, что могъ, разыскалъ даже нѣкоторые документы, а за остальнымъ адресовалъ меня къ сотруднику, черкнувъ на бланкѣ какія-то кабалистическія, по неразборчивости, слова.

Объ адресѣ сотрудника слѣдовало справиться у портьé, но онъ только улыбнулся при этомъ и посовѣтовалъ мнѣ отправиться въ кафé „Свиданіе журналистовъ" (въ концѣ предмѣстья), гдѣ сотрудникъ „пьетъ свой абсэнтъ"...

Въ кафе, изъ самыхъ простенькихъ, усатый расторопный хозяинъ указалъ мнѣ столикъ, за которымъ сотрудникъ пишетъ обыкновенно свои статьи, но при этомъ замѣтилъ, что едва-ли явится онъ сегодня, такъ какъ окончилъ статью вчера. Я спро-

силъ себѣ кофе и сталъ присматриваться къ публикѣ. Она вся состояла изъ газетнаго люда. Одни писали, отхлебывая поминутно абсэнтъ изъ высокихъ стакановъ; другіе волновались и спорили... Противъ меня, спиною ко мнѣ, сидѣлъ человѣкъ, на голову котораго я наступилъ-было на лѣстницѣ: я узналъ его по оригинальнымъ сѣдоватымъ лохмамъ волосъ. Онъ бесѣдовалъ съ какою-то личностью, имѣвшею видъ просителя.

— Да это совсѣмъ не та дверь!—нетерпѣливо воскликнулъ онъ, тряхнувъ лохмами.

Эти слова проливали свѣтъ на всю бесѣду и на самую личность говорившаго. Онъ, очевидно, принадлежалъ къ толкущимся въ предмѣстьѣ составителямъ бойкихъ замаскированныхъ рекламъ, ловкихъ объясненій, возраженій, для нуждающихся въ этомъ... Газеты берутъ за такія „сторонніи сообщенія“ десятки франковъ за строчку, отсчитывая сотруднику-доставителю копѣечный авторскій гонораръ, и, ради соблюденія редакціоннаго декорума, оперируютъ дѣйствительно черезъ „другую дверь“ въ конторѣ... Въ то же время, прозвучавшая въ хрипломъ, надорванномъ голосѣ какъ бы знакомая нотка напомнила мнѣ о чемъ-то... Я всталъ, взялъ съ сосѣдняго столика освободившуюся газету и взглянулъ въ лицо говорившему: предо мною былъ обрюзгшій и совсѣмъ неестественно состарѣвшійся Филибертъ Готьé.

— Monsieur Готьé! Вы ли это?—невольно вырвалось у меня.

Онъ отшатнулся на спинку стула, держа руки ладонями на столѣ, и пристально посмотрѣлъ на меня мутными, нездоровыми глазами.

— Боже мой! Какъ я радъ... какъ я радъ!..—проговорилъ онъ, откинувъ торопливо космы и сжимая мою руку обѣими руками.

Распростившись съ своимъ собесѣдникомъ, Готьé перешелъ со мною за столикъ въ уголкѣ и не безъ важности потребовалъ бутылку „запечатаннаго“ вина.

Отрепанное пальто съ когда-то бархатнымъ, совсѣмъ вытертымъ воротникомъ, дешевенькое кашнѐ, прикрывавшее, повидимому, отсутствіе бѣлья, показывали, что обстоятельства Готьé перемѣнились не къ лучшему... Перемѣнился онъ и самъ: характерно-мутный взглядъ, дрожавшія руки говорили о пристрастіи къ абсэнту; въ движеніяхъ, манерахъ виднѣлась какая-то неувѣренность, плохо-скрываемая подъ напускною развязностью парижанина.

— Какъ дѣла ваши?—спросилъ я, чтобы сказать что-нибудь.

— Сотрудничаю, какъ и прежде.

— Все тамъ же?

— Гдѣ?—проговорилъ онъ, наморщивъ вдумчиво брови.

— Въ „Разсвѣтѣ"?

— Ахъ, да!.. Нѣтъ... Съ нимъ давно покончено... тогда же, послѣ этой несчастной исторіи... Я былъ оклеветанъ, осрамленъ... Противная партія выставила меня не только нравственнымъ убійцей, но „сутэнеромъ" самымъ грязнымъ... Объявила, что я обобралъ *богачку* Дюранъ, довелъ ее до самоубійства... подтасовала каждое слово въ показаніяхъ монхъ... письмо покойницы жирнымъ шрифтомъ отпечатала на первой страницѣ...

— Но развѣ дѣло доходило до суда? Вѣдь оно у слѣдователя закончилось?—замѣтилъ я.

— Вы думаете, магистратура, почта, банкъ какой-нибудь далеки отъ партійныхъ интригъ?—грустно улыбнулся Готьé.— Стоитъ случаю на іоту какую-нибудь коснуться того, что пользуется силой въ данный моментъ, и нигдѣ никакихъ секретовъ не окажется: слѣдователь, судьи должны будутъ принять программу дѣйствій, списокъ правыхъ и виновныхъ лицъ—или выйти въ отставку.

— Положимъ... Но какое вліяніе могла имѣть клевета противной партіи на ваши отношенія къ редакціи? Вы вынуждены были бороться.

— Да, пока требовалось... Всякій вопросъ, всякая борьба интересуютъ каждую редакцію лишь постольку, поскольку пригодны они для главной цѣли... Мое дѣло было сдѣлано, программа противниковъ провалилась, и клевету обратили въ личный предлогъ бросить меня, какъ выжатый лимонъ... Ну, да что объ этомъ!..—махнулъ онъ рукой.—Все это мишура, калейдоскопъ... милліоны мгновенныхъ, безслѣдныхъ комбинацій!.. Жизнь въ томъ и состоитъ, чтобы не задерживаться на нихъ, спѣшить къ новымъ и къ новымъ... Есть другое—что не повторяется, чего не забудешь, не замѣнишь ничѣмъ...

Онъ, морщась, опорожнилъ стаканъ, обвелъ безучастнымъ взглядомъ шумѣвшую вокругъ публику и облокотился на столикъ, приблизивъ ко мнѣ дергавшееся судорожно лицо.

— Я любилъ ее...—заговорилъ онъ,—люблю до этой минуты... первою, единственною любовью и... понимаю теперь... Да, теперь только!.. Кто-то сказалъ о Парижѣ, что это—рай чертей и адъ ангеловъ... Я скажу другое: это—пустыня съ трехмилліоннымъ безлюдьемъ!.. Надо родиться въ этой пустынѣ, пройти ее, какъ прошла *она*, вытерпѣть злость стихій, мертви-

щій холодъ душевнаго сиротства,—и тогда рента станетъ Богомъ, осторожность—нравственнымъ кодексомъ!.. Вы понимаете меня? Да... товарищъ?!..

Онъ крѣпко сжалъ мою руку на холодномъ мраморномъ столикѣ. Въ глазахъ у него, сквозь ихъ добрый тусклый блескъ, мелькнуло что-то, болѣзненно-блѣдныя губы дрогнули... Но онъ пріосанился, откинулъ космы и принялъ равнодушный видъ.

— Пора мнѣ!—сказалъ онъ, постучавъ по столику двухфранковою монеткой.

Я хотѣлъ заплатить. Онъ остановилъ меня рѣшительнымъ жестомъ любезнаго парижанина, прибавивъ обычное: „Въ слѣдующій разъ“.

— Когда же мы увидимся?—спросилъ я.

— О, я навѣщу васъ! Непремѣнно!

Солнце клонилось уже за зубчатую вершину Монъ-Валеріана, едва отражая на сгущавшемся сумракѣ слабый румянецъ. На большихъ бульварахъ закипало вечернее движеніе. Вспыхивали яркимъ свѣтомъ электрическіе фонари, стлались легкія, прозрачныя тѣни, надрывались разносчики вечернихъ газетъ; за столиками предъ кафе росло море шляпокъ и шляпъ. Готьé, надвинувъ на самыя брови свой старенькій, помятый цилиндръ и запустивъ глубоко руки въ карманы пальто, шелъ, погруженный въ думы. Въ концѣ Монмартрскаго бульвара онъ молча пожалъ мнѣ руку и исчезъ въ одной изъ темныхъ, узенькихъ улицъ.

Больше мы не встрѣчались.

II.

Въ дверь моей комнаты раздался стукъ.

— Войдите!—крикнулъ я, отрываясь отъ только-что начатой утренней газетки.

Но никто не вошелъ. Я отворилъ дверь. Въ корридорѣ, кутаясь заученнымъ пріемомъ въ модный, несовсѣмъ приличнаго фасона манто, стояла молодая дѣвица, жившая чрезъ комнату отъ меня—моя соотечественница.

Принадлежа къ новому типу нашихъ за границей, она не столько училась, сколько старалась выигрывать всячески во мнѣніи профессоровъ, отличалась въ обращеніи самой безпощадной нецеремонностью и имѣла—если такъ можно выразиться—вывѣтрившійся внутренній міръ, основою въ которомъ была какая-

то безпричинная притаенность. При обуревавшемъ ее неудачномъ стремленіи казаться француженкой, она фатально улавливала, для подражанія, лишь образъ кокотки, въ чемъ новымъ шагомъ было эксцентричное манто, пріобрѣтенное въ одномъ изъ базаровъ Латинскаго-квартала.

Я освѣдомился, чѣмъ могу служить ей.

— Хотите помѣняться комнатою со мной?—сказала она, стягивая манто въ тальѣ и выпрямляя бюстъ.

— Чѣмъ такъ прельстила васъ моя комната, которую вы не видѣли даже?—спросилъ я.

— Это все равно!.. Мнѣ черезъ стѣнку всякіе разговоры приходится слушать.

— Какіе разговоры?

— Вотъ еще! Стану я повторять!

— Кто же такой вашъ сосѣдъ?

— Какая-то мастерица съ своимъ возлюбленнымъ.

Я согласился на мѣну, потому что всѣ квартирки въ коридорѣ поднебеснаго шестого этажа, такъ-называемыя „комната съ кухней", были совершенно одинаковы, выходили на одну и ту же коротенькую, тихую улочку Lhomond, за Пантеономъ, даже обои имѣли одинаковые.

— Вы только сегодня же, непремѣнно, очистите вашу комнату!—уже тономъ хозяйки распорядилась она.

Я обѣщалъ и это.

Въ тотъ же вечеръ, какъ только затворилась дверь за возвратившеюся новою сосѣдкой моей, я услышалъ:

— Здравствуй, милочка, здравствуй!.. Ты скучалъ безъ меня? Да?..

Голосокъ былъ звонкій и мелодичный, позволявшій заключать о недурной наружности сосѣдки и нѣжномъ, привязчивомъ сердцѣ. „Возлюбленный", напротивъ, обрисовался предо мною какъ грубый, зачерствѣлый эгоистъ, потому что въ отвѣтъ на заискивающую ласковость сосѣдки я не услышалъ ни слова.

Утромъ, когда доносившійся отдаленный бой часовъ на колокольнѣ въ улицѣ Сенъ-Жака возвѣстилъ шесть, а въ окно смотрѣла еще осенняя, едва поблѣднѣвшая ночь, до меня донеслось нѣжное пропаніе сосѣдки, совѣтовавшей не скучать, быть умникомъ, на что молчаливый возлюбленный также не отвѣтилъ ни слова. Онъ проспалъ, повидимому, и весь день, такъ какъ не выдалъ даже шорохомъ своего присутствія.

Начавшіяся вскорѣ занятія мои въ библіотекѣ св. Женевьевы

и обѣды внѣ дома отвлекли меня отъ дальнѣйшихъ наблюденій. Такъ протянулось съ недѣлю. Возвратившись однажды уже поздно вечеромъ, я былъ окликнутъ внизу вдовой Морò.

Дама лѣтъ пятидесяти, тучная не въ примѣръ даже самымъ благополучнымъ вдовамъ и съ почти мужскою бородкой, m-me Морò только снисходила къ своему званію, такъ какъ, по ея словамъ, была вдовой „почти чиновника“ и не получила пенсіонной табачной лавочки отъ правительства лишь потому, что съ внезапнымъ паденіемъ министерства не успѣло оформиться распоряженіе. Она ждала этого оформленія отъ каждаго новаго министра финансовъ, а пока прикрывала чернымъ стекляруснымъ токомъ верхушку жиденькой прически, носила пенснэ на румяномъ кончикѣ носа и вела знакомство съ людьми, стоявшими не ниже положенія кучера или нянюшки... Сидя теперь въ креслѣ передъ окошечкомъ своей ложи, она съ медлительною важностью выдвинула изъ него оставленную мнѣ связку книгъ.

— А это... — сказала она, прижимая къ своей красной, пышной щекѣ нѣсколько конвертиковъ, — это... Но я ужъ не знаю, просить ли васъ?..

— Что такое?

— Только-что получила съ послѣднею почтой письма въ вашъ этажъ... Но, вѣрите ли, двинуться не могу... Ноги какъ деревянныя... спину разломило совсѣмъ...

Подобные недуги случались съ вдовою Моро неизмѣнно при каждой необходимости подниматься наверхъ, особенно же по субботамъ, когда слѣдовало чистить и натирать лѣстницу. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ выручала ее поденщица, а въ остальныхъ—покорность невзыскательныхъ жильцовъ...

— Напьюсь сейчасъ декокту и укутаюсь въ постели, — заключила вдова жалобнымъ голосомъ.

Доносившійся изъ ложи пріятный запахъ жарившихся бараньихъ котлетъ и виднѣвшійся на столѣ полный литръ вина свидѣтельствовали о совершенно другихъ намѣреніяхъ, но я покорился и взялся доставить письма.

Два-три письма, въ томъ числѣ и моей соотечественницѣ, я подсунулъ, какъ водится, подъ дверь, но одно заставило меня призадуматься: оно было адресовано Жаннѣ Дэвò, а рукописная карточка съ этимъ именемъ находилась на двери сосѣдки... Я рѣшилъ передать его лично.

Не дойдя еще до двери, я услышалъ уже голосокъ—на этотъ разъ строгій:

— Ахъ ты, дрянной! Говорятъ тебѣ, сиди смирно!

Я постучалъ.

— Entrez! — отвѣтилъ голосокъ.

Я вступилъ въ комнату, съ чистенькими занавѣсками на единственномъ окнѣ и съ корзинкой простенькихъ цвѣтовъ предъ нимъ. Налѣво, на столикѣ, горѣла керосиновая лампочка съ краснымъ самодѣльнымъ абажуромъ изъ папиросной бумаги, разливавшимъ таинственный полусвѣтъ; направо, у стѣны, стояла узенькая, точно дѣтская, желѣзная кровать подъ бѣлымъ вязанымъ покрываломъ. Меня встрѣтила дѣвушка—тоненькая, нѣжная, въ голубой шерстяной юбкѣ и домашней гофрированной кофточкѣ. Она была одна... по крайней мѣрѣ, я не видѣлъ никого больше...

Я отрекомендовался какъ сосѣдъ и передалъ ей письмо. Она сконфуженно поблагодарила меня и сказала шутливо:

— М-lle Моро опять больна? Бѣдная! Какъ она не похудѣетъ!..

Она засмѣялась, потомъ сдвинула вдумчиво тонкія бровки, взглянула на адресъ и съ недовольною миной бросила письмо на столикъ. Что-то живое, неугомонное кипѣло въ ней, несмотря на почти болѣзненную хрупкость маленькаго организма; впечатлѣнія, отвѣчая каждой мысли, такъ и скользили по ея блѣдному, необыкновенно миловидному личику.

— Это хозяйка пишетъ, — сказала она сумрачно: — вчера и сегодня я на работѣ не была... Я не могу, я устала совсѣмъ...

Она произнесла послѣднюю фразу какъ бы готовясь расплакаться, но тутъ же расцвѣла улыбкой и подвинула мнѣ соломенный стульчикъ.

— У васъ трудная работа? — спросилъ я.

Она съ комическою важностью надула губки, развела руками, не зная, что̀ отвѣтить.

— Вотъ моя работа,—указала она на бѣлый узорный кружочекъ подъ лампочкой.

Я принялъ его за вязанье, но, вглядѣвшись, увидѣлъ, что онъ—изъ бумаги.

— Какъ же вы это дѣлаете?

— Узоры есть—подушки такія изъ олова... На нихъ кладется бумага и надо бить деревянными молоточками... Вотъ такъ, вотъ такъ!..

Она показала кулачками на столѣ, какъ надо бить молоточками, и продолжала:

— Это для кондитерскихъ, конфеты въ коробкахъ покрывать, и надо очень хорошо дѣлать, чтобы каждый цвѣточекъ вырубился...

— И на сколько въ день можно сработать?

— О, франка на полтора, больше не сдѣлаешь въ день!.. За сотню только 50 сант. платятъ... И работать не трудно, когда привыкнешь, только руки не свои точно становятся потомъ и голова совсѣмъ, совсѣмъ пустая дѣлается... Ахъ, отстань! — почти крикнула она.

Я съ недоумѣніемъ обвелъ глазами комнату.

— Это я дружку моему,—сказала Жанна.—Онъ тутъ, на плечѣ, и за шею щиплетъ меня, противный!.. Пожалуйте сюда!— прибавила она, вытянувъ тоненькую, худую ручку.

Изъ-подъ шелковистыхъ каштановыхъ локоновъ выпорхнулъ чижикъ и сѣлъ, охорашиваясь, около кисти руки.

— Довольны теперь, что съ вами, а не съ другимъ говорятъ? — обратилась къ нему хозяйка.

Чижикъ пріятно пискнулъ.

— Онъ удивительно умный: каждое слово мое понимаетъ... Всегда у двери ждетъ меня... сейчасъ на плечо, раздѣться не дастъ...—стала разсказывать Жанна.—И онъ никого не боится... Вотъ, троньте его...

Я тронулъ. Чижикъ распустилъ отъ удовольствія крылышки и склонилъ на бокъ головку, уставивъ на меня бисерный глазокъ.

— Онъ различаетъ, грустна я или весела... — продолжала, воодушевляясь, Жанна.—Смотрите...

Она сдѣлала видъ, что плачетъ,—чижикъ запорхалъ предъ лицомъ у нея, пища жалобно. Она засмѣялась—онъ клюнулъ ее въ губы—поцѣловалъ...

Жанна занялась съ нимъ, какъ бы совсѣмъ забывъ обо мнѣ, усадила его на цвѣты, стала кормить хлѣбными крошками... Чижикъ пищалъ въ отвѣтъ на ласки... Жанна сіяла, хлопала въ ладоши, приплясывала передъ нимъ...

Я обратилъ вниманіе на обстановку. Изъ-подъ незатѣйливыхъ прикрасъ, созданныхъ любовью къ собственному уголку, смотрѣла вездѣ безотрадная бѣдность... Въ каминѣ не было огня; на стѣнѣ висѣла старенькая лѣтняя кофточка; въ „кухнѣ“, состоявшей изъ аршиннаго кафельнаго очага въ углу, не видѣлось даже сковородки и зеленѣла въ кружкѣ воды неполная головка салата—быть можетъ, единственное блюдо нѣсколькихъ дней... Но какою непреклонною бодростью, какимъ смѣлымъ

вызовомъ суровой судьбѣ звучали писк чижика, дѣтскій смѣхъ Жанны!..

— Какъ я рада, что пѣтъ больше этой сосѣдки-иностранки!— сказала Жанна, когда сталъ я прощаться.

— Почему рады?

— Ахъ, какая она, должно быть, нехорошая женщина!

— Вы ошибаетесь...

— Къ ней мужчины приходили по вечерамъ... — продолжала, не слушая меня, Жанна. — И если бы вы знали, о чемъ она говорила съ ними!.. Ужасно!..

— Она медицину изучаетъ, и къ ней товарищи приходятъ, —объяснилъ я.

Это объяснило ей все, какъ можно было замѣтить по мелькнувшему на лицѣ Жанны выраженію. Но съ вольностью хотя бы и медицинскихъ разговоровъ она все-таки не примирилась и воскликнула, закрывъ руками лицо:

— Ахъ, о чемъ они говорили!

III.

Въ старыхъ кварталахъ Парижа до сего времени существуетъ трогательный обычай скитальцевъ по меблированнымъ компатамъ—оставлять будущему жильцу то, что̀ не надо въ данную минуту. Онъ такъ святъ, что его не нарушаютъ даже жадные содержатели нумеровъ, не всегда чистыя на руку консьержки, и не прикасаются ни къ чему въ комнатѣ, сколько бы она ни пустовала. Помню, какъ мнѣ, суровою зимой и при еще болѣе суровыхъ обстоятельствахъ, достались однажды такимъ образомъ въ наслѣдство—пара теплыхъ носковъ, лампочка, цѣлый мѣшокъ каменнаго угля, всякій скарбъ, не стоющій на видъ ничего, но безцѣнный для поселяющагося...

Теперь въ комнаткѣ крошечнаго отельчика въ улицѣ Buffon, близъ Ботаническаго сада, мнѣ досталось немногое — стѣнной календарь табличкой съ аккуратно отмѣченными днями скачекъ, сносный клеенчатый бюваръ, двѣ-три приколотыя къ стѣнѣ фотографіи каскадныхъ знаменитостей... Во многомъ теперь не было и надобности: въ воздухѣ вѣяло уже смутно-отраднымъ, куда-то влекущимъ запахомъ весны; Ботаническій садъ начиналъ „шептать“, осыпанный, точно пухомъ, яркою молоденькою листвой, и въ немъ истерично заливались птицы... А въ такое время

для парижанина, если его, какъ и волка, „ноги кормятъ“, комната почти роскошь...

Комнаты сосѣднія съ моею пустовали, и потому слѣдующею ночью я не безъ изумленія поднялся на постели, когда за стѣною раздались глухія рыданія... Рыдала, очевидно, женщина... Потомъ она стала ходить по комнатѣ...

Я не могъ больше заснуть. Когда начала закипать жизнь, я одѣлся и вышелъ.

Во дворѣ отельчика, представлявшемъ собою садикъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ чахлыхъ кустиковъ сирени да елокъ въ кадкахъ, хозяйка, вдова Бурдонъ, накачивала изъ насоса воду и заботливо поливала высаженные въ грунтъ около стѣны ноготки и анютины-глазки.

— Когда это успѣли вы отдать комнату? — обратился я къ ней.

— Она всегда была занята,—отвѣтила m-me Бурдонъ, выпрямляя свою коротенькую, шароподобную фигурку и косясь на раскрытыя жалюзи окна.—Только жилица *на дачу* отъѣзжала...— подчеркнула она съ недоброю улыбкой.

— Да? Но вѣдь совсѣмъ холодно еще.

— Изъ *депо* [1]) вчера вечеромъ вернулась... — шепнула m-me Бурдонъ, приставивъ щиткомъ пышную ручку къ красной, толстой щекѣ.

Въ тотъ же день я столкнулся съ сосѣдкой на лѣстницѣ, но она прошла совсѣмъ скорою походкой, опустивъ голову и одернувъ низко густую темную вуалетку, такъ что замѣтить можно было лишь высокій ростъ, при томъ изящно-тонкомъ сложеніи, которое характеризуется у французовъ непереводимымъ выраженіемъ „fausse-maigre“, да плавную, граціозную походку.

Я собрался-было разспросить m-me Бурдонъ подробнѣе о сосѣдкѣ, но передъ вечеромъ она сама постучалась и вошла ко мнѣ.

— Я... Анжелика Герѣнъ,—сказала она, останавливаясь у двери.—Моя комната рядомъ, а въ этой братъ мой жилъ... Я пришла... Я хочу спросить... Остались тутъ письма, карточки фотографическія?..

— Вотъ фотографическія карточки, — указалъ я на пришпиленныя къ стѣнѣ.

---

[1]) Dépôt—мѣсто предварительнаго заключенія, въ зданіи Conciergerie, на набережной L'Horloge.

— Нѣтъ,—отвернулась она, какъ бы съ брезгливостью отъ нихъ.—Семейныя карточки—моя, матери нашей...

— Не знаю... Впрочемъ, въ столѣ много разныхъ бумагъ; я не разбиралъ ихъ.

Она шагнула-было къ столу, но остановилась въ нерѣшительности, повертывая на пальцѣ ключъ отъ комнаты.

— Сдѣлайте одолженіе,—пригласилъ я, подвигая ей стулъ.—Пересмотрите, возьмите, что̀ угодно.

Она элегантно опустилась на стулъ, отодвинула ящикъ и стала выбирать на столъ листки, конверты, прикасаясь осторожно кончиками тонкихъ, красивыхъ пальцевъ, точно боясь пыли... Я смотрѣлъ на ея наклоненную, видиѣвшуюся мнѣ въ профиль, изящную головку съ совсѣмъ скромной, но старательной прической. На видъ, даже и при ея сумрачномъ настроеніи, ей нельзя было дать и двадцати лѣтъ. Мягкія губки, матовая блѣдность лица съ выраженіемъ какой-то нѣжной, тихой покорности, заплаканные большіе, прекрасные глаза,—все говорило объ искренней глубокой печали... Не вязались съ этимъ лишь грязненькіе нумера въ окраинной улицѣ, знакомство—быть можетъ, и не первое—съ „денò"... Но Парижъ богатъ всѣмъ; его неустанное колесо фортуны ежечасно тасуетъ сотни тысячъ существъ, возноси и свергая, расточая слѣпо славу и позоръ, ставя рядомъ порокъ и добродѣтель... послѣднюю даже и ниже порой...

— Вы говорите, вашъ братъ жилъ въ этой комнатѣ?—спросилъ я.

— Oui, monsieur...

Это былъ холодный, вѣжливый отвѣтъ, но онъ показывалъ, что сосѣдка и на общественной лѣстницѣ стоитъ выше окраинной публики. Дальнѣйшіе вопросы были бы уже назойливостью, и я, чтобъ не стѣснять гостью, взялся за газету.

— Вотъ его карточка,—раздался голосъ Анжелики.

Она протянула мнѣ лакированную альбомную карточку. Почти еще безусый юноша былъ разительно похожъ на Анжелику, отличаясь только мужественностью; такъ же прекрасны были глаза, та же тихая покорность видиѣлась въ чертахъ...

— Какое славное лицо!—невольно проговорилъ я.

По блѣднымъ щекамъ Анжелики разлилась краска. Она взглянула на меня довѣрчиво и какъ бы съ признательностью, потомъ отдалила отъ себя карточку брата и долго не сводила съ нея задумчивыхъ глазъ.

— Да, онъ и человѣкъ славный...—сказала она, вздохнувъ. —

Но его погубила игра... эта ужасная, всѣхъ, всѣхъ увлекающая въ Парижѣ игра.. Онъ игралъ на скачкахъ...

Я инстинктивно бросилъ взглядъ на размѣченный календарикъ на стѣнѣ.

— Онъ служилъ тутъ, въ винномъ портѣ, сейчасъ за Ботаническимъ садомъ, почему мы и жили въ этомъ краю.. Собственно мнѣ даже и нельзя было жить здѣсь... Я... (она замялась и снова вспыхнула)... Я была продавщицей въ магазинѣ на большихъ бульварахъ... Но ради брата... да и одной жить все равно было бы неудобно...

— Гдѣ же теперь вашъ братъ?

Въ глазахъ Анжелики мелькнулъ какъ бы испугъ. Она отклонилась на стулѣ и посмотрѣла на меня съ какою-то робкою пытливостью.

Я поспѣшилъ извиниться.

— Нѣтъ... я... Это невольно, и вы простите меня... мнѣ подумалось...—заговорила она, конфузясь совсѣмъ и едва сдерживая слезы.—Я именно не знаю, гдѣ мой братъ, и это сдѣлалось новымъ несчастіемъ для меня... Онъ уѣхалъ почти мѣсяцъ тому назадъ... Мнѣ онъ сказалъ, что отправляется на югъ, по дѣламъ, а въ бюро взялъ отпускъ на родину—въ Гавръ... Оказалось, что онъ проигрался на мартовскихъ скачкахъ въ Отёйлѣ, сдѣлалъ растрату въ бюро... Я узнала объ этомъ только недѣлю тому назадъ, когда меня вызвали къ слѣдователю... Я такъ и сказала на допросѣ, что не знаю, гдѣ мой братъ... Онъ игралъ на скачкахъ, нуждался въ деньгахъ... я отдала ему всѣ свои... Вотъ что я показала... Но мнѣ не повѣрили и... и...

Она закрыла руками лицо, потомъ торопливо достала платокъ и утерла слезы.

— Меня арестовали... да... Я чуть съ ума не сошла...

Искреннее, глубокое страданіе слышалось въ каждомъ ея словѣ. Она поблѣднѣла до мертвенности, сдерживая подступавшія къ горлу спазмы.

— Что-жъ особеннаго въ томъ, что васъ арестовали?—сказалъ я, стараясь утѣшить ее.—Это формальность,—правда, тяжкая, горькая... Но... зачѣмъ же грустить, разъ миновала бѣда?..

— Да, конечно... я понимаю...—отвѣтила Анжелика.—Но я безъ мѣста осталась... опозоренная... Здѣсь хозяйка не знаю чего наговорила посланному, а отъ слѣдователя сыщики были... Изъ Conciergerie я отправилась прямо въ магазинъ, а меня и до бюро не допустили...

— Напишите, объясните, что вы оправданы...

— Все равно... Мѣсто занято, надо другое искать...

Она встала, собравъ бумаги и прижавъ ихъ къ груди. Я, вопреки правиламъ французской вѣжливости, первый протянулъ ей руку: она подала мнѣ свою—холодную, дрожавшую...

Прошло съ мѣсяцъ. Каждое утро, едва начинала просыпаться улица, я слышалъ, какъ Анжелика уходитъ. Возвращалась она къ вечеру и запиралась у себя на ключъ.

Сходя однажды утромъ съ лѣстницы, я бросилъ взглядъ внизъ и увидѣлъ Анжелику: она стояла въ вестибюлѣ, у стѣны, одѣтая совсѣмъ бѣдно, исхудавшая; передъ нею m-me Бурдонъ, съ раздраженно пылавшими щеками, ревизовала небольшой чемоданчикъ, встряхивая и разглядывая на свѣтъ всякія принадлежности женскаго туалета... Я понялъ, что Анжелика не нашла мѣста, что ей отказано, за неплатежъ, отъ комнаты и берется ея имущество, служащее по закону обезпеченіемъ квартирной платы...

Проходя, я поклонился Анжеликѣ, но она не замѣтила этого, какъ, вѣроятно, не замѣчала и всего, совершавшагося передъ нею...

Когда я возвратился, m-me Бурдонъ наслаждалась уже въ креслѣ, у входа, весеннимъ воздухомъ, занятая чтеніемъ кровопролитнаго романа и окруженная всѣмъ своимъ штатомъ—облѣзшею канарейкой въ клѣткѣ, попугаемъ на стойкѣ, жирнымъ, вѣчно неподвижнымъ котомъ у ногъ.

— Съѣхала моя сосѣдка?—началъ я разговоръ.

— Еще бы, когда я congé дала ей!.. [1])—отозвалась m-me Бурдонъ, закрывъ книжечку и заложивъ пальцемъ страницу. — За двѣ недѣли должна осталась!

— Но вѣдь вы обезпечены?

Пышныя щеки m-me Бурдонъ запылали пожаромъ, коротенькія руки нервно стиснули книжечку.

— Обезпечена! —воскликнула она.—Посмотрѣли бы вы, что̀ это за обезпеченіе!.. Тряпки,—старьевщикъ не позарится на нихъ! Все, все перетаскала да попродала!.. только въ юбкѣ да кофточкѣ осталась... Увѣряла, что въ пансіонѣ обѣдаетъ, мѣста съ часу на часъ ждетъ... А вышло, что отказы вездѣ получала, въ Ботаническомъ саду обѣденное время просиживала... Избави Богъ отъ такихъ жильцовъ!

---

[1]) Отказъ отъ квартиры, обязывающій выѣхать къ опредѣленному сроку.

Наступилъ іюнь. Садикъ отельчика, мало-по-малу опушившійся листвой, зеленѣлъ и благоухалъ. М-me Бурдонъ съ своимъ штатомъ и романами переселилась совсѣмъ подъ ближайшій кустикъ сирени и вела тамъ по утрамъ доносившіеся ко мнѣ черезъ окно, горячіе споры съ хлѣбникомъ, молочницей, мясникомъ, любимыя бесѣды съ сосѣдками, разносившими всякія вѣсти и новости...

Однажды послышался мнѣ какъ бы знакомый голосъ. Я подошелъ къ окну: предъ m-me Бурдонъ, чистившей у стола картофель и бросавшей его въ ведерко съ водой, стояла Анжелика, въ простой черной соломенной шляпкѣ съ полинявшими коленкоровыми цвѣтами и какомъ-то отрепанномъ подобіи накидки.

— ...Ну, меня и выписали, какъ выздоравливающую, а я совсѣмъ слаба, ходить почти не могу... — говорила она. — Въ мэріи мнѣ объяснили, что для выздоравливающихъ полагаются особые дома, за городомъ; но гдѣ они и какъ поступить туда, я ни отъ кого не могу добиться...

Картофелина булькнула въ воду. М-me Бурдонъ отерла ножикъ о бѣлый фартукъ, покрывавшій ея круглый животъ, и обратила глаза на говорившую.

— Все это очень печально, моя милая... очень печально...— проговорила она, приподнимая вздохомъ складки ночной кофты на пышной груди.—Но при чемъ, собственно, тутъ я?

— Вы ничего не потеряете, madame... Даю вамъ честное слово!.. Я заплачу за комнату... и за то время, когда не жила, заплачу...

— Чѣмъ же вы заплатите?

— Я мѣсто получу...

— Вы уже давно говорите это...

М-me Бурдонъ взяла со стола другую картофелину, дунула на нее для чего-то, потомъ шмыгнула ею по фартуку, и принялась чистить, спуская умѣло длинную, непрерывную ленточку кожи.

— На нѣсколько дней, madame... нѣсколько дней... пока я поправлюсь немного...—раздался дрогнувшій голосъ Анжелики.

— У меня не отдаются комнаты по днямъ.

— Вѣдь моя, все равно, пустуетъ...

— А къ вечеру можетъ быть занята.

— Боже мой!.. Что же мнѣ дѣлать?

— Идите въ другую больницу.

Все вниманіе m-me Бурдонъ сосредоточилось на картофелинѣ;

губы плотно и рѣшительно сжались. Анжелика постояла, подумала и побрела неровными шагами за ворота.

Въ предмѣстьѣ Сенъ Денй—налѣво, если ѣхать къ Сѣверному вокзалу,—находится огромное мрачное зданіе, окруженное высокою чугунною рѣшеткой и какъ-то зловѣще смотрящее своимъ чернымъ треугольнымъ фронтономъ... Это зданіе—тюрьма Сенъ Лазàръ, такъ называемая „Бастилія женщинъ". Туда же заключаются виновныя и отправляются для пользованія больныя проститутки.

Его населеніе, то-и-дѣло прибывающее и убывающее, никогда не бываетъ меньше тысячи человѣкъ. Каждый день—въ 9 ч. утра и 6 вечера—огромный закрытый фургонъ, запряженный парою мощныхъ, слонообразныхъ першероновъ, въѣзжаетъ за рѣшетку, доставляя новыхъ обитательницъ, а на встрѣчу ему выѣзжаетъ такой же фургонъ съ освобождаемыми.

Тѣ изъ падшихъ, которыя были въ отдѣленіи исправительномъ или призывались только для освидѣтельствованія, выпускаются черезъ особый ходъ. Ихъ обыкновенно встрѣчаютъ являющіеся къ тюремной рѣшеткѣ „друзья", извѣстные вообще подъ именемъ Альфонсовъ или сутэнеровъ,—типичные молодцы въ черныхъ шолковыхъ картузахъ, сдвинутыхъ на затылокъ, и съ неразлучными коротенькими трубками въ зубахъ.

На одну изъ такихъ встрѣчъ наткнулся свѣтлымъ осеннимъ утромъ и я, попавъ въ улицу Сенъ-Денй.

Отъ рѣшетки тюрьмы, черезъ площадку, тянулись парочки—то развязно-веселыя, то сумрачныя, съ недобрымъ огонькомъ въ глазахъ... Одна изъ нихъ обогнала меня. Высокую женщину, въ смятой шолковой юбкѣ цвѣта feuille-morte" и чудовищной шляпѣ съ топырившимся пером, велъ подъ-руку кряжистый, широкоспинный мужчина съ красною шеей и короткими завитками рыжихъ, напомаженныхъ волосъ. Они шли совсѣмъ близко передо мною, такъ что мнѣ чувствовался отвратительный запахъ дешеваго французскаго табаку изъ трубки...

— Пустите!.. Не пойду... не хочу!..—послышался хриплый, удушливый голосъ женщины.

Я взглянулъ на нихъ, и только тутъ замѣтилъ, что мужчина тащитъ женщину за собою, прижавъ къ себѣ локтемъ, точно тисками, ея руку.

Женщина рванулась, но локоть мужчины даже не дрогнулъ, и онъ продолжалъ шагать съ самымъ беззаботнымъ видомъ, бро-

сая лишь ей какія-то отрывочныя фразы да сплевывая въ сторону.

Передъ открытымъ пролетомъ одной дешевой кухмистерской, которыми такъ богата эта узкая и неопрятная улица, мужчина грозно прикрикнулъ на женщину и толкнулъ ее предъ собою туда. Она отскочила въ сторону и прижалась къ стѣнѣ.

Мужчина кинулся къ ней и схватилъ ее за руку. Его темное, точно бронзовое лицо исказилось, глаза загорѣлись, какъ у волка. Стараясь высвободить руку, женщина крикнула:

— Пустите!.. Знать васъ не хочу!

— Что вамъ надо отъ этой дамы? Почему вы пристаете къ ней?—вступился проходившій господинъ.

— Вамъ какое дѣло? Она должна идти со мною,—нагло отвѣтилъ мужчина.

Вокругъ мгновенно образовалась толпа. Съ противоположнаго троттуара двинулись двое полицейскихъ. Мужчина грубо выругался и исчезъ. Женщина растерянно озиралась, потирая руку.

— Что съ вами случилось?—обратился къ ней одинъ изъ полицейскихъ.

— Ничего...—отвѣтила она, стараясь принять бодрый видъ.

— Почему же толпа собралась?

— Я не знаю... я ни въ чемъ невиновата....

— Гдѣ вы живете?

— Я еще не успѣла... я...—начала женщина, вся дрожа.

Полицейскій окинулъ ее быстрымъ, привычнымъ взглядомъ, отстранилъ рукою лѣзшаго впередъ уличнаго мальчишку и двинулся съ своимъ товарищемъ дальше. Толпа такъ же мгновенно растаяла, какъ собралась. Женщина отдѣлилась отъ стѣны, потирая руку, и остановилась—не зная, видимо, въ какую сторону направиться. Я вглядѣлся въ нее. Большіе прекрасные глаза, выраженіе кроткой покорности на печальномъ, увядшемъ лицѣ напомнили мнѣ Анжелику...

— Вы mademoiselle Герѣнъ, если не ошибаюсь?—сказалъ я, подходя къ ней.

Она выпрямилась и внимательно посмотрѣла на меня, отводя медленно рукою прядь волосъ, выбившуюся изъ-подъ шляпы.

— Я не знаю васъ,—проговорила она.

— Вы жили въ улицѣ Buffon... были у меня, за бумагами брата...—напомнилъ я.

Она опустила глаза, подумала и проговорила тихимъ голосомъ:

— Я очень несчастна...

— Несчастныхъ всегда больше, чѣмъ счастливыхъ...—сказалъ я, стараясь быть привѣтливымъ.—Удивительнаго нѣтъ въ этомъ... Вы позволите мнѣ пройти немного съ вами? Вамъ въ какую сторону?

Она смущенно оглянулась, потерла снова руку и молча повернула въ коротенькій проходъ „Désir", ведущій къ бульвару Маджента.

На бульварѣ мнѣ попалась на глаза небольшая, чистенькая rôtisserie. Мнѣ нравился этотъ приличный типъ парижскихъ закусочныхъ—съ простотой обстановки, правильными цѣнами, съ пылающимъ тутъ же опрятнымъ очагомъ...

— Зайдемте,—обратился я къ Анжеликѣ.—Скоро уже полдень, мы позавтракаемъ, поговоримъ.

Блѣдное лицо ея зардѣлось. Она встряхнула свою неказистую юбку, натянула потуже старенькія шолковыя перчатки и—какъ требуютъ этого приличія при входѣ дамы въ публичное мѣсто—взяла меня подъ-руку, принявъ тотъ степенный видъ, который зовется у французовъ: matrimonial.

Мы помѣстились наверху, въ одной изъ уютныхъ загородочекъ съ узорными матовыми стеклами, клеенчатыми скамьями и бѣлымъ мраморнымъ столикомъ. За 75 сант. намъ приготовили яичницу съ зеленью, дали за 1 фр. свѣжую рыбку подъ соусомъ и за такую же цѣну изжарили осьмушку жирнаго осенняго гуся.

Играя, по обычаю, роль хозяйки, Анжелика, съ умѣньемъ и веселостью истинной парижанки, распоряжалась за столикомъ, наливала вино, готовила салатъ... Ея оживившееся истомленное лицо рдѣло яркимъ на скулахъ, нехорошимъ румянцемъ, глаза лихорадочно искрились... Неожиданная смѣна впечатлѣній, видимо, волновала ее, и она какъ бы торопилась разсѣяться, упиться хотя бы минутнымъ забвеніемъ того, что̀ ждало ее за порогомъ уютной загородочки...

— А что̀ сталось съ вашимъ братомъ?—спросилъ я, когда подали намъ кофе.

Лицо Анжелики снова отуманилось.

— Я ничего не слыхала о немъ,—отвѣтила она.—Я... мои обстоятельства такъ сложились, что пришлось потерять изъ виду всѣхъ родныхъ... Послѣ того, какъ мы съ вами видѣлись, я была больна, очень больна... и когда поправилась, — мнѣ не

на что было даже одѣться сносно, чтобъ идти искать мѣста... Надо было коротать гдѣ день, гдѣ ночь, думать только о кускѣ хлѣба... Ну... и я *сгорѣла*!..

Это былъ, очевидно, терминъ какого-то жаргона, но онъ такъ мѣтко, ярко охарактеризовывалъ судьбу не одной только Анжелики, что у меня пробѣжала дрожь по тѣлу...

— Хотите ликеру съ кофе?—сказалъ я, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Нѣтъ, благодарю... Я не... мнѣ не велѣно: у меня кашель по ночамъ...

Когда мы вышли, я сказалъ, прощаясь съ Анжеликой:

— Послушайте, возьмите у меня немного денегъ...

Она молча потупилась. Я взялъ ея руку и опустилъ за перчатку все, что̀ оставалось у меня отъ размѣненной десятифранковой монетки. Мы стояли подъ развѣсистымъ, уже пожелтѣвшимъ каштаномъ: Анжелика наклонилась, крѣпко пожала мнѣ руку и быстро, не оглядываясь, пошла по бульвару...

Но куда??..

Н. Сѣверовъ.

ВНѢШКОЛЬНОЕ
ПРОСВѢЩЕНІЕ НАРОДА
ВЪ
ГЕРМАНІИ

Очерки и замѣтки.

I.

Мы—въ Познани. Большой залъ въ „Apollo-Theater“ биткомъ набитъ. Здѣсь собрались учителя, пасторы, купцы, образованные горожане. По одеждѣ нѣкоторыхъ можно судить, что они пріѣхали изъ маленькихъ городовъ или деревень. Предсѣдательское мѣсто на трибунѣ занимаетъ депутатъ Риккертъ, популярный вожакъ свободомыслящихъ въ рейхстагѣ и ландтагѣ. Рядомъ съ нимъ—почетные гости: оберъ-президентъ провинціи Познани, баронъ фонъ-Виламовицъ-Меллендорфъ, мѣстный оберъ-бургомистръ Виттингъ, ректоръ Дрисперъ и другія лица. Хоръ, составленный изъ мѣстныхъ учителей, поетъ вступительную кантату. Наконецъ, предсѣдатель Риккертъ объявляетъ двадцать-девятый съѣздъ „Общества для распространенія въ народѣ просвѣщенія“ открытымъ. Въ своей вступительной рѣчи онъ упоминаетъ о томъ, что въ прошломъ году очередной съѣздъ также состоялся въ одномъ изъ городовъ восточныхъ провинцій, такъ какъ именно здѣсь въ послѣдніе годы насажденіе нѣмецкой куль-

туры ведется съ особой интенсивностью. Но государство не можетъ взять на себя всей культурной работы, предстоящей въ восточныхъ провинціяхъ, а потому на помощь ему должны придти всѣ образованныя и состоятельныя лица. Школа является, конечно, главнымъ разсадникомъ культуры; но кромѣ школы необходимы и другіе просвѣтительные институты, а ихъ организацію и учрежденіе беретъ на себя „Общество". Само собой разумѣется, „Общество" будетъ насаждать въ восточныхъ провинціяхъ нѣмецкую культуру, нѣмецкій языкъ, нѣмецкіе обычаи, но „Общество" стоитъ въ сторонѣ отъ какой-либо политической или религіозной борьбы. Въ заключеніе, ораторъ въ краткихъ словахъ очерчиваетъ дѣятельность „Общества" за истекшій годъ.

Это „Gesellschaft für Verbreitung von Volksbildung" было основано еще въ 1871 г., вскорѣ по окончаніи франко-прусской войны, когда, послѣ быстрой смѣны одного военнаго тріумфа другимъ, нѣмцы были упоены своими военными успѣхами и своимъ объединеніемъ. Въ это время обратилась къ публикѣ группа ученыхъ, политическихъ и общественныхъ дѣятелей съ горячо написаннымъ воззваніемъ, въ которомъ говорилось о необходимости дальнѣйшаго культурнаго развитія страны, о необходимости дать народу болѣе широкія познанія и свѣдѣнія, нежели тѣ, какія ему даетъ народная школа, и способствовать его умственному и нравственному развитію, дабы онъ могъ выполнить задачи, возложенныя на него новымъ государственнымъ строемъ. Эта же группа лицъ, среди которой находились профессора Вирховъ и Гнейстъ, д-ръ Гиршъ, д-ръ Гаммассеръ, Сименсъ, Шульце-Деличъ, Микель (нынѣшній министръ финансовъ) и нѣкоторые другіе, организовала названное выше Общество, выработала его статуты и такъ формулировала его цѣли и задачи: 1) оказаніе помощи отдѣльнымъ образовательнымъ „ферейнамъ" деньгами и совѣтами; 2) устройство народныхъ чтеній и публичныхъ курсовъ въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи и отправка лекторовъ для чтенія ихъ; 3) устройство народныхъ библіотекъ, читаленъ и школъ для продолженія образованія; 4) изданіе образцовыхъ каталоговъ книгъ и печатнаго органа Общества; 5) разборъ относящихся къ народному образованію вопросовъ на публичныхъ собраніяхъ и ежегодныхъ съѣздахъ; 6) объединеніе „ферейновъ" и организацій, цѣлью которыхъ является подъемъ уровня народнаго образованія; 7) изданіе и распространеніе книгъ, могущихъ дать толчокъ умственному и нравственному развитію народа, и 8) пробужденіе интереса къ прогрессивному развитію народной школы и къ ея задачамъ.

„Образовательные ферейны“ (Bildungsvereine), о которыхъ говорится въ 1-омъ и 6-омъ пунктахъ, появились въ Германіи вскорѣ послѣ освободительныхъ войнъ 1814-го года, но дѣятельность ихъ была ничтожной, да и германскія правительства проявляли къ нимъ мало симпатіи. Начиная съ 1830 г., впервые появились въ Саксоніи, Ганноверѣ и Нассау такъ-называемые „Gewerbevereine“, которые въ слѣдующемъ десятилѣтіи распространились по всей сѣверной Германіи,—также подъ названіемъ „Handwerkervereine“. Число ферейновъ, преслѣдовавшихъ образовательныя цѣли, значительно увеличилось послѣ событій 1848 г. Они носили либерально-политическую окраску, и германскія правительства ставили имъ на пути рядъ непреодолимыхъ препятствій. Большой берлинскій „Handwerkerverein“ былъ даже распущенъ правительствомъ. Такъ-называемые „Arbeiterbildungsvereine“ пошли за Лассалемъ. „Гумбольдтовскіе“ ферейны, явившіеся слѣдствіемъ пропаганды „Космоса“, занимались исключительно естествовѣдѣніемъ и влачили жалкое существованіе. Это было въ шестидесятыхъ годахъ. Въ семидесятыхъ, уже послѣ основанія, въ 1871 г., „Общества“, образовательные ферейны существовали въ каждой провинціи, въ каждомъ округѣ, но дѣятельность ихъ всѣхъ стала особенно плодотворной только послѣ того, какъ они всѣ были объединены и руководились одними и тѣми же основными принципами. И какъ это ни странно, но объединяющее эти мелкіе ферейны „Общество“ сначала развивалось очень слабо. Въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ существованія „Общества“ число его членовъ было немногочисленно, и дѣятельность его была невелика. Въ 1887 году въ составъ „Общества“ входили уже 764 мелкихъ ферейна, кромѣ 2.830 отдѣльныхъ членовъ: чрезъ десять лѣтъ число мелкихъ ферейновъ увеличилось до 1.270, а число отдѣльныхъ членовъ—до 3.286. Въ своей вступительной рѣчи на послѣднемъ съѣздѣ депутатъ Риккертъ сопоставилъ цифры за 1889 г. и текущій: десять лѣтъ назадъ, къ организаціи принадлежали 792 мелкихъ ферейна, а теперь ихъ 1.543, при чемъ число рабочихъ ферейновъ повысилось съ 23 до 72, образовательныхъ—съ 91 до 264, купеческихъ—съ 43 до 83, учительскихъ—съ 11 до 107, ферейновъ чиновниковъ—съ 13 до 42, „Gewerkvereine“—съ 27 до 60 и, наконецъ, число магистратовъ, общинъ, школъ и церквей—съ 3 до 174. Число отдѣльныхъ членовъ увеличилось за тотъ же промежутокъ только лишь на триста человѣкъ. Что касается доходовъ „Общества“, то въ 1896 г. они составляли 40.600 мар., въ 1897 г.—50.500 мар. и въ 1898 г.—также свыше

пятидесяти тысячъ марокъ. Основной капиталъ „Общества“ достигъ теперь суммы въ 360.000 марокъ, главнымъ образомъ благодаря пожертвованію покойнаго берлинскаго рантьé Поля де-Куври. Наконецъ, когда, три года назадъ, „Общество“ праздновало двадцатипятилѣтіе своего существованія, правительство назначило ему ежегодную субсидію въ 3.000 мар. Расходы „Общества“ выразились, еще два года назадъ, суммой въ 36.000 мар., а въ прошломъ году истрачено было уже 67.000 мар.

II.

Переходя къ дѣятельности Общества, отмѣтимъ раньше всего, что ферейнами, входящими въ составъ его, устраивается въ послѣднее время ежегодно около 12.000 народныхъ чтеній. Число посѣтителей каждаго изъ народныхъ чтеній зависитъ, конечно, отъ числа членовъ мѣстнаго, устраивавшаго ихъ ферейна, и отъ интереса къ нимъ со стороны публики, но въ маленькихъ городахъ можно наблюдать сплошь и рядомъ такое явленіе: мѣстная аудиторія—большей частью, самый большой залъ при ресторанѣ—не можетъ вмѣстить всѣхъ желающихъ попасть на народное чтеніе; въ деревняхъ происходитъ то же самое, только въ меньшихъ размѣрахъ. Является, конечно, вопросъ: имѣютъ ли всѣ мелкіе ферейны достаточно средствъ для приглашенія опытнаго и даровитаго лектора, и находятся ли повсюду люди, берущіе на себя чтеніе лекцій по общеобразовательнымъ предметамъ? Конечно, нѣтъ; но центральное „Общество“ приходитъ всегда на помощь мелкимъ ферейнамъ. Имъ организованъ особый институтъ такъ-называемыхъ „странствующихъ ораторовъ“ (Wanderredner), которые постоянно переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто и читаютъ рефераты и лекціи. Конечно, приняты всѣ мѣры, необходимыя для того, чтобы лекторы находили готовую ихъ слушать аудиторію и чтобы ферейны могли приглашать того лектора, послушать котораго они желаютъ. Такъ, разсылкой лекторовъ завѣдуетъ не только центральное „Общество“, но и всѣ крупныя развѣтвленія его (ихъ тринадцать); издаются списки готовыхъ къ услугамъ ферейновъ лекторовъ и разработаны программы отдѣльныхъ народныхъ чтеній и цикловъ лекцій. Израсходовано было центральнымъ Обществомъ на устройство народныхъ чтеній въ 1896 г.—8.700 мар., въ 1897 г.—9.500 мар. и въ 1898 г.—около 10.000 мар., при чемъ въ теченіе послѣдняго года центральнымъ „Обществомъ“ покрыты

расходы по устройству только 170 народныхъ чтеній во всѣхъ частяхъ Германіи. Всѣ остальныя народныя чтенія были устроены мелкими ферейнами самостоятельно или на счетъ провинціальныхъ союзовъ (ихъ одиннадцать). Въ послѣдніе годы на ряду съ народными чтеніями устраиваются и музыкальные вечера, особенно часто въ деревняхъ и маленькихъ городахъ, гдѣ нѣтъ театра и гдѣ не бываетъ концертовъ. Центральное „Общество" издало спеціальную, выдержавшую нѣсколько изданій, брошюру „Die Volksunterhaltungsabende", въ которой разъясняетъ, какъ нужно устраивать подобные вечера и по какой программѣ, а также указываетъ руководителямъ ферейновъ на крупное значеніе этихъ вечеровъ для развитія народа. Опытъ показалъ, что музыкальные вечера привлекаютъ бо́льшій контингентъ слушателей, нежели предшествующія имъ народныя чтенія. Такъ или иначе, но д-ръ Польмейеръ, странствующій ораторъ „Общества", передавалъ на прошлогоднемъ съѣздѣ, что онъ могъ констатировать всюду, гдѣ онъ ни бывалъ, повышеніе интереса къ народнымъ чтеніямъ со стороны мѣстнаго населенія.

Прекрасно поставлено также и дѣло устройства „Обществомъ" народныхъ библіотекъ и читаленъ при нихъ. Такъ, за все время своей дѣятельности по 1896 г. „Общество" устроило въ различныхъ мѣстахъ Германіи 382 народныхъ библіотеки съ 13.548 книгами въ нихъ, пріобрѣтенными за деньги или полученными въ даръ. Быстрый ростъ „Общества" за послѣдніе три года привелъ къ тому, что въ 1896—97 гг. основаны были имъ 371 новая библіотека съ 17.256 книгами въ нихъ. Въ 1896 г. израсходовано было „Обществомъ" на народныя библіотеки еще только 4.600 мар., въ 1897 г.—6.200 мар., а въ прошломъ году—уже 21.722 мар. Такое повышеніе расходовъ на библіотеки возможно было лишь потому, что императоръ, какъ сообщилъ на послѣднемъ съѣздѣ депутатъ Риккертъ, предоставилъ въ распоряженіе „Обществу" 3.000 мар. изъ особыхъ фондовъ, а изъ государственныхъ фондовъ поступило 6.000 мар. Кромѣ того, депутатъ Зейффартъ пожертвовалъ „Обществу" въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ почти 43.000 мар. спеціально на устройство библіотекъ, а одинъ берлинскій издатель—1.500 мар. на устройство ихъ въ Познани. Изъ своихъ собственныхъ средствъ истратило „Общество" на устройство библіотекъ въ прошломъ году 12.000 мар. Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ „Обществу" подарено было частными лицами 36.055 книгъ. Очень многіе нѣмецкіе книгопродавцы подарили и дарятъ теперь „Обществу" большое число книгъ и изданій для народа; другіе

дѣлаютъ значительныя уступки или облегчаютъ „Обществу“, тѣмъ или инымъ путемъ, закупку необходимыхъ книгъ у издателей. Конечно, среди книгъ, получаемыхъ „Обществомъ“ въ даръ, имѣется очень много неумѣстныхъ для народной библіотеки. Секретари „Общества“ внимательно сортируютъ полученныя книги, часть которыхъ разсылается работящимъ молодымъ людямъ. Нѣкоторыя книги посылаются въ послѣднее время учителямъ при народныхъ или такъ-называемыхъ „дополнительныхъ“ (Fortbildungsschulen) школахъ; эти библіотечки предназначаются отчасти для учителей, отчасти для учениковъ, при чемъ учителя уже заботятся о толковомъ и болѣе или менѣе систематическомъ прочтеніи присланныхъ книгъ ихъ воспитанниками. Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ „Общество“ разослало различнымъ образовательнымъ и просвѣтительнымъ институтамъ 41.622 книги. При устройствѣ народныхъ библіотекъ центральное „Общество“ придерживается того принципа, что успѣхъ библіотекъ и читаленъ заключается не въ большомъ числѣ ихъ, но въ степени интереса къ нимъ со стороны мѣстнаго населенія. Поэтому „Общество“ стремится по возможности рѣже посылать готовыя библіотечки народному учителю или мѣстному пастору. Наоборотъ, „Общество“ старается чрезъ своихъ агентовъ и членовъ, прежде всего, пробудить среди жителей данной мѣстности интересъ къ чтенію, вообще, и къ организаціи маленькаго читальнаго клуба, Lesevereiu'a. Какъ только подобный клубъ основанъ, „Общество“ присылаетъ библіотечку, которая передается въ вѣдѣніе общины или организовавшагося клуба. Въ деревни присылается, обыкновенно, пятьдесятъ книгъ, въ маленькіе города—сто томовъ. Опытъ показалъ, что читальные клубы относятся къ своимъ маленькимъ книжнымъ сокровищамъ весьма бережно и ревниво и заботятся объ увеличеніи и пополненіи ихъ; при этомъ ферейны обращаются не только къ книгопродавцамъ, но и къ центральному „Обществу“. Послѣднее выпустило образцовый, выдержавшій уже шесть изданій, каталогъ народныхъ библіотекъ и нѣсколько брошюръ, въ которыхъ имѣются правила организаціи народныхъ библіотекъ и управленія ими, а также указываются способы увеличенія книжнаго богатства. На основаніи указанныхъ правилъ, ферейны обращаются за книгами непосредственно къ центральному „Обществу“, которое высылаетъ заказанныя книги изъ своего обширнаго склада, на самыхъ льготныхъ условіяхъ, конечно. Обыкновенно, читальный клубъ вмѣстѣ съ сельской общиной тратитъ ежегодно отъ 12 до 25 мар. на пріобрѣтеніе новыхъ книгъ, и въ теченіе нѣсколькихъ

лѣтъ деревенская библіотечка увеличивается вдвое или втрое. То же самое замѣчается въ маленькихъ городахъ, только въ болѣе крупныхъ размѣрахъ. Въ среднихъ и большихъ городахъ „Общество“ не устраиваетъ народныхъ библіотекъ на свой счетъ, но приходитъ охотно на помощь—совѣтомъ и указаніями общинамъ и мѣстнымъ, входящимъ въ составъ „Общества“, ферейнамъ. Въ прошломъ году, напримѣръ, поднятъ былъ вопросъ о передачѣ одной общественной библіотеки (въ г. Бромбергѣ) въ вѣдѣніе города, вслѣдствіе ея матеріальной необезпеченности. Но только при томъ условіи,—замѣтилъ на это депутатъ Риккертъ,—если въ кругу членовъ магистрата есть интересъ къ данной народной библіотекѣ, и если магистратъ готовъ охотно принять эту библіотеку подъ свое покровительство и заботиться о дальнѣйшемъ развитіи ея. Отъ недостаточно обезпеченныхъ библіотекъ и читаленъ поступаютъ въ „Общество“ постоянно просьбы о поддержкѣ, на ряду съ просьбами объ основаніи новыхъ библіотекъ, но „Общество“, стараясь по возможности удовлетворить всѣхъ, вынуждено было отвѣтить отказомъ за послѣднее время на 334 просьбы, какъ изъ-за недостатка средствъ, такъ и изъ нежеланія измѣнять разъ принятымъ принципамъ.

„Общество“ издаетъ свой спеціальный органъ: „Der Bildungsverein“ (29-й годъ изданія), съ особымъ, посвященнымъ спеціально нуждамъ народныхъ библіотекъ, приложеніемъ: „Die Volksbibliothek“, на столбцахъ котораго даются также отзывы о новыхъ книгахъ. Съѣзды „Общества“ устраиваются аккуратно ежегодно, и, въ видахъ пропаганды, каждый разъ въ другомъ мѣстѣ. Какъ ни широка и плодотворна дѣятельность „Общества“, ему предстоитъ еще не мало поработать, пока каждый маленькій городокъ и каждая деревня будутъ имѣть свою библіотеку съ читальней, свою аудиторію и своего лектора. Остается еще не мало поработать и въ дѣлѣ объединенія всѣхъ безъ исключеній образовательныхъ ферейновъ. Тѣ ферейны, которые носятъ не только образовательный, но и политическій характеръ, не примыкаютъ къ центральному „Обществу“. Рабочіе образовательные ферейны въ Баденѣ, Баваріи и Вюртембергѣ, цѣль которыхъ не только образованіе ихъ членовъ, но и взаимная поддержка, организовали свой особый союзъ. Рядъ другихъ ферейновъ объединился, въ 1879 г., въ „Германскій союзъ ферейновъ для народныхъ чтеній“: начало этому союзу положили въ 1876 году шесть купеческихъ ферейновъ, поставившіе своей задачей не только взаимопомощь, но и развитіе своихъ членовъ. Въ настоящее время этотъ союзъ объединяетъ уже свыше

200 ферейновъ, громадное большинство которыхъ—купеческіе (Kaufmännische Vereine), съ 110.000 членовъ въ нихъ. Союзъ устраиваетъ ежегодно генеральныя собранія, на которыхъ устанавливается, гдѣ, когда и кѣмъ за время отъ ближайшаго октября по апрѣль будутъ прочитаны публичныя лекціи; за все же время существованія „Союза“ было прочитано около 1.000 подобныхъ лекцій, главный контингентъ слушателей которыхъ были купцы, приказчики, служащіе въ магазинахъ и банкахъ и т. д.

III.

Здѣсь умѣстно будетъ сдѣлать нѣкоторыя сопоставленія. Въ то время какъ въ другихъ странахъ печать еще безпрестанно указываетъ на трудности, съ которыми сопряжена организація какого-либо общества съ просвѣтительными цѣлями, и на проволочки, коими сопровождается каждый разъ разрѣшеніе или, еще чаще, отказъ въ разрѣшеніи устроить въ томъ или другомъ мѣстѣ народныя чтенія,—въ Германіи достаточно одного письменнаго заявленія мѣстному органу полиціи о совершившейся уже организаціи образовательнаго ферейна или о предстоящемъ народномъ чтеніи. Не входя въ разсмотрѣніе, кто прочтетъ лекцію для народа и каково будетъ ея содержаніе, мѣстный органъ полиціи освѣдомляется лишь, достаточно ли обширна указанная въ заявленіи аудиторія и не представляетъ ли опасности скопленіе въ ней народа въ случаѣ пожара, а затѣмъ выдаетъ удостовѣреніе въ томъ, что извѣщеніе о предполагаемомъ народномъ чтеніи или объ организаціи образовательнаго ферейна имъ получено. Кромѣ того, въ то время какъ у насъ, въ Россіи, только въ самое послѣднее время стали смотрѣть на народныя чтенія какъ на способъ внесенія культуры въ народныя массы, въ Германіи идетъ уже рѣчь объ устройствѣ систематическихъ курсовъ, т.-е. народныхъ университетовъ. Въ Германіи не отрицаютъ и теперь пользы народныхъ чтеній и отдѣльныхъ лекцій для народа, готовы поддерживать и впредь эти полезные институты. Но многолѣтній опытъ показалъ, что чтеній и отдѣльныхъ лекцій уже недостаточно, ибо подобныя лекціи лишь возбуждаютъ въ слушателяхъ интересъ къ знаніямъ, но не даютъ ихъ. Необходимо поэтому устраивать для народа курсы по предметамъ какъ средняго, такъ и высшаго, университетскаго, образованія. Зародившееся одновременно въ Даніи и Англіи, охватившее весь материкъ и перешедшее за океанъ

въ Сѣверную Америку, движеніе „University-Extension" пустило, наконецъ, нѣкоторые корни въ Германіи. Университетскіе профессора стали идти на встрѣчу стремленію къ просвѣщенію со стороны тѣхъ классовъ населенія, которымъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, прегражденъ доступъ въ высшіе разсадники культуры. Такъ, въ началѣ 1897 г., группа профессоровъ и доцентовъ берлинскаго университета, взявъ на себя инициативу, предложила академическому сенату (совѣту) учредить въ Берлинѣ сѣть народныхъ университетовъ по образцу только-что основанныхъ въ Мюнхенѣ. Въ петиціи, подписанной 202 членами университетскаго персонала, сенату предлагалось, для наиболѣе цѣлесообразнаго устройства будущихъ народныхъ университетовъ: во-первыхъ, войти по этому вопросу въ соглашеніе съ представителями другихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Берлинѣ: во-вторыхъ, выхлопотать будущимъ народнымъ университетамъ субсидію отъ правительства, въ размѣрѣ 15.000 мар., и въ-третьихъ, взять будущіе народные университеты подъ свое покровительство, чтобы тѣмъ обезпечить ихъ существованіе и не ставить ихъ въ зависимость отъ частныхъ обществъ. Въ той же петиціи не только былъ вкратцѣ развитъ, составленный выдающимися профессорами берлинскаго университета, планъ устройства будущихъ народныхъ университетовъ, но и вчернѣ набросаны программы курсовъ и отдѣльныхъ лекцій; при этомъ ясно и опредѣленно указывалось, что изъ программы курсовъ „совершенно должны быть исключены лекціи по вопросамъ, касающимся современной религіозной, соціальной или политической борьбы, а также и по такимъ вопросамъ, которые могли бы дать поводъ къ какой-либо агитаціи". Хотя эти слова были опубликованы, тѣмъ не менѣе, тотчасъ по ознакомленіи публики съ проектомъ будущихъ народныхъ университетовъ, берлинская консервативная и реакціонная печать начала чуть ли не формальный походъ противъ профессоровъ берлинскаго университета, которые яко бы собираются пропагандировать среди берлинскаго населенія всякаго рода революціонныя идеи. Часть этого рода печати, въ своемъ увлеченіи, даже усматривала въ демократизаціи науки и ея истинъ громадную опасность для германскаго государства и усердно предостерегала правительство отъ поддержки будущихъ народныхъ университетовъ. Ректоромъ въ томъ учебномъ году былъ избранъ извѣстный юристъ, профессоръ Брунеръ, крайній реакціонеръ, высказывавшійся публично противъ допущенія въ университетъ женщинъ, противъ демократизаціи научныхъ истинъ и за сокращеніе границъ академиче-

ской свободы. Сенатъ берлинскаго университета (т.-н. „академическій сенатъ"), подъ явнымъ вліяніемъ, съ одной стороны, реакціонной печати, а съ другой стороны ректора Бруннера и университетскаго судьи Дауде, совершенно отклонилъ (впрочемъ, большинствомъ одного лишь голоса) принятіе предложенія группы профессоровъ и доцентовъ; отказъ былъ мотивированъ тѣмъ, что „сенатъ не можетъ и не желаетъ брать на себя отвѣтственности за веденіе среди слушателей будущихъ народныхъ университетовъ политической или религіозной агитаціи". Нечего и говорить, что подобное рѣшеніе подняло бурю восторговъ въ одной части берлинской печати и бурю негодованія—въ другой ея части. Иниціаторы же петиціи и лица, подписавшія ее, рѣшили не оставлять своего плана учрежденія сѣти народныхъ университетовъ, но отложить возобновленіе петиціи до слѣдующаго академическаго года; тогда же профессорами берлинскаго университета было частнымъ образомъ рѣшено избрать, ближайшимъ лѣтомъ, ректоромъ и деканами только тѣхъ лицъ, которыя сами подписались подъ петиціей. Ректоромъ на прошлый академическій годъ долженъ былъ быть избранъ, согласно установившемуся порядку, представитель медицинскаго факультета. Но совѣтъ университетскихъ профессоровъ, желая дать достойный отвѣтъ нападкамъ со стороны барона Штумма въ прусской палатѣ господъ на „каѳедрѣ" соціалистовъ, избралъ ректоромъ не въ очередь представителя философскаго факультета, извѣстнаго политико-экономa, профессора Шмоллера. Послѣдній—не только выдающійся ученый, но и въ высшей степени энергичный человѣкъ и общественный дѣятель; онъ доказалъ это уже тѣмъ, что разомъ порвалъ съ системой ограниченій, введенной въ университетъ его предшественникомъ. Черезъ нѣкоторое время по принятіи имъ на себя обязанностей ректора, петиція профессоровъ и доцентовъ объ учрежденіи народныхъ университетовъ была возобновлена, но и на этотъ разъ, ко всеобщему удивленію, снова отклонена академическимъ сенатомъ. Объ этомъ рѣшеніи сената проникли въ печать самыя краткія извѣстія, при чемъ мотивы его оставались нѣкоторое время публикѣ совершенно неизвѣстными. Позже выяснилось изъ рѣчи профессора Вирхова, произнесенной имъ въ прусскомъ ландтагѣ, что университетскій сенатъ мотивировалъ свой вторичный отказъ несимпатичнымъ отношеніемъ къ дѣлу, задуманному группой профессоровъ и доцентовъ, и сильнымъ сомнѣніемъ, имѣетъ ли право университетъ, какъ самостоятельная и отдѣльная организація, устраивать курсы для народа, даютъ ли университетскіе

статуты право университетскому сенату оффиціально устраивать народные университеты и поддерживать ихъ? Возраженія знатоковъ-юристовъ были настолько вѣски, что дѣлу народныхъ университетовъ грозила почти полная гибель, если бы нѣкоторыми профессорами не былъ предложенъ способъ косвенной, неоффиціальной поддержки со стороны университетскаго сената, вмѣсто прямой и оффиціальной, какъ это предполагалось раньше. Профессорами же было рѣшено учредить народные университеты частнымъ образомъ, на собственный рискъ, и для разработки плана и программъ будущихъ народныхъ университетовъ, а также для завѣдыванія ими, избранъ былъ особый комитетъ, въ составъ котораго вошли: проф. Густавъ Шмоллеръ, избранный на ближайшій академическій годъ ректоромъ; извѣстный анатомъ, популярный и любимый студентами проф. Вальдейеръ; профессора Дильсъ и Эртманнъ; также проф. Максъ Дельбрюкъ, какъ представитель берлинскаго высшаго сельскохозяйственнаго института; проф. Виттъ, какъ представитель шарлоттенбургскаго политехникума, и д-ръ Постъ, видный общественный дѣятель, одинъ изъ руководителей въ „Centralstelle für Arbeiterwohlfartseinrichtungen". Комитетъ этотъ обратился раньше всего къ прусскому правительству съ просьбой о единовременномъ пособіи въ 10.000 марокъ, но, узнавъ частнымъ образомъ, что скораго отвѣта ожидать не слѣдуетъ, приступилъ и къ разработкѣ плана организаціи перваго берлинскаго народнаго университета. Если вѣрить хорошо освѣдомленнымъ газетамъ, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія очень быстро занялись разсмотрѣніемъ просьбы профессоровъ, но министерство не разрѣшило этого вопроса и представило петицію на усмотрѣніе императора Вильгельма. Въ виду подобнаго сообщенія газетъ, въ академическихъ кружкахъ одно время съ нетерпѣніемъ ожидали того или иного рѣшенія императора: быть или не быть въ Берлинѣ народнымъ университетамъ? Но, въ сущности, профессора имѣли возможность и право организовать университетскіе курсы безъ разрѣшенія министерства. Они это и сдѣлали. Но они пожелали сразу обезпечить существованіе будущихъ народныхъ университетовъ и обратились въ министерство не за разрѣшеніемъ (кромѣ разрѣшенія читать курсы и въ казенныхъ зданіяхъ), но за поддержкой. А министерство, не желая, съ одной стороны, показаться слишкомъ реакціоннымъ, а съ другой, находясь подъ несомнѣннымъ вліяніемъ прусскихъ „юнкеровъ", создало цѣлый принципіальный вопросъ и весьма хитроумно скрыло свою нерѣшительность за авторитетомъ импе-

ратора. И если комитету удалось, пока только въ ожиданіи отвѣта министерства, организовать университетскіе курсы, то слушатели послѣднихъ должны быть обязаны исключительно профессору Шмоллеру, который съ желѣзной энергіей поборолъ всѣ препятствія, тормазившія дѣятельность коммиссіи. Въ іюнѣ 1899 г., т.-е. черезъ полтора года, министерство отвѣтило комитету профессоровъ, что оно, относясь съ симпатіей къ идеѣ организаціи народныхъ университетовъ, все же не въ состояніи оказать имъ матеріальную поддержку, такъ какъ это создастъ прецедентъ, и министерство вынуждено будетъ удовлетворять просьбы и другихъ подобныхъ комитетовъ...

Пока въ министерствѣ еще рѣшали вопросъ, дать или не дать субсидію народному университету, и надѣялись отказомъ подкосить новое еще и непрочное дѣло, въ ноябрѣ прошлаго года начался первый циклъ курсовъ, каждый изъ шести лекцій въ опредѣленный заранѣе день недѣли. Прочитаны были слѣдующіе курсы: „О костяхъ и суставахъ въ человѣческомъ тѣлѣ“ (читалъ проф. Вальдейеръ): „Торговая политика крупнѣйшихъ культурныхъ государствъ въ XVIII и XIX вѣкахъ“ (проф. Шмоллеръ); „Художественные памятники въ Берлинѣ“ (проф. Альфредъ Мейеръ); „Германская имперская конституція“ (проф. Каль); „О способахъ добыванія желѣза“ (проф. Веддингъ), и „Естественное и искусственное вскармливаніе ребенка“ (проф. Гейбнеръ).

Передъ началомъ своей первой лекціи, проф. Шмоллеръ обратился къ своимъ многочисленнымъ слушателямъ съ краткой рѣчью, въ которой изложилъ основные принципы и цѣли предпринятыхъ научно-популярныхъ курсовъ для народа. Задача лекторовъ—прежде всего сообщить широкимъ кругамъ народа результаты, добытые чистой наукой. Эта задача настолько обширна и выполненіе ея настолько трудно, что всѣ начатые до сихъ поръ опыты оканчивались почти полнымъ неуспѣхомъ. Руководители курсовъ надѣются повести успѣшно свое дѣло потому, что избрали для курсовъ такія темы, которыя могутъ быть разсмотрѣны и достаточно полно освѣщены въ теченіе шести лекцій. Руководители курсовъ также рѣшили ввести систему вопросовъ и отвѣтовъ по окончаніи каждой лекціи, дабы достигнуто было нѣкоторое единеніе между лекторомъ и его аудиторіей и дабы вызвать болѣе активный интересъ слушателей къ лекціямъ. Лекторы будутъ сообщать своимъ слушателямъ только неоспоримыя научныя истины и постараются, насколько это будетъ возможно, не касаться какихъ-либо политическихъ, соціальныхъ или рели-

гіозныхъ вопросовъ. Какъ Дизраэли высказалъ еще 50 лѣтъ назадъ, одну половину народа отдѣляетъ отъ другой столь крупное различіе во взглядахъ и мнѣніяхъ, что оно гораздо опаснѣе для общей культуры человѣчества, нежели различіе по состоянію или доходамъ. Уменьшить хоть нѣсколько это различіе, приблизить по ихъ умственному развитію обѣ половины народа—такова задача курсовъ. Руководители ихъ надѣются привлечь къ нимъ рабочихъ; удастся ли это—покажетъ будущее. Успѣхъ новаго дѣла трудно предсказать, но руководители курсовъ смотрятъ на себя какъ на исполнителей обязанности, налагаемой на нихъ временемъ и современнымъ строемъ общества...

А затѣмъ проф. Шмоллеръ приступилъ къ чтенію своей лекціи. Актовый залъ одной изъ берлинскихъ гимназій, въ которомъ читались три изъ упомянутыхъ шести курсовъ, былъ переполненъ, и многимъ пришлось стоять. О составѣ публики трудно было судить по одному лишь внѣшнему виду ея, такъ какъ рабочіе и ремесленники могли явиться и не въ своихъ рабочихъ курткахъ, а въ своемъ праздничномъ платьѣ и черныхъ, хотя и скромныхъ, сюртукахъ. Дѣйствительно, въ то время какъ одна или другая газета писала, что на первой лекціи проф. Шмоллера были лишь студенты, воспитанники промышленныхъ школъ, купцы, офицеры, солдаты и дамы, а на первой лекціи проф. Вальдейера—лишь представители среднихъ классовъ и студенты, комитетъ установилъ, путемъ предварительнаго письменнаго опроса, что на первой лекціи проф. Вальдейера присутствовали изъ 278 мужчинъ—195 фабричныхъ рабочихъ и несамостоятельныхъ ремесленниковъ, 11 самостоятельныхъ ремесленниковъ, 19 приказчиковъ, 9 чиновниковъ, 8 народныхъ учителей, 18 служащихъ и только лишь 4 студента и 18 фабрикантовъ, купцовъ, офицеровъ, врачей и т. п.

Для статистическаго опроса приняѣнена была та же система, которая дала, двумя годами раньше, какъ мы увидимъ ниже, прекрасные результаты въ Лейпцигѣ: къ каждому билету была привѣшена отнимаемая при входѣ въ залъ карточка съ рубриками: „Возрастъ", „Званіе", „Занятіе", „Предварительное образованіе" и т. п. Изъ 2.030 человѣкъ, посѣтившихъ курсы, 1.686 челов. (83%) заполнили своими отвѣтами всѣ рубрики; изъ нихъ 1.252 (74,3%) были мужчины и 434 (25,7%) — женщины. По роду занятій слушатели дѣлились такъ:

I. Мужчины:

Группа А.

1. Фабричные рабочіе, подмастерья, несамостоятельные ремесленники и т. д. 502
2. Самостоятельные ремесленники 29
3. Фабриканты 10

Группа В.

1. Приказчики, несамостоятельные торговцы, служащіе въ магазинахъ 220
2. Самостоятельные купцы . . . 27

Группа С.

1. Имперскіе, государственные и общинные чиновники 158
2. Народные учителя 60
3. Служащіе у частныхъ лицъ . . 72

Группа D.

1. Студенты и ученики 40
2. Офицеры, юристы, врачи, старшіе учителя, высшіе чиновники и т. д. 123
3. Рантье и лица безъ опред. занятій 11

II. Женщины:

A. Работницы, жены рабочихъ и ремесленниковъ 59

B. Учительницы, писательницы, художницы и т. п. 106

C. Продавщицы и служащія у частныхъ лицъ 23

D. Безъ опред. занятій 246

III. Не заполнили рубрикъ — 344, большей частью женщины. Тѣ, которыя заполнили, часто оставляли рубрику, въ которой предлагался вопросъ о занятіи мужа или отца,— пустою.

Итого. 2.030

Съ правомъ могъ проф. Шмоллеръ сказать, по окончаніи своей заключительной лекціи, что курсы привлекли ту публику, на которую иниціаторы курсовъ разсчитывали. Изъ числа посѣтителей-мужчинъ, 42,4% были рабочіе и ремесленники, 17,6%—приказчики, 12,6%—низшіе чиновники, 5,7%—служащіе, 4,8%—народные учителя, всего 83,1% [1]). Другія группы слушателей дали лишь 16,9%. Что касается слушательницъ-женщинъ, то дѣвушки и дамы безъ опредѣленныхъ занятій составили 56,7%; остальные 43,3% составили раньше всего учительницы, писательницы, художницы и т. п. (24,4%); затѣмъ только работницы и жены рабочихъ (13,6%) и, наконецъ, продавщицы etc.—5,3%.

Когда проф. Шмоллеръ окончилъ свою первую лекцію, публика устремилась къ выходу, такъ что лектору пришлось пригласить ее остаться, чтобы выслушать его отвѣты на вопросы, задаваемые слушателями. Обмѣнъ мнѣній былъ мало оживленъ, такъ какъ въ немъ приняло участіе лишь два лица. Но послѣ первой лекціи проф. Гейбнера „О естественномъ и искусственномъ вскармливаніи ребенка“, нѣкоторыя присутствовавшія дамы задали уже цѣлый рядъ вопросовъ охотно отвѣчавшему профессору. Въ первомъ отчетѣ коммиссіи (за 1898 г.)

[1]) Въ Вѣнѣ тѣ же классы населенія дали только 40% общаго числа слушателей университетскихъ курсовъ.

говорится, что слушатели охотно пользовались своимъ правомъ задавать вопросы (лекціи начинались въ 8½ час. вечера; часъ уходилъ на лекцію и полчаса на дебаты), и хорошую службу сослужилъ ящикъ, куда бросали свои записки съ вопросами слушатели, не рѣшавшіеся говорить публично. По словамъ отчета, большинство вопросовъ было разумно и свидѣтельствовало о внимательности слушателей и о живомъ интересѣ ихъ; одному лектору пришлось однажды отвѣтить на двадцать слишкомъ вопросовъ. Другой лекторъ говорилъ, что ему вопросы предлагались лишь рабочими. Всѣ лекторы заявляли, что слушатели ихъ были всегда напряженно внимательны, даже при наиболѣе трудныхъ для пониманія мѣстахъ, какъ бы старались не проронить ни единаго слова. Лекторы усиливались читать по возможности популярно, и это имъ, по словамъ отчета, удалось: только проф. Мейеръ жаловался, что не могъ, конечно, избѣжать употребленія техническихъ выраженій, которыя оказались, однако, многимъ слушателямъ непонятными и сжатое объясненіе которыхъ представляло для него, лектора, нѣкоторыя трудности. Проф. Коль, при всемъ своемъ умѣньѣ говорить живо и увлекательно на сухую юридическую тему, не исчерпалъ своей задачи, посвятивъ слишкомъ много времени событіямъ, предшествовавшимъ объединенію Германіи, и позволивъ себѣ подѣлиться съ слушателями личными воспоминаніями объ осадѣ Парижа. И то, и другое имѣло мало общаго съ его основной темой—„Германской имперской конституціей", и неудивительно, что ему былъ предложенъ кѣмъ-то, также имѣющій слабую связь съ темой, вопросъ о престолонаслѣдіи въ княжествѣ Линне. Какъ патетическій тонъ воспоминаній „бывшаго офицера егерскаго батальона", такъ и выраженіе о томъ, что „лекціи мои, надѣюсь, вызовутъ патріотическую любовь къ германской имперіи", на курсахъ народнаго университета, по меньшей мѣрѣ, были неумѣстны. Но это было единственное, мелкое отступленіе отъ принятаго всѣми лекторами принципа—„избѣгать агитаціи въ пользу политическихъ, соціальныхъ или религіозныхъ идеаловъ партійнаго характера". Трое изъ лекторовъ роздали своимъ слушателямъ, предъ началомъ своихъ курсовъ, сжатый компендіумъ послѣднихъ съ указаніемъ относящейся къ данному вопросу литературы и напоминаніемъ, что книги эти имѣются въ такихъ-то библіотекахъ и читальняхъ для народа. Руководители послѣднихъ, охотно пріобрѣвшіе, по указаніямъ комитета, необходимыя книги, сообщили той же коммиссіи, что могутъ констатировать большой спросъ на эти книги во все время курсовъ.

Плата за слушаніе каждаго курса взималась скромная — 1 марка; рабочія корпораціи имѣли право пріобрѣтать билеты по 60 пфенн. каждый. До начала курсовъ былъ отпечатанъ соотвѣтствующій проспектъ и разосланъ многочисленнымъ рабочимъ организаціямъ при посредничествѣ упомянутой выше „Centralstelle für Arbeiterwohlfartseinrichtungen“ и правленій ферейновъ, устраивающихъ спектакли для народа. Кромѣ того, о времени начала курсовъ и содержаніи ихъ возвѣщали афиши на колоннахъ и объявленія въ значительномъ числѣ газетъ. Билеты на всѣ курсы, за исключеніемъ курса проф. Гейбнера, были разобраны еще до начала курсовъ. Билеты на право слушанія курса проф. Веддинга были раскуплены исключительно рабочими, при чемъ лишь половина всего числа желающихъ могла быть удовлетворена. Точно также раскуплены были заблаговременно и билеты на право слушанія второго, состоявшагося въ январѣ и февралѣ 1899 г., цикла курсовъ, при чемъ значительный контингентъ слушателей привлекли не только лекціи проф. Варбурга: „Ученіе о теплотѣ“, но и болѣе спеціальный курсъ проф. Фрея: „О Рафаэлѣ и Микель-Анджело“. Отчетъ комитета о дѣятельности его за первую половину этого года еще не вышелъ. Особымъ циркуляромъ комитетъ извѣстилъ лишь всѣхъ лекторовъ берлинскихъ высшихъ учебныхъ заведеній, что, въ виду отказа министерства дать комитету субсидію, въ недалекомъ будущемъ будетъ организовано особое общество по образцу функціонирующаго въ Мюнхенѣ „Общества для устройства народнаго университета“. На двухъ состоявшихся въ іюнѣ собраніяхъ профессоровъ и доцентовъ основанъ былъ „Verein für volkstümliche Kurse von Berliner Hochschullehrern“ и утверждены статуты его. Веденіе дѣлъ и курсовъ поручено было комитету изъ десяти профессоровъ и доцентовъ (комитетъ пригласилъ еще четырехъ профессоровъ) и правленію, въ которое вошли: ректоръ проф. Вальдейеръ, какъ предсѣдатель, ректоръ ветеринарнаго института проф. Дикергофъ, какъ его замѣститель, профессора Эртманнъ, Шмоллеръ, Максъ Дельбрюкъ (ректоръ сельско-хозяйственнаго института) и Веддингъ (представитель политехникума), а также упомянутый выше д-ръ Постъ. Ближайшей зимой состоятся два цикла лекцій, одинъ въ шесть и другой въ десять курсовъ.

IV.

Названное уже выше Общество—Volkshochschülverein-München"—было основано въ концѣ 1896 года, и членами его, въ качествѣ руководителей курсовъ и лекторовъ, записались 76 профессоровъ и доцентовъ мюнхенскаго университета и мюнхенскаго политехникума, 8 литераторовъ и одинъ чиновникъ, всего 85 человѣкъ. Общіе мотивы, изъ которыхъ исходили основатели мюнхенскаго „народнаго университета", были изложены въ блестящей рѣчи, произнесенной на учредительномъ собраніи извѣстнымъ политико-экономомъ проф. Брентано, который былъ избранъ первымъ предсѣдателемъ новаго Общества. Современное намъ общество демократично,—говорилъ тогда проф. Брентано, и доказывалъ, что эта демократичность общества является результатомъ общаго развитія человѣчества, слѣдствіемъ современнаго экономическаго и политическаго строя. Низшіе классы несутъ на себѣ почти всю тягость налоговъ и составляютъ кадры государственной арміи; а исторія показала, что тѣ именно классы, которые носили на себѣ государственное бремя, пріобрѣтали крупное вліяніе на ходъ дальнѣйшаго развитія страны. Проф. Брентано опасается, что когда низшіе классы уже пріобрѣтутъ подобное вліяніе, культура человѣчества будетъ, пожалуй, отодвинута на второй планъ. Поэтому необходимо заблаговременно познакомить низшіе классы народа съ благами просвѣщенія и европейской культуры...

Баварское министерство народнаго просвѣщенія отказало комитету Общества въ его просьбѣ предоставить безплатно въ пользованіе Общества университетскія аудиторіи. Изъ-за этого отказа курсы Общества начались не 7-го января, какъ предполагалось раньше, а лишь перваго февраля 1897 г., и то лишь потому, что магистратъ Мюнхена охотно уступилъ для курсовъ два принадлежащихъ городу помѣщенія. Продолжались курсы до 15-го апрѣля, и за это время прочтены были профессорами и доцентами 10 систематическихъ курсовъ. Профессоръ Гаузгоферъ читалъ „Объ исторіи экономическихъ идей", проф. Бюхеръ—„О гигіенѣ", проф. Брентано—„О собственности и развитіи ея", проф. Дельманъ—„О перспективѣ", проф. Гюнтеръ—„О географіи Африки, вмѣстѣ съ введеніемъ къ изученію географіи", проф. Шмидтъ—„О всякаго рода увѣчьяхъ и первой помощи, подаваемой не-спеціалистами", проф. Ганъ—„Объ оспопрививаніи, исторіи и пользѣ его", проф. Зейсъ—„Объ искусственномъ и натураль-

номъ способахъ питанія дѣтей", д-ръ Шеферъ—„О водѣ", и д-ръ Мюнстербергъ—„О призрѣніи бѣдныхъ".

Плата за право слушанія взималась слѣдующая: за курсъ въ 4—6 лекцій—1 марка, за меньшій курсъ—50 пфенниговъ, за два или три курса—2 марки. Уплатившіе за годъ впередъ 5 марокъ могли слушать всѣ курсы въ теченіе года; для цѣлаго семейства выдавались билеты на весь годъ по 10 марокъ. Различные ферейны могли пріобрѣтать единовременнымъ взносомъ право для своихъ членовъ платить за слушаніе всѣхъ лекцій не по 5, но лишь по 2 марки. И вотъ, согласно отчету, прочитанному на первомъ общемъ собраніи всѣхъ членовъ общества 14-го іюня 1897 г. въ Мюнхенѣ, приняли участіе въ курсахъ 1.440 человѣкъ, записавшихся, въ общемъ, на 3.908 отдѣльныхъ курсовъ. По занятіямъ участники курсовъ распредѣлялись такъ: ремесленники и рабочіе составили 22,72% общаго числа слушателей, купцы и служащіе въ банкахъ — 15,7%, фабриканты и техники—7,03%, чиновники—5,77%, офицеры и солдаты—1,94%, лица, занимающіяся науками — 2,29%, художники и ихъ ученики—3,47%, писатели, редакторы и т. д.—1,81%, учителя—5,77%, студенты — 7,07%, рантье — 0,97% и, наконецъ, дамы безъ опредѣленнаго занятія — 17,72%. Въ общемъ, мужчины составили 82% всѣхъ слушателей, а дамы—только 18%. За нѣкоторыми исключеніями, говорилось въ томъ же отчетѣ, откуда заимствованы приведенныя цифры, всѣ имѣвшіяся въ аудиторіяхъ мѣста были постоянно заняты. Многимъ слушателямъ приходилось стоять, и, чтобы запастись мѣстомъ, нѣкоторые слушатели приходили за полчаса до начала лекціи. За словами лекторовъ всѣ слушатели слѣдили съ большимъ вниманіемъ; нѣкоторые лекторы даже говорили, что трудно желать болѣе внимательныхъ слушателей. Комитетъ Общества предложилъ особо составленнымъ циркуляромъ всѣмъ лекторамъ строго соблюдать слѣдующее: составлять лекціи сжато, популярно и вполнѣ общедоступно; читать лекціи никоимъ образомъ не изъ тетрадокъ; составлять по извѣстному образцу краткую программу лекцій и раздавать ее всѣмъ слушателямъ; ввести систему отвѣтовъ на вопросы, заданные слушателями устно или письменно; стараться, наконецъ, достигать возможно большаго общенія со слушателями. Всего этого требовалъ опытъ другихъ странъ, гдѣ народные университеты были основаны раньше, а также мнѣнія авторитетныхъ лицъ; и опытъ, сдѣланный въ мюнхенскомъ народномъ университетѣ, только подкрѣпилъ цѣлесообразность принятыхъ комитетомъ Общества мѣръ. Особый успѣхъ имѣла си-

стема вопросовъ, предлагаемыхъ лекторомъ путемъ особаго ящичка и вызывавшихъ подчасъ оживленные дебаты среди слушателей, подъ руководствомъ лектора. Да и вообще, сказано было въ томъ же отчетѣ, всѣ возложенныя на курсы надежды оправдались, и руководители ихъ убѣдились, что Общество пришло на помощь дѣйствительной потребности народа въ подобныхъ курсахъ.

Что же касается финансовой стороны, то положеніе Общества было сначала довольно необезпеченное. Только 67 человѣкъ записались „покровительствующими" (fördernde) членами и внесли всѣ вмѣстѣ 4.451 марку, при чемъ три тысячи марокъ внесены были тремя лицами. Этихъ денегъ, вмѣстѣ съ взносами слушателей, на покрытіе расходовъ еще не хватало, хотя почти всѣ лекторы отказались отъ гонорара за чтеніе курсовъ. Комитетъ Общества находилъ это явленіе ненормальнымъ и считалъ необходимымъ его устранить. Поэтому комитетъ, получивъ санкцію общаго собранія членовъ Общества, принялъ рядъ мѣръ для расширенія дѣятельности Общества и для увеличенія его доходовъ. Комитетъ нанялъ, прежде всего, для чтенія курсовъ особое помѣщеніе, разсчитанное на 500 человѣкъ. Нѣкоторыя лица взяли на себя часть расходовъ по этому найму, а магистратъ позаботился о томъ, чтобы въ нанятомъ Обществомъ помѣщеніи устроена была лабораторія и сдѣланы приспособленія для опытовъ и экспериментовъ. Благодаря этому, явилась возможность устраивать курсы по физикѣ, химіи и другимъ естественнымъ наукамъ. Да и вообще, курсы по этимъ предметамъ поставлены были на прочное основаніе. Въ Мюнхенѣ уже давно существуетъ такъ называемое „Политехническое Общество", цѣлью котораго является распространеніе среди рабочихъ и ремесленниковъ необходимыхъ имъ знаній по химіи, физикѣ и технологіи. Теперь это Общество примкнуло къ „Обществу народныхъ университетовъ" поставивъ обязательнымъ условіемъ: курсы по физикѣ, химіи и технологіи должны читаться въ народномъ университетѣ *постоянно* по разработанной заранѣе программѣ и установленному плану.

Въ общемъ, въ теченіе второй зимы прочитано было 16 систематическихъ курсовъ (каждый въ шесть лекцій) по различнымъ отраслямъ естествознанія, литературѣ, гигіенѣ, этикѣ и законовѣдѣнію. Между прочимъ, проф. Гюнтеръ читалъ „Исторію образованія земли", д-ръ Ланге—„О физическомъ уходѣ за дѣтьми и воспитаніи ихъ", проф. Мориць—„О пищевыхъ продуктахъ" и т. д. Комитетъ лекторовъ подраздѣлился на четыре

секціи: 1) естественно-историческую, 2) медицинско-гигіеническую, 3) техническую и 4) философскую. Въ отчетѣ комитета сказано было на этотъ разъ, что наибольшій контингентъ слушателей привлекали курсы по химіи и физикѣ, а также лекціи о новомъ, вступающемъ съ января 1900 года въ силу, гражданскомъ уложеніи, о биржѣ и объ основахъ этики. Всего посѣтило курсы и лекціи во вторую зиму 1.870 чел., изъ коихъ 1.357 были мужчины и 513—женщины, т.-е. 27,43% общаго числа слушателей. Интересно отмѣтить, что всѣ слушатели посѣтили, въ общей сложности, 4.462 полныхъ курса, при чемъ 513 дамъ прослушали только 837, т.-е. 18,76%. По занятіямъ слушатели дѣлились такъ: рабочіе и ремесленники — 15,53%, торговцы, служащіе въ банкахъ, фабриканты и т. п.—25,73%, литераторы, учителя, студенты, художники и т. п. — 32,31%, чиновники, офицеры и солдаты—11,67%, рантье—3,54% и, наконецъ, дамы, не имѣющія опредѣленнаго занятія—11,22%. Тотъ же отчетъ отмѣчаетъ, что финансовое положеніе дѣла въ теченіе второго года существованія курсовъ значительно улучшилось. Приходъ (свыше 7.000 мар.) превысилъ расходъ (свыше 6.000 мар.), такъ что около 750 мар. осталось въ кассѣ. Поэтому комитетъ Общества рѣшилъ на ближайшій годъ понизить для рабочихъ и ремесленниковъ плату за слушаніе оддѣльнаго курса до 60 пфенниговъ (меньше 30 коп.), а также расширить программу введеніемъ курсовъ по исторіи искусства и нѣмецкой литературы и по всеобщей и спеціально-германской исторіи. Дѣйствительно, зимой 1898 — 99 г. устроенъ былъ рядъ курсовъ по этимъ, какъ и по другимъ предметамъ, но отчетъ о дѣятельности мюнхенскаго Hochschulverein'а за третій годъ о дѣятельности появился только осенью, ко времени очередного общаго собранія.

V.

Въ теченіе неполныхъ трехъ мѣсяцевъ прочтены были въ 1897 г. профессорами лейпцигскаго университета слѣдующія 12 отдѣльныхъ публичныхъ лекцій: „Изобрѣтатели золота прежде и теперь“ (проф. Оствальдъ), „Возникновеніе горъ“ (проф. Эднеръ), „Старыя и новыя описанія путешествій“ (проф. Ратзель), „Переселенія животныхъ“ (проф. Маршалль), „Начало нѣмецкаго театра“ (проф. Витковскій), „Начало всемірной политики въ Германіи“ (проф. Лампрехтъ), „Договоръ о наймѣ по новому гражданскому уложенію“ (проф. Зомъ), „Княжество Черногорія“

(проф. Гассертъ), „Буддизмъ на Цейлонѣ“ (проф. Шмидтъ), „Своеобразная организація Германской имперіи“ (проф. Виндингъ), „Сотвореніе міра и древнѣйшая исторія“ (проф. Люкіенъ) и „Національное міросозерцаніе Гёте“ (проф. Эстеръ). Комитетъ, организовавшій эти лекціи, придерживался того взгляда, что систематическіе курсы, несомнѣнно, полезнѣе для слушателей, нежели отрывочныя свѣдѣнія, получаемыя на отдѣльныхъ лекціяхъ; но систематическихъ к[illegible] комитетъ, по разнымъ причинамъ (отсутствіе средствъ, отказъ профессоровъ, читающихъ въ университетѣ лекціи по медицинѣ и естественной исторіи, и т. п.), организовать еще не могъ. Поэтому рѣшено было устроить, въ видѣ [illegible] отдѣльныхъ научно-популярныхъ лекцій. Лекціи начинались каждый разъ ровно въ 8½ час. вечера и продолжались, по меньшей мѣрѣ, 1 часъ, при чемъ нѣкоторые лекторы вынесли убѣжденіе, что подобныя публичныя лекціи, большинство слушателей которыхъ руководится лишь сознательнымъ стремленіемъ учиться, могутъ продолжаться 1¼ и даже 1½ часа. На право посѣщенія всѣхъ двѣнадцати лекцій комитетомъ было выдано 650 билетовъ, каждый въ одну марку, а на право посѣщенія отдѣльныхъ лекцій распродано было: на 6-ю лекцію—850 билетовъ, на 10—12 лекціи по 550 билетовъ и на всѣ остальныя лекціи по 500 билетовъ, каждый цѣною въ 10 пфенниговъ. Билеты были отпечатаны въ видѣ статистическихъ карточекъ, съ особыми рубриками для подписанія каждымъ посѣтителемъ своего имени, званія, рода занятія, а также мѣстожительства. Послѣднимъ комитетъ желалъ точно установить: гдѣ, собственно, должны быть прочтены организованныя лекціи — въ той или другой части города, въ томъ или другомъ предмѣстьѣ. Громаднымъ большинствомъ посѣтителей лекцій всѣ рубрики на карточкахъ были заполнены весьма тщательно; только 3% мужчинъ и 10% женщинъ заполнили данныя рубрики лишь отчасти или совершенно не заполнили ихъ. Эти карточки, отбираемыя у слушателей лекцій при входѣ ихъ въ залъ, были, конечно, подсчитаны и тщательно разсортированы. Оказалось, что лекціи привлекли, въ общемъ, 10.546 слушателей, изъ которыхъ 8.078 чел. (76,6%) были мужчины, а 2.468 чел. (23,4%)—женщины. Судя по отчету комитета, изъ общаго числа посѣтительницъ 907 (8,6%) были замужнія женщины или вдовы, а 1,651 (14,8%)—дѣвушки. Отчетъ даетъ также нѣкоторыя свѣдѣнія о родѣ занятія этихъ незамужнихъ слушательницъ: 360 изъ нихъ были учительницы, 80—телефонистки, 39 — ремесленныя ученицы, 33 — надзирательницы въ

дѣтскихъ садахъ, 30—швеи, 29—портнихи, 25—директриссы, 16—работницы (родъ занятія точнѣе не указанъ), 16—продавщицы и 794—дѣвушки, жившія у своихъ родителей. Что же касается посѣтителей-мужчинъ, то они по роду занятія дѣлились такъ: 2.937 чел. (22,8%)—рабочіе и ремесленники (главнымъ образомъ, переплетчики, слесаря и столяры), 1.127 чел. (10,7%)—наборщики, литографы, печатники и т. п., 1.927 чел. (18,7%)—купцы, прика[illegible]торговцы книгами, клэрки, страховые агенты, базарные торговцы и т. д., 425 чел. (4%)—почтовые, телеграфные и желѣзнодорожные чиновники и служащіе, 1.016 чел. (9,6%)—ученики, учи[illegible], студенты, врачи, журналисты, редакторы [illegible] (5%) — чиновники, 330 чел. (3,1%) — люди [illegible]аго занятія или ремесла, 254 чел. (2,4%)—служащіе [illegible] и т. п., и 29 чел. (0,3%) – служителя.

Итакъ, въ Лейпцигѣ посѣтило публичныя лекціи 2.397 + 1.127 рабочихъ и ремесленниковъ; наборщики, литографы и печатники выдѣлены были комитетомъ въ отдѣльную группу, такъ какъ Лейпцигъ въ отношеніи печатнаго дѣла крупнѣйшій городъ въ Германіи, но большинство изъ нихъ принадлежитъ, несомнѣнно, къ рабочему классу. Къ сожалѣнію, комитетъ не установилъ точно, принадлежитъ ли большинство посѣтившихъ лекціи ремесленниковъ къ числу такъ называемыхъ самостоятельныхъ, или же напротивъ. Не указанъ также и возрастъ посѣтителей. Но зато отчетъ даетъ еще рядъ другихъ интересныхъ цифръ. Такъ, изъ отчета мы узнаемъ, что первую лекцію посѣтили лишь 259 человѣкъ, вторую и третью—свыше тысячи, четвертую и пятую—свыше девятисотъ пятидесяти, шестую—1.177 чел.; всѣ остальныя, за исключеніемъ одиннадцатой, — свыше или меньше восьмисотъ пятидесяти и, наконецъ, одиннадцатую—796 чел. Судя по этимъ цифрамъ, интересъ къ лекціямъ со стороны слушателей постепенно уменьшался; если мы сравнимъ число посѣтившихъ вторую лекцію съ числомъ лицъ, посѣтившихъ послѣднюю, то увидимъ, что число посѣтителей упало на 22,5%. Но отчетъ отмѣчаетъ, что женщины охотнѣе посѣщали послѣднія шесть лекцій, нежели первыя, и число посѣтительницъ увеличилось даже болѣе, нежели вдвое (52,9%). Не трудно, поэтому, вычислить, что въ то время какъ число посѣтителей, вообще, уменьшилось на 22%, число посѣтителей-мужчинъ уменьшилось на цѣлыхъ 38%. Является вопросъ: какая группа слушателей проявила наименьшій интересъ къ послѣднимъ шести лекціямъ? Отчетъ даетъ отвѣтъ и на этотъ

вопросъ: изъ 100 рабочихъ и ремесленниковъ, посѣтившихъ первыя шесть лекцій, явились на послѣднія шесть—лишь 35 человѣкъ. Затѣмъ, изъ ста лицъ, занимавшихся печатнымъ дѣломъ, проявили интересъ къ послѣднимъ шести лекціямъ лишь 52 человѣка. Каковы же были причины этого столь замѣтнаго упадка интереса къ лекціямъ со стороны рабочихъ и ремесленниковъ, въ то время какъ число посѣтителей изъ другихъ группъ уменьшилось, судя по тому же отчету, лишь отъ 9 до 26 человѣкъ на сто? Приведенныя выше цифры показали, что о томъ, будто рабочіе и ремесленники не хотятъ учиться, не можетъ быть и рѣчи. Можетъ быть, лейпцигскіе рабочіе и ремесленники не имѣли возможности оторваться отъ работы на цѣлыхъ 12 вечеровъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ? или они далеко не всѣ могли внести одну марку за право слушанія всѣхъ 12-ти лекцій? Думается, что не въ этомъ надо искать главную причину равнодушнаго отношенія многихъ рабочихъ и ремесленниковъ къ послѣдующимъ шести лекціямъ, разъ они столь охотно посѣщали первыя шесть, но въ чемъ-либо совершенно другомъ.

Человѣкъ, знакомый съ жизнью рабочихъ въ Германіи не только по книгамъ или газетнымъ статьямъ, но и по личному опыту, хорошо знакомый съ міросозерцаніемъ нѣмецкихъ рабочихъ, ихъ чувствами и степенью ихъ воспріимчивости, и потому могущій ихъ понять и оцѣнить, прекрасно знаетъ, какъ недовѣрчиво и осторожно относится нѣмецкій рабочій ко всему тому, что̀ онъ, при существующихъ условіяхъ, долженъ принять въ какой бы то ни было формѣ изъ рукъ высшихъ классовъ. Нѣмецкій рабочій постоянно опасается потерять что-либо изъ своихъ правъ, которыхъ онъ добился только послѣ долголѣтней борьбы, и поэтому онъ во всемъ предлагаемомъ ему со стороны высшихъ классовъ видитъ тенденціозное желаніе повліять на него, обучать его, измѣнить складъ его мыслей и образъ его дѣйствій; онъ видитъ подчасъ подобное намѣреніе даже тамъ, гдѣ его нѣтъ совершенно. Всего этого не принялъ во вниманіе комитетъ, организовавшій лекціи, знавшій заранѣе, что главный контингентъ слушателей составляютъ рабочіе, но, тѣмъ не менѣе, предоставившій полную свободу гг. лекторамъ въ отношеніи выбора темы, формы лекціи и содержанія ея. Комитету, въ большинствѣ случаевъ, не пришлось раскаяваться въ своемъ поступкѣ, такъ какъ почти всѣ лекторы постарались придать своимъ лекціямъ часто научный характеръ, хотя нѣкоторые изъ нихъ и могли легко перейти къ политической агитаціи. Шестой рефератъ, прочитанный проф. Лампрехтомъ, носилъ вполнѣ по-

литическій характеръ. Рѣчь проф. Лампрехта была, какъ передавали лица, слышавшія ее, сплошная хвалебная ода желѣзному канцлеру, князю Бисмарку, и его внѣшней политикѣ. Нѣкоторые слушатели были даже удивлены, когда проф. Лампрехтъ, противъ ихъ ожиданія, не закончилъ своей рѣчи „Hoch“ въ честь жившаго тогда отшельникомъ Бисмарка и не предложилъ слушателямъ послать ему привѣтственную телеграмму. Даже члены комитета высказывались, что проф. Лампрехтъ былъ нѣсколько невоздержанъ и что содержаніе его лекціи было неумѣстно. Очевидно, многіе рабочіе и ремесленники, слышавшіе эту лекцію проф. Лампрехта, были недовольны ея тенденціознымъ характеромъ, потому что именно послѣ этой лекціи они стали значительно рѣже посѣщать послѣдующія; къ тому же, нѣкоторыя изъ первыхъ шести лекцій были интереснѣе послѣдующихъ уже потому, что носили болѣе научный характеръ; вторая и третья лекціи привлекли значительно бо́льшее число слушателей, нежели лекціи на темы: „Буддизмъ на Цейлонѣ“ или „Національное міросозерцаніе Гёте“. Подобныя лекціи, какъ и лекція на тему: „Начало нѣмецкаго театра“, могутъ привлечь только лицъ, принадлежащихъ къ такъ называемымъ образованнымъ классамъ; рабочіе охотнѣе посѣщаютъ, какъ показалъ опытъ народныхъ университетовъ въ Мюнхенѣ и Вѣнѣ, курсы и лекціи по медицинѣ, естественной исторіи и политической экономіи. Тема седьмой лекціи—„Договоръ о наймѣ по новому гражданскому уложенію“—должна была и, несомнѣнно, привлекла бы значительное число рабочихъ и ремесленниковъ, если бы этой именно лекціи не предшествовалъ тенденціозный рефератъ проф. Лампрехта. Все это, конечно, лишь предположенія, которыя, будучи не лишены большой доли вѣроятности, все-таки не могутъ быть подтверждены фактическими данными. Можетъ быть, еслибы слушателямъ розданы были заблаговременно, какъ это дѣлалось раньше въ Мюнхенѣ, программы каждой отдѣльной лекціи, составъ слушателей въ аудиторіи (лекціи читались въ залахъ частныхъ театровъ) и численность ихъ были бы каждый разъ иные.

VI.

Выше было сказано, что комитетъ разсматривалъ организованныя имъ лекціи лишь какъ опытъ, какъ начало будущихъ университетскихъ курсовъ. Опытъ оказался довольно удачнымъ, но университетскіе курсы для народа въ Лейпцигѣ по сію пору

не открыты по причинамъ, въ печать не проникшимъ. Другіе же германскіе университеты,—а ихъ наберется еще свыше дюжины, — также не взяли на себя инициативы устройства систематическихъ курсовъ для народа, и народные университеты, руководимые университетскими профессорами (принципъ: „университетскіе курсы для народа должны быть ведены исключительно университетскими профессорами“ выставленъ и проводится также въ Австріи, Англіи и др.), существуютъ пока лишь въ Берлинѣ и Мюнхенѣ. Правда, въ Іенѣ прочтены были, два года назадъ, мѣстными университетскими профессорами (между ними Штраубелемъ, Гертнеромъ и Деттмеромъ) четыре курса, по шести лекціи каждый, — по физикѣ, ботаникѣ, гигіенѣ и исторіи культуры, но организованы были эти курсы мѣстнымъ отдѣленіемъ общества имени Comenius'a. Лекціи читались по вечерамъ, отъ 8 до 9 час., два раза въ недѣлю, и число слушателей достигало иногда 200—250. Рабочіе и ремесленники составляли почти 75% общаго числа слушателей; остальную часть составляли студенты, купцы, учителя и дамы. Для популяризаціи среди населенія подготовлявшихся въ Іенѣ курсовъ и для постановки этого дѣла на прочныя основанія много сдѣлалъ д-ръ Науль Бергеманнъ, а также членъ академіи наукъ проф. Аббе. Послѣдній добился, напримѣръ, того, что одна богатая фирма въ Іенѣ взяла на себя расходы по устройству упомянутыхъ курсовъ. Іенскій университетъ устраиваетъ ежегодно на каникулахъ курсы для учителей и учительницъ народныхъ школъ,— начиная съ 1889 г. не столь регулярно читаются подобные курсы для учителей и учительницъ въ Берлинѣ, Страсбургѣ, Франкфуртѣ, Геттингенѣ и Грейфсвальдѣ: въ послѣднемъ допускали сначала къ слушанію курсовъ только учителей среднихъ школъ, а съ недавняго времени стали допускать и народныхъ учителей и учительницъ. Темы курсовъ, конечно, болѣе или менѣе спеціальныя, напр.: „Построеніе и дѣятельность голосовыхъ органовъ“ (проф. Ландуа, 3 лекціи); „Главнѣйшіе отрывки изъ нѣмецкой грамматики“ (проф. Райффершейдъ, 8 лекцій); „Основы фонетики“ и т. п. На ряду съ спеціальными читаются и популярные курсы по различнымъ отраслямъ науки. Два года назадъ, посѣтило курсы 204 чел., изъ нихъ 135 нѣмцевъ, 28 шведовъ, 12 финляндцевъ, 10 норвежцевъ, 7 австрійцевъ, 5 датчанъ, 3 англичанина, 2 американца, 1 русскій и 1 французъ. Устроены были разновременно университетскіе курсы для народа и въ Страсбургѣ, Кёнигсбергѣ и Бреславлѣ, на тѣхъ же, въ общемъ,

основаніяхъ, что и въ Іенѣ, но нигдѣ они не стали постояннымъ институтомъ.

Вотъ и всѣ опыты „University-Extension“, встрѣчающіеся въ университетскихъ городахъ Германіи. Не безъ натяжки могутъ быть причислены къ нимъ курсы по соціально-политическимъ и экономическимъ вопросамъ, устраиваемые періодически „Обществомъ соціальной политики“, отпраздновавшимъ уже двадцатипятилѣтній юбилей своего существованія. Послѣдніе курсы состоялись три года назадъ въ Берлинѣ; читали профессора: Вагнеръ — „О частной собственности и экономической свободѣ“; Шмоллеръ — „О раздѣленіи труда, образованіи классовъ и соціальной борьбѣ“; Зерингъ — „Объ аграрномъ вопросѣ настоящаго времени“; Бюхеръ — „О промышленныхъ формахъ“; Кнаппъ — „О деньгахъ и денежной валютѣ“; Конрадъ — „О населеніи, колоніи и выселеніяхъ“; Филипповичъ — „О новѣйшей торговой политикѣ средне-европейскихъ странъ“; Брентано — „О рабочемъ договорѣ и условіяхъ, опредѣляющихъ заработную плату“; Нейманнъ — „О величайшихъ финансовыхъ вопросахъ современности съ соціально-политической точки зрѣнія“; Эльстеръ — „О соціальныхъ задачахъ государства, церкви и высшихъ классовъ общества, въ связи съ вопросомъ о призрѣніи нищихъ и обезпеченіи рабочихъ“; Мясковскій — „Объ укрѣпленіи, сохраненіи и распространеніи нѣмецкаго крестьянства въ сѣверо-восточной части имперіи“, а также нѣкоторые приватъ-доценты. Хотя многія изъ этихъ лекцій носили спеціальный характеръ, тѣмъ не менѣе имена наиболѣе выдающихся экономистовъ Германіи и Австріи привлекли тогда въ Auditorium maximum берлинскаго университета значительное число слушателей, главный контингентъ которыхъ составляли учителя, чиновники, техники, лица духовнаго званія, отчасти фабриканты, вообще же лица, болѣе или менѣе подготовленныя къ пониманію и воспріятію читаемаго имъ съ каѳедры. Плата за слушаніе взималась слѣдующая: за полный циклъ въ теченіе двухъ недѣль — 25 марокъ, за полъ-цикла въ теченіе одной недѣли — 15 марокъ, за лекціи въ теченіе одного дня — 3 марки. И если нѣкоторыя лекціи привлекали лишь 200 слушателей, то другія — свыше 800, и многіе желающіе не могли попасть въ названную выше аудиторію.

VII.

Наконецъ, два года назадъ, устройствомъ университетскихъ курсовъ для народа рѣшилъ заняться кружокъ лицъ, стоящихъ вдали отъ университетскихъ круговъ. Въ Берлинѣ былъ организованъ временный комитетъ, который въ теченіе полугода дѣятельно вербовалъ членовъ и собиралъ средства для организаціи „Германскаго Общества высшаго народнаго образованія“ (Deutscher Volkshochschülverein). Цѣль общества была—устройство курсовъ и чтеніе отдѣльныхъ лекцій въ помѣщеніи общинныхъ школъ, съ предоставленіемъ права посѣщенія ихъ совершенно безплатно всѣмъ желающимъ, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ. Общество не будетъ преслѣдовать какихъ-либо политическихъ цѣлей.—говорилось въ опубликованномъ проспектѣ работъ комитета:—курсы и лекціи будутъ носить исключительно научный характеръ. Но такъ какъ отдѣльные лекторы станутъ, несомнѣнно, высказывать, при чтеніи лекцій по исторіи или политической экономіи, свои взгляды и политическія убѣжденія, то комитетъ предполагалъ позаботиться о томъ, чтобы по спорнымъ вопросамъ въ области исторіи или политической экономіи высказывались поочередно лекторы различныхъ партій и направленій. Далѣе, въ опубликованномъ проспектѣ сообщалось, что магистратъ Берлина не только согласился отдать помѣщенія общинныхъ школъ для чтенія лекцій совершенно безвозмездно, но и отказался отъ своего права цензировать содержаніе всего того, что будетъ прочтено въ стѣнахъ общинныхъ школъ. Правительство, съ своей стороны, признало существованіе комитета вполнѣ законнымъ, а многіе депутаты различныхъ партій обѣщали комитету свое содѣйствіе.

Этому временному комитету дѣйствительно удалось устроить въ прошломъ году зимой шесть безплатныхъ курсовъ для народа, каждый въ 6 — 24 лекціи, въ помѣщеніи нѣсколькихъ общинныхъ школъ. Но устроены были эти курсы во всѣхъ отношеніяхъ неудачно. Уже не говоря о томъ, что курсы совершенно не носили характера „университетскихъ“, комитетъ почему-то не позаботился о томъ, чтобы публика была извѣщена о началѣ курсовъ, ихъ программахъ и о времени и мѣстѣ чтенія лекцій. На лекціи собирались, главнымъ образомъ, учителя и учительницы тѣхъ школъ, въ помѣщеніи которыхъ курсы были устроены: заходили и нѣкоторые окрестные жители, случайно узнавшіе, что въ сосѣдней школѣ будутъ о чемъ-то читать, а

входъ безплатный. Затѣмъ, лекторами были приглашены лица совершенно неопытныя, да и темы были подобраны комитетомъ весьма неудачно. Д-ръ Августъ Вольфстингъ, библіотекарь прусской палаты депутатовъ, прочелъ курсъ объ эпохѣ великой французской революціи; д-ръ Александръ Глейхенъ, учитель гимназіи, прочелъ десять лекцій по физикѣ; г-жа Минна Кауфъ, учительница и извѣстная поборница женской эмансипаціи, читала рядъ лекцій по „исторіи женскаго развитія“. Курсы же: „О школьной гигіенѣ“ и „Объ уходѣ за ребенкомъ въ первые его годы“ читались совершенно никому неизвѣстными лицами и далеко не спеціалистами.

Въ началѣ прошлаго года временный комитетъ объявилъ, наконецъ, въ газетахъ, что имъ созывается, для организаціи затѣваемаго Общества, народное собраніе. Но въ роскошномъ залѣ берлинской ратуши собралось всего лишь человѣкъ двѣсти. Собраніемъ руководилъ—нѣсколько неудачно—тотъ же временный комитетъ, предложившій присутствующимъ разсмотрѣть слѣдующіе три пункта, которые, по мнѣнію комитета, должны быть положены въ основу будущихъ университетскихъ курсовъ: 1) въ виду того, что чтеніе отдѣльныхъ лекцій, согласно имѣющемуся опыту, скорѣе приноситъ вредъ, нежели пользу для слушателей, организующееся Общество ставитъ своей задачей устройство лишь систематическихъ курсовъ; 2) Общество будетъ стремиться давать народу только тѣ знанія, которыя, главнымъ образомъ, народу необходимы, и 3) полагая дать возможность посѣщать курсы всѣмъ желающимъ, Общество организуетъ курсы совершенно безплатные. Противъ послѣдняго положенія возражалъ профессоръ Тренненбургъ. Кто знакомъ съ организаціей народныхъ университетовъ,—говорилъ онъ,—у кого имѣется запасъ наблюденій надъ слушателями подобныхъ симпатичныхъ учрежденій, тотъ хорошо знаетъ, что университетскіе курсы для народа не должны быть ни въ какомъ случаѣ безплатными. Если курсы платные,—слушать ихъ идутъ только лица, сознательно желающія учиться. И нѣтъ на свѣтѣ ни одного народнаго университета, въ которомъ не взималась бы за слушаніе курсовъ и лекцій хотя бы скромная плата. Надо знать характеръ нѣмецкаго рабочаго или ремесленника: онъ недовѣрчиво относится къ курсамъ или лекціямъ, если они безплатны; онъ думаетъ, что высшіе классы хотятъ этимъ путемъ вліять на него. Но тотъ же рабочій весьма доволенъ, если имѣетъ возможность учиться за свои трудовыя деньги. Д-ръ Эрнстъ Шульце, авторъ весьма дѣльной книги: „Volkshochschulen und Universitätsausdehnung-

Bewegung", вполнѣ соглашался съ предъидущимъ ораторомъ: нѣмецкій народъ не хочетъ принимать подарковъ отъ буржуазіи. Скажутъ:—а обученіе въ общинныхъ школахъ вѣдь безплатное! Да, но рабочіе, какъ и ремесленники и купцы, платятъ государственные и общинные налоги. Затѣмъ, будущіе университетскіе курсы должны вызвать нѣкоторые расходы, — неужели они будутъ покрыты частными пожертвованіями? Вотъ, въ Вѣнѣ университетскіе курсы получаютъ значительную субсидію отъ правительства; тѣмъ не менѣе, со слушателей лекцій и курсовъ все-таки взимается скромная по размѣрамъ, но опредѣленная плата.

Дальнѣйшіе дебаты касались, главнымъ образомъ, „Гумбольдтовской академіи" и вопроса о томъ, желательно ли и необходимо имѣть въ Берлинѣ еще одинъ подобный институтъ, какимъ, несомнѣнно, явился бы и проектируемый временнымъ комитетомъ народный университетъ. Гумбольдтовская академія основана свыше двадцати лѣтъ назадъ и названа такъ въ честь великаго ученаго Александра фонъ-Гумбольдта, который въ началѣ истекающаго столѣтія читалъ вмѣстѣ съ Фихте публичныя лекціи „о высшихъ проблемахъ жизни природы и человѣка". Съ самаго начала своего существованія Гумбольдтовская академія, получающая значительную субсидію отъ города, преслѣдовала лишь одну цѣль: способствовать дальнѣйшему образованію и развитію среднихъ классовъ населенія. Лица, руководившія академіей, задавались не разъ мыслью о подготовкѣ разносторонне-образованныхъ общественныхъ дѣятелей или даже объ организаціи второго берлинскаго университета: но опытъ показалъ, что академія можетъ лишь удовлетворить жаждѣ знаній у лицъ, которыя не прошли курса средне-учебныхъ заведеній и лишены возможности поступить въ университетъ. Въ Гумбольдтовскую академію поступали многія лица, свободныя лишь по вечерамъ; поступали дамы и дѣвушки, которымъ доступъ въ университетскія аудиторіи былъ совершенно преграждень. Контингентъ слушателей былъ въ академіи постоянно довольно большой, такъ что, по приблизительному подсчету, за все время существованія академіи около 1.400 цикловъ лекцій были прослушаны приблизительно 35.000 лицъ обоего пола, и съ начала девятидесятыхъ годовъ большей частью — женщинами. Необходимо тутъ же отмѣтить, что громадное большинство слушателей были представители или представительницы зажиточнаго класса, которые могли платить отъ 5 до 7 мар. и больше за прослушаніе курса въ 10—12 лекцій. Только въ самое послѣднее время,

когда значительное число слушательницъ академіи получили возможность посѣщать университетскія лекціи, приняты были нѣкоторыя мѣры къ постепенному преобразованію Гумбольдтовской академіи въ народный университетъ. Съ рабочихъ, ремесленниковъ, чиновниковъ, учительницъ и учащихся стали взимать по 3 марки за право слушанія одного курса (обыкновенно же взимается по 5 мар. за одинъ курсъ, по 4 марки—за каждый дальнѣйшій курсъ, и по 6—7 марокъ—за каждый двойной курсъ), и достаточно одного заявленія въ бюро академіи для того, чтобы плата совершенно не взималась съ заявившаго о своей нуждѣ слушателя. Но такъ какъ къ этому рѣшаются прибѣгнуть лишь немногіе и такъ какъ три марки—все еще слишкомъ высокая плата для берлинскихъ рабочихъ, то число слушателей академіи изъ среды рабочихъ почти не увеличилось. Но въ общемъ контингентъ слушателей съ пониженіемъ платы увеличился, и въ прошломъ году дирекціи пришлось озаботиться о наймѣ третьяго помѣщенія, именно большого зала Architekten-Haus'а, въ то время какъ раньше лекціи читались въ актовыхъ залахъ двухъ реальныхъ училищъ, въ центрѣ города. Съ прошлой осени дирекція наняла для чтенія лекцій еще два помѣщенія на окраинахъ города, ближе къ предмѣстьямъ; но даже и здѣсь, вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ, большинство слушателей составляли не рабочіе и ремесленники, а народные учителя и учительницы, мелкіе торговцы, служащіе и т. п. Учебный годъ въ Гумбольдтовской академіи дѣлится на четверти („кварталы"), и въ закончившейся къ прошлому Рождеству четверти 3.285 зарегистрованныхъ слушателей (на 735 чел. болѣе, нежели годомъ раньше) имѣли возможность прослушать 101 циклъ лекцій по самымъ разнообразнымъ предметамъ и научнымъ дисциплинамъ: естественной исторіи, философіи, исторіи литературы и искусствъ, политической экономіи и др. Въ слѣдующій кварталъ 3.002 слушателя (на 642 чел. болѣе, нежели годомъ раньше) прослушали 94 цикла лекцій (на 13 болѣе, нежели зимой 1898 г.). Въ теченіе послѣдняго зимняго полугодія академія имѣла 6.287 слушателей, болѣе, чѣмъ годомъ раньше, на 1.377 чел., и 44-хъ доцентовъ, мужчинъ и дамъ, среди которыхъ встрѣчаются имена нѣкоторыхъ лекторовъ берлинскаго университета. Наконецъ, въ послѣднемъ весеннемъ кварталѣ прочтено было 25 доцентами только 57 цикловъ лекцій, такъ какъ обѣ аудиторіи на окраинахъ города весною были закрыты.

Гумбольдтовская академія потому и имѣетъ значительный успѣхъ, что устраняетъ только лишь систематическіе курсы,—

говорилъ д-ръ Эрнстъ Шульце на упомянутомъ выше народномъ собраніи:—кто не можетъ учиться въ берлинскомъ университетѣ, тотъ учится въ этой академіи. Но она не удовлетворяетъ потребностямъ всего берлинскаго населенія. Академію посѣщаетъ только среднее, зажиточное сословіе. Это происходитъ по тремъ причинамъ: лекціи приноровлены къ степени развитія слушателей изъ бюргерскаго сословія; часы чтенія лекцій весьма неудобны для рабочихъ, да и читаются лекціи очень далеко отъ рабочихъ кварталовъ; наконецъ, плата за слушаніе лекцій взимается въ академіи нѣсколько высокая. Даже теперь, когда плата за слушаніе отдѣльнаго курса уменьшена до 3-хъ марокъ, рабочіе еще не могутъ посѣщать Гумбольдтовскую академію. Говорятъ, что рабочіе не хотятъ учиться. Но почему же въ Вѣнѣ университетскіе курсы посѣщаются тысячами рабочихъ? Потому что тамъ лекціи читались по вечерамъ, а за право слушанія каждой лекціи взималось лишь 10 крейцеровъ.—Д-ру Шульце возражалъ д-ръ Максъ Гиршъ, одинъ изъ основателей и руководителей Гумбольдтовской академіи.—Да, плата взимается въ академіи нѣсколько высокая. Но при основаніи академіи рѣшено было въ принципѣ предназначить ее, именно, для средняго класса берлинскаго населенія: согласно этому, и плата взималась сравнительно высокая, да и лекціи были приноровлены къ пониманію слушателей изъ сравнительно достаточнаго сословія. Теперь руководителями академіи рѣшено привлечь къ слушанію курсовъ болѣе широкіе слои населенія. Это удалось, благодаря пониженію платы за посѣщеніе лекцій. Академію стали посѣщать сотни народныхъ учителей и учительницъ, которые прежде не имѣли возможности этого дѣлать. Въ принципѣ рѣшено, что и впредь плата за право слушанія курсовъ будетъ постепенно уменьшаема. Пока же, если кто-либо сообщаетъ правленію академіи, что онъ желаетъ учиться, но не имѣетъ возможности платить, онъ получаетъ разрѣшеніе посѣщать курсы и лекціи безплатно. Почему же рабочіе, которые не могутъ платить за слушаніе курсовъ, не воспользуются подобнымъ любезнымъ разрѣшеніемъ правленія академіи? Почему они до сихъ поръ составляютъ только три процента общаго числа слушателей? Очень просто: рабочіе не хотятъ учиться [1]). Вотъ, берлинскіе соціальдемократы имѣютъ свой народный университетъ (Arbeiter-Bildungsschule), но онъ не пользуется успѣхомъ, не имѣетъ слу-

[1]) Опытъ перваго берлинскаго народнаго университета, какъ мы видѣли это выше, доказалъ противное

шателей; а слушателей у него нѣтъ потому, что рабочіе не имѣютъ ни времени, ни охоты учиться. Говорятъ, что рабочіе охотно учатся лишь тому, что̀ имѣетъ для нихъ практическую пользу, но именно этой потребности ихъ Гумбольдтовская академія не удовлетворяетъ. А между тѣмъ, въ академіи преподаются: физика, химія, математика, нѣмецкій языкъ и т. д.; слушателей знакомятъ и съ основами политической экономіи. Все это необходимо знать каждому рабочему. Наконецъ, говорятъ еще, что рабочіе не могутъ посѣщать лекцій Гумбольдтовской академіи потому, что лекторы не приноровливаются къ степени ихъ развитія. Да этого и не должно быть! Научныя истины излагаются лекторами академіи въ достаточно популярной формѣ; если рабочіе все же прослушанныхъ лекцій не понимаютъ, то это происходитъ лишь потому, что элементарное образованіе рабочихъ должно быть пополнено и расширено. Пусть эти рабочіе направляются въ такъ-называемыя „дополнительныя школы“ (Fortbildungsschulen), а Гумбольдтовская академія была и должна оставаться высшею школой. Подобной же высшей школою долженъ быть, несомнѣнно, и предполагаемый народный университетъ. Ораторъ, впрочемъ, полагаетъ, что Гумбольдтовская академія вполнѣ удовлетворяетъ въ данномъ отношеніи нуждамъ берлинскаго населенія, и что всѣ тѣ лица, которыя хотятъ организовать новую академію, сдѣлали бы гораздо лучше, если бы отдали свое время и свои силы на поддержку уже существующей академіи. Д-ру Максу Гиршу возражали нѣсколько лицъ; всѣ они доказывали, что одной Гумбольдтовской академіи еще недостаточно, что новая академія должна быть устроена, главнымъ образомъ, для рабочихъ, и что она будетъ конкуррировать съ Гумбольдтовской лишь въ стремленіи возможно шире и успѣшнѣе популяризировать знанія. Общее впечатлѣніе по окончаніи дебатовъ получилось такое: новый народный университетъ можетъ и долженъ быть основанъ. Главной цѣлью новаго народнаго университета должна быть популяризація „университетскихъ“ знаній. Всѣ курсы должны вестись систематически, по заранѣе выработанной цѣльной программѣ. Курсы, наконецъ, не должны быть ни въ какомъ случаѣ безплатными. Собраніе, большинствомъ голосовъ, приняло въ принципѣ рѣшеніе объ основаніи народнаго университета и тотчасъ выбрало изъ своей среды коммиссію для выработки устава общества. Но о дѣятельности этой коммиссіи по сію пору рѣшительно ничего не слышно.

VIII.

Имѣется ли raison d'être для открытія еще одного народнаго университета въ Берлинѣ или даже цѣлой сѣти университетовъ? На этотъ вопросъ можно отвѣтить лишь вполнѣ утвердительно. Выше было показано, что Гумбольдтовская академія еще далеко не народный университетъ, и что университетскіе профессора, т.-е. представители систематически-разработанной, чистой науки составляютъ среди лекторовъ этой академіи лишь рѣдкое исключеніе. Гумбольдтовская академія даже не удовлетворяетъ вполнѣ нуждамъ бюргерскаго класса берлинскаго населенія, потому что на ряду съ ней процвѣтаетъ еще одна подобная академія, называющаяся лицеемъ имени Викторіи („Victoria-Lyceum"), но и этотъ лицей не можетъ замѣнить университета или играть роль высшаго учебнаго заведенія, хотя среди преподавателей его встрѣчаются имена профессоровъ: Эриха Шмидта (историкъ литературы), Вальдейера (анатомъ), Кекуле-фонъ-Страдозица (знатокъ античнаго искусства), Блазіуса (естествоиспытатель), Ленца (историкъ) и др. Этотъ лицей отличается отъ Гумбольдтовской академіи прежде всего тѣмъ, что принимаются имъ исключительно слушательницы. Организованы систематическіе курсы въ этомъ лицеѣ такъ: утромъ—для дѣвушекъ, проведшихъ лишь обязательный курсъ общинной школы (съ шестилѣтнимъ курсомъ, отъ 6 до 14 лѣтъ) или курсъ средней женской школы (Höhere Mädchen-Schule); послѣ обѣда—для желающихъ расширить свои знанія учительницъ. Вечернія же лекціи (за право слушанія каждой взимается 1 марка) предназначены для всѣхъ желающихъ ихъ слушать дамъ. Этотъ лицей, основанный уже тридцать лѣтъ назадъ, за послѣдніе годы сталъ терять многихъ слушательницъ, вслѣдствіе облегченія доступа женщинамъ въ берлинскій университетъ. Бывшихъ слушательницъ лицея привлекаютъ въ университетъ, конечно, какъ имена лекторовъ и прекрасно составленныя коллекціи университета, такъ и новизна для нихъ академической обстановки. По нѣкоторымъ признакамъ можно предположить, что въ лицеѣ имени Викторіи въ недалекомъ будущемъ будутъ устраиваться систематическіе курсы и для женщинъ-работницъ и ремесленницъ. Наконецъ, одно то обстоятельство, что, несмотря на существованіе Гумбольдтовской академіи и обрисованнаго лицея, университетскіе курсы, устроенные профессорами берлинскаго университета, привлекли значительный контингентъ слушателей, побиваетъ высказанное упомянутымъ выше ораторомъ мнѣніе,

будто одной Гумбольдтовской академіи достаточно. Если даже допустить, что оба лицея вполнѣ удовлетворяютъ нуждамъ *бюргерскаго* класса берлинскаго населенія, то вѣдь въ Берлинѣ живутъ еще нѣсколько сотъ тысячъ рабочихъ, для удовлетворенія нуждъ которыхъ одной „Arbeiter-Bildungsschule“ еще совершенно недостаточно. Это—высшая образовательная школа, основанная въ 1891 году рабочими на свои средства и пережившая за недолгое сравнительно время своего существованія серьезные кризисы. По плану основателей школы, въ ней должны были читаться систематическіе курсы по естественнымъ наукамъ, политической экономіи, исторіи, правовѣдѣнію и другимъ общеобразовательнымъ предметамъ. Но отсутствіе средствъ воспрепятствовало выполненію этой довольно обширной программы, и школа влачила весьма жалкое существованіе, пока ее не преобразовали, около трехъ лѣтъ назадъ, въ институтъ для подготовки рабочихъ-агитаторовъ и ораторовъ. Школа представляетъ теперь собою союзъ, и всѣ его платящіе члены имѣютъ право слушать читаемые курсы. Союзъ этотъ имѣлъ къ 1-му апрѣля того года 459 членовъ (412 мужчинъ, 47 женщинъ), но не всѣ они посѣщали въ прошломъ году читаемые въ школѣ курсы; наоборотъ, свыше 100 человѣкъ довольствовались лишь сознаніемъ того, что поддерживаютъ своими взносами школу. Наибольшій контингентъ слушателей-членовъ дали въ прошломъ году столяры, слесаря, фабричные рабочіе, швеи, приказчики, печатники, портные, сапожники, механики и т. д.; среди слушателей можно было встрѣтить одного журналиста, одного кандидата медицины и двухъ адвокатовъ. Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ читались и читаются слѣдующіе немногочисленные курсы: „Основы политической экономіи (извѣстный публицистъ и общественный дѣятель д-ръ Конрадъ Шмидтъ; слушателей въ прошломъ году 87); „Развитіе идеи о возникновеніи міра“ (д-ръ Борхардтъ); „Исторія“ (д-ръ Бертольдъ, 44 слушателя); „Правовѣдѣніе“, „Торговая политика“ (депутатъ и публицистъ Шиппель) и др. Каждый курсъ состоитъ изъ десяти лекцій, читаемыхъ одинъ разъ въ недѣлю вечеромъ. Кромѣ того, слушатели школы подготовляются къ произнесенію публичныхъ рѣчей. Съ этой цѣлью они составляютъ и прочитываютъ время отъ времени рефераты по доступнымъ имъ экономическимъ вопросамъ; дебатами руководитъ писатель Рихардъ Кальверъ. Въ прошломъ году у него было 63 ученика. Школа обладаетъ и маленькой библіотекой въ 1.000 томовъ. Хотя и удалось, путемъ взиманія

членскихъ взносовъ, покрывать расходы по школѣ, тѣмъ не менѣе, существованіе ея совершенно не обезпечено.

IX.

Весьма широка и плодотворна дѣятельность берлинскаго акціонернаго общества „Уранія", устраивающаго изо дня въ день въ собственномъ, превосходно обставленномъ помѣщеніи чтенія научно-популярныхъ лекцій, преимущественно по естественно-историческимъ наукамъ, и рефератовъ по научнымъ вопросамъ, имѣющимъ характеръ „злобы дня". Такъ, по возвращеніи Нансена изъ его послѣдняго путешествія, въ научномъ театрѣ прочитана было нѣсколько десятковъ разъ лекція: „О борьбѣ за достиженіе сѣвернаго полюса"; а раньше въ томъ же научномъ театрѣ имѣла и имѣетъ еще и теперь значительный успѣхъ лекція: „О рентгеновскихъ лучахъ". На афишахъ можно встрѣтить и заглавія такихъ лекцій, какъ: „Первобытныя времена человѣчества", или „Путешествіе по Австріи" (Швейцаріи, Скандинавіи и др. странамъ): „Элементы атмосферы" (читалъ англійскій профессоръ Рамсай): „По Востоку" и т. д. Всѣ эти лекціи, читаемыя въ т.-н. „научномъ" театрѣ, мало чѣмъ отличающемся отъ другихъ театровъ, сопровождаются иллюстраціями на экранѣ и экспериментами. Систематическихъ курсовъ берлинская „Уранія" не устраиваетъ, но въ аудиторіи при новомъ, недавно отстроенномъ зданіи можно ежедневно прослушать отдѣльную лекцію по физикѣ или химіи (съ экспериментами), по геологіи (напр., о происхожденіи горъ); по астрономіи (напр., о Марсѣ, Юпитерѣ и Сатурнѣ); по технологіи (напр., о способахъ добыванія сахара), или же лекціи подъ заглавіями: „Клондайкъ", „Фотографія естественными цвѣтами" и т. п. Лекціи эти, изъ которыхъ каждая повторяется нѣсколько разъ въ теченіе опредѣленнаго времени, не имѣютъ непосредственной связи съ научнымъ театромъ, и посѣщеніе ихъ оплачивается особо, какъ и осмотръ коллекцій „Уранія" (въ новомъ зданіи) или посѣщеніе обсерваторіи (въ старомъ зданіи). Нѣсколько большихъ залъ отведено въ новомъ зданіи подъ физическій, химическій, технологическій, ботанико-зоологическій и др. кабинеты. Коллекціи не особенно богаты, но снабжены особыми приспособленіями, такъ что посѣтители имѣютъ возможность лично продѣлывать опыты, не прибѣгая къ помощи спеціалистовъ. Сюда часто приводятъ школьниковъ, и велика радость дѣтей, если они сами

могутъ привести въ движеніе локомобиль, переговариваться другъ съ другомъ по телефону, выкачивать воду изъ сосуда или воздухъ изъ стекляннаго шара и т. д. Время отъ времени, въ залахъ „Уранін“ устраиваются разнаго рода выставки и пр. доисторическихъ предметовъ (оружіе, орудія, украшенія), моделей до-историческихъ животныхъ, хромоскоповъ и аппаратовъ, дающихъ цвѣтную фотографію, и т. п. За осмотръ коллекцій взимается 50 пфенниговъ, за осмотръ обсерваторіи — столько же; въ научномъ театрѣ цѣны мѣстамъ различныя, но въ общемъ не высокія.

Д-ръ Мейеръ, основатель и долголѣтній директоръ „Уранін“, вынужденъ былъ недавно отказаться отъ руководства этимъ институтомъ, и затѣмъ послѣдовало основаніе новаго интернаціональнаго научно-театральнаго общества, которое поставило себѣ задачей развивать любовь народа и всѣхъ образованныхъ людей къ природѣ путемъ научно-популярныхъ и художественно-обставленныхъ лекцій, и не только въ Германіи: въ нѣсколькихъ странахъ одновременно къ этому дѣлу привлечены уже многія выдающіяся силы.

X.

Таковы наиболѣе крупныя просвѣтительныя организаціи города Берлина. Что касается провинціи (если можно говорить о провинціи въ странѣ, бывшей всегда и остающейся децентрализованной), то на первомъ мѣстѣ приходится поставить институтъ „Freies Deutsches Hochstift“ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, основанный, по мысли геолога Отто Фольгера, 10-го ноября 1859 г., въ юбилейный день Шиллера. Организовавшійся тогда „ферейнъ“, во главѣ котораго сталъ тотъ же Фольгеръ, ограничивалъ первыя двадцать лѣтъ свою дѣятельность культомъ памяти Гёте, Шиллера и ихъ современниковъ, и даже пріобрѣлъ домъ, въ которомъ родился Гёте и въ которомъ помѣщается теперь институтъ. Въ 1878 г., мѣстный богачъ Теодоръ Мюллеръ завѣщалъ институту значительный капиталъ, благодаря чему институтъ значительно расширилъ свою просвѣтительную дѣятельность. Чтеніе лекцій и систематическихъ курсовъ, поддержка предпріятій и начинаній литературнаго, научнаго или художественнаго характера, пріобрѣтеніе и распространеніе научно-популярныхъ книгъ, учебныхъ пособій и т. п.,—такова въ настоящее время программа дѣятельности института. Экономическая секція его организовала въ началѣ девятидесятыхъ годовъ особый комитетъ

по устройству для народныхъ чтеній и пригласила въ качествѣ лекторовъ извѣстнаго химика Спифиціуса и извѣстнаго общественнаго дѣятеля, предсѣдателя мѣстнаго Gewerbegericht'a, д-ра Флеша. Послѣдній уже и раньше получалъ приглашенія прочитать лекцію или рефератъ по своей спеціальности, политической экономіи, на собраніи той или иной рабочей корпораціи; но эти лекціи были далеко не регулярны и доступны опять-таки не всѣмъ желавшимъ чему-либо научиться. Поэтому упомянутый комитетъ организовалъ постоянныя чтенія и нанялъ для нихъ залъ, вмѣщающій около 700 человѣкъ. Чтенія были объявлены безплатными и доступными для всѣхъ, и наплывъ слушателей всегда былъ и по сію пору таковъ, что далеко не всѣ желающіе могутъ въ иной вечеръ попасть въ залъ; многіе слушатели приходятъ поэтому уже за полчаса до начала чтенія.

Кромѣ института „Freies Deutsches Hochstift", даютъ деньги на поддержку этихъ чтеній какъ описанное выше „Общество для распространенія въ народѣ просвѣщенія", такъ и мѣстная масонская ложа и мѣстное „Политехническое Общество". Комитетъ даже получилъ возможность устраивать не только отдѣльныя чтенія, но и 12—15 цикловъ, въ 2—3 лекціи каждый, по естественной исторіи, медицинѣ, исторіи, законовѣдѣнію, технологіи, педагогикѣ и т. п. Вопреки опыту другихъ подобныхъ учрежденій, лекціи доступны и теперь всѣмъ безплатно, вслѣдствіе чего, на ряду съ приходящими учиться рабочими, ремесленниками, приказчиками, учителями и учительницами, встрѣчаются въ аудиторіи и случайные элементы. Наплывъ слушателей побудилъ комитетъ нанять еще два помѣщенія для чтенія отдѣльныхъ лекцій и курсовъ. Само собой разумѣется, что лекціи и курсы составляются по опредѣленнымъ, строго продуманнымъ программамъ и не содержатъ въ себѣ рѣшительно ничего, что могло бы подать поводъ къ религіозной или политической агитаціи. Два раза въ мѣсяцъ, по воскресеньямъ, одинъ изъ лекторовъ отправляется вмѣстѣ съ группой слушателей или съ очередной рабочей организаціей въ мѣстный музей или картинную галерею и тамъ объясняетъ слушателямъ художественное или культурно-историческое значеніе осматриваемыхъ ими предметовъ. Интересно еще отмѣтить, что комитетъ приглашаетъ на свои засѣданія представителей рабочихъ союзовъ или корпорацій мѣстныхъ ремесленниковъ. Изъ общенія съ этими лицами комитетъ узнаетъ о томъ, каково вліяніе устраиваемыхъ чтеній на слушателей и каковы запросы, предъявляемые послѣдними; тѣ же представители являются посредниками между комитетомъ

и слушателями и привлекаютъ послѣднихъ путемъ личной пропаганды все въ большемъ и большемъ количествѣ.

Второе мѣсто въ ряду крупныхъ просвѣтительныхъ организацій въ провинціи принадлежитъ основанному въ 1885 г. институту имени Геэ (Gehe-Stiftung) въ Дрезденѣ. Институтъ названъ такъ по имени мѣстнаго богача Геэ (онъ торговалъ аптекарскимъ товаромъ en gros), завѣщавшаго на устройство института два милліона марокъ, съ тѣмъ чтобы руководители института преслѣдовали двоякую цѣль: 1) помощь съ соотвѣтствующей поддержкой лицамъ, готовящимся къ политической или общественной дѣятельности, и 2) поддержку лицъ, которыя посвятили себя общественной дѣятельности, но не съумѣли обезпечить себя лично. Въ виду того, что институтъ существуетъ лишь на проценты съ завѣщаннаго капитала, онъ осуществляетъ пока только первую изъ намѣченныхъ щедрымъ жертвователемъ цѣлей, откладывая изъ получаемыхъ ежегодно 70.000 марокъ около 15% на образованіе фонда для осуществленія и второй цѣли. Кромѣ того, 10% той же суммы идутъ на увеличеніе основного капитала; остальная же сумма уходитъ на содержаніе института, на постоянное пополненіе прекрасной и доступной всѣмъ желающимъ безплатно библіотеки института съ читальней при ней и на устройство народныхъ чтеній и курсовъ. Какъ и всюду въ Германіи, раньше институтъ, имени Геэ, устраивалъ лишь народныя чтенія, приглашая въ качествѣ лекторовъ какого-либо знаменитаго профессора одного изъ германскихъ, австрійскихъ или швейцарскихъ университетовъ, и нанимая для этой цѣли одинъ изъ большихъ залъ Дрездена. Народныя чтенія устраиваются и теперь, уже на ряду съ курсами, читаемыми въ помѣщеніи института, въ залѣ, разсчитанномъ на 100 человѣкъ. Изъ года въ годъ устраивается шесть курсовъ, каждый отъ шести до 20 лекцій, исключительно по такимъ отраслямъ науки, какъ торговое право, народное хозяйство, торговая политика, ученіе о налогахъ, народовѣдѣніе и т. п.; курсы эти читаются двумя состоящими при институтѣ доцентами, д-ромъ Шанце и д-ромъ Вуттке, или приглашаемыми профессорами лейпцигскаго и дрезденскаго высшихъ учебныхъ заведеній. Въ то время какъ устраиваемыя институтомъ народныя чтенія иногда привлекаютъ до 1.000 человѣкъ, курсы эти имѣли въ 1896—97 г. 516 слушателей и годомъ позже 423 слушателя; большинство слушателей—чиновники, купцы, фабриканты, пасторы и учителя. Рабочіе и ремесленники составляютъ меньшинство, объясняемое тѣмъ, что содержаніе курсовъ спеціальное и что на всемъ институтѣ

лежитъ отпечатокъ консервативнаго духа, хотя лекторы, надо отдать имъ справедливость, стараются тщательно избѣгать всего того, что̀ носило бы характеръ освѣщенія съ точки зрѣнія партійныхъ интересовъ. Изъ числа слушателей курсовъ образуется ежегодно болѣе тѣсный кружокъ, который собирается два раза въ мѣсяцъ, чтобы выслушать написанный кѣмъ-либо изъ участниковъ рефератъ по одной изъ отраслей общественныхъ наукъ и принять участіе въ дебатахъ, коими руководитъ одинъ изъ доцентовъ. Геэ при жизни не выработалъ статутовъ будущаго института, предоставивъ сдѣлать это своимъ душеприказчикамъ и выразивъ пожеланіе, чтобы статуты современемъ измѣнялись согласно требованіямъ времени. Описанная организація придана институту совѣтомъ, въ составъ котораго входятъ представители магистратовъ Дрездена, Лейпцига и Оберъ-Лаузица, также представители мѣстнаго купечества и лейпцигскаго университета, упомянутые два доцента, директоръ института, д-ръ Петерманъ, личный другъ покойнаго Геэ, подавшій ему мысль объ основаніи института, и вице-директоръ: послѣдніе оба управляютъ институтомъ непосредственно. По неизмѣненнымъ пока, вопреки настоятельному требованію времени, первоначальнымъ статутамъ женщины не допускаются ни на чтенія, ни на курсы съ практическими занятіями, ни даже въ читальню при библіотекѣ.

Если мы познакомимся ближе съ многочисленными другими, болѣе или менѣе крупными просвѣтительными организаціями въ провинціи, то мы встрѣтимъ всюду организацію того или другого типа, который былъ уже описанъ выше. Напримѣръ, организація отдѣльныхъ лекцій и курсовъ, подобно устраиваемымъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, встрѣчается въ Грейфсвальдѣ, Кенигсбергѣ, Бреславлѣ, Гамбургѣ и Страсбургѣ; въ послѣднемъ городѣ, а равно и въ Гёттингенѣ, устраиваются лѣтомъ курсы для учительницъ среднихъ школъ. Въ Магдебургѣ и Франкфуртѣ-на-Майнѣ уже приступили къ постройкѣ научнаго театра, подобнаго берлинской „Уранія“. Д-ръ Вильгельмъ Мейеръ предпринялъ прошлымъ лѣтомъ поѣздку по городамъ южной Германіи и читалъ повсюду сопровождавшіяся туманными картинами лекціи „о борьбѣ за достиженіе сѣвернаго полюса“. Въ Лейпцигѣ также существуетъ и процвѣтаетъ „Arbeiterbildungsschule“. Особые курсы для женщинъ, организація которыхъ схожа съ организаціей берлинскаго лицея имени Викторіи, существуютъ въ Бреславлѣ, Кельнѣ и Лейпцигѣ, но характеръ ихъ всѣхъ неопредѣленный, нѣчто среднее между средней школой и университетомъ. Женскія прогрессивныя корпораціи употребили въ по-

слѣднее время много усилій, чтобы ознакомить нѣмецкихъ женщинъ съ ихъ общественнымъ и семейнымъ положеніемъ по новому гражданскому, вступающему вскорѣ въ силу, уложенію. Впрочемъ, какъ перечисленіе значительнаго числа болѣе мелкихъ просвѣтительныхъ организацій, созданныхъ по образцу той или другой изъ обрисованныхъ выше крупныхъ организацій, такъ и сжатая характеристика организацій, ведущихъ, путемъ чтенія рефератовъ и лекцій, политическую, религіозную или гуманистическую пропаганду, не входитъ въ программу настоящей статьи. Послѣднія организаціи представляютъ собой совершенно особую, широкую область, не имѣющую непосредственной связи съ областью внѣшкольнаго просвѣщенія массъ въ Германіи. Съ этой областью имѣетъ гораздо больше точекъ соприкосновенія область народныхъ развлеченій, въ границахъ которой также сдѣлано очень много и достигнуты плодотворные результаты; эта область настолько широка, что характеристикѣ и обрисовкѣ ея можно посвятить особую статью.

М. Сукенниковъ.

Берлинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

СОНЕТЪ.

Безмолвенъ и угрюмъ, уснулъ дремучій боръ,
Обвѣянъ темнотой и сумрачными снами,
И только иногда таинственный уборъ
Отъ вѣтра зыблется прохладными волнами.

И съ пасмурныхъ небесъ созвѣздій ясный взоръ
Вдругъ упадетъ къ землѣ спокойными лучами,
И звѣзды озарятъ сквозь лиственный узоръ
Тревожно-спящій лѣсъ безстрастными очами.

И снова скроются въ туманѣ облаковъ...
А на землѣ, въ лѣсу,—мерцая робкимъ свѣтомъ,
Какъ будто устыдясь земныхъ своихъ оковъ,

Но жаждая небесъ и полные привѣтомъ—
Для сонма дальнихъ звѣздъ призывомъ и отвѣтомъ—
Дрожа, горятъ огни пигмеевъ-свѣтляковъ...

II.

СФИНКСЫ НАДЪ НЕВОЙ.

Изъ „Пѣсенъ о каменномъ городѣ“.

Когда тревожно спитъ столица,
И только плѣнная царица—
Нева томится и груститъ,
И только трепетныя волны,
Тоской невѣдомою полны,
Со стономъ бьются о гранитъ,—

На берегу тогда не дремлютъ
Два сфинкса—и глядятъ, и внемлютъ:
Глядятъ на пышную Неву,
И внемлютъ плеску, внемлютъ шуму
И, погрузившись тихо въ думу,
Какъ будто грезятъ на-яву.

И край родной—родныя Ѳивы—
И Нила желтые извивы,
Пустыни властнаго царя,
И храмъ безмолвно-величавый
Со всей немеркнущею славой,
И жизни дивная заря—

Все передъ ними воскресаетъ...
Но ихъ подножія лобзаетъ
Не полновластная волна;
Не нѣжитъ ихъ горячей лаской,
Не тѣшитъ ихъ волшебной сказкой,
Тоски и холода полна.

Не здѣсь отчизна—ихъ святыня—
И раскаленная пустыня,
И необъятные пески...
Все спитъ... Не слышатъ вздоховъ люди...
И сжались каменныя груди
Отъ сожалѣнья и тоски...

Юрій Верховскій.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ

МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

О ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ.

Въ 1852 году я въ первый разъ посѣтилъ Малороссію, воспользовавшись приглашеніемъ моего двоюроднаго дяди, Ип. Ив. Подчасскаго—погостить у него въ имѣніи подъ Полтавой. Жизнь въ деревнѣ такъ мнѣ понравилась, и я такъ полюбилъ малороссійскій народъ и его пѣсни, что на слѣдующее лѣто, едва началъ таять снѣгъ, я катилъ на перекладной къ моимъ друзьямъ Лизогубамъ въ м. Седневъ, подъ Черниговомъ, вмѣстѣ съ художникомъ Л. Ф. Лагоріо. Весною, слѣдующаго 1854 года, я отправился въ Малороссію одинъ и почти безвылѣздно прожилъ въ ней до конца 1855 года, ведя кочевую жизнь, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, къ разнымъ помѣщикамъ, посѣщая Черниговъ, Кіевъ, Полтаву.

Живя въ Малороссіи, я старался изучить народъ, зачерчивалъ въ свои альбомы и записныя книжки пейзажи, типы, строенія, утварь; записывалъ пѣсни, сказки и все меня интересующее. Рисунки мои были изданы впослѣдствіи, въ 1861 и 1862 годахъ, въ альбомѣ „Живописная Украина“, который въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость. Равнымъ образомъ, небольшіе отрывки изъ моихъ воспоминаній того времени и часть собраннаго этнографическаго матеріала были напечатаны во второмъ томѣ „Записокъ о Южной Руси 1857 года“, изд. П. А. Кулиша, и въ журналѣ „Основа“ 1862 года.

I.

Наступила осень 1855 года. Севастопольская война была въ самомъ разгарѣ. Я жилъ тогда въ полтавской губерніи, въ селѣ Липовицы, пирятинскаго уѣзда,—имѣніи гр. С. П. де-Бальмена.

Усадьба находилась версты полторы или двѣ отъ большой почтовой дороги, съ которой прямой поворотъ шелъ къ дому. Домъ былъ каменный, съ мезониномъ; по обѣ стороны его были каменные флигеля, и передъ ними—просторный круглый газонъ; каменная ограда, обросшая бѣлыми акаціями и пирамидальными тополями, полукругомъ охватывала флигеля и домъ.

Проснулся я какъ-то рано и смотрѣлъ въ отворенное окно; вдали была слышна пѣсня проходящихъ ополченцевъ. Скоро они прошли мимо воротъ въ село, гдѣ была назначена дневка. За ними, въ хвостѣ дружины, слѣдовалъ обозъ и въ концѣ его въ телѣгѣ лежалъ человѣкъ; надъ нимъ съ плачемъ громко причитывала баба. Я сошелъ внизъ и пошелъ посмотрѣть, въ чемъ дѣло. Время было холерное: везли въ телѣгѣ новобранца, котораго считали умершимъ; за нимъ шла и плакала его мать. Въ это время гостилъ у де-Бальмена и занимался съ его дѣтьми студентъ кіевскаго университета, по медицинскому факультету, Стуковенко [1]). Я позвалъ его, телѣгу предварительно остановилъ, хотя фельдшеръ, сопровождавшій ополченцевъ, сказалъ, что новобранецъ умеръ и мать сняла уже съ него крестъ; но я хорошо помнилъ холеру 1848 года въ Петербургѣ и наставленіе доктора—не терять надежды съ больнымъ и дѣлать все, что̀ возможно, чтобы человѣка согрѣть. Въ познаніе и опредѣленіе фельдшера я не вѣрилъ: больной былъ холоденъ и весь посинѣлъ, но пульсъ его еще оказывалъ признаки жизни. Стуковенко захватилъ съ собою лекарство, и мы больного вынесли въ первую свободную избу, раздѣли, положили на землю, покрывъ его межникомъ [2]); выгнали всѣхъ, кромѣ матери, и начали оттирать его перцовкой, нюхать давали что-то. Оттирали и возились около него шесть часовъ. Больной очнулся; мать обрадовалась, надѣла на него крестъ и насъ благодарила. Мы, съ разрѣшенія начальника, продержали его въ хатѣ еще сутки, потомъ доставили въ дружину, а что̀ было далѣе?... не знаю. Далѣе слѣдо-

[1]) Братъ двухъ докторовъ, изъ которыхъ недавно одинъ, профессоръ кіевскаго университета, скончался.

[2]) Большое теплое шерстяное одѣяло, которымъ снабжаютъ новобрачныхъ.

вало смотрѣть за нимъ и беречь его, а мы только обнялись дружески и порадовались...

Вечеромъ я самъ заболѣлъ холерическими припадками настолько сильно, что мой товарищъ Стуковенко не отходилъ отъ меня всю ночь, и я уже написалъ прощальное письмо къ отцу—однако выздоровѣлъ.

Я много работалъ въ Линовицѣ акварелей, начерчивалъ и записывалъ все, что видѣлъ и могъ собрать. Отправляемые въ Петербургъ рисунки мои Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ продавалъ и высылалъ мнѣ деньги. Изъ картинъ писалъ я въ это время „Стадо овецъ", эскизъ которой сдѣлалъ въ Туровкѣ, имѣніи милѣйшаго пріятеля моего, историка Николая Андреевича Марковича. Съ этой картиной у меня было непріятное приключеніе. Однажды, проработавъ цѣлое утро надъ небомъ, я, придя къ себѣ вечеромъ, увидѣлъ по всему небу, черезъ всю картину, проведенный слѣдъ пяти пальцевъ. Художники поймутъ мою досаду. Кто это сдѣлалъ—такъ и осталось неизвѣстно.

Жилъ я во флигелѣ совершенно одинъ. Флигель этотъ стоялъ одной стороной обращенный къ подъѣздному двору, а тремя остальными—въ садъ. Онъ имѣлъ нѣсколько комнатъ, зимній садикъ съ балкономъ и четыре выхода, считая и выходъ изъ садика. Во флигелѣ была старая библіотека и портреты фамильные умершихъ предковъ гр. де-Бальмена масляными красками. У прислуживающаго мнѣ мальчика Акимки находился ключъ отъ одной входной двери; отъ садика наружный—у садовника, а остальныя двѣ двери я запиралъ изнутри, оставляя ключи въ дверяхъ. Комната, въ которой я работалъ и спалъ, имѣла большое итальянское окно, и всѣ окна были настолько подняты отъ земли, что ни смотрѣть въ нихъ, ни влѣзть безъ лѣстницы или подставки было нельзя. Преданіе говорило, что во флигелѣ бываютъ слышны шаги съ шарканьемъ туфель, кашель, и случалось видѣть отца или дѣда Сергѣя Петровича де-Бальмена. Вообще, никто не любилъ и не желалъ тамъ квартировать. Считая все это за вздоръ, я охотно поселился тамъ и жилъ въ совершенной тишинѣ и покоѣ. Иногда мнѣ случалось, какъ будто, слышать шлепанье туфель, иногда кашель, и я совершенно къ этому привыкъ, не придавая тому значенія и объясняя себѣ все обманомъ слуха.

Однажды я долго ночью не спалъ, занявшись разсматриваніемъ разныхъ изданій. Я услышалъ ясно шаги, шарканье туфель и кашель. Мнѣ показалось, что непремѣнно кто-либо во-

шелъ изъ сада въ дверь, которую я могъ забыть запереть. Я спокойно всталъ, чтобы узнать, что̀ надо, и со свѣчой пошелъ въ библіотеку. Портретъ покойнаго дѣда былъ на мѣстѣ; я—далѣе къ балкону, ведущему въ большой садъ,—никого, двери заперты, ключъ на мѣстѣ; обошелъ другія двери,—все въ порядкѣ. Я самъ себѣ не повѣрилъ, и подумалъ, ужъ не заснулъ ли я и все слышанное былъ сонъ. Болѣе я никогда не обращалъ вниманія на эти явленія.

Работавъ цѣлый день, я вечеромъ, послѣ обѣда и веселой болтовни, захотѣлъ еще разъ взглянуть, передъ темнотою, на свою работу, а уходя заперъ двери и положилъ ключъ въ карманъ, боясь повторенія ощупыванія картины. Каково же было мое удивленіе и даже испугъ, когда я увидѣлъ, что картина не на мѣстѣ, стулъ, на которомъ я работалъ, поваленъ, и въ комнатѣ все въ безпорядкѣ. Я заперъ дверь и ушелъ въ безпокойствѣ, предположивъ, что я просто не въ своемъ умѣ. Я посидѣлъ съ де-Бальменами, поговорилъ, и когда стемнѣло, рѣшился еще разъ пойти къ себѣ и провѣрить: дѣйствительно ли все это случилось. Вошелъ и вижу—то же. Я опять ушелъ, и тутъ только замѣтилъ переглядываніе дѣтей де-Бальмена, и догадался, что сыграна шутка. Дѣти, съ помощью матери и ея сестры, подставили стулъ къ окну, отворили его, влѣзли и все перетасовали.

Какъ-то у меня истощился запасъ красокъ, который слѣдовало пополнить въ Кіевѣ, куда я, не долго думая, собрался, уложивъ въ дорожную суму двѣ канаусовыя рубашки и кое-какое бѣлье. Плэдъ взялъ съ собою; болѣе ни въ чемъ я не нуждался, разсчитывая вернуться очень скоро.

Пріѣхавъ на перекладной въ Кіевъ, я отправился обѣдать къ знакомому уже мнѣ губернатору Гессе [1]), и къ удивленію встрѣтилъ товарища своего, по пажескому корпусу, Михаила Ростовцева. Мы сѣли рядомъ, и, разговорясь съ нимъ, я узналъ, что онъ ѣдетъ въ Севастополь, посланный туда военнымъ министромъ. Я высказалъ, — какъ онъ счастливъ, что увидитъ все происходящее въ Крыму, на мѣстѣ, а не такъ, какъ мы, узнаёмъ очень поздно и кое-что изъ газетъ. Ростовцевъ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ; у него была коляска и курьерская подорожная по военной надобности. Значитъ, мы могли ѣхать быстро. Взявъ свою суму, я выѣхалъ съ нимъ тотчасъ послѣ

---

[1]) Бывшему черниговскому губернатору.

обѣда. Онъ хорошо покушалъ и, выпивъ хорошаго вина, подремливалъ, а я, вина не пившій, мечталъ о тѣхъ эскизахъ и картинахъ, которыя носились въ моемъ воображеніи, подъ вѣяніемъ ходившихъ разсказовъ и чтенія газетъ.

Ѣхали мы день и ночь, безъ остановки. Погода была прекрасная, теплая. По степи неслось такое множество птицъ, какого я никогда не видѣлъ; я бросалъ свою шляпу въ нихъ, не укорачивая бѣга лошадей, въ надеждѣ поймать ихъ, но ничего не поймалъ, выскакивалъ изъ экипажа, бралъ шляпу и опять садился. Эти стаи птицъ-благодѣтелей неслись за саранчой, которая, какъ облако, туманила солнце, распространяя вонь по всей степи. Эта саранча и птицы летѣли сотни верстъ.

Грустную картину представляли транспорты съ порохомъ, бомбами и ядрами, двигавшіеся на волахъ. На телѣгѣ лежало по пяти бомбъ, и волы медленнымъ шагомъ двигались, дѣлая въ сутки по 25 верстъ, тогда какъ министерство разсчитывало на быстроту чуть не 50 или 100 верстъ въ сутки на лошадяхъ. Подряды были сданы, и въ министерствѣ предполагали, что, по ихъ разсчету, въ Севастополѣ должно быть достаточное количество снарядовъ и пороху; а между тѣмъ часто волы не дѣлали иногда и 25 верстъ: сломается ось или колесо, выйдутъ и запасные, надо ѣхать куда-нибудь, отыскивать, гдѣ можно срубить или купить; а эти мѣста были далеко, ихъ не было и видно. Чтобы скотину напоить, надо было доѣхать до колодца, гдѣ ей придется по дорогѣ, да ведро воды достать чуть ли не съ того свѣта,—такая глубина,—а иногда и платить по 20 копѣекъ за ведро. Отъ недостатка въ порохѣ, бомбъ и ядеръ, гранатъ и проч. было сдѣлано секретное распоряженіе, чтобы на 50 выстрѣловъ непріятеля отвѣчали пятью.

По степи валялась масса труповъ лошадиныхъ и воловьихъ; мы, приближаясь къ Крыму, болѣе и болѣе встрѣчали раненыхъ, которыхъ везли какъ телятъ на убой; ихъ головы бились о телѣги, солнце пекло, они глотали пыль, изъ телѣгъ торчали ихъ руки и ноги, шинели бывали съ верху до низу въ крови. Меня все болѣе и болѣе охватывала жалость и досада, а планы фантастическіе о картинѣ—исчезали, и наконецъ не только исчезли, но и духъ мой былъ возмущенъ до крайности. Я вознегодовалъ и меня взяло отвращеніе отъ войны. Мѣняя лошадей въ Симферополѣ, слѣдовательно за шестьдесятъ верстъ отъ Севастополя, мы ясно слышали бомбардировку и видѣли множество тянувшихся подводъ съ ранеными изъ Севастополя.

Подъѣхали мы рано утромъ къ Севастополю и остановились

на Инкерманскихъ высотахъ, гдѣ находилась главная квартира главнокомандующаго князя Горчакова и его штаба. Михаилъ Ростовцевъ расположился въ палаткѣ своего брата Николая [1]), тоже моего однокашника по пажескому корпусу, храбраго, разумнаго и всѣми любимаго. Меня помѣстили въ землянкѣ Николая Ростовцева; кроватью служилъ на колышкахъ плетень. У потолка землянки подвѣшены были окорока, и ночью, когда я потушу свѣчу, по мнѣ начинали бѣгать крысы и лазить за провизіей; отъ нихъ я укрывался въ плэдъ съ головой и чувствовалъ нерѣдко, какъ шлепалась на меня упавшая сверху крыса. Ихъ грызня и визгъ продолжались до утра, или прекращались, когда я зажигалъ свѣчу.

Завтракали мы, живущіе въ главной квартирѣ, за общимъ столомъ; обѣдали тоже. Воды не было, и хотя до того времени я вина не пилъ, а жажда требовала питья, но пришлось удовлетворять ее, какъ и всѣ, виномъ. Это на меня дѣйствовало непріятно. Для чаю и умыванія привозили воду за нѣсколько верстъ съ Бальбека; вода была коричневая, и я умывался, наливъ на полотенце одеколону.

За завтракомъ и за обѣдомъ являлись новые куплеты къ пѣснѣ, сочиненной какимъ-то артиллерійскимъ офицеромъ, которая начиналась такъ:

Какъ восьмого сентября
Мы за вѣру, за Царя,
Отъ французъ ушли.
Меньщикъ умный енаралъ,
Суденышки потопилъ
Въ морѣ, въ пучинѣ.
Молвилъ: щастья вамъ желаю,
Самъ пошелъ къ Бахчисараю—
Ну васъ всѣхъ въ ....
Севъ-Арно тамъ показался,
Онъ уштиво обращался —
Сзади обошелъ...

Пѣсня эта довольно свободно распѣвалась и даже иногда солдатами. Пѣли ее на напѣвъ: „Я цыганка молодая“...

Такъ какъ напѣвъ былъ общеизвѣстный и хорошо подошелъ къ пѣснѣ, то распространеніе ея шло быстро. Пѣсня эта—вполнѣ правдивая картина положенія нашего подъ Севастополемъ. Очень жаль, что всю ее привести тутъ не могу.

---

[1]) Полковника генеральнаго штаба. Оба брата—сыновья извѣстнаго Якова Ивановича Ростовцева, впослѣдствіи графы по заслугамъ отца.

Безпорядокъ былъ невообразимый. Главнокомандующій — человѣкъ ученый, храбрый, но почти безумный—до того былъ разсѣянъ. Онъ пришелъ однажды, мокрый отъ дождя, въ палатку начальника штаба Коцебу и легъ у него на постель съ ногами, въ мокрыхъ и грязныхъ сапогахъ. Коцебу пріоткрылъ входъ, желая войти, но, увидавъ главнокомандующаго лежащимъ на постели съ руками подъ голову, подумалъ, что онъ спитъ, и вышелъ. Главнокомандующій долго оставался въ такомъ положеніи; наконецъ, Коцебу понадобилось войти. „Что вамъ здѣсь нужно? Ступайте!“—закричалъ онъ на него.

Кромѣ двухъ Ростовцевыхъ, оказался тутъ мой однокашникъ по пажескому корпусу: Мусинъ-Пушкинъ; онъ былъ старше меня, но такъ какъ тоже рисовалъ тогда, то это насъ сблизило. Я перезнакомился со всѣми, и былъ единственный человѣкъ въ арміи въ штатскомъ платьѣ. На мнѣ, по обыкновенію, были: сѣрый пиджакъ, такой же жилетъ и штаны въ сапоги, и сѣрая, съ полями, пуховая шляпа, которыхъ такъ не любилъ покойный уже тогда императоръ Николай I. Меня уговаривали надѣть военную шинель и фуражку, но я не принялъ совѣта, имѣя къ нимъ непреодолимое отвращеніе [1]).

Армія наша отступила въ ночь съ 25-го на 26-е августа 1855 года. Мы пріѣхали рано утромъ, и я, взявъ лошадь и казака-проводника, тотчасъ отправился на горку, гдѣ былъ флагъ и откуда можно было видѣть кругомъ, а оттуда на берегъ бухты къ мосту—посмотрѣть кончавшееся уже отступленіе. Южная сторона была въ огнѣ; мѣстами были взрывы. Отступавшее войско было въ безпорядкѣ, какъ спутанное стадо барановъ. Взорвало меня негодованіе, когда я увидѣлъ упавшаго отъ безсилія солдата, котораго армейскій офицеръ пожнами своей сабли приводилъ въ чувство... У меня, у штатскаго, спрашивали: а гдѣ такой-то полкъ? и т. п. Мачты затопленныхъ нашихъ кораблей торчали изъ воды. Картина была тяжелая.

Начальникомъ штаба артиллеріи былъ генералъ Крыжановскій, котораго я встрѣчалъ не разъ по праздникамъ у моей тетушки Крыжановской [2]), въ Петергофѣ на дачѣ, во время кадетскихъ лагерей. Онъ очень былъ любезенъ со мною, прикомандировалъ ко

[1]) Гр. С. П. Де-Бальменъ былъ, по доносу, отправленъ въ Петербургъ, гдѣ просидѣлъ въ III отдѣленіи. По разрѣшеніи ему ѣхать обратно въ Малороссію, Дубельтъ, начальникъ III отд., посовѣтовалъ ему перемѣнить его сѣрую съ полями шляпу на цилиндръ и въ такой шляпѣ не попадаться на глаза императору.

[2]) М. А. Крыжановская, рожденная Перовская, родная сестра моей матери, была вдова коменданта спб. Петропавловской крѣпости, М. К. Крыжановскаго.

мнѣ казака верхового и лошадь. Этотъ донецъ всегда держался поодаль.

Проѣхалъ я однажды подальше и пожелалъ срѣзать камышъ около рѣчки, но сообразилъ, что дѣло не совсѣмъ ладно, и этому помогла мнѣ бывшая кадетская жизнь на маневрахъ и въ лагеряхъ. Увидѣлъ я за рѣчкой амбразуры, смотрящія на насъ, и вернулся, а донецъ давно отсталъ. Такъ мнѣ и не удалось добыть камышу для рисованія. Когда я вернулся къ Крыжановскому, онъ удивился, гдѣ я былъ и какъ никто меня не остановилъ, такъ какъ оказалось, что я проѣхалъ за наши батареи и форпосты и былъ у Черной рѣчки, въ мѣстѣ весьма опасномъ, гдѣ непріятель могъ подстрѣлить своими дальнобойными штуцерами.

Поѣхалъ я съ Ник. Ростовцевымъ къ бухтѣ, чтобы посмотрѣть, какъ взлетаютъ наши укрѣпленія и что тамъ дѣлается. Мы увидѣли въ бинокль—на томъ берегу ставятъ французы пушки, а на нашемъ — курскіе ополченцы дѣлаютъ кирками канавки, чтобы засѣсть тамъ съ ружьями, по чьему-то распоряженію. День былъ жаркій, и мы вздумали сдать лошадей донцу и выкупаться, расположась подъ самыми амбразурами нашего форта. Едва мы влѣзли въ воду и окунулись, какъ изъ амбразуры матросъ намъ закричалъ, чтобы мы уходили: „а то, вонъ, видишь, наши пустили въ него,—онъ намъ теперь задастъ“. Брошенная съ берегового форта въ корабль или пароходъ бомба, лопнувъ, обрисовала густое облачко на небѣ. Мы скорѣе выскочили изъ воды, схватили свое платье и бѣлье, забѣжали за уголъ форта и одѣлись; казакъ подалъ намъ лошадей, и едва мы успѣли на нихъ сѣсть и завернуть въ болѣе безопасное мѣсто, какъ грянула пушка съ того берега въ нашихъ ополченцевъ и перебила человѣкъ десять. Обмѣнявшись съ нами выстрѣлами, непріятель отвѣчалъ на нашъ одинъ безцѣльный выстрѣлъ нѣсколькими съ моря и суши; затѣмъ стрѣльба смолкла, и нашимъ было приказано не стрѣлять. Да и возможно ли было стрѣлять, дразнить и вызывать на бой намъ, которые находились въ хаотическомъ безпорядкѣ!—Надо замѣтить и то, что ополченцы устраивали на берегу канаву съ трудомъ, такъ какъ грунтъ былъ каменистый, и работали кирками; валъ былъ изъ щебня, и не мало перебило нашихъ не только выстрѣломъ французскаго полковника, но и разнесеннымъ щебнемъ.

Мнѣ, наконецъ, опостыла и опротивѣла тутъ глупая, праздная жизнь и безполезная трата силъ столькихъ тысячъ людей, безплодно обреченныхъ на смерть! Тягостно было видѣть утомлен-

ныхъ ополченцевъ, чистящихъ свои кремневыя ружья землей и пескомъ. На всѣхъ лицахъ выражалась апатія, все предоставлено было русскому „авось“. Я не могъ долѣе выносить этого, и горячо желалъ попасть куда-нибудь, хоть въ плѣнъ, въ Константинополь, Италію, Францію или Англію, которыя всегда жаждалъ видѣть.

Я искалъ случая уѣхать, и когда Михаилъ Ростовцевъ предложилъ мнѣ остаться и участвовать въ какой-то экспедиціи около Евпаторіи, гдѣ будетъ и онъ, чтобы воспользоваться случаемъ получить орденъ, я разсмѣялся, отвѣтилъ отказомъ и еще настоятельнѣе искалъ возможности выѣхать изъ Севастополя. Я готовъ былъ выбраться хоть на верблюдѣ, на волахъ, уйти пѣшкомъ, лишь бы выбраться,—а лошадей взять почтовыхъ было совершенно невозможно.

Случай выбраться скоро представился. Полковникъ артиллерійскій Хлопонинъ, по случаю раны въ голову, былъ отпущенъ въ отпускъ и стремился въ Петербургъ, къ молодой, до безумія имъ любимой женѣ. Онъ напялъ еврея, и мы, простившись съ Ростовцевыми и другими, благополучно выбрались изъ Инкермана, и чѣмъ далѣе отъ Севастополя, тѣмъ радостнѣе было на душѣ моего спутника и тѣмъ пріятнѣе было мнѣ. Города Бахчисарай и Симферополь мнѣ очень нравились своею живописностью, но дорога отъ Севастополя до Симферополя была отвратительная,— и этотъ маленькій кусокъ полотна въ 60 верстъ мы не могли превратить въ хорошее шоссе!—тогда какъ пространство, занятое непріятелемъ, было изрѣзано прекраснымъ шоссе на 200 верстъ и имѣло желѣзную дорогу.

Въ Бахчисараѣ, вполнѣ восточномъ городѣ, я осмотрѣлъ дворецъ и ѣздилъ въ монастырь и Чуфутъ-Кале. Городъ чрезвычайно своеобразный, населенный караимами.

Однажды въ Бахчисараѣ я рано утромъ отправился по городу съ альбомомъ и рисовалъ; ко мнѣ подошелъ какой-то человѣкъ въ суконномъ, гороховаго цвѣта халатѣ, въ какой-то фурменной фуражкѣ и, вырвавъ у меня изъ рукъ альбомъ, началъ его осматривать. Я взялъ альбомъ у него изъ рукъ, перевернулъ его какъ слѣдуетъ, такъ какъ онъ держалъ его вверхъ ногами, и ему отдалъ: „Вотъ такъ надо смотрѣть, а не вверхъ ногами“. Онъ началъ перелистывать альбомъ и, обратясь къ полицейскому, сказалъ:

— Отведи его къ коменданту!

Комендантъ жилъ во дворцѣ, и меня потѣшало, что̀ будетъ далѣе. Я шелъ съ полицейскимъ, который несъ мой альбомъ.

— Пожалуйста, не иди такъ скоро, я не поспѣваю, да чего добраго и убѣгу, а въ толпѣ и этой толкотнѣ ты меня и не найдешь.

Мы были уже недалеко отъ дворца, какъ повстрѣчался намъ другой полицейскій, остановилъ моего, что-то переговорили они по-татарски, оба сдѣлали мнѣ честь, отдали альбомъ, извинились и просили слѣдовать куда мнѣ угодно.

Почему меня задержали, кто и почему освободили—осталось для меня тайной. Но что бы не случилось еще чего-либо подобнаго, могущаго кончиться и не такъ скоро, и не такъ пріятно, я остальные дни ѣздилъ верхомъ; неоднократно встрѣчая полицейскія власти въ гороховомъ халатѣ, всегда имъ посылалъ рукою поцѣлуи, и, показывая на альбомъ, былъ увѣренъ, что въ случаѣ погони ускачу на станцію, гдѣ меня выручатъ.

Дѣлая, по условію съ евреемъ, по 50 верстъ въ сутки съ отдыхами, все-таки мы подвигались къ цѣли нашего путешествія, хотя и медленно.

Дорогой Хлопонинъ былъ до крайности возбужденъ: и долго ѣдутъ, и долго запрягаютъ!—и безпрестанно лѣзъ бить людей, такъ что мнѣ приходилось не одинъ разъ выручать его изъ непріятности. Воинъ былъ возбужденъ раной въ голову и нетерпѣніемъ увидѣть жену, о которой много говорилъ. Я разспрашивалъ его объ альмскомъ сраженіи, гдѣ мы были побиты и отступили. Хлопонинъ стоялъ тогда на лѣвомъ флангѣ и былъ увѣренъ, что флотъ подойти къ нему не можетъ на разстояніи пушечнаго выстрѣла, и что впереди его, рѣчка—непроходимая для пѣхоты. Расположеніе нашей арміи было крѣпкое и позиція надежная. Что̀ же оказалось? Непріятельскій флотъ началъ обстрѣливать нашъ лѣвый флангъ и его батарею жестоко; черезъ рѣчку французы штуцерами били нашихъ артиллеристовъ; Сентъ-Арно, крикнувъ зуавамъ: „Allons, ma brave cavalerie!“—повелъ ихъ въ атаку; они перешли рѣчку, и орудіямъ нашимъ пришлось отступать съ перебитой прислугой. Самъ Хлопонинъ былъ раненъ. На мосту черезъ рѣку, гдѣ были англичане, происходила упорная борьба, кончившаяся нашимъ отступленіемъ. Въ арміи нашей произошелъ безпорядокъ, и главнокомандующій тогда кн. Меншиковъ бранилъ наши войска нецензурными словами. Поле битвы покрылось трупами, и ночью ихъ поѣдали волки и собаки, что̀ видѣли команды, посланныя на уборку тѣлъ.

Мы съ Хлопонинымъ наконецъ прибыли въ Полтаву, простились и поѣхали по разнымъ дорогамъ—онъ къ женѣ, я въ Липовицу, въ свое теплое гнѣздо. Сердце мое тоже начинало биться усиленно: что-то я тамъ увижу!

По всей дорогѣ отъ Севастополя до Днѣпра валялись трупы и остовы лошадей и быковъ; тянулись тѣ же обозы, войско и ополченцы. Ѣхалъ я туда же, гдѣ жилъ до моей поѣздки въ Севастополь; гдѣ сердце мое отдыхало: къ де-Бальменамъ, Лизогубамъ, Галаганамъ, Марковичамъ. Всѣхъ интересовало все происходившее въ Севастополѣ и на театрѣ военныхъ дѣйствій. Кромѣ безотраднаго о нашемъ положеніи, я ничего сказать не могъ. Упомянутая пѣспя о нашихъ битвахъ подъ Севастополемъ вызывала смѣхъ, и негодованіе, и тяжелое чувство безпомощности.

Мѣсяца черезъ три я получилъ извѣстіе отъ отца, а затѣмъ и брата Владиміра, который поступилъ въ только-что сформированный полкъ стрѣлковъ императорской фамиліи, что они идутъ въ Одессу и къ такому-то числу должны быть въ Ахтыркѣ. Я отправился на встрѣчу. Наступала зима, и я, въ черномъ малороссійскомъ бараньемъ полушубкѣ и такой же шапкѣ, съ палкою въ рукахъ, частёхонько выходилъ за городъ, поджидая полкъ, который наконецъ показался. Впереди шла кучка офицеровъ и подлѣ нихъ главный начальникъ, мой дядя Левъ Алексѣевичъ Перовскій, преобразившійся въ военнаго; тутъ же шелъ командиръ роты Его Величества гр. Алексѣй Павловичъ Бобринскій и прочіе, а двоюроднаго моего брата, обратившагося тоже въ военнаго маіора,—гр. Алексѣя Константиновича Толстого—не было. Оказалось, что онъ остался съ матерью въ Петербургѣ и долженъ былъ пріѣхать прямо въ Одессу.

Меня сначала не узнали, и конечно мы съ радостью и болью въ сердцѣ встрѣтились братски и расцѣловались.

Съ Ахтырки полкъ продолжалъ свой путь уже безъ Перовскаго; я шелъ съ ними двѣ недѣли; иногда ѣхалъ верхомъ на чудномъ башкирѣ Алексѣя Толстого, котораго ему подарилъ Василій Алексѣевичъ Перовскій. Оставляя полкъ, я уѣзжалъ впередъ, на отводимую для брата квартиру, для почлега или дневки, и помогалъ устроить все нужное для ѣды и отдыха. Однажды случилось провести полкъ сокращеннымъ путемъ черезъ степь, по которой я зналъ дорогу. Полкъ былъ молодецкій и состоялъ изъ сибирскихъ стрѣлковъ, былъ вооруженъ не кремневыми

ружьями, какъ прочіе, а штуцерами, и одѣтъ, въ первый разъ, по-русски и со смысломъ, по наброскамъ Алексѣя Толстого и брата Владиміра.

Разставшись съ полкомъ, не безъ слезъ съ братомъ и прочими, я вновь вернулся въ свои гнѣзда и, на этотъ разъ, жилъ наиболѣе въ Васковцахъ у Михаила Андреевича Марковича, брата историка; съѣздилъ подъ Борзну въ хуторъ Матроновку, къ Пантелеймону Александровичу Кулишу, у котораго погостилъ съ недѣлю.

Осень 1855 года я провелъ въ Линовицѣ, и де-Бальмены собирались зимовать въ Кіевѣ. Я и тутъ собиралъ пѣсни, разсказы и сказки, и наконецъ, дождавшись зимы, задумалъ ѣхать въ Кіевъ. Мятель была страшная, крыльцо занесло по колѣно. Подъ звуки вѣтра и лая собакъ я заснулъ, и видѣлъ во снѣ стараго дѣда Чауса, у котораго особенно часто бывалъ и записывалъ сказки. Онъ, вижу я, караулитъ огородъ; никто не можетъ близко показаться; собаки бросаются, лаютъ, визжатъ и рвутъ; припершись къ забору, я обороняюсь своей палкой и кричу дѣда. Проснулся... ночь глухая, мятель воетъ, рвется въ ставни; глухой стонъ замираетъ вдали.

Собравъ свой маленькій багажъ въ сакъ, холсты и начатыя работы, я отправился на станцію Махновку, гдѣ мнѣ дали почтовыя сани, и оттуда на перекладной въ Кіевъ. Морозъ былъ жестокій вплоть до Кіева, и у меня не было ни наушниковъ, ни перчатокъ, которыхъ не ношу и до сего дня, ни калошъ или валенокъ, которыя теперь ношу, и о которыхъ немного жалѣлъ въ то время, что ими не запасся. Помню, какъ на одной станціи мнѣ совѣтовали переночевать, такъ какъ нападаютъ волки. Но это-то мнѣ и желательно было видѣть, и я отправился. Ночь была лунная, дорога хорошая, и дѣйствительно въ одной изъ лощинъ, окруженной кустами и камышами, насъ преслѣдовали пять волковъ, подбѣгая очень близко къ санямъ. Мы проѣхали благополучно. Всю дорогу я поджималъ ступни ногъ подъ себя, и отогрѣвалъ ихъ на станціяхъ, пока перепрягали лошадей.

Въ Кіевѣ я поселился въ квартирѣ П. А. Кулиша, который жилъ съ женой и братомъ ея. Квартира его была недалеко отъ Золотыхъ-Воротъ. П. А., какъ всегда, былъ за работой, и надо отдать ему справедливость, что такихъ работниковъ неутомимыхъ мало. Жена его, Александра Михайловна, помогала ему перепиской. Я былъ встрѣченъ съ радостью и дружески.

Кулишъ тотчасъ меня началъ разспрашивать о моихъ занятіяхъ и весьма былъ обрадованъ, когда я ему все разсказалъ и передалъ ворохъ записанныхъ пѣсенъ и сказокъ. Онъ все выслушивалъ внимательно, и тутъ же записывалъ слышанное, какъ дѣлалъ всегда. Результатъ нашихъ бесѣдъ былъ помѣщенъ имъ во второмъ томѣ „Записокъ о Южной Руси".

Гр. де-Бальменъ поселился не помню на какой улицѣ, и недалеко отъ него жилъ Василій Васильевичъ Тарновскій, очень умный человѣкъ, которому дядя его, Григорій Степановичъ Тарновскій, умирая, передалъ свое значительное состояніе. Этотъ Тарновскій, бывшій прежде учителемъ, пріятель Григорія Павловича Галагана, принималъ участіе впослѣдствіи вмѣстѣ съ Галаганомъ въ коммиссіи по освобожденію крестьянъ [1]).—Григорій Павловичъ Галаганъ тоже поселился на зиму въ Кіевѣ, купивъ тамъ домъ, и жилъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Тутъ же жили съ нимъ, какъ и въ Сокирепцахъ, графъ и графиня Комаровскіе съ дѣтьми и одна изъ дочерей М. А. Марковича, Надежда Михайловна, вышедшая замужъ за брата жены Галагана, Василія Васильевича Кочубея.—Итакъ, у меня было достаточно знакомства, чтобы пріятно проводить зиму. Къ этому знакомству слѣдуетъ добавить профессора исторіи при университетѣ, Платона Васильевича Павлова, профессора анатоміи Вальтера, къ которому я приносилъ собираемые мною въ оврагахъ черепа и кости, вмѣсто визитныхъ карточекъ. Этотъ Вальтеръ имѣлъ злой языкъ: насмѣшливый, остроумный, онъ зналъ замѣчательно хорошо свой предметъ, былъ умомъ и лицомъ похожъ на Вольтера, какъ мы и прозвали его съ де-Бальменомъ.

Тогдашній попечитель университета, Юзефовичъ, былъ хорошо ко мнѣ расположенъ и дозволилъ заниматься въ залѣ университета, гдѣ стояли античныя статуи, и въ сосѣдней съ нею комнатѣ. Благодаря этому удобству, я тамъ кончалъ свою картину „Чумаки", и, кромѣ того, открылъ художественный классъ, пользуясь живущими въ то время въ Кіевѣ художниками: А. А. Агинымъ и П. В. Штромомъ. Агинъ былъ тогда учителемъ рисованія въ кадетскомъ корпусѣ, а Штромъ строилъ Владимірскій соборъ.

Со Штромомъ у меня были частые разговоры и споры о народной архитектурѣ и особенно малороссійской, противъ ко-

---

[1]) Василій Васильевичъ Тарновскій—отецъ нынѣ живущаго Василія Васильевича Тарновскаго, любителя всего малороссійскаго и собирателя интересныхъ историческихъ и этнографическихъ малороссійскихъ сокровищъ.

торой онъ возражалъ; но наконецъ онъ согласился по моимъ наброскамъ составить планъ и фасадъ каменнаго малороссійскаго дома, который вышелъ удаченъ и оригиналенъ, и Штромъ примирился со мной. Эти чертежи были мною подарены С. П. Бальмену, такъ какъ ему приходилось дѣлиться въ Линовицѣ съ своимъ братомъ Александромъ, и въ части, которая отходила Александру, предполагалось строить домъ. Существуетъ ли домъ, построенный по этому проекту, сохранились ли чертежи—не знаю, прекративъ давно сношенія съ этимъ семействомъ.

Я просилъ профессора Вальтера читать намъ художественную анатомію, что онъ исполнялъ безвозмездно, ясно, интересно и охотно, указывая мускулы при разныхъ движеніяхъ на голыхъ натурщикахъ и антикахъ. Лекціи посѣщались мной, Агинымъ, Штромомъ, де-Бальменомъ, а былъ ли кто еще—не помню. По вечерамъ, при особо нами приспособленной лампѣ, мы рисовали натурщиковъ въ костюмахъ карандашомъ, красками, кому чѣмъ было угодно. Жизнь шла тихо и прекрасно.

Александръ Алексѣевичъ Агинъ, съ которымъ я познакомился въ бытность мою въ академіи [1]), очутился въ Кіевѣ случайно. Его пригласилъ къ себѣ богачъ Мальцевъ, чтобы учить дѣтей его рисованію, русскому языку и ариѳметикѣ. Жилось Агину у него не по вкусу. Обращеніе Мальцева съ прислугой и самимъ Агинымъ ему не нравилось; а когда Мальцевъ снарядилъ свой пароходъ и отправился на немъ на югъ Россіи, то жизнь Агина на пароходѣ ему уже такъ опостыла въ этой компаніи, что онъ, нищій какъ есть, вышелъ на берегъ и болѣе не возвращался. — Я случайно узналъ объ его пребываніи въ Кіевѣ, и такъ какъ мы были большіе друзья, то тотчасъ же отправился его отыскивать и нашелъ въ маленькой комнаткѣ въ дрянномъ трактирѣ, сидящимъ на столѣ въ нижнемъ бѣльѣ и штопающимъ свои штаны. Объяснились и расцѣловались.

— Ну, что же ты тутъ, другъ мой, дѣлаешь и какъ попалъ?

— Да что, братъ, какъ видишь, штопаю штаны: приходится сегодня кой-куда пойти.

Тутъ онъ вынулъ табакерку, взялъ медленно щепотку табаку, понюхалъ и продолжалъ свою работу.

— А какъ сюда попалъ?

— Такъ это, братъ, цѣлая исторія...

---

[1]) Съ его рисунковъ были сдѣланы гравюры Аѳанасьевымъ„—Ветхій Завѣтъ въ картинахъ“, изданныя Пряшниковымъ и Саножниковымъ въ 1861 году. Съ его же рисунковъ были гравюры на деревѣ, исполненныя Бернардскимъ къ „Мертвымъ Душамъ“ Гоголя.

И вотъ онъ разсказалъ мнѣ свое житье у Мельцева и какъ онъ его бросилъ.

Агинъ былъ чрезвычайно лѣнивъ. Бывало, приду къ нему, а онъ опять, раздѣтый, въ одномъ бѣльѣ, сидитъ на столѣ и точитъ свой кинжалъ, или опять что-либо штопаетъ. Въ его судьбѣ приняли участіе П. В. Штромъ и Ѳедоръ Васильевичъ Чижовъ, и пристроили его учителемъ въ корпусъ.—Впослѣдствіи я его потерялъ изъ виду и узналъ, что онъ былъ помощникомъ начальника станціи на курско-кіевской желѣзной дорогѣ—и тамъ умеръ. Жаль его! Большой талантъ! При другихъ обстоятельствахъ жизни, былъ бы другой человѣкъ и имѣлъ бы серьезное значеніе въ исторіи нашего искусства. Къ сожалѣнію, письма его ко мнѣ, иногда весьма подробныя и интересныя, пропали.

Само собою разумѣется, что я безпрестанно бывалъ у Галаганова, гдѣ обѣдалъ ежедневно и забавлялся съ сыномъ Григорія Павловича, Павлусемъ, уже бѣгавшимъ и говорившимъ; на него не могли достаточно нарадоваться родители, бабушка и всѣ, кому впослѣдствіи онъ причинилъ столько горя своею преждевременною смертью. Память о сынѣ, какъ извѣстно, освятилъ Галаганъ учрежденіемъ коллегіи его имени.

Кулишъ въ это время собиралъ матеріалъ для изданія второго тома „Записокъ о Южной Руси". Александра Михайловна (его жена) очень характерно пѣла малороссійскія пѣсни, что дѣлалъ иногда и братъ ея. Тутъ у Кулиша я познакомился съ М. Грабовскимъ, къ которому мы обѣщали пріѣхать въ имѣніе, и который купилъ у меня моихъ „Чумаковъ". Нерѣдко я бывалъ и у Вас. Вас. Тарновскаго—и помню, какъ меня просили спѣть, и я пропѣлъ двѣ-три пѣсни малороссійскія и былъ порадованъ тѣмъ, что у хозяина пробились одна за другой слезы, а я былъ осыпанъ похвалами.

Я ходилъ постоянно въ своемъ черномъ полушубкѣ и черной бараньей шапкѣ, съ палкой, и никогда на извозчикахъ или въ экипажахъ не ѣздилъ. Засиживался иногда до поздняго вечера, почти до ночи, и отправлялся на ночь въ квартиру Пантелеймона Александровича, въ свою комнату.

Я вышелъ разъ на улицу. Морозъ былъ жестокій, а мятель еще хуже. Пусто было на улицахъ, и я, опираясь на палку съ острымъ наконечникомъ, едва пробирался вдоль заборовъ; все было занесено по колѣни; пришлось идти противъ вѣтра; глаза и все лицо залѣпляло снѣгомъ, и я долженъ былъ останавли-

ваться и по временамъ поворачиваться спиной къ вѣтру, чтобы перевести духъ и собраться съ силами. Глушь, фонарей нѣтъ, и я слышу сквозь завыванья вѣтра стопъ, плачъ: подхожу ближе... Оказывается, что это растворились ворота и пищатъ на своихъ петляхъ.—Иду далѣе и встрѣчаю цѣпляющуюся по забору молодицу съ ребенкомъ грудным у груди подъ кожухомъ. Вотъ какія тогда были городскія сообщенія! Я едва дошелъ до Кулиша, едва достучался, по поясъ въ снѣгу, едва добрелъ до крылечка, и долго очищался отъ снѣга, покрывшаго меня густымъ слоемъ и залѣпившаго глаза.

Такъ я жилъ и прожилъ зиму; все шло хорошо и покойно, какъ вдругъ получаю письма отъ отца и тетки, графини Анны Алексѣевны Толстой; они меня просятъ поѣхать въ Одессу, гдѣ Алексѣй Толстой и братъ мой Владиміръ—въ тифѣ. Я тотчасъ же рѣшился ѣхать, но выѣхать было трудно. Чтобы получить подорожную, я отправился къ губернатору Гессе, своему знакомому, прося дать мнѣ подорожную *по казенной надобности*. Но тутъ друзья мои, овчарки, мнѣ подгадили; оказалось, что Гессе получалъ жалобы на мои проѣзды съ моими вѣрными, но злобными собаками, и въ настоящее время, при сильномъ разъѣздѣ по случаю войны,—когда съ подорожными явились разныя строгости,—онъ совершенно отказался отъ выдачи подорожной казенной, а съ частной не было никакой возможности выѣхать. По справкѣ оказалось, что на станціи накопилось до пятидесяти подорожныхъ и нѣтъ лошадей, что военные съ казенными подорожными ждутъ уже второй день своей участи. Какъ быть?!... Я разспросилъ у Гессе, нѣтъ ли тутъ въ Кіевѣ кого-либо изъ властныхъ военныхъ, и оказалось, что есть какой-то важный артиллерійскій генералъ, и я отправился къ нему. Это былъ старикъ, весьма представительный, бесѣдовавшій за кофе послѣ обѣда съ другимъ генераломъ и, къ счастью, съ моимъ знакомымъ, артиллерійскимъ же генераломъ, пріѣхавшимъ изъ дѣйствующей арміи на короткое время,—Крыжановскимъ. Моя просьба у старика генерала состояла, ни болѣе, ни менѣе, какъ въ томъ, чтобы онъ выдалъ мнѣ до Николаева курьерскую подорожную въ дѣйствующую армію, такъ какъ сильнѣе такой подорожной могли быть подорожныя, выданныя съ тою же цѣлью военнымъ министромъ, или курьерская по высочайшему повелѣнію. Отъ этой моей просьбы у милаго воина вырвался хохотъ отъ души. Но такова сила молодости и горячности убѣжденій,

что онъ потомъ началъ колебаться, и наконецъ, хотя и не онъ, а Крыжановскій выдалъ мнѣ такую подорожную, подъ условіемъ, чтобы я, по пріѣздѣ въ Николаевъ, лично передалъ ее въ руки коменданту, который долженъ былъ удержать у себя эту подорожную и передать ее въ руки самому Крыжановскому, когда онъ будетъ возвращаться въ Севастополь. Я купилъ себѣ форменную артиллерійскую фуражку—и съ маленькимъ дорожнымъ мѣшкомъ и пледомъ, въ томъ же своемъ неизмѣнномъ дорожномъ пиджакѣ и проч., въ шесть или семь часовъ вечера, на перекладной катилъ въ Николаевъ.

Я подъѣхалъ къ послѣдней станціи передъ Николаевомъ вечеромъ, и такъ какъ подорожную слѣдовало отдать лично въ руки коменданту, я остановился на ночлегъ. До этой станціи, съ такой серьезной подорожной, я ѣхалъ совершенно благополучно и безъ задержекъ, и на меня съ завистью смотрѣли выжидавшіе своей очереди офицеры. На ночлегѣ я расположился на диванѣ, положивъ подъ голову дорожный мѣшокъ и прикрывшись пледомъ, а на столѣ передъ диваномъ, для важности, положилъ артиллерійскую фуражку, сказавъ смотрителю, чтобы лошади для меня были готовы, а пока отдохну. У самого же меня было желаніе переждать какого-нибудь подходящаго спутника съ надлежащей подорожной, такъ какъ я зналъ правила, прописки подорожныхъ у заставы при въѣздѣ въ городъ.

Свѣча горѣла на столѣ въ ожиданіи другихъ проѣзжихъ, и я, ѣхавши безостановочно отъ Кіева, заснулъ.

Ночью слышу колокольчикъ подъѣзжающаго проѣзжаго; притворясь спящимъ, я посматриваю—кто. Входитъ офицеръ-бурбонъ, видно—солдатъ, произведенный въ офицеры и посланный на службу въ гарнизонъ; фигура рослая, грубая, немолодая.

— Лошадей!—крикнулъ онъ.

Лошадей, конечно, не оказалось.

— Есть тройка, кормится для вотъ господина поручика, курьера, по казенной надобности ѣдущаго въ дѣйствующую армію.

Стоитъ бурбонъ, покачиваясь.

— Что это кираспръ что-ли?—спрашиваетъ онъ смотрителя, указывая на меня. Моя фуражка, плэдъ, вѣроятно, сбивали его съ толку.—Водки!

Смотритель принесъ графинчикъ. Рюмкой за рюмкой, бурбонъ выдулъ графинчикъ, да какъ крикнетъ:

— Водки!

Смотритель принесъ еще немного.

— А болѣе нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе.

— Отчего нѣтъ?... А это кто, кирасиръ, что ли?—опять онъ спрашиваетъ, указывая на меня. Выпилъ еще что было, положилъ шинель на полъ, легъ и захрапѣлъ.

Я былъ доволенъ, что этимъ кончилось, и заснулъ. Слышенъ опять почтовый звонокъ: входятъ два молоденькихъ, только-что выпущенныхъ изъ дворянскаго полка, офицера. Лошадей, конечно, опять не было, и они усѣлись по обѣ стороны зеркала, что между окнами, на стулья. Свѣча горитъ у зеркальнаго столика; я притворяюсь опять спящимъ и слушаю ихъ воркованіе. Они говорятъ тихо, чтобы не разбудить насъ, и вотъ тутъ изъ разговора я и узнаю, откуда они выпущены, и что ѣдутъ подъ Севастополь.

Вдругъ бурбонъ вскакиваетъ, налетаетъ на нихъ:

— А вы куда, мальчишки?..

Начинается объясненіе, но объясненіе робкое, вѣжливое, а съ его стороны—ругательства. Онъ налетѣлъ особенно на одного, когда тотъ ему сказалъ, что они—такіе же офицеры, какъ и онъ.

— Что?!.. ахъ вы, мальчишки!.. Молчать! вотъ я тебѣ разобью зубы и губы!

Схватилъ стулъ и размахнулся на нихъ. Сердце мое закипѣло; я едва не вспрыгнулъ съ дивана и не бросился сзади на этого негодяя, но меня удерживала боязнь скандала, въ которомъ могъ быть очень непріятно замѣшанъ Крыжановскій. Но Богъ спасъ! Бурбонъ, обозвавъ ихъ сволочью, швырнулъ стулъ въ сторону, повернулся отъ нихъ къ своему углу, упалъ на шинель и захрапѣлъ. Отошла кровь у меня отъ сердца, я легъ опять и заснулъ.

Новый почтовый звонокъ разбудилъ меня; уже свѣтало. Вошелъ нѣмецъ, плохо говорящій по-русски, съ чемоданомъ, въ одеждѣ докторской; усѣлся скромно у двери, такъ какъ ему, какъ нѣмцу, лошадей не было и предстояло долго сидѣть здѣсь.

„Это мой! Его мнѣ и нужно“, — подумалъ я, всталъ, велѣлъ запрягать, и когда лошади были поданы, обратился къ доктору нѣмцу съ предложеніемъ подвезти его въ Николаевъ.

Аптекарь, какъ оказалось, радостно принялъ мою любезность, и мы отправились въ Николаевъ.

Подъѣзжая къ заставѣ, я снялъ свою военную фуражку, вы-

пулъ сѣрую шляпу и, обратясь къ своему спутнику, спросилъ у него подорожную; солдатъ принялъ, прописалъ и вернулъ.

„Подвысь!“ — раздалась команда, и мы покатили въ Николаевъ.

Было утро; я отправился къ коменданту и вручилъ ему подорожную, въ заранѣе приготовленномъ конвертѣ, который былъ мною запечатанъ. Итакъ, мое путешествіе до Николаева было безостановочно и кончилось, благодаря случайностямъ, благополучно. Но мнѣ предстояла еще длинная дорога, тоже наводненная проѣзжими съ военными и курьерскими подорожными. Что будетъ далѣе, какъ и когда я попаду въ Одессу? Это былъ вопросъ.

Бываютъ въ жизни счастливыя случайности, которыя какъ будто искусственно сплетены другъ съ другомъ; такъ было и теперь со мною. Нѣсколько часовъ я былъ въ раздумьѣ и, идя на станцію, выжидалъ, что будетъ?—и что же: является офицеръ гвардіи, и я его узнаю. Это былъ Бибиковъ, товарищъ моихъ братьевъ по университету и сынъ бывшаго кіевскаго губернатора. Мы поздоровались, дѣло объяснилось, и я отправился съ нимъ тотчасъ въ Одессу. Онъ тоже имѣлъ подорожную курьерскую и по военной надобности, но уже форменную, вполнѣ законную.

Благодаря Бибикову, я попалъ въ Одессу очень скоро и остановился въ домѣ Кандыбы, не помню, на какой улицѣ. Домъ, въ которомъ жили братъ и Толстой, былъ довольно большой, каменный, въ два этажа, съ просторнымъ дворомъ, посреди котораго была цистерна. Въ то время Одесса была не то, что теперь. Пыль страшная: не было человѣка, который бы не болѣлъ глазами; у меня впослѣдствіи тоже заболѣли глаза отъ известковой пыли, которая неслась по всей Одессѣ. Домъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ нанятъ Толстымъ и Бобринскимъ, его давнишнимъ пріятелемъ.

Пріѣхавъ къ нимъ, я засталъ брата Владиміра уже выздоровѣвшимъ, обритымъ; Бобринскаго—также выздоровѣвшимъ и обритымъ; Алексѣя Толстого—лежащимъ въ кровати, въ тифѣ, около него—любимую имъ С. А. Миллеръ, жену полковника, на которой онъ впослѣдствіи женился. Въ другой комнатѣ еще лежалъ въ тифѣ офицеръ того же полка, Ермоловъ, бывшій мой товарищъ по пажескому корпусу и выздоравливающій отъ тифа поручикъ Алексѣевъ того же полка, помѣщикъ тульской губерніи. Болѣзнь шла обычнымъ ходомъ; народъ въ полку вымиралъ и

полкъ таялъ. Помнится, что осталось въ живыхъ не болѣе трети.

По мѣрѣ того, какъ Алексѣй Толстой поправлялся, С. А. постоянно была около него, также какъ и братъ Владиміръ и я. Столъ держали общій, и когда больные выздоровѣли, то мы завтракали и обѣдали вмѣстѣ. Часто очень посѣщалъ Толстого графъ Строгановъ, бывшій въ то время генералъ-губернаторомъ или чѣмъ-то въ этомъ родѣ. Это былъ весьма милый собесѣдникъ.

Здоровье Алексѣя Толстого становилось ежедневно лучше; онъ уже началъ выѣзжать, и помню, съ какимъ удовольствіемъ я усадилъ его въ коляску, въ первый разъ по выздоровленіи, еще не совершенно окрѣпшаго, и повезъ покататься къ морю; онъ былъ въ восторгѣ, вдыхалъ полною грудью воздухъ и утомился. Онъ скоро вполнѣ поправился, и я съ нимъ уже отправлялся гулять, а куда?.. Куда могла увлекать насъ безразсудная молодость?.. Въ каменоломни, гдѣ бывали грабежи. Онъ и я запаслись свѣчами, спичками, и такъ какъ я тамъ бывалъ и слышалъ о случавшихся несчастныхъ приключеніяхъ, то запасся револьверомъ, и Толстой, хотя не любившій того, также взялъ револьверъ, но надѣялся болѣе на охотничій ножъ, который, какъ онъ говорилъ, не измѣнитъ. Одно его смущало—что онъ не чувствовалъ въ себѣ той силы, которою обладалъ прежде. Подойдя къ пещерамъ каменоломенъ, мы зажгли свѣчи, вооружились и отправились внутрь. Но, увы! исходивъ пещеры въ разныхъ направленіяхъ, попадая то въ ямы, то въ лужи, мы ровно никого не нашли, и, пристыженные, разочарованные, съ досадой вернулись домой. Часто мы сидѣли у моря и мечтали; еще чаще сидѣлъ я одинъ и мечталъ, набрасывая впечатлѣнія, которыя охотно бы теперь пересмотрѣлъ и прочелъ, если бы они были цѣлы.

Въ Одессѣ я тоже, какъ и въ Кіевѣ, нашелъ лирника съ поводыремъ-хлопчикомъ малороссомъ, и отъ нихъ записалъ все, что можно было извлечь. Я всегда записывалъ съ величайшею точностью, предполагая, что рано или поздно, быть можетъ, записки мои пригодятся для справокъ. Здѣшнее нарѣчіе кое въ чемъ разнится съ рѣчью полтавской и тѣми мѣстами, въ которыхъ я жилъ. Лирникъ былъ старъ, память ему измѣнила, и онъ помнилъ хорошо только пѣсни священныя...

Вечеромъ я былъ въ тревожномъ состояніи... вышелъ гулять. Ночь была лунная; я шелъ тѣнистой стороной, какъ во снѣ. Все было покойно. Время отъ времени слышались дрожки, лай собакъ, и ничто около меня не показывало жизни. Все было

какъ очаровано, и я почти слышалъ стукъ своего сердца. Я подошелъ къ какому-то обрыву. Налѣво отъ меня возвышалось освѣщенное лупою недостроенное зданіе въ родѣ замка: внизу — лодки и море; вправо море было залито серебристымъ лунным свѣтомъ, а на горѣ черно рисовалась силуэтомъ колоннада, большой массой; за ней — другая каменная масса громаднаго строенія. Я былъ отдѣленъ канавами и узкими оврагами отъ жилья и видѣлъ морды собакъ, которыя поднялись и проснулись, одна за другой, съ боковъ, внизу, и залаяли... Но все это долетало до меня глухо: собаки были какъ во снѣ и тронуть меня не могли. Все это напоминало мнѣ какую-то фантастическую оперу или балетъ, или какое-то, не наше, лунное царство: дѣйствительность была похожа на сонъ.

Сегодня я записалъ отъ хлопчика-поводыря одну сказку и одинъ разсказъ о разбойникахъ, съ величайшей точностью, сохранивъ его выговоръ съ удареніями. Оно интересно также и по складу дѣтской рѣчи. Мальчику было лѣтъ двѣнадцать, не болѣе, и такъ какъ онъ жилъ въ городѣ, то и говоръ его былъ не вполнѣ деревенскій.

Кромѣ содержанія сказокъ, меня интересовало и то, какъ дитя, забывшись совершенно и принимая живое участіе въ событіяхъ, переносилось въ свою настоящую жизнь; изъ дворца онъ вдругъ на печи, или ходитъ по большимъ дорогамъ, считая версты: онъ все мѣритъ верстами. Какъ часто онъ не договариваетъ, кто и что; зная самъ и понимая дѣло, онъ думаетъ, что это и для меня понятно. Это я подмѣчалъ у всѣхъ разсказчиковъ изъ простонародья.

Дни шли за днями, и вдругъ... получилось свѣдѣніе о заключеніи мира. Сильно возмутились кругомъ меня всѣ. Что касается меня, то я былъ въ полной радости, что положенъ конецъ этому ужасному истребленію людей, которые доходили до озвѣрѣнія, такъ какъ нерѣдко случалось находить послѣ битвы людей, вцѣпившихся другъ въ друга даже зубами. Я былъ въ полномъ разочарованіи въ способности нашей вести борьбу съ Западомъ; видѣлъ всю неурядицу и военное безобразіе. Разговоры доходили нерѣдко до крупныхъ размѣровъ и были горячи не въ мѣру; и такъ однажды сцѣпился съ гр. А. П. Бобринскимъ и наговорилъ ему — не помню, что именно, но настолько его задѣвшее, что онъ вызвалъ меня на дуэль, которая, благодаря Алексѣю Толстому и брату Владиміру, не состоялась и кончилась мировой.

Встрѣтилъ я въ это время профессора кіевскаго университета, стараго знакомаго, доктора Мёринга, который былъ командированъ въ Константинополь для изученія военныхъ госпиталей.

— Ну, что тамъ, хорошо ли лечатъ?

— Тоже не хорошо, но разница та, что они даютъ больнымъ уменьшенную дозу, напр., хинина, потому что онъ дорогъ, а у насъ даютъ вмѣсто хинина березовую кору...

Здоровье брата и Алеши совершенно поправилось; наступала весна, и меня, какъ и журавлей, потянуло въ степи, на приволье. Я скоро снарядился, отказавшись отъ плана ѣхать съ Толстымъ, братомъ и С. А. въ Крымъ, и, найдя себѣ попутчика, генерала Копьева, отправился съ нимъ до Кременчуга, гдѣ, простившись, поѣхалъ въ Липовицу. Ѣхали мы опять-таки на долгихъ, т.-е. не на почтовыхъ, а на передаточныхъ ямщикахъ вольныхъ. Путь былъ пріятный, спутникъ покойный...

Согласно своему обѣщанію, я въ скоромъ времени отправился къ П. А. Кулишу, для чего слѣдовало ѣхать черезъ Пирятинъ, гдѣ, долго дожидаясь лошадей, я зашелъ къ исправнику, съ которымъ познакомился въ Липовицѣ у гр. де-Бальмена.

У открытаго окна исправникъ сидѣлъ и ковырялъ въ зубахъ; большіе усы, нѣсколько прикрывали его скверное занятіе; онъ былъ небольшого роста и толстенькій или, лучше сказать, полненькій. Только-что полученный манифестъ, по случаю коронаціи, лежалъ на столѣ; стоялъ подлѣ несчастный шутъ въ бумажномъ колпакѣ съ блестками, въ изношенномъ сюртукѣ, съ испитымъ лицомъ. Исправникъ далъ ему еще рюмку водки и заливался, поглядывая на меня, звонкимъ и нѣсколько сдобнымъ голосомъ.

Я ушелъ на станцію — нанимать евреевъ. Мимо прошла еврейская свадьба съ бубнами, скрипкой и віолончелью. Евреи — въ длинополыхъ сюртукахъ, а еврейки — во французскихъ платьяхъ, дурно пошитыхъ.

Стемнѣло, и я выѣзжалъ изъ Пирятина; проѣхавъ до мельницы, я остановился и вышелъ. Круглая, теплая луна освѣщала романически картину; яркая звѣздочка была съ правой стороны; длинныя облачка были окаймлены ея свѣтомъ. Мальчишки соскочили сзади экипажа. Пройдясь нѣсколько, я сѣлъ въ экипажъ; луну скоро закрыли облака, и я, уснувъ, несся по дорогѣ.

Въ Савинцахъ я желалъ покормить лошадей и уснуть покойнѣе. Я видѣлъ, что еврей подъѣзжалъ къ давно мнѣ знако-

мому постоялому двору. Мнѣ было лѣнь его остановить, и я хотѣлъ видѣть, какъ кончится домогательство моего еврея дозволить намъ отдохнуть. Я нѣсколько разъ проѣзжалъ этотъ постоялый дворъ, и никогда не удавалось мнѣ въ немъ остановиться. Теперь, какъ еврей ни буянилъ и ни стращалъ паномъ (т.-е. мной), „который выйдетъ да поколотитъ", насъ все-таки выпроводили на всѣ четыре стороны, и я направился къ моему знакомому казаку. У него я нашелъ чистую хату и уснулъ, напившись чаю.

Пѣтушьи крики меня разбудили; голова болѣла. Я всталъ и искалъ старика, своего возницу, чтобы приказать запрягать. Мой еврей, надѣвъ покрывало, молился у окна предолго, и мнѣ пришлось ждать и смотрѣть на рождающееся утро.

Съ одной стороны, исчезла ночь, но мѣсяцъ былъ довольно высоко. Пѣтухи пѣли. Стадо быстро увеличивалось, какъ всегда; мычанье, блеянье, взвизгиванье и хрюканье: говоръ, смѣхъ и даже брань — сливались. Горизонтъ горѣлъ огнемъ; надъ нимъ, почти вилоть до земли, растянулось облако. Лучи солнца пробивались сквозь курчавыя облачка; ряды крестовъ—прямыхъ, кривыхъ и всякихъ, съ хустками и безъ хустокъ,—рисовались силуэтами по загорающемуся востоку близлежащаго кладбища [1]); еще ближе—дѣлились по небу мельницы съ балкончиками и ломаными крыльями.

Наконецъ, мой еврей кончилъ молиться, и я ѣхалъ по чернозему въ знакомый мнѣ хуторъ, отыскивая невольно глазами знакомые предметы.

Люблю я эту мѣстность. Хаты съ садиками, населенныя казаками, протянулись далеко по хребту, надъ болотами, покрытыми камышомъ, и всѣ смотрѣли въ широкую степь, гдѣ, бывало, мы съ Кулишемъ сиживали на могилахъ [2]), гдѣ мы гуляли ночью, гдѣ я считалъ степные колодцы съ высокими шестами, разбросанные до самаго горизонта, и гдѣ теперь торчала солома, или, какъ выразился поэтически Пв. Аксаковъ:

„Нива, сжатая серпомъ" —

а попросту—скучная и унылая стерня.

Но мнѣ тутъ было легко на душѣ: было съ кѣмъ поговорить, съ кѣмъ печаль и горе раздѣлить.

---

[1]) По обычаю, на крестахъ схороненныхъ казаковъ укрѣплялись небольшія знамена, чего у простого крестьянина не допускалось.

[2]) Такъ называются степные курганы.

И вотъ я опять въ Зàрогѣ. Опять хожу, брожу, начерчиваю и записываю. Иногда ровно ничего не дѣлаю—лежу около тына, что̀ подлѣ нашей хаты. Лежу у самой дороги, лицомъ къ землѣ. Погода жаркая, небо чисто, кое-гдѣ клочки облаковъ. Солнце печетъ по лѣтнему. Мошки жужжатъ въ воздухѣ; иногда октавой прожужжитъ жукъ, пролетая мимо; я ѣмъ свѣжіе грецкіе орѣхи или, по здѣшнему, волошскіе, которые тутъ ростутъ. Конецъ селенія невдалекѣ и прилегаетъ къ дорогѣ. Освѣщено не эффектно,—сверху до низу облито солнцемъ. Вдали прокричали во всѣхъ хатахъ пѣтухи—и опять тишина. Одна птичка чирикаетъ на вербѣ да жужжатъ мухи. Близъ меня простая черная собака, которая не даетъ никому спокойно пройти или проѣхать: она, оскаливъ зубы, бросается на всѣхъ. Во дворѣ слышенъ плачъ дѣвчонки. — Степь вся выгорѣла. Вотъ все, что̀ передо мною. А въ хатѣ слышенъ голосъ Кулиша, который хлопочетъ, чтобы намъ былъ самоваръ и поспѣлъ скорѣе борщъ... Вотъ моя здѣшняя жизнь. Сойдясь, мы о многомъ говоримъ и многое создаемъ; не знаю, выполнится ли все это? А хорошо бы.

Въ это время Кулишъ устраивалъ здѣсь свою усадьбу. Строящаяся хата прилегала къ лѣсу, который спускался внизъ къ водѣ. Впереди хаты—степь. Около хаты, близъ воротъ—двѣ-три старыхъ, могучихъ вербы. Съ версту отъ него жила хозяйка земли (тысячи съ полторы десятинъ), Симонова, мать Номиса, малороссійскаго писателя, какъ впослѣдствіи, уже въ 1861 году, я это узналъ въ Петербургѣ. Верстахъ въ пяти растянулся казачій хуторъ Зàрогъ. Жили мы вполнѣ казаками; жена Кулиша хозяйничала и насъ кормила; П. А. писалъ; я бродилъ и рисовалъ.

Однажды Кулишъ мнѣ говоритъ, что хозяйка или, какъ ее всѣ называли, „бабуся“, зоветъ насъ къ обѣду, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что обѣдаетъ она въ девять часовъ утра, и потому чай должно пить пораньше и отправиться къ назначенному часу. — Такъ мы и сдѣлали. — Надо замѣтить и то, что поселилъ меня Кулишъ въ хатѣ у „бабушки“ въ усадьбѣ и прислуживала мнѣ ея дворовая дѣвушка; я же ее никогда не видѣлъ и у нея не былъ.

Къ назначенному часу мы явились. Высокая, здоровая, полная, „бабушка“ любезно съ нами поздоровалась и очень мнѣ понравилась, своею оригинальностью, вполнѣ старосвѣтскою. Показала намъ всѣ комнаты, которыя интересны были тѣмъ, что

на дверяхъ были крупно прописаны краской различные года, означающіе семейную хронику. Въ такомъ-то году родился ея сынъ Терентій, въ такомъ-то она вышла замужъ, и такъ вся родословная ея отца, дѣда, прадѣда. Въ углу стояла пика и висѣла сабля, и какъ она объяснила, оружіе ея мужа или отца, которое она беретъ, когда идетъ ночью дозоромъ вокругъ усадьбы, для того, чтобы справиться „со злодіемъ, якъ попадеця".

Обѣдъ былъ старосвѣтскій и національный, такъ что мнѣ пришлось поголодать, ибо сала и прочихъ жирныхъ блюдъ не ѣмъ, и любя въ Малороссіи все, не люблю ея кушанья. Однакоже, одно блюдо мнѣ понравилось и заинтересовало своею оригинальностью: это—„пироги въ кожухѣ". Приготовлялись какъ пироги, разсказать не умѣю, но подали большой пирогъ, и когда содрали съ него часть оболочки, т.-е. сняли кожухъ, то внутри его оказались пироги бѣлые съ начинкой, очень вкусные.

Я постоянно бродилъ по Зарогу и окрестностямъ, встрѣтилъ въ степи бредущаго съ поводыремъ кобзаря, отъ котораго записалъ кое-что, и, возвращаясь домой, истреблялъ съ П. А. и А. М. кавуны, бросая плохіе и лакомясь только лучшими. Живу я въ глуши, въ привольѣ, въ тишинѣ; казалось бы, чего лучше, но и тутъ дѣло вышло не ладно.

Однажды, рано утромъ, сижу я близъ Кулишевой хаты на валу и дѣлаю наброски; Кулишъ стоитъ у воротъ, низенькихъ, изъ перекладинъ, облокотясь на нихъ, и смотритъ вдаль. Вижу я, что, проходя мимо него изъ Зарога, казакъ подошелъ къ нему и довольно продолжительно съ нимъ разговариваетъ, показывая на меня. Затѣмъ, пошелъ казакъ далѣе, и, проходя мимо меня, смотритъ на меня очень значительно. Когда казакъ скрылся, Кулишъ подошелъ ко мнѣ.

— Что, вы знаете его?

— Нѣтъ.

— Вы были вчера въ Зарогѣ?

— Былъ.

— Пили тамъ въ хатѣ воду?

— Пилъ.

— Тамъ кто-либо былъ?

— Была молодица. Я у нея попросилъ напиться, и она дала мнѣ ковшъ; почерпнувъ воды изъ ведра, я ее выпилъ. А затѣмъ вышелъ и пошелъ далѣе по Зарогу, и вернулся къ вамъ.

— Ну, знаете ли, дѣло-то глупо. Этотъ казакъ меня знаетъ,

и хорошо, что онъ меня увидѣлъ. Онъ разсказалъ, что вы пришли въ хату, напились воды и ушли, а молодица, черезъ нѣсколько времени, ухватилась за сердце и упала; теперь лежитъ больная, и люди полагаютъ, что вы—англійскій, французскій или турецкій шпіонъ и отравили воду. Они хотятъ донести становому, взять васъ и доставить въ станъ. Хоть я и говорилъ, что вы—чиновникъ, посланный сюда министромъ, и я васъ знаю, но они говорятъ: пускай тамъ и разберутъ.

Что дѣлать? Народъ дикъ, могутъ избить,—холера была недавно,—а у меня ни паспорта, ни подорожной. Мы рѣшили выѣхать, и дѣйствительно выѣхали.

Мы съ Кулишемъ согласились съѣздить къ матери Гоголя, такъ какъ ему было очень интересно и полезно познакомиться съ нею и сестрами Гоголя, въ виду того, что онъ собиралъ тогда матеріалъ для своего изданія.

Наружности деревяннаго дома Н. В. Гоголя не помню, но помню хорошо комнату, въ которую мы вошли и гдѣ потомъ сидѣли съ матерью, тетушкой и сестрами Гоголя. Комната была довольно просторна, имѣла рядомъ три окна,—одно большое по серединѣ и два поменьше по сторонамъ! Вдоль стѣнъ размѣщены были стулья, по серединѣ стоялъ столъ. Изъ этой комнаты вели четыре двери, изъ которыхъ одна съ разноцвѣтными стеклами и одна со скрипомъ, такъ что я невольно вспомнилъ „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“. Столовая была выкрашена полосами желтыми и бѣлыми. Гостиная была голубая, полосами. Въ углу часы, выкрашенные желтой краской, громко стучали. По стѣнамъ, въ рамкахъ корельской березы, висѣли французскія картины и между ними канделябры о двухъ свѣчахъ. У правой стѣны отъ входа—фортепіано Георга Гильдебранта и надъ нимъ три портрета: въ серединѣ—Екатерины II, направо отъ нея—Потемкинъ, налѣво—Зубовъ. Въ углу, около фортепіано, этажерка съ нотами, и гдѣ только было мѣсто—помѣщались пѣсни малороссійскія, печатныя и рукописныя. Всѣ, конечно, помнятъ, что тетушка Н. В. пѣла очень характерно малороссійскія пѣсни, и мы попросили ее спѣть. Тетушка стоитъ храбро и не хочетъ пѣть, говоря, что уже два дня груститъ. Всѣ сидятъ молча вдоль стѣнъ; на столѣ—кружка, подносъ съ вареньемъ изъ райскихъ яблочковъ и вишенъ; груши, яблоки, бергамоты и графинъ. Въ гостиной, надъ диваномъ, виситъ портретъ Николая Васильевича Гоголя. На этомъ диванѣ, въ правомъ его углу, любилъ сидѣть

Николай Васильевичъ, а сестра его, Ольга, около него. Мать Гоголя иногда часа два смотритъ на портретъ покойнаго. Всѣ находятъ, что онъ такъ похожъ, что только не говоритъ! Именно такъ онъ слушалъ, улыбаясь, когда ему разсказывали.

Кромѣ насъ, пріѣзжихъ, сидитъ сосѣдка старушка; около нея—Ольга Васильевна. Черезъ стулъ отъ нея—другая сосѣдка; черезъ стулъ отъ нея—женщина безъ голоса, что-то въ родѣ ключницы: это—больная, пріѣхавшая сюда лечить свое горло; она въ сапогахъ, и ей Ольга Васильевна подала яблоко. У другой стѣны сидитъ молодая рыжеватая дѣвушка, сложа руки. На стулѣ, въ корзинѣ—желуди, собранные для Пантелеймона Александровича. Мимо оконъ проходятъ съ молочниками въ рукахъ—значитъ, мы скоро будемъ пить чай.

Ольга Васильевна бѣлокура, выраженіе лица чрезвычайно доброе и грустное, черты лица очень напоминаютъ брата ея, Николая Васильевича. На шеѣ черный платочекъ, самый простой, съ красными рѣдкими цвѣточками; все платье черное. По бокамъ углового окна столовой висѣло по зеркалу; у противоположной стѣны, по угламъ, гдѣ печи—вышитые, узорные гербы.

Въ саду Николай Васильевичъ старательно сажалъ деревья; въ немъ была пещера, чья-то могила—какъ нерѣдко случается встрѣчать ихъ въ родовыхъ усадьбахъ казаковъ; прудъ, заростающій камышомъ. Передъ окнами столовой—лужокъ, окруженный клепами, вязами, липой и акаціей.

Мальчикъ, въ панковомъ сюртукѣ съ короткими рукавами и шаравахъ, накрылъ, при наступившихъ уже сумеркахъ, скатерть, поставилъ шкатулку изъ корельской березы, большой подносъ и передъ нимъ маленькій. Часы пробили шесть. Но потемнѣло еще болѣе отъ мелкаго дождя и тучъ. Начали скрипѣть басомъ шкафы, звонить серебро; скромно застучали старые стулья, двинувшись съ мѣстъ своихъ, и уставились вокругъ стола. Мы продолжали сидѣть въ полумракѣ; Кулишъ съ Ольгой Васильевной разговаривали о сельскомъ леченьѣ.

Скоро самоваръ закипѣлъ, началось чаепитіе и общій разговоръ. Сосѣдка разсказала, что ключникъ ея танцовалъ до того, что ноги его распухли, и, придя домой, онъ легъ и черезъ недѣлю сгорѣлъ, какъ свѣча. А былъ молодой, здоровый парень.

— Вѣдь вы знаете, какъ они пляшутъ навприсядки и перекидываются,—вотъ у него что-либо внутри и надорвалось.

Мать Гоголя, весьма милая и почтенная старушка, говорила, что все, что̀ дѣлается теперь хорошаго въ Россіи, дѣлается по

иниціативѣ Николая Васильевича. Проведеніе теперь желѣзныхъ дорогъ она приписываетъ его вліянію.

— Говорятъ,—разсказывала она,—теперь проведутъ желѣзную дорогу и черезъ Миргородъ.

Всѣ жители и особенно чиновники Миргорода сердиты на Николая Васильевича и говорятъ, что этого у нихъ никогда не было, чтобъ свинья вошла „въ присутствіе“. Жители говорятъ: „На что было все это писать, чортъ зна що! Государь вѣдь это читалъ: какъ живутъ, да какъ соломою топятъ. Зачѣмъ это разсказывать? И что такое онъ хорошаго написалъ? О немъ не стоитъ и говорить, какъ о писателѣ; написалъ, что всякій знаетъ“.

Разговоръ шелъ въ этомъ тонѣ, и уже два раза напоминали, что ужинъ готовъ. Во время ужина Ольга Васильевна стояла за стуломъ матери. Поужинавъ, отправились спать.

Я съ Кулишемъ и племянникомъ Гоголя, Трутковскимъ, пошли ночевать во флигель, въ которомъ жилъ Гоголь. Въ его кабинетѣ мнѣ была приготовлена постель. Племянникъ занялся съ Кулишемъ письмами Гоголя.

Утромъ въ семь часовъ я проснулся. Ночью шелъ дождь, небо сѣренькое, и дождь капаетъ съ неба мелко, рѣдко, какъ бы оплакиваетъ это мѣсто, не видя того, кто такъ его любилъ. Бѣлыя, старыя и очень простыя занавѣски шевелятся отъ вѣтерка сквозь щели; ставни сами собою хлопаютъ и дѣлаютъ комнату то темною, то свѣтлою. Въ комнатѣ одно окно и со стеклами дверь на крыльцо; въ углу—столикъ угловатый, на немъ чайникъ и чашка съ липовымъ цвѣтомъ для меня, а въ другой, меньшей чашкѣ—спиртъ изъ чаберу. Все очень старо, но чисто. Другая дверь выходитъ въ большую комнату. Въ комнатахъ полы деревянные, дощатые, некрашенные. Стѣны бѣленыя, какъ въ хатахъ. Маленькое зеркало, тоже въ рамѣ изъ корельской березы, со старымъ стекломъ, на которомъ мѣстами сошла ртуть, виситъ между этимъ маленькимъ окномъ и дверью.

Въ послѣднее время Гоголь закупилъ лѣсу, чтобы строить домъ; хотѣлъ тутъ прожить цѣлый годъ, но до постройки закупоривалъ всѣ щели, чтобы матери и сестрѣ было тепло.

Я немного заболѣлъ и пролежалъ сутки въ постели. Домикъ для меня вытопили, меня вытирали спиртомъ и поили липовымъ цвѣтомъ. Оправившись и придя въ домъ, я пѣлъ и слушалъ пѣсни старушки тетушки Николая Васильевича, получилъ въ подарокъ нѣсколько пѣсенъ, записанныхъ на ноты, и мы выѣхали съ Кулишемъ, провожаемые самыми дружескими прощаніями и снабженные на дорогу провизіей.

Разставшись съ Кулишемъ, я напялъ лошадей и фургонъ у еврея въ другую сторону, и пришлось мнѣ остановиться для ночлега въ хуторѣ Лазо́рки на постояломъ дворѣ. Какъ обыкновенно, изъ сѣней въ одну сторону былъ шинокъ, а въ другую сторону—чистая комната. Я отправился въ шинокъ; слыша тамъ веселый разговоръ, я расположился на скамьѣ у дверей, растянувшись и закутавшись.

Долго мнѣ не спалось, слушая разговоръ, а иногда и пѣсни; а потомъ затѣялся въ компаніи закладъ о поставкѣ кварты горѣлки въ пользу того, кто окажется лучшимъ разсказчикомъ. Разговоры были циничны и пересыпались бранью; побѣда едва не осталась за солдатомъ, но, вотъ, лѣтъ тридцати, чернобровый парень, сидѣвшій до сего времени молча, попивая чарку за чаркой, говоритъ:

— Ни, ще годи. Треба и мини сказать свое слово.

И парень началъ ругать пановъ, свое начальство, чиновниковъ, духовенство, церковь... И что́ удивительно,—брань и кощунство шли складно, безъ запинки; видно было, что эта брань и кощунство сложились въ народѣ! Его начали останавливать, уговаривать, чтобы пересталъ, но онъ продолжалъ ругать складно отца и мать за то, что породили его на свѣтъ, и т. д. Сборище начало расходиться. Парень также всталъ и вышелъ на улицу, и пока онъ удалялся, его страшныя проклятія и ругательства были слышны; онъ выливалъ злобу на сложившуюся жизнь и на все.

Я получилъ извѣстіе отъ Алексѣя Толстого, что онъ возвращается изъ Крыма и будетъ меня ожидать въ Кіевѣ. Я тотчасъ же отправился въ Кіевъ, гдѣ и свидѣлся съ нимъ, Софьей Андреевной, Катериной Андреевной [1]) и барономъ Розеномъ.

Въ Кіевѣ мы провели нѣсколько дней, разсказывая другъ другу о прожитомъ за время нашей разлуки. Были чудные теплые дни и лунныя ночи; мы просиживали и дни, и ночи въ городскомъ саду, на берегу Днѣпра. Въ то время садъ этотъ не имѣлъ дворца, театра, какъ теперь; онъ былъ запущенъ и тѣмъ самымъ намъ нравился. Публики въ немъ, особенно почью, не было.

Я зналъ въ Кіевѣ, не въ людномъ мѣстѣ, большой, каменный и заброшенный домъ, о которомъ говорили, что въ немъ живетъ нечистая сила, что туда боятся ходить, что домовые

[1]) Сестра мужа С. А., вышедшая замужъ за барона Розена.

бросаютъ въ любопытныхъ камнями и т. п. Алексѣй Толстой, я и Розенъ, затѣяли туда пойти въ самую полночь; а такъ какъ ночь была лунная, то намъ удобно было туда пробраться, частью по снаружи когда-то приставленной громадной деревянной лѣстницѣ, а затѣмъ и внутри, по разрушеннымъ лѣстницамъ и провалившимся поламъ. Мы разошлись по разнымъ частямъ дома и, притаившись, ждали появленія домового или мошенниковъ; на всякій случай, у насъ были пистолеты, и на выстрѣлъ мы должны были сходиться.

Долго мы ждали; вѣтеръ гудѣлъ въ перебитыя окна и трубы печныя, но гостей не было. Мы прождали до разсвѣта и тѣмъ же путемъ спустились во дворъ, очень опечаленные неудачей.

Вскорѣ я простился съ моими друзьями и далъ обѣщаніе Алексѣю Толстому пріѣхать къ нему въ Красный-Рогъ, гдѣ ожидала его мать, моя добрая тетушка Анна Алексѣевна.

На перекладной, по обыкновенію, я пріѣхалъ въ первый разъ въ с. Красный-Рогъ, черниговской губерніи. Прежде оно принадлежало послѣднему малороссійскому гетману, К. Г. Разумовскому. Меня очень интересовала усадьба, и я съ большимъ вниманіемъ туда въѣзжалъ. Домъ былъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ построекъ крестьянскихъ, и въѣздъ былъ черезъ посаженныя липовыя алеи гетманскихъ временъ. Между рядами посадокъ можно было свободно ѣхать въ большомъ экипажѣ шестерикомъ съ форейторомъ и поворачивать куда угодно. Я, въ своей телѣгѣ, подкатилъ къ панскому, когда-то гетманскому дому; онъ былъ окруженъ липовыми алеями, и къ нему прилегалъ садъ. Домъ былъ деревянный, какъ всѣ загородные дома гетманскіе. Это былъ его охотничій домъ, куда съѣзжалось не мало людей, и экипажи ихъ и собаки располагались въ липовыхъ аллеяхъ близъ дома, устроенныхъ въ видѣ залъ, такъ что пользовались чистымъ воздухомъ и тѣнью.

По серединѣ дома была столовая съ куполомъ, которая освѣщалась сверху; а надъ нею былъ устроенъ бельведеръ, откуда открывался прекрасный и просторный во всѣ стороны видъ. Домъ этотъ, какъ и другіе дома гетмана, былъ выстроенъ по плану извѣстнаго архитектора графа Де-Растрелли, какъ онъ подписывался. Въ этомъ домѣ жила Анна Алексѣевна (мать Алексѣя Толстого) съ сыномъ, а я помѣстился въ одномъ изъ флигелей, тоже деревянномъ, въ которомъ находились: обширная библіотека, помѣщеніе для меня и баня, въ которую любила ходить Анна Алексѣевна. Все было устроено просто и удобно.

Анна Алексѣевна чрезвычайно любила нашу мать (сестру свою), и любовь ея перешла и на насъ. Много трогательныхъ случаевъ я помню, которые ярко характеризовали ея безпредѣльно доброе сердце и расположеніе къ намъ.

Она была очень рада меня видѣть и всею душою интересовалась узнать мое впечатлѣніе и мнѣніе о Софьѣ Андреевнѣ, съ которой сошелся ея сынъ, и къ которой серьезно и сильно привязался. Ея душа не только не сочувствовала такимъ отношеніямъ, но была возмущена и относилась съ полнымъ недовѣріемъ къ искренности С. А. Не разъ у меня съ нею, тайно отъ сына, были разговоры, и она, бѣдная, говорила, а слезы такъ и капали изъ глазъ ея. Меня она обвиняла болѣе всѣхъ, какъ болѣе всѣхъ любимаго ея сыномъ и раньше всѣхъ братьевъ познакомившагося съ С. А. Я стоялъ всею душою за С. А. и старался разубѣдить ее, но напрасно. Чутко материнское сердце!..

Что-жъ Алексѣй?.. Онъ грустилъ. душа его разрывалась на части: онъ любилъ обѣихъ. Никогда не забуду, какъ я сидѣлъ съ нимъ на травѣ, въ березникѣ, имъ насажденномъ: онъ говорилъ, страдая и со слезами, о своемъ несчастіи. Сколько въ глазахъ его и словахъ выражалось любви къ С. А., которую онъ называлъ милой, талантливой, доброй, умной, образованной и съ прекрасной душой! Его глубоко огорчало, что мать безконечно груститъ, ревнуетъ и предубѣждена противъ С. А., несправедливо обвиняя ее во лживости и разсчетахъ. Такое обвиненіе, конечно, должно было перевернуть все существо добраго, честнаго и рыцарски благороднаго А. Толстого.

Пребываніе мое въ Красномъ-Рогу имѣло вліяніе на дальнѣйшую мою судьбу именно потому, что тетушка Анна Алексѣевна предложила мнѣ выдать тысячу рублей на поѣздку за границу; Толстой вполнѣ этому сочувствовалъ. Время было уже не лѣтнее, и задумавъ эту поѣздку, я простился съ милой, дорогой мнѣ и всѣмъ намъ Анной Алексѣевной, съ ея сыномъ, и выѣхалъ изъ Краснаго-Рога.

Я не зналъ тогда, что будетъ далѣе,—и что время жизни Анны Алексѣевны сочтено судьбою, и что смерть ея стоитъ наготовѣ!..

Левъ Жемчужниковъ.

АМЕРИКАНЕЦЪ

„David Harum", a story of american Life, by E. Noyes Westcott *).

VII [1]).

Едва успѣлъ удалиться конторщикъ Тимсопъ, какъ дверь отворилась, и на порогѣ показалась фигура самого хозяина, Давида Гарума. Широкоплечій, гладко-выбритый, нѣсколько ниже средняго роста, онъ поражалъ своимъ полнымъ, красноватымъ лицомъ, на которомъ не было пи пятнышка,—только на линіи отъ носа къ углу рта небольшая бородавка, величиною съ горошинку. Его лысина, окруженная бахромкой красновато-рыжихъ волосъ, маленькіе глаза чисто-голубого цвѣта, толстый носъ, не поддающійся классификаціи, и широкій ротъ съ тонкими губами—все это придавало лицу добродушно-насмѣшливый оттѣнокъ. На немъ была „сѣрая пара", довольно старомодные стоячіе воротнички, опоясанные краснымъ галстухомъ, который схваченъ былъ узломъ подъ подбородкомъ; на головѣ—суконная шапка съ наушниками, а въ бѣлоснѣжномъ треугольникѣ крахмальной рубашки сверкала брилліантовая запонка въ два карата.

Онъ подошелъ къ Джону.

— Вы, вѣроятно, м-ръ Ленокъ? Какъ можете? Радъ васъ видѣть! — проговорилъ онъ, стаскивая съ пальцевъ грубую замшевую перчатку и подавая толстую, но мускулистую руку.

Джонъ отвѣтилъ рукопожатіемъ и выразилъ надежду, что м-ръ Гарумъ находится также въ добромъ здравіи.

— Такъ себѣ, понемногу справляюсь...—отозвался тотъ.

[1]) См. выше: октябрь, стр. 677.

— Вы пріѣхали еще съ вечера, я полагаю? Нашли кого-нибудь, чтобы васъ проводить сюда? Обыкновенно, въ это время года пріѣзжихъ у насъ не бываетъ.

Джонъ отвѣчалъ, что никакого безпокойства ему не случилось испытать, и что какой-то Робинсонъ довезъ его самого и багажъ до отеля.

— Гм! — произнесъ Давидъ, мотнувъ головой и становясь спиной къ огню.—Дикъ Робинсонъ! И что же? Онъ имѣлъ любезность занимать васъ разговоромъ?—усмѣхнулся онъ.

Въ отвѣтъ Джонъ только засмѣялся.

— Гдѣ вы остановились?—спросилъ Давидъ, и узналъ, что въ „Орлѣ".

Впрочемъ, утромъ онъ уже успѣлъ повидать Дика Ларраби и отъ него услышать исторію пріема, оказаннаго въ этой гостинницѣ пріѣзжему. Но онъ любилъ всякія свѣдѣнія получать изъ первоисточника.

— И что же? васъ тамъ устроили удобно?—отвернувшись, чтобы плюнуть въ каминъ, продолжалъ Давидъ.

— Принимая въ соображеніе наличныя условія, мнѣ было недурно.

Давидъ больше не настаивалъ.

— А какъ вы оставили генерала?—перемѣнилъ онъ тему.

— Повидимому, онъ здоровъ, и просилъ вамъ кланяться.

— Славный человѣкъ генералъ!—довольный его вниманіемъ, замѣтилъ Давидъ.—Какъ ни верти, славный онъ человѣкъ! Слово его крѣпко. Да, смѣю вамъ сказать, если онъ за кого ручается, тогда мнѣ все равно, посмотрю я на человѣка раньше или нѣтъ. А вы съ нимъ хорошо знакомы?

— Они съ отцомъ старые друзья, а ко мнѣ онъ былъ всегда добръ и ласковъ.

— Садитесь же, садитесь!—сказалъ Гарумъ, указывая Джону на стулъ, а самъ, усѣвшись, снялъ шапку и вмѣстѣ съ перчатками опустилъ ее на полъ.—Вы давно здѣсь, въ конторѣ?

— Пожалуй, съ полчаса.

— Я намѣревался быть уже здѣсь, когда вы придете; но мнѣ помѣшало одно дѣло... зашелъ посмотрѣть на лошадь... Я думаю, не запереть ли эту дверь?.. — прибавилъ онъ и привсталъ, чтобы подойти къ дверямъ въ контору.

— Позвольте, я запру,—предложилъ Джонъ и затворилъ.

— За-одно можете запереть и другую, если ужъ взялись,—замѣтилъ Давидъ и прибавилъ:—благодарю васъ!—когда Джонъ сѣлъ на мѣсто.—Ничего особеннаго я не имѣю вамъ пока сказать,

а боюсь помѣшать Тимсону въ работѣ. Что онъ, познакомился уже съ вами?

— Да, мы оба представились другъ другу и даже побесѣдовали нѣсколько минутъ.

— Что-жъ, онъ вамъ приподнесъ всю свою біографію, со всею родословной на придачу?

— Нѣтъ; на это времени бы не хватило,—улыбаясь, возразилъ Ленокъсъ.

— Ну, такъ въ лоскъ отдѣлалъ меня и мой характеръ?

— Больше всего разговоръ вертѣлся на темѣ о его трудахъ и обязанностяхъ,—отвѣтилъ Джонъ, и Давъ подумалъ, что Ленокъсъ, очевидно, не хочетъ откровенничать больше, чѣмъ онъ то считаетъ нужнымъ.

— И что-жъ, онъ напустилъ на себя дружелюбіе? — продолжался допросъ.

— Поговоривъ немного, я высказалъ ему, какъ для меня отрадна мысль, что онъ не можетъ питать ко мнѣ враждебныхъ чувствъ, потому что самъ, по своей доброй волѣ, оставилъ это мѣсто.

Давидъ повернулся и посмотрѣлъ въ лицо Джону; въ глазахъ его пробѣжали искорки смѣха. Джонъ отвѣтилъ ему такимъ же взглядомъ и слегка улыбнулся. Давидъ открыто разсмѣялся.

— А вы, должно быть, видывали людей на своемъ вѣку...

— Не думаю, однако, чтобы мнѣ попадался кто-нибудь точно такой, какъ м-ръ Тимсонъ, — самъ слегка засмѣявшись, проговорилъ Джонъ.

— По счастію, типы такой породы рѣдкость, — сухо замѣтилъ Гарумъ и, подойдя къ конторкѣ, вынулъ и предложилъ Джону одну сигару, въ то время, какъ самъ закурилъ другую, усердно попыхивая въ продолженіе двухъ-трехъ минутъ, а между тѣмъ Джонъ успѣлъ не разъ пожалѣть, что и онъ принадлежитъ къ числу „курящихъ“. Наконецъ, Давидъ вынулъ изо рта горящій окурокъ и посмотрѣлъ на него глубокомысленно.

— Какъ вамъ нравятся эти сигары? — спросилъ онъ свою жертву.

— Горятъ онѣ прекрасно,—отвѣчалъ тотъ.

М-ръ Гарумъ не то кашлянулъ, не то усмѣхнулся и тотчасъ же опять умолкъ.

Но, вотъ, онъ поднялъ голову, посмотрѣлъ съ любопытствомъ на своего собесѣдника и перевелъ свой пристальный взглядъ на огонь.

— Съ той минуты, какъ я увидѣлъ васъ,—началъ онъ,—я не перестаю спрашивать себя, какъ это такъ могло случиться, что вамъ вздумалось пріѣхать въ нашъ Гомвиль?—Васъ рекомендуетъ генералъ Вульсей, и я надѣюсь, что вы, такъ сказать, не считаете, что попались впросакъ... или что-нибудь въ этомъ родѣ... Генералъ ничего не говорилъ вамъ о моихъ дѣлахъ?

— Нѣтъ. Мнѣ кажется, онъ думалъ, что если вы захотите сообщить мнѣ дальнѣйшія подробности, то предпочтете это сдѣлать сами.

Со стороны человѣка, у котораго онъ долженъ былъ служить, Джонъ счелъ весьма естественнымъ и благоразумнымъ желаніе узнать поближе, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло; поэтому онъ самъ передалъ Давиду все, что̀ считалъ умѣстнымъ, изъ своей жизни. Онъ инстинктивно чувствовалъ, что, при всей своей скрытности и подозрительности, Гарумъ былъ такой человѣкъ, на котораго можно было положиться, и разъ онъ кого подаритъ своимъ довѣріемъ, это довѣріе уже не поколеблется ничѣмъ, особенно если быть съ нимъ откровеннымъ.

Давидъ слушалъ, не перебивая, и только изрѣдка мычалъ:—Мм... м... Мм... м...

— Ну, вотъ и я весь!—заключилъ Леноксъ.

— Да, вотъ и вы! Это такъ, — повторилъ Давидъ. — Въ сущности, вы увидите, что есть мѣста и хуже нашего Гомвиля... когда привыкнете къ нему. Я вернулся сюда вотъ ужъ тринадцать-четырнадцать лѣтъ, да и то привыкалъ постепенно. Еслибъ не Полли, я бы не выдержалъ. Но она въ жизни своей не бывала дальше, какъ миляхъ въ десяти отсюда, и я не могъ бы огорчить ее. Полли моя сестра,—пояснилъ онъ.

— Ну, если это было такъ затруднительно для васъ, такъ я, пожалуй, вовсе не привыкну.

— Ну, положимъ, я обладаю способностью говорить притчами иной разъ, и надѣюсь, что все-таки современемъ—какъ вамъ ни будетъ трудно все это переварить—вы можете привыкнуть. Скажите-ка, еслибъ у васъ были лишнихъ тысячи двѣ долларовъ, вы предпочли бы продолжать изучать законы?

— Право, не знаю; но вѣроятнѣе всего—не продолжалъ бы. Генералъ Вульсей предлагалъ помочь мнѣ матеріально, если я чувствую призваніе къ этому дѣлу; но послѣ того, что̀ я ему высказалъ по этому вопросу, онъ самъ мнѣ предложилъ вамъ написать.

— Онъ это предложилъ?

— Да, онъ. Послѣ всего того, что̀ мнѣ пришлось претерпѣть за послѣднее время, я могъ только желать уѣхать.

— Что-жъ, еслибъ мнѣ случилось потерять все то немногое, что̀ я теперь имѣю,—задумчиво проговорилъ Давидъ—и не жить больше, какъ я жилъ до сихъ поръ, я вѣроятно тоже пожелалъ бы бѣжать, куда глаза глядятъ.—Онъ взглянулъ на часы и прибавилъ:—Ну, мнѣ теперь пора, а вы... Хотите сейчасъ начать свою работу?

— О, да! Пожалуйста!—съ живостью подхватилъ Джонъ.

— Прекрасно. Такъ потрудитесь сказать Тимсону, чтобъ онъ вамъ показалъ все, что̀ надо; ему за это заплачено особо.

Въ тотъ моментъ, какъ Джонъ входилъ въ контору, Тимсонъ горячо ударилъ кулакомъ по конторкѣ и крикнулъ, горячо доказывая что-то стоявшему передъ нимъ субъекту:

— Нѣтъ, сэръ! Это неправда! Отъ слова до слова—голая неправда! Это я самъ сказалъ:—„Я этого не потерплю, ни отъ васъ, ни отъ кого другого!.. Мало того (говорю)“...

Выраженіе лица субъекта заставило Тимсона обернуться, а его слушатель въ это время скрылся.

— А! Ну, что̀ же? Старикъ вытянулъ изъ васъ по косточкамъ все, что̀ ему хотѣлось?

— Я думаю, на сегодня мы съ нимъ покончили, — съ улыбкою отвѣтилъ Джонъ,—и если вы готовы поучить меня, я, въ свою очередь, готовъ у васъ поучиться. М-ръ Гарумъ сказалъ, что вы будете такъ добры объяснить мнѣ все необходимое.

— Хорошо!—довольно милостиво согласился Тимсонъ, и на слѣдующій день оба рѣшили, чтобы Джонъ попробовалъ самостоятельно нести свои новыя обязанности.

— Ну, что?—спросилъ на утро Гарумъ, вызвавъ Джона въ пріемную.—Какъ вамъ удалось справиться вчера? Добились толку отъ нашего „молчальника“?

— О, да. Я думаю, еслибъ вы только разрѣшили мнѣ иногда обращаться къ вамъ за совѣтомъ, я могъ бы попробовать на свой страхъ вести это дѣло.

— Тѣмъ лучше; онъ можетъ уѣзжать хоть завтра. Я написалъ кой кому изъ моихъ знакомыхъ, чтобы его пристроить (онъ вѣдь человѣкъ безпомощный, даромъ что много и смѣло говоритъ). Такъ вотъ мнѣ пишутъ, чтобъ я его сейчасъ же выслалъ... Только вы ему ничего не говорите: я хочу посмотрѣть, сколько времени ему понадобится, чтобы разнести по всей де-

ревнѣ слухъ, что ему была сдѣлана масса предложеній, и онъ не зналъ, на чемъ остановиться?

— Неужели, въ самомъ дѣлѣ?..

— Еще бы! У многихъ на это есть особый даръ... А! Дикъ! Ну, что?

— Я насчетъ лошади...

— Постойте, Джонъ! Сначала поздоровайтесь съ м-ромъ Ларраби.

— Мы уже видѣлись,—замѣтилъ послѣдній, пожимая руку Джона:—Я былъ въ „залѣ", когда вы пріѣхали въ „Орелъ",— и Дикъ смѣхомъ подтвердилъ свои слова.

Джонъ вспыхнулъ и довольно холодно сказалъ:

— Какже, я помню. Вы были такъ добры, что помогли мнѣ насчетъ багажа.

— Извините! Но я смѣялся не надъ вами,—замѣтивъ его тонъ, проговорилъ Дикъ.—То-есть, вѣрнѣе, не совсѣмъ... Я равнодушно не могъ видѣть вашего лица, когда Амъ принялся потчивать васъ пирогомъ вмѣсто бифштекса и яицъ.

— Закрой клапанъ!—съ досадою замѣтилъ Давъ.—Можетъ быть, все это и смѣшно, но когда у меня есть дѣло...

Въ эту минуту въ конторѣ появились новыхъ два субъекта, изъ которыхъ первый, волочащій ноги, невзрачный человѣчекъ, съ выраженіемъ отталкивающей угрюмости на лицѣ остановился въ десяти шагахъ отъ конторки Давида.

Тотъ посмотрѣлъ на него, не говоря ни слова.

— Я получилъ вотъ это извѣщеніе, въ которомъ говорится, что завтра—срокъ моему платежу.

— Такъ что-жъ изъ этого?—заложивъ одну руку за спинку стула, а другую положивъ на конторку, произнесъ Давидъ.

— Да то же, что срокъ самъ по себѣ, а платежъ самъ по себѣ!

— Ты хочешь, можетъ быть, его отсрочить?—нагнувшись нѣсколько впередъ, спросилъ банкиръ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же! Я думаю, все можетъ по прежнему остаться.

— Вотъ какъ? Ну, что-жъ, я радъ, что наконецъ могу ознакомиться поближе съ вашими воззрѣніями. Конечно, все можетъ по прежнему остаться до завтра, до четырехъ часовъ. А тамъ вамъ ужъ придется имѣть дѣло съ нотаріусомъ Джонсономъ и съ шерифомъ.

Невзрачный человѣчекъ разразился презрительнымъ смѣхомъ.

— Я думаю, вамъ это дастся не легко,—замѣтилъ онъ.

Красно-желтыя густыя брови Гарума насупились.

— Послушай, Биль Монтэгъ!—произнесъ онъ внушительно. —Я тебя гораздо лучше понимаю, нежели ты воображаешь! Прекрасно знаю, что ты заранѣе задался мыслью меня надуть. Ты долженъ согласиться, что тебѣ хотѣлось ввести ростовщичество въ нашемъ мѣстечкѣ, и еслибъ это тебѣ не удалось,—ты разсчитывалъ уклониться отъ наказанія. Такъ или нѣтъ? Постой! Я, такъ и быть, самъ помогу тебѣ припомнить.

По выраженію лица Монтэга видно было, что самоувѣренность его слабѣетъ.

— Во-первыхъ,—началъ заимодавецъ:—*я не давалъ* тебѣ въ долгъ ни гроша. Я самъ для тебя занялъ у другихъ и—помнишь?—я указалъ тебѣ тогда, чтобы ты сдѣлалъ вексель съ оборотомъ на меня.

— Не помню. Никакой бумаги не подписывалъ,—угрюмо пробормоталъ тотъ.

— Ну, какъ угодно! Но въ то время ты думалъ только объ одномъ: какъ бы достать денегъ!

— А мнѣ все-таки хотѣлось бы видѣть эту бумагу.

— Придетъ пора, увидишь!—внушительно кивнувъ головою, замѣтилъ Дикъ и, разставивъ ноги, глубоко запустилъ руки въ карманы.

— Неужели ты воображаешь, Биль Монтэгъ, что я не подозрѣвалъ, съ кѣмъ имѣю дѣло?—продолжалъ онъ тономъ безграничнаго презрѣнія:—Не зналъ, какой ты низкій человѣкъ и наглый обманщикъ? Не зналъ, какъ защитить себя отъ такихъ скотовъ, какъ ты?.. Нѣтъ! Я это прекрасно зналъ и помнилъ, и прямо говорю тебѣ (онъ погрозилъ внушительно предмету своего гнѣва): *ты мнѣ уплатишь по этому векселю*, а не то... я тебя упеку туда, гдѣ ни одна собака тебя не укуситъ!..

Биль стоялъ молча передъ нимъ, и на его лицѣ яснѣе отразился отпечатокъ низкой злобы на то, что сорвалось.

— Я спрашиваю васъ, что вы еще имѣете сказать?—говорилъ Гарумъ.—Чѣмъ я могу быть вамъ полезенъ?

Но тотъ молчалъ.

— Я спрашиваю васъ: что вамъ еще угодно отъ меня?—повторилъ Давидъ.

— Насколько мнѣ извѣстно, ничего!—пробормоталъ угрюмо Биль.

— Прекрасно! А такъ какъ у меня есть дѣло помимо болтовни съ такими негодными людишками, какъ вы,—я буду бла-

годаренъ вамъ, если вы удалитесь. Вотъ вамъ и порогъ!—заключилъ онъ, обязательно указывая на дверь.

— Хи-хи-хи! Ха-ха, ха-ха! Хо-хо-хо... о... о!..—залился Дикъ Ларраби.

Это было ужъ черезчуръ.

Биль (говоря деликатно) не разсчиталъ и замахнулся рукой на своего кредитора. Но Давидъ съ поразительной быстротой и ловкостью очутился подлѣ него и, ухвативъ его за шиворотъ, въ одно мгновеніе вышвырнулъ за дверь. Спутникъ м-ра Монтэга вздумалъ-было двинуться на защиту товарища, но не успѣлъ онъ оглянуться, какъ Леноксъ ухватилъ его за шиворотъ и такъ же точно выкинулъ за дверь, прибавивъ въ видѣ совѣта, что пусть „тѣ двое раздѣлаются сами".

Давидъ вернулся, запыхавшись, но въ самомъ веселомъ настроеніи.

— Фу! Давненько не случалось мнѣ такъ горячо подраться!

— Биль не очень ловокъ, да ему и не приходилось,—замѣтилъ Дикъ.

— Вотъ еще! Онъ весь вѣтромъ подбитъ и подлостью. А съ нимъ кто?

— Смитъ. То-то, я думаю, у него болитъ загривокъ!

— Чего такъ?

— А того, что онъ поровилъ броситься на тебя, да м-ръ Леноксъ помѣшалъ. Вы ему чуть что шею не свернули! Хи-хи-хи, ха-ха!

— Кажется, я, дѣйствительно, черезчуръ круто обошелся съ нимъ,—замѣтилъ сконфуженно ученикъ знаменитаго Уильямса.

— Весьма вамъ благодаренъ,—проговорилъ Давидъ.

— Не за что! Я очень весело провелъ это утро!—засмѣялся Джонъ.

— И въ самомъ дѣлѣ было превесело,—усмѣхнулся тотъ.— Но все-таки вы не должны разсчитывать на такое пріятное развлеченіе *каждое* утро.

VIII.

— Полли!—говорилъ въ тотъ же день вечеромъ Давидъ:— Я пригласилъ этого молодого человѣка къ намъ на чашку чаю. Пожалуйста, ужъ воздержись и не упоминай при немъ самаго названія „Орелъ". Про всякихъ птицъ ты можешь говорить, сколько твоей душѣ угодно, но эту ты ужъ мнѣ оставь въ покоѣ! „Орловъ" не трогай, помни!

— Ты что-нибудь да затѣваешь?—спросила Полли, но братецъ только засмѣялся и умолкъ.

Въ молчаніи прошелъ и самый чай. Джонъ пришелъ усталый и голодный. М-ръ Гарумъ былъ необыкновенно угрюмъ, молчаливъ, и м-съ Биксби, напуганная запрещеніемъ брата, не могла подыскать общаго предмета разговора.

Однако, по мѣрѣ того, какъ время шло впередъ, Джонъ даже подружился съ этой доброй женщиной.

Прошло еще нѣсколько недѣль. Какъ-то разъ, послѣ чаю, тетя Полли, подрубляя полотенце, окликнула Давида, углубившагося въ свою газетную премудрость.

— Что ты мнѣ ничего не скажешь про свой банкъ? Справляется съ нимъ м-ръ Ленокъ?

— Справляется, какъ только онъ можетъ лучше за такое короткое время,—вставилъ между строкъ Давидъ.

— Я думаю, ему очень тяжело живется одному?

Отвѣта не послѣдовало.

— Не правда ли?—прибавила она, погодя.

— Да что правда-то?—спросилъ ее братъ.

— Что ему страшно скучно одному,—повторила Полли.— Онъ здѣсь не знаетъ ни души, а живетъ въ такой ямѣ, какъ эта харчевня.

— Не вижу, почему ты именно должна жаловаться на это, если онъ доволенъ. (Давидъ мысленно пожелалъ, чтобъ только Полли откуда-нибудь не узнала, что онъ нарочно останавливалъ Джона, какъ только тотъ затѣвалъ устроиться получше.) А скучать ему некогда: Чэтъ Тимсонъ позаботился объ этомъ. Онъ не любилъ утруждать себя работой, и теперь Джону приходится исправлять его недосмотры.

— Стыдъ какой!—воскликнула тетя Полли.

— Зато Джонъ не скучаетъ!—съ усмѣшкою замѣтилъ братъ.

— Да у него нѣтъ времени на отдыхъ!..— негодовала м-съ Биксби.—И что жъ, ты имъ доволенъ?

— Я, кажется, ужъ говорилъ тебѣ сто тысячъ разъ, что онъ, по-моему, здѣсь уживется, а ты не хочешь вѣрить... Правда, сегодня мы съ нимъ немножко посчитались.

— Бранились?—тревожно воскликнула м-съ Биксби.

— Ну, *брани*, собственно говоря, между нами еще не бывало, а я такъ только сдѣлалъ маленькій опытъ.

— Гм! Смотри, какъ бы самому тебѣ на этомъ не попасться!

— Ну, не бойся: тебя-то я не трону,—засмѣялся Давидъ.

— Меня?! Ты то-и-дѣло меня дразнишь. Вотъ хоть бы сейчасъ: ужъ говорилъ бы прямо, что̀ ты такое сдѣлалъ?

— Да не Богъ вѣсть что̀! Я, видишь ли, прекрасно зналъ, что Джону труднѣе всего будетъ различать фальшивыя бумажки; такъ оно и вышло. Сегодня спрашиваю я его, не попадались ли опѣ ему?—Какъ же, говоритъ, даже цѣлыхъ двѣ: въ пять и въ десять фунтовъ.—„И что̀-жъ вы съ ними сдѣлали?“—спрашиваю я.—Да ничего не сдѣлалъ.—„Какъ же такъ?“—Моя вина: я просчиталъ и уплатилъ за фальшивыя, какъ за настоящія, значитъ, я и долженъ поплатиться.—„А гдѣ онѣ?“—Вонъ, въ этомъ ящикѣ. Все-таки для меня полезно ихъ изучить.—„Ну, это лишнее“,—говорю ему.—Вы хотите сказать, отчего я сразу ихъ не сжегъ?—„Нѣтъ, говорю, не то! Въ Нью-Іоркъ, положимъ, ихъ опасно отсылать: тамъ легче разберутъ, что онѣ не такія; но здѣсь, въ провинціи, въ глуши, сошло бы преблагополучно... между настоящими другими. Если хотите ихъ записывать, запишите въ приходо-расходъ и баста! А я ихъ самъ возьму и пущу въ оборотъ“.

— Давидъ Гарумъ!—внушительно вознегодовала тетя Полли.—Надѣюсь, онъ не подумалъ, что ты говоришь серьезно.

Гарумъ сдѣлалъ видъ, что углубился въ чтеніе газеты.

— А вотъ въ Филадельфіи кого-то хоронили.

— Да онъ-то что̀ сказалъ?—настаивала тетя Полли.

— Онъ сказалъ, что не намѣренъ заставлять меня терпѣть ущербъ по его винѣ, вынулъ изъ ящика бумажки и, пройдя въ пріемную, швырнулъ ихъ въ огонь.

— И хорошо сдѣлалъ!—заявила тетя Полли.—Надѣюсь, и ты такъ думаешь?

— Гм! Съ его точки зрѣнія онъ прекрасно сдѣлалъ. Впрочемъ, и я, пожалуй, съ нимъ согласенъ,—прибавилъ онъ, потирая двумя пальцами подбородокъ.—Много лѣтъ я искалъ, не могъ доискаться честнаго человѣка; а теперь, кажется, нашелъ!

— Неужели ты такъ и не помѣшаешь ему лишиться его кровныхъ пятнадцати долларовъ?—какъ настоящій практичный человѣкъ, спросила м-съ Бикеби.

— Что̀ съ нимъ подѣлаешь, когда онъ такое упрямое твореньe?—съ короткимъ смѣхомъ отозвался братъ.

Полли сдѣлала нѣсколько стежковъ въ гробовомъ молчаніи.

— Мнѣ очень жаль, если ты именно такъ и поступилъ,—съ искреннимъ огорченіемъ сказала она.

— Что-жъ такое, если меня это забавляетъ?

Настало 23-е декабря.

Слуга только-что ушелъ изъ конторы, а Джонъ, покончивъ съ дѣлами, замыкалъ крышку своей кассы, когда позади него послышался голосъ Давида:—Вамъ никуда не надо торопиться?

— Нѣтъ;—отвѣтилъ онъ, и банкиръ, сосредоточенно поглядывая передъ собою, усѣлся на высокій стулъ передъ конторкой.

— Вы знаете вдову Кéлломъ?—началъ онъ.

— Нѣтъ; я только вижу иногда, какъ она идетъ мимо: такая длинная, худая, съ погнувшейся спиной... Она такое производитъ впечатлѣніе, что вѣрно видывала лучшіе дни на своемъ вѣку.

— Вотъ именно!—подхватилъ Давидъ.—Она видывала много лучшихъ дней; но пришли худшіе—и ей пришлось испить до дна горькую чашу лишеній и нужды... чуть не тридцать лѣтъ подъ рядъ. Д-да! Было время, когда мнѣ Капитолій въ Вашингтонѣ представлялся чѣмъ-то въ родѣ самаго лучшаго изъ нашихъ мѣстныхъ зданій,—а оно принадлежало семейству Келломъ, и въ немъ-то, въ этомъ домѣ, роскошномъ, какъ дворецъ, жила тогда вдова съ своимъ мужемъ — Билли; и этотъ самый Билли представлялся мнѣ чѣмъ-то въ родѣ самого президента...

Гарумъ досталъ изъ кармана табаку и набилъ себѣ за щеку изрядный запасъ „мелкой крошки“.

— Какъ же такъ вышло, что она вдругъ обѣднѣла? Вся семья вымерла?

— Почти-что вся. Остался только Чарли, ея сынъ, да и тотъ ушелъ на западъ, въ Калифорнію, искать счастья. Онъ помогаетъ матери платить по закладной за ту самую землю, или, вѣрнѣе, за клочокъ той земли, которая когда-то вся ей принадлежала.

— Но этотъ-то клочокъ ей удалось сохранить чистымъ отъ долговъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Она даже не подозрѣваетъ, какую цѣну имѣла бы въ ея рукахъ эта земля, еслибъ была совсѣмъ чиста. Да, можетъ быть, вамъ надоѣло слушать?

— Нѣтъ, сэръ, напротивъ! Мнѣ очень интересно...

— А! Ну, такъ послушайте: мнѣ надо, чтобъ вы доставили вдовѣ записку, приблизительно такого содержанія:—„что м-ръ Гарумъ поручилъ вамъ извѣстить ее,—въ виду того, что по его закладной она (постойте-ка! да—именно съ годъ!)... съ годъ уже не платитъ ни гроша процентовъ (не говоря о капиталѣ!)... что онъ свободнѣе всего утромъ, въ день Рождества Христова, и

проситъ ее непремѣнно пожаловать въ контору; ее, молъ, не задержатъ"... Понимаете? Что-нибудь въ этомъ родѣ.

— Хорошо; понимаю, сэръ!—проговорилъ Джонъ, не особенно охотно.

— Ну, и прекрасно! — весело подхватилъ банкиръ. — Надѣюсь, вы живо разберетесь въ сюрпризахъ, которые окажутся у васъ въ рождественскомъ чулкѣ, и будете такъ добры явиться сюда ненадолго, пока я покончу съ м-съ Келломъ. Можетъ представиться необходимость подписать или засвидѣтельствовать кой-какія бумаги... И пускай Пелегъ здѣсь протопитъ, чтобы намъ не мерзнуть...

— Хорошо, сэръ,—произнесъ Джонъ, надѣясь, что можно будетъ удалиться.

Но старшій изъ собесѣдниковъ не думалъ уходить, и на лицѣ его застыло выраженіе лукаваго довольства.

— Я думаю, мнѣ не мѣшаетъ разсказать вамъ, какъ эта закладная попала въ мои руки. Это—одна минута! Потомъ вы можете пойти себѣ побѣгать, поиграть,—прибавилъ онъ, хихикая слегка.

— Надѣюсь, я не выказалъ нетерпѣнія? — довольно пелясково замѣтилъ Джонъ.—Мнѣ, право, очень интересно!

— О, нѣтъ! Не въ этомъ дѣло. Такіе старики, какъ я, имѣютъ привычку иногда по два раза говорить одно и то же. Ну, такъ вотъ въ чемъ дѣло. Когда подросъ Чарли Келломъ, какъ будто все пошло лучше; но онъ женился—и опять имъ труднѣе стало жить. Онъ убѣдилъ мать, чтобы она достала тысячу долларовъ подъ залогъ земли, и брался выплачивать проценты — навѣрное, а понемногу, можетъ, и весь капиталъ. Но Чарли обманулся самъ въ разсчетахъ на дальній западъ. Ну... когда ей понадобились деньги, вдова ко мнѣ не обратилась, потому что... Все равно, почему! Словомъ, закладную заполучилъ не кто иной, какъ Айзикъ Свинни. Въ первый годъ Чарли изъ той же тысячи выплатилъ проценты, а на второй... на второй саранча съѣла его жатву; на третій—опять что-то стряслось такое... Словомъ, въ концѣ пятаго года, когда истекалъ срокъ закладной, оказалось въ итогѣ, что за одинъ годъ взносъ самъ Чарли, за другой—мать его, а за три года не плачено ни капитала, ни процентовъ. Пришла она ко мнѣ и говоритъ:—Стовосемьдесятъ долларовъ однихъ процентовъ, а гдѣ я ихъ возьму, Богъ знаетъ!—„И знаетъ, да не скажетъ!"—говорю ей, шутя. (Конечно, я прекрасно зналъ, что подъ закладную далъ ей де-

негъ Свинни; да чѣмъ же лучше онъ меня? Я тоже точилъ зубы на этотъ лакомый кусочекъ)...

„Гдѣ падаль, тамъ и вороньё“,—подумалъ Джонъ, съ негодованіемъ въ душѣ.

— Ну, вотъ, я ей и говорю,—продолжалъ банкиръ:—„Зайдите ко мнѣ завтра часовъ въ одиннадцать; можетъ быть, что-нибудь и удастся сдѣлать“. Послалъ я въ мѣстное правленіе, досталъ выписку имѣнія, все приготовилъ для второй закладной и далъ ей утромъ подписать. А затѣмъ, говорю, вотъ вамъ деньги: ступайте, заплатите Свинни все сполна, да, чуръ, не проболтайтесь, что это я далъ деньги. А если спроситъ: „Это вамъ Давидъ Гарумъ далъ?“—такъ прямо и отрѣжьте:—Нѣтъ!—Понятно, Свинни, все равно, тотчасъ же провидѣлъ, что въ этомъ дѣлѣ я замѣшанъ, да только пикнуть не смѣлъ, пока я самъ не заблагоразсудилъ сказать ему объ этомъ. — Мнѣ вѣдь деньги не особенно нужны (сказалъ онъ), такъ пусть себѣ накопятся проценты, а закладная никогда отъ меня не уйдетъ.—„Конечно, а только какое тогда будетъ у *меня* обезпеченіе?“ — говорю я. — То-есть, что это значитъ? — спрашиваетъ Свинни: — „А то, что у меня въ рукахъ *вторая* закладная, и если вы будете продавать землю съ молотка, такъ я тоже на торги явлюсь, чтобы не упустить свое!“

По мѣрѣ того, какъ Давидъ Гарумъ говорилъ, Джонъ слушалъ его съ возростающимъ вниманіемъ; наконецъ, онъ принесъ себѣ табуретку и взобрался на нее, чтобы слушать сидя. Давидъ хихикнулъ, сплюнулъ и принялся шарить въ жилетѣ и брюкахъ, но тщетно: спичекъ не оказалось, и только съ помощью услужливаго Джона ему удалось закурить, чиркнувъ спичкой по жилету, у самаго кармашка. На этотъ разъ Джонъ отказался отъ предложенной „сигары“.

— Вотъ я и говорю ему: „Я тебѣ не совѣтую со мной тягаться: я, все равно, тебѣ не уступлю! Ужъ лучше ты мнѣ добровольно уступи и землю, и обѣ закладныя! А не то... я тебя такъ пройму, что ты самъ не радъ будешь. Или ты дашь мнѣ свою подпись, или я помогу вдовѣ преслѣдовать тебя за ростовщичество“.—Это еще что значитъ?!—завопилъ онъ, вскакивая съ мѣста.—„А вотъ что (говорю): за первые полгода вдова просила подождать и дала тебѣ десять долларовъ не въ счетъ процентовъ, а въ слѣдующій разъ—пятнадцать; да такъ, по капелькѣ, ты и стянулъ съ нея лишнихъ шестьдесятъ долларовъ... не въ зачетъ процентовъ,—понимаешь?“—Она это ничѣмъ не можетъ доказать! (кричитъ). — „А что, если она присягой под-

твердитъ, все разскажетъ, и свои записи на судъ представитъ? Если *я* присягну, что ты и не подумалъ отрицать этотъ фактъ, когда я про него сказалъ? У насъ свободный судъ, и онъ по совѣсти тебя осудитъ... Что же для тебя лучше? Говори!"

— И что же? Онъ подписалъ?—спросилъ Ленокъ.

— О, Боже мой! Конечно. Ему не было другого исхода. Я предложилъ, что угощу его обѣдомъ, но онъ возразилъ (для виду только!), что ничего не пьетъ:—Это (говоритъ) противъ моихъ правилъ.—Его-то *правила*?! Хи-хи, хи-хи! Ха-ха, ха-ха, хо-хооо!..

Уходя изъ конторы, Джонъ долго еще слышалъ его могучій смѣхъ.

IX.

Пелегъ Гопкинсъ—банковый „служитель"—не могъ удержаться отъ ворчанья, что въ день Рождества Христова ему приказано было идти въ контору топить печи.

— И если въ Библіи нѣтъ на это прямого запрещенія, все-таки оно гдѣ-нибудь да есть, навѣрно!—горячился онъ.

Однако, утромъ, войдя въ контору съ занесенной снѣгомъ улицы, гдѣ моросило что-то въ родѣ дождя и бѣшено завывалъ вѣтеръ, Джонъ былъ пріятно пораженъ теплымъ воздухомъ натопленной комнаты.

Зайдя за конторку, онъ тотчасъ же на ней замѣтилъ небольшой плоскій сверточекъ въ бѣлой писчей бумагѣ, адресованный ему. Въ немъ оказался изящный бѣлый шерстяной чулокъ съ билетикомъ, на которомъ стояло: „Веселыхъ праздниковъ желаетъ тетя Полли", а изъ чулочка вынало что-то небольшое, но тяжелое, тоже съ надписью: „Веселыхъ праздниковъ желаетъ вашъ другъ, Давидъ Гарумъ".

Джонъ почувствовалъ, что краска бросилась ему въ лицо; когда онъ развернулъ эту бумажку, изъ нея выпали пять золотыхъ, по десяти долларовъ. Въ глазахъ онъ ощутилъ въ то же время какое-то странное щекотанье и въ мысляхъ у него пронеслось: — Не можетъ быть, чтобы рука, написавшая слова: „Вашъ другъ", поднялась обидѣть вдовъ или сиротъ!

Дверь отворилась и впустила высокую, согбенную женщину, занесенную бѣлымъ мокрымъ снѣгомъ, начиная съ потертаго капора и кончая подоломъ истрепанной, выцвѣвшей юбки.

— Вы м-съ Келломъ? Позвольте, я сначала смахну съ васъ снѣгъ и попрошу войти въ пріемную, согрѣться. Сейчасъ, я думаю, придетъ и м-ръ Гарумъ.

— Я очень опоздала? Ужъ такъ спѣшила, такъ спѣшила! Кажется, отъ роду не видывала я такой ужасной вьюги; а годы ужъ не тѣ,—стара я стала! Ну, вотъ я и спѣшу—а все будто ни съ мѣста.

— О, нѣтъ, ничуть не опоздали! Вы мнѣ позволите уйти, пока вы здѣсь устроитесь поудобнѣе? Я сейчасъ назадъ!

Но м-съ Келломъ, повидимому, ничего не слыхала и дрожала съ головы до ногъ, усталая и промокшая такъ, что хоть выжимай. Между тѣмъ, наскоро нахлобучивъ шапку, Джонъ духомъ перебѣжалъ дорожку, которая вела въ домъ, и испугалъ м-съ Биксби. Она поспѣшила отворить ему дверь веранды, заслыша, что онъ топаетъ ногами, сбивая налипшій на нихъ снѣгъ.

— Боже мой, Господи! Чего вы это летаете по такой погодѣ, да еще безъ пальто, какъ угорѣлый? Что случилось?

— Ничего серьезнаго: но я очень торопился. Тамъ пришла м-съ Келломъ и насквозь промокла. Такъ я подумалъ, что, можетъ быть, вы захотите ей послать сухіе сапоги, чулки, какой-нибудь старый платокъ или одѣяло, чтобы оградить ея колѣни отъ промокшей юбки, и, можетъ быть, водки или чего-нибудь такого: она вся дрожитъ, и я боюсь, какъ бы она не простудилась.

— Конечно, конечно! — заспѣшила добрая женщина и мигомъ принесла ему цѣлый ворохъ вещей, приговаривая: — Вотъ спальныя туфли на овечьей шерсти и пара шерстяныхъ чулокъ; вотъ одѣяло и платокъ; вотъ юбка—не очень новая, но еще ничего, приличная, а главное—прочная и теплая. Водки я вамъ дамъ тоже, но... собственно говоря, никому неизвѣстно, что она водится у насъ въ домѣ... Хотя Давидъ рѣдко притрогивается къ ней, а все же требуетъ, чтобъ я ее держала подъ рукой.

— О, будьте покойны!—засмѣялся Джонъ.—Мы потребуемъ отъ м-съ Келломъ полной тайны, и она дастъ намъ торжественную клятву... Благодарю васъ, все готово. Мнѣ надо бы вамъ кое-что сказать еще, кромѣ простого: „Съ праздникомъ!“—но послѣ, послѣ!..

Когда онъ вбѣжалъ въ пріемную, тамъ уже оказался Гарумъ.

— Это еще что за ворохъ?—добродушно воскликнулъ онъ.— И туфли, и платки, и платье? Какъ вижу, вы съ Полли дѣйствовали за-одно! А это что такое? Водка! Вотъ ужъ не ожидалъ бы отъ нея, чтобы она рѣшилась выдать ея существованіе въ домѣ... Да, да, м-съ Келломъ, непремѣнно одинъ глотокъ, чтобы согрѣться, чтобы кровь оживить. Мы съ м-ромъ Леноксомъ пройдемъ въ контору, пока вы тутъ устроитесь хорошенько.

— Признаться, я не ожидалъ, что она придетъ въ такую адскую погоду,—продолжалъ онъ уже въ конторѣ.—Я вышелъ провѣдать своего жеребца...

— А что? Очень ему плохо?—спросилъ Джонъ.

— Какъ будто у него плечо помято, и ѣстъ онъ нѣхотя; можетъ быть, что-нибудь себѣ стряхнулъ внутри. Я уже замѣтилъ: какъ переплачу за лошадь, такъ что-нибудь ужъ непремѣнно приключится. Впрочемъ, вѣдь надо дать нажиться и другимъ... Ну, м-съ Келломъ, какъ дѣла?—окликнулъ онъ вдову, не оглядываясь.

— Да, кажется, совсѣмъ пришла въ порядокъ!—отозвалась она, и Гарумъ медленно пошелъ въ пріемную, а Джонъ остался, досадуя на себя за то, что въ хлопотахъ о м-съ Келломъ упустилъ случай поблагодарить Давида за рождественскій подарокъ. Охотнѣе всего онъ предоставилъ бы ему покончить съ вдовою съ глазу на глазъ; но, памятуя просьбу своего начальства, онъ пошелъ и усѣлся въ конторѣ, чтобы быть подъ рукою, когда понадобится его вмѣшательство.

Между тѣмъ, Давидъ сѣлъ по другую сторону камина, напротивъ м-съ Келломъ, и добродушно обратился къ ней:

— Ну, что? Все теперь въ порядкѣ? Водка не вызоветъ въ васъ неприличныхъ поступковъ?

— Благодарю васъ! Теплыя вещи, дѣйствительно, такъ хороши и удобны! А водки я выпила не такъ много, чтобы захотѣть сорвать съ себя все платье. Въ васъ все-таки есть добрая черта, Давидъ Гарумъ, если вы прислали мнѣ эту записочку; но, я думаю, вы сами лучше знаете свое дѣло, а мнѣ пріятнѣе, чтобы земля моя досталась вамъ, а не Свинни... Хоть я, положимъ, безъ всякаго основанія надѣялась, что Чарли сдѣлаетъ больше для дѣла, чѣмъ это въ его силахъ.

— Посмотримъ-ка записочку,—круто прервалъ ее Давидъ: —Гм!.. Гм!.. „глубоко сожалѣю, что по порученію м-ра Гарума“... (положимъ, я и самъ съумѣлъ бы выразить сожалѣніе)... Ну, а тамъ дальше дѣловое... Конечно, это дѣло не изъ особенно пріятныхъ, я не спорю; но все же дѣло—дѣломъ.

Джонъ слышалъ, какъ банкиръ откашлялся, отплюнулся и огонь въ каминѣ зашипѣлъ.

— Такъ вотъ что, м-съ Келломъ. Я видѣлъ не сегодня, что если я не вмѣшаюсь,—вашей землею завладѣетъ Свинни. Оставивъ въ сторонѣ вопросъ—нужна она мнѣ или нѣтъ, я, все равно, рѣшилъ ему не уступать. Когда-то онъ мнѣ торма-

зилъ колеса, я ему этого во вѣкъ не забуду!.. Ни-у, вы сами знаете, что я вамъ помогъ тогда вылѣзти изъ петли...

— Вы были до сихъ поръ добры ко мнѣ... — тихо проговорила м-съ Келломъ.

— Не говорите этого, не говорите!—перебилъ Давидъ.—Я бы, пожалуй, еще дольше оставилъ это дѣло въ прежнемъ видѣ, еслибы считалъ это полезнымъ. Но лучше выяснить это разъ и навсегда... Не такъ ли?

— Вамъ лучше знать, — тихо вставила вдова. — Я лично предпочла бы умереть сразу, нежели томиться, умирая постепенно.

— Ну, значитъ, и прекрасно! —весело подхватилъ Гарумъ.— Сигара вамъ не помѣшаетъ?

— Нѣтъ, сколько мнѣ извѣстно.

— Прекрасно! Только мнѣ, для начала, необходимо разсказать вамъ маленькую повѣстушку. Я васъ недолго задержу, не безпокойтесь! Такъ вотъ что. м-съ Келломъ: вы когда-то были знакомы съ нашею семьей. Я родился и выросъ въ Бекстонъ-Гиллѣ; насъ было восьмеро, я девятый. Когда пошелъ мнѣ третій годъ, отецъ женился въ третій разъ, и съ тѣхъ самыхъ поръ я не запомню ни отъ кого ласковаго слова, кромѣ Полли. Конечно, сельскому хозяину-фермеру, да еще не изъ крупныхъ, живется не красно, и меня частенько лизали то плетка, то простой ремень. Собственно говоря, всѣмъ намъ, мальчишкамъ, въ дѣтствѣ сильно доставалось, но мнѣ больше, чѣмъ другимъ; сестры и братья (кромѣ Полли) считали своимъ долгомъ обижать меньшого, но больше ихъ обижала меня мачиха: у нея не было своихъ дѣтей, а такой рыжій, весноватый поросенокъ, какимъ я былъ въ то время, не могъ внушать особеннаго чувства; но больше всего остального донималъ меня ея языкъ, и я такъ смекаю, что я былъ для нея чѣмъ-то хуже яда. Три года школили они меня, гоняя въ школу за двѣ мили отъ дома; и лѣтомъ, и зимою, я одинаково имѣлъ въ своемъ распоряженіи старые, рваные сапожонки, которые сдѣланы были, казалось, для того, чтобы вбирать въ себя снѣгъ и слякость, а не предохранять отъ нихъ, да двѣ пары такъ-называемыхъ шерстяныхъ носковъ, состоявшихъ исключительно изъ грубой штопки. Впрочемъ, я бѣгалъ босикомъ съ той минуты, какъ снѣгъ сходилъ съ полей, и вплоть до зимней стужи. Для меня было только два времени года: когда я отмораживалъ ноги или рѣзалъ ихъ о камни.

Давидъ умолкъ, глядя неподвижно на огонь; и вдругъ, повидимому, съ удивленіемъ замѣтилъ, что его сигара потухла. Съ

особымъ тщаніемъ, онъ нагнулся впередъ и зажегъ ее объ уголекъ, вынутый изъ камина.

— Да, фермеру тяжело живется!—замѣтила вдова, чувствуя, что и она должна содѣйствовать разговору.

— А все-таки, какъ оглянешься на прошлое, такъ хуже всего было, что я ни отъ кого не видѣлъ ласки... кромѣ Полли. Но вѣдь она сама была младшая изъ сестеръ, такъ и ей, тоже, не сладко приходилось.

— Да! Поразительно, до чего много горя приходится съ самаго дѣтства выносить человѣку,—продолжала Келломъ.—И никогда я не могла примириться съ тѣмъ, какъ много есть на свѣтѣ всего хорошаго, и какъ мало достается этого хорошаго на долю большинства людей. Давнымъ-давно я не была на митингѣ, потому-что у меня нѣтъ приличнаго платья, но я помню почти всѣ наставленія и проповѣди. Помню, что въ нихъ непремѣнно говорилось или о гнѣвѣ Божіемъ, или о милостяхъ и заботахъ Господа. Надѣюсь, я не хуже, чѣмъ другіе, а мнѣ порою нелегко вѣрить въ эти заботы, когда въ домѣ не только лишняго, но даже ржаной муки на хлѣбъ не хватаетъ.

— Вѣрно, вѣрно, м-съ Келломъ! И я ничуть васъ не осуждаю. „Сомнѣнія насъ сокрушаютъ и съ нами пребываютъ"!...— какъ поется въ гимнѣ, и мнѣ такъ кажется, что легче вѣрить въ благодать Божію, когда можешь питаться мясомъ и картофелемъ, а не одной мукой... Д-да! Такъ на чемъ я остановился? Надѣюсь, я васъ не очень утомилъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Я рада васъ послушать... только, глядя на васъ, никто бы не подумалъ, что вы когда-то были такимъ бѣднымъ, заброшеннымъ созданіемъ!

— Я именно такимъ и былъ, почти-что до четырнадцати лѣтъ. Въ тотъ годъ по всему Гомвилю были расклеены афиши, а на нихъ—объявленія о странствующемъ циркѣ и звѣринцѣ. Куда ни оглянись, на каждомъ шагу—дѣвицы, прыгающія сквозь обручи, затянутые бумагой; слоны, и тигры, и гиппопотамы, клоуны, стегающіе лошадей и другъ друга; наѣздники, гарцующіе безъ сѣдла, и т. п. А главное: „большое шествіе съ золочеными колесницами и аллегорическими библейскими картинами въ два часа пополудни. Плата за входъ 25 центовъ; дѣти платятъ половину", и т. д.

— Кончивъ свои три года въ школѣ, я работалъ дома и дѣлалъ все, что только могъ, зачастую даже далеко отъ дома. На этотъ разъ мнѣ приходилось помогать чинить плетень, и я ничего не подозрѣвалъ о предстоящемъ событіи, но среди ночи

меня точно что̀ толкнуло. Я вскочилъ въ окно, освѣщенное яркой луной, вижу: мимо по дорогѣ тянется длинная вереница диковинныхъ людей и животныхъ,—слона, тигровъ и львовъ, заключенныхъ въ большія клѣтки,—наконецъ, цѣлыя повозки декорацій и картинъ. Позавтракавъ, я отправился на пашню, чинить свой плетень, и прихватилъ съ собой обѣдъ въ жестяномъ ведеркѣ, чтобы не терять времени на полдничанье: до дому было далеко. Такъ уже сложилось, что на этотъ разъ я былъ одинъ... и потянуло меня вдругъ неудержимо назадъ, въ Гомвиль, куда со всѣхъ сторонъ спѣшили толпы народа. Казалось, все наше ухарство двинулось разомъ на Гомвиль. И что̀ же? Я поспѣлъ во̀-время, чтобы увидать, какъ шествіе подходитъ! Увидѣлъ снова и слона, и колесницы, и боковыя декораціи къ палаткамъ,—и шагалъ, не отставая, рядомъ съ слономъ, пока всѣ эти диковинки не скрылись въ цирковой палаткѣ. Я подумалъ, что еще успѣю вернуться домой, и, признаться, безъ особаго опасенія думалъ о неизбѣжной расправѣ... даже махнулъ на нее рукой. Ну, такъ вотъ, стою я, слушаю себѣ музыку, да, разиня ротъ, глазѣю на разрисованныя стѣнки палатки, а на нихъ-то—и знаменитыя „Женщины-великанши“, и „Живые скелеты“, и „Человѣкъ съ острова Борнео“, и змѣи, обвивающія дѣвушекъ за шею... чудеса изъ чудесъ!.. И вдругъ я слышу за собою голосъ:—„Что̀, дитятко, о чемъ задумался?“—Я оглянулся, и какъ бы вы думали, кого увидѣлъ? Билли Келломъ!.. (Я зналъ, кто онъ такой, да онъ-то не подозрѣвалъ, кто я). Д-да! Это былъ онъ самъ, да еще въ какомъ парадѣ!

Разсказчикъ остановился и, улыбаясь, смотрѣлъ прямо въ огонь.

— Мой мужъ?!—воскликнула вдова, и, всплеснувъ руками, вскочила и встала прямо передъ нимъ. — Какое на немъ было платье?

— Сколько я помню,—медленно, какъ бы собираясь съ мыслями, началъ Давидъ,—на немъ была синяя суконная куртка съ золотыми пуговицами, двойной бархатный клѣтчатый жилетъ; сѣрые гри-де-перлевые „панты“, выпущенные на лакированные сапоги, стоячій воротникъ съ торчащими высокими концами, голубой галстухъ, заколотый булавкой (помню, я мысленно задался вопросомъ: неужели она настоящаго золота?), и желтовато-бѣлая войлочная шляпа.

При описаніи каждой части мужнина наряда, м-съ Келломъ одобрительно качала головой, не спуская глазъ съ лица Давида, и, наконецъ, у нея вырвалось невольно:

— О, да!.. О, да!.. На немъ все это было въ тотъ самый вечеръ, какъ мы съ нимъ были въ циркѣ!—На лицѣ ея былъ написанъ почти страхъ, какъ будто передъ ней явилось видѣніе изъ могилы. Съ минуту было полное молчаніе.

— Ну, что же дальше?—прервала его вдова.—Что онъ вамъ сказалъ?

— Сейчасъ скажу, насколько помню точно, а помню я, дѣйствительно, довольно хорошо. Какъ я уже говорилъ, меня точно кто-то слегка дернулъ за волосы, сквозь мою продранную соломенную шляпу, и спросилъ:—„Ну, дитятко, о чемъ задумался?“ — Я былъ пугливъ, какъ мышь, а тутъ набрался храбрости, да вдругъ и говорю:—Не знаю; вѣрно о томъ, что съ меня довольно удовольствія чинить плетень на пашнѣ. — „Въ циркъ развѣ не пойдешь?“ (спрашиваетъ онъ).—У меня нѣтъ ни денегъ, ни... чего другого!—отвѣчаю, потирая одну босую пыльную ногу о другую.—„Чего же ты не ползешь подъ парусину?“... Ну, какъ пугливъ я ни былъ, а это меня оскорбило: — Я никогда не ползалъ (говорю), а если не могу идти смотрѣть на представленіе за деньги, какъ всѣ другіе, я лучше вовсе не пойду, какъ бы мнѣ этого ни хотѣлось!—Онъ на меня взглянулъ не то чтобы улыбаясь, а у него въ глазахъ было что-то такое...

— Боже мой!—со вздохомъ воскликнула вдова.—Какъ хорошо я помню этотъ взглядъ! Билли не то смѣялся, глядя на васъ, не то—нѣтъ, и рукой обнималъ васъ за шею!

Давидъ наклонилъ голову въ знакъ подтвержденія и провелъ ладонью по своей лысинѣ.

— Н-ну?—торопила его м-съ Келломъ.

— Н-ну, вотъ онъ и говоритъ: „Хочешь пойти въ циркъ?“ — И въ эту минуту, только въ эту самую минуту я понялъ, что ничего въ жизни, никогда такъ горячо мнѣ не хотѣлось, какъ попасть туда, за парусину... Но мнѣ казалось это до того несбыточно, до того недоступно, что я въ искреннемъ недоумѣніи пролепеталъ:—Не знаю!—Впрочемъ, я думаю, что онъ самъ догадался по моему лицу, и, посмѣиваясь, предложилъ: „А какъ ты думаешь, съумѣлъ бы ты достать пару билетовъ, несмотря на толпу у кассы?“ (и самъ подаетъ мнѣ полъ-доллара). Я обѣщалъ, что попытаюсь, и, не жалѣя своихъ босыхъ подошвъ, посылалъ пыль въ носъ окружающимъ, спѣша, чтобы кто знакомый не увидалъ меня съ деньгами въ рукахъ и не подумалъ, что я ихъ гдѣ-нибудь стянулъ. Вернулся я съ билетами благополучно и ихъ торжественно вручилъ. Билль Келломъ двинулся впередъ, но

оглянулся: „Ты идешь съ нами?“—спросилъ онъ.—Съ *вами?*—переспросилъ я.—„Ну, да. Если тебѣ не будетъ пріятнѣе идти одному?“ Билль запустилъ руку въ жилетъ и подалъ мнѣ деньги. Боже мой! Какъ взглянулъ я на его лоснящіеся сапоги и—на мои грязныя, босыя ноги, на его праздничный нарядъ и—на мои лохмотья... „Полно, полно!—перебилъ онъ мое смущеніе:—мужчина не долженъ стыдиться своего трудового платья!“ И... будь я проклятъ, если онъ не повелъ меня за руку, рядомъ съ собой въ палатку!

— Какъ это на него похоже!.. Какъ на него похоже!—повторяла тихо м-съ Келломъ.

— Да, мэ'мъ! Я тоже думаю, что на него похоже!—кивнулъ головой Давидъ и продолжалъ: — Сначала я робѣлъ, мнѣ было стыдно рядомъ съ нимъ, но понемногу я пришелъ въ себя, и мы вмѣстѣ все обошли, все видѣли; кормили и слона, и тигровъ въ клѣткѣ,—то-есть, онъ купилъ корму, а мнѣ далъ кормить; потомъ мы достали себѣ мѣста, сѣли, и представленіе началось...

X.

Вдова не сводила съ разсказчика своихъ горящихъ глазъ.

Казалось, въ этотъ мигъ у нея изъ памяти все стерлось, что̀ ее всю жизнь терзало, угнетало; она опять переживала дни своей юности... О, да! она прекрасно помнила своего Билля,—умницу, смѣльчака, красавца! Какъ она имъ гордилась, когда въ тотъ вечеръ, сидя рядомъ съ нимъ, не могла не замѣтить, съ какою завистью поглядывали на пее ея односельчанки!

— Не буду вамъ разсказывать подробно про все представленіе,—продолжалъ Давидъ.—Только скажу, что мы продѣлали всю программу по порядку: и представленіе, и угощеніе. —Давъ, хочешь ѣсть?—спросилъ вдругъ Билль, и я уже смѣло отвѣчалъ:—„Конечно!“—Онъ купилъ два хлѣба и, когда я съѣлъ одинъ, подалъ мнѣ другой, прибавивъ: „А я ужъ отобѣдалъ“ (я лишь неясно могъ себѣ представить, что̀ такое *обѣдъ,—настоящій* обѣдъ!),—но ѣсть хотѣлъ ужасно (какъ вообще подростки) и съѣлъ также второй хлѣбъ. Затѣмъ, настала очередь пряниковъ, лимонада и розовой шипучки, орѣховъ и рожковъ, леденцовъ съ мятой, съ кардамономъ... И онъ платилъ за все, за все! Мнѣ думалось, онъ весь набитъ деньгами... Помню, какъ мы съ нимъ вмѣстѣ обсуждали и представленіе, и звѣринецъ, и ѣзду верхомъ... Застѣнчивость мою какъ рукой сняло...

— Вижу васъ, какъ сейчасъ, обоихъ!—тихо приговаривала вдова.—Онъ всегда былъ такой! О, Боже мой! Боже мой!.. Давъ! Семь лѣтъ жили мы съ нимъ душа въ душу, и я ни разу грубаго слова отъ него не слыхала!..

— Ни чуточки не сомнѣваюсь,—просто сказалъ Давидъ и, нагнувшись надъ огнемъ, съ излишнимъ усердіемъ принялся поправлять его. Наконецъ, выпрямившись, онъ высморкался, какъ въ трубу, и продолжалъ:

— Н-ну, цирку пришелъ конецъ, и я вернулся на землю. Толпа бросилась вонъ изъ палатки, точно боялась, что вотъ-вотъ она рухнетъ и раздавитъ всѣхъ. Въ давкѣ кто-то пытался вырвать у меня мое ведерко,—или мнѣ только такъ показалось,—но меня оттерли отъ Билля; я потерялъ его изъ виду и никакъ не могъ опять его найти. Было ужъ пять часовъ; мнѣ оставалось только бѣжать домой, чтобы получить должную порку. Но какъ я ни былъ малъ, а чувствовалъ, что за такое удовольствіе стоитъ претерпѣть и муки. Я смѣло подошелъ къ отцу, который чуть не оторвалъ мнѣ ухо, набросившись на меня у порога. Онъ такъ и проволокъ меня до самаго сарая, гдѣ и состоялся допросъ: „Гдѣ былъ?“—Въ Гомвилѣ.—„Что ты тамъ дѣлалъ?“—Смотрѣлъ на представленье.—„Откуда денегъ взялъ?“—Мнѣ м-ръ Келломъ подарилъ.—„Врешь! Ты укралъ! Укралъ! Я выжму изъ тебя отвѣтъ, убью,—а выжму!..“

— Не буду мучить васъ этой картиной: только скажу, что въ этотъ разъ онъ слишкомъ постарался. Не помню ужъ, какъ я доползъ до своей кровати, и долго-долго больно было мнѣ лежать на спинѣ.

— Бѣдный ты крошка! Бѣдный!..—сочувственно вздохнула вдова.

— И стоило жалости, стоило, м-съ Келломъ!—подхватилъ Давидъ.—Но этотъ день былъ для меня самый счастливый, самый веселый день во всей моей жизни, и я этого не забылъ. Отъ трёпки понемногу я оправился и позабылъ, но этотъ циркъ я помнилъ цѣлыхъ сорокъ лѣтъ. Одно лишь меня мучило: никакъ не могъ я вспомнить,—успѣлъ ли я Биллю сказать: благодарю!? Съ тѣхъ поръ я больше его не видалъ.

— Какъ такъ?..

— А такъ, что я собралъ свои пожитки,—всѣ, какіе были,—и на другой же день Бекстонъ-Гилль на много лѣтъ не видалъ меня въ лицо...

Давидъ всталъ, зѣвнулъ, потянулся и сталъ спиной къ огню.

Вдова тревожно на него взглянула:

— Вотъ и все?

— Пожалуй, что все; а пожалуй, что и нѣтъ! Горевать надъ Гарумомъ я кончилъ; теперь займемся вашимъ дѣломъ, въ виду того, что я васъ вызвалъ для этого въ такое великое утро, какъ сегодня. Обыкновенно, я раньше кончу дѣло, а потомъ занимаюсь разговоромъ; сегодня же наоборотъ...

Онъ вынулъ изъ внутренняго кармана три бумаги и, какъ бы вновь ихъ изучая, принялся разглаживать ладонью одной руки на другой, слегка похлопывая ихъ и какъ бы не зная, съ чего начать. Вдова не сводила глазъ съ бумагъ, и ея тревожное напряженіе вызывало въ ней нервную дрожь.

— М-съ Келломъ! Обо мнѣ составилось такое мнѣніе, что я—черствый, алчный, лукавый человѣкъ. Можетъ быть, я такой и есть; можетъ быть, жизнь моя заставила меня быть именно такимъ. Положимъ, *дѣло дѣломъ*, но, въ силу житейскаго опыта, я пришелъ къ заключенію: „Дѣлай другому то, что̀ онъ самъ пожелалъ бы тебѣ сдѣлать, но сдѣлай это раньше, чѣмъ онъ успѣетъ“.—Конечно, если хотите, можно продолжить закладную еще на два, на три года... Только я вамъ сперва долженъ еще сказать два слова.

— Что-жъ, я думаю, и говорить не стоитъ: платить проценты, все равно, я не могу, и они будутъ все расти, расти...

— М-съ Келломъ! Я долженъ вамъ сперва сказать нѣчто такое, о чемъ вы и не подозрѣвали. У меня въ банкѣ хранится капиталъ вашего мужа, который за сорокъ минувшихъ лѣтъ разросся, благодаря процентамъ на проценты, которые наростали, потому что онъ о нихъ забылъ...

Вдова, въ волненіи, приподнялась съ мѣста, но Давидъ рукой остановилъ ее и продолжалъ:

— Часть этого капитала пошла на циркъ, а остатокъ былъ основаніемъ той самой суммы, про которую я вамъ говорю и съ которой я началъ *свое* дѣло. Вотъ эти бумаги представляютъ *дивидендъ* съ того капитала, который я въ тотъ вечеръ получилъ отъ Билля; а это—вторая закладная, которая все равно, что погашена этимъ дивидендомъ, и ей одна дорога—въ печку! А это... это—свидѣтельство о погашеніи претензіи по закладной, и остается его только подписать... Джонъ! подите-ка сюда!

М-съ Келломъ, широко раскрывъ глаза, смотрѣла на него, и вдругъ, сообразивъ, въ чемъ дѣло, вскочила на ноги, вспыхнула въ лицѣ и всплеснула руками съ громкимъ возгласомъ:

— О, Господи!.. Господи!.. Давъ!.. Давъ Гарумъ! Это правда?

Правда? Вы не смѣетесь надо мной, не шутите? Нѣтъ вы не стали бы шутить надъ бѣдной женщиной?.. Да неужели это правда? Неужели я ничего никому больше не должна? О, Давъ! Скажите мнѣ еще разъ: это правда? Правда? Нѣтъ, это слишкомъ большое счастье! Этого быть не можетъ! О, Боже! Вотъ я теперь реву, какъ малое дитя... и... и... гдѣ мой носовой платокъ?.. Благодарю васъ,—прибавила она, принимая отъ Джона его собственный:—я его простираю и завтра вамъ верну... О, зачѣмъ, зачѣмъ вы это сдѣлали,—скажите, Давъ?

— Прежде всего сядьте! Сядьте, успокойтесь... Сядьте и будьте покойны... Да,—подтвердилъ онъ Джону,—я подписалъ эту бумагу.

М-съ Келломъ сидѣла молча, отирая глаза платкомъ Ленокса.

— Да, м-съ Келломъ, это вѣрно! Вы спрашиваете, зачѣмъ я это сдѣлалъ? Да развѣ это само собой не видно изъ моего разсказа? Ну, такъ и быть, для васъ, я могу снова подвести итогъ.—Онъ всталъ передъ нею, одну руку запустивъ въ карманъ, а другою, въ минуты возбужденія, помахивая въ воздухѣ закладною.

— Я думаю, вы можете себѣ представить, какого рода воспитаніе довелось мнѣ получить, и какое я былъ жалкое, Богомъ забытое, несчастное, презрѣнное созданье. Съ утра и до ночи меня одолѣвали и до смерти терзали брань и колотушки; съ утра и до ночи мнѣ напѣвали все одно и то же: что такого ничтожнѣйшаго, никому ненужнаго и никуда негоднаго созданья, какъ я,—свѣтъ не производилъ!.. И я начиналъ уже вѣрить въ это... когда вдругъ повстрѣчался съ вашимъ мужемъ. Билль Паркеръ Келломъ первый обошелся со мной какъ съ человѣкомъ. Онъ потратился на меня и далъ мнѣ денегъ, чтобы я могъ самъ тратить; я, не имѣвшій никогда въ рукахъ ни цента для себя! Онъ не постыдился идти рука объ руку со мною; онъ говорилъ со мной, какъ будто я былъ ему равный, а не отбросъ земли,—какъ это мнѣ вбивали въ голову до той минуты. Если бы онъ тогда меня не ободрилъ, я никогда бы не подумалъ убѣжать... И съ тѣхъ поръ я рѣшилъ, что хоть отчасти заплачу ему за то чувство бодрости и вѣры въ себя, которое никогда во мнѣ бы не проснулось, если бы не онъ! Я не могу сдѣлать это по отношенію къ нему,—съ грустью произнесъ Давидъ,—такъ я радъ и тому, что хоть чѣмъ-нибудь въ состояніи отплатить за него хоть его вдовѣ.

— Онъ, можетъ быть, объ этомъ знаетъ,—сказала тихонько м-съ Келломъ.

— Да, можетъ быть,—тоже тихимъ голосомъ подтвердилъ Давидъ.

Водворилось умилепное молчаніе.

— Давидъ!—смиренно начала вдова.—Мнѣ нечѣмъ отблагодарить васъ за такое дѣло; но я буду за васъ молиться день и ночь... И знаете? То, что̀ я сказала насчетъ милости Божіей... я бы хотѣла взять эти слова назадъ. О, я жду-не дождусь, чтобы написать объ этомъ Чарли!

— Я уже написалъ ему, чтобы онъ все распродалъ и вернулся домой, а я ему ссужу, сколько необходимо будетъ, чтобы устроиться въ родной землѣ. У меня здѣсь найдется для него что-нибудь повыгоднѣе, чѣмъ бороться съ засухами или съ „кобылкой“ въ Канзасѣ.

— Давидъ Гарумъ!—воскликнула вдова.—Ты рожденъ быть королемъ!

— Н-ну, королевствовать, пожалуй, мнѣ не особенно пристало!—съ усмѣшкой возразилъ Давидъ:—суконная шляпенка и хорошій бичъ,—вотъ что̀ мнѣ къ лицу больше, чѣмъ драгоцѣнный скипетръ и корона!.. А теперь, послѣ того, какъ мы покончили съ дѣлами, не пройдете ли вы къ Полли? Она васъ ждетъ къ обѣду, и въ день Рождества Христова отказа мы не принимаемъ!

— Да мнѣ бы и самой хотѣлось!—сказала м-съ Келломъ.

— Вотъ и чудесно!—весело воскликнулъ банкиръ.—Дорожку на дворѣ успѣли вѣроятно ужъ расчистить... Кстати, я хочу сдѣлать вамъ нѣкоторое предложеніе и... не совсѣмъ обыденнаго свойства. Такъ какъ вы теперь проценты съ капитала получили, такъ, можетъ быть, вы согласитесь оставить у меня на храненіе его остатокъ? Хотите на него взглянуть?

М-съ Келломъ, озадаченная, удивленно выжидала.

Давидъ вынулъ изъ кармана свой большой бумажникъ, открылъ его и досталъ что-то такое маленькое, плоское, въ темной, потертой бумагѣ, и показалъ на своей жирной, широкой ладони серебряную монетку, почернѣвшую отъ времени.

— Вотъ этотъ капиталъ!

М-съ Келломъ не дала Джону помочь ей донести узелокъ съ ея вещами, и онъ вернулся къ Давиду.

— Придвиньте сюда стулъ и садитесь!—проговорилъ Давидъ, и Джонъ поспѣшилъ поблагодарить его за утренній подарокъ.

— Я глубоко цѣню ваше вниманіе,—прибавилъ онъ.—Но

мнѣ хотѣлось бы вамъ выразить искреннее мое сожалѣніе, что я... Въ сущности, я долженъ бы просить у васъ извиненія... въ томъ...

— Въ томъ, что вамъ жаль, что вы во мнѣ ошиблись?..— перебилъ Давидъ съ улыбкой и выразительнымъ движеніемъ руки. —Очень радъ, что вы довольны моимъ подаркомъ, а ошибиться вамъ было легко: очевидность была противъ меня.

— Тѣмъ не менѣе,—возразилъ Джонъ,—я долженъ былъ бы знать... Я долженъ понимать...

— Да какъ же вы могли что-нибудь понимать, когда я всеравно, что прямо высказалъ свое намѣреніе обобрать вдову? — перебилъ его Гарумъ. — Съ вашего лица хоть картину было писать въ тотъ моментъ, какъ я просилъ васъ послать ей записку!

— Вы были такъ щедры и великодушны во всѣхъ отношеніяхъ...

— Полноте! Я просто уплатилъ старый долгъ; а что касается моего подарка,—признаюсь, что эти деньги вы получили по заслугамъ,—если это признаніе облегчитъ вамъ возможность ихъ принять.

— Я не могу сказать, чтобъ я работалъ черезъ силу, — смѣясь, возразилъ Джонъ.

— Что-жъ, можетъ быть. Но выписать васъ сюда, уже само по себѣ, былъ своего рода опытъ съ моей стороны. Все время наблюдая за вами, я болѣе, чѣмъ доволенъ результатомъ своихъ наблюденій. Можетъ быть, Тимсонъ болѣе бойко сводилъ счеты, чѣмъ вы въ первое время; но во всемъ остальномъ онъ былъ величайшая въ мірѣ безмозглая дубина. Такта въ немъ было мало, вотъ что! Прежде всего мнѣ понравилось ваше письмо ко мнѣ, а потомъ, когда вы пріѣхали—ваша наружность. Наблюдая за вами, я до мелочей подмѣчалъ, какъ вы переносите суровую и тоскливую здѣшнюю жизнь послѣ столичной: я нарочно уговаривалъ васъ не уѣзжать изъ гостиницы „Орелъ“, хотя самъ прекрасно зналъ, что лѣтомъ пребываніе въ ней—дѣло неприглядное, а зимой—такое, что хуже, кажется, и быть не можетъ! Но вы не дулись, не скучали и не раздражались: вы не искали веселья или развлеченій, и я, зная, что за мука жить въ „Орлѣ“, рѣшилъ про себя, что это испытаніе будетъ для васъ послѣднимъ. Крутенько тамъ приходится постояльцамъ!

— Да, пожалуй! —согласился Джонъ.—Вдобавокъ, м-съ Эльрайтъ заболѣла, и я ужъ третій день, какъ вынужденъ питаться въ сухомятку, чѣмъ попало, и самъ себѣ что-нибудь покупаю въ лавкѣ.

— Такъ вы должны быть голодны!—воскликнулъ Давидъ.— Ну, сегодня вамъ не придется сидѣть на селедкѣ съ хлѣбомъ,— Полли и я, мы ждемъ васъ къ обѣду.

Во время разговора онъ раза два-три подходилъ къ окну и заглядывалъ во дворъ, какъ будто наблюдая за погодой. Наконецъ, вернувшись въ послѣдній разъ на мѣсто, онъ видимо былъ чѣмъ-то доволенъ и сказалъ Джону, глядя на часы:

— Мы обѣдаемъ въ часъ и будемъ васъ поджидать: не опоздайте! А я пойду, взгляну на своего булаченькаго жеребца. Лучше всего зайдите прямо къ намъ и тамъ приготовьтесь къ обѣду; а то въ „Орлѣ“, пожалуй, у васъ отобьютъ аппетитъ...

Джонъ такъ и сдѣлалъ.

XI.

— Ну, право, какъ я рада васъ видѣть, м-съ Келломъ! — говорила м-съ Биксби, встрѣчая вдову.—Идите сюда прямо въ комнату, а я пока занесу въ кухню ваши вещи, посушить.— Въ одну минуту она ужъ вернулась оттуда и продолжала:— Какой у васъ хорошій видъ, хоть вы и измѣнились за послѣднее время; но сейчасъ вы больше, чѣмъ когда-нибудь напоминаете мнѣ прежнюю Цинтію Сунтлэндъ. Только лицо... какъ будто бы вы плакали.

— Благодарю васъ; только врядъ ли я теперь очень на себя похожа; а что я плакала, такъ это отъ радости... Полли Гарумъ! — въ восторгѣ называя хозяйку дома ея дѣвичьимъ именемъ, воскликнула вдова.—Полли Гарумъ, вашъ братъ—просто ангелъ Божій!

— Ну, положимъ, до такого высокаго сана Давиду еще далеко; но что онъ хорошій *человѣкъ*, это неоспоримо. Я знаю, есть люди, которые считаютъ его алчнымъ и зачерствѣлымъ торгашомъ; конечно, у него, какъ у всякаго, есть свои замашки, но онъ добрый человѣкъ. Чего вы понадобились ему сегодня?

И вдова разсказала все, заливаясь слезами, и смѣясь, и улыбаясь въ перемежку,—и ей отрадно было переживать опять все случившееся передъ такимъ усерднымъ слушателемъ, какъ тетя Полли.

— Сказать вамъ не могу, до чего я за васъ рада! — проговорила та, цѣлуя ее.—Еслибъ я только знала, что у Давида ваша закладная, я бы давно васъ предупредила, что вамъ нечего безпокоиться: онъ никогда бы не отнялъ у васъ вашу

землю, чтобы самому нажиться. Удивительно, какъ человѣкъ всему придаетъ цѣну въ своемъ дѣтствѣ!.. Да вотъ хоть бы исторія съ братомъ Елисеемъ... Вы слышали, конечно?

— Нѣтъ, не слыхала.

— Ну, тѣмъ лучше! Такъ слушайте. Лисей былъ мнѣ родной братъ, но такой злобный и такой безпощадный, что всѣмъ намъ отъ него доставалось: а Даву онъ просто проходу не давалъ! Бѣдный крошка до-смерти его боялся,—больше, чѣмъ отца... Я разскажу вамъ покороче,—мнѣ еще надо будетъ до обѣда заглянуть на кухню. Въ концѣ концовъ, Лисей поселился въ Уиткомбѣ...

— Онъ былъ женатъ?

— Какже! Даже на очень милой женщинѣ; мы еще удивлялись, какъ она рѣшилась выйти за такого звѣря. Н-ну, прожила она лѣтъ шесть-семь и бросила его—сбѣжала...

— Съ другимъ?—испуганнымъ шопотомъ спросила вдова.

— Конечно! Да было у него еще два сына; такъ и тѣ, какъ подросли, не выдержали: бросили отца, ушли! И день ото дня, годъ отъ году все хуже, хуже было ему, брошенному, жить; онъ обѣднѣлъ до такой степени, что не осталось у него другого пристанища, какъ домъ призрѣнія бѣдныхъ... И вотъ тогда-то, чтобъ его спасти, не допустить до этого позора, Смитъ къ намъ и пришелъ, и говоритъ, что, такъ и такъ, надо бы ему помочь. „Спрашивали, говоритъ, его, нѣтъ ли у него зажиточныхъ родныхъ; такъ онъ назвалъ васъ, Давидъ Гарумъ, и прибавилъ:— Онъ человѣкъ состоятельный и не долженъ бы меня допустить до такого позора.—„Такъ онъ и сказалъ?“ спрашиваетъ Давъ.— Такъ и сказалъ.—„Вы его давно знаете?“—Ужъ много лѣтъ... —„И что-жъ? Онъ добрый человѣкъ, извѣстный? Его всѣ любятъ, уважаютъ, ну и все такое?“—Гм! Не вполнѣ...—запнулся Смитъ, подергивая себя за бакенбарды и ёрзая на стулѣ. „Я такъ и думалъ!—подхватилъ Давидъ.—И гдѣ тотъ честный человѣкъ—мужчина, женщина или ребенокъ, который могъ бы по совѣсти назвать его хорошимъ? Не онъ ли выпудилъ свою жену бѣжать? Не отъ него ли бѣжали сыновья? Не онъ ли былъ всю жизнь свою примѣромъ позорнѣйшаго, безсердечнѣйшаго подлеца и негодяя?“ Противъ этого Смитъ ничего не нашелся возразить и только проговорилъ:—Полагаю, что мое порученіе кончено, и содержаніе вашего брата должно пасть на городъ Уиткомбъ; а я вѣдь приходилъ именно хлопотать за городское управленіе...—„Полли! Тебѣ хотѣлось бы взять его къ себѣ?..“ —Давъ Гарумъ! Послѣ того, какъ онъ съ тобою обращался?!

(говорю).—„Ну такъ вотъ что̀ (говоритъ Давидъ). Скажите ему отъ меня, что ни цента моего онъ не увидитъ; что домъ призрѣнія для него самое настоящее мѣсто, и что еслибъ было мѣсто еще хуже и бѣднѣе этого дома, и то было бы въ тысячу разъ лучше, чѣмъ онъ заслужилъ“...

— Боже! Вотъ ужъ никогда не ожидала бы я отъ него!— воскликнула вдова.

— Вѣдь я-жъ вамъ говорю, что братъ былъ особенно жестокъ съ Давидомъ... Такъ вотъ Давидъ и говоритъ: „Пусть его идетъ себѣ въ домъ призрѣнія бѣдныхъ; пусть онъ тамъ живетъ и получаетъ все сполна, что̀ ему слѣдуетъ, по положенію. Когда умретъ, вы ему закажите самый узкій гробъ, чтобы онъ какъ можно меньше отнималъ у другихъ земли, и представьте мнѣ счетъ: я заплачу сполна! Чтобъ это осталось строго между нами! А не то—чуть что̀, не дамъ вамъ ни гроша, смотрите!“

— А знаете,—вставила свое словечко м-съ Келломъ.—Мнѣ кажется, онъ все-таки его жалѣлъ больше, чѣмъ ему хотѣлось показать.

— Вотъ и мнѣ тоже кажется, что онъ хотѣлъ поступить сурово, да не съумѣлъ; но онъ-то думаетъ, что такъ и надо было... Боже! Мнѣ пора на кухню. Ну, простите. Если вамъ что̀ понадобится, пройдите ко мнѣ въ спальню. Я сію минуту!..

Минутъ за десять до часу Джонъ позвонилъ у крыльца. М-съ Биксби вышла ему отворить сама.

— Сара занята; я сама провожу васъ въ комнату, гдѣ вы могли бы поправиться передъ обѣдомъ,—сказала она и повела его въ такъ-называемую „парадную спальню“.

Нѣсколько мгновеній Джонъ мысленно протиралъ себѣ глаза; затѣмъ вдругъ обернулся и, схвативъ тетю Полли за обѣ руки, молча глядѣлъ на нее.

— Не знаю, какъ выразить вамъ, что̀ я чувствую! — проговорилъ онъ. — Вы, вѣроятно, и вообразить себѣ не можете, до чего вы добры!

— Не говорите, пожалуйста, не говорите! Я за васъ страдала все время, пока вы жили въ этой отвратительной харчевнѣ.

— Вы и вашъ братъ сдѣлали то, что я сегодня веселѣе и счастливѣе встрѣчаю день Рождества Христова, чѣмъ за много, много лѣтъ.

— Очень, очень рада! — сердечно замѣтила тетя-Полли. — Надѣюсь; вамъ будетъ тутъ удобно и спокойно.

— Тетя-Пол... простите, м-съ Биксби!—поддаваясь внезапному порыву, воскликнулъ Джонъ Леноксъ.—Какъ вамъ кажется, рѣ-

нились бы вы сдѣлать меня окончательно счастливымъ—поцѣловать меня? Сегодня вѣдь у насъ Рождество Христово!

Тетя-Полли зардѣлась до корня волосъ.

— Ну, что-жъ? — слегка посмѣиваясь, отозвалась она. — Я могла бы вамъ въ матери годиться, и ко мнѣ не пристанетъ...— Но, уходя (уже на лѣстницѣ), она тихонечко пальцами отерла себѣ губы.

Оглядываясь въ своемъ новомъ помѣщеніи, Джонъ понялъ, почему Давъ Гарумъ такъ часто поглядывалъ въ окно: онъ наблюдалъ за переноскою его вещей изъ „Орла“ къ нему въ домъ.

Вокругъ все было такъ уютно! Широкая кровать съ бѣлоснѣжнымъ покрываломъ; печка съ привѣтливымъ яркимъ огнемъ; письменный столъ и на каминѣ—его книги; конторка, зеркало; принадлежности туалета; нѣсколько чистыхъ *сухихъ* полотенецъ... все было подъ рукою. Джону не вѣрилось, что его пребываніе въ „Орлѣ“ прошло и не возобновится: ничего ужаснѣе этихъ нѣсколькихъ недѣль въ Гомвилѣ онъ не могъ себѣ представить. Въ конторѣ онъ былъ очень занятъ и всегда умѣлъ найти себѣ тамъ дѣло, чтобы провести время съ пользой, не скучая; но вечерніе часы, которыхъ некуда было дѣвать, вотъ что его томило. Послѣ ужина, который оставлялъ его впроголодь, Джонъ долженъ былъ дрогнуть въ неуютной комнатѣ, на твердой постели; печка то раскалялась такъ, что дышать было нечѣмъ, то погасала и не грѣла.

Сидя въ глубокомъ, мягкомъ креслѣ, Джонъ мысленно сравнивалъ свою новую обстановку съ прежней, и нельзя ему поставить въ вину, что глаза его наполнялись слезами благодарности и счастья...

За обѣденнымъ столомъ сидѣли четверо счастливцевъ, четверо людей, сіявшихъ настоящей праздничной радостью и даже праздничнымъ нарядомъ. Тетя-Полли принарядила вдову, облачивъ ее въ бѣлые рукавчики и воротникъ, и такъ ее вообще прихорошила, что Джонъ не узналъ въ ней утреннюю посѣтительницу своей конторы. Оживленное лицо и большіе темно-каріе сіяющіе глаза рѣшительно ее преобразили, и Джонъ подумалъ, что предпочтеніе, которое Билль оказалъ ей, деревенской дѣвушкѣ, вполнѣ понятно. Тетя-Полли имѣла видъ внушительный и великолѣпный въ своемъ черномъ шолковомъ платьѣ, съ большой брошкой-камеей, а на ея толстой рукѣ сверкало брилліантовое колечко.

— Говорила я Давиду,—какъ бы извиняясь, пояснила она,— что я и безъ того ему благодарна, что мнѣ брилліанты при-

стали такъ же, какъ кошкѣ знамя; но онъ сказалъ, что я могу продать кольцо, если придетъ нужда, чтобъ не попасть въ домъ призрѣнія бѣдныхъ.

Давидъ меньше другихъ измѣнилъ своему обычному наряду, но его круглое, чуть не до-крови выбритое лицо сіяло, рдѣя столько же отъ усерднаго мытья, сколько отъ удовольствія.

— Чего вамъ положить?—обратился онъ къ м-съ Келломъ:— Бѣлаго мяса? Чернаго мяса?

— Все равно, я не разборчива. Мнѣ кажется, какую ни возьмите часть индюшки—будетъ вкусно.

— „Все равно“ означаетъ: и того, и другого... Я всегда знаю, что̀ положить Полли, у нея свои вкусы. Джонъ, а вамъ? И того, и другого?

— И всего побольше,—засмѣялся тотъ.

Раздавъ жаркое, Давидъ вдругъ сорвался съ мѣста и побѣжалъ вонъ изъ столовой.

— Куда ты? Что̀ съ тобой?—окликнула его сестра.

— Сидите вы, сидите смирно! Я позабылъ.

— Да Сара тебѣ принесетъ.

— Нѣтъ! Она что-нибудь попортитъ... Я сейчасъ!—и онъ исчезъ.

Но вотъ появилась Сара съ четырьмя стаканами, а за нею слѣдомъ самъ Давидъ, съ бутылкою въ рукахъ.

— Это что̀ такое?—воскликнула м-съ Биксби.

— „Вдова Клико“,—цѣлительное средство отъ всяческихъ болѣстей и недуговъ. Оно излечиваетъ боль зубную и желудокъ, насморкъ и простуду, накожныя болѣзни и сердечныя, ну, словомъ, все на свѣтѣ!.. Хлопп!—и пробка выпалила такъ усердно, что дамы вскрикнули.

— Давидъ Гарумъ!—тономъ глубокой убѣжденности произнесла сестра.—Это шампанское навѣрно!

— А если нѣтъ, значитъ меня надули, и я даромъ погубилъ четыре шиллинга,—пошутилъ Давидъ.—Вотъ, не угодно ли?

— Нѣтъ, благодарю, я—другъ трезвости!.. Мнѣ кажется, онъ заплатилъ не меньше доллара!—обратилась Полли къ м-съ Келломъ; но Давидъ все слышалъ, и въ эту минуту бѣдняга, кажется, подавился, что̀ привлекло взглядъ тети-Полли, полный подозрѣнія.

— Я слышала, что это страшно дорогая штука,—замѣтила м-съ Келломъ.

— Позвольте вамъ налить?—предложилъ Джонъ.

— Попробуйте!—ободрилъ ее Давидъ.

— Пожалуй, одинъ только глоточекъ.

— Ну что, понравилось?

— Ничего, если къ нему не привыкать, конечно,—отвѣтила она, отирая платкомъ глаза, на которыхъ отъ игры шампанскаго проступили слезы.

На нѣсколько минутъ разговоръ прервался, и гости отдали должную честь „фруктовому пуддингу", который пришелся Давиду особенно по вкусу. Опъ сдѣлался разговорчивъ.

— Вы всегда жили въ столицѣ, м-ръ Лепоксъ?—спросила вдова.

— Да, почти безвыѣздно.

— И бывали въ театрѣ?

— О, да, конечно.

— Вотъ и Полли тоже была въ театрѣ!—подхватилъ Давидъ.

— Давъ! Перестань!

— Мы съ нею вмѣстѣ поѣхали въ Нью-Іоркъ... Вотъ я и говорю:—Ты не была вѣдь никогда въ театрѣ, хочешь, пойдемъ?—и въ первомъ же кіоскѣ спрашиваю два билета.—„Въ театръ?"—Понятно, говорю.—Только и есть два мѣста,—говоритъ.—А тамъ прилично?—„Женѣ понравилось, а она у меня очень разборчива".

— Да, именно разборчива!—вставила раздраженно м-съ Биксби.

— Вотъ мы пришли, усѣлись. Оркестръ проигралъ, что полагалось, и занавѣсъ взвился. На сцену въ припрыжку выскочила какая-то особа, запѣла, заплясала. На тѣлѣ у нея было не больше платья, какъ бумаги на почтовой маркѣ.

Джонъ взглянулъ украдкой на вдову; лицо ея выражало неподдѣльный ужасъ.

— Я бы на твоемъ мѣстѣ не стала вдаваться въ подробности,—посовѣтовала брату Полли.

Могучее тѣло Давида затряслось отъ сдавленнаго смѣха; онъ опустилъ глаза въ тарелку. Оправившись немного, онъ продолжалъ:

— Полли вздрогнула, точно ей брызнули въ лицо водой, и я не смѣлъ поднять на нее глаза. А на сцену вылетѣлъ ужъ цѣлый рой дѣвицъ, которыя, должно быть, позабыли свои платья гдѣ-нибудь въ сундукахъ или въ комодахъ. Полли сидѣла, плотно закрывъ глаза, и, двигая только уголками губъ, шепнула: „Если ты не выведешь меня сейчасъ отсюда, я уйду одна!"—Ты не потерпишь немножко еще? Можетъ быть, говорю, онѣ за платьями домой послали?—Вмѣсто отвѣта, она меня подтолкнула, чтобы

встать. А если Полли Биксби на чемъ твердой ногой встанетъ, то ужъ держись, ее ничѣмъ не сдвинешь. Я и сказалъ ей:—Хорошо! Прижми къ лицу платокъ, будто у тебя носомъ кровь идетъ.—Она прижала; мы протискались къ выходу и стали одѣваться.—„Что это съ вашей матушкою, дурно?“—говоритъ человѣкъ.—Да, ей чуть что не по характеру, сейчасъ же хлынетъ носомъ кровь!—говорю я.

— Давидъ Гарумъ!—сказала ему сестра:—вамъ, кажется, извѣстно, что я лишь на четыре года старше васъ.

— Видишь ли, Полли,—возразилъ съ невозмутимою серьезностью Давидъ:—онъ не принадлежалъ къ числу нашихъ знакомыхъ, и судилъ по тому, что видѣлъ.

— Кажется, онъ довольно... того... Какъ бы это сказать?—въ негодованіи обратилась Полли къ Джону.

— Не понимаю, какъ вы можете съ нимъ жить!—смѣясь, поддержалъ ее тотъ.

— Съ тѣхъ поръ театровъ вы, я думаю, не посѣщали?—освѣдомилась м-съ Келломъ.

— Конечно, мэ'мъ!—отвѣтила ей тетя-Полли.

Послѣ короткаго молчанія, Давидъ вдругъ фыркнулъ, не забывая поливать пудингъ сладкою приправою изъ сливокъ.

— Чего ты?

Давидъ уже открыто разсмѣялся.

— Я вспомнилъ, что Дикъ мнѣ говорилъ, будто Амри Шэплессъ теперь человѣкъ женатый!

— Неужели!—воскликнула сестра. — Ахъ, онъ негодный старикашка! Гдѣ онъ нашелъ такую, чтобы согласилась?

— Лизу Аннисъ осчастливилъ его выборъ,—съ усмѣшкой отвѣчалъ Давидъ.

— Вотъ ужъ не ожидала!—вырвалось у вдовы.

— Вѣнчалъ ихъ дьяконъ Паркеръ, а его преподобіе от. Уайтъ и слышать не хотѣлъ.

— Все равно, Паркеру—и тому стыдно!—изрекла м-съ Биксби.

— Развѣ не слѣдуетъ облегчать дорогу истиннымъ влюбленнымъ?—съ оттѣнкомъ сантиментальности проговорилъ Давидъ.

— А что, если у этихъ ободранныхъ скелетовъ будутъ дѣти?

— Полли! Я за тебя краснѣю! Неужели въ тебѣ нѣтъ ни капли уваженія къ святому таинству брачнаго союза?

— Не больше, чѣмъ въ тебѣ, пожалуй!—нашлась тетя-Полли.—Но чего ради они вздумали жениться?

— Этотъ вопросъ задалъ жениху и самъ от. Уайтъ, когда

разъ вечеромъ Амри пришелъ просить, чтобъ онъ соединилъ его съ Элизою законнымъ бракомъ:—„Такъ надо!“—отвѣчалъ Амри.—*Надо* жениться?—спрашиваетъ тотъ, поглядывая на невѣсту и на жениха.—„Ну, то-есть, это не то, чтобы совсѣмъ *необходимо* (осклабившись, говоритъ Амри), а мы съ Элизой такъ подумали и порѣшили, что у нея нѣтъ ничего, и у меня тоже, такъ мы ужъ за компанію“.—Да есть у тебя средства, чтобы жениться?—спрашиваетъ отъ. Уайтъ:—ну, хоть что-нибудь? „Гм!—отвѣчаетъ Амри, опуская голову и почесывая пальцемъ въ ухѣ:—мнѣ обѣщали дать работу на нѣсколько дней на будущей недѣлѣ“.—Гм!—говоритъ отъ. Уайтъ:—а у васъ?—обращается онъ къ Лизѣ. — „Я должна получить девяносто центовъ за прошлую недѣлю“, — говоритъ Лиза и садится на диванъ. Отъ. Уайтъ отошелъ на другой конецъ комнаты, и надо полагать, что только тамъ онъ могъ скрыть, что помираетъ со смѣху. Но, вотъ, онъ вернулся съ серьезнымъ лицомъ и опять къ допросу:—А сколько тебѣ лѣтъ?—спрашиваетъ онъ Ама.—„Да пятьдесятъ-восемь, говоритъ, а по веснѣ и всѣ пятьдесятъ-девять минетъ“.—А вамъ? — Помялась она немножко, помялась, да и говоритъ: „Я такъ полагаю, что мнѣ тридцать есть навѣрно!“

— Нѣтъ, какова?! — въ негодованіи воскликнула тетя-Полли:—да она почти однихъ лѣтъ со мной!

— Ну, тутъ ужъ Дикъ не выдержалъ,—продолжалъ Давидъ,—прыснулъ со смѣху: а отъ. Уайтъ такъ прямо и сказалъ: —Ищите вы другого, я васъ вѣнчать не стану. И какая вамъ надобность жениться, если у васъ ни у того, ни у другого нѣтъ ни цента за душой?—„Вотъ, въ томъ-то и штука,—говоритъ Шэплессъ,—ни у меня, ни у миссъ Апписъ, ни кола, ни двора. Вотъ и надумали мы съ нею сообща зажить своимъ домкомъ“. Вышли они отъ отъ. Уайта носъ повѣся, только Амри и говоритъ дорогой Дику: „Еслибъ у меня сейчасъ было полъ-доллара, я бы попробовалъ попросить Паркера“. И Дикъ одолжилъ ему полсотни центовъ. Я ему говорю:—Только ты ихъ и видѣлъ, свои деньги!—„Не бѣда!—отвѣчаетъ Дикъ:—Ни за какія деньги не пропустилъ бы я такое развлеченье!“

XII.

Дня два-три спустя, Давидъ Гарумъ постучался къ Джону.

— Войдите!—откликнулся Джонъ и горячо привѣтствовалъ вошедшаго, который поспѣшилъ ему пояснить:

— Я пришелъ посмотрѣть, хорошо ли устроила васъ Полли, и провѣрить, достойна ли *корзинка* [1]) той драгоцѣнности, которую скрываетъ?—какъ говорится въ какомъ-то представленіи.

— Никогда въ жизни не жилось мнѣ такъ уютно! М-съ Биксби—воплощенная доброта. Позвольте предложить вамъ сигару?

— Гм!—закуривъ, проговорилъ Давидъ:—эта будетъ получше, чѣмъ мои.

— Это единственная роскошь, которую я себѣ позволяю,—какъ бы извиняясь за свою расточительность, произнесъ Джонъ. —Но я не всегда ихъ курю. Я вообще люблю хорошій табакъ.

— Вполнѣ васъ понимаю,—подхватилъ Давидъ.—Одинъ знакомый мой въ Серчестерѣ, Анди Браунъ, говаривалъ бывало: „Братцы! Сегодня живы мы, и завтра насъ ужъ нѣтъ, а въ саванѣ не полагается кармановъ“. Какъ оглянусь я на прошлое время,—не денегъ жаль, а того веселья, которое могли бы онѣ мнѣ тогда доставить. Я думаю, Адамъ и Ева, когда ихъ выгнали изъ рая, грызли другъ друга за то, что они не успѣли очистить плодовъ со всего дерева познанія добра и зла.

Джонъ не могъ удержаться отъ смѣха и прибавилъ:—Что-жъ, очень можетъ быть!

— У меня была та бѣда, что я всю молодость свою провелъ безъ отдыха въ грубомъ трудѣ, безъ устали громя мостовую. Я думаю, съ вами было совсѣмъ наоборотъ,—и онъ оглянулся на серебряныя принадлежности туалета, которыя были аккуратно разложены вокругъ.

— Пожалуй,—согласился Джонъ:—Теперь я никогда бы не купилъ такихъ; но разъ, что онѣ есть, я даже очень радъ.

— Вотъ именно! Вотъ именно!—одобрилъ Гарумъ.—А я вотъ эту самую вещицу двадцать лѣтъ собирался купить,—и онъ показалъ свой серебряный портсигаръ:—я вѣдь и то ношу его не каждый день. Изъ году въ годъ я жилъ мечтами, что когда-нибудь у меня будетъ такой портсигаръ, и порой мнѣ начинаетъ казаться, что потому-то именно я и откладывалъ его покупку, что она такъ сильно меня привлекала. Я думаю, вы этого не можете понять?

— Мнѣ кажется, могу.

— И даже нѣтъ, не то! Можетъ быть, откладывалъ я просто оттого, что становится уже непривлекательнымъ то, чего достигаешь. Еще ребенкомъ я мечталъ, какъ бы прекрасно никогда

---

[1]) Англ. „basket“, вмѣсто „casket“—шкатулка, ящикъ. о которой говорится у Шекспира.

не знать отказу въ сдобномъ пирогѣ: а теперь я ѣмъ его единственно изъ любезности къ Полли.

— Ну, а что еще вы себѣ дозволили купить?

— Еще? Первую лошадь, которая мнѣ принадлежала: я заплатилъ за нее пятнадцать долларовъ. Въ ту пору я служилъ при шлюзѣ на каналѣ озера Эри, и все то время, которое оставалось у меня свободнымъ отъ пропуска судовъ, я посвящалъ своей старой, но благородной клячѣ: чистилъ я ее въ день разъ по шести, и даже вставалъ ночью, посмотрѣть, что съ нею. Она была все равно что слѣпа,—не видѣла ни вдали, ни вблизи, и была скопищемъ всевозможныхъ лошадиныхъ пороковъ. Но я такъ ее отходилъ, такъ откормилъ, что она дѣйствительно стала тѣмъ, чѣмъ всегда была въ моихъ глазахъ,—т.-е. лошадью „чистой крови", и даже начала лѣвымъ глазомъ различать кучки сѣна при дорогѣ. Я ее продалъ—и взялъ пятнадцать долларовъ барыша. Затѣмъ сейчасъ же пріобрѣлъ другую, но къ этой по ночамъ ужъ не вставалъ. Годика черезъ три—у меня было уже собственныхъ шестьдесятъ лошадей и муловъ; а къ тому времени, когда мнѣ минулъ двадцать-первый годъ, я получилъ возможность купить себѣ цѣлый табунъ и распрощаться навсегда съ каналомъ. Трудно тамъ было заработывать себѣ на хлѣбъ. Помню, однажды, какой-то капитанъ за что-то разсердился на меня, да и швырнулъ за бортъ. Ужъ было холодно, и вода подернулась тонкимъ слоемъ льда. Я выкарабкался съ грѣхомъ пополамъ; да если бы и утонулъ,—капитанъ врядъ ли пожалѣлъ бы о своемъ поступкѣ. Наши шлюзные рабочіе были народъ крутой, но все-таки обыкновенный: были между ними и черствые, и мягкіе, и глупые, и умные,— но этотъ капитанъ былъ изъ ряду вонъ. Тѣ, для которыхъ я работалъ, приподносили мнѣ подчасъ и колотушки; пища у насъ была почти такая же, какъ у отца моего, дома; но тамъ со мной были грубѣе и кормили если мясомъ, то единственно свинымъ: свинка вареная, свинка жареная, свиной ливеръ и печенка, и т. п.—до того, что мнѣ стыдно стало смотрѣть свиньѣ въ глаза. Но прокормить на маленькомъ участкѣ семью въ одиннадцать душъ—тоже вѣдь не легко.

— Мнѣ бы на вашемъ мѣстѣ больше понравилась жизнь на шлюзахъ,—замѣтилъ Джонъ Лепоксъ.

— Вотъ и мнѣ тоже! И какъ бы мнѣ ни приходилось плохо, ни разу не случалось, чтобъ я пожелалъ вернуться въ Бекстонъ-Гилль. Бывало, размечтаюсь я, что выросту *большой*, и тогда куплю Полли на платье или пару новыхъ сапожекъ... но дальше

золотой булавки мои притязанія не шли. Объ остальныхъ домашнихъ я не вспоминалъ, и дорожилъ своей свободой, хотя начальство у меня и было, что называется, крутѣнько. Большинство монхъ сотоварищей по службѣ было грубовато, но не злобно, и я даже это глубоко цѣнилъ...

Давидъ отхлебнулъ изъ стакана грога, и продолжалъ:

— Кстати о каналахъ,—знаете, что я вспомнилъ? Вотъ какъ я познакомился на Эри съ пѣкіимъ м-ромъ Прайсомъ. Намъ надо было видѣться по дѣлу; онъ ѣхалъ въ Нью-Іоркъ, а оттуда—въ имѣніе, къ себѣ.

— Чтобъ времени не потерять, поѣдемъ ко мнѣ вмѣстѣ!—предложилъ онъ.

— А что на это скажетъ м-съ Прайсъ?—возразилъ я.— О, для нея это будетъ маленькое разнообразіе,—возразилъ мой знакомый; и я согласился. Пріѣхавъ на станцію, мы сѣли въ ожидавшій насъ экипажъ и покатили, при помощи одного господина въ мундирѣ, который насъ подсаживалъ на подножку, и другого, который правилъ лошадьми. Вскорѣ подъѣхали мы къ „коттэджу“ моего пріятеля, а этотъ коттэджъ оказался большимъ каменнымъ домомъ, лишь вдвое меньше отеля на Пятомъ-бульварѣ. Въ домѣ готовилось что-то парадное: онъ весь сіялъ огнями; до насъ доносилась музыка. Что тамъ такое?—спросилъ хозяинъ дома у слуги. — „М-ръ и м-съ такіе-то обѣдаютъ сегодня!“ — Мм... Чортъ! а я и позабылъ! Проводите м-ра Гарума въ его комнату и накройте намъ у меня въ столовой, а затѣмъ проводите ко мнѣ.—Ну, въ этой комнатѣ столько было кружевъ и шелковъ, и зеркалъ, и всякихъ бездѣлушекъ, что, кажется, булавкѣ упасть было нѣгдѣ; а рядомъ—уборная и ванна. Я вымылся, одѣлся, и слуга проводилъ меня къ Прайсу, съ которымъ мы отлично поужинали и запили шампанскимъ. Ну, а на другое утро я проснулся, побрился, одѣлся, и тогда только вошелъ ко мнѣ все тотъ же слуга.—„Звонили, сэръ?“—Нѣтъ, говорю; я ожидалъ звонка.—„Благодарю васъ, сэръ! Прикажете подать вамъ завтракъ?“—Куда?—спрашиваю я.—„О, я принесу его сюда сію минуту!“ (и будто усмѣхнулся). Дѣйствительно, онъ скоро принесъ завтракъ на серебряномъ подносѣ, покрытомъ большущею салфеткой. Тутъ были двѣ длинныя булки, вареное яйцо, маленькій кофейникъ, формочка масла, серебряный ножикъ, колотый сахаръ на серебряномъ блюдцѣ, сливочникъ со сливками, двѣ точно игрушечныя серебряныя ложечки, серебряная перечница, солонка и одинъ апельсинъ; да еще къ чему-то странный, точно фарфоровый стаканчикъ. Человѣкъ поставилъ под-

носъ и спросилъ:—„Прикажете еще чего-нибудь, сэръ?" —Нѣтъ, говорю: тутъ всего такъ много, что мнѣ на два дня хватитъ. Онъ на минуту отвернулся въ сторону и опять проговорилъ:—„Благодарю васъ, сэръ!.. Второй завтракъ въ половинѣ перваго",—и вышелъ вонъ. Ну, все оказалось прекрасно: только масло забыли посолить, а яйцо... вотъ тутъ-то стряслась бѣда! Я почему-то былъ увѣренъ, что оно сварено въ крутую, и со всего размаху его стукнулъ... Изъ него прыснуло чуть не полъведра жидкости, обрызгавшей все мое платье, а главное—брюки! Я до того былъ перепуганъ, что не сразу сообразилъ, что̀ дѣлать. Потомъ бросился оттирать и отмывать злосчастныя пятна, и, успокоившись немного, рѣшилъ пойти подышать чистымъ воздухомъ, до прихода услужливаго лакея.—Съ добрымъ утромъ, Гарумъ!—окликнулъ меня Прайсъ, курившій въ садовой бесѣдкѣ. Мы пошли рядомъ, и я замѣтилъ, что онъ поглядываетъ на мой сюртукъ. (Это, видите ли, высыхая, яичныя пятна выступили наружу).—У васъ что-то тутъ пристало,—замѣтилъ онъ, а я принялся соблить ногтемъ.—Хотите сигару?—„Нѣтъ, благодарю; испортитъ аппетитъ, а я его приберегаю на второй завтракъ". Прайсъ расхохотался:—Простите!—произнесъ онъ наконецъ.—Я собирался завтракать съ вами вмѣстѣ, да проспалъ и забылъ. Я по старинному вѣдь завтракаю основательно сразу поутру, а жена и дочери—на европейскій ладъ,—и днемъ, и утромъ. Я вамъ велю сейчасъ подать; чего бы вамъ хотѣлось?—Но я рѣшительно отказался, и мы занялись дѣловой бесѣдой, которая окончилась только къ двѣнадцати часамъ. Прайсъ оглядѣлъ меня съ головы до ногъ и проговорилъ:—Мы съ вами, кажется, одного роста? Я велю вамъ подать мое платье, а ваше вычистятъ и приведутъ въ порядокъ.—„Но супруга ваша? Что̀ она скажетъ, если вдругъ замѣтитъ, что я разгуливаю въ вашемъ платьѣ?"

— Моя супруга?! — засмѣялся Прайсъ. — Да она знаетъ столько же, какія у меня платья, сколько вы.—Это мнѣ показалось очень страннымъ,—а какъ вамъ?

— Чрезвычайно!—не теряя серьезности, отозвался Джопъ.

— Послѣ завтрака въ общей столовой, — продолжалъ Давидъ,—Прайсъ предложилъ мнѣ покурить и почитать газеты: —Потомъ поѣдемъ покататься.—„А если лошади будутъ нужны женѣ?"—Какъ-нибудь обойдется,—усмѣхнулся онъ. Лошади оказались славныя; только приподнялъ я одну изъ переднихъ ногъ и говорю тихонько кучеру: „Больную заковали?" да подмигнулъ ему, а онъ—мнѣ, чтобъ хозяинъ не замѣтилъ. Ну, прокатились мы прекрасно; а когда вернулись, Прайсъ и говоритъ:—„Вамъ

вѣдь случалось носить фракъ? Я предлагаю вамъ надѣть сегодня мой; мы ждемъ кое-кого къ обѣду, и намъ придется пріодѣться".— Ну, что̀ вы сдѣлали бы на моемъ мѣстѣ?—спросилъ Давидъ Ленокса.

— Надѣлъ бы фракъ безъ дальнихъ размышленій: все равно, вашъ костюмъ не обратилъ бы на себя вниманія...—отвѣтилъ тотъ.

— Вѣрно сказано! Такъ оно и вышло: никто не обратилъ вниманія на то, что я въ чужомъ фракѣ. Слуга предложилъ-было мнѣ помочь одѣться:—Нѣтъ, говорю: я, можетъ быть, и самъ съумѣю все это надѣть.—Дѣйствительно, надѣлось все благополучно: фракъ, и брюки, и жилетъ, и бѣлый галстухъ, и лакированные башмаки и шолковые чулки... И что-жъ я вамъ скажу? Пришелъ мой слуга, чтобы меня окончательно *подправить*, тутъ дернулъ, тамъ подтянулъ немножко... я взглянулъ въ зеркало и... и нашелъ, что все это совсѣмъ даже не дурно!.. А по пути домой я вывезъ себѣ изъ Нью-Іорка такой же точно костюмъ... Онъ цѣлъ еще до сихъ поръ...

— Въ Гомвилѣ, кажется, нѣтъ обыкновенія одѣваться къ обѣду?—съ улыбкой вставилъ Джонъ.

— Конечно, нѣтъ. Здѣсь какъ одѣнутся къ завтраку, такъ и остаются на весь день. Ну, вотъ, къ обѣду вышли мы въ столовую—хозяйка дома взяла меня подъ руку, и мы въ первой парѣ пошли къ столу. — М-ръ Прайсъ очень досадовалъ на вашъ завтракъ,—обратилась она ко мнѣ во время обѣда.—„Въ самомъ дѣлѣ? Я и самъ боялся, что онъ будетъ на меня сердиться".— Но за что̀ же?—удивилась она.—„За салфетку, которую я испортилъ, говорю: ее, пожалуй, придется отдать въ стирку прежде, чѣмъ опять употреблять".—Право, м-ръ Гарумъ, я не понимаю, про что̀ вы говорите,—съ улыбкою замѣтила она.—„Да неужели же никто вамъ ничего не сказалъ? Я, значитъ, долженъ самъ признаться: мнѣ подали къ завтраку яйцо, и я разбилъ его, чтобы очистить, а оно вдругъ возьми да и выпали какъ порохъ старика Мэйби!.. Какъ, вы не знаете, кто онъ былъ такой? Охотникъ, да, охотникъ, и съ нимъ случилось такое приключеніе!.. У него была ферма, а на ферму повадились ходить хорьки и таскать цыплятъ. Вотъ, настроилъ старикъ нѣсколько ловушекъ для хорьковъ и приготовился ихъ пристрѣлить,—да оказалось, что пороху у него не хватаетъ, а какой былъ, тотъ отсырѣлъ, и старикъ Мэйби разложилъ его на сковородѣ да и принялся помѣшивать его палочкой, чтобъ дѣло шло скорѣе. Только пришлось ему за это поплатиться: онъ очнулся весь въ перевязкахъ

и только говоритъ: — Вотъ штука-то! Вотъ штука!— „Что ты, отецъ?“ —спрашиваетъ дочка:—Ахъ, этотъ порохъ, порохъ! Ужъ я ли не тихонько его шевелилъ, а онъ-то выпалилъ такъ, вдругъ! въ одну минуту!—Вотъ такъ же вдругъ выпалило и это яйцо!“ — заключилъ я.—Дѣлать нѣчего (говоритъ со смѣхомъ м-съ Прайсъ). Придется ужъ не взыскивать за это яйцо, хоть ради старшины Мэйби,—и всѣ подхватили ея смѣхъ. Боже! Мы ѣли, ѣли... я думалъ, мы никогда не кончимъ! А винъ-то сколько, винъ!— „Хорошо вы прокатились, м-ръ Гарумъ?“ —спросила меня хозяйка дома:—О, чудесно! (говорю). Я вижу, что у васъ здѣсь бѣдняки на рѣдкость; имъ надобно давать награды, если какой случайно найдется“... Однако, что-жъ это я такъ заболтался?— прибавилъ Гарумъ, глядя на часы:—пожалуй, теперь ужъ не стоитъ одѣваться къ обѣду?

Онъ повернулся, и ушелъ, но, не дойдя до порога, снова обернулся и, не дожидая отвѣта, на ходу спросилъ:

— А вѣдь вы, пожалуй, знали бы, какъ обойтись съ яйцомъ?

XIII.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что все населеніе Гомвиля состояло исключительно изъ такихъ лицъ, какъ упомянутые выше Гарумы, Ларраби, Эльрайты и тому подобные субъекты зажиточнаго класса; Давидъ, можетъ быть, преувеличенно судилъ о вліяніи и роскоши семейства Келломъ, но это дѣло было сорокъ лѣтъ назадъ. Съ тѣхъ поръ населеніе мѣстечка разрослось и, такъ сказать, облагородилось: явилось много образованныхъ и состоятельныхъ людей, къ которымъ лѣтомъ и на каникулы съѣзжалась интеллигентная учащаяся молодежь. Иные владѣльцы спеціально отдавали свои постройки дачникамъ въ наемъ, и на нѣсколько мѣсяцевъ въ году Гомвиль оживлялся пестрой толпой, вносившей съ собой свои нравы и привычки, свой особый колоритъ.

— Я съ ними и знакомъ, но нигдѣ не бываю,—говорилъ какъ-то Гарумъ.—Развѣ по дѣлу, да и то не часто; я вѣдь не здѣшній уроженецъ, а они или ихъ предки—здѣшніе старожилы. Полли—другое дѣло; она отсюда ни на шагъ, и церковь епископальную усердно посѣщаетъ; съ нею всѣ знакомы: женское поколѣніе изрѣдка заходитъ къ ней, ее вообще павѣщаютъ... Полли здѣсь очень популярна... А вы—тоже епископальный?

— Если я гдѣ бываю въ церкви, то въ епископальной

тоже,—съ улыбкой отвѣчалъ Ленноксъ.—У васъ, въ Гомвилѣ, я почти каждый праздникъ бывалъ въ церкви Сентъ-Джемса.

— И васъ замѣтили?

— М-ръ Юстонъ, ректоръ, заходилъ ко мнѣ и познакомилъ, послѣ службы, съ нѣкоторыми изъ своихъ прихожанъ: но дальше вѣжливаго обмѣна визитами я не пошелъ.

— Есть между ними и хуже моей Полли,—продолжалъ Давидъ:—вся разница состоитъ только въ томъ, что они ходятъ въ епископальную церковь и обѣдаютъ въ шесть часовъ. Вотъ, напримѣръ, Теодоръ Верджусъ. Предокъ его былъ, вѣроятно, *нѣмецъ* (Давидъ всѣхъ европейцевъ почему-то объединялъ подъ общимъ названіемъ „нѣмцевъ“, которое онъ употреблялъ какъ нарицательное). И всѣ они—Роджерсы, Свэйны и Верджусъ болѣе или менѣе состоятъ въ родствѣ. Альфъ Верджусъ,—старшій сынъ „нѣмца“, былъ въ Нью-Іоркѣ и служилъ въ Альбани юристомъ, но все-таки сохранилъ за собой свой старый домъ и помѣстье. Кромѣ того, дѣтей только и было, что Теодоръ и его незамужняя сестра. Старикъ все оставилъ старшему,—Альфу (Альфреду), и тотъ съумѣлъ не только сохранить, но даже увеличить состояніе отца; онъ два раза былъ избранъ на три срока въ мѣстный совѣтъ, а впослѣдствіи—въ члены конгресса; но его занятія политикой не повлекли за собою разоренія, и благосостояніе семьи все укрѣплялось.

— Онъ, кажется, довольно добродушный человѣкъ?—замѣтилъ Джонъ, которому это было, въ сущности, не очень интересно.

— Да, человѣкъ дѣльный,—довольно сдержанно подтвердилъ Давидъ.—И за женою (тоже здѣшней семьи Тѐнакеръ) онъ взялъ хорошее приданое. Есть у насъ здѣсь еще старая дѣва, миссъ Алиса, родственница Роджерсовъ,—такъ та, кажется, и двухъ недѣль не отлучалась во всю жизнь свою отсюда. Она всѣхъ знаетъ и всѣхъ старожиловъ называетъ „деревенскими“; но если у кого покойникъ въ домѣ,—она пойдетъ и всякому поможетъ, хоть чашки чаю не подумаетъ никогда предложить.

— Я думаю, вы слышали поговорку,—что „много разныхъ есть людей на свѣтѣ“?—съ улыбкой замѣтилъ Джонъ.

— Да, вотъ, и я не то, что Полли: она ни одной службы не пропуститъ, а я ей обѣщалъ ходить хоть разъ въ годъ, въ день освобожденія, да и не выдержалъ: за пять лѣтъ пропустилъ четыре раза...

Разговоръ вернулся опять къ тѣмъ же лицамъ.

— Да! Въ сущности Альфъ Верджусъ лучше другихъ,—замѣтилъ Гарумъ;—жена и дочери его зимой не живутъ дома, и хозяй-

ство ведетъ незамужняя сестра Альфа. Миссъ Верджусъ (старшая) особенно дружна съ отцомъ. Она очень мила, и миссъ Кларисса также. Послѣднюю какъ-то особенно всѣ любятъ. Я съ ними познакомился тому назадъ четыре года, когда пришлось продать имъ лошадь подъ дамское сѣдло.

— Какъ? Вы ее за дамскую и купили?—удивился Джонъ, зная, что это не его спеціальность.

— Положимъ,—не совсѣмъ. Вотъ какъ это случилось. Я пошелъ утромъ въ житницу и вижу—катитъ во дворъ ко мнѣ коляска Верджуса; въ ней сидитъ старшая миссъ Джулія; рядомъ, верхомъ, — младшая сестра. „Здравствуйте! — говоритъ она.—Вы вѣдь м-ръ Гарумъ?"—Здравствуйте,—отвѣчаю.—Вы, вѣроятно, миссъ Верджусъ?—Она слегка засмѣялась и кивнула головой на даму въ колискѣ:—„Вотъ миссъ Верджусъ; а я—миссъ Кларисса".

Я снялъ шапку, поклонился, и старшая отвѣтила поклономъ. „Я слышала, что у васъ продается лошадь", — начала младшая.—Но у васъ вѣдь есть своя и даже хорошая,—возражаю, кивая на ея скакуна. „Это не моя, а сестрина. Моя повредила себѣ ногу, да такъ сильно, что не знаю, поправится ли она за лѣто?"— У меня, — отвѣчаю, — есть такая лошадь, которая, говорятъ, ходила подъ сѣдломъ, но мнѣ самому не случалось видѣть.—„Вы сами ѣздите?"—Верхомъ?—„Понятно".—Нѣтъ, не ѣзжу, если я и безъ того могу взять барыша.—Она усмѣхнулась и переглянулась съ сестрою.—Можно мнѣ ее видѣть?—спросила она.—„Конечно". Но смотрѣть она долго не стала. Мигомъ соскочила съ своего сѣдла, сняла его съ своей лошади и надѣла на мою; подтянула подпруги и взвилась на сѣдло, при чемъ такъ ловко дала мнѣ себя подсадить, что я диву дался. Прошло двѣ-три минуты, она несется ужъ назадъ, и останавливаетъ лошадь прямо передо мной.—Не можете ли вы отослать домой лошадь сестры?—говоритъ она—а я хотѣла бы остаться на *своей*! Я скажу папа́, чтобы онъ завтра къ вамъ заѣхалъ.—„А можетъ быть, въ цѣнѣ мы не сойдемся",—говорю.—Ну, ужъ сойдетесь!—говоритъ.—А если и нѣтъ, такъ я не уснѣю вамъ ее испортить.—Отъ роду не случалось мнѣ такъ быстро продавать!

— И что́ же? М-ръ Верджусъ былъ самъ у васъ на другой день?—освѣдомился Джонъ.

— Въ десять часовъ утра явился и спрашиваетъ, предварительно прочистивъ горло (какъ-то особенно покашлявъ):—Дочь моя угнала у васъ лошадь; я пришелъ расплатиться. Какая ей цѣна?—„А какъ вамъ кажется: что́ она можетъ сто́ить?"—спра-

шиваю я.—Право, не знаю; я этой лошади не видѣлъ, да, впрочемъ, и не нужно! Матеріально, это никакой разницы не составитъ: я готовъ заплатить, сколько угодно.—„Позвольте, м-ръ Верджусъ! Вы столько же попались въ этомъ, сколько и я: моя лошадь у вашей дочери въ рукахъ. Но вы имѣете дѣло не съ барышникомъ, хоть я и не отрицаю, что въ продажѣ беру барыши. Вы же, банкиръ, имѣете дѣло не съ продавцомъ, а съ Давидомъ Гарумомъ; про себя же я такъ считаю, что имѣю дѣло съ дамой или съ ея отцомъ, по ея порученію“... Банкиръ кашлянулъ опять. — Я не хотѣлъ обидѣть... — „Да я и не вижу никакой обиды,—возразилъ я.—Только вчера еще мнѣ предлагали за эту лошадь сто-семьдесятъ-пять долларовъ, а я сказалъ, что за *такую* цѣну не согласенъ, и съ васъ я не возьму ни цента меньше, какъ сто-семьдесятъ-*шесть*! И—по рукамъ!“ Это совершенно озадачило его, и онъ, покашливая, проговорилъ смущенно: — Я думалъ заплатить не менѣе двухъ сотенъ...—„Хорошо! такъ я за лошадью пришлю. Моя цѣна—сто-семьдесятъ-*шесть* и ни цента больше или меньше“.—Вы меня ставите въ неловкое положеніе, м-ръ Гарумъ; не могу же я дочери сказать, что не хотѣлъ купить ей эту лошадь потому, что вы не захотѣли взять большей цѣны, чѣмъ она стоила вамъ самому? Я... я думаю, что мнѣ придется согласиться на эту... милость съ вашей стороны.—„Никакой милости тутъ нѣтъ; есть только удовольствіе имѣть дѣло съ такимъ прелестнымъ покупателемъ, какъ ваша дочь,—говорю ему. — Вы меня извините, но она у васъ такая шустрая, и если хотите, можете такъ ей и сказать, что каждый разъ, какъ она вздумаетъ купить у меня лошадь, я не пожалѣю бросить двадцать-четыре доллара, только бы ей продать!“ Боялся я, что онъ на меня взъѣстся за эти слова, но онъ и не подумалъ; а вмѣсто того, уходя, пожалъ мнѣ руку, о чемъ не догадался, когда пришелъ. А дочка иначе теперь меня и не встрѣчаетъ, какъ самымъ радушнымъ окликомъ:—Какъ ваше здоровье, м-ръ Гарумъ?—а я ей въ отвѣтъ:—„Еще не истрепался вашъ старый скакунъ? Когда же вы угоните у меня еще лошадь?“

Давидъ всталъ, зѣвнулъ и, подойдя къ окну, проговорилъ:

— Видѣли вы когда-нибудь болѣе глупую погоду? Ни на саняхъ, ни на колесахъ нѣтъ ѣзды. Вся моя конюшня истомилась безъ движенья. Я, кажется, и самъ готовъ заплеснѣть!..

Если бы Джонъ Леноксъ велъ дневникъ въ первый годъ своего пребыванія въ Гомвилѣ, почти сплошь его страницы ока-

зались бы пусты. Ежедневныя занятія въ конторѣ отнимали у него семь часовъ въ сутки, и по мѣрѣ того, какъ дни становились длиннѣе, оставалось все-таки много времени на прогулки пѣшкомъ, въ экипажѣ или на лодкѣ. Нерѣдко Гарумъ возилъ Джона кататься, и для послѣдняго было истиннымъ наслажденіемъ любоваться, какъ умѣло правитъ этотъ любитель и знатокъ лошадей. Когда ему случалось выѣзжать по дѣлу, онъ, какъ говорилъ самъ, „плелся" на одномъ только „старикѣ-Джимѣ", но ради удовольствія, для катанья, впрягалъ въ высокій шарабанчикъ пару „атласныхъ" бѣлыхъ коньковъ.

— Понятно,—говорилъ онъ иногда.—я люблю ѣздить одинъ; но если есть возможность прокатиться вдвоемъ, это тоже пріятно. Вы знаете, я не болтливаго десятка... (Джонъ съ трудомъ могъ подавить улыбку), если меня не навести на разговоръ: но и мнѣ бываетъ иной разъ пріятно, если меня слушаютъ. Хотите прокатиться вмѣстѣ?

— Очень хочу.

— Бывало, я изрѣдка бралъ съ собою Полли: но она такъ боится, что даже сидитъ на кончикѣ, наготовѣ каждую минуту выскочить вонъ изъ экипажа: а возвращаясь домой цѣлой и невредимой, я увѣренъ, она возноситъ благодареніе Небу, что у нея всѣ кости цѣлы.

— Мнѣ кажется, ей нѣчего бояться, если возжи у васъ въ рукахъ?—замѣтилъ Джонъ.

— Разъ какъ-то такъ случилось, что она испугалась и вырвала у меня возжи... и знаете, что я вамъ скажу? Если я теперь ѣзжу, то лишь съ такими людьми, которые сами правятъ такъ же хорошо, какъ я, или даже лучше. А Полли я посовѣтовалъ ѣздить въ закрытой лодкѣ. Оттуда, по крайней мѣрѣ, не выпрыгнешь; да и возжей нѣтъ.

Такъ они вмѣстѣ проводили часы досуга, и надо отдать справедливость Давиду, что онъ былъ покладистый собесѣдникъ; разъ начавъ говорить, онъ не требовалъ отъ своего слушателя отвѣтовъ.

Въ тотъ годъ Джонъ не стремился заводить новыя знакомства, и любопытные могли узнать о немъ только отъ пастора Юстона, который единственно могъ засвидѣтельствовать, что м-ръ Леноксъ—весьма благовоспитанный молодой человѣкъ, настоящій джентльменъ. Всѣмъ нужно было знать, какъ это такъ случилось, что м-ръ Леноксъ попалъ въ Гомвиль и почему онъ живетъ съ Давидомъ и его смѣшной старушкой-сестрицей?

Ничего не могъ имъ сказать на это м-ръ Юстонъ.

— Онъ вообще милъ и любезенъ, но въ откровенности не пускается.—Вотъ все, что̀ отъ него узнали любопытные.

Вторая зима, которая застала Джона въ Гомвилѣ, начиналась для него при нѣсколько иныхъ условіяхъ. Теперь уже опредѣлилось, что Джонъ—общій любимецъ хозяина и хозяйки дома.

— Чортъ меня побери, если я говорю неправду!—увѣрялъ Давидъ своего стараго пріятеля, Дика Ларраби.—Но если мнѣ нужно что-нибудь отъ Полли, я раньше говорю объ этомъ Джону, и онъ уже все устроитъ. Полли няньчится съ нимъ, какъ корова съ теленкомъ.

Въ бесѣдѣ съ своей пріятельницей, Полли говорила:

— Для Давида онъ теперь все на свѣтѣ! Давиду почему-то кажется, что еслибъ его маленькій сынокъ былъ живъ, онъ былъ бы именно такимъ, какъ Джонъ. Я никогда не видѣла этого малютки, но со словъ брата я думаю, что онъ былъ, вѣроятно, рыжій. А вы развѣ не подозрѣвали, что онъ былъ женатъ? Еще бы! Даже нѣсколько лѣтъ. И кто бы, глядя на него, подумалъ, что онъ такъ любитъ дѣтей? Онъ теперь часто вспоминаетъ своего сыночка и любитъ говорить о томъ, какой вышелъ бы изъ него мужчина. Разъ какъ-то мы ѣздили съ нимъ далеко въ дилижансѣ. Ѣхала тамъ же и мать съ плачущимъ ребенкомъ. Давидъ взялъ у нея крошку и нѣжно прижалъ его къ своей широкой груди; ребенокъ не пикнулъ и, успокоившись у него на рукахъ, тихонько задремалъ... Д-да! У меня никогда не было дѣтей, и я не особенно объ этомъ горевала: Джимъ Биксби самъ мнѣ замѣнялъ ребенка, и *тогда* я думала, что съ меня и его одного довольно. Но теперь...

М-съ Биксби не кончила; поэтому трудно сказать, что̀ было у нея на умѣ въ эту минуту.

XIV.

За истекшій годъ, какъ онъ ни дологъ показался Джону, онъ успѣлъ обжиться въ новой обстановкѣ и примѣниться къ ея условіямъ.

Но до сихъ поръ видъ сѣдого старика каждый разъ напоминалъ ему о его потерѣ, и больно щемило тогда сердце у осиротѣлаго сына. Порою нападало на него страстное желаніе оживить хоть въ памяти лицо и голосъ, фигуру и походку дѣвушки, которая была ему такъ дорога и такъ безповоротно вырвана изъ его жизни—все равно, что рукою смерти.

Какъ это ни странно, но ему почему-то въ голову не приходило, что онъ можетъ ей написать на ея старый, нью-іоркскій адресъ, и что ей оттуда могутъ переслать письмо. И не разъ онъ порывался ей писать, когда ему, наконецъ, эта мысль пришла; но онъ тотчасъ же старался себя образумить и отвлечь отъ этого намѣренія,—и дальше этого дѣло пока не шло. Онъ говорилъ себѣ:

„Къ чему? Какая польза поддерживать въ себѣ стремленіе къ невозможному?.. Нѣтъ: лучше постараюсь все забыть. Люди умираютъ, но не отъ любви: и безъ нея многіе обходятся прекрасно. И я, можетъ быть, со временемъ, устроившись, женюсь на какой-нибудь деревенской дѣвушкѣ, и будетъ у насъ цѣлый выводокъ ребятъ".

У Джона, очевидно, былъ несантиментальный, здравый умъ, и, сочувствуя ему, намъ не придется разстраивать себѣ нервы.

Благодаря замкнутому, дѣловому образу жизни, Джону некуда было дѣвать лишнія деньги, и книгъ у него прибавлялось все больше и больше. Водворяясь на жительство у Давида, онъ высказалъ ему свое желаніе нести часть хозяйственныхъ издержекъ; но Давидъ возразилъ, что это не его дѣло, и направилъ его къ м-съ Биксби; а та назначила неизмѣримо малую сумму и увѣряла, что даже эти гроши ей стыдно съ него брать. Послѣ книгъ, которыя не переставали появляться въ „парадной спальнѣ", тамъ же вскорѣ появилось и небольшое піанино, съ полнаго согласія и одобренія тети-Полли.

— Не стоило и спрашивать меня,—сказала она.—Мнѣ все равно, лишь бы *вы* у насъ были. Я музыку люблю, и Давидъ также, хоть слуху у него ни капли! Я подпѣваю въ церкви, а въ молодости даже пѣла. По вечерамъ?.. Ну, да. Когда же вамъ и играть, какъ не по вечерамъ, а Давидъ, не бойтесь, ничего не услышитъ. Когда онъ храпитъ,—къ вамъ, я думаю, слышно?

— Не особенно, и не всегда. То-есть, слышно настолько, чтобы я догадался, что онъ спитъ.

— Ну, если къ вамъ не особенно слышно, такъ и ему не будетъ ваша музыка мѣшать.

Итакъ, піанино пріѣхало и повлекло за собою обычай сходиться по воскреснымъ днямъ въ комнатѣ у Джона. Онъ игралъ, а также и пѣлъ вмѣстѣ съ тетей-Полли нѣкоторыя изъ чувствительныхъ или духовныхъ пѣсенъ, которыя они съ Давидомъ любили, а Давидъ—слушалъ и поучался.

— А что, Дикъ? Я не говорилъ тебѣ, какъ еще отличился Джонъ?—спросилъ онъ однажды.

— Нѣтъ, что-то не припомню.

— Поѣхали мы какъ-то разъ кататься, — продолжалъ Давидъ.—Въ дышлѣ была парочка караковыхъ жеребцовъ. Вотъ я и говорю ему: „Вы правили когда-нибудь?“—Болѣе или менѣе,—говоритъ онъ.—„Хотите сами править?“—Если вы не боитесь мнѣ довѣрить возжи.—„Ну, говорю, вѣдь я тутъ буду!“—и даю ему править. Какъ только онъ взялъ въ руки возжи, я вижу, что ему это не впервые, и покатили мы по лѣсу до того мѣста, гдѣ дорога идетъ уже, и прямо врѣзались въ одну изъ этихъ проклятыхъ машинъ для прокладыванія пути. Долженъ тебѣ сказать, что жеребцамъ это пришлось сильно не по вкусу, и они зашалили, да чуть не повалили шарабанъ! Ужъ какъ же онъ ловко отдернулъ ихъ назадъ и осадилъ, и заставилъ сойти съ узкой дороги! Я *самъ* не могъ бы сдѣлать это умнѣе и проворнѣе, а другого такого ловкаго, какъ я, я не знаю!

— Вамъ-то, я думаю, это было жутко?—замѣтилъ Дикъ.

— Д-да! Была минута, но *ему* я съ удовольствіемъ растворю настежь всѣ мои конюшни!

Послѣ нѣкотораго молчанія, Гарумъ продолжалъ:

— Кажется, нѣтъ ничего такого, чего онъ не съумѣлъ бы сдѣлать. Послѣдняя у насъ новость—піанино. Да, сэръ! У меня теперь даются настоящіе концерты. Приходите! „Входъ безплатный; дѣти платятъ половину“. Нѣтъ, послушали бы вы, какъ они съ Полли распѣваютъ!

Между тѣмъ, знакомство Джона съ м-ромъ Юстономъ перешло почти въ дружбу и они часто видѣлись по вечерамъ: то Джонъ ходилъ къ ректору, то ректоръ заходилъ къ Джону—поболтать и выкурить сигару. Какъ-то разъ, осенью, м-ръ Юстонъ подошелъ къ піанино и началъ просматривать ноты, разложенныя на крышкѣ; въ томъ числѣ оказались два-три гимна.

— А вы человѣкъ музыкальный,—проговорилъ онъ.

— Въ весьма скромныхъ размѣрахъ,—былъ отвѣтъ.

— У меня весьма мало познаній въ музыкѣ и мнѣ очень жаль. Я люблю музыку, но желалъ бы ее лучше знать... Это главная мука въ моей жизни.

Джонъ вопросительно взглянулъ на него.

— Я говорю про то, что называется музыкой въ Сентъ-

Джемсѣ. Меня не удивляетъ, что вы улыбаетесь; но мнѣ не до смѣху!

— Простите, пожалуйста!

— Полноте, не извиняйтесь. Но право же... въ жизни священника не мало непріятнаго и удручающаго душу. Я все могу снести, но музыкальная сторона моего дѣла—вотъ что̀ свыше силъ моихъ! Это—неизсякаемый источникъ тревоги и заботъ, досады, огорченій... Я, кажется, больше трачу нервовъ на эту отрасль моихъ обязанностей, нежели на все остальное. Видите, мы не имѣемъ средствъ платить пѣвцамъ или пѣвицамъ, и даже нѣкоторые изъ моихъ прихожанъ считаютъ, что пятьдесятъ долларовъ—слишкомъ высокая цѣна для бѣдной миссъ Кнапъ, нашей органистки; остальные—любители, да и то почти насильно привлеченные въ нашъ хоръ. Такъ, считается, что у насъ будто бы есть два сопрано и два альта; но въ дѣйствительности бываетъ, напримѣръ, что ни одного сопрано не оказывается на лицо, потому что *каждая* думаетъ, что другая обойдется безъ нея. На тенора, м-ра Геббера, пожилого и очень набожнаго господина, еще можно положиться... въ размѣрѣ его силъ, но силы его небольшія, если принять въ разсчетъ, что онъ почти безъ голоса. А м-ръ Литль, нашъ басъ... Ну, чѣмъ меньше про него говорить, тѣмъ лучше.

— А органистка? Кажется, она очень хорошая музыкантша?

— Миссъ Кнапъ—единственное, всепримиряющее явленіе, но у нея нѣтъ смѣлости вмѣшаться: м-ръ Гебберъ номинально считается нашимъ регентомъ, но онъ въ музыкѣ мало свѣдущъ.

М-ръ Юстонъ печально усмѣхнулся.

— Да, это испытаніе довольно тяжкое въ обыкновенный праздникъ; но когда приходитъ Пасха или Рождество, когда *мои* лѣзутъ изъ кожи вонъ въ своемъ усердіи изобразить что-нибудь чрезвычайное, получается нѣчто отчаянное, невообразимое!

Джонъ не могъ удержаться, чтобы не разсмѣяться.

— Еще бы! Я думаю, это все не легко перенести.

— Эта забота меня гложетъ! — согласился м-ръ Юстонъ и нѣсколько минутъ курилъ молча, очевидно, углубившись въ созерцаніе своихъ тяжкихъ бѣдствій.

— Я слышалъ вашъ голосъ въ церкви,—произнесъ онъ наконецъ.

— Д-да?

— Да... и замѣтилъ, что вы поете, какъ человѣкъ опытный въ пѣніи и знающій церковную службу... Я сюда пришелъ не съ этой цѣлью, но ваше піанино и ваши ноты опять навели

меня на эту мысль... Вы не можете себѣ представить, какую услугу вы оказали бы мнѣ, если бы согласились. И не мнѣ одному, а всѣмъ прихожанамъ и самой церкви.

Джонъ задумчиво пощипывалъ усы и отвѣчалъ не сразу, а м-ръ Юстонъ глазъ съ него не сводилъ.

— Право, не знаю, что̀ сказать,—проговорилъ Джонъ наконецъ.—Боюсь, что вы слишкомъ на меня понадѣетесь и ошибетесь... не въ моемъ добромъ желаніи, конечно, а въ моемъ искусствѣ. Вы вѣдь, кажется, разсчитываете на меня, чтобы подтянуть вашъ хоръ?

— Да; просить васъ принять участіе также и въ пѣніи, пожалуй, слишкомъ много?

— Мнѣ не случалось быть регентомъ и управлять хоромъ, —возразилъ Джонъ,—но я неоднократно пѣлъ въ церковномъ хорѣ. Допустимъ, что я и въ этомъ дѣлѣ могу быть полезенъ; но какъ посмотрятъ на это остальные? Не принесетъ ли вамъ мое вмѣшательство больше вреда, чѣмъ пользы? Вы знаете, такіе люди склонны завидовать и ревновать.

— О, да; еще бы! Но въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется, можно быть спокойнымъ. Ваше нью-іоркское происхожденіе придастъ вамъ особую цѣну въ ихъ глазахъ, а любопытство и новизна вашего появленія облегчатъ вамъ ваше начинаніе.

Въ дверь постучались, и м-ръ Гарумъ, заглянувъ, хотѣлъ скорѣе уйти.

— Не уходите! Вы знаете м-ра Юстона, конечно? — остановилъ его Ленокъ.

— Радъ васъ видѣть! Вы говорите о дѣлахъ? — спросилъ гостя Гарумъ.

— Да, вотъ, пытаюсь убѣдить м-ра Ленокса, чтобы онъ сдѣлалъ мнѣ большое одолженіе.

— Ну, я думаю, онъ не потребуетъ такой массы убѣжденій, если въ состояніи исполнить вашу просьбу. Ну, чего онъ отъ васъ хочетъ?—обратился Давидъ къ Джону.

Джонъ объяснилъ, прибавивъ, что его особенно безпокоитъ, что это дѣло будетъ для него не столько хлопотливо, сколько неуспѣшно и для прочихъ непріятно.

— Ну, что касается самаго дѣла, для меня это пустяки, а насчетъ пѣнія вы можете привлечь хоть цѣлый амбаръ народу. Человѣкъ, который справился съ лошадьми на узкой дорогѣ, конечно, справится съ какимъ-нибудь пяткомъ женщинъ.

— Ну, *вы* такъ же хорошо, какъ я, съумѣли бы справиться съ лошадьми,—съ улыбкой возразилъ Ленокъ.

— Да, да! На этомъ вы меня поймали,—проговорилъ Давидъ;—а все же...

М-ръ Юстонъ, видя, что Давидъ почему-то тянетъ на его сторону, поспѣшилъ проститься и предоставилъ имъ бесѣдовать наединѣ.

— Онъ очень милый человѣкъ, — замѣтилъ Гарумъ, когда Джонъ вернулся, проводивъ гостя:—Да, очень милый человѣкъ! И, кажется, единственный, съ которымъ вы свели знакомство. Но ничего, онъ къ намъ подходитъ. И, говорятъ, онъ хорошаго происхожденія... Какъ онъ вамъ кажется?

— Мнѣ кажется, что для меня его бесѣда пріятнѣе, чѣмъ его проповѣдь. Я его люблю, и онъ, повидимому, относится серьезно къ этому вопросу; но я не увѣренъ, могу ли въ самомъ дѣлѣ быть ему полезенъ, а между тѣмъ мнѣ, можетъ быть, слѣдовало бы попытаться...

— Я бы на вашемъ мѣстѣ попытался! Вреда отъ этого для васъ не будетъ, а можетъ быть будетъ и польза. Вамъ не мѣшаетъ сдѣлать лишнія знакомства, для начала...

— Знакомства съ „какими-нибудь тремя упряжками женщинъ“, какъ вы говорите,—съ усмѣшкой подсказалъ Джонъ.

— Я не про нѣвчихъ говорю, а вообще. И это будетъ лучше, чѣмъ если бы м-ръ Юстонъ васъ представилъ, какъ будто вы его о томъ просили. И понемножку вы привыкнете, конечно; не все же вамъ сидѣть со мной и съ Полли. Какое мы для васъ общество? Вамъ не мѣшаетъ иной разъ перемѣнить кормъ. Если вамъ это пѣніе и не доставитъ больше ничего, какъ займетъ у васъ нѣсколько зимнихъ вечеровъ,—и то уже хорошо. Говорятъ, что собакѣ полезно, если у нея водится приличное количество блохъ: это не даетъ ей забывать, что она — собака...

— Можетъ быть, вы и правы,—сказалъ Джонъ.—Я даже не сомнѣваюсь, что вы правы, и послѣдую вашему совѣту.

— Благодарю васъ, — отвѣтилъ Давидъ. — Положимъ, я не Соломонъ, а все-таки могу смекнуть: когда лошадь долго застоялась въ конюшнѣ, то это все равно, что человѣкъ, который засидѣлся...

Весьма возможно, что, призывая Джона къ себѣ на помощь, м-ръ Юстонъ не подозрѣвалъ, какое бремя онъ взваливаетъ на него; весьма возможно, что знай онъ заранѣе, какъ ему тяжело придется, онъ и самъ постарался бы ожесточить свое сердце противъ своей просьбы и противъ совѣтовъ Давида. Положимъ, м-ръ Гебберъ былъ радъ его вмѣшательству, и помогалъ ему усердно; дамы, не особенно податливыя сначала, тоже сдѣ-

лались привѣтливы и старательны; миссъ Кнапъ—органистка—все время была мила... Но басъ—м-ръ Литль—былъ признанъ безнадежнымъ и выключенъ изъ хора. Несмотря на то, что это не согласовалось съ его намѣреніями, Джонъ вынужденъ былъ взять на себя партію баса, чтобъ только спасти хоръ, а вмѣстѣ съ нимъ и положенные на него труды.

Не входя въ подробности этихъ трудовъ и волненій, можно, однако, съ достовѣрностью сказать, что церковный хоръ оказалъ значительные успѣхи, къ великой радости самого м-ра Юстона и къ удовольствію его многолюдной паствы.

Да! По воскреснымъ днямъ собраніе вѣрующихъ теперь поражало своимъ многолюдствомъ и своимъ блескомъ. Дамы въ пестрыхъ нарядахъ, мужчины менѣе нарядные, но тоже въ собственныхъ экипажахъ, весело разъѣзжались по домамъ и расходились, дружно бесѣдуя между собою. М-ръ Юстонъ наскоро снималъ свое церковное облаченіе и спѣшилъ смѣшаться съ толпою своихъ прихожанъ.

Въ одно изъ воскресеній, въ прекрасный лѣтній день, Джонъ Ленокъсъ дольше обыкновеннаго оставался на хорахъ, занятый своимъ дѣломъ, и когда спустился съ церковнаго крыльца, то уже никого не нашелъ по близости: отставшіе виднѣлись на дорогѣ, и только у воротъ стояла небольшая группа бесѣдующихъ—ректоръ и двѣ дамы, въ которыхъ Джонъ узналъ обѣихъ миссъ Верджусъ. Онъ приподнялъ шляпу и хотѣлъ пройти мимо; но м-ръ Юстонъ остановилъ его.

— Постойте! Я васъ сейчасъ представлю миссъ Верджусъ!—окликнулъ его ректоръ, и старшая изъ сестеръ, одѣтая въ черное „кружевное“ (по мнѣнію Джона) платье, отвѣтила легкимъ наклоненіемъ головы и довольно равнодушнымъ взглядомъ своихъ темныхъ глазъ. Младшая, синеокая дѣвушка, напротивъ, весело окинула Ленокса привѣтливымъ взглядомъ и открыто протянула ему руку, прибавивъ нѣсколько словъ обычнаго заявленія, что она „рада познакомиться“...

— Мы именно о васъ говорили...—замѣтилъ ректоръ.

— Вы здѣсь творите чудеса, — соблаговолила произнести темноокая.—Мы дня два какъ пріѣхали и сегодня въ первый разъ были въ церкви.

— Нѣтъ, право! Вы не можете себѣ представить, какая разница противъ прежняго!—подхватила Клара.—Намъ-то это пріятно, но для васъ была, должно быть, мука смертная!

— По временамъ, дѣйствительно, бывало трудновато,—со-

гласился Джонъ,—но теперь вы такъ добры, что мое дѣло начинаетъ мнѣ казаться самымъ заманчивымъ, пріятнымъ.

— Очень мило! Скажите: вы привыкли много говорить такихъ милыхъ словъ?

— У меня мало практики и нѣтъ случая...

— Вамъ нечего отчаяваться: хорошая выправка много значитъ, и вы скоро привыкнете опять.

— Благодарю за то, что меня ободрили; а то я совсѣмъ упалъ духомъ...—Миссъ Клара слегка засмѣялась.

— Въ прошломъ я много слышала про васъ отъ вашего большого друга... (Джонъ удивленно вскинулъ на нее глазами) м-съ Биксби. Ну, не восхитительная ли она старушка?

— О, да!

— И если у васъ уши не горѣли въ это время,—въ васъ, значитъ, нѣтъ ни капли чувства благодарности. А м-ръ Гарумъ? Вотъ забавникъ!

— Такъ я и зналъ!—смѣясь, подхватилъ Джонъ.—Онъ мнѣ разсказывалъ, какъ одна молодая дама угнала у него лошадь...

— Онъ вамъ разсказывалъ? Ну, въ самомъ дѣлѣ?.. Что вы могли подумать обо мнѣ?

— То же, что думалъ м-ръ Гарумъ, вѣроятно.

— А именно?

— Простите, но мнѣ сегодня ужъ досталось...

Миссъ Клара засмѣялась.

— Мы съ м-ромъ Гарумомъ большія „милашки“,—какъ онъ говоритъ.—Хорошее это слово: „милашки“?—спросила она.

— Мнѣ кажется, что на его языкѣ это все равно, что „задушевные друзья“.

Въ разговорѣ они не замѣтили, какъ дошли до конца улицы, которая упиралась въ дорогу, огибавшую озеро.

— А, вонъ и самъ Давидъ!—воскликнула миссъ Клара.—Я его еще не видала. Здравствуйте, м-ръ Гарумъ! Какъ поживаете?

— А вы какъ, миссъ Кларисса? Я, слава Богу, здоровѣю съ каждымъ днемъ; да и васъ держатъ, видно, не на плохомъ корму. Съ каждымъ годомъ вы все хорошѣете. Я думаю, трудненько ограждать васъ отъ жениховъ. Какъ ваши всѣ?

— Благодарю, прекрасно. А м-съ Биксби?

— Очень она меня заботитъ; какъ будто не совсѣмъ хорошо. Вѣситъ, пожалуй, не больше, чѣмъ я самъ,—мрачно отозвался тотъ.

Клара не могла удержаться отъ смѣха.

— А что моя лошадка, Керби?

— Старикъ—все тотъ же: еще дышетъ: только слабъ и хилъ. Я думаю, придется мнѣ вамъ скоро пріискать другую, а пока... что-жъ, пожалуй, и Керби вамъ еще послужитъ. Я завтра утромъ вамъ его пришлю... А вотъ *его* гдѣ вы поймали? Пришлось вамъ гнаться за нимъ въ карьеръ, чтобы его нагнать?

— Нѣтъ, м-ръ Юстонъ для меня его словилъ, — слегка краснѣя и вызывая краску на лицѣ у Джона, возразила Клара. —Я думаю, мнѣ ужъ пора къ сестрѣ; а м-ръ Ленокъ можетъ домой вернуться съ вами. До свиданія, м-ръ Гарумъ; буду рада своему Керби во всякое время, когда вамъ будетъ удобно къ намъ его прислать. М-ръ Ленокъ!.. Мы будемъ рады видѣть васъ у себя, когда бы вамъ ни вздумалось къ намъ заглянуть. —Она взяла у Джона свой молитвенникъ и сборникъ гимновъ и ушла.

Джонъ пошелъ садиться въ телѣжку, а Давидъ обернулся— посмотрѣть ей вслѣдъ.

— Посмотрите, какъ она идетъ! Какова походка?

— Прелестная дѣвушка!—согласился Джонъ.

— Она та самая, что у меня угнала лошадь, а я зимой берегу ей Керби у себя на конюшнѣ.

— Знаю, знаю! Она ужъ говорила, и говорила также, что вы съ нею—большіе друзья.

— Ну? Въ самомъ дѣлѣ?... Да, сэръ, вотъ дѣвушка, такъ дѣвушка, и будь я... лѣтъ на тридцать моложе, она сбѣжала бы со мной такъ же просто, какъ съ лошадью тогда.

— Прелестная дѣвушка!—повторилъ Джонъ задумчиво.

— Мнѣ кажется, о дѣвушкахъ я не могу судить, какъ обо всемъ другомъ, — продолжалъ Давидъ, — но думаю, что съ ея стороны главныя условія для брака—„дружба и любовь“... Ну, ну, старушка! Шевелись!—прикрикнулъ онъ на Джинни и не больно, а почти ласково стегнулъ ее бичомъ.

Лошадка прибавила шагу. Еще нѣсколько минутъ—и они были дома.

А. Б.—г—.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ

и

А. А. ФЕТЪ.

Ни одно изъ близкихъ знакомствъ И. С. Тургенева, за исключеніемъ отношеній его къ гр. Л. Н. Толстому, не возбуждаетъ столько вопросовъ, какъ долголѣтняя его дружба съ А. А. Фетомъ (Шеншинымъ).

Жрецъ чистой поэзіи, враждебный всякому сознательному творчеству въ дѣлѣ искусства, съ одной стороны,—и глубокій наблюдатель общественной жизни, ея, такъ сказать, психологіи —съ другой: человѣкъ, сомнительно и недовѣрчиво относившійся къ либеральнымъ реформамъ царствованія императора Александра II, и—въ противоположность ему—писатель, горячо „способствовавшій высокимъ предначертаніямъ" своего государя, какъ выразился Тургеневъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Царю-Освободителю. Что, казалось бы, могло соединять ихъ? Откуда взяться дружескимъ отношеніямъ между людьми, изъ которыхъ одинъ готовъ былъ радоваться, что своей настоящей родовой фамиліей (Шеншинъ) онъ не причастенъ литературѣ, а фигурируетъ въ ней лишь своей случайной фамиліей—Фетъ; другой же—такъ высоко ставилъ званіе литератора, что искренно скорбѣлъ о правительственныхъ карахъ, падавшихъ на органы печати, даже враждебно къ нему настроенные?

Какъ, наконецъ, объяснить взаимныя симпатіи двухъ нравственныхъ личностей, изъ которыхъ одна—полна безкорыстія самаго трогательнаго, а другая относилась къ матеріальнымъ

интересамъ — практически? Такіе вопросы невольно возникаютъ обыкновенно въ читателѣ при поверхностномъ, бѣгломъ знакомствѣ съ литературой воспоминаній и писемъ, относящихся къ знаменитому русскому романисту. Эти вопросы остаются не вполнѣ разрѣшенными и съ установленіемъ того факта, что Иванъ Сергѣевичъ впослѣдствіи все-таки разошелся съ Фетомъ. До разрыва съ Фетомъ дружба ихъ продолжалась 20 лѣтъ, съ 1853 по 1874 годъ.

Въ предисловіи къ своимъ „Воспоминаніямъ“ Фетъ спрашивалъ себя: „Когда послѣдняя грань такъ недалека, то при извѣстномъ духовномъ настроеніи самымъ главнымъ и настойчивымъ вопросомъ является: что же значитъ эта долголѣтняя жизнь?“ — и по отношенію къ себѣ даетъ такой отвѣтъ: „Только озирая обѣ половины моей жизни, можно убѣдиться, что въ первой судьба съ каждымъ шагомъ лишала меня послѣдовательно всего, что казалось моимъ неотъемлемымъ достояніемъ. Въ воспроизводимой мною въ настоящее время половинѣ, излагаются, напротивъ, тѣ сокровенные пути, которыми судьбѣ угодно было самымъ настойчивымъ и неожиданнымъ образомъ привести меня не только къ обладанію утраченнымъ *именемъ*, но и связаннымъ съ нимъ *достояніемъ* до самыхъ изумительныхъ подробностей“.

Даже при поверхностномъ чтеніи записокъ Фета легко можно увидѣть, что „имя“ и „достояніе“ понимаются имъ лишь въ узко-сословномъ и матеріальномъ смыслѣ. Въ его воспоминаніяхъ довольно часто и совсѣмъ некстати, безъ всякаго отношенія къ нити разсказа или характеристикѣ выводимыхъ лицъ, встрѣчаются упоминанія различныхъ болѣе или менѣе чиновныхъ лицъ. Читатель найдетъ у него не мало страницъ, гдѣ въ приподнятомъ тонѣ, съ замѣтнымъ подчеркиваніемъ говорится, что вотъ такой-то членъ его семьи хорошо объяснялся по-французски, а такой-то выѣзжалъ четверикомъ въ типичномъ помѣщичьемъ экипажѣ и т. д. Какъ будто никому неизвѣстно, что въ крѣпостное время помѣщикъ даже средней руки легко могъ говорить не на одномъ французскомъ языкѣ и выѣзжать не въ однихъ старомодныхъ экипажахъ, а и въ дорогихъ заграничныхъ. Въ тѣхъ же воспоминаніяхъ мы найдемъ не мало подробностей, рисующихъ всѣ перипетіи постепеннаго обогащенія автора и излагающихъ множество практическихъ совѣтовъ, какъ получше жить, обладая малыми средствами. Читая нѣкоторыя главы мемуаровъ Фета, можно подумать, что они составлены на основаніи домашнихъ его приходо-расходныхъ книгъ: до такой степени онъ точно помнитъ всякій расходъ, начиная отъ двугривеннаго или отъ двухъ

франковъ за границей, съ указаніемъ, когда и на что именно они потрачены.

Вступая въ бракъ, Фетъ больше всего заботится, интересуется матеріальной стороной дѣла, съ любовью описывая свою новую карету, пару воейковскихъ вороныхъ лошадей и проч.,—холодно и безучастно касаясь сердечной, такъ сказать, стороны дѣла. Болѣзненно развитое влеченіе къ аристократизму, если можно такъ выразиться, и къ обогащенію стало основнымъ мотивомъ въ жизни Фета недаромъ. По его собственному признанію, всю свою „сознательную жизнь съ 14-лѣтняго возраста" онъ „промучился" мыслью, что онъ—Фетъ, а не Шеншинъ, тогда какъ весь, цѣликомъ принадлежалъ къ послѣдней фамиліи. Рожденный отъ брака по лютеранскому обряду, совершённому за границей, мальчикъ въ Россіи, неожиданно для семьи, оказался какъ бы незаконно-рожденнымъ, такъ какъ лишь послѣ появленія его на свѣтъ мать (нѣмка, еврейскаго происхожденія) приняла православіе и вторично повѣнчалась по обрядамъ нашей церкви. Ему часто и неловко напоминали странность появленія Фета въ семьѣ Шеншиныхъ; но какъ сюда замѣшался Фетъ и почему Фетъ родной братъ Шеншинымъ—никто не умѣлъ или не хотѣлъ объяснить. И это печалило и мучило нашего поэта въ теченіе 38-ми лѣтъ сознательной его жизни, пока онъ случайно не напалъ на счастливую мысль и не испросилъ Высочайшаго соизволенія (1873 г.) на присвоеніе себѣ фамиліи Шеншина. Въ письмѣ, отъ 15-го января 1874 г., графъ Л. Толстой писалъ ему по поводу перемѣны фамиліи: „Я всегда замѣчалъ, что это (т.-е. фамилія „Фетъ") мучило васъ, и хотя самъ не могъ понять, чѣмъ тутъ мучиться, чувствовалъ, что это должно было имѣть огромное вліяніе на всю вашу жизнь". Стремленіе къ обогащенію, къ матеріальнымъ благамъ, принимало у Фета излишне острый характеръ въ силу подобныхъ же случайностей. Напримѣръ, его дядя, П. П. Шеншинъ, скоропостижно умеръ въ самый годъ окончанія курса своего племянника, не успѣвъ передать послѣднему ста тысячъ рублей, на которые Фетъ вполнѣ могъ разсчитывать, имѣя соотвѣтствующія устныя и письменныя увѣренія. Насколько подобныя неудачи вызывали излишнія заботы о деньгахъ—видимъ изъ письма даже столь доброжелательно относившагося къ нему гр. Л. Толстого (6-го апрѣля, 1878 г.): „Хотя и люблю васъ такимъ, какой вы есть, всегда сержусь на васъ за то, что „Марѳа печется о многомъ, тогда какъ единое есть на потребу". У васъ такъ много привязанности къ житей-

скому, что если какъ-нибудь оборвется это житейское, вамъ будетъ плохо".

Случайно среди знакомыхъ Фета, строго избираемыхъ изъ людей хорошаго общества, оказались литераторы,—это благопріятно отозвалось на его талантѣ. Но онъ могъ сближаться съ Тургеневымъ, съ гр. Л. Толстымъ, и совершенно не понималъ, какъ Иванъ Сергѣевичъ могъ быть знакомъ съ бывшимъ крѣпостнымъ крестьяниномъ—поэтомъ Шевченкой. Фетъ разсказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ", что, встрѣтивъ раза два „весьма неопрятную сѣрую смушковую шапку Шевченко" на окнѣ Тургеневской квартиры въ Петербургѣ, онъ готовъ былъ признать, что Иванъ Сергѣевичъ „n'était pas un enfant de bonne maison". Встрѣчаясь у того же Тургенева съ Писемскимъ, Фетъ ничего не нашелъ сообщить объ этомъ писателѣ въ своихъ „Воспоминаніяхъ", какъ только то, что онъ, „плотно покушавши, дозволялъ себѣ громкую отрыжку". Несмотря на эту неумѣстную брезгливость, Фетъ до начала 60-хъ годовъ все же принадлежалъ скорѣе къ прогрессивному лагерю русскихъ писателей, чѣмъ къ представителямъ узкаго консерватизма. Въ 50-хъ годахъ его представительная фигура въ гвардейской уланской формѣ нерѣдко появлялась въ кружкахъ наиболѣе богатыхъ литераторовъ: Тургенева, Панаева, гр. Кушелева-Безбородко, кн. Одоевскаго и другихъ. Съ этими литературными дѣятелями сводилъ его главнымъ образомъ Тургеневъ, подъ сильнымъ вліяніемъ котораго Фетъ находился въ то время. Иванъ Сергѣевичъ не давалъ проявляться одностороннимъ влеченіямъ своего друга, всячески сдерживалъ его, и Фетъ, подъ вліяніемъ искренняго участія Тургенева и къ его таланту, и къ его матеріальнымъ невзгодамъ въ то время, подъ обаяніемъ, наконецъ, привлекательной свѣтскости Ивана Сергѣевича, какъ бы стыдился идти въ разрѣзъ съ мнѣніями своего друга, какъ будто рѣшился тапть свое про себя. „Современникъ" и „Отечественныя Записки" платили хорошія деньги за стихотворенія Фета. Такъ Некрасовъ давалъ по 25 руб. за каждое стихотвореніе; Краевскій, за помѣщеніе въ своемъ журналѣ перевода Одъ Горація, далъ Фету 1.000 руб. и 500 отдѣльныхъ оттисковъ. Уже этотъ одинъ фактъ обязывалъ нашего поэта къ сдержанности и осторожности.

Совсѣмъ не то сталъ проявлять Фетъ съ начала 60-хъ годовъ. Скрытые до сихъ поръ матеріальные и отчасти ретроградные инстинкты съ этого времени стали все сильнѣе и сильнѣе выбиваться наружу. Фетъ въ своихъ взглядахъ пересталъ стѣсняться; въ тонѣ его рѣчей появилась самоувѣренность; свои по-

ступки онъ готовъ былъ рекомендовать какъ образцы житейской мудрости. Что благопріятствовало этому? Женившись на дѣвушкѣ изъ состоятельной купеческой семьи Боткиныхъ въ 1857 г., Фетъ этимъ самымъ положилъ начало своему постепенному обогащенію. Ставъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ сказать, на свои ноги, онъ пересталъ нуждаться въ связяхъ съ литературными кружками, оказывавшими ему иногда довольно сильную денежную поддержку. Несмотря на то, что слава его, какъ поэта, достигла къ тому времени наибольшей высоты,—что въ свою очередь не могло не вліять на развитіе въ немъ извѣстной самоувѣренности,— несмотря на это, повторяемъ, въ литературной дѣятельности его скоро наступаетъ перерывъ. До 1877 г. онъ почти ничего не пишетъ, погруженный въ чисто практическія дѣла по сельскому хозяйству и по должности мирового судьи. На пробужденіе односторонникъ симпатій у Фета не мало вліялъ и Василій Боткинъ, на сестрѣ котораго онъ былъ женатъ. Съ 1863 г. въ воззрѣніяхъ автора „Писемъ объ Испаніи“ произошелъ довольно крутой переломъ, заставившій Тургенева выразиться въ письмѣ къ Анненкову, написанномъ послѣ смерти В. П. Боткина 5-го ноября (24-го октября) 1869 г., такъ: „Удивительно ретроградные инстинкты и предубѣжденія сидѣли въ этомъ московскомъ купеческомъ сынѣ. Не хуже любого прусскаго Junker'а или николаевскаго генерала... Литература для него все-таки отзывалась чѣмъ-то въ родѣ бунта“. Родственная связь его съ Фетомъ, перешедшая и въ тѣсныя дружескія отношенія, сильно содѣйствовала развитію узкаго консерватизма и матеріальныхъ влеченій нашего поэта. Сдерживающее вліяніе Тургенева исчезло послѣ того, какъ Фетъ неловко и неделикатно вмѣшался (1866 г.) въ распрю Ивана Сергѣевича съ его дядей — управляющимъ, о чемъ еще будемъ говорить дальше. Сближеніе Фета съ Катковымъ съ начала 70-хъ годовъ довершило дѣло. Какъ нарочно, изъ писателей, стоявшихъ внѣ всякихъ литературныхъ и другихъ теченій, онъ въ серединѣ 60-хъ годовъ близко сошелся съ гр. Л. Толстымъ, который очень симпатично относился къ Фету. „Вы человѣкъ, — писалъ ему гр. Толстой 7-го ноября 1866 г.,—котораго, не говоря о другомъ, по уму я цѣню выше всѣхъ моихъ знакомыхъ, и который въ личномъ общеніи даетъ одинъ мнѣ тотъ другой хлѣбъ, которымъ кромѣ *единаго* будетъ сытъ человѣкъ“. Въ другомъ письмѣ, отъ 27-го іюня 1867 г., онъ писалъ Фету по поводу Тургеневскаго „Дыма“, ему не совсѣмъ понравившагося: „Еще одинъ кончилъ (т.-е. Тургеневъ). Желаю и надѣюсь, что никогда не

придетъ мой чередъ. И о васъ то же думаю. Я отъ васъ все жду, какъ отъ 20-лѣтняго поэта, и не вѣрю, чтобы вы кончили. Я свѣжѣе и сильнѣе васъ не знаю человѣка. Потокъ вашъ все течетъ, давая то же извѣстное количество ведеръ воды — силы. Колесо, на которое онъ падалъ, сломалось, разстроилось, принято прочь, но потокъ все течетъ и, ежели онъ ушелъ въ землю, онъ гдѣ-нибудь опять выйдетъ и завертитъ другія колеса". Приведенныя строки тѣмъ большее имѣютъ значеніе, что написаны въ виду начавшагося перерыва въ литературной дѣятельности Фета. Тѣ же похвалы раздавались много и позднѣе. Въ письмѣ отъ 29-го апрѣля 1876 г., гр. Толстой называетъ, напр., Фета „рѣдкимъ, *настоящимъ* человѣкомъ".

Чтобы лучше уяснить себѣ послѣ всего вышеизложеннаго причину искренняго и продолжительнаго расположенія Толстого къ Фету, необходимо коснуться одной еще особенности въ характерѣ послѣдняго. Авторъ „Войны и Мира" высказалъ какъ-то разъ Фету: „Есть люди, которые на словахъ живутъ гораздо выше своей практической морали; но есть и такіе, которые живутъ ниже этого уровня; вы же до такой степени боитесь, чтобы проповѣдь ваша не была выше вашей практики, что вы преднамѣренно заноситесь съ нею гораздо ниже этого уровня". Даже въ самой манерѣ воспроизведенія прошлаго въ „Воспоминаніяхъ" Фета проскальзываетъ это не то невольное, не то предумышленное стремленіе, которое заставляетъ въ концѣ концовъ думать о человѣкѣ гораздо лучше, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Это своего рода зангрываніе облекалось иногда въ чрезмѣрно наивныя формы, въ претензію выставить себя чуть ли не невиннымъ мальчикомъ. Такъ, въ одномъ изъ писемъ къ нему Тургенева (26-го февраля 1872 г.) читаемъ: „Прочтя ваше изумительное изреченіе, что „я (И. С. Т.) консерваторъ, а вы (А. А. Ф.) радикалъ",—я воспылалъ лирическимъ паѳосомъ и грянулъ слѣдующими стихами:

Рѣтено! Ура! Виватъ!
Я—Шешковскій; Фетъ—Маратъ!
Я—презрѣнный вольтерьянецъ...
Фетъ—возвышенный спартанецъ!
Я—буржуй и доктринеръ;
Фетъ—ре-во-лю-ці-о-неръ!
Въ немъ вся ярость нигилиста...
И вся прелесть юмориста!"

Какъ бы то ни было, но подобная черта въ характерѣ Фета, его будто-бы преднамѣренное стремленіе развѣнчать свои достоин-

ства на словахъ или высказать по поводу этихъ достоинствъ наивность, въ родѣ шутливо воспѣтой Тургеневымъ, долго держала въ заблужденіи людей дѣйствительно простыхъ и чистыхъ душой, какими были его друзья: Тургеневъ, гр. Л. Толстой, умный и глубоко симпатичный братъ романиста—гр. Н. Н. Толстой, рано умершій отъ чахотки. Послѣдній, напр., усердно уговаривалъ Фета „окунуться съ головой въ практичность" [1]), находя въ немъ недостатокъ въ послѣдней. Что тутъ сказать: Фетъ и непрактичность! Впрочемъ, и Тургеневъ, такой же мало-практичный человѣкъ, какъ и гр. Н. Н. Толстой, тоже долго былъ того же мнѣнія, даже шелъ дальше,—воображалъ, что онъ, И. С. Тургеневъ, практичнѣе Фета. Вотъ какъ онъ, напр., описывалъ Анненкову этотъ мнимый недостатокъ Фета по поводу перевода денегъ Ивану Сергѣевичу за границу (19-го ноября 1863 г.):

„Любезный П. В., плачевная исторія съ моими деньгами разыгралась, наконецъ, хотя не безъ значительнаго ущерба моимъ бокамъ. А именно: лирическій поэтъ Фетъ, получивъ деньги отъ моего дяди (3.500 р.), долгое время не посылалъ ихъ, все размышляя, какъ бы получше доставить ихъ въ Баденъ—такъ какъ *прямо* на Баденъ банкировъ нѣтъ (это историческое изреченіе принадлежитъ глубокомысленной конторѣ Боткиныхъ въ Москвѣ). Дѣйствительно, на Баденъ нѣтъ банкировъ, но въ Баденѣ есть ихъ цѣлая дюжина, которая съ жадностью караулитъ каждый вексель, будь онъ на Вальпарайзо, не только на Парижъ. Въ разсужденіяхъ своихъ, доходившихъ до Гордіева узла и до Сезостриса (собственныя слова его письма, которое я вамъ покажу), онъ остановился-было на Франкфуртѣ... но тамъ флорины... это, молъ, Тургеневу можетъ быть непріятно... (ей-Богу!). Такъ проходили дни—я изнывалъ, а въ Петербургѣ курсъ возьми да лопни. Тогда лирическій поэтъ Фетъ, совершенно потерявъ голову, бросился къ какому-то банкиру—по имени Воганъ или Вогау (на обоихъ векселяхъ написано разно)—и, навъ ему въ ноги, умолилъ его взять 100 рублей въ 350 франковъ (такой курсъ не былъ и въ крымскую войну!), на что тотъ согласился, такъ какъ въ то самое мгновеніе Ахенбахъ и другіе банкиры давали по 367-ми, и послалъ мнѣ деньги à trois mois de date, назвавъ меня при томъ Фюргюхеневымъ (m-r Furguheneff). Результатомъ всѣхъ этихъ Сезострисовыхъ соображеній была чистая потеря. Все это было бы смѣшно, когда бы не стоило денегъ.

[1]) „Воспоминанія" Фета. I, 333.

Впередъ наука—не поручать денежныхъ дѣлъ лирическимъ поэтамъ"...

Бѣдный поэтъ, принужденный возиться съ презрѣннымъ металломъ!—подумаешь вмѣстѣ съ Тургеневымъ. А въ дѣйствительности вся бѣда вышла изъ-за непростительной небрежности Фета, какъ это обнаруживается изъ его „Воспоминаній". Другое дѣло В. П. Боткинъ; этотъ, какъ самъ весьма практичный и осторожный въ денежныхъ дѣлахъ человѣкъ, легко разбиралъ эти качества въ другихъ: Тургенева онъ иной разъ отъ души, до цинизма готовъ былъ презирать за его непрактичность, и безпрестанно, въ письмахъ своихъ къ Фету, восхвалялъ „практическій смыслъ" послѣдняго. Гр. Л. Толстой, кажется, до самаго 1878 года не замѣчалъ матеріализма Фета, поддаваясь мнимому старанію поэта развѣнчать свои достоинства въ своихъ „проповѣдяхъ". Мало того, въ практичности Фета онъ готовъ былъ видѣть даже нѣчто поэтическое: восхваляя, напр., одно изъ присланныхъ ему стихотвореній, гр. Толстой писалъ, между прочимъ, Фету (7-го декабря 1876 г.): „Хорошо тоже, что на томъ же листкѣ, на которомъ написано это стихотвореніе, излиты чувства скорби о томъ, что керосинъ сталъ стоить 12 копѣекъ. Это побочный, но вѣрный признакъ поэта".

Но главная причина продолжительной дружбы Ивана Сергѣевича съ Фетомъ заключалась не въ томъ обманчивомъ впечатлѣніи, о которомъ мы говорили выше, а въ поэтическомъ талантѣ послѣдняго. Несомнѣнный даръ художественнаго творчества, глубокій и въ то же время свѣтлый лиризмъ Фета—вотъ что въ сильной степени привлекало къ нему Тургенева. Трудно перечислить стихотворенія Фета, возбуждавшія особенное сочувствіе Ивана Сергѣевича. Достаточно указать на тотъ фактъ, что Тургеневъ съумѣлъ настолько заинтересовать Віардо поэзіей своего друга, что знаменитая пѣвица одно время не иначе называла Фета, какъ „c'est mon poète", и положила на музыку нѣсколько его стихотвореній: „Шопотъ, робкое дыханье"; „Тихая звѣздная ночь"; „Я долго стоялъ неподвижно"—и нѣкоторыя другія. „Что вы мнѣ пишете о Гейне,—читаемъ въ одномъ изъ писемъ Тургенева къ Фету (1856 г.),—вы выше Гейне, потому что шире и свободнѣе его".

Любовь и уваженіе ко всякому литературному таланту сказывались у Тургенева прежде всего въ стремленіи возможно сильнѣе распространить въ публикѣ произведенія любимаго автора, затѣмъ въ возможномъ поощреніи, возбужденіи послѣдняго къ творчеству и, наконецъ, въ старанія очистить произведенія этого

автора отъ недостатковъ безпристрастнымъ и внимательнымъ разборомъ ихъ. Первое, т.-е. возможно широкое ознакомленіе образованнаго общества съ произведеніями того или другого изъ любимыхъ авторовъ, удавалось Ивану Сергѣевичу чаще всего. Благодаря его стараніямъ, появились въ печати стихотворенія Тютчева; благодаря его усиленнымъ рекомендаціямъ, обратилъ на себя вниманіе западной Европы гр. Л. Толстой и другіе его современники. Поощрять, возбуждать къ дѣятельности Тургеневу удавалось сравнительно рѣже, но и тутъ можно указать на такіе блестящіе примѣры, какъ на „Семейную Хронику" С. Аксакова, „Былое и думы" Герцена; эти мемуары едва ли бы доведены были до конца безъ горячихъ поощреній и просьбъ со стороны Тургенева. Не всякій могъ выслушивать спокойно подробный и безпристрастный разборъ своихъ произведеній, и въ области дружественной критики Тургеневу везло меньше всего. Несмотря на значительную свою самоувѣренность, Фетъ допускалъ критическое отношеніе къ своимъ произведеніямъ, и Тургеневъ могъ проявлять свои симпатіи и уваженіе къ таланту Фета и въ этой области.

Съ первыхъ дней знакомства съ поэтомъ (іюнь 1853 г.), Тургеневъ проявилъ горячій интересъ къ его произведеніямъ, конечно, раньше еще ему извѣстнымъ. Въ то лѣто новые знакомые особенно много толковали и спорили о переводѣ Горація, предпринятомъ Фетомъ. Иванъ Сергѣевичъ, прекрасно знакомый съ латинскимъ языкомъ и римской литературой, въ общемъ ободрялъ переводъ, но нападалъ на устарѣлыя слова, употребляемыя Фетомъ, въ родѣ „перси"; особенно же доставалось Фету за такія выдумки, какъ „завой" (завитокъ), „ухàніе" (запахъ) и т. д. Иванъ Сергѣевичъ всячески старался ему доказать, что „ухàніе" такъ же дико для слуха, какъ, напр., „получіе" (отъ благополучія) [1]).

Провѣривъ изъ строки въ строку переводъ Горація, Тургеневъ всячески заботился о появленіи его въ печати. Такъ какъ къ серединѣ 50-хъ годовъ стихотворенія Фета, изданныя въ Москвѣ въ 1850 году, разошлись до послѣдняго экземпляра, Иванъ Сергѣевичъ сталъ настаивать на новомъ собраніи его стихотвореній. Онъ взялся за редакцію, пригласилъ къ себѣ въ сотрудники весь тогдашній литературный ареопагъ, и, благодаря такому дружному содѣйствію, въ 1856 году была вновь издана въ Петербургѣ книга стихотвореній Фета. „Почти каж-

[1]) См. переписку Тургенева съ Аксаковыми.

дую недѣлю стали приходить ко мнѣ (въ полкъ) письма съ подчеркнутыми стихами и требованіями ихъ исправленій“,—писалъ Фетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“. „Тамъ, гдѣ я несогласенъ былъ съ желаемыми исправленіями, я ревностно отстаивалъ свой текстъ, но по пословицѣ: „одинъ въ полѣ не воинъ“,—вынужденъ былъ соглашаться съ большинствомъ, и изданіе изъ-подъ редакціи Тургенева вышло настолько же очищеннымъ, насколько и *изувѣченнымъ*“. Послѣднее замѣчаніе Фета остается вполнѣ голословнымъ, особенно послѣ споровъ о такихъ словахъ, какъ „ухàніе“, „завой“ и т. д. Фетъ не приводитъ ни одного примѣра, гдѣ бы измѣненія въ его текстѣ портили, по его мнѣнію, то или другое стихотвореніе. Правда, онъ пробуетъ подтвердить свое мнѣніе ссылкой на тотъ, напр., фактъ, что многіе литераторы того времени невѣрно понимали его прелестное стихотвореніе:

„О, не зови! Страстей твоихъ такъ звонокъ
Родной языкъ“...

Но какъ разъ изъ этой ссылки Фета, изъ его словъ видно, что замѣчаніе это совсѣмъ не могло относиться къ Тургеневу. Да и помимо того, невѣрное объясненіе этого стихотворенія не повлекло же за собой попытку его „изувѣчить“.

Въ подтвержденіе же того факта, что Тургеневъ дѣйствительно много способствовалъ очищенію и выправленію произведеній Фета, мы найдемъ въ „Воспоминаніяхъ“ послѣдняго не мало данныхъ. 27-го декабря 1858 года, Иванъ Сергѣевичъ писалъ, напр., Фету: „Я выправилъ ваши стихи, любезнѣйшій другъ (изъ Шенье), но пускай меня „на площади трехвостникомъ дерутъ“ —не могу признать хорошими стиховъ вродѣ:

Иль тотъ, кто зародясь плѣнять богинь собою
Изъ нѣдра Мирры шелъ, одѣтаго корою,

и предлагаю уже кстати прибавить къ нимъ слѣдующіе два въ томъ же родѣ:

Въ чей, пріосанясь зракъ,—видъ устъ припявъ живой,
Прелестницъ,—взоръ полнъ нѣгъ—игривъ вперяетъ рой“.

Или, напримѣръ, въ письмѣ своемъ, отъ 25-го января 1864 года, онъ настаиваетъ, чтобы въ стихотвореніи Фета на смерть Дружинина былъ исправленъ стихъ:

„Ты чистымъ донесенъ въ могилу“,

такъ какъ доносятъ *до*, а не *въ*. И въ позднѣйшихъ изданіяхъ мы читаемъ этотъ стихъ уже такъ:

„Ты чистымъ унесенъ въ могилу“.

Точно такъ же Фетъ исправилъ послѣднюю строфу своего стихотворенія: „Тополь“, по указанію Ивана Сергѣевича, гдѣ первоначально были „сиротки риомы“, по выраженію Тургенева: „споря“ и „не увялъ“. Мы, конечно, приводимъ здѣсь лишь немногіе примѣры, взятые на удачу. Но Тургеневъ вліялъ не столько, впрочемъ, на отдѣлку стиха, на чистоту и правильность языка Фета, сколько на выборъ имъ сюжетовъ для поэтическихъ работъ. Иванъ Сергѣевичъ не только настоялъ, чтобы *весь* Горацій былъ переведенъ Фетомъ.—онъ рекомендовалъ ему Проперція, Катулла, Тибулла (письма 5-го ноября 1860 г. и 2-го января 1861 г.), переводомъ которыхъ Фетъ и занялся впослѣдствіи. Не пропала также рекомендація Тургенева Энеиды Виргилія. „Вы напрасно такъ строго отзываетесь о Виргиліѣ“,— писалъ Иванъ Сергѣевичъ Фету 13-го сентября 1873 года.— „Постройки, характеры и проч. его Энеиды не имѣютъ значенія; но въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, въ эпитетахъ, въ колоритѣ,—онъ не только поэтъ, но смѣлый новаторъ и романтикъ“. Фетъ переводилъ по указаніямъ Тургенева и позднѣйшихъ поэтовъ: Гафиза, Шекспира. Книжку стихотвореній Гафиза, напр., Иванъ Сергѣевичъ подарилъ Фету въ 1859 году и, получивъ отъ него переводъ 35 стихотвореній, вмѣстѣ съ Анненковымъ и Дружининымъ подробно занялся разборомъ перевода. Результатомъ было помѣщеніе 24 стихотвореній въ „Русскомъ Словѣ“ 1866 г. (книга 2-ая). Но не одинъ поэтическій талантъ Фета привлекалъ къ себѣ Тургенева, тѣмъ болѣе, что талантъ этотъ, въ глазахъ Ивана Сергѣевича, помѣркъ съ конца 60-хъ годовъ. „Фетъ очень умно поступитъ, если сдержитъ слово, данное тебѣ, и броситъ писать стихи: что за охота такъ плохо и дрябло повторять самого себя“... „Фетъ выдохся до послѣдней степени“,—вотъ что̀ читаемъ, напр., въ письмахъ Ивана Сергѣевича къ Полонскому 1868 года.

Фетъ былъ страстный охотникъ и въ каждый пріѣздъ Ивана Сергѣевича въ Спасское былъ неизмѣннымъ его товарищемъ во всякихъ охотничьихъ экскурсіяхъ. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ поэтъ удѣляетъ много страницъ описанію совмѣстныхъ охотъ съ Тургеневымъ, и эти страницы являются лучшими, по теплотѣ чувства, въ его мемуарахъ. Понятно, какъ сильно эта страсть Фета подкупала Ивана Сергѣевича, какъ ко многому заставляла быть снисходительнѣе; письма Тургенева къ Фету на каждомъ шагу убѣждаютъ насъ въ этомъ. Въ охотничьи мѣсяцы Иванъ Сергѣевичъ подробно пишетъ Фету о своихъ успѣхахъ, о количествѣ убитой дичи и т. д. „Я успѣлъ быть до болѣзни

семь разъ на охотѣ,—пишетъ онъ, напр., изъ Бадена въ письмѣ отъ 24-го августа 1866 года;—въ 1-ый разъ ухлопалъ три куропатки и 2 зайца; во 2-ой разъ—6 куропатокъ и 5 зайцевъ; въ 3-ій—8 куропатокъ и 3 зайца; въ 4-ый—11 куропатокъ, 5 зайцевъ и 1 перепела; въ 6-ой—9 куропатокъ; въ 7-ой—14 куропатокъ, 4 фазановъ, 4 зайцевъ и 1 перепела=81 штука. Это неогромно, но и не дурно. Что-то будетъ дальше? Охота только-что начинается. Песъ у меня все тотъ же, превосходнѣйшій; ружье я себѣ завелъ новое, отличное, и сталъ я стрѣлять чрезвычайно удовлетворительно,—рѣдко даю промахъ. Проклятая болѣзнь лишила меня по крайней мѣрѣ двухъ или трехъ хорошихъ охотъ. Мы съ Віардо наняли очень порядочную новую охоту". Но еще съ бо̀льшимъ сочувствіемъ вспоминаетъ Иванъ Сергѣевичъ въ своихъ письмахъ къ Фету различные эпизоды и моменты охотничьихъ экскурсій на родинѣ. „Сегодня Петровъ день, любезнѣйшій А. А.,—писалъ Тургеневъ изъ Содена въ 1860 году,—Петровъ день и я не на охотѣ! Воображаю себѣ васъ съ Борисовымъ, съ Аѳанасіемъ, со Спобомъ, Весной и Дон-Даномъ на охотѣ въ Полѣсьѣ. Вотъ поднимается чернышъ изъ куста—трахъ! закувыркается о̀-земь краснобровый... или удираетъ вдаль къ синѣющему лѣсу, рѣзко дробя крыльями, и глядитъ ему вслѣдъ и стрѣлокъ, и собака... не упадетъ ли, не свихнется ли... Нѣтъ, чешетъ, разбойникъ, все далѣе и далѣе, закатился за лѣсъ,—прощай!" Въ другомъ письмѣ читаемъ, напр.: „А взлетъ вальдшнеповъ въ почти уже голой осиновой рощицѣ... Ей Богу, даже досада беретъ! Здѣсь я охотился скверно, да и, вообще, что за охота во Франціи!? Но вы насмо̀тритесь на меня и на моего Фламбо будущею весной въ болотѣ на дупелей или на бекасовъ.—Тубо!.. Тубо!.. А самъ безъ нужды бѣжишь и едва духъ переводишь. Тубо! ну, теперь близко... фррр... екъ! екъ! бацъ! бацъ!—и подлецъ бекасъ, замѣнившій степного дупеля, валится мгновенно, бѣлѣя брюшкомъ"...

Какое рѣшающее значеніе ни имѣли бы для Тургенева поэтическій даръ и страсть къ охотѣ, не нужно забывать, что сочувствіе къ Фету, сердечное участіе къ нему вызывалось у Ивана Сергѣевича и тѣмъ нѣсколько ложнымъ положеніемъ, какое занималъ его другъ въ семьѣ и въ обществѣ. Единственный, можетъ быть, художникъ, такъ тонко понимавшій психологію незаконнорожденныхъ (вспомнимъ „Асю", „Сонъ", Нежданова), Тургеневъ не могъ не относиться съ особенной теплотой къ Фету. Къ сожалѣнію, противоположность натуръ, непримиримость симпатій должны были сказаться, несмотря на все это, несмотря,

конечно, и на то, что отъ „проповѣдей“ Фета получалось такое впечатлѣніе, будто онъ умышленно развѣнчиваетъ свои достоинства.

Главный и безконечный, хотя въ общемъ и безобидный споръ происходилъ между друзьями по поводу сознательнаго и безсознательнаго творчества. Фетъ въ дѣлѣ свободныхъ искусствъ, по его признанію, „мало цѣнилъ разумъ въ сравненіи съ безсознательнымъ инстинктомъ (вдохновеніемъ), пружины котораго для насъ скрыты“. Онъ „никогда не могъ понять, чтобы искусство интересовалось чѣмъ-либо помимо красоты“, т.-е. чтобы оно могло интересоваться современностью, текущими явленіями общественной жизни и т. д. Всякое участіе разума въ художественномъ творчествѣ только понижало, такъ сказать, результаты послѣдняго, лишало произведеніе искусства той поэзіи и красоты, которыя составляютъ его необходимую принадлежность. Если, наконецъ, искусство начнетъ интересоваться чѣмъ-либо помимо красоты, оно переходитъ въ политику, превращается въ публицистику. Болѣе подробно Фетъ не излагаетъ своей теоріи, да и едва ли бы съумѣлъ сдѣлать это, несмотря на неоднократныя свои заявленія, что въ дѣлѣ „формальнаго, математическаго и философскаго ума“ онъ во многомъ превосходитъ своего антагониста Тургенева, несмотря на способность свою къ смѣлымъ обобщеніямъ, въ родѣ изложенныхъ на страницѣ 160-й перваго тома его воспоминаній, гдѣ читаемъ: „Не даромъ Фаустъ, объясняя Маргаритѣ сущность мірозданія, говоритъ: „Чувство—все“. Это чувство присуще даже неодушевленнымъ предметамъ. Серебро черпѣетъ, чувствуя приближеніе сѣры, магнитъ чувствуетъ близость желѣза и т. д.“. Какъ бы то ни было, эстетическая теорія Фета гораздо болѣе выясняется намъ изъ писемъ Тургенева, чѣмъ изъ собственныхъ признаній поэта. Къ письмамъ мы и должны прежде всего обратиться, тѣмъ болѣе, что изъ нихъ прекрасно можно увидать и необходимые намъ взгляды Ивана Сергѣевича на тотъ же вопросъ.

Въ письмѣ Тургенева, отъ 4-го февраля 1862 г., читаемъ: „Я говорю, что художество—такое великое дѣло, что цѣлаго человѣка едва на него хватаетъ со всѣми его способностями, между прочимъ и съ умомъ; вы поражаете умъ остракизмомъ и видите въ произведеніяхъ художества только безсознательный лепетъ спящаго. Это воззрѣніе я долженъ назвать славянофильскимъ, ибо оно носитъ на себѣ характеръ этой школы: „Здѣсь все черно, а тамъ все бѣло“; „правда вся сидитъ на одной сторонѣ“. А мы, грѣшные люди, полагаемъ, что этакимъ маханьемъ съ плеча топоромъ только

себя тѣшишь. Впрочемъ, оно, конечно, легче; а то, признавъ, что правда и тамъ, и здѣсь, что никакимъ рѣзкимъ опредѣленіемъ ничего не опредѣлишь, приходится хлопотать, взвѣшивать обѣ стороны и т. д. А это скучно. То ли дѣло брякнуть такъ, по военному: „Смирно! умъ, пошелъ направо! Маршъ! стой, ровняйсь! Художество! налѣво маршъ! стой, ровняйсь!“—И чудесно! стоитъ только подписать рапортъ, что все, молъ, обстоитъ благополучно“. Въ письмѣ, отъ 5 марта того же года, Иванъ Сергѣевичъ продолжаетъ: „Я пришелъ къ заключенію, что мы съ вами совершенно однихъ и тѣхъ же мнѣній, только за вами водится обычай всякую чепуху взваливать на умъ, какъ сказано у Беранже:

„C'est la faute de Voltaire,
C'est la faute de Rousseau“.

„Вотъ и *Мининъ* [1]) не вытанцовался по причинѣ ума, а умъ тутъ ни при чемъ; просто силы таланта не хватило. Развѣ весь *Мининъ* не вышелъ изъ міросозерцанія, въ силу котораго Островскій сочинилъ Рудакова въ *Не въ свои сани не садись*? А въ то время онъ еще не слушался профессоровъ. Написать бѣдноватую хронику съ благочестиво-народною тенденціей, съ обычными лирическими умиленіями, написать ее красивымъ, мягкимъ и беззвучнымъ языкомъ,—умъ могъ бы помѣшать этому, а ужъ никакъ не способствовать. Ахиллесова пятка Островскаго вышла наружу, вотъ и все. Вѣроятно, по прочтеніи моей новой повѣсти („Отцы и Дѣти“), которая едва ли вамъ понравится, вы и ея недостатки припишете уму. Дался вамъ этотъ гонный заяцъ“.

Иванъ Сергѣевичъ не ошибся: Фету новая повѣсть Тургенева дѣйствительно не понравилась, и ея недостатки онъ приписалъ „тенденціи, рефлексіи, уму, однимъ словомъ“, какъ читаемъ въ отвѣтномъ письмѣ романиста на критику Фета. „Скажу вамъ одно,—отвѣчалъ Тургеневъ:—что я всѣ эти лица рисовалъ, какъ бы я рисовалъ грибы, листья, деревья; намозолили мнѣ глаза, я и принялся чертить. А освобождаться отъ собственныхъ впечатлѣній потому только, что они похожи на тенденціи, было бы и странно, и смѣшно“. 10-го октября 1865 г., Тургеневъ писалъ Фету изъ Бадена: „Повторяю вамъ мою старую пѣсню: „Поэтъ, будь свободенъ! Зачѣмъ ты относишься подозрительно и чуть не презрительно къ одной изъ неотъемлемыхъ способностей человѣческаго мозга, называя ее *ковыряніемъ*, раз-

[1]) Драма Островскаго.

судительностью, отрицаніемъ,—критикѣ? Я бы понималъ тебя, еслибъ ты былъ ортодоксъ, или фанатикъ, или славянофильствующій народолюбецъ,—но ты поэтъ, ты вольная птица, и твоему гармоническому носу неприлично свистать въ эту старую, Жанъ-Жакъ-Руссовскую, лженатуральную и всякими пошлыми слюпями загаженную дудку. Ты чувствуешь потребность лирическихъ излія-ній и дѣтской радостной вѣры—качай! Ты желаешь подъ каждое чувство подкопаться, все обнюхать, разорить, расколотить, какъ орѣхъ—валяй! Главное, будь правдивъ съ самимъ собою и не давай никакой, даже собственнымъ иждивеніемъ произведенной системѣ осѣдлать твой благородный затылокъ! Повѣрь: въ постоянной боязни *разсудительности* гораздо больше именно этой разсудительности, передъ которой ты такъ трепещешь, чѣмъ всякаго другого чувства. Пора перестать хвалить Шекспира за то, что онъ, молъ, дуракъ: это такой же вздоръ, какъ утверждать, что россійскій крестьянинъ между двумя рыготинами сказалъ, какъ бы во снѣ, послѣднее слово цивилизаціи. „Das ist eitel Larifari!" —говорятъ мои друзья нѣмцы. Вотъ вамъ, душа моя, profession de foi,—для васъ, впрочемъ, не новая, дѣлайте изъ нея, что хотите".

Въ письмахъ послѣдующихъ годовъ затрагивается этотъ вопросъ съ неменьшей энергіей фразы и съ неменьшей фактической убѣдительностью, но „старый споръ" не подвинулся въ своемъ рѣшеніи ни на волосъ. Прекрасное *résumé* этихъ безконечныхъ преній даетъ Тургеневъ въ своемъ предисловіи къ изданію своихъ романовъ 1880 года (Изд. „Нивы", т. II).

„Не могу кстати не высказать своего мнѣнія о „безсознательномъ и сознательномъ творчествѣ", о „предвзятыхъ идеяхъ и тенденціяхъ", о „пользѣ объективности, непосредственности и наивности", обо всѣхъ этихъ „жалкихъ" словахъ, которыя, изъ какихъ бы авторитетныхъ устъ они ни исходили, всегда казались мнѣ общими мѣстами, ходячей риторической монетой, которая потому только не считается за фальшивую, что ее слишкомъ многіе принимаютъ за настоящую. Всякій писатель, не лишенный таланта (это, конечно, первое условіе), всякій писатель, говорю, старается прежде всего вѣрно и живо воспроизводить впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ собственной и чужой жизни: всякій читатель имѣетъ право судить, насколько онъ въ этомъ успѣлъ, и гдѣ ошибся; но кто имѣетъ право указывать ему, какія именно впечатлѣнія годятся въ литературу, и какія нѣтъ? Коли онъ правдивъ—значитъ онъ правъ; а коли у него нѣтъ таланта—никакая „объективность" ему не поможетъ. У насъ

теперь развелись сочинители, которые сами почитаютъ себя „безсознательными творцами“—и выбираютъ все жизненные сюжеты, а между тѣмъ насквозь проникнуты именно этой злополучной „тенденціей“. Всѣмъ извѣстно изреченіе: *поэтъ мыслитъ образами*; это изреченіе совершенно неоспоримо и вѣрно,—но на какомъ основаніи? Вы, его критикъ и судья, дозволяете ему образно воспроизводить картину природы, что ли, народную жизнь, цѣльную натуру (вотъ еще *жалкое* слово!); а коснись онъ чего-нибудь смутнаго, психологически-сложнаго, даже болѣзненнаго, особенно если это не частный фактъ, а выдвинуто изъ глубины нѣдръ своихъ тою же самой народной, общественной жизнью,—вы кричите: стой! это никуда не годится; это—рефлексія, предвзятая идея, это—политика! публицистика! Вы утверждаете, что у публициста и у поэта задачи разныя... Нѣтъ! онѣ могутъ быть совершенно одинаковы у обоихъ; только публицистъ смотритъ на нихъ глазами публициста, а поэтъ—глазами поэта. Въ дѣлѣ искусства вопросъ: какъ?—важнѣе вопроса: что? Если все отвергаемое вами—*образомъ*, замѣтьте: *образомъ*—ложится въ душу писателя—то съ какой стати вы заподазриваете его намѣренія, почему выталкиваете его вонъ изъ того храма, гдѣ на разубранныхъ алтаряхъ возсѣдаютъ жрецы „безсознательнаго“ искусства, на алтаряхъ, передъ которыми курится ѳиміамъ, часто зажженный собственными руками этихъ самыхъ жрецовъ? Повѣрьте: талантъ настоящій—никогда не служитъ постороннимъ цѣлямъ и въ самомъ себѣ находитъ удовлетвореніе; окружающая его жизнь даетъ ему содержаніе—онъ является ея *сосредоточеннымъ отраженіемъ*; но онъ такъ же мало способенъ написать панегирикъ, какъ и пасквиль... Въ концѣ концовъ—это ниже его. Подчиниться заданной темѣ или проводить программу—могутъ только тѣ, которые другого, лучшаго не умѣютъ“.

Несмотря на то, что споры о сознательномъ и безсознательномъ творчествѣ принимали между Тургеневымъ и Фетомъ иной разъ довольно рѣзкую форму, они не заключали въ себѣ ничего разобщающаго, были въ сущности довольно безобидны. Разойтись пріятелямъ пришлось вслѣдствіе столкновеній по другимъ вопросамъ,—по вопросамъ, разрѣшавшимся главнымъ образомъ реформами царствованія императора Александра II. Насколько къ послѣднимъ горячо и сочувственно относился Тургеневъ, настолько несимпатично—Фетъ. Съ 1861 года Фетъ, какъ будто, спѣшилъ вознаградить себя за продолжительную

сдержанность по вопросамъ общественнымъ и иной разъ съ непріятнымъ упорствомъ затрагивалъ наиболѣе чувствительныя стороны Тургеневскаго міровоззрѣнія. Съ момента крестьянской реформы и начинаются разочарованія Ивана Сергѣевича въ своемъ другѣ. Наканунѣ реформы Тургеневъ писалъ Герцену изъ Парижа: „Дожили мы до этихъ дней, а все не вѣрится, и лихорадка колотитъ, и досада душитъ, что не на мѣстѣ". А Фетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" признается, что ограничился тогда „совершенно дѣтскимъ любопытствомъ", не касаясь вовсе тѣхъ вопросовъ насчетъ „всенароднаго значенія событія", какіе волновали другихъ. Можетъ быть, недовольство реформой лишь скрывалось Фетомъ подъ маской младенческаго невѣдѣнія добра и зла, а можетъ быть онъ говоритъ и совершенную правду. Во всякомъ случаѣ, Тургеневу не могло быть по сердцу такое пассивное отношеніе къ великой реформѣ.

Достаточно извѣстно, какое рѣшающее значеніе придавалъ Тургеневъ народному образованію, какъ горячо хлопоталъ онъ для этого, напр., о распространеніи и практическомъ осуществленіи обширнаго своего проекта обученія грамотѣ народа, составленнаго имъ въ 1860 году вмѣстѣ съ гр. Н. Ростовцевымъ, гр. А. Толстымъ, Мордвиновымъ, В. П. Боткинымъ и др. на островѣ Уайтѣ. Понятно, поэтому, какъ обидно было слышать ему, въ отвѣтъ на свои мысли, разсужденія Фета, что, молъ, воздѣйствовать на народную массу, грамотностью—все равно, что „буравить ее первымъ попавшимся въ руку гвоздемъ", или равносильно тому, чтобы „гнать всѣхъ поголовно отъ сохи" [1]). Не удивительно, что послѣ такихъ споровъ Тургеневъ, въ письмѣ отъ 30-го августа 1862 года, полушутливо назвалъ его „закоренѣлымъ и остервенѣлымъ крѣпостникомъ, консерваторомъ и поручикомъ стариннаго закала". Никакъ не могли столковаться пріятели и о многихъ сторонахъ крестьянскаго быта и хозяйства, съ которыми Фетъ сталкивался въ качествѣ мирового судьи и помѣщика въ 60-хъ годахъ. „Вотъ вы,—писалъ Тургеневъ ему, 29-го ноября 1869 года,—изъ того факта, что вы хотите заключать контракты только съ міромъ, а не съ отдѣльными лицами, выводите слѣдствіе, что община и круговая порука вещи прелестныя... Да кто же сомнѣвается въ томъ, что община и круговая порука очень выгодны *для помѣщика*, для власти, для другого, однимъ словомъ; но выгодны ли онѣ для самихъ субъектовъ? Вотъ въ чемъ вопросъ! Оказывается, что

[1]) „Воспоминанія", I ч., стр. 398—9.

больно невыгодны, да такъ, что, разоряя крестьянъ и мѣшая всякому развитію хозяйства, становятся уже невыгодными и для *другихъ*". Черезъ мѣсяцъ онъ писалъ Фету по поводу тѣхъ же вопросовъ: „На васъ не дѣйствуютъ жестокія слова: „Европа, пистолетъ, цивилизація"; зато дѣйствуютъ другія: „Русь, гашникъ, ерунда": у всякаго свой вкусъ. Душевно радуюсь преуспѣянію вашего крестьянскаго быта, о которомъ вы повѣствуете, и ни на волосъ не вѣрю ни въ общину, ни въ тотъ *паръ*, который, по-вашему, такъ необходимъ. Знаю только, что всѣ эти хваленыя особенности нашей жизни нисколько не свойственны исключительно намъ, и что все это можно до послѣдней іоты найти въ настоящемъ или въ прошедшемъ той Европы, отъ которой вы такъ судорожно отпираетесь".

Еще болѣе чувствовалъ Тургеневъ свою рознь съ Фетомъ по вопросамъ о значеніи литературы и литераторовъ въ Россіи. Фету не нравилось званіе литератора; онъ радовался, что настоящее его имя (Шеншинъ) устранено отъ соприкосновенія съ литературой. Подъ тѣмъ предлогомъ, что не существуетъ бѣдныхъ, нуждающихся литераторовъ, онъ вышелъ изъ „Литературнаго Фонда", членомъ-учредителемъ котораго числился, пока считалъ нужнымъ скрывать истинныя свои симпатіи. Все это обижало Тургенева, и онъ возражалъ ему въ письмахъ: „Что вамъ не нравится званіе „литераторъ", это вашъ конекъ, а жизнь научила меня обходиться съ чужими коньками почтительно. По моему, „литераторъ" такое же званіе или опредѣленіе рода занятій, какъ „сапожникъ" или „пирожникъ". Но есть пирожники хорошіе и дурные, и литераторы тоже"... „Вы напрасно благодарите судьбу, — писалъ ему Иванъ Сергѣевичъ въ другой разъ,—устранившую ваше имя отъ соприкосновенія съ нынѣшней литературой; ваши опасенія лишены основанія: какъ Фетъ, вы имѣли имя; какъ Шеншинъ, вы имѣете только фамилію"... „Ваши отзывы о нашихъ собратьяхъ русскихъ литераторахъ,— читаемъ въ письмѣ Тургенева, отъ 4-го февраля 1870 года,—о нашемъ бѣдномъ Обществѣ, говоря безъ прикрасъ, возмутительны. Было бы великимъ счастьемъ, если бы дѣйствительно *вы* были самымъ бѣднымъ русскимъ литераторомъ!.." Пререканія по поводу „Литературнаго Фонда" между Тургеневымъ и Фетомъ были особенно остры. Всѣмъ извѣстно, какъ безкорыстно и много потрудился Иванъ Сергѣевичъ на пользу „Общества вспомоществованія литераторамъ и ученымъ"; онъ не могъ поэтому оставлять безъ возраженій несправедливыя и раздражительныя сужденія Фета объ этомъ учрежденіи. „Вы пишете, что, „не шутя, не

знаете ни одного бѣднаго литератора",—читаемъ въ письмѣ Ивана Сергѣевича къ Фету, отъ 8-го января 1872 года.—„Это происходитъ отъ того, что вы ихъ вообще мало знаете. Укажу вамъ на одинъ примѣръ. Недавно А. Н. Аоанасьевъ умеръ буквально отъ голода, а его литературныя заслуги будутъ помниться тогда, когда наши съ вашими, любезный другъ, давно уже покроются мракомъ забвенія. Вотъ на какіе случаи и полезенъ нашъ бѣдный, вами столь презираемый, фондъ"... Въ письмѣ, отъ 29-го марта того же года, Иванъ Сергѣевичъ продолжаетъ: „Что касается до Аоанасьева, то позвольте вамъ замѣтить, что вы не довольно ясно даете себѣ отчетъ о подраздѣленіяхъ литературы на такъ-называемую беллетристику, прессу-журналистику и прессу-науку (и педагогику), или, что еще вѣрнѣе, вы сознаете это подраздѣленіе, но цѣните одну беллетристику, да еще какую—поэзію! Но наше общество основано именно для литераторовъ, пользу которыхъ вы съ трудомъ признаете, и безъ которыхъ пришлось бы плохо дѣлу просвѣщенія. Вотъ отъ того-то мы и заботимся объ обезпеченіи этихъ самыхъ литераторовъ отъ голода, холода и прочихъ гадостей"... Но Иванъ Сергѣевичъ совершенно напрасно старался доказывать необходимость матеріальной поддержки бѣднымъ литераторамъ, доказывать человѣку, убѣжденному, что современную ему литературу нужно скорѣе всячески обуздывать, чѣмъ поощрять. Фетъ признается, что въ Спасскомъ, въ томъ самомъ Спасскомъ, куда сосланъ былъ Иванъ Сергѣевичъ, какъ литераторъ, на вопросъ гостившаго у Тургенева въ 1870 году англичанина Ральстона,—строга ли наша цензура?—преспокойно отвѣчалъ: „цензура наша существуетъ только по имени, и дозволяется печатать все, что̀ придетъ въ голову" [1]). Что это не было краснымъ словцомъ со стороны Фета, можно видѣть хоть изъ слѣдующихъ строкъ Тургеневскаго письма къ нему, отъ 21-го августа 1873 года: „Рекомендація ваша М. Н. Лонгинову, при его отъѣздѣ изъ Орла, возъимѣла свое дѣйствіе: „Вѣстникъ Европы" получилъ второе предостереженіе. То-то вы порадуетесь, когда этотъ честный, умѣренный, монархическій органъ будетъ прекращенъ за революціонерство и радикализмъ". Всѣ эти странности Фета Иванъ Сергѣевичъ приписывалъ главнымъ образомъ вліянію Каткова, о чемъ и высказывалъ поэту иной разъ въ довольно сильныхъ выраженіяхъ. „Я однако вынесъ убѣжденіе изъ всей пѣны и хлопанья вашихъ рѣчей, — пишетъ онъ, напримѣръ, въ одномъ

[1]) „Воспоминанія", II. 217.

письмѣ 1870 года,—что М. Н. Катковъ заслуживаетъ бронзовой статуи. „Ну и пущай!“—какъ говоритъ одинъ герой Островскаго“.

Но какъ бы ни разнились взгляды и симпатіи Фета и Тургенева, послѣдній до тѣхъ поръ не порывалъ связей съ поэтомъ, пока не замѣтилъ явнаго недоброжелательства къ себѣ со стороны поэта. Это недоброжелательство поднялось послѣ разрыва Ивана Сергѣевича съ дядей-управляющимъ, въ 1866 году. Фетъ, вѣроятно, не вѣдая всей неопрятности поступковъ дяди, или изъ страннаго упрямства, которое на него находило иногда, не желая замѣчать того, горой сталъ на сторону Ник. Ник. Тургенева, не обнаруживая, впрочемъ, передъ племянникомъ, Иваномъ Сергѣевичемъ, истинныхъ своихъ симпатій. По поводу распри дяди съ племянникомъ Фетъ устроивалъ третейскіе суды, впутывалъ въ дѣло постороннихъ лицъ и т. д., старательно, впрочемъ, скрывая отъ Ивана Сергѣевича свою *активную* роль въ этомъ дѣлѣ. Фетъ не скоро бросилъ старика Николая Николаевича, и бросилъ лишь тогда, когда замѣтилъ, что рѣшительно всѣ, даже люди недружелюбно относившіеся къ Ивану Сергѣевичу, признали неодобрительность поведенія дяди-управляющаго. Иванъ Сергѣевичъ не узналъ всей неблаговидной роли, какую игралъ въ этомъ дѣлѣ Фетъ, но послѣдній съ той поры началъ питать къ Тургеневу тайную вражду, вполнѣ обнаружившуюся значительно позднѣе.

Въ концѣ 1874 года, Фетъ получилъ отъ Тургенева письмо изъ Парижа, помѣченное 29-мъ числомъ ноября, слѣдующаго содержанія:

„Любезный Шеншинъ, сегодня я получилъ ваше письмо, а четвертаго дня пришло ко мнѣ письмо ((Я. П.) Полонскаго, изъ котораго выписываю вамъ слѣдующій пассажъ: „Фетъ (Шеншинъ) распустилъ про тебя, будто ты въ свой послѣдній пріѣздъ говорилъ съ какими-то юношами (слышалъ, съ племянниками Милютина, порученными надзору и попеченію Ф. Ш.) и старался заразить ихъ жаждой идти въ Сибирь. Въ первый разъ я слышалъ это отъ Маркевича у кн. М—каго тому назадъ недѣль пять, шесть. На дняхъ я опять слышалъ повтореніе этого слуха съ тою же ссылкой на Ф. Ш.“ Вспоминая свой разговоръ у Милютиной съ ея сыномъ и Петей [1]) и зная вашу охоту къ преувеличенію и прочія привычки, говорю вамъ безъ обиняковъ, что я вполнѣ вѣрю тому, что вы дѣйствительно произ-

[1]) Борисовымъ, сыномъ близкаго пріятеля Ивана Сергѣевича.

несли слова, которыя вамъ приписываютъ, и потому полагаю лучшимъ прекратить наши отношенія, которыя уже и такъ, по разности нашихъ воззрѣній, не имѣютъ raison d'être.

„Откланиваюсь вамъ не безъ нѣкотораго чувства печали, которое относится, впрочемъ, исключительно къ прошедшему, желаю вамъ всѣхъ возможнымъ благъ и преуспѣянія въ обществѣ гг. Маркевичей, Катковыхъ и т. п.".

Въ отвѣтъ на это письмо Фетъ разразился цѣлыми обвиненіями, воспроизведенными дословно Тургеневымъ позднѣе въ „Нови" въ слѣдующихъ словахъ Паклина: „Былъ у меня пріятель, и, казалось, хорошій человѣкъ: такъ обо мнѣ заботился, о моей репутаціи! Бывало, смотришь: идетъ ко мнѣ... „Представьте", кричитъ,—„какую о васъ глупую клевету распустили: увѣряютъ, что вы вашего родного дядюшку отравили, что васъ ввели въ одинъ домъ, а вы сейчасъ къ хозяйкѣ сѣли спиной — и такъ весь вечеръ и просидѣли! И ужъ плакала она, плакала отъ обиды. — Вѣдь этакая чепуха! этакая нелѣпица! Какіе дураки могутъ этому повѣрить! И что же? Годъ спустя, разссорился я съ этимъ самымъ пріятелемъ... И пишетъ онъ мнѣ въ своемъ прощальномъ письмѣ: „Вы, который уморили своего дядю! Вы, который не устыдились оскорбить почтенную даму, сѣвши къ ней спиной!.." и т. д. и т. д. Вотъ каковы пріятели!"

Въ этомъ дословномъ воспроизведеніи отвѣтнаго письма Фета Тургеневъ пропустилъ еще два обвиненія: будто Иванъ Сергѣевичъ швырялъ оскорбленіями въ лицо гр. Толстому и отличался „позорнымъ искательствомъ" передъ молодежью. Въ подтвержденіе послѣдней истины Фетъ написалъ Тургеневу, какъ Кетчеръ встрѣтилъ однажды поэта „своимъ громогласнымъ „ха-ха-ха!" и восклицаньемъ: „два раза издавалъ я сочиненія Тургенева и два раза вычеркивалъ ему его постыдное подлизываніе къ мальчишкамъ. Нѣтъ-таки, напечаталъ, и съ той поры ко мнѣ не является: знаетъ, что обругаю". Все это Фетъ объяснялъ самой позорной слабохарактерностью Тургенева. Фетъ не объяснилъ, впрочемъ, что собственно вычеркнулъ Кетчеръ, и что все же, будто бы, Тургеневъ напечаталъ. Объ этомъ настоящую правду узнаёмъ изъ слѣдующихъ строкъ письма Тургенева къ Анненкову отъ ^{4} 16 декабря 1869 года, по поводу послѣдняго изданія повѣстей Ивана Сергѣевича. „Самая непріятная опечатка стоитъ на стр. XCIV, строка 8-я сверху: вмѣсто „я раздѣляю почти всѣ его убѣжденія" (Базарова), стоитъ: „я раздѣляю почти его убѣжденія". Я подозрѣваю, что Кетчеръ (корректоръ) съ

умысломъ, „меня жалѣючи“, пропустилъ *всѣ*, и вышла безграмотная фраза, надъ которой гг. Антоновичи будутъ, пожалуй, точить свои зубки: „И тутъ, молъ, сробѣлъ!“ Но Фету нужно же было хорошенько напасть на Тургенева!

Что касается факта, приводимаго письмомъ Я. Полонскаго, то нашъ поэтъ въ своихъ воспоминаніяхъ увѣряетъ, что Тургеневъ выдумалъ эти строки, такъ какъ, молъ, Полонскій позднѣе говорилъ ему, Фету, будто онъ и не думалъ писать Ивану Сергѣевичу ничего подобнаго; о разговорѣ же Тургенева съ молодыми людьми Фетъ говорилъ лишь у Каткова такъ, что Иванъ Сергѣевичъ обратился къ нимъ съ рѣчью: „Je vous félicite, messieurs, en votre qualité de lycéens [1]). Le gouvernement ne manquera pas de vous recevoir à bras ouverts“.

Послѣ вышеприведеннаго нами отвѣта Тургенева на письмо Фета, послѣ черезчуръ смѣлыхъ обвиненій Ивана Сергѣевича въ „постыдномъ подлизываніи къ мальчишкамъ“, не трудно вмѣстѣ съ Тургеневымъ повѣрить, что Фетъ „дѣйствительно произнесъ слова, которыя ему приписываютъ“.

Четыре года спустя послѣ ссоры Фета съ Иваномъ Сергѣевичемъ, послѣдній получилъ отъ гр. Л. Н. Толстого письмо съ просьбой примириться и забыть происшедшее между двумя представителями русскаго романа. Этотъ примѣръ подѣйствовалъ и на Фета, который тоже послалъ извинительное письмо Ивану Сергѣевичу, „очень милое“, какъ сообщалъ Тургеневъ, „хоть и не совсѣмъ ясное, съ цитатами изъ Канта“. Дружескія отношенія вновь завязались, но это была уже не прежняя дружба. Иванъ Сергѣевичъ тщательно избѣгалъ затрагивать всѣ тѣ струнки, всѣ тѣ вопросы, которые повели въ свое время къ разрыву. Сдержанное, мягкое, по возможности ласковое обращеніе съ прежнимъ другомъ, проявившееся-было въ первое время послѣ примиренія, вскорѣ замѣнилось холодностью. Въ письмахъ къ друзьямъ появились довольно рѣзкія замѣчанія по адресу Фета: „Л. Толстой, какъ большой и живой талантъ, выскочитъ изъ болота, куда онъ залѣзъ, — и съ пользой для литературы; а Фетъ Шеншинъ до того погрязъ въ философствованіи, что только пузыри пускаетъ — и пузыри неблаговонные“... Такъ писалъ Тургеневъ Полонскому 16-го сентября 1879 года, а 26-го января 1881 года онъ писалъ ему же: „Меня не удивляетъ то, что Фетъ тебя не посѣтилъ. Да и вообще Фета давно на свѣтѣ

[1]) Каткова.

нѣтъ, а остался какой-то кисляй, по прозвищу Шешнинъ, которому только и жить, что на славянофильскихъ заднихъ дворахъ".

Не скоро найдется въ обширной литературѣ мемуаровъ объ Иванѣ Сергѣевичѣ болѣе раздражительное, недоброжелательное отношеніе къ Тургеневу, чѣмъ то, какое представляютъ въ себѣ „Воспоминанія" Фета.

Н. Гутьяръ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Разсвѣта нѣжная пора...
Такъ мягокъ воздухъ, краски свѣжи...
Пустынныхъ заводей Днѣпра
Отлогій берегъ; лодки, мрежи...
Вокругъ чарующій просторъ,
Съ прозрачнымъ небомъ дали слиты;
Оттѣнена лазурь озеръ
Цвѣтами, зеленью ракиты.
Въ туманѣ легкомъ голубомъ
Еще луга и рощи тонутъ.
Все тихо; только надъ Днѣпромъ,
Объятымъ дрёмой, чайки стонутъ.
Въ ихъ стонахъ—горькая печаль,
И скорби въ ихъ рыданьяхъ много...
О чемъ? Былого ли имъ жаль?
Иль о грядущемъ ихъ тревога—
Когда одни лишь небеса
Сіять здѣсь будутъ беззаботно,
Но сгибнетъ дикая краса
Земли и водъ безповоротно?
И тишину заглу́шатъ гулъ
И свистъ отъ дымныхъ зданій, башенъ,
И осквернитъ ее разгулъ,—
Неукротимъ и безшабашенъ?
Утратятъ чайки свой пріютъ,
Гдѣ царство мира и отрады,
Гдѣ въ водахъ шумно заснуютъ
Судовъ угрюмыя громады?..

И чайки плачутъ... Но давно
Судьбой поставлено рѣшенье,
Что созиданью суждено
Нести съ собою разрушенье...

РЫБОЛОВЕЦЪ.

— Прибило къ берегу твой челнъ...
Сѣдой морякъ, чела не хмурь:
Здѣсь ты вдали отъ грозныхъ бурь,
Отъ ненасытной стаи волнъ
И надъ тобой ясна лазурь.

На землю твердую сойди,
Она зыбучихъ водъ вѣрнѣй.
Довольно грозъ, ненастныхъ дней;
Твоей истерзанной груди
Вздохнуть дай шире и полнѣй!

Коварно море! Сколько разъ
Вступалъ ты съ нимъ въ неравный бой;
Зіяла бездна подъ тобой,
Стояла смерть у самыхъ глазъ—
И падалъ ницъ ты предъ судьбой...

Уже ветха твоя ладья,
Измѣнчивъ ложный твой кумиръ...
Пора извѣдать жизни пиръ.
Душа мятежная твоя
Пусть обрѣтетъ отрадный миръ...

Но ты суровъ, но ты угрюмъ,
Какъ въ океанѣ бурномъ ночь;
Не въ силахъ муки превозмочь
И подъ напоромъ гордыхъ думъ,—
Безумецъ!—ты уходишь прочь!

Зачѣмъ бѣжишь отъ счастья ты?..—
Но властно онъ махнулъ рукой
Съ улыбкой, дышущей тоской:

— Нѣтъ! счастья чужды мнѣ мечты,
Презрѣлъ я мертвенный покой.

Пускай я старъ, пускай я сѣдъ,
Но въ жаркомъ сердцѣ пышетъ кровь,
Еще сильна къ борьбѣ любовь;
Я жажду бѣдъ, я жду побѣдъ—
И поплыву отважно вновь...

И буду плыть я до конца...
Впередъ, мой челнъ! Спѣши, спѣши!
Мнѣ ненавистна жизнь въ тиши,
Какъ ненавистны для пѣвца
И мысли плѣнъ, и сонъ души...

ОЖИДАНІЕ.

Напитанъ сокрытой, но жгучей бѣдой
Удушливый воздухъ, густой, раскаленный;
Встревоженный чѣмъ, въ листвѣ молодой
Не слышится шопотъ влюбленный.

Недобрымъ предчувствіемъ въ мигъ смущены,
Напѣвъ свой прервали веселыя птицы,
И царство настало нѣмой тишины,
Владычество злой чаровницы.

И жизнь, что̀ кипѣла, застыла въ лѣсу,
И самъ онъ туманится думой глубокой;
Онъ сильно страшится утратить красу—
Подарокъ весны-свѣтлоокой...

Какъ будто бы къ небу онъ вѣтви простеръ,
Прося на тревожныя думы отвѣта,—
Но льютъ небеса, запылавъ, какъ костеръ,
Потоки зловѣщаго свѣта.

Все глухо. Невѣдомый трепетъ кругомъ;
Испугомъ подавленнымъ дышетъ и поле—

И вѣжды предъ тайно грядущимъ врагомъ
Природа сомкнула въ неволѣ.

А зной все властнѣе... За мертвой рѣкой
Закутались горы дымящейся мглою...
И мнится,—оттуда съ простертой рукой
Врагъ смотритъ съ улыбкою злою.

И небо, и воды, и поле, и лѣсъ,
Какъ воинъ, предвидящій жаркую битву,
Какъ вѣры заступникъ, просящій чудесъ,
Беззвучную шепчутъ молитву:

„Пусть недругъ жестокій нагрянетъ скорѣй,
Затмитъ небеса безпросвѣтною тучей,
Распуститъ крылатые змѣи огней,
Свободу дастъ бурѣ летучей:

Пусть вихрь ненасытный и мечетъ, и рветъ,
Губительной жаждою власти объятый;
Ударятъ съ далекихъ небесныхъ высотъ
Немолчнаго грома раскаты,—

И ливень обрушится съ шумомъ на насъ...
И пусть онъ сорветъ ненавистныя путы!
Не страшенъ намъ смерти рѣшительный часъ—
Страшнѣй ожиданья минуты..."

П. Быковъ.

ВОЙНА

и

ИДЕЯ МИРА

I.

Вслѣдъ за Гаагскою конференціею мира, возбудившею столько смѣлыхъ мечтаній и надеждъ, загорѣлась жестокая война,— какъ бы въ насмѣшку надъ оптимистами, возвѣщавшими наступленіе новой мирной эпохи въ исторіи человѣчества. Война Англіи съ Трансваалемъ — типическая въ своемъ родѣ, и она только по недоразумѣнію можетъ вызывать протесты тѣхъ, которые вообще признаютъ и одобряютъ войну при современныхъ условіяхъ культурной жизни. Сильнѣйшая сторона желаетъ уничтожить слабѣйшую, чтобы воспользоваться ея владѣніями для блага и величія своей имперіи; а слабые самоотверженно бросаются на сильныхъ, защищая независимость своей родины. Старая исторія, но она всегда остается новою! Въ своихъ дѣйствіяхъ относительно Трансвааля англичане имѣютъ за себя политическую практику, освященную вѣками, и было бы непослѣдовательно упрекать ихъ съ точки зрѣнія традиціонныхъ понятій и обычаевъ, примѣняемыхъ повсемѣстно съ большею или меньшею откровенностью. То, что̀ принято называть эгоизмомъ и корыстолюбіемъ британской политики, составляетъ положительный національный интересъ, безъ котораго немыслима никакая разумная дипломатія; всякое правительство обязано быть разсчетливымъ, т.-е. эгоистическимъ, когда дѣло идетъ о такомъ страшномъ и дорого

стоющемъ предпріятіи, какъ война. Если другія державы позволяли себѣ иногда роскошь безцѣльныхъ и безполезныхъ войнъ, подъ предлогомъ великодушія или стремленія къ славѣ, то это были въ сущности преступленія противъ государства и народа,— ибо проявлять возвышенныя чувства на чужой счетъ, цѣною жизни солдатъ и въ ущербъ государственнымъ пользамъ, равносильно измѣнѣ. Англичанамъ чужды также увлеченія другого рода: они рѣшаются воевать только съ противниками, съ которыми могутъ справиться безъ особеннаго риска. Походъ въ Трансвааль имѣетъ опредѣленную цѣль и долженъ принести Англіи весьма крупныя выгоды; онъ доставитъ ей господство надъ богатѣйшими областями южной Африки и создастъ сплошную полосу британскихъ владѣній на всемъ пространствѣ материка отъ Капштадта до Каира. Энтузіазмъ англійскихъ патріотовъ въ борьбѣ противъ боэровъ, ставшихъ имъ поперекъ дороги, имѣетъ свою вполнѣ реальную основу, и нападки континентальной печати на поведеніе Англіи означаютъ въ сущности отрицаніе и осужденіе военной предпріимчивости вообще.

На примѣрѣ трансваальской борьбы легко провѣрить обычные теоретическіе доводы, приводимые для доказательства необходимости и благотворности войнъ. Мюнхенскій профессоръ, баронъ Штенгель, передъ своимъ назначеніемъ въ делегаты на Гаагскую конференцію мира, выпустилъ брошюрку въ защиту войны [1]), и въ его безъискусственныхъ аргументахъ воспроизводятся взгляды значительной части военнаго класса въ Германіи и въ Европѣ. Баронъ Штенгель ссылается прежде всего на Священное писаніе и особенно на Ветхій завѣтъ, не только допускающій, но и поощряющій кровавую расправу съ чужими народами; и дѣйствительно, трансваальскіе вожди тоже говорятъ о войнѣ языкомъ Библіи и взываютъ къ Богу битвъ. Неизвѣстно только, какой народъ можетъ теперь играть роль богоизбраннаго Израиля и разсчитывать на исключительную милость Всевышняго; затрудненіе усиливается еще существованіемъ христіанства, къ которому одинаково принадлежатъ англичане и голландскіе боэры. Помня о Ветхомъ завѣтѣ, неловко забывать и объ Евангеліи. Впрочемъ, авторъ брошюры не настаиваетъ на религіозномъ освященіи войнъ, а выдвигаетъ на первый планъ культурно-историческую важность военныхъ событій.

По мнѣнію профессора Штенгеля, „особенно важно и благодѣтельно вліяніе войны на искусство во всѣхъ его областяхъ.

[1]) „Der ewige Friede", von Karl Freiherr von Stengel. München, 1899.

Для поэзіи, живописи, скульптуры и архитектуры были бы невозможны многія изъ ихъ прекраснѣйшихъ твореній; всѣ они были бы ограничены болѣе тѣснымъ кругозоромъ, были бы односторонни и отстали бы въ своемъ развитіи безъ войны. Поэтому въ высшей степени неблагодарно поступилъ извѣстный художникъ, изобразившій войну въ столь отвратительномъ видѣ, съ устраненіемъ ея идеальныхъ, примиряющихъ сторонъ". Для поэтовъ и художниковъ возникаютъ новые эффектные сюжеты: картина атаки англичанъ противъ боэровъ, засѣвшихъ на скалистыхъ холмахъ; во главѣ генералъ Саймонсъ, пораженный пулею въ животъ и красиво падающій съ коня; потомъ, въ разнообразныхъ положеніяхъ, сотни изуродованныхъ человѣческихъ тѣлъ или истекающихъ кровью раненыхъ. Краткое телеграфное извѣстіе передаетъ, что, послѣ взятія непріятельской позиціи при Эландслаагтэ, „нѣсколько сотъ боэровъ, обратившихся въ бѣгство, были затоптаны улапами". Какая роскошная тема для живописца—это топтаніе бѣгущихъ людей, уже побѣжденныхъ и отказавшихся отъ сопротивленія! Бѣда только въ томъ, что художники рѣдко присутствуютъ при военныхъ дѣйствіяхъ и большею частью только издали, заочно, вдохновляются ими, сидя въ своихъ мастерскихъ; а кому случалось непосредственно наблюдать войну со всѣми ея ужасами, тотъ всегда изобразитъ ее такъ, какъ изображаетъ Верещагинъ. „Идеальныя, примиряющія стороны" войны пропущены Верещагинымъ именно потому, что онъ видѣлъ и наблюдалъ войну въ реальности, и эта правдивость личныхъ наблюденій ставится ему въ упрекъ профессоромъ Штенгелемъ. Идеализировать лучше издали, чѣмъ вблизи, и художникамъ нужны лишь представленія о войнѣ, а не дѣйствительныя войны;—они съ успѣхомъ могутъ рисовать битвы, которыхъ никогда не видали, и описанія прошлыхъ войнъ даютъ имъ достаточный матеріалъ для творчества въ батальномъ стилѣ. Въ благодарность за обиліе сюжетовъ, доставляемыхъ войною, художники должны, будто бы, прикрашивать ее и признавать пользу кровавыхъ событій не только въ прошедшемъ, но и въ будущемъ,—какъ думаетъ Штенгель. Несомнѣнно, что успѣхи культуры были въ свое время многимъ обязаны рабству, и что самыя совершенныя произведенія искусства были созданы подъ вліяніемъ языческой миѳологіи; слѣдуетъ ли отсюда, что надо изъ чувства благодарности стоять за сохраненіе рабства и языческихъ вѣрованій? Самая мысль о пользѣ войны для искусства могла быть высказана только вслѣдствіе замѣны мыслей и понятій пустыми словами и звуками. Для искусства полезны сотни и тысячи убитыхъ

и раненыхъ, полезно топтаніе бѣгущихъ людей побѣдоносной конницею! Предметомъ художественнаго вдохновенія и изображенія могутъ быть и грандіозные пожары, и наводненія; но никто не станетъ говорить о пользѣ этихъ бѣдствій для развитія живописи и поэзіи. Однимъ изъ лучшихъ созданій Пушкинскаго генія, „Мѣднымъ Всадникомъ", мы обязаны наводненію 1824 года: это не побуждаетъ насъ, однако, считать наводненія полезными для литературы. Гибель Помпеи дала Брюллову сюжетъ для его знаменитой картины; но для цѣли художника было безразлично, произошла ли катастрофа на самомъ дѣлѣ, или о ней образовалась только легенда, сохранившаяся до нашихъ дней. Подвигъ англійской кавалеріи, затоптавшей нѣсколько сотъ боэровъ, могъ быть изображенъ на полотнѣ или въ стихахъ, хотя бы даже впослѣдствіи и оказалось, что онъ выдуманъ усерднымъ корреспондентомъ, сообщившимъ о немъ по телеграфу. Любознательный англійскій путешественникъ, отдавшій негритянскую дѣвушку на съѣденіе людоѣдамъ и присутствовавшій при процессѣ жертвоприношенія, желалъ только принести пользу наукѣ; быть можетъ, онъ обогатилъ свѣдѣнія объ антропофагіи своими точными описаніями и рисунками, и тѣмъ не менѣе его поступокъ вызвалъ негодованіе въ Англіи. Если, однако, избіеніе сотенъ и тысячъ людей можетъ быть оправдываемо соображеніями объ интересахъ искусства, то почему нельзя пожертвовать какой-нибудь негритянкою для пользы науки? Очевидно, нравственное чувство не позволяетъ примѣнивать утилитарные мотивы къ факту простого убійства—и тѣмъ болѣе убійства массоваго. Что касается торговли и промышленности, то въ прежнія времена военные походы открывали для нихъ новые пути и значительно способствовали расширенію торговыхъ связей; въ новѣйшую эпоху европейцы получили доступъ въ Китай и Японію только при помощи оружія. Но примѣнимо ли это къ современнымъ войнамъ и въ частности къ трансваальской войнѣ? При первыхъ симптомахъ разрыва, промышленность въ Трансваалѣ остановилась; золотые рудники, брилліантовыя и каменноугольныя копи внутри страны и въ прилегающихъ британскихъ владѣніяхъ закрылись, множество поселенцевъ осталось безъ работы, и во всей южной Африкѣ обнаружился острый экономическій кризисъ. Природныя богатства Трансвааля почти цѣликомъ находились въ рукахъ англійскихъ предпринимателей; промышленность свободно развивалась и процвѣтала, обогащая англичанъ безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ охраны и покровительства со стороны Англіи. Война была предпринята не во имя промышлен-

ныхъ правъ британскихъ поселенцевъ,—правъ, никѣмъ не отрицаемыхъ въ Трансваалѣ, —а во имя доставленія этимъ поселенцамъ политическаго господства, которое превратило бы южноафриканскую республику въ принадлежность Капской колоніи.

Наука почти во всѣхъ своихъ отрасляхъ—продолжаетъ профессоръ фонъ-Штенгель—исконно поощрялась войною; „это вѣрно относительно различныхъ техническихъ наукъ, также медицины и особенно хирургіи“... Польза войны для хирургіи, повидимому, безспорна: тяжелыя, сложныя и легкія раны, причиняемыя холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, даютъ обильный и незамѣнимый матеріалъ для врачей. Но такъ какъ медицина существуетъ для людей, а не люди — для медицины, то умноженіе числа калѣкъ не можетъ составлять ея задачу. Баронъ Штенгель смотритъ на причиненіе людямъ ранъ и увѣчій—какъ на полезную для науки вивисекцію; но вивисекція давала поводъ къ протестамъ, когда относилась только къ животнымъ, и никогда еще не предлагалась въ примѣненіи къ человѣку; если же допускать ее въ принципѣ, то по крайней мѣрѣ слѣдовало бы придать ей болѣе удобныя формы и устранить ея излишества, неизбѣжныя на полѣ сраженія. Сколько раненыхъ на войнѣ гибнетъ прежде чѣмъ дождется врачебной помощи! Самая помощь доставляется второпяхъ, осмотры и изслѣдованія производятся при тяжелой, ужасающей обстановкѣ; врачи теряются среди груды окровавленныхъ тѣлъ и не имѣютъ физической возможности думать о наукѣ, даже если бы обладали желѣзными нервами и сверхъ-человѣческимъ самообладаніемъ. Не лучше ли было бы ограничиться хирургическими изученіями и операціями въ клиникахъ, спеціально устроенныхъ для пользы науки? Легко себѣ представить безотрадное состояніе медицинской части на театрѣ войны въ южной Африкѣ. Когда телеграфъ приноситъ лаконическое извѣстіе, что англичане и боэры потеряли въ битвѣ нѣсколько сотъ человѣкъ, то это равносильно сообщенію о сотняхъ кровавыхъ трагедій, подробности которыхъ останутся навсегда неизвѣстными. Очень немногіе изъ раненыхъ попадаютъ своевременно на перевязочные пункты; легкія раны становятся тяжелыми отъ потери крови; стоны страждущихъ заглушаются трескомъ выстрѣловъ; живые и здоровые — если они не вынуждены бѣжать отъ непріятеля — поднимаютъ павшихъ и помогаютъ раненымъ какъ умѣютъ, и изъ послѣднихъ только счастливцы находятъ себѣ помѣщеніе въ лазаретѣ. Нужно особое бездушное филистерство, чтобы прибутывать къ этимъ кровавымъ

ужасамъ какія-то жалкія разсужденія о пользѣ науки и искусства, торговли и промышленности.

II.

„Отвращеніе къ войнѣ — говоритъ далѣе фонъ-Штенгель— происходитъ часто отъ мысли, что многіе люди теряютъ жизнь въ сраженіяхъ или дѣлаются калѣками; но какъ ни естественно такое отношеніе къ военнымъ бѣдствіямъ, оно все-таки ложно, ибо чрезмѣрно индивидуалистично. Конечно, общество и государство должны заботиться объ охранѣ и благосостояніи отдѣльныхъ личностей: но когда вопросъ касается интересовъ цѣлаго, то благо отдѣльнаго лица отступаетъ на задній планъ, и личность должна при извѣстныхъ обстоятельствахъ пожертвовать собою для цѣлаго". Все дѣло, однако, въ томъ, кто и какъ рѣшаетъ отъ имени цѣлаго, что отдѣльнымъ лицамъ пора принести себя въ жертву для общей пользы. Со стороны бюровъ моментъ самоотверженія былъ совершенно ясенъ, въ виду грозныхъ и торопливыхъ военныхъ приготовленій англичанъ; всѣ до единаго знали въ Трансваалѣ, что надо бороться съ оружіемъ въ рукахъ для защиты отъ великой опасности, во имя жизненныхъ интересовъ цѣлаго. Но можно ли то же самое сказать объ Англіи? Министръ колоній Чемберлэнъ рѣшилъ, что благо общества и государства требуетъ уничтоженія независимости Трансвааля и захвата его территоріи, согласно домогательствамъ дѣльцовъ привилегированной южно-африканской компаніи, во главѣ которой стоитъ извѣстный Сесиль Родесъ: а многіе добросовѣстные англичане совершенно иначе понимаютъ интересы цѣлаго и возстаютъ противъ завоевательной политики, не оправдываемой обстоятельствами. Массѣ отдѣльныхъ лицъ приходится жертвовать собою во имя соображеній, которыя по меньшей мѣрѣ представляются спорными. Будь министромъ сэръ Гаркортъ или Джонъ Морлей, война не была бы предпринята, и никому не пришлось бы погибать ради осуществленія плановъ Сесиля Родеса и его единомышленниковъ. Народы не нуждаются въ указаніяхъ, какіе интересы важнѣе—общіе или личные—въ минуты національныхъ невзгодъ, когда ставится вопросъ объ оборонѣ отъ внѣшняго врага. Мининъ и Пожарскій спасали отечество, не дожидаясь поученій теоретиковъ въ родѣ Штенгеля; но огромное большинство войнъ имѣетъ мало общаго съ сознательнымъ самоотверженіемъ для блага общества и государства.

„Какъ гроза очищаетъ воздухъ и опрокидываетъ деревья, прогнившія внутри, а здоровый и крѣпкій дубъ переживаетъ сильнѣйшія бури, — говоритъ далѣе фонъ-Штенгель, — такъ и война есть пробный камень для испытанія политическихъ, физическихъ и умственныхъ качествъ народа или государства. Не степень культуры и цивилизаціи, достигнутая народомъ, рѣшаетъ въ концѣ концовъ его судьбу, а то, что онъ въ состояніи сдѣлать на войнѣ".

Роль прогнившихъ насквозь деревьевъ выпадаетъ на долю боэровъ — здороваго и крѣпкаго народа голландскаго корня,— такъ какъ они имѣютъ всѣ шансы быть окончательно сломленными Англіею. Боэры не въ состояніи сдѣлать больше, чѣмъ идти безстрашно на встрѣчу смерти, и никакой народъ не въ состояніи сдѣлать ничего больше; а исходъ борьбы долженъ оказаться для нихъ печальнымъ, ибо противъ нихъ—усовершенствованныя орудія Максима, могущество и богатство первостепенной великой державы. Еслибы Голландія заступилась за Трансвааль, она несомнѣнно тоже была бы побѣждена и очутилась бы такъ же точно въ положеніи гнилого дерева, опрокинутаго бурею,—хотя она обладаетъ всѣми качествами здороваго и крѣпкаго организма. Нѣтъ ничего хуже и зловреднѣе произвольныхъ аллегорій, сбивающихъ мысль съ реальной почвы. Зачѣмъ говорить объ испытаніи внутреннихъ достоинствъ націй, когда дѣло идетъ о взаимномъ истребленіи? При войнѣ равносильныхъ народовъ лучшіе люди обѣихъ воюющихъ сторонъ докажутъ свое превосходство тѣмъ, что умрутъ, убивая другъ друга, и высокія нравственныя качества будутъ схоронены въ могилѣ. Подобный „экзаменъ" имѣетъ столько же смысла, какъ битье посуды для испытанія ея твердости. Такъ-называемыя полезныя, оздоравливающія войны возможны лишь при ненормальныхъ условіяхъ жизни отдѣльныхъ государствъ, когда нѣтъ законнаго способа избавиться отъ устарѣлыхъ внутреннихъ порядковъ и вывести страну изъ безнадежнаго, мертвеннаго застоя; внѣшнее столкновеніе, кончающееся неудачей, даетъ сильную встряску всему правительственному строю и открываетъ путь къ спасительнымъ необходимымъ реформамъ. Такова была для насъ крымская война; она косвенно принесла намъ громадную пользу, разоблачивъ несостоятельность системы, прикрывавшей внутреннюю гниль и бѣдность внѣшнимъ обманчивымъ блескомъ и самодовольствомъ. Но эта война имѣла для насъ полезные результаты только потому, что она не была доведена врагами до конца. вслѣдствіе ихъ собственной недостаточной подготовленности и въ силу вза-

имныхъ между ними разногласій; катастрофа для правительственнаго строя могла бы превратиться въ катастрофу для самой Россіи, еслибы непріятели рѣшились продолжать войну послѣ паденія Севастополя, при помощи свѣжихъ армій Пруссіи и Австро-Венгріи. Внѣшняя война — слишкомъ сильное и рискованное средство для внутреннихъ перемѣнъ, и нельзя считать нормальнымъ такое положеніе вещей, при которомъ общество вынуждено возлагать свои надежды на военные удары, способные сломить неумѣлую и неудачную, но всемогущую внутри правительственную власть. Франція испытала это на себѣ, когда седанскій погромъ освободилъ ее отъ затхлаго режима второй имперіи: передовая часть французскаго общества была бы довольна нѣмецкими побѣдами, еслибы онѣ привели только къ паденію Наполеона III; но нѣмцы пошли дальше, съ цѣлью надолго обезсилить самую націю и низвести ее съ занимаемаго ею мѣста въ Европѣ, а потому тяжелыя послѣдствія этой національной борьбы понынѣ угнетаютъ Францію и ея общественное мнѣніе, безъ различія партій.

Война „очищаетъ воздухъ“ отъ накопившагося электричества и разрѣшаетъ трудные, безъисходные внѣшніе кризисы; но въ атмосферѣ международной политики электричество накопляется и кризисы создаются при усердномъ участіи руководящихъ дѣятелей и нерѣдко всецѣло и исключительно по ихъ желанію. Чемберлэнъ велъ долгіе и сложные переговоры съ Трансваалемъ, добиваясь уступокъ въ пользу британскихъ поселенцевъ; трансваальское правительство постепенно уступало, шагъ за шагомъ, вырабатывая новые законы и предлагая извѣстные компромиссы для удовлетворенія англичанъ, и нѣсколько разъ лондонскія газеты возвѣщали о благополучномъ улаженіи спора. Но каждая уступка Трансвааля вызывала новыя требованія Чемберлэна; а когда наконецъ президентъ Крюгеръ готовъ былъ согласиться на все, лишь бы только спасти независимость республики на будущее время, англійскій министръ оборвалъ переговоры и высказался рѣзко противъ самой независимости Трансвааля. Вопросъ, находившійся на пути къ мирной развязкѣ, искусственно превращался въ кризисъ и постепенно доведенъ былъ до такого остраго состоянія, когда ни англичанамъ, ни бурамъ, не оставалось другого выхода, кромѣ войны. Благодаря стараніямъ лондонской дипломатіи, электричество накопилось, и потребовалось „очистить воздухъ“. Въ устройствѣ такихъ кризисовъ, кажущихся публикѣ стихійными и неотвратимыми, былъ великимъ

мастеромъ покойный Бисмаркъ. Пока онъ стоялъ во главѣ германскаго правительства, грозные кризисы возникали одинъ за другимъ; отношенія съ Франціею и Россіею періодически принимали оттѣнокъ, предвѣщавшій страшныя кровавыя бури въ близкомъ будущемъ. Рѣчи и намеки канцлера, какъ и заявленія его оффиціозной прессы, повсюду внушали убѣжденіе, что предстоитъ неминуемая борьба между двумя сосѣдними народами—русскимъ и германскимъ; такое же убѣжденіе господствовало и у насъ. Политическая атмосфера была часто тяжелая, удушливая, и рано или поздно насталъ бы моментъ, когда рѣшимость покончить съ кризисомъ привела бы къ роковому взрыву. Князь Бисмаркъ сошелъ со сцены, и всѣхъ этихъ мнимо-стихійныхъ и неотвратимыхъ кризисовъ какъ не бывало; газеты перестали говорить о предстоящихъ войнахъ, и международная атмосфера сама собою очистилась отъ нездоровыхъ элементовъ, поддерживавшихъ хроническую тревогу въ Европѣ. Многочисленные поклонники Бисмарка, воинственные нѣмецкіе патріоты, къ которымъ принадлежитъ и фонъ-Штенгель, пробавляются до сихъ поръ его идеями и находятъ великую мудрость въ его изреченіяхъ; но ихъ шовинизмъ выражается лишь въ невинныхъ формахъ патріотическаго самовосхваленія и нисколько не вліяетъ на практическую политику Германіи [1]). Чемберлэнъ дѣйствуетъ

---

[1]) Брошюрка Штенгеля не заслуживаетъ болѣе подробнаго разбора, и о ней даже вовсе не стоило бы говорить, еслибъ авторъ ея не былъ делегатомъ Германіи на Гаагской конференціи мира; но мы не можемъ не указать здѣсь на необыкновенную поверхностность и отрывочность его разсужденій, и на отсутствіе въ нихъ всякаго подобія доказательствъ и иногда даже здраваго смысла. Такъ, въ концѣ брошюрки (стр. 27), упомянувъ мимоходомъ объ Америкѣ и приписавъ ей стремленіе „диктовать законы старѣющей Европѣ“, авторъ внезапно восклицаетъ: „Должна ли германская имперія, при возможной будущей борьбѣ между Америкою и Европою (!), мирно держаться въ сторонѣ и покорно склониться предъ Америкою? Конечно, нѣтъ! Это уже потому невозможно, что политическое господство есть въ то же время и экономическое господство, и что Германія должна быть могущественна въ политическомъ и военномъ отношеніи, если она не желаетъ подвергнуться хозяйственному упадку“. Оттого проповѣдь мира въ Германіи и попытки отнять у нѣмецкаго народа „радостно-воинственный духъ“ являются или „сумасшествіемъ, или преступленіемъ“. Откуда взялась и на чемъ основана эта дикая мысль, что Европа, какъ цѣлое, должна будетъ отбиваться отъ нападенія Америки,—неизвѣстно; авторъ даже не замѣчаетъ несообразности того предположенія, что Англія, Россія, Франція и Германія будутъ дѣйствовать заодно: онъ просто назвалъ Европу, какъ часть свѣта, только потому, что Соединенные-Штаты названы имъ раньше Америкою. Этотъ образчикъ характеризуетъ первобытный способъ мышленія фонъ-Штенгеля. Авторъ серьезно говоритъ о вредѣ идей мира, мирныхъ конгрессовъ и конференцій (въ томъ числѣ особенно Гаагской), такъ какъ эти идеи (отождествляемыя почему-то съ „космополи-

не по рецептамъ Бисмарка и не по какимъ-либо общимъ политическимъ принципамъ, а по спеціально-англійскимъ соображеніямъ и разсчетамъ, какъ отвѣтственный руководитель колоніальной предпріимчивости Англіи; онъ сообщилъ трансваальскому вопросу то направленіе, какое считалъ наиболѣе выгоднымъ для страны, и затѣмъ, подготовивъ войну, предоставилъ самому Трансваалю начать военныя дѣйствія. Ловкость Чемберлэна превозносится въ англійской печати: въ немъ видятъ будущаго Биконсфильда, и популярность его ростетъ и крѣпнетъ, вопреки всѣмъ нападкамъ либеральной оппозиціи. Что война не вызывалась необходимостью и легко могла быть избѣгнута, что она есть вполнѣ дѣло рукъ Чемберлэна,—въ этомъ едва ли кто серьезно сомнѣвается въ самой Англіи. Большинство хорошо понимаетъ, что республика малокультурныхъ боэровъ, при непрерывномъ мирномъ наплывѣ энергическихъ британскихъ пришельцевъ, фактически перешла бы, во всякомъ случаѣ, во власть англичанъ, хотя бы съ сохраненіемъ номинальной независимости; но желаніе ускорить этотъ естественный ходъ вещей насиліемъ вообще одобряется народной массой и господствующимъ общественнымъ мнѣніемъ англичанъ.

Въ пользу идеи мира, столь рѣзко отброшенной въ сторону британской колоніальной политикою, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ только фактъ единодушнаго осужденія трансваальской войны во всей почти европейской печати. Какъ ни различны мотивы этого осужденія въ разныхъ странахъ, но оно прямо или косвенно указываетъ на отрицательное отношеніе къ военнымъ расправамъ между народами. Идея прочнаго и постояннаго мира съ трудомъ пробиваетъ себѣ путь въ общее сознаніе: но она находитъ твердую опору въ существующихъ условіяхъ международнаго общенія и во всемъ характерѣ современнаго быта. Въ предѣлахъ густо населенныхъ культурныхъ странъ война давно перестала быть средствомъ пріобрѣтенія для государствъ, а сдѣлалась источникомъ разоренія даже въ случаѣ

тическими мечтаніями") могутъ ослабить боевыя качества, воинственную бодрость (Kampfesfreudigkeit) и мужество нѣмцевъ; постановленіе баденской палаты объ исключеніи „шовинистскихъ примѣсей" изъ школьныхъ учебниковъ есть, по Штенгелю, „позорная глупость"; протестъ противъ рѣчи какой-то воинственной дамы о войнѣ „возмутительны"; поведеніе германскаго имперскаго сейма въ вопросѣ объ увеличеніи военнаго флота „постыдно" и „самоубійственно" и т. п. Вообще брошюрка Штенгеля до того ничтожна по содержанію и написана до того бездарно, что возбуждаетъ даже недоумѣніе—какъ могъ авторъ сдѣлаться профессоромъ въ ученой Германіи.

удачи, такъ какъ захватъ чужихъ владѣній не сопровождается уже отнятіемъ земель и имуществъ у непріятельскихъ подданныхъ и обязываетъ лишь къ дальнѣйшимъ усиліямъ и затратамъ для удержанія владычества надъ занятою областью и для предупрежденія попытокъ возмездія со стороны побѣжденныхъ. Мирныя завоеванія съ успѣхомъ замѣняютъ собою военныя предпріятія, и даже раздѣлъ территорій въ далекихъ краяхъ Африки и Азіи могъ совершиться безъ кровавыхъ конфликтовъ, путемъ мирныхъ соглашеній. Защитники военныхъ насилій могутъ легко почерпать убѣдительные аргументы изъ далекаго прошлаго, но эти аргументы ничего не доказываютъ относительно настоящаго и будущаго. Политическія учрежденія, нравы и способы дѣйствія мѣняются съ теченіемъ времени, и то, что имѣло смыслъ при извѣстныхъ условіяхъ, могло утратить значеніе съ перемѣною этихъ условій. Войны рѣдко предпринимаются во имя дѣйствительнаго права, или для обузданія и ограниченія зла; а если онѣ возникаютъ изъ мотивовъ человѣколюбія, то шансы побѣды и торжества часто оказываются именно на сторонѣ тѣхъ, которыхъ надлежало обуздать и ограничить. Стремленіе остановить беззаконіе далеко не всегда совпадаетъ съ превосходствомъ силы; послѣднее, напротивъ, само по себѣ соблазняетъ на путь беззаконій, и въ большей части войнъ сильный подавляетъ слабаго, независимо отъ того, кто правъ и кто виноватъ.

Почему же, однако, при такомъ общественномъ настроеніи въ Европѣ, не сдѣлано было ни малѣйшей попытки повліять на Англію въ смыслѣ предупрежденія кровопролитія? Многіе думаютъ, что подобный шагъ въ защиту мира могъ быть съ пользою сдѣланъ только тою великою державою, которая приняла на себя иниціативу въ созваніи Гаагской конференціи; но наша дипломатія держалась въ сторонѣ,—быть можетъ потому, что не была увѣрена въ достаточной авторитетности своего голоса для Англіи,—хотя эта пассивность не совсѣмъ соотвѣтствовала идеямъ и принципамъ, возвѣщеннымъ дипломатіею въ Гаагѣ.

III.

Наша т.-наз. патріотическая печать не разъ съ гордостью указывала на спокойный и въ то же время необыкновенно быстрый ростъ политическаго вліянія и авторитета Россіи въ современной Европѣ; но причины и условія этого роста остаются для многихъ не совсѣмъ ясными. Фактъ самъ по себѣ несомнѣнно

вѣренъ: за послѣднія 15—20 лѣтъ совершился рѣзкій поворотъ въ нашемъ общемъ международномъ положеніи. Всякій, кто слѣдилъ за иностранною печатью съ начала восьмидесятыхъ годовъ до настоящаго времени, долженъ былъ замѣтить огромную перемѣну въ тонѣ и характерѣ заграничныхъ сужденій о русскомъ государствѣ и народѣ. Прежде Россія представлялась иностранцамъ только грубою стихійной силою, противъ которой должны быть предпринимаемы внѣшнія охранительныя и предупредительныя мѣры; на нее смотрѣли какъ на постоянную угрозу общему спокойствію и миру культурнаго Запада, и единственнымъ способомъ для обезпеченія Европы отъ „казацкаго“ нашествія считалось привлеченіе Россіи къ союзу съ другими великими державами, преимущественно съ Германіею и Австро-Венгріею. Враждебное недовѣріе лежало въ основѣ этихъ политическихъ комбинацій; оно сопутствовало оффиціальной дружбѣ и съ неизмѣнною настойчивостью выражалось въ печати и въ общественномъ мнѣніи странъ, даже находившихся съ нами въ союзѣ. Наша дипломатія, при всемъ своемъ стараніи пріобрѣсть расположеніе Европы, встрѣчала повсюду скрытую или явную непріязнь и не пользовалась вообще никакимъ самостоятельнымъ вліяніемъ и авторитетомъ. Теперь мы видимъ совершенно другую картину: передовыя культурныя націи не только признаютъ Россію вполнѣ равноправною, но приписываютъ ей особую, исключительную роль, въ высшей степени лестную для нашего національнаго самолюбія.

Наглядпымъ примѣромъ и доказательствомъ этого новаго отношенія иностранцевъ къ Россіи можетъ служить недавняя Гаагская конференція. Въ былое время русская инициатива въ созывѣ такой конференціи возбудила бы недоумѣніе и дала бы поводъ къ недоброжелательнымъ комментаріямъ; державы вѣжливо отклонили бы проектъ, какъ несвоевременный и нецѣлесообразный, а печать подняла бы цѣлый рядъ щекотливыхъ вопросовъ, касающихся внѣшней и внутренней политики самой Россіи. Между тѣмъ августовскій циркуляръ прошлаго года вызвалъ сочувственное общественное движеніе во всѣхъ краяхъ міра и принятъ былъ правительствами и народами, какъ шагъ глубоко серьезный и значительный, отвѣчающій надеждамъ и стремленіямъ лучшей части человѣчества; Европа и Америка послѣдовали русскому призыву, и никто не усомнился въ нравственномъ правѣ Россіи играть руководящую роль въ подобномъ дѣлѣ.

Чѣмъ объяснить эту поразительную перемѣну? Гдѣ источникъ этого новаго взгляда на Россію, какъ на представитель-

нищу нравственныхъ идей? Чему обязаны мы уваженіемъ и сочувствіемъ просвѣщеннаго Запада? Стихійная сила, зависящая отъ численности населенія и отъ внушительной военной организаціи, существовала и раньше, и слѣдовательно не могла быть причиной указаннаго поворота; напротивъ, она именно и оправдывала вражду и подозрительность иностранныхъ націй и служила обычнымъ мотивомъ для непріязненныхъ коалицій. Наша внѣшняя политика, насколько она была направлена къ сохраненію мира, не измѣнялась со времени крымской войны: въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ она была даже болѣе проникнута духомъ солидарности съ Европою, чѣмъ въ позднѣйшіе годы, а усилившееся у насъ сознаніе національныхъ интересовъ никакъ не могло способствовать ослабленію прежняго антагонизма и недовѣрія по отношенію къ Россіи. Внутреннія наши обстоятельства за послѣднія два десятилѣтія также не приводятъ къ пониманію совершившейся перемѣны.

Репутація Россіи, какъ культурной державы, выросла и утвердилась въ мірѣ преимущественно благодаря воздѣйствію русской литературы, которое на нашихъ глазахъ стало виднымъ и прочнымъ элементомъ умственнаго движенія на Западѣ. Знакомство съ русской литературой распространилось въ Европѣ именно въ послѣднія 10—15 лѣтъ, и оно замѣтно отражается во всѣхъ разсужденіяхъ и отзывахъ иностранной печати о Россіи. Отдѣльные русскіе писатели были и прежде извѣстны за границей, какъ, напр., Тургеневъ, но дѣятельность ихъ связывалась съ западно-европейскимъ вліяніемъ, которое имѣло за себя и извѣстныя внѣшнія данныя. Русская литература въ цѣломъ, какъ вполнѣ самостоятельное порожденіе русскаго національнаго творчества, открылась Европѣ сравнительно недавно и сразу заняла равноправное и выдающееся мѣсто въ ряду старыхъ европейскихъ литературъ. Европа неожиданно получила новый и богатый матеріалъ для сужденій о русскомъ народѣ и обществѣ, и этотъ матеріалъ былъ таковъ, что долженъ былъ перевернуть всѣ прежнія понятія о Россіи. Великую литературу можетъ имѣть только великій народъ, призванный къ великой творческой роли въ мірѣ, — этотъ первый естественный выводъ напрашивался самъ собою. То, что̀ прежде было источникомъ опасеній и безпокойства, — стихійная, численная сила русскаго народа, — увеличивало и укрѣпляло теперь общую увѣренность въ великой культурной будущности Россіи. Русская литература, съ ея безпощаднымъ исканіемъ жизненной правды, съ ея чут-

костью къ высшимъ человѣческимъ идеаламъ и стремленіямъ, внушила иностранцамъ новый взглядъ на характеръ русскаго народа, на его чувства, мечтанія и порывы. Призраки варварства и казачества, отдѣлявшіе Россію отъ остальной Европы, незамѣтно разсѣялись. Скрытый психологическій процессъ, вызванный включеніемъ русской литературы въ общее умственное движеніе Запада, повліялъ неотразимо на международное положеніе Россіи и измѣнилъ кореннымъ образомъ ея общую репутацію въ культурномъ мірѣ. Русская литература, которая въ отечествѣ кажется многимъ непріятною, достойною лишь ограничительныхъ и стѣснительныхъ мѣръ, является въ дѣйствительности элементомъ политическаго вліянія и могущества Россіи. Русскій починъ въ дѣлѣ разоруженія никого не удивилъ за границей и ни въ комъ не возбудилъ подозрѣній относительно своей искренности, потому что онъ соотвѣтствовалъ общему тону впечатлѣній, вынесенныхъ изъ знакомства съ новѣйшею русскою литературою. Вездѣ чувствовалось и отчасти прямо высказывалось убѣжденіе, что идея о конференціи мира могла придти только изъ страны, гдѣ писалъ Достоевскій и гдѣ раздается нравственная проповѣдь Льва Толстого. Къ голосу Россіи прислушиваются съ сочувственнымъ вниманіемъ потому, что это голосъ не только первостепенной могущественной державы, но и великой націи, доказавшей свое право на моральное вліяніе и авторитетъ въ лицѣ своихъ великихъ писателей. Наша литература, независимо отъ ея различныхъ направленій, сыграла крупную политическую роль, несомнѣнно благотворную для государства, и этотъ фактъ долженъ въ свою очередь отразиться на внутреннемъ положеніи у насъ литературы. Литература, наука и печать переросли у насъ старыя полицейскія рамки, задерживавшія ихъ развитіе, и способствовали возвышенію Россіи въ глазахъ Европы гораздо больше, чѣмъ малоизвѣстная за границей оффиціальная дѣятельность бюрократіи.

Noblesse oblige, — и принятая на себя Россіею почетная роль защитницы правового порядка въ международныхъ отношеніяхъ налагаетъ на насъ извѣстныя обязательства, отъ которыхъ мы уже уклониться не можемъ. Возставъ противъ безправія внѣшнихъ войнъ и противъ тягостей вооруженнаго мира, мы этимъ самымъ отвергли принципъ господства силы надъ правомъ и опредѣлили тотъ путь, котораго будетъ держаться Россія въ дальнѣйшемъ ходѣ своей политической и общественной жизни. Къ несчастію, духъ войны питается чувствами и инстинктами,

обладающими чрезвычайной живучестью и далеко еще не обезоруженными даже въ сферѣ обычныхъ житейскихъ отношеній между различными элементами и классами населенія отдѣльныхъ государствъ. И мы какъ будто поколебались въ своемъ призваніи отстаивать идею справедливости въ международной политикѣ, когда разыгралась печальная трансваальская исторія...

Л. Слонимскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1899.

Права и составъ Государственнаго Совѣта. — Двѣ системы отмѣны новыхъ земскихъ расходовъ: вслѣдствіе ихъ непроизводительности и вслѣдствіе ихъ обременительности. — Программа улучшеній въ положеніи земскаго дѣла. — Земство и противопожарныя мѣры. — Еще о земскихъ ходатайствахъ. — Пересмотръ Городового Положенія.

Одинъ изъ извѣстныхъ нашихъ юристовъ, Н. М. Коркуновъ, напечаталъ недавно въ „Новомъ Времени" (№ 8468) любопытную статью: „О дѣйствующемъ учрежденіи Государственнаго Совѣта". Указавъ на то, что членамъ Государственнаго Совѣта не принадлежитъ право законодательнаго почина, авторъ напоминаетъ, что этимъ правомъ пользовался Государственный Совѣтъ, существовавшій въ первыя девять лѣтъ царствованія императора Александра I-го. За силою наказа, даннаго Совѣту 5-го апрѣля 1801 года, на его разсмотрѣніе поступали дѣла либо по повелѣніямъ императора, либо по предложеніямъ членовъ Совѣта: каждый членъ Совѣта могъ „предложить на его уваженіе всякаго рода дѣла для постановленія лучшаго, для пресѣченія какого-либо зла и для отвращенія злоупотребленій". Н. М. Коркуновъ приводитъ и примѣры пользованія этимъ правомъ. Особенно интересенъ слѣдующій случай: въ самомъ первомъ засѣданіи Совѣта, при обсужденіи разныхъ мѣръ, которыми предполагалось ознаменовать начало новаго царствованія, членами Совѣта было замѣчено, что ни одно изъ нихъ не касается поселянъ, которые составляютъ большинство обитателей государства, крайне отягощены различнаго рода налогами и податями и потому заслуживаютъ „особливаго уваженія". Въ виду этихъ обстоятельствъ и съ цѣлью показать, что и земледѣльцы „пользуются неограниченнымъ къ нимъ милосердіемъ Его Величества", Совѣтъ полагалъ дополнить всемилостивѣйшую грамоту народу постановленіемъ объ отмѣнѣ установленнаго въ 1797 г. сбора съ каждой ревизской души 26 копѣекъ на содержаніе подъемныхъ и артиллерій-

скихъ лошадей. „Полезно было бы“ — таково заключеніе г. Коркунова—„возстановить и теперь право законодательнаго почина за членами Государственнаго Совѣта, такъ какъ нерѣдко бываетъ, что министръ, занятый текущими дѣлами, не замѣчаетъ настоятельно необходимыхъ измѣненій дѣйствующаго законодательства. При непредоставленіи никому больше въ настоящее время права законодательнаго почина, никто другой не можетъ помочь ему въ этомъ. Еслибы право, принадлежавшее въ началѣ столѣтія членамъ Государственнаго Совѣта, было возстановлено, то уже самый фактъ этотъ заставилъ бы нашихъ министровъ быть болѣе чуткими къ запросамъ общественной жизни, чтобы не оказаться опережаемыми членами Государственнаго Совѣта“.

Мнѣніе Н. М. Коркунова кажется намъ совершенно правильнымъ. Текущія дѣла управленія и общія государственныя задачи, разрѣшимыя лишь путемъ законодательной дѣятельности—это двѣ сферы настолько различныя между собою, что переходъ отъ одной изъ нихъ къ другой сопряженъ съ большими затрудненіями и одновременное завѣдываніе обѣими почти неизбѣжно влечетъ за собою серьезныя неудобства. Вниманіе администратора невольно сосредоточивается на настоящемъ; взоръ законодателя долженъ проникать по возможности далеко въ будущее. Съ точки зрѣнія управленія всего важнѣе устраненіе или уменьшеніе препятствій, встрѣчаемыхъ административными мѣропріятіями въ правахъ частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій; съ точки зрѣнія законодательства эти права требуютъ охраны отнюдь не меньшей, чѣмъ свобода дѣйствій администраціи. Предоставленіе законодательнаго почина однимъ министрамъ отражается какъ на порядкѣ, въ какомъ ставятся, одинъ за другимъ, законодательные вопросы, такъ и на самомъ способѣ ихъ разрѣшенія. Откладывается sine die все то, что должно съузить область административнаго усмотрѣнія (напр. пересмотръ законовъ о печати, пересмотръ правилъ объ административной ссылкѣ и о полицейскомъ надзорѣ); усиленно двигается впередъ все то, что должно ее расширить. Образцомъ вліянія, оказываемаго способомъ составленія законопроектовъ на самое ихъ существо, можетъ служить проектъ новаго продовольственнаго устава. Нѣкоторымъ противовѣсомъ этому порядку явилось бы, безспорно, рекомендуемое Н. М. Коркуновымъ расширеніе правъ, принадлежащихъ членамъ Государственнаго Совѣта. Нельзя, однако, возлагать на него слишкомъ большія надежды, какъ потому, что члены Государственнаго Совѣта назначаются, большею частью, изъ среды тѣхъ же высшихъ административныхъ сферъ, такъ и потому, что на сторонѣ представителей административной власти оставалось бы вліяніе, свойственное ихъ оффиціальному положенію. На долю законопроектовъ, состав-

ленныхъ членами Государственнаго Совѣта, успѣхъ выпадалъ бы, по всей вѣроятности, только тогда, когда содержаніе ихъ было бы лишено принципіальнаго характера и не шло бы въ разрѣзъ съ господствующими теченіями. Восполнить пробѣлы текущаго законодательства, усилить въ немъ элементы, давно оттѣсненные на задній планъ, измѣнить общее его направленіе инициатива членовъ Государственнаго Совѣта едва ли оказалась бы въ состояніи. Это былъ бы только палліативъ, но палліативъ далеко не безполезный.

Возвысить значеніе Государственнаго Совѣта, возвратить ему то положеніе, которое онъ имѣлъ и долженъ былъ имѣть по мысли его учредителя, могло бы, кромѣ расширенія правъ отдѣльныхъ членовъ Совѣта, болѣе точное соблюденіе постановленій, опредѣляющихъ его призваніе и его кругъ дѣйствій. На основаніи ст. 1-й учрежденія Государственнаго Совѣта, „въ порядкѣ государственныхъ установленій Совѣтъ составляетъ сословіе, въ коемъ всѣ части управленія, въ главныхъ отношеніяхъ ихъ къ законодательству, соображаются и чрезъ него восходятъ къ верховной императорской власти". За силою ст. 22-й того же учрежденія, „въ порядкѣ государственныхъ дѣлъ, отъ разрѣшенія и утвержденія верховной императорской власти зависящихъ, на предварительное уваженіе Государственнаго Совѣта поступаютъ, между прочимъ: 1) всѣ предметы, требующіе новаго закона, устава или учрежденія; 2) предметы внутренняго управленія, требующіе отмѣны, ограниченія или дополненія прежнихъ положеній; 3) дѣла, требующія въ законахъ, уставахъ и учрежденіяхъ изъясненія истиннаго ихъ смысла; 4) мѣры и распоряженія общія, пріемлемыя къ успѣшнѣйшему исполненію существующихъ законовъ, уставовъ и учрежденій, и 5) общія внутреннія мѣры, въ чрезвычайныхъ случаяхъ пріемлемыя". Изъ этого перечня видно, что предварительному обсужденію въ Государственномъ Совѣтѣ подлежатъ не только всѣ законопроекты, не только все направленное къ измѣненію, дополненію, отмѣнѣ или авентичному толкованію дѣйствующихъ законовъ, но и *общія* мѣры, обезпечивающія исполненіе закона, не исключая даже тѣхъ, которыя принимаются въ *чрезвычайныхъ случаяхъ*. Этимъ послѣднимъ постановленіемъ совершенно точно разграничиваются сферы дѣйствій Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ. Въ вѣдомство Комитета входятъ чрезвычайныя мѣры *частнаго* характера, касающіяся отдѣльныхъ мѣстностей, лицъ, обществъ или учрежденій; но какъ только чрезвычайная мѣра распространяется или можетъ распространиться на все государство, какъ только она вызывается общими причинами, она должна быть предварительно разсмотрѣна Государственнымъ Совѣтомъ. Возьмемъ, для примѣра, положеніе о чрезвычайной и усиленной охранѣ: Комитетъ министровъ компетентенъ въ вопросѣ о томъ, гдѣ

должно быть введено или продолжено его дѣйствіе, но самое положеніе, какъ *общая* мѣра законодательнаго свойства, требовало обсужденія въ законодательномъ порядкѣ, т.-е. должно было пройти (но не прошло) черезъ Государственный Совѣтъ. Глубокое значеніе правила, выраженнаго въ пун. 5 ст. 22-ой учрежденія Госуд. Совѣта, становится еще болѣе яснымъ, если припомнить, что мѣры, принимаемыя подъ именемъ чрезвычайныхъ или временныхъ, сплошь и рядомъ обращаются въ постоянныя, ничѣмъ не отличаясь отъ обыкновеннаго закона. Въ самомъ дѣлѣ, всякій законъ, хотя и безсрочный по названію и формѣ, издается, въ сущности, только на время; съ наступленіемъ новыхъ условій онъ неизбѣжно подвергается болѣе или менѣе рѣшительнымъ перемѣнамъ. *Временною* въ тѣсномъ смыслѣ слова общегосударственная мѣра можетъ, собственно говоря, быть признаваема только тогда, когда она принимается на опредѣленный — и притомъ короткій—срокъ. Въ послѣднія два десятилѣтія установился обычай, въ силу котораго существенно важные вопросы государственной жизни разрѣшаются такъ называемыми временными, но безсрочными правилами, издаваемыми помимо Государственнаго Совѣта. Этотъ обычай не согласуется не только съ дѣйствительнымъ значеніемъ понятія о *временной* мѣрѣ, но и съ прямымъ требованіемъ законодательства: такія временныя правила, какъ, напр. правила 1882 г. о печати — если и разсматривать ихъ не какъ законы, а какъ „общія мѣры, въ чрезвычайныхъ случаяхъ пріемлемыя“,—несомнѣнно входятъ въ сферу вѣденія Государственнаго Совѣта. Иногда наименованіе правилъ „временными“ ведетъ къ тому, что они не вносятся даже на обсужденіе Комитета министровъ: такъ напр., временныя правила 29-го іюля нынѣшняго года (объ отвѣтственности за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ)—законодательный характеръ которыхъ доказывается уже тѣмъ, что они *ограничиваютъ* дѣйствіе льготъ, установленныхъ закономъ о воинской повинности (ср. пун. 2 ст. 22-ой учрежд. Госуд. Совѣта),—были предварительно разсмотрѣны только особымъ совѣщаніемъ не всѣхъ, а нѣкоторыхъ министровъ. Минуютъ иногда Государственный Совѣтъ и автентичныя толкованія законовъ — напр. разъясненіе Положенія объ усиленной охранѣ, состоявшееся, въ декабрѣ 1895 года, по всеподданнѣйшему докладу министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ... Излишне было бы объяснять значеніе гарантіи, представляемой предварительнымъ обсужденіемъ дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ: достаточно указать на то, что она закрѣплена даже основными законами. Компетенція высшаго государственнаго установленія опредѣлена не случайно: пока она не измѣнена, она должна оставаться неприкосновенною. Что̀ можетъ, притомъ, мѣшать соблюденію порядка, предписаннаго закономъ? Медленность законодательной работы? Но,

во-первыхъ, между различными „временными" правилами немного найдется такихъ, изданіе которыхъ представлялось неотложнымъ: вѣдь нельзя же утверждать, напримѣръ, что осенью 1882 года наша періодическая печать грозила опасностью государственному порядку и для обузданія ея были безсильны средства, предоставленныя администраціи закономъ 6-го апрѣля. Если, во-вторыхъ, и было periculum in mora, то почему же поспѣшно изданныя правила не были затѣмъ облечены въ форму законопроекта и внесены на обсужденіе Государственнаго Совѣта? Времени для этого было достаточно, потому что дѣйствіе многихъ „временныхъ" правилъ измѣряется годами и даже десятилѣтіями. Опытъ удостовѣряетъ, въ-третьихъ, что въ случаѣ надобности всѣ стадіи законодательной работы могутъ быть пройдены весьма быстро: такъ напр., изъятіе нѣкоторыхъ дѣлъ изъ вѣденія суда присяжныхъ, вызванное оправданіемъ, 31-го марта 1878 г., Вѣры Засуличъ, состоялось 9-го мая того же года. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимость „общей чрезвычайной мѣры" возникаетъ лѣтомъ, въ вакантное время, созывъ Государственнаго Совѣта замедлилъ бы ея осуществленіе развѣ на двѣ-три недѣли.

Важность соблюденія порядка, установленнаго для законодательныхъ мѣропріятій, сознавалась у насъ даже тогда, когда понятіе о законности было развито и распространено гораздо меньше чѣмъ въ настоящее время. Чрезвычайно характерны и интересны, съ этой точки зрѣнія, факты, сообщаемые въ „Запискахъ" барона М. А. Корфа („Русская Старина", августъ и сентябрь 1899 г.). По словамъ бар. Корфа, бывшаго въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ государственнымъ секретаремъ, тогдашній предсѣдатель Государственнаго Совѣта, кн. Васильчиковъ (отецъ извѣстнаго писателя и земскаго дѣятеля, кн. А. И. Васильчикова) всегда являлся горячимъ и убѣжденнымъ защитникомъ правъ и значенія Совѣта и всегда энергично выступалъ противъ всѣхъ шаговъ, которые тотъ или другой министръ дѣлали для обхода вліянія Совѣта. На разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта было внесено, въ 1841 г., дѣло о неправильномъ переселеніи оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ Перовскимъ казенныхъ крестьянъ въ калмыцкія степи, вопреки указу Сената. Военный министръ, гр. Чернышевъ, вмѣсто представленія по этому дѣлу объясненій въ Государственный Совѣтъ, сдѣлалъ его предметомъ непосредственнаго всеподданнѣйшаго доклада и испросилъ Высочайшее повелѣніе, которымъ дѣло разрѣшалось окончательно. Когда увѣдомленіе о томъ было получено въ Государственномъ Совѣтѣ, кн. Васильчиковъ пришелъ въ страшное негодованіе. Изъ всегда добраго, кроткаго и незлобиваго онъ превратился въ разъяреннаго льва. „Я никогда не позволялъ себѣ,—говорилъ онъ—присвоивать своему лицу вліянія на рѣшенія Государя по совѣтскимъ

дѣламъ, но гдѣ идетъ рѣчь объ охраненіи неприкосновенности собственной Его воли и правъ Совѣта, дѣйствующаго Его именемъ, тамъ я долженъ вступиться всѣми своими силами или все бросить и уйти"! На другой день Васильчиковъ поѣхалъ къ Государю и возвратился въ полномъ торжествѣ: послѣ его объясненій Государь повелѣлъ дать дѣлу прежній ходъ. Въ томъ же году на очередь поставленъ былъ вопросъ о дворовыхъ людяхъ. Государь, очень желавшій принять мѣры для обезпеченія дворовыхъ и для уменьшенія ихъ числа, повелѣлъ статсъ-секретарю Блудову составить проектъ указа, съ тѣмъ, чтобы проектъ этотъ былъ обсужденъ на совѣщаніи Блудова съ Дашковымъ и кн. Васильчиковымъ и послѣднимъ представленъ затѣмъ для утвержденія. Васильчиковъ не рѣшился буквально исполнить сообщенную ему волю Государя. Онъ доложилъ, что совершеніе такой важной мѣры помимо Государственнаго Совѣта уронитъ послѣдній въ общемъ мнѣніи, что обсужденіе этого дѣла за нѣсколько дней до обнародованія закона не представляетъ никакой опасности, что предполагаемая мѣра навѣрное будетъ одобрена огромнымъ большинствомъ Совѣта, наконецъ, что обсужденіе ея въ Совѣтѣ уменьшитъ противодѣйствіе ей на практикѣ со стороны аристократіи. „Да неужели же,—возразилъ съ своей стороны Государь,—когда самъ я признаю какую-нибудь вещь полезною или благодѣтельною, мнѣ непремѣнно надо спрашивать на нее сперва согласія Совѣта"? „Не *согласія*,—отвѣтилъ Васильчиковъ,—но *мнѣнія*—непремѣнно, потому что Совѣтъ для этого и существуетъ; или надо его уничтожить, или охранять тотъ законъ, который вы сами для него издали". Послѣ этихъ объясненій для обсужденія вопроса о дворовыхъ повелѣно было образовать особую коммиссію при Государственномъ Совѣтѣ... Отвѣтъ кн. Васильчикова—составляющій, въ сущности, парафразу извѣстныхъ словъ Петра Великаго: „всуе законы писать, коли ихъ не исполнять",—сохраняетъ все свое значеніе и для настоящаго времени. Законъ всегда можетъ быть измѣненъ или отмѣненъ, но пока онъ существуетъ, онъ долженъ быть исполняемъ—и особенно важно точное его исполненіе въ высшихъ сферахъ государственнаго управленія. Замѣтимъ, въ заключеніе, что *теперь* проведеніе *всѣхъ* законодательныхъ вопросовъ черезъ Государственный Совѣтъ съ одной стороны еще удобнѣе, съ другой—еще важнѣе, чѣмъ полъ-вѣка тому назадъ: удобнѣе — потому, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ законопроекты уже не хранятся въ тайнѣ и оглашеніе ихъ даже путемъ печати никому не кажется опаснымъ; важнѣе—потому, что задачи законодательства значительно усложнились, интересы, съ которыми ему приходится считаться, сдѣлались несравненно болѣе многочисленными и разнообразными.

Статья Н. М. Коркунова, упомянутая нами выше, заканчивается

указаніемъ на одно „странное ограниченіе состава Государственнаго Совѣта". „Не было ни одного случая"—говоритъ г. Коркуновъ,—„чтобы въ составъ Государственнаго Совѣта былъ включенъ какой-нибудь выдающійся іерархъ нашей первенствующей православной церкви. Присутствіе его по многимъ вопросамъ могло бы, однако, оказаться безспорно существенно полезнымъ". Намъ кажется, что мнимая странность объясняется очень просто. Хотя между предметами вѣдомства Государственнаго Совѣта (по департаменту гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ) и упомянуты дѣла духовнаго управленія (учр. Госуд. Совѣта ст. 25 прим. 3), но въ дѣйствительности вопросы, относящіеся къ православной церкви, восходятъ на разрѣшеніе верховной власти черезъ святѣйшій синодъ, даже тогда, когда они имѣютъ общегосударственное значеніе: правила о церковно-приходскихъ школахъ, напримѣръ, не были проведены черезъ Государственный Совѣтъ. Вѣдомство православнаго исповѣданія представлено, притомъ, въ Государственномъ Совѣтѣ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода. Составъ Государственнаго Совѣта отличается другою особенностью, гораздо болѣе важною, чѣмъ отмѣченная г. Коркуновымъ: это—почти безусловная его однородность. Членами Государственнаго Совѣта назначаются почти исключительно лица, достигшія высшихъ административныхъ или судебныхъ должностей: бывшіе министры, товарищи министра, генералъ-губернаторы, сенаторы (въ исключительныхъ случаяхъ—и губернаторы). Лѣтъ пятнадцать тому назадъ было допущено отступленіе отъ этой практики: въ Государственный Совѣтъ почти одновременно были призваны гр. Бобринскій, московскій губ. предводитель дворянства, и Г. П. Галаганъ, извѣстный своею общественною дѣятельностью, но никогда не занимавшій крупнаго служебнаго поста, а нѣсколько позже—И. А. Вышнеградскій, бывшій до тѣхъ поръ только профессоромъ, директоромъ разныхъ акціонерныхъ обществъ и, недолго, членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія. Съ тѣхъ поръ подобныя назначенія не повторялись. Между тѣмъ, давно прошло то время, когда опытность и знанія, необходимыя для членовъ высшаго законосовѣщательнаго учрежденія, могли быть пріобрѣтены только на государственной службѣ. Если лица, выдвинувшіяся своими способностями на поприщахъ не-служебныхъ, назначаются иногда прямо на высшія административныя должности, то тѣмъ менѣе препятствій, повидимому, представлялъ бы призывъ ихъ въ Государственный Совѣтъ. Если бы въ послѣднемъ, рядомъ съ бывшими администраторами и судьями, заняли мѣсто представители разныхъ отраслей общественной дѣятельности, то, конечно, было бы удовлетворено и пожеланіе И. М. Коркунова: въ Государственный Совѣтъ призваны были бы и іерархи православной церкви, послѣ чего са-

мая сила вещей привела бы и ко внесенію въ Государственный Совѣтъ всѣхъ „дѣлъ духовнаго управленія“, одинаково близко касающихся церкви и государства. Государственному Совѣту, соединяющему въ своей средѣ множество разнообразныхъ силъ, легче было бы сдѣлаться въ дѣйствительности тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть по буквѣ закона: средоточіемъ *всей* законодательной дѣятельности, въ полномъ ея объемѣ, безъ различія между правилами временными и постоянными, чрезвычайными и обыкновенными.

Мы говорили, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, объ опротестованіи тверскимъ губернаторомъ раскладокъ земскаго сбора по всѣмъ, за исключеніемъ одного, уѣздамъ тверской губерніи. Тверское губернское земское собраніе отклонило протестъ губернатора, который опротестовалъ какъ это постановленіе губернскаго собранія, такъ и всѣ новые расходы, введенные собраніемъ въ губернскую смѣту. Если вѣрить тверскому корреспонденту „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 258), протестъ губернатора, поддержанный министромъ внутреннихъ дѣлъ, уваженъ Комитетомъ министровъ: губернская смѣта уменьшена на всю сумму, на которую она была увеличена губернскимъ собраніемъ (67.233 руб.), а изъ десяти уѣздныхъ смѣтъ исключено расходовъ на 41.944 руб. „Итакъ,—восклицаетъ, ликуя, корреспондентъ московской газеты („старый земецъ“),—теперь положенъ предѣлъ непомѣрному увеличенію въ тверской губерніи земскихъ смѣтъ и раскладокъ, лежащихъ тяжелымъ бременемъ на населеніи, положенъ предѣлъ дѣятельности нашихъ либеральныхъ *друзей народа* въ этомъ направленіи... Мы увѣрены, что принятіе подъ свою защиту истинныхъ интересовъ населенія тверскимъ губернаторомъ будетъ встрѣчено полнымъ сочувствіемъ и благодарностью населенія тверской губерніи“. Не слишкомъ ли смѣла, однако, эта увѣренность? Земскія собранія состоятъ не изъ какихъ-то пришельцевъ, чуждыхъ данной мѣстности и равнодушно или враждебно относящихся къ ея интересамъ. Они представляютъ собою населеніе, конечно—не съ полною точностью, вслѣдствіе недостатковъ избирательной системы, но во всякомъ случаѣ гораздо больше и лучше, чѣмъ разные „старые земцы“, самозванные истолкователи его чувствъ и взглядовъ. Случайно, по отдѣльнымъ вопросамъ, уполномоченные могутъ разойтись съ своими довѣрителями, но такое разногласіе никогда не бываетъ ни повсемѣстнымъ, ни продолжительнымъ. Нельзя предположить, что всѣ уѣздныя собранія губерніи, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду [1]), систематически

[1]) Увеличеніе расходовъ состоялось, если мы не ошибаемся, и въ томъ уѣздѣ (тверскомъ), раскладка котораго не была опротестована губернаторомъ Ростъ зем-

или въ разрѣзъ съ населеніемъ, увеличивали, вопреки его желанію и безъ особой нужды, земское обложеніе... Ликуетъ, вмѣстѣ съ своимъ корреспондентомъ, и редакція мнимо-охранительной газеты, приводя, по этому поводу, болѣе чѣмъ странныя мысли. Подчеркивая исключеніе изъ губернской смѣты *всей* суммы, на которую она была увеличена въ послѣдней сессіи собранія, „Московскія Вѣдомости" видятъ въ этомъ „важный прецедентъ для дальнѣйшей борьбы администраціи съ непомѣрными расходами земскихъ учрежденій". „До сихъ поръ"—читаемъ мы дальше,—„нѣкоторые начальники губерній, имѣя въ виду нѣсколько поумѣрить пылъ земскихъ тратъ, брали на себя оцѣнку сравнительной полезности и необходимости тѣхъ или другихъ земскихъ расходовъ и заявляли свои протесты противъ тѣхъ статей этихъ расходовъ, которыя представлялись имъ наименѣе производительными. А такъ какъ бо́льшая или меньшая степень производительности каждаго общественнаго расхода является всегда болѣе или менѣе спорною, то выборъ статей земскихъ смѣтъ всегда представлялъ собою самое слабое мѣсто губернаторскихъ протестовъ. Въ настоящее время начальники губерній могутъ дѣйствовать прямѣе. Повидимому, по мнѣнію высшаго правительства вполнѣ достаточно установить обременительность для мѣстнаго населенія существующихъ земскихъ сборовъ, для того чтобы признано было необходимымъ остановить дальнѣйшее ихъ возрастаніе. Такой порядокъ несомнѣнно предпочтительнѣе и съ точки зрѣнія земскихъ учрежденій, такъ какъ правительство, не вмѣшиваясь въ вопросы о томъ, на что именно расходуютъ земскія учрежденія, въ предѣлахъ закона, свои средства, требуетъ лишь одного—чтобы при собираніи этихъ средствъ съ населенія послѣднее не обременялось чрезмѣрно". Все это разсужденіе—длинный рядъ ошибокъ. Отмѣна цѣлой группы новыхъ расходовъ, какъ обременительныхъ для населенія, вовсе не исключаетъ собою, во-первыхъ, отмѣну отдѣльныхъ смѣтныхъ назначеній, какъ непроизводительныхъ или излишнихъ; именно въ данномъ случаѣ, судя по свѣденіямъ, сообщаемымъ самою московскою газетою, имѣло мѣсто одновременно и то, и другое. Первоначально протестъ тверского губернатора былъ направленъ противъ уѣздныхъ *раскладокъ*, т.-е. противъ увеличенія расходовъ, независимо отъ ихъ назначенія; но затѣмъ, когда этотъ протестъ былъ отклоненъ губернскимъ собраніемъ, губернаторъ, по словамъ корреспондента „Московскихъ Вѣдомостей", „былъ вынужденъ войти въ разсмотрѣніе уѣздныхъ *смѣтъ* и намѣтить къ исключенію всѣ *непроизводительные* расходы". Новый про-

скихъ смѣтъ по тверской губерніи (какъ и по всѣмъ или почти всѣмъ остальнымъ) —явленіе не случайное, а повторяющееся изъ года въ годъ.

тестъ. насколько онъ касался уѣздныхъ земствъ, получилъ, такимъ образомъ, совершенно другой видъ [1]), и въ *этомъ* видѣ былъ уваженъ Комитетомъ министровъ. „Предпочтительнѣе“ для земскихъ учрежденій система, восхваляемая „Московскими Вѣдомостями“, не можетъ быть, слѣдовательно, признаваема уже потому, что рядомъ съ нею по прежнему—или съ еще бо́льшей силой, чѣмъ прежде—дѣйствуетъ и другая система, т.-е. контролируется не только *размѣръ*, но и *предметъ* расходовъ. Столь же неосновательны и доводы, приводимые московской газетой въ защиту огульной отмѣны новыхъ расходовъ. Постепенный ростъ расходовъ—неизбѣжная принадлежность всякаго общественнаго хозяйства: государственнаго, городского, земскаго, сословнаго. Возникаютъ новыя потребности, расширяются прежнія, болѣе дорогимъ становится ихъ удовлетвореніе. Замыкать общественное дѣло въ рамки однажды установленнаго бюджета значитъ обрекать его не только на застой, но на регрессъ. Каково было бы положеніе государства, если бы оно должно было отказаться, хотя бы на время, отъ повышенія своихъ расходовъ? Сколько важныхъ задачъ осталось бы непоставленными, сколько полезныхъ дѣлъ не было бы доведено до конца! Конечно, не всѣ расходы, вновь включаемые въ государственную смѣту, одинаково неотложны, одинаково производительны; но отсюда вытекаетъ только необходимость осмотрительности въ увеличеніи податного бремени, а не признаніе его чѣмъ-то неизмѣннымъ и неподвижнымъ. Непроизводство расхода, въ которомъ назрѣла надобность, можетъ обойтись государству гораздо дороже, чѣмъ обошелся бы самый расходъ. Все это вполнѣ примѣнимо и къ земству: наложеніе абсолютнаго veto на всякое повышеніе земской смѣты, парализуя земскую инціативу, несовмѣстимо съ нормальнымъ развитіемъ земской дѣятельности. Мы не принадлежимъ, конечно, къ числу сторонниковъ административнаго контроля надъ цѣлесообразностью земскихъ постановленій вообще и земскихъ расходовъ въ особенности; но это не мѣшаетъ намъ находить, что протесты, направленные противъ опредѣленныхъ смѣтныхъ назначеній, менѣе опасны, чѣмъ протесты противъ *всякаго* новаго назначенія, повышающаго об-

[1]) Замѣтимъ, мимоходомъ, что такое измѣненіе *содержанія* протеста едва ли согласно съ духомъ закона. Губернское земское собраніе, по отношенію къ протестамъ, приносимымъ на собранія уѣздныя, есть первая инстанція; если оно отклоняетъ протестъ, онъ можетъ быть повторенъ только на прежнихъ основаніяхъ—иначе высшая инстанція будетъ разсматривать совсѣмъ не то, что обсуждала первая, и вопросъ, вопреки намѣренію законодателя, будетъ разрѣшенъ только *одною* инстанціею. Еслибы тверской губернаторъ опротестовалъ съ самаго начала не уѣздныя раскладки, а отдѣльныя статьи уѣздныхъ смѣтъ, то губернское собраніе могло бы иначе отнестись къ его протесту и въ дальнѣйшемъ движеніи дѣла могло бы не оказаться надобности.

щую цифру смѣты. Въ первомъ случаѣ протестъ долженъ доказать *явную* непроизводительность расхода, что̀, какъ сознаютъ и „Московскія Вѣдомости", вовсе не легко: во второмъ случаѣ расходы производительные и непроизводительные смѣшиваются въ одно цѣлое и отвергаются во имя простой ариѳметической истины, что прибавка одного или нѣсколькихъ слагаемыхъ увеличиваетъ сумму. Обремепительность расходовъ для мѣстнаго населенія—понятіе относительное, съ трудомъ поддающееся точному опредѣленію. Въ настоящемъ случаѣ она установлена, повидимому, только на основаніи одного факта —быстраго роста расходовъ: по крайней мѣрѣ въ корреспонденціи „Московскихъ Вѣдомостей" не говорится ни о чемъ другомъ. Между тѣмъ, важенъ не ростъ расходовъ, который, самъ по себѣ, можетъ и не имѣть рѣшающаго значенія (напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда быстрому росту предшествовалъ продолжительный застой, и нужно спѣшить, чтобы нагнать потерянное время): важно, съ одной стороны, назначеніе, т.-е. цѣль новыхъ расходовъ, съ другой—отношеніе общей суммы земскаго сбора къ цѣнности и доходности облагаемыхъ имъ имуществъ. Между бюджетами государства и земства есть не только сходство, указанное нами выше, но и различіе: государство ничѣмъ (юридически) не связано въ пріисканіи новыхъ источниковъ дохода и въ повышеніи существующихъ налоговъ—а земство располагаетъ только немногими доходными статьями, и нѣкоторыми изъ нихъ располагаетъ только въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ. Естественный выходъ изъ этого положенія, разъ что оно затрудняетъ дѣятельность земства—включеніе въ кругъ земскаго обложенія предметовъ, до сихъ поръ изъ него изъятыхъ, или предоставленіе земству доли участія въ нѣкоторыхъ государственныхъ доходахъ. И то, и другое несравненно болѣе справедливо, чѣмъ искусственное ограниченіе земскихъ расходовъ—болѣе справедливо уже потому, что задачи, исполняемыя земствомъ, во многомъ не отличаются, по своему характеру, отъ задачъ, исполняемыхъ государствомъ.

Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 258) напечатана недавно интересная программа мѣропріятій, которыя могли бы улучшить положеніе земскаго дѣла—программа, составленная группой губернскихъ гласныхъ одной изъ южныхъ губерній. Она не представляетъ собою ничего существенно новаго, да составители ея, очевидно, и не гнались за новизною: они хотѣли только объединить мысли, давно носящіяся въ земской атмосферѣ. Главные пункты программы, судя по изложенію „Русскихъ Вѣдомостей", заключаются въ слѣдующемъ: несовмѣстимость должности земскаго начальника съ званіемъ гласнаго;

избираемость на земскія должности не только землевладѣльцевъ, обладающихъ полнымъ цензомъ, но и мелкихъ собственниковъ; возстановленіе порядка избранія гласныхъ, существовавшаго при дѣйствіи Положенія 1864 г.; право замѣщать земскія должности безъ утвержденія губернатора; освобожденіе земскихъ изданій отъ губернаторской цензуры и выпускъ ихъ подъ отвѣтственностью предсѣдателя управы; учрежденіе, въ качествѣ мелкой земской единицы, всесословной волости, органически связанной съ земствомъ и поставленной въ одинаковыя съ нимъ условія дѣятельности; отмѣна натуральныхъ повинностей; расширеніе программъ обученія въ начальныхъ земскихъ школахъ; дарованіе окончившимъ въ нихъ курсъ льготы третьяго разряда по воинской повинности и предоставленіе земству права открывать двухклассныя училища: передача всего продовольственнаго дѣла въ вѣденіе земства, при чемъ въ основаніе его организаціи должны быть положены концентрированіе хлѣбныхъ запасовъ и продовольственныхъ денежныхъ капиталовъ, мобилизація запаснаго хлѣба, веденіе дѣла на началахъ взаимности, широкое развитіе мелкихъ кредитныхъ учрежденій; участіе земства въ упорядоченіи переселеній и въ регулированіи отхожихъ промысловъ; упорядоченіе земскаго обложенія и привлеченіе къ нему промышленныхъ предпріятій по ихъ производительности; предоставленіе земству, по отношенію къ ходатайствамъ передъ Государемъ Императоромъ, такихъ же правъ, какія принадлежатъ дворянству; допущеніе представителей отъ земскихъ собраній къ участію въ разсмотрѣніи дѣлъ, вносимыхъ въ Комитетъ министровъ на основаніи ст. 91 Полож. о земск. учрежд. (т.-е. представленій объ отмѣнѣ постановленій, признаваемыхъ администраціею явно нарушающими интересы мѣстнаго населенія); разрѣшеніе областныхъ съѣздовъ земскихъ представителей нѣсколькихъ сосѣднихъ губерній, для объединенія земскихъ экономическихъ мѣропріятій.

Само собою разумѣется, что мы вполнѣ сочувствуемъ этой программѣ; немного найдется въ ней пожеланій, которыя не высказывалъ бы и нашъ журналъ. Можетъ возникнуть сомнѣніе, своевременно ли составленіе подобныхъ программъ, когда нѣтъ никакихъ поводовъ разсчитывать на перемѣну къ лучшему въ положеніи земскаго дѣла и даже, наоборотъ, существуетъ основаніе ожидать новыхъ ограниченій круга дѣйствій земскихъ учрежденій (напр. въ области продовольственнаго дѣла). Мы не раздѣляемъ этого сомнѣнія. Убѣжденные друзья земства всегда имѣютъ право—или, лучше сказать, всегда обязаны—работать надъ вопросомъ объ условіяхъ, при которыхъ возможна успѣшная дѣятельность земскихъ учрежденій. Рано или поздно этотъ вопросъ будетъ поставленъ на очередь и въ оффиціальныхъ сферахъ—и чѣмъ больше разрѣшеніе его будетъ подготовлено въ печати и въ земскихъ

собраніяхъ, тѣмъ меньше оно встрѣтитъ затрудненій въ дѣйствительности...

Изъ вступленія къ программѣ, мотивирующаго ея положенія, „Русскія Вѣдомости" приводятъ только одно указаніе, справедливо признавая его весьма важнымъ: „отъ земскаго дѣла совершенно отворачивается громадное большинство образованной молодежи изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Нисколько не интересуясь развитіемъ земскаго дѣла, эта молодежь толпами стремится въ суды и разныя канцеляріи, и во многихъ уѣздахъ съ каждымъ трехлѣтіемъ становится все труднѣе пополнять ряды земскихъ гласныхъ". „Было бы крайне желательно изслѣдовать"—говорятъ по этому поводу „Русскія Вѣдомости".—„составляетъ ли уклоненіе молодежи отъ земской дѣятельности лишь мѣстное явленіе въ той губерніи, гдѣ оно замѣчено, или оно наблюдается и въ другихъ мѣстностяхъ. А priori можно утверждать, что все усиливающійся со стороны правительства спросъ на интеллигентныя силы не можетъ не отвлекать молодежь отъ земской работы, съ внѣшней стороны представляющей менѣе привлекательности, нежели государственная служба". Если бы въ настоящее время существовалъ обще-земскій органъ, проектированный московской губернской земской управой, одною изъ первыхъ его задачъ послужило бы, по всей вѣроятности, собраніе по возможности полныхъ свѣдѣній о составѣ избирательныхъ съѣздовъ и собраній, т.-е. объ отношеніи общаго числа избирателей къ числу лицъ, дѣйствительно пользующихся своимъ избирательнымъ правомъ, и о распредѣленіи тѣхъ и другихъ по степени образованія и по общественному положенію. Быть можетъ, такую работу предпримете и „Вѣстникъ", основываемый министерствомъ внутреннихъ дѣлъ: она представляетъ интересъ не только для земства, но и для администраціи. Пока не собраны числовыя данныя, возможны только догадки—какъ о самомъ существованіи явленія, такъ и о его причинахъ. Что государственная служба отвлекаетъ часть молодежи отъ земской работы—это безспорно, но только по отношенію къ одному виду этой работы: по отношенію къ земской *службѣ*, т.-е. къ занятію земскихъ исполнительныхъ должностей (предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ). Избраніе въ *гласные* вполнѣ совмѣстимо съ государственной службой: мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что во всякомъ земскомъ собраніи найдется немало лицъ, занимающихъ тѣ или другія правительственныя должности. Между тѣмъ, составители программы говорятъ о постоянно увеличивающейся трудности пополнять ряды земскихъ *гласныхъ*. Здѣсь, слѣдовательно, должны дѣйствовать какія-нибудь другія причины, независящія отъ стремленія образованной молодежи на государственную службу. Одна изъ нихъ указана мимо-

ходомъ въ вступленіи къ программѣ: это—отсутствіе интереса къ развитію земскаго дѣла. Оно можетъ исходить изъ двухъ совершенно различныхъ, даже противоположныхъ источниковъ: изъ равнодушія къ общественной жизни, ко всему не касающемуся „собственной рубашки"—или, наоборотъ, изъ горячей преданности общественнымъ задачамъ. Что значительная часть современной молодежи несвободна отъ индифферентизма—это, къ несчастію, не подлежитъ сомнѣнію; въ выборѣ профессіи и занятій она расположена руководствоваться соображеніями чисто личнаго свойства—а эти соображенія говорятъ не только не въ пользу земской службы, но и не въ пользу участія въ избирательныхъ и земскихъ собраніяхъ, какъ непроизводительной потери времени, сопряженной съ непроизводительными расходами. Молодымъ людямъ, не поглощеннымъ всецѣло заботой о личной выгодѣ, земская дѣятельность можетъ показаться непроизводительною въ другомъ смыслѣ—поставленною въ слишкомъ тѣсные предѣлы, ограниченною слишкомъ тяжелыми стѣсненіями. Конечно, и въ настоящее время земскія учрежденія могутъ кое-что сдѣлать для народа: но способность удовлетворяться немногимъ всего менѣе свойственна именно лучшимъ представителямъ молодого поколѣнія. Ожидать болѣе широкаго и энергичнаго участія молодежи въ земскомъ дѣлѣ можно будетъ, поэтому, лишь тогда, когда раздвинутся его рамки и увеличится его жизненность—а такъ какъ это, въ свою очередь, предполагаетъ общую перемѣну настроенія, то въ ряды активныхъ земскихъ дѣятелей перейдутъ тогда и многіе изъ нынѣшнихъ индифферентовъ. Что касается спеціально земскихъ *должностей*, то увеличить число кандидатовъ на эти должности могло бы, больше всего, возстановленіе ихъ самостоятельности. Только она одна могла бы уравновѣсить выгоды, представляемыя государственной службой, и поднять уровень силъ, всецѣло посвящающихъ себя земству.

Въ то самое время, когда между земскими дѣятелями все болѣе и болѣе крѣпнетъ мысль о необходимости перемѣны къ лучшему въ положеніи земскаго дѣла, реакціоная печать выбивается изъ силъ, рекомендуя, прямо или косвенно, перемѣны противоположнаго свойства, совокупность которыхъ была бы равносильна упраздненію земства. Усиленнымъ нападеніямъ подвергается, между прочимъ, дѣятельность земскихъ учрежденій по взаимному страхованію и тѣсно связаннымъ съ нимъ противопожарнымъ мѣропріятіямъ. „Кто знаетъ въ деревнѣ"—восклицаютъ „Московскія Вѣдомости"—„о какихъ-либо противопожарныхъ правилахъ, а если и знаетъ, то кто ихъ исполняетъ и кто слѣдитъ за ихъ исполненіемъ? Кто знаетъ относящіяся къ дере-

вскому житью статьи строительнаго и пожарнаго уставовъ? Во многихъ ли деревняхъ имѣются пожарные обозы, ночные караулы? Правда, въ настоящее время земства стали снабжать деревни, въ кредитъ и разсрочку, пожарными трубами и другими инструментами; но какъ бы хороши ни были эти инструменты, практически полезное ихъ дѣйствіе возможно лишь при условіи правильнаго и умѣлаго пользованія ими. Этого въ деревнѣ, однако, не видно, а земства на эту сторону дѣла не обратили никакого вниманія". Почти одновременно съ этой статьей мы прочли въ „Новомъ Времени" (№ 8478) циркуляръ, разосланный черниговской губернской земской управой землевладѣльцамъ, священникамъ, учителямъ земскихъ сельскихъ школъ, земскимъ врачамъ, фельдшерамъ, волостнымъ и сельскимъ начальствамъ. Земство, какъ видно изъ этого циркуляра, беретъ на себя доставку сельскимъ обществамъ пожарныхъ трубъ за *одну треть* ихъ стоимости, разсрочивая ее, притомъ, на три года, безъ процентовъ. Испорченныя трубы чинятся на счетъ земства. При недостаткѣ воды въ селеніи, земство возмѣщаетъ половину расходовъ на устройство запруды, въ размѣрѣ до 100 руб. на селеніе. На расширеніе колодцевъ и приспособленіе ихъ къ пожарнымъ нуждамъ выдается пособіе въ размѣрѣ до 25 рублей. Такое же пособіе выдается на устройство колодца при выселеніи на новое мѣсто не менѣе трехъ дворовъ. Установляются разныя преміи въ пользу лицъ, способствовавшихъ тушенію пожара. Для устройства огнеупорныхъ крышъ земство посылаетъ на свой счетъ мастеровъ. Крестьянамъ рекомендуется устройство пожарныхъ дружинъ, подъ руководствомъ опытнаго руководителя, при чемъ дружинѣ обѣщается помощь отъ земства въ размѣрѣ до 150 рублей. Въ этихъ мѣрахъ черниговскаго земства нѣтъ ничего новаго, небывалаго; многія земства—напр. петербургское — уже гораздо раньше снабжали селенія пожарными трубами по сильно уменьшенной цѣнѣ (а не просто въ кредитъ, какъ говорятъ „Московскія Вѣдомости"), заботились о распространеніи огнеупорныхъ крышъ, способствовали устройству пожарныхъ дружинъ или пожарныхъ обществъ и т. п. Можно сказать, не рискуя ошибкой, что во всѣхъ этихъ отношеніяхъ въ земскихъ губерніяхъ сдѣлано и дѣлается гораздо больше, чѣмъ въ не-земскихъ. Идти еще дальше земству крайне трудно, какъ потому, что у него нѣтъ ни исполнительной власти, ни органовъ на мѣстахъ, такъ и потому, что наиболѣе радикальныя противопожарныя мѣры возможны только при особыхъ условіяхъ: такъ напримѣръ, перестройка селеній по заранѣе составленнымъ планамъ, съ достаточною шириною улицъ и достаточными разстояніями между домами, можетъ быть предпринята лишь послѣ большого пожара... Вопросамъ, задаваемымъ московской газетой, съ гораздо бо́льшимъ правомъ можно противопоставить цѣлый рядъ другихъ. Если въ селеніяхъ не исполняются требованія уста-

вовъ строительнаго и пожарнаго, то почему не настаиваютъ на исполненіи ихъ земскіе начальники, непосредственно и черезъ подчиненныя имъ волостныя и сельскія власти? Почему они не заботятся объ устройствѣ пожарныхъ обозовъ и ночныхъ карауловъ? Почему они не стараются пріучить крестьянъ къ умѣлому пользованію пожарными трубами и другими инструментами, гдѣ такіе инструменты есть на лицо? Почему они не совѣтуютъ сельскимъ обществамъ, не имѣющимъ пожарныхъ трубъ, пріобрѣсти ихъ съ помощью земства? Вмѣсто того, чтобы во всемъ обвинять земство, не лучше ли было бы дать себѣ ясный отчетъ въ размѣрѣ его средствъ и правъ и въ распредѣленіи отвѣтственности между всесильной администраціей и безсильнымъ хозяйственнымъ управленіемъ?

Говоря о принадлежащемъ земству правѣ ходатайства, мы неоднократно указывали на то, что въ высшихъ административныхъ сферахъ понятіе о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ толковалось и толкуется не въ томъ тѣсномъ смыслѣ, какой старается придать ему реакціонная печать. Подтвержденіемъ нашего мнѣнія служитъ отвѣтъ, данный недавно на ходатайство нижегородскаго губернскаго земскаго собранія о включеніи въ составъ губернскаго по фабричнымъ дѣламъ присутствія одного представителя отъ земства, въ видахъ защиты интересовъ земскихъ плательщиковъ, служащихъ на фабрикахъ и заводахъ. Съ точки зрѣнія, поддерживаемой мнимо-охранительными газетами, это ходатайство должно было быть оставлено *безъ разсмотрѣнія*, потому что оно было направлено къ дополненію *общаго* закона—а за земствомъ признается право просить только о томъ, что̀ касается исключительно интересовъ данной *мѣстности*. Не такъ, однако, поступилъ министръ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ финансовъ: онъ разсмотрѣлъ ходатайство по существу и призналъ его не подлежащимъ удовлетворенію, потому что въ составъ фабричнаго присутствія представители земства, какъ постоянные члены, закономъ не включены, но въ засѣданія присутствія могутъ быть приглашаемы свѣдущія лица, а слѣдовательно и представители отъ земствъ, въ случаѣ разсмотрѣнія дѣлъ, касающихся интересовъ земства. Съ формальной стороны этотъ отвѣтъ едва ли можетъ быть признанъ правильнымъ, такъ какъ отклоненіе земскихъ ходатайствъ зависитъ, по закону, отъ Комитета министровъ; со стороны содержанія онъ представляется неполнымъ, такъ какъ не указываетъ причинъ, препятствующихъ дополненію закона въ желанномъ для земства смыслѣ; но во всякомъ случаѣ онъ еще разъ свидѣтельствуетъ о томъ, что *въ принципѣ* ходатайства о дополненіи (или измѣненіи) закона не считаются выходящими изъ предѣловъ вѣдомства земскихъ учрежденій.

Узкое толкованіе права ходатайствъ встрѣчается, къ сожалѣнію, не только въ печати, но и въ самихъ земскихъ собраніяхъ, со стороны ихъ предсѣдателей. Разсмотрѣнію новгородскаго губернскаго земскаго собранія, въ послѣдней очередной его сессіи, подлежали доклады губернской управы о двухъ ходатайствахъ, возбужденныхъ бѣлозерскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ и имѣвшихъ предметомъ измѣненіе нѣкоторыхъ статей устава о воинской повинности. Предсѣдатель собранія, губернскій предводитель дворянства кн. Б. А. Васильчиковъ, заявилъ, что онъ признаетъ подобные вопросы не подлежащими разсмотрѣнію земскаго собранія и считаетъ необходимымъ снять оба ходатайства съ очереди. Противъ этого распоряженія протестовалъ одинъ изъ уѣздныхъ предводителей, и оно, вѣроятно, будетъ обжаловано въ сенатъ. Неправильность его вытекаетъ не только изъ общихъ соображеній, приведенныхъ нами выше, но и изъ особыхъ обстоятельствъ даннаго случая, какъ нельзя лучше разъясненныхъ „Русскими Вѣдомостями". На основаніи правилъ о порядкѣ производства дѣлъ въ общественныхъ собраніяхъ, *предложеніе одного или нѣсколькихъ членовъ*, которое предсѣдатель признаетъ несогласнымъ съ законами или выходящимъ изъ круга предметовъ вѣдомства собранія, не подлежитъ дальнѣйшему обсужденію. По справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей", это правило касается тѣхъ предложеній, которыя дѣлаются тутъ же, въ собраніи, а не докладовъ, изготовленныхъ заранѣе и прошедшихъ извѣстныя предварительныя стадіи обсужденія и цензуры. Докладъ управы — не „предложеніе одного или нѣсколькихъ членовъ", о которомъ говорится въ вышеприведенномъ постановленіи закона. Еще менѣе это постановленіе можетъ относиться къ тѣмъ вопросамъ, которые перенесены въ губернское собраніе по рѣшенію уѣзднаго земскаго собранія; здѣсь уже внѣ всякаго сомнѣнія имѣется не „предложеніе одного или нѣсколькихъ членовъ", а представленіе независимаго учрежденія. Сенатъ — продолжаютъ „Русскія Вѣдомости" — „неоднократно разъяснялъ, что земское ходатайство, независимо отъ своего содержанія, не можетъ быть признано постановленіемъ, несогласнымъ съ закономъ, такъ какъ оно не вызываетъ такихъ дѣйствій, которыя должны быть предупреждены. Земскаго постановленія о возбужденіи ходатайства передъ высшимъ правительствомъ не можетъ остановить губернаторъ, не можетъ своею властью отклонить министръ; отказъ въ ходатайствѣ можетъ послѣдовать только черезъ Комитетъ министровъ. Предсѣдателю земскаго собранія отнюдь не можетъ, слѣдовательно, принадлежать право снимать съ обсужденія предложеніе о ходатайствѣ передъ правительствомъ, потому что иначе у него оказалась бы власть большая, чѣмъ у губернатора и даже у министра".

Хотя новое Городовое Положеніе издано два года спустя послѣ земскаго. оно, повидимому. ближе къ пересмотру, имѣющему коснуться нѣкоторыхъ изъ главныхъ его основаній. При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учреждена, какъ извѣстно, коммиссія для разсмотрѣнія вопроса о передачѣ въ пользу городовъ государственнаго квартирнаго налога. Этотъ вопросъ оказался неразрѣшимымъ безъ постановки и обсужденія многихъ другихъ, существенно важныхъ. Признано необходимымъ опредѣлить, прежде всего, долженъ ли платежъ квартирнаго налога служить основаніемъ избирательнаго права, и если долженъ, то при какой именно минимальной суммѣ платежа. Съ увеличеніемъ числа избирателей тѣсно связано увеличеніе числа гласныхъ, также включенное въ кругъ занятій коммиссіи. Она коснется, затѣмъ, и цѣлесообразности другихъ реформъ—напр., ежегоднаго, по частямъ, обновленія городской думы и децентрализаціи управленія крупными городами, путемъ раздѣленія города на участки. Данныя для работъ коммиссіи получаются ею какъ отъ губернаторовъ, такъ и отъ городскихъ управленій. Если вѣрить „Гражданину“, большинство послѣднихъ высказалось противъ обязательнаго установленія городского квартирнаго налога. Основаніемъ къ такому заключенію послужило то, что хотя средства городовъ вообще и очень недостаточны, но установленіе городского квартирнаго налога, по незначительности его суммы, не можетъ имѣть сколько-нибудь существеннаго значенія для улучшенія городскихъ бюджетовъ, а между тѣмъ вызоветъ новые расходы по опредѣленію размѣровъ налога и самому его взиманію и будетъ обременительно какъ для домовладѣльцевъ, такъ и для квартиронанимателей. Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ города, постоянно и не безъ основанія сѣтующіе на недостаточность своихъ средствъ, отказываются отъ увеличенія городскихъ доходовъ. Эта странность объясняется очень просто: отказъ идетъ не отъ городского *населенія*, а отъ городского *управленія*. Представляя собою весьма небольшую часть городскихъ жителей, городскія думы заинтересованы въ сохраненіи дѣйствующей избирательной системы—а она не можетъ остаться неизмѣнной, разъ что квартиронаниматели сдѣлаются плательщиками *городского* сбора. Поставить введеніе городского квартирнаго налога въ зависимость отъ усмотрѣнія городскихъ думъ значило бы, поэтому, отсрочить на неопредѣленное время реформу, въ высокой степени настоятельную. Уступить городамъ одинъ изъ своихъ доходовъ государство можетъ именно потому, что съ этой уступкой связана перемѣна къ лучшему въ городскомъ хозяйствѣ. Сосредоточеніе его въ рукахъ домовладѣльцевъ и купцовъ даетъ крайне нежелательные результаты: необходимо освѣжить его притокомъ новыхъ силъ, которыя могутъ найтись только

въ средѣ квартиронанимателей. Мы думаемъ, что избирательное право безъ всякихъ затрудненій могло бы быть предоставлено всѣмъ плательщикамъ квартирнаго налога: вѣдь наиболѣе дешевыя квартиры освобождены отъ налога, и слѣдовательно самый фактъ его уплаты является уже самъ по себѣ—имущественнымъ цензомъ. Опасаться многочисленности избирателей нѣтъ причины, потому что они могутъ быть распредѣлены по частямъ города: не слѣдуетъ только ограничивать *пассивное* избирательное право, обязывая жителей даннаго участка избирать гласныхъ непремѣнно изъ ихъ собственной среды. Въ городахъ самые близкіе сосѣди очень часто не знаютъ другъ друга; районъ извѣстности, напримѣръ, городского жителя обусловливается, сплошь и рядомъ, не тѣмъ, гдѣ онъ квартируетъ, а тѣмъ, гдѣ, главнымъ образомъ, проявляется его дѣятельность. Выборы по участкамъ должны имѣть въ виду не группировку гласныхъ по мѣсту жительства, а исключительно удобство избирательной процедуры. Едва ли, съ другой стороны, желательно образованіе чего-то въ родѣ участковыхъ управъ, конкуррирующихъ съ центральнымъ городскимъ управленіемъ. Весьма полезны, безспорно, мѣстныя попечительства по разнымъ отраслямъ городского хозяйства—но они вполнѣ возможны и на почвѣ дѣйствующаго Городового Положенія: припомнимъ, напримѣръ, благотворительныя попечительства въ Москвѣ. Столь же возможно и распредѣленіе занятій между членами управы и исполнительныхъ коммиссій не по предметамъ — или не только по предметамъ, — а, въ большей или меньшей степени, и по частямъ города. Дальнѣйшее дробленіе функцій могло бы привести къ усложненію городского хозяйства, не уравновѣшиваемому болѣе успѣшнымъ его развитіемъ... Упомянемъ, въ заключеніе, объ оригинальной мысли, заявленной многими городскими управленіями: они находятъ, что въ случаѣ передачи квартирнаго налога въ пользу городовъ, отъ него должны быть освобождены квартиры домохозяевъ, такъ какъ послѣдніе уплачиваютъ уже въ городскія кассы оцѣночный сборъ. Но вѣдь теперь, когда квартирный налогъ идетъ въ пользу государства, платятъ же его домохозяева, хотя на нихъ и лежитъ государственный налогъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ? На какомъ же основаніи льгота, оказываемая городамъ, должна обратиться въ льготу домовладѣльцамъ? На какомъ основаніи домовладѣлецъ, живущій въ собственномъ домѣ, долженъ быть поставленъ въ болѣе выгодныя условія, чѣмъ домовладѣлецъ, живущій въ чужомъ домѣ и, слѣдовательно, входящій въ разрядъ квартиронанимателей?.. Ничего подобнаго, очевидно, не могли бы предложить городскія думы, если бы въ ихъ составѣ не преобладали до такой степени домовладѣльцы!..

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1899.

Трансваальская война.—Исторія „южно-африканской республики“ и ея отношеній къ англичанамъ.—Переговоры о правахъ иностранныхъ поселенцевъ въ Трансваалѣ.—Уступки президента Крюгера и требованія Чемберлэна.—Печальная развязка.—Третейскій судъ по венецуэльскому вопросу.—Политическій кризисъ въ Австріи.

Трансваальскіе „боэры“, т.-е. земледѣльцы или фермеры голландскаго и частью французскаго происхожденія, занимающіе въ южной Африкѣ область по ту сторону Вааля, притока Оранжевой рѣки, уже не въ первый разъ берутся за оружіе для защиты отъ англійскихъ посягательствъ; но никогда они еще не возбуждали такого общаго интереса и сочувствія въ Европѣ, какъ въ настоящее время. Судьба республики боэровъ поставлена теперь на карту, и новое „имперіалистское“ направленіе британской политики, о которомъ такъ много говорятъ въ послѣдніе годы, должно принести свои первые крупные плоды.

Трансвааль, какъ самостоятельное государство, существуетъ съ 1852 года. Потомки голландскихъ поселенцевъ и французскихъ гугенотовъ, основавшихъ въ XVII вѣкѣ Капскую колонію, подпали подъ власть Англіи въ началѣ текущаго столѣтія; но не всѣ подчинились англичанамъ: въ тридцатыхъ годахъ, часть выселилась къ сѣверу на свободныя земли, и послѣ долгой борьбы съ кафрами и зулусами утвердилась въ долинахъ Вааля и Оранжевой рѣки; англичане объявили новыя поселенія подвластными капскому правительству; боэры, подъ предводительствомъ Преторіуса, передвинулись дальше на сѣверъ и образовали республику по ту сторону Вааля (отсюда Trans-Vaal); англійскія прокламаціи слѣдовали за ними, и только возстаніе кафровъ въ 1851 году убѣдило англичанъ въ необходимости мирнаго сближенія и союза бѣлыхъ, чтобы держать въ повиновеніи воинственныя туземныя племена. Поселенцамъ Оранжевой рѣки и Трансвааля предоставлено было пользоваться политическою независимостью; въ этомъ смыслѣ заключена была конвенція 17 января 1852 года между делегатами трансваальскихъ боэровъ и уполномоченными британскаго правительства. Частыя столкновенія съ туземцами и внутреннія междоусобія не давали, однако, упрочиться южно-африканской или трансваальской республикѣ; тѣмъ временемъ въ занятыхъ ею земляхъ открылись богатые золотые рудники, привлекшіе англійскихъ предпринимателей, и англичане не могли уже относиться равнодушно къ самостоятель-

ному существованію Трансвааля. Неудачи боэровъ въ борьбѣ съ зулусами послужили для Англіи поводомъ вмѣшаться и провозгласить въ 1877 году присоединеніе Трансвааля къ Капской области. Боэрамъ опять пришлось отбиваться отъ англичанъ: въ 1881 году, подъ руководствомъ нынѣшняго президента Крюгера, они одержали нѣсколько побѣдъ, которыя завершились пораженіемъ англійскаго отряда при Маюбѣ или Маюба-гиллѣ. Министерство Гладстона рѣшило тогда отказаться отъ завоевательныхъ плановъ, и конвенціею, подписанною въ Преторіи 3 августа 1881 года, была вновь подтверждена независимость южно-африканской республики. Впослѣдствіи договоръ этотъ подвергся пересмотру, и положеніе Трансвааля опредѣлено болѣе точно лондонскою конвенціею 27 февраля 1884 года, которая и является окончательною формальной основою внѣшней самостоятельности боэровъ. Такъ какъ области племенъ Бечуановъ, Грикуа и Матабеле, прилегающія къ Трансваалю съ запада и съ сѣвера, находятся теперь подъ англійскимъ протекторатомъ, то территорія республики не можетъ уже расширяться дальнѣйшимъ занятіемъ свободныхъ земель; почти со всѣхъ сторонъ она тѣсно охвачена кольцомъ британскихъ владѣній, и только на югѣ она граничитъ съ родственнымъ „вольнымъ государствомъ" Оранжевой рѣки, а на западѣ—съ остатками португальскихъ колоній. На пространствѣ въ 308,560 квадратныхъ километровъ живетъ, по новѣйшимъ даннымъ, 288 тысячъ бѣлыхъ и около 650 тысячъ негровъ; разнородные пришлые элементы составляютъ двѣ трети бѣлаго населенія; число англичанъ доходитъ до 50 тысячъ. Людей, способныхъ носить оружіе и обязанныхъ явиться по призыву въ ряды войска, считается отъ 25 до 30 тысячъ, въ возрастѣ отъ 16 до 60 лѣтъ; каждый долженъ имѣть свое вооруженіе, лошадь, боевые и съѣстные припасы. По конституціи 13 февраля 1858 года, пересмотрѣнной въ 1890 году, всѣ общія государственныя дѣла рѣшаются представительнымъ народнымъ собраніемъ (Volksraad) изъ двухъ палатъ: первая избирается полноправными гражданами на три года; она назначаетъ президента республики на пять лѣтъ, а также главнокомандующаго и правительственнаго секретаря или статсъ-секретаря; эти три сановника, вмѣстѣ съ двумя прибавочными выборными членами, образуютъ исполнительный совѣтъ, на которомъ лежитъ отвѣтственность за управленіе страною. Второй „раадъ" избирается при участіи иностранныхъ поселенцевъ, для обсужденія и рѣшенія вопросовъ, касающихся промышленности и торговли, и въ частности рудниковъ и пріисковъ. Въ силу особыхъ полномочій, даваемыхъ первымъ народнымъ собраніемъ, президентъ фактически сосредоточиваетъ правительственную власть въ своихъ рукахъ. Знаменитый нынѣ Стефанъ-Іоганнъ-Пауль Крюгеръ („Oom Paul") стоитъ во главѣ государства съ 1883 г.

и, слѣдовательно, исполняетъ свои функціи уже четвертое пятилѣтіе; онъ родился въ Капской области въ 1825 году, такъ что ему теперь 74 года. Страна особенно богата золотомъ, разработка котораго началась со второй половины шестидесятыхъ годовъ и получила громадное развитіе въ послѣдніе годы; вывозъ золота превышаетъ теперь 12 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Государственные доходы и расходы опредѣляются приблизительно въ $4^1/_2$ милліоновъ фунтовъ въ годъ. Иностранцы преобладаютъ въ золотопромышленныхъ округахъ и имѣютъ свой центръ въ Іоганнесбургѣ,—крупнѣйшемъ и красивѣйшемъ городѣ Трансвааля, выросшемъ въ поразительно короткій срокъ одного десятилѣтія [1]). Въ 1887 году, на мѣстѣ Іоганнесбурга было еще небольшое поселеніе изъ временныхъ бараковъ; а теперь тамъ цѣлый европейскій городъ, съ 85 тысячами жителей, съ массою роскошныхъ зданій. Сравнительно съ этимъ новенькимъ, лихорадочно оживленнымъ городомъ, отстоящая отъ него на 70 километровъ столица, Преторія, кажется лишь жалкой деревушкой. Изъ Іоганнесбурга идетъ все враждебное движеніе противъ боэровъ; тамъ требуются реформы въ пользу иностранныхъ поселенцевъ, „уитлэндеровъ“, лишенныхъ права голоса при избраніи членовъ перваго „раада“ и не имѣющихъ поэтому возможности непосредственно вліять на законодательство и управленіе. Въ Іоганнесбургѣ задуманъ и подготовленъ былъ планъ набѣга Джемсона, въ концѣ 1895 года; оттуда идутъ настойчивыя жалобы, обращаемыя въ Лондонъ и въ Капштадтъ, по поводу мнимыхъ притѣсненій и обидъ со стороны правительства. „Уитлэндеры“, проживающіе въ Трансваалѣ большею частью только временно, съ цѣлью обогащенія, добиваются политической равноправности съ коренными боэрами, а боэры ставятъ для этого только одно условіе—постоянное пребываніе въ странѣ въ продолженіе извѣстнаго срока послѣ натурализаціи, съ отказомъ отъ иноземнаго подданства. Всякій „уитлэндеръ“ могъ натурализоваться въ Трансваалѣ; черезъ два года ему принадлежитъ уже право голоса при выборахъ во второй „раадъ“, еще черезъ два года—быть избираемымъ въ члены этого собранія, а еще черезъ восемь лѣтъ—участвовать въ избраніи перваго „раада“ и въ назначеніи президента республики. Такимъ образомъ черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ натурализаціи „уитлэндеръ“ становился полноправнымъ гражданиномъ, наравнѣ съ исконными обитателями страны. Англичане находили эти условія совершенно фиктивными и неосуществимыми, такъ какъ весьма немногіе изъ „уитлэндеровъ“ могли дождаться вступленія въ число „бюргеровъ“, и огромное большинство

[1]) Интересныя свѣдѣнія о промышленномъ ростѣ Трансвааля приведены въ книгѣ Пьера Леруа-Больё, изданной и въ русскомъ переводѣ: „Новыя англо-саксонскія общества“, Спб., 1898, стр. 193—263.

иностранныхъ поселенцевъ оставалось бы по прежнему безправнымъ, т.-е. устраненнымъ отъ участія въ законодательствѣ и управленіи. Разумѣется само собою, что немедленное признаніе за „уитлэндерами“ всѣхъ правъ гражданства—на чемъ настаиваютъ англичане—было бы равносильно передачѣ Трансвааля въ распоряженіе англійскихъ выходцевъ, ибо послѣднихъ значительно больше, чѣмъ гражданъ-боэровъ. Одинъ Іоганнесбургъ съ окрестностями доставилъ бы около 30 тысячъ избирателей, тогда какъ число всѣхъ взрослыхъ боэровъ, обладающихъ правомъ голоса, едва доходитъ до 25 тысячъ. Поэтому-то боэры, съ своимъ президентомъ Крюгеромъ, такъ упорно возстаютъ противъ британскихъ домогательствъ: они борются на этой почвѣ за свое существованіе.

Оффиціальное заступничество Англіи за британскихъ „уитлэндеровъ“ Трансвааля было постоянною угрозою для республики и причиняло сильнѣйшія затрудненія ея правительству. Дѣятельность лондонской дипломатіи въ этомъ направленіи временно пріостановилась послѣ неудавшейся попытки Джемсона, разбитаго и взятаго въ плѣнъ съ своимъ отрядомъ при Крюгерсдорпѣ, 1 января 1896 года; планъ внезапнаго насильственнаго захвата страны пользовался поддержкою всемогущаго тогда въ южной Африкѣ Сесиля Родеса, бывшаго первымъ министромъ Капской области, и косвенное участіе въ этомъ дѣлѣ приписывалось также самому главѣ британскаго колоніальнаго вѣдомства, Чемберлэну. Такъ какъ отрядъ Джемсона составленъ былъ изъ лицъ, находившихся на службѣ привилегированной южно-африканской компаніи, руководимой Родесомъ, то денежная отвѣтственность этой компаніи за причиненные набѣгомъ убытки признавалась и Англіею; тѣмъ не менѣе, обязательство уплаты вознагражденія Трансваалю оттягивалось подъ разными предлогами въ теченіе болѣе трехъ лѣтъ и не было исполнено до сихъ поръ. Нѣкоторое затишье въ трансваальскомъ вопросѣ продолжалось до весны настоящаго года, когда черезъ англійскаго агента въ Преторіи, Коннигема Грина, представлена была высшему коммиссару или губернатору Капской колоніи, сэру Альфреду Мильнеру, петиція на имя королевы Викторіи съ подписями 21 тысячи британскихъ подданныхъ въ Трансваалѣ: въ этой петиціи подробно изложены причины неудовольствія „уитлэндеровъ“ и высказана просьба оказать имъ покровительство, произвести разслѣдованіе для провѣрки ихъ жалобъ, обезпечить исполненіе требуемыхъ ими реформъ и добиться отъ трансваальскаго правительства дѣйствительныхъ гарантій для устраненія злоупотребленій и признанія правъ англійскихъ поселенцевъ. Англія возобновила переговоры въ болѣе настойчивомъ тонѣ, и рѣшительнымъ переходнымъ моментомъ было совѣщаніе между капскимъ правителемъ, сэромъ Мильне-

ромъ и президентомъ Крюгеромъ, въ Блумфонтейнѣ, столицѣ Оранжевой республики, въ началѣ іюня. Британскій „высшій коммиссаръ" формулировалъ свои предложенія въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ: для пріобрѣтенія избирательныхъ правъ назначается пятилѣтній срокъ пребыванія въ странѣ, и это правило должно имѣть обратное дѣйствіе; натурализація даетъ немедленно полное право голоса при выборахъ; новому населенію должно быть обезпечено соотвѣтственное представительство; текстъ присяги для вступленія въ граждане долженъ быть измѣненъ (т.-е. слова объ отказѣ отъ чужого подданства должны быть исключены). Президентъ Крюгеръ съ своей стороны предложилъ: установить для натурализаціи двухлѣтній срокъ пребыванія, а для пріобрѣтенія полныхъ избирательныхъ правъ — пятилѣтній срокъ со времени натурализаціи, т.-е. всего семь лѣтъ; предоставить черезъ два года всѣ гражданскія права лицамъ, поселившимся въ странѣ ранѣе 1890 года; обезпечить болѣе широкое представительство населенію пріисковъ и рудниковъ; назначить извѣстный имущественный цензъ, какъ необходимое условіе натурализаціи, и, наконецъ, держаться текста присяги, принятаго въ Оранжевой республикѣ. Эти существенныя уступки президентъ Крюгеръ ставилъ въ зависимость отъ принятія британскимъ правительствомъ принципа третейскаго суда для разрѣшенія споровъ и разногласій между обѣими странами; но затѣмъ онъ взялся провести свои предложенія во всякомъ случаѣ, не связывая ихъ съ требованіемъ арбитража. Сэръ Альфредъ Мильнеръ нашелъ предложенія объ избирательномъ правѣ недостаточными, и совѣщаніе въ Блумфонтейнѣ не привело къ желанному миру. Новый избирательный законъ былъ внесенъ въ первый раадъ и принятъ съ нѣкоторыми поправками и измѣненіями. Чемберлэнъ требовалъ присылки ему копіи законопроекта и пріостановки его обсужденія въ раадѣ, пока онъ не ознакомится съ точнымъ его содержаніемъ; трансваальское правительство отвѣтило, что начавшееся обсужденіе не можетъ быть остановлено, и что, впрочемъ, всякія дружественныя указанія будутъ приняты во вниманіе. По новому закону, семь лѣтъ пребыванія вполнѣ уравниваютъ „уитлэндеровъ" съ „бюргерами", безъ всякихъ оговорокъ и ограниченій; дѣйствительные поселенцы Трансвааля получаютъ полное право голоса или немедленно, или черезъ извѣстный срокъ, смотря по продолжительности своего пребыванія въ странѣ. Сэръ Мильнеръ требовалъ меньшаго срока, но, очевидно, разница на два года не представляетъ существеннаго значенія и интереса въ вопросѣ о натурализаціи. Въ Лондонѣ думали, что дѣло кончено, и „Times", въ нумерѣ отъ 19-го іюля, объявлялъ, что „кризисъ въ отношеніяхъ между Англіею и Трансваалемъ можетъ считаться разрѣшившимся" благополучно. Не

того, однако, желали англичане-„уитлэндеры" и ихъ единомышленники въ Капской области: они съ негодованіемъ протестовали противъ уступчивости и слабости правительства, указывая на то, что новый законъ не доставитъ преобладанія поселенцамъ, въ виду непостоянства мѣстожительства многихъ изъ нихъ, и что поэтому боэры будутъ по прежнему угнетать бѣдныхъ англичанъ. Когда Чемберлэнъ потребовалъ затѣмъ назначенія „соединенной коммиссіи", для изученія дѣйствія новаго закона на мѣстѣ, то это показалось уже прямымъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Трансвааля, и между боэрами окончательно утвердилось убѣжденіе, что англичане хотятъ войны. О томъ, чтобы допустить британскихъ делегатовъ къ контролю надъ постановленіями мѣстнаго раада, или вообще къ разсмотрѣнію и рѣшенію вопросовъ внутренняго законодательства,—не могло быть и рѣчи: самая мысль объ этомъ возмущала боэровъ, тѣмъ болѣе, что она вносила въ переговоры совершенно новый элементъ, о которомъ вовсе не упоминалъ сэръ Мильнеръ во время совѣщаній въ Блумфонтейнѣ. „Соединенная коммиссія" имѣла цѣлью провѣрить, можетъ ли новый законъ привести къ полному удовлетворенію „уитлэндеровъ", а такъ какъ стремленія послѣднихъ хорошо извѣстны боэрамъ, то нельзя было сомнѣваться въ результатахъ предположеннаго совмѣстнаго „изслѣдованія". Президентъ Крюгеръ сдѣлалъ послѣднюю попытку для избѣжанія разрыва: онъ предложилъ принять пятилѣтній срокъ для пріобрѣтенія избирательныхъ правъ, какъ того требовалъ сэръ Альфредъ Мильнеръ, и соглашался заранѣе на дальнѣйшія разумныя предложенія по спорнымъ вопросамъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы Англія отказалась на будущее время отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Трансвааля и чтобы возможныя разногласія рѣшались третейскимъ судомъ.

Въ то же время (въ августѣ) второй сановникъ Трансвааля, генералъ Жуберъ, обратился къ королевѣ Викторіи съ трогательнымъ воззваніемъ, которое заключалось словами: „Допуститъ ли ваше величество, чтобы маленькое, слабое государство, старавшееся всегда жить въ мирѣ съ народомъ и правительствомъ вашего величества, было раздавлено всемірно-извѣстнымъ могуществомъ британской имперіи, единственно благодаря лживымъ сообщеніямъ недобросовѣстныхъ людей, возбудившихъ и поддерживающихъ эту агитацію?" Жуберъ горячо нападаетъ на коварныхъ дѣльцовъ, добывающихъ себѣ богатство въ Трансваалѣ и стремящихся отплатить за гостепріимство отнятіемъ у народа драгоцѣннѣйшихъ его благъ: эти дѣльцы-интриганы ввели въ заблужденіе британское правительство, представивъ ему петицію съ 21 тысячею подписей, большею частью завѣдомо фальшивыхъ: изъ подписанныхъ именъ многія принадлежатъ лицамъ,

не видавшимъ вовсе этой петиціи, или давно уже умершимъ. Жуберъ заклинаетъ королеву не вѣрить Чемберлэну и его союзникамъ и вспомнить великаго Гладстона, который прекратилъ несправедливую войну съ боэрами дарованіемъ имъ независимости и этимъ возстановилъ честь Великобританіи. Золото, найденное въ Трансваалѣ, было для него несчастіемъ: оно не нужно скромнымъ и честнымъ земледѣльцамъ, боэрамъ, и пусть оно забирается англичанами, но послѣдніе не должны отбирать за это свободу у туземнаго населенія. Доводы и просьбы трансваальскаго главнокомандующаго дали только поводъ къ насмѣшкамъ въ англійской печати, а „новый планъ президента Крюгера", почти цѣликомъ уже осуществлявшій первоначальныя британскія требованія, отвергнутъ Чемберлэномъ, какъ запоздалый и связанный, притомъ, съ отрицаніемъ верховенства Англіи надъ Трансваалемъ. Лондонскій кабинетъ настаивалъ на своемъ правѣ вмѣшательства для защиты англійскихъ подданныхъ и не допускалъ уклоненія отъ вопроса о „соединенной коммиссіи". Усиленная отправка войскъ въ южную Африку не оставляла уже никакихъ сомнѣній насчетъ истинныхъ намѣреній англичанъ. Проектъ „соединенной коммиссіи" мотивировался недостаточностью или неясностью закона, предложеннаго Крюгеромъ, и слѣдовательно отпадалъ самъ собою съ измѣненіемъ этого закона въ духѣ англійскихъ требованій; но такая точка зрѣнія не соотвѣтствовала интересамъ лицъ, подготовлявшихъ военную экспедицію противъ Трансвааля.

Въ своемъ отвѣтѣ, отъ 2 сентября, трансваальское правительство соглашается уже на все—и на назначеніе коммиссіи, и на дальнѣйшее расширеніе избирательныхъ правъ „уитлэндеровъ", особенно въ золотопромышленныхъ округахъ; оно робко высказываетъ надежду на мирное соглашеніе безъ ущерба для государственныхъ правъ, обезпеченныхъ за Трансваалемъ конвенціею 1884 года. Крайне миролюбивый и даже уничижительный тонъ этой депеши произвелъ совершенно неожиданное дѣйствіе на англійскихъ патріотовъ: онъ вывелъ ихъ наконецъ изъ терпѣнія и ускорилъ печальную развязку. Англичане какъ будто испугались возможности мирнаго исхода и поспѣшили принять мѣры, чтобы задуманное предпріятіе на этотъ разъ доведено было до конца. Президентъ Крюгеръ предчувствовалъ это, когда говорилъ въ засѣданіи раада, 7 сентября, по поводу непріязненныхъ плановъ „уитлэндеровъ" и ихъ могущественныхъ заступниковъ. „Сила не есть право,—заявлялъ онъ,—а напротивъ, право есть сила. Дѣло Трансвааля справедливо. Уитлэндерамъ нужны не избирательныя права, а нужно обладаніе страною. Трансвааль отдалъ уже очень много, и ему не остается ничего уступать, кромѣ своей независимости. Богъ рѣшитъ, на чьей сторонѣ право". Чемберлэнъ отвѣ-

тилъ на новыя уступки Крюгера категорической и рѣзкою нотою (отъ 8 сентября), которая, по свидѣтельству „Times", представляла собою ультиматумъ: къ прежнимъ требованіямъ прибавлены были новыя,— равноправность англійскаго и голландскаго языковъ въ раадѣ, равное участіе новыхъ и старыхъ гражданъ въ президентскихъ и прочихъ выборахъ, предоставленіе промышленнымъ округамъ четвертой части всего числа мѣстъ въ первомъ народномъ собраніи. Для окончательнаго принятія этихъ предложеній назначенъ былъ срокъ въ 48 часовъ: въ случаѣ неудовлетворительнаго или неопредѣленнаго отвѣта, британское правительство оставляло за собою право „разсмотрѣть положеніе вновь и формулировать свои собственныя предложенія, для надлежащаго окончанія дѣла". Впрочемъ, условіе относительно срока было затѣмъ смягчено, и Англія позволила Трансваалю обдумать и обсудить рѣшеніе. Дипломатія бозровъ не могла уловить руководящую нить въ объясненіяхъ и замѣчаніяхъ Чемберлэна; и она была не въ силахъ далѣе слѣдовать за нимъ. Въ депешѣ, отъ 16 сентября, указывается на противорѣчивость и непослѣдовательность англійскихъ заявленій, причемъ опять выражается согласіе Трансвааля на назначеніе „соединенной коммиссіи": другія же требованія не вытекаютъ изъ хода переговоровъ и представляются сами по себѣ неосуществимыми или безцѣльными. Вмѣстѣ съ тѣмъ выставляется на видъ то обстоятельство, что новыя предложенія трансваальскаго правительства были отчасти внушены британскимъ агентомъ въ Преторіи, въ видахъ обоюднаго мирнаго соглашенія: такимъ образомъ, Трансвааль былъ введенъ въ ошибку и напрасно дѣлалъ существенныя уступки, которыя въ дѣйствительности не требовались.

Наконецъ, Чемберлэнъ закончилъ дипломатическую переписку двумя нотами, отъ 22-го сентября: въ первой онъ съ грустью приходитъ къ выводу, который долженъ поразить всѣхъ, слѣдившихъ за ходомъ переговоровъ со времени блумфонтейнскихъ совѣщаній,—что будто бы Трансвааль отказался удовлетворить справедливыя требованія „уитлэндеровъ"; поэтому Англія обязана теперь сама придумать способы для „окончательнаго разрѣшенія затрудненій, созданныхъ политикою, которой постоянно, въ теченіе многихъ лѣтъ, придерживалось правительство южно-африканской республики". О результатахъ своихъ совѣщаній лондонскій кабинетъ „сообщитъ въ позднѣйшей депешѣ". Вторая нота имѣетъ полемическій характеръ: въ ней опровергаются или, вѣрнѣе, отвергаются намеки на умышленную недобросовѣстность британскаго агента въ Преторіи и на перемѣнчивость взглядовъ и требованій британской дипломатіи вообще, по отношенію къ Трансваалю. Съ этого момента дипломатическая дѣятельность по трансваальскому вопросу прекращается и всецѣло уступаетъ мѣсто лихорадочнымъ

военнымъ приготовленіямъ. Въ Трансваалѣ ждали обѣщанныхъ сообщеній о заключительныхъ резолюціяхъ британскаго колоніальнаго вѣдомства; но прошло двѣ недѣли, и никакой новой депеши не было получено отъ Чемберлэна. Приходили только извѣстія о полкахъ, непрерывно отправляемыхъ въ южную Африку и провожаемыхъ патріотическими восторгами англійскаго населенія. Боэрамъ грозило нашествіе многочисленной британской арміи, сосредоточиваемой въ Наталѣ, и дальнѣйшее ихъ бездѣйствіе могло бы оказаться роковымъ для Трансвааля. Чтобы выйти изъ невыносимаго положенія, боэры осмѣлились въ свою очередь предъявить Англіи свой ультиматумъ: въ нотѣ 9 октября они опять становятся на почву своихъ законныхъ правъ, подтвержденныхъ конвенціею 1884 года, и рѣшительно отрицаютъ легальность англійскаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Трансвааля; они требуютъ не только удаленія британскихъ войскъ отъ границъ южно-африканской республики, но и отозванія всѣхъ отрядовъ, присланныхъ въ южную Африку съ начала іюня или находящихся еще въ пути. Подобная дерзость была бы безуміемъ, если бы она не была простымъ констатированіемъ факта войны, возвѣщеннаго нотами Чемберлэна, отъ 22 сентября, и подготовленнаго энергическими сборами англійскихъ войскъ. Британскій ультиматумъ 8 сентября означалъ уже разрывъ, и послѣдовавшій затѣмъ обмѣнъ депешъ былъ только предисловіемъ къ военнымъ дѣйствіямъ. Открытіе кампаніи откладывалось Англіею до тѣхъ поръ, пока всѣ войска не прибудутъ къ мѣсту своего назначенія; а допустить безпрепятственное окончаніе этихъ приготовительныхъ операцій было бы равносильно самоубійству со стороны Трансвааля.

Англичане прониклись чувствомъ глубоко оскорбленной національной гордости, когда ничтожные боэры бросили имъ смѣлый вызовъ: англійская печать дѣлала видъ, что Трансвааль первый вздумалъ напасть на Англію, и что послѣдняя по неволѣ должна защищаться. Заодно съ Трансваалемъ выступила противъ англичанъ и Оранжевая республика, въ силу существующаго между ними оборонительнаго и наступательнаго союза; оба государства боэровъ вполнѣ солидарны между собою, и президентъ Штейнъ безусловно раздѣляетъ взгляды и чувства президента Крюгера. Боэры обѣихъ республикъ имѣютъ одно важное преимущество передъ своими могущественными противниками; они воюютъ у себя дома, во имя своей свободы и независимости, тогда какъ англичане борются въ качествѣ пришельцевъ, при чуждыхъ и неблагопріятныхъ для нихъ условіяхъ, руководствуясь побужденіями, не имѣющими въ себѣ ничего возвышеннаго. Въ одномъ изъ Тургеневскихъ „Стихотвореній въ прозѣ“ маленькій, безсильный воробей успѣшно спасаетъ своего дѣтеныша отъ грознаго пса, оста-

навливая его нападеніе своимъ самоотверженнымъ отчаяніемъ; такъ и силы боэровъ увеличиваются сознаніемъ необходимой обороны, а вдохновляющая ихъ рѣшимость борьбы за существованіе какъ будто уравниваетъ шансы успѣха для обѣихъ сторонъ, вопреки огромному различію ихъ средствъ. Ироническое отношеніе англійской печати къ боэрамъ должно было измѣниться подъ вліяніемъ первыхъ серьезныхъ неудачъ, испытанныхъ британскими войсками на театрѣ войны въ Наталѣ; небольшой народъ, защищающій свою родину и дѣйствующій при этомъ какъ одинъ человѣкъ, съ глубокою вѣрою въ свою правоту, опасенъ даже для такой державы, какъ Англія, и во всякомъ случаѣ онъ не заслуживалъ тѣхъ надменныхъ выходокъ и насмѣшекъ, какія расточались по его адресу британскими „патріотами". Первый фазисъ войны окончился безусловно въ пользу боэровъ, и пораженіе арміи генерала Уайта при Ледисмитѣ — пораженіе, котораго никто не ожидалъ, — есть тяжелый и справедливый урокъ для англичанъ, увлекшихся воинственными идеалами „имперіализма". Потребуется слишкомъ много жертвъ и усилій, чтобы справиться съ Трансваалемъ и заглушить возростающее броженіе среди голландскихъ элементовъ Капской области и прилегающихъ къ ней земель; и возможная въ будущемъ побѣда Англіи будетъ достигнута лишь цѣною разоренія тѣхъ промышленныхъ мѣстностей, интересы которыхъ были наиболѣе близки трансваальскимъ „уитлэндерамъ". Первые виновники этихъ кровавыхъ событій, англійскіе поселенцы Іоганнесбурга и его окрестностей, едва ли довольны теперь дѣломъ рукъ своихъ: поощряющіе ихъ англійскіе дѣятели, съ Чемберленомъ во главѣ, рискуютъ потерять свою популярность, и положеніе всего кабинета можетъ пошатнуться подъ вліяніемъ военныхъ случайностей, которыхъ нельзя было предвидѣть. Торжество надъ боэрами не покроетъ Англіи новой славою, и исторія британской націи не украсится новымъ блескомъ при переходѣ отъ XIX къ XX вѣку.

Новѣйшіе успѣхи воинственнаго патріотизма въ такихъ культурно-промышленныхъ странахъ, какъ Англія и Соединенные-Штаты, даютъ обильный матеріалъ для пессимистическаго настроенія. Если передовыя націи, не имѣющія постоянныхъ армій и не знающія спеціальныхъ особенностей милитаризма, такъ легко заражаются духомъ войны, то можно ли надѣяться на прочность идеи мира въ континентальной Европѣ? Слѣдуетъ ли придавать серьезное значеніе проектамъ международнаго третейскаго суда, которые съ наибольшею энергіею отстаивались въ Гаагѣ представителями Англіи и Сѣверной Америки? Соединенные-Штаты отвергли принципъ третейскаго разбирательства въ

примѣненіи къ своему спору съ Испаніею; британское правительство рѣшительно отклоняло настойчивыя просьбы Трансвааля о третейскомъ судѣ для устраненія возникшихъ или могущихъ возникнуть разногласій. Было бы, однако, ошибочно дѣлать отсюда выводъ, что каждая держава готова предлагать реформы международнаго права только для другихъ; несправедливо было бы также приписывать американцамъ и англичанамъ недостатокъ сочувствія къ идеѣ арбитража въ международныхъ отношеніяхъ; напротивъ, оба эти народа не разъ доказывали на дѣлѣ свою готовность отдавать на разсмотрѣніе третейскаго трибунала значительные спорные вопросы внѣшней политики. Всѣмъ памятно Алабамское дѣло, долго волновавшее Англію и Сѣверную Америку и разрѣшенное третейскимъ судомъ въ 1872 г.; недавно окончилась такимъ же мирнымъ способомъ старинная распря между Англіею и Венецуэлою, причемъ предсѣдателемъ трибунала былъ нашъ извѣстный спеціалистъ по международному праву, профессоръ Ѳ. Ѳ. Мартенсъ. Объ этомъ интересномъ процессѣ напечатано было въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ слѣдующее сообщеніе:

„Парижскій третейскій трибуналъ по англо-венецуэльскому спору подъ предсѣдательствомъ тайн. сов. Мартенса, окончилъ свои занятія произнесеніемъ третейскаго рѣшенія 21-го сентября (3-го октября). Въ продолженіе трехъ съ половиною мѣсяцевъ, съ 3-го (15-го) іюня, почти ежедневно происходили засѣданія. Представители-адвокаты, числомъ 8 (по 4 съ каждой стороны), произносили свои рѣчи ежедневно не менѣе 4 часовъ. Первый представитель Англіи, сэръ Ричардъ Уэбстеръ, говорилъ 20 дней, и первый представитель Венецуэлы, генералъ Гарриссонъ, бывшій президентъ Соединенныхъ Штатовъ, говорилъ, вмѣстѣ со своими помощниками, 31 день. Все дѣлопроизводство трибунала и всѣ рѣчи происходили на англійскомъ языкѣ. Самыя засѣданія были публичными. Въ среду, 16-го (28-го) сентября, кончились пренія сторонъ и немедленно начались совѣщанія арбитровъ при закрытыхъ дверяхъ. Во вторникъ, 23-го сентября (3-го октября), происходило торжественное публичное засѣданіе трибунала, въ которомъ было прочитано третейское рѣшеніе, на англійскомъ и французскомъ языкахъ. По экземпляру этого рѣшенія, подписаннаго всѣми членами трибунала, безъ всякихъ оговорокъ, тутъ же были вручены агентамъ Англіи и Венецуэльскихъ Штатовъ, аккредитованнымъ при трибуналѣ. Одинъ экземпляръ рѣшенія, также на пергаментѣ, былъ сданъ въ архивъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Парижскимъ третейскимъ рѣшеніемъ, имѣющимъ окончательную законную силу, оконченъ пограничный споръ, продолжавшійся четыре вѣка, въ отношеніи территоріальныхъ границъ въ Гвіанѣ. Объектомъ спора была область въ 55.000 квадратныхъ миль между рѣками Ориноко и Эсоквибо. Въ силу рѣшенія парижскаго трибу-

нала, Англія должна признать рѣку Ориноко исключительною собственностью Венецуэльской республики и снять свой военно-полицейскій постъ въ устьяхъ этой громадной рѣки, въ такъ называемый Barima Point. Съ другой стороны, Венецуэла должна признать значительную часть претензій Англіи на спорную территорію. Новая пограничная линія начинается съ мыса Palaya и идетъ во внутрь страны до рѣки Куюни. Въ рѣчи, произнесенной на англійскомъ и французскомъ языкахъ въ торжественномъ засѣданіи трибунала, предсѣдатель обратилъ вниманіе на двѣ отличительныя особенности постановленнаго рѣшенія: во-первыхъ, оно принято единогласно всѣми арбитрами, безъ всякихъ оговорокъ, чего до сихъ поръ не бывало при рѣшеніи серьезныхъ международныхъ споровъ, и, во-вторыхъ, все судопроизводство парижскаго трибунала было основано на примѣненіи одобренныхъ арбитрами „Правилъ“ (Rules), составляющихъ маленькій уставъ третейскаго разбирательства международныхъ столкновеній. Эти самыя „Правила“ вошли впослѣдствіи въ составъ международной конвенціи объ арбитражѣ, подписанной въ іюлѣ на гаагской конференціи мира“.

Въ Австро-Венгріи процессъ политическаго разложенія подвигается быстро впередъ, усложняясь цѣлымъ рядомъ непримиримыхъ внутреннихъ антагонизмовъ — національныхъ, племенныхъ, религіозныхъ и общественныхъ. Венгрія обладаетъ еще элементами устойчивости, и ея мадьярское ядро способно пока поддерживать внѣшнее государственное единство Транслейтаніи; парламентскія неурядицы, вызванныя неудачною тактикою министерства Банфи, прекратились съ переходомъ правительственной власти въ руки популярнаго и осторожнаго Коломана Селля. Но въ цислейтанской половинѣ имперіи тяжелый внутренній кризисъ давно уже сдѣлался хроническимъ, отражаясь непосредственно на общемъ положеніи монархіи; различныя народности, занимающія одну и ту же государственную территорію, никакъ не могутъ ужиться вмѣстѣ, и споры объ употребленіи того или другого языка въ оффиціальныхъ учрежденіяхъ настолько возбуждаютъ страсти, что дѣло доходитъ до уличныхъ кровавыхъ стычекъ. Одно министерство смѣняетъ другое, одни законопроекты уступаютъ мѣсто другимъ, и кризисъ не только не смягчается, но становится все болѣе острымъ и глубокимъ. Кабинетъ графа Туна, просуществовавшій съ марта прошлаго года, долженъ былъ выйти въ отставку, послѣ долгой и сложной парламентской путаницы, доходившей до грубыхъ личныхъ столкновеній между представителями враждебныхъ партій. Новое министерство графа Клари перемѣнило прежнюю программу: вмѣсто того, чтобы выдерживать нападенія нѣмцевъ и пользоваться содѣйствіемъ чеховъ, оно, напротивъ, будетъ воевать съ чехами и опираться на нѣмцевъ. Результаты этой перемѣны фронта оказываются, однако, мало утѣшительными; то, что продѣлывали прежде

нѣмецкіе патріоты, производится еще съ большею энергіею чешскими дѣятелями. Безцеремонная отмѣна постановленій о равноправности языковъ удовлетворила нѣмцевъ, но вызвала ожесточенную бурю среди славянскаго и именно чешскаго населенія. Поляки дѣйствуютъ теперь за-одно съ нѣмцами, и хаосъ усилился, достигнувъ небывалыхъ размѣровъ, прежде чѣмъ новое министерство успѣло выяснить свои намѣренія и предположенія относительно ближайшаго будущаго. Престарѣлый императоръ не можетъ также способствовать облегченію кризиса, и выходъ изъ этого печальнаго состоянія пока еще не найденъ...

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1899.

— С. Ѳ. Платоновъ. Очерки по исторіи Смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. (Опытъ изученія общественнаго строя и сословныхъ отношеній въ Смутное время). Спб. 1899.

Смутное время привлекало въ послѣдніе годы особенное вниманіе историковъ. Ему посвящается трудъ гр. С. Д. Шереметева, еще неизданный и, кажется, еще не конченный, о великомъ интересѣ котораго говорятъ изданныя недавно письма, писанныя по этому поводу Бестужевымъ-Рюминымъ: здѣсь идетъ рѣчь въ особенности о самой личности Самозванца. Съ другой точки зрѣнія изслѣдуетъ тотъ же вопросъ Е. Н. Щепкинъ въ трудѣ, изданіе котораго еще не окончено. О. Пирлингъ сообщилъ впервые подлинное письмо Самозванца къ папѣ Клименту, не оставляющее сомнѣнія, что писавшій былъ человѣкъ московскій. Недавно явилось новое изданіе книги г. Забѣлина о Смутномъ времени. Польскій историкъ Гиршбергъ сдѣлалъ изслѣдованіе опять о Самозванцѣ, съ новыми соображеніями объ его личности и приключеніяхъ, и издалъ любопытный польскій дневникъ Немоевскаго (путешествіе и пріѣздъ Марины въ Москву, пріемы и банкеты при дворѣ, катастрофа и т. д.). С. Ѳ. Платоновъ давно посвятилъ свои труды изученію Смутнаго времени и ему принадлежитъ цѣнное изслѣдованіе и изданіе исторической литературы междуцарствія. Его настоящій трудъ есть, безъ сомнѣнія, одно изъ важнѣйшихъ изысканій объ этой эпохѣ, какія были въ нашей исторической литературѣ.

Въ предисловіи г. Платоновъ такъ опредѣляетъ свою задачу. Онъ— „желалъ изучить тѣ вопросы въ исторіи Смутной эпохи, которые обыкновенно стоятъ на второмъ планѣ не только у прежнихъ, но и у новыхъ повѣствователей. Богатая литература о Смутѣ позволила автору совершенно обойти много разъ описанныя, всѣмъ извѣстныя внѣшнія подробности событій и сосредоточить все свое вниманіе на

изображеніи дѣятельности руководившихъ общественною жизнью кружковъ и на характеристикѣ массовыхъ движеній въ Смутное время".

Книга дѣлится на двѣ части. Въ первой, какъ въ подготовительномъ очеркѣ, авторъ указываетъ историческую обстановку, въ которой совершалось дѣйствіе смуты, именно даетъ характеристику областей московскаго государства и изображеніе „кризиса второй половины XVI вѣка", именно условій государственнаго быта въ царствованіе Ивана Грознаго. Вторая и главная часть книги посвящена исторіи Смуты,—какъ сказано, со стороны ея внутренняго процесса. Авторъ видитъ въ этомъ процессѣ три періода: борьбу за московскій престолъ (до воцаренія Шуйскаго); разрушеніе государственнаго порядка (царствованіе и низложеніе Шуйскаго); попытки возстановленія порядка, закончившіяся избраніемъ царя Михаила Ѳедоровича. Въ этихъ главныхъ движеніяхъ авторъ указываетъ частные эпизоды общественныхъ и народныхъ настроеній, такъ что получается обстоятельное изображеніе волненій, охватывавшихъ народную жизнь и наконецъ грозившихъ самому государству въ Смутное время.

Нѣтъ надобности останавливаться на томъ, какъ важно было представить исторію Смутнаго времени со стороны его внутреннихъ отношеній; внѣшняя исторія Смуты, которую нѣкогда изображали только какъ рядъ анекдотическихъ событій, разыгрывалась на подкладкѣ историческихъ и бытовыхъ явленій, и изъ послѣднихъ развивались движенія массовыя, которыхъ невозможно объяснить, не принявъ въ соображеніе этихъ бытовыхъ мотивовъ. Условія, въ которыхъ развивалась Смута, даны были предъидущей эпохой, и авторъ начинаетъ со временъ Грознаго. Общую мысль свою авторъ высказываетъ такъ: „Мы слѣдуемъ тѣмъ изъ нашихъ писателей, которые полагаютъ, что Смута начала XVII вѣка имѣла корни въ московской жизни, а не была сюрпризомъ, приготовленнымъ Московскому государству польскими „кознями" и папской „интригою". Разумѣется, мы назвали бы политику Рѣчи-Посполитой и папской куріи недальновидною и неискусною, если бы она не умѣла во-время понять и оцѣнить происходившія въ московской жизни замѣшательства и если бы она не пыталась извлечь изъ нихъ свою пользу. Но мы не думаемъ, чтобы эта политика могла привить здоровому политическому тѣлу заразу междоусобія и могла поднять народныя массы другъ на друга безъ причинъ, лежавшихъ въ ихъ бытѣ. Думать такъ, значитъ отказываться отъ всякой надежды понять дѣйствительное значеніе Смуты и правильно объяснить ея происхожденіе" (стр. 122).

Московскіе люди, жившіе въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ созрѣвала Смута, чувствовали ея приближеніе. „Безъ привычки къ свободному и простому изложенію наблюденій и впечатлѣній, они въ своихъ

писаніяхъ оставили намъ не ясно выраженныя опасенія и предчувствія бѣдъ, но намеки, смутные и тревожные, смыслъ которыхъ, однако, остается внѣ сомнѣній". Одинъ писатель, еще во времена Грознаго, пророчествуетъ, что „царіе на своихъ степенѣхъ царскихъ не возмогутъ держатися и почасту премѣнятися начнутъ"; Курбскій писалъ Грозному въ 1579 г., что тѣ „не пребудутъ долго предъ Богомъ, которые созидаютъ престолъ беззаконія", и грозилъ царю скорою погибелью „со всѣмъ домомъ" за то, что онъ „пустошитъ землю свою и губитъ подручныхъ". Англичанинъ Флетчеръ въ концѣ столѣтія изъ своихъ наблюденій и разспросовъ вывелъ заключеніе, что въ русской жизни происходитъ тяжелый переломъ. Кризисъ состоялъ въ крайнемъ развитіи двухъ противорѣчій, лежавшихъ въ основѣ московскаго государства: одно было политическое—въ томъ, что, по опредѣленію г. Ключевскаго, „московскій государь, котораго ходъ исторіи велъ къ демократическому полновластію, долженъ былъ дѣйствовать посредствомъ очень аристократической администраціи"; другое было соціальное—въ томъ, что подъ давленіемъ военныхъ нуждъ государства интересы промышленнаго и земледѣльческаго населенія приносились въ жертву интересамъ служилыхъ землевладѣльцевъ. Отсюда, во-первыхъ, произошло во второй половинѣ XVI вѣка открытое столкновеніе власти съ родовитымъ боярствомъ, и, во-вторыхъ, недовольство тяглой народной массы.

Власть московскихъ государей сложилась изъ удѣльныхъ вотчинныхъ понятій и правъ, и съ усиленіемъ московскаго княжества эта полнота вотчиннаго владѣнія была перенесена на всю русскую землю, которой Москва становилась представительницей, какъ въ эпоху освобожденія отъ татарскаго ига,—была переносима даже на тѣ русскія земли, какими Москва еще не владѣла, но надѣялась владѣть (земли княжества литовскаго). Новая политическая теорія, наконецъ, провозгласила московскаго государя единственнымъ царемъ православія; народная масса видѣла въ царѣ выразителя народнаго единства и государственной независимости, и естественно было, что при этомъ значеніи власть должна была быть независима отъ какихъ-нибудь частныхъ авторитетовъ въ странѣ. Съ другой стороны боярство, вышедшее изъ независимыхъ нѣкогда удѣльныхъ князей, которые въ своихъ княженіяхъ имѣли такую же государскую власть, не хотѣло забыть своего родового значенія, считало себя правящимъ классомъ и свысока смотрѣло на неродовитыхъ бояръ изъ старыхъ слугъ московскихъ князей. Отношенія къ великокняжеской (даже потомъ царской) власти стали натянутыя и неопредѣленныя. Князья признавали „самодержавство" великаго князя, а онъ раздѣлялъ ихъ понятія о родовой чести. „Но бояре иногда держали себя не такъ, какъ хотѣ-

лось ихъ монарху, а монархъ дѣйствовалъ не всегда такъ, какъ пріятно было боярамъ. Возникали временныя и частныя недоразумѣнія, исходъ которыхъ, однако, не измѣнялъ установившагося порядка. Боярство роптало и пробовало „отъѣзжать"; государи „опалялись", наказывали за ропотъ и отъѣздъ; но ни та, ни другая сторона не думала о коренной реформѣ отношеній" (стр. 136—137). Въ концѣ концовъ эти невыясненныя отношенія должны были тѣмъ или другимъ образомъ кончиться, и кризисъ наступилъ въ царствованіе Грознаго, который такъ или иначе, хорошими или дурными средствами, рѣшилъ уничтожить всякое политическое значеніе боярства.

Это значеніе различно оцѣнивали наши историки, и въ связи съ этимъ различно оцѣнивали способъ дѣйствій Грознаго и его личность. Одни считали боярство политически слабымъ, и гоненія Грознаго, сопровождавшіяся страшными казнями, представлялись безсмысленнымъ тиранствомъ; такъ думалъ еще Карамзинъ. Другіе, напротивъ, видѣли въ боярствѣ опасную олигархію, стремившуюся къ господству въ государствѣ, такъ что преслѣдованія Грознаго имѣли полное основаніе: историки, державшіеся этого взгляда, пытались даже представлять разсказы о тиранствѣ Грознаго чуть не выдумкой враговъ царя, изъ боярской партіи. Г. Платоновъ держится средняго мнѣнія: нельзя отрицать политическихъ притязаній боярства, но его столкновенія съ властью вовсе не имѣли размѣровъ настоящей политической борьбы. Дѣйствительно, самъ Грозный не могъ обвинить бояръ въ какомъ-либо открытомъ политическомъ дѣйствіи: онъ обвиняетъ ихъ только въ интригѣ,—которая была безсильна противъ прямого заявленія его воли,—или въ „отъѣздѣ", который былъ только бѣгствомъ отъ его тиранства.

Въ изложеніи борьбы Грознаго противъ не столько заявляемыхъ, сколько предполагаемыхъ притязаній боярства, г. Платоновъ впервые даетъ объясненіе опричнины, которое если еще не раскрываетъ всѣхъ ея подробностей, то повидимому вѣрно указываетъ ея основную мысль. Опричнина долго оставалась загадкой для историковъ: многимъ казалось нелѣпостью это раздѣленіе государства на опричнину и земщину, въ которомъ видѣли причуду робкаго тирана. Соловьевъ предполагалъ въ ней попытку Грознаго отдѣлиться отъ подозрительнаго ему боярства, при чемъ новый дворъ, окружившій царя, сдѣлался орудіемъ террора. Бестужевъ-Рюминъ и затѣмъ другіе стали уже придавать опричнинѣ большой политическій смыслъ, а именно, что она была направлена противъ потомства удѣльныхъ князей и имѣла цѣлью сломить ихъ традиціонныя права и преимущества. Г. Платоновъ, отдавая справедливость правильности этой догадки, находитъ ее, однако, недовольно опредѣленной и развиваетъ цѣлое объясненіе, которое является цѣннымъ вкладомъ въ исторію той эпохи. Учреждая особый

дворъ, отдѣльный отъ стараго московскаго двора, Грозный предпринималъ не „наборъ тѣлохранителей въ родѣ турецкихъ янычаръ", какъ говорилъ одинъ историкъ, а цѣлую реформу, которая длилась многіе годы и въ концѣ концовъ произвела полный переворотъ въ положеніи удѣльно-княжескаго боярства и въ земельныхъ отношеніяхъ. Средствомъ былъ „пересмотръ землевладѣнія". Мало-по-малу Грозный перевелъ въ „опричнину" почти всѣ старыя удѣльныя земли, владѣльцы которыхъ возбуждали его подозрѣнія и гнѣвъ. „Однихъ изъ этихъ владѣльцевъ Грозный сорвалъ съ старыхъ мѣстъ и развѣялъ по новымъ далекимъ и чуждымъ мѣстамъ, другихъ ввелъ въ новую опричную службу и поставилъ подъ строгій непосредственный свой надзоръ". Еще Флетчеръ отмѣтилъ произведенный Грознымъ обмѣнъ земель: отнявъ у князей старыя наслѣдственныя земли, Грозный далъ имъ помѣстья въ отдаленныхъ мѣстахъ, гдѣ они были неизвѣстны, не имѣли ни любви народной, ни вліянія. „Съ опричниною,— замѣчаетъ г. Платоновъ,—должны были исчезнуть „вопиства", въ нѣсколько тысячъ слугъ, съ которыми князья раньше приходили на государеву службу, какъ должны были искорениться и всѣ прочіе слѣды старыхъ удѣльныхъ обычаевъ и вольностей въ области служебныхъ отношеній". Авторъ не думаетъ умалчивать о „непонятномъ ожесточеніи" и звѣрствахъ, которыя хотѣлось скрыть или умалить нѣкоторымъ историкамъ, почитателямъ Грознаго: но онъ думаетъ, что сцены звѣрства и разврата, всѣхъ ужасавшія и вмѣстѣ занимавшія, закрывали будничную работу и смыслъ происходившаго преобразованія, закрывали и отъ современниковъ, и отъ самихъ историковъ. Современники „не оставили намъ полной картины того, какъ царь Иванъ Васильевичъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ, помимо „земскихъ" бояръ, распоряженіе доходнѣйшими мѣстами государства и его торговыми путями и, располагая своею опричною казною и опричными слугами, постепенно „перебиралъ" служилыхъ „людишекъ", отрывалъ ихъ отъ той почвы, которая питала ихъ неудобныя политическія воспоминанія и притязанія, и сажалъ на новыя мѣста, или же вовсе губилъ ихъ въ припадкахъ своей подозрительной ярости" (стр. 153).

Остается, однако, вопросъ о цѣлесообразности и нравственномъ качествѣ ломки, произведенной опричниною. Если даже согласиться съ государственной необходимостью переворота, который разъ навсегда устранилъ бы старыя удѣльныя преданія, то можно сомнѣваться, нужно ли было это коварство и насиліе, которыя были обыкновеннымъ способомъ дѣйствій Грознаго. „Униженіе" боярства, отмѣченное Флетчеромъ, не вызвало со стороны боярства никакого сознательнаго сопротивленія: очевидно, оно было слабо и политически неразвито; слѣдовательно, вопросъ можно было поставить безъ ухищре

ній и звѣрства, и слова о „робкомъ тиранѣ“ не были лишены справедливости. А звѣрства оставляли, безъ сомнѣнія, самый плачевный нравственно-политическій результатъ: нравственное извращеніе самого Ивана Грознаго, еще при пособіи его „кромѣшниковъ“, приносило испорченность и въ самую общественную среду. Если, по выводамъ историка, смута имѣла свои источники во второй половинѣ XVI вѣка и если она выражалась не только внѣшнимъ народно-общественнымъ разбродомъ, но и нравственною порчею, все это долженъ отмѣтить историкъ Ивана Грознаго. Когда современники выводили, что царь въ ярости на подданныхъ раздѣлилъ государство на двѣ части, и своей части (опричнинѣ) предоставилъ „оную часть людей насиловати и смерти предавати“, этотъ выводъ былъ только непониманіемъ цѣлаго переворота, но служилъ указаніемъ на яркую черту политической безнравственности, именно и оставившей печальные плоды для послѣдующей исторіи;—и опять не лишены справедливости и согласны съ мнѣніемъ современниковъ слова о томъ, что Иванъ Грозный устроивалъ государство въ государствѣ.

Этотъ пріемъ изученія и составляетъ цѣнную особенность труда г. Платонова. Не входя въ подробности, замѣтимъ только, что вторая, главная, часть книги слѣдуетъ этому плану изслѣдованія и представляетъ исторію смуты со стороны внутреннихъ отношеній народной и общественной жизни, какія были подготовлены предъидущимъ временемъ. Авторъ отмѣчаетъ главныя явленія смуты, объясняя, какъ въ разные моменты ея складывались боярскія партіи и народныя настроенія и какая подкладка понятій и интересовъ ихъ опредѣляла. И здѣсь, какъ въ оцѣнкѣ опричнины, для полноты историческаго опредѣленія эпохи было бы важно отмѣтить нравственное состояніе общества, воспитаннаго XVI-мъ вѣкомъ,—правда, это потребовало бы особыхъ изслѣдованій, которыя, однако, были бы очень важны и желательны. Наконецъ, авторъ указываетъ, какъ въ концѣ междуцарствія сложилось новое государство съ новыми правительственными и общественными элементами, эпоха земскихъ соборовъ, которая при царѣ Алексѣѣ уступила опять иному направленію.

Трудъ г. Платонова есть первый, широко проведенный опытъ соціологической исторіи Смутнаго времени, исполненный съ внимательнымъ изученіемъ явленій; это—одно изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній нашей историографіи за послѣднее время. Въ конецъ книги отнесены примѣчанія, гдѣ сообщены обширныя указанія на литературу предмета.

— Извѣстія XI Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ. 1—20 августа 1899 г. Кіевъ, 1899.

— К. Михальчукъ. Что такое малорусская (южнорусская) рѣчь? (Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“). Кіевъ, 1899.

Наши археологическіе съѣзды были созданіемъ гр. А. С. Уварова. Съ его юныхъ лѣтъ увлеченный археологическими изслѣдованіями, онъ остался имъ вѣренъ до конца жизни: въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ основалъ въ Москвѣ Археологическое Общество, которое съ тѣхъ поръ и донынѣ ревностно работаетъ по изученію и сохраненію русской древности и, быть можетъ, больше, чѣмъ какое-нибудь другое учрежденіе подобнаго рода, содѣйствовало у насъ успѣхамъ этой отрасли науки. Кромѣ основанія спеціальнаго Общества, другой великой заслугой гр. Уварова было, опять имъ же впервые задуманное и исполненное, устройство періодическихъ съѣздовъ, которые собирали бы спеціалистовъ и любителей археологической науки для совмѣстной работы.

Мысль и практика „съѣздовъ“ имѣютъ своихъ противниковъ; говорятъ о неудобствѣ торопливаго, по необходимости, обсужденія трудныхъ научныхъ вопросовъ, а также о медленности изданія работъ, заявляемыхъ на съѣздахъ (этимъ отличился, напр., казанскій съѣздъ: онъ происходилъ въ 1877 году, и закончилъ изданіе своихъ „Трудовъ“ въ 1891),—но при всѣхъ подобныхъ неудобствахъ съѣзды несомнѣнно способны оказывать свою великую пользу, и въ особенности въ нашей научной жизни, которая еще чрезвычайно нуждается въ опорахъ. Періодическіе, впередъ организуемые съѣзды различнымъ образомъ способствуютъ жизни науки: они ставятъ вопросы, вызываемые ходомъ изслѣдованій, приводятъ въ извѣстность работы, предпринимаемыя съ разныхъ сторонъ единичными изыскателями, и доставляютъ имъ помощь другихъ спеціалистовъ и, собирая разсѣянныхъ тружениковъ (особливо на великихъ пространствахъ нашего отечества), даютъ имъ чувство солидарности, которое можетъ становиться великой нравственной поддержкой, когда, притомъ, общее обсужденіе предмета можетъ немало помочь и болѣе многосторонней постановкѣ самаго изслѣдованія.

Въ этомъ смыслѣ археологическіе съѣзды, вмѣстѣ съ дѣятельностью устрояющаго ихъ московскаго Общества, уже теперь составляютъ важный историческій фактъ въ развитіи науки о нашей древности. По смерти гр. А. С. Уварова (въ 1884), предсѣдательство въ московскомъ Обществѣ перешло къ графинѣ П. С. Уваровой; дѣло продолжалось съ тою же преданностью наукѣ и съ тою же энергіей; съѣзды продолжали собираться періодически, въ столицахъ и въ провин-

ціальныхъ городахъ. Были съѣзды, послѣ Москвы и Петербурга, въ Кіевѣ, Одессѣ, Тифлисѣ, Казани, Ростовѣ (древнемъ, ярославскомъ), Ригѣ. Нынѣшній съѣздъ собрался во второй разъ въ Кіевѣ.

Замѣчено было, что настоящій съѣздъ былъ не такъ многолюденъ, какъ предъидущій; высказаны были порицанія по поводу разныхъ недостатковъ во внѣшнемъ устройствѣ съѣзда („Итоги XI съѣзда археологовъ въ Кіевѣ", „Спб. Вѣдом." № 231, 233); быть можетъ,—хотя намъ представляется, что нѣкоторые изъ этихъ недостатковъ должны быть отнесены на счетъ обычныхъ условій нашей общественной жизни, какъ, напр., отмѣченное равнодушіе къ собранію ученыхъ гостей со стороны общественнаго управленія города Кіева, или тотъ странный эпизодъ относительно участія въ съѣздѣ галицко-русскихъ ученыхъ, о которомъ упомянемъ далѣе. Какъ бы то ни было, но итоги съѣзда, излагаемые въ „Извѣстіяхъ" и потомъ резюмированные въ заключительномъ докладѣ гр. П. С. Уваровой (онъ напечатанъ въ „Кіевской Старинѣ" 1899, сентябрь), эти итоги представляютъ большую массу матеріала, который сдѣлаетъ будущее изданіе „Трудовъ" съѣзда чрезвычайно интереснымъ: въ „Извѣстіяхъ" онъ намѣченъ, конечно, только въ общихъ чертахъ, въ видѣ протокола. Рефераты касались самыхъ разнообразныхъ предметовъ археологіи: древности первобытныя; древности историко-географическія и этнографическія: памятники искусства и ремесла, и нумизматика; бытъ домашній, юридическій, общественный и военный; древности церковныя; памятники языка и письма; древности классическія; южно-славянскія; восточныя; памятники археографическіе.

По всѣмъ этимъ предметамъ на съѣздѣ представлена была цѣлая масса рефератовъ (до 135), которые касались самыхъ разнообразныхъ вопросовъ археологіи, отъ изслѣдованій о каменномъ и бронзовомъ вѣкѣ въ предѣлахъ Россіи, особливо южной Россіи, до предметовъ древности скиѳской, русской, славянской и восточной. Между прочимъ, подняты были вопросы существенной важности для русской исторической и археологической науки. Такъ, напр., былъ снова поднятъ давній, до сихъ поръ нерѣшенный вопросъ о сохраненіи еще уцѣлѣвшихъ памятниковъ старины. Этотъ вопросъ и нелегко разрѣшить: чтобы предотвратить уничтоженіе памятниковъ, нужно прежде всего, чтобы то или другое вѣдомство или общество (напр., Археологическая Коммиссія при Имп. Эрмитажѣ или московское Археологическое Общество), которыя могли бы быть уполномочены, и частію уже уполномочены, принимать мѣры по сохраненію памятниковъ, имѣли въ своемъ распоряженіи всѣ свѣдѣнія по крайней мѣрѣ о главнѣйшихъ изъ подобныхъ памятниковъ, важныхъ для науки и требующихъ сохраненія, — понятно, что одно составленіе такого инвентаря

составило бы огромный трудъ, который, однако, былъ бы необходимъ; далѣе, были бы нужны мѣры къ тому, чтобы памятники были обезпечены отъ „усмотрѣнія", т.-е. произвола мѣстныхъ властей, крупныхъ и даже мелкихъ, которыя обыкновенно являются распорядителями ихъ судьбы. Всего чаще любители древности и даже спеціальныя учрежденія, посвященныя археологіи, узнаютъ о гибели или порчѣ памятниковъ, когда дѣло уже сдѣлано. Очевидно, что для сохраненія памятниковъ древности, кромѣ учено-административныхъ мѣропріятій, или даже больше, чѣмъ эти мѣропріятія, нужно еще нѣчто иное, что уже не находится въ возможности археологическихъ коммиссій и обществъ, а именно: такое распространеніе и повышеніе образованія (хотя бы довольно элементарнаго), которое научало бы уваженію къ старинѣ и пониманію ея значенія для собственной исторіи. Отсутствіе этого уваженія и пониманія въ громадномъ большинствѣ нашего общества,—не говоря о массѣ народной, которой не до археологіи,—есть одинъ изъ признаковъ (при множествѣ другихъ) малой культурности нашего общества. Къ сожалѣнію, сама исторія мало способствовала и мало научала сохраненію древности. Русская земля переносила страшные погромы, стиравшіе съ лица земли города и цѣлыя населенія; въ громадномъ большинствѣ старая архитектура была деревянная, сама по себѣ недолговѣчная и погибавшая еще больше отъ пожаровъ, чѣмъ отъ нашествій иноплеменниковъ; крутые переломы въ самой внутренней жизни не давали мѣста сохраненію старыхъ преданій, съ которымъ соединяется и сохраненіе древнихъ памятниковъ,—таково было нѣкогда истребленіе удѣловъ и стараго Новгорода; такова была во времена Петра Великаго упорная борьба противъ старыхъ преданій; таково было въ первой половинѣ нашего столѣтія стремленіе къ канцелярской и казарменной однообразности. Въ результатѣ, отъ нашей древности уцѣлѣли почти только памятники церковнаго характера (храмы, живопись, книги), почти не осталось памятниковъ бытовыхъ; въ параллель къ этому не сохранились даже памятники народной поэзіи—въ той формѣ, какую имѣли они въ старыя времена. Характеръ новѣйшей русской жизни, выше намѣченный, не способствовалъ опять развитію мѣстныхъ интересовъ, которое побуждало бы къ сбереженію мѣстной старины; взамѣнъ развивалось полное равнодушіе, и охрана древности можетъ быть внушена только школой.

Рядомъ съ этимъ можно упомянуть другой вопросъ, поднятый на съѣздѣ—о сохраненіи и раціональномъ устройствѣ нашихъ архивовъ. Этотъ вопросъ вызвалъ оживленные споры,—потому что и въ самомъ дѣлѣ нелегко было подступиться къ этому сложному дѣлу; но можно думать, что споры, веденные въ засѣданіяхъ съѣзда, послужатъ къ разъясненію предмета.

Въ заключеніе съѣзда, его совѣтъ постановилъ нѣсколько рѣшеній относительно ходатайствъ передъ правительствомъ по различнымъ предметамъ русской археологической науки. Упомянемъ изъ нихъ слѣдующія: всеподданнѣйшее ходатайство объ осуществленіи организаціи архивнаго дѣла въ ближайшемъ будущемъ и о дозволеніи, чтоби проектъ этой организаціи былъ разработанъ при содѣйствіи лицъ, которымъ дѣло устройства архивовъ знакомо и дорого, и въ виду того, что реорганизація архивовъ потребуетъ немало времени, съѣздъ ходатайствуетъ, чтобы, не ожидая разрѣшенія общаго объ архивахъ вопроса, было немедленно приступлено къ преобразованію харьковскаго историческаго архива въ „Центральный историческій архивъ". Въ связи съ этимъ съѣздъ ходатайствуетъ объ изданіи немедленно циркулярнаго распоряженія по всѣмъ вѣдомствамъ о прекращеніи уничтоженія какихъ бы то ни было бумагъ, относящихся къ дѣлопроизводствамъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій, пока не будетъ учреждено центральное архивное управленіе въ Россіи и не будутъ выработаны и изданы общія правила уничтоженія ненужныхъ актовъ дѣлопроизводства государственныхъ и общественныхъ учрежденій. „Въ виду желательности и необходимости болѣе научной разработки древностей Привислянскаго края, съѣздъ проситъ Имп. моск. Археол. Общество возбудить ходатайство объ учрежденіи въ Варшавѣ отдѣленія этого Общества";—„ходатайствуетъ объ учрежденіи въ университетахъ каѳедры до-исторической археологіи и о расширеніи преподаванія теоріи и исторіи искусствъ на область внѣклассическаго міра"; — „постановилъ довести до свѣдѣнія Импер. Академіи наукъ, что на съѣздѣ былъ возбужденъ вопросъ о желательности: а) изданія серій классическихъ и византійскихъ писателей (съ русскимъ переводомъ), имѣющихъ отношеніе къ исторіи славянъ и территоріи Россіи, и б) изданій въ оригиналѣ и переводахъ отрывковъ арабскихъ писателей, имѣющихъ отношеніе къ исторіи славянъ и территоріи Россіи";—„по поводу предложенія проф. Шмурло объ учрежденіи русской археологической коммиссіи при Ватиканскомъ архивѣ просить Импер. моск. Археологическое Общество снестись съ русскимъ посломъ при итальянскомъ дворѣ, Алекс. Иван. Нелидовымъ".

Къ кіевскому съѣзду пріурочено нѣсколько замѣчательныхъ археологическихъ изданій. Такъ Ю. А. Кулаковскій издалъ съ объясненіями „Карту европейской Сарматіи по Птолемею"; П. М. Каманинъ, извѣстный знатокъ южно-русской исторіи и палеографіи, приготовилъ „Палеографическій изборникъ. Матеріалы по исторіи южно-русскаго письма въ XV—XVIII вв." (первый выпускъ), изданный кіевскою коммиссіею для разбора древнихъ актовъ; той же коммиссіей изданъ первый выпускъ „Матеріаловъ по исторіи русской картографіи", В. А.

Кордта; каталоги археологическихъ собраній В. В. Тарновскаго и гг. Ханенко; „Церковно-археологическіе очерки“ г. Лашкарева и проч. Къ печати приготовлены—археологическая карта волынской губерніи В. Б. Антоновича, такая же карта Подоліи свящ. Сѣцинскаго и др. На время съѣзда устроены были разнородныя археологическія выставки.

Наконецъ, на приглашенія къ кіевскому съѣзду отозвались и славянскіе ученые которые приняли участіе въ работахъ съѣзда и своими рефератами, какъ, напримѣръ: извѣстный археологъ, профессоръ пражскаго университета Нидерле, гг. Хёрманъ и Трухелка изъ Босніи, представитель краковской академіи г. Копера; были депутаты отъ высшей школы въ Софіи, въ Болгаріи—гг. Милетичъ, Шишмановъ, Цоневъ и др. Но, какъ читаемъ въ заключительномъ докладѣ гр. Уваровой, на съѣздѣ „остались недоложенными всѣ рефераты галицкихъ ученыхъ, которые, *по извѣстнымъ съѣзду причинамъ*, были лишены возможности принимать участіе въ работахъ съѣзда“. По свидѣтельству гр. Уваровой, эти рефераты, числомъ 23, были весьма разнообразны и касались вопросовъ, „одинаково интересныхъ нашимъ сосѣдямъ, какъ и намъ лично“.

Это обстоятельство приводитъ насъ къ весьма серьезному вопросу. „Причины, извѣстныя съѣзду“, сколько мы знаемъ, не были изложены самимъ съѣздомъ въ печати; но еще до начала съѣзда въ газетахъ разсказанъ былъ споръ, возникшій въ предварительномъ комитетѣ относительно допущенія на съѣздѣ докладовъ на малорусскомъ, собственно галицко-русскомъ, языкѣ. Такъ какъ на съѣздѣ ожидалось присутствіе галицко-русскихъ ученыхъ, то московское Археологическое Общество разрѣшало кіевскому съѣзду чтеніе докладовъ и пренія кромѣ другихъ славянскихъ нарѣчій, и на галицко-русскомъ; но затѣмъ въ газетахъ сообщено было, что представители университета св. Владиміра, профессоръ по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій, г. Флоринскій, и ректоръ университета, г. Фортинскій, высказались противъ рѣшенія Императорскаго московскаго Археологическаго Общества. И г. Флоринскій, и г. Фортинскій утверждали, что чтеніе докладовъ на галицко-украинскомъ языкѣ, называемомъ ими „жаргономъ“, будто бы „противорѣчитъ здравому смыслу“ („учено-деликатное отношеніе къ рѣшенію почтеннаго Императорскаго московскаго Археологическаго Общества!“—замѣчали газеты), и они возстали противъ подобной „затѣи украинофиловъ“. Не довольствуясь собственнымъ протестомъ, они, какъ сообщали газеты, обратились за содѣйствіемъ къ высшей административной власти, и въ результатѣ русскіе галичане отсутствовали на съѣздѣ и взяли упомянутые 23 реферата обратно. Въ „Извѣстіяхъ“ читаемъ, что 31-го іюля, наканунѣ открытія съѣзда,

профессоръ Флоринскій сложилъ съ себя званіе депутата кіевскаго университета на предстоявшій съѣздъ...

Судя по газетнымъ отчетамъ, этотъ эпизодъ произвелъ вообще весьма непріятное впечатлѣніе. Два профессора кіевскаго университета высказались противъ допущенія на съѣздѣ галицко-русской или малорусской рѣчи. „Но въ то же время,—пишетъ очевидецъ,—съѣздъ по неволѣ долженъ былъ слушать тотъ же самый малорусскій языкъ, въ видѣ цитатъ и текстовъ изъ древнихъ документовъ,—ибо безъ этого даже нельзя было обойтись при докладахъ, напр., „О ростѣ и паденіи дома Вишневецкихъ“ (одинъ изъ лучшихъ) и пр. Тотъ же малорусскій говоръ слышался иногда у дверей аудиторій, на площадкахъ, а иногда проникалъ и въ самый актовый залъ университета,—ибо нельзя же людямъ было зажать ротъ наглухо и въ частномъ разговорѣ! Съ малорусской сцены онъ слышится постоянно, встрѣчаетъ еще больше сочувствія и пользуется оффиціальнымъ разрѣшеніемъ. Значитъ, только одна спокойная, безпристрастная наука потерпѣла гоненіе за малорусскій языкъ?“ („Новое Время“ № 8337; „Спб. Вѣдомости“ № 189, 231, 233 и др.).

Гр. П. С. Уварова въ своемъ заключительномъ докладѣ упомянула, что на съѣздъ пріѣхало значительное число иностранцевъ, и при этомъ замѣтила: „пріѣхало бы и больше, если бы неожиданно поднятый вопросъ объ опасности, представляемой галицкимъ языкомъ, не помѣшалъ ближайшимъ нашимъ сосѣдямъ славянамъ принять участіе въ нашихъ работахъ“. Понятно, что гр. Уварова говорила объ этой опасности несерьезно.

Въ чемъ же заключалась опасность? Не будемъ говорить объ административныхъ мѣрахъ, которыя измѣнчивы и опредѣляются, такъ или иначе, временными обстоятельствами, и скажемъ только о научной и литературной сторонѣ дѣла. Первая состоитъ въ различныхъ взглядахъ въ средѣ ученыхъ спеціалистовъ относительно большей или меньшей „самостоятельности“ малорусскаго языка или нарѣчія: одни приписывали ему бо̀льшую степень „самостоятельности“, другіе—меньшую; г. Флоринскій держался послѣдняго взгляда и счелъ возможнымъ, на этомъ основаніи, очень рѣзко выступить противъ разрѣшенія на съѣздѣ галицко-русскихъ рефератовъ, постановленнаго московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, въ желаніи галицко-русскихъ ученыхъ читать на своемъ привычномъ языкѣ увидѣли „затѣю украинофиловъ“, и очевидно, что филологическіе взгляды г. Флоринскаго искали себѣ практической почвы въ мѣстныхъ интересахъ — или дрязгахъ... Какъ будто предвидя это нападеніе, журналъ „Кіевская Старина“, посвященный малорусской исторіи и этнографіи, помѣстилъ въ августовской книжкѣ

статью г. К. Михальчука: „Что̀ такое малорусская (южно-русская) рѣчь?“—вышедшую также въ отдѣльномъ оттискѣ, — которая заключаетъ обстоятельное объясненіе общей стороны вопроса, и именно указываетъ условность понятій: языкъ, нарѣчіе, „самостоятельный языкъ“ и т. п. Между прочимъ, авторъ оспариваетъ взгляды, высказанные раньше по этому предмету г. Флоринскимъ, и объясняетъ, какъ популярное употребленіе упомянутыхъ словъ не совпадаетъ съ научными требованіями... Но въ данномъ случаѣ (быть или не быть галицко-русскимъ рефератамъ на кіевскомъ съѣздѣ?), каковы бы ни были филологическіе взгляды на галицко-русскую рѣчь („языкъ“, „нарѣчіе“, даже „говоръ“), вопросъ долженъ былъ рѣшаться на другихъ основаніяхъ, а именно—основаніяхъ литературныхъ. Какъ бы мы ни смотрѣли на наше „украинофильство“, которое недоброжелательно приплетаютъ къ этому вопросу, есть фактъ существованія галицко-русской литературы—*внѣ* предѣловъ Россіи и *внѣ* условій русской литературы. Галицкая отрасль русскаго (южно-русскаго) племени съ XIV в. оторвана отъ національнаго цѣлаго: цѣлые вѣка она вела тяжелую историческую жизнь: сначала подъ польскимъ, потомъ подъ польско-австрійскимъ владычествомъ, понесла при этомъ много потерь (она потеряла старое православіе съ уніатствомъ, потеряла свои высшіе, т.-е. болѣе богатые и культурные классы населенія, которые ополячились), и за послѣднее время состояла изъ одного низшаго класса, частію мѣщанъ, частію до крайности угнетеннаго крестьянства. Оторванная, какъ сказано, отъ жизни русскаго народа, создавшаго, между тѣмъ, московское царство и имперію, эта галицко-русская отрасль влачила самое бѣдственное существованіе, не получая никакой помощи, матеріальной, умственной и нравственной, отъ могущественнаго собрата. Зачатки славянскаго возрожденія съ конца прошлаго столѣтія и въ тридцатыхъ годахъ XIX столѣтія отразились и въ Галиціи проблесками народнаго самосознанія, и понятно, что въ условіяхъ галицкой жизни эти проблески только съ великими усиліями пробивались въ жизнь. Образовательные и литературные интересы были очень слабы и держались въ небольномъ кружкѣ патріотовъ; къ нимъ проникали нѣкоторыя воздѣйствія русской литературы, которая, напримѣръ, въ своихъ историческихъ изысканіяхъ напоминала о древнемъ единствѣ, въ первые вѣка исторіи, напоминала объ извѣстной нравственной связи, открывшейся опять въ XVI—XVII в., въ эпоху львовскихъ школъ и типографій;—но, какъ ни были цѣнны эти воспоминанія, онѣ были слишкомъ архаическія, чтобы могла на нихъ опереться литература, которая должна была служить новой жизни съ ея интересами и запросами. Когда возникавшая галицкая литература ставила себѣ вопросъ о своемъ существѣ и условіяхъ,

когда здѣсь, какъ во всемъ славянскомъ возрожденіи, былъ поставленъ вопросъ о народѣ, то естественно вспоминалось ближайшее родство, общность многихъ историческихъ воспоминаній, наконецъ общность народной поэзіи и обычая съ нашими малоруссами: галицкіе русскіе сознали себя однимъ племенемъ съ нашими южно-руссами. Съ тѣхъ поръ, какъ это сознаніе было пріобрѣтено въ галицкой литературѣ, это народное, южно-русское направленіе взяло верхъ надъ попытками другой стороны, которая стремилась основать „обще-русское“ единство, на основѣ нашего литературнаго языка. Но это послѣднее было слишкомъ далеко и отвлеченно; гораздо ближе были связи южно-русскія, и было очень естественно, что эти послѣднія возобладали. Было бы долго объяснять, насколько галицкое движеніе нашло себѣ опору въ нашей малорусской литературѣ; но несомнѣнно, что оно возросло съ тѣхъ поръ, какъ у насъ поднялись толки о такъ называемомъ малорусскомъ сепаратизмѣ: представленіе о южно-русской особенности отъ этого только усилилось; при стѣсненіяхъ малорусской литературы у насъ, нѣкотораго рода центромъ становился Львовъ. Литературная производительность повысилась, и небольшая литература укрѣплялась тѣмъ болѣе, что уже вскорѣ стала ревностно работать для образовательныхъ и экономическихъ интересовъ своего народа. Въ концѣ концовъ стала складываться серьезная научная дѣятельность по галицко-русской исторіи, археологіи, этнографіи и т. д. „Товарищество имени Шевченка“ въ своихъ „Трудахъ“ и другихъ изданіяхъ собрало уже не мало подобнаго научнаго матеріала; журналы, какъ „Житье и Слово“ и подобныя изданія нерѣдко доставляютъ серьезные научные трактаты, заслуживающіе вниманія; возростаетъ популярная и школьная литература. Все это создается въ средѣ бѣднаго матеріально народа, самоотверженными усиліями небольшого, но все возростающаго круга патріотовъ, и ведется на томъ галицко-русскомъ, близкомъ къ нашему малорусскому, если не однородному съ нимъ, языкѣ, который выработывается въ галицкой литературѣ при естественномъ желаніи сдѣлать книжный языкъ непосредственно близкимъ къ народной рѣчи (любопытствующимъ укажемъ статью „Галицко-русская литература“ въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона). Въ общемъ ходѣ славянскаго возрожденія это явленіе представляется вполнѣ естественнымъ. Весь смыслъ возрожденія заключался въ томъ, чтобы пробудить самосознаніе въ массахъ, основать литературу на преданіяхъ, интересахъ и на языкѣ народа, и въ этомъ отношеніи литература галицко-русская не уступаетъ многимъ народностямъ, которыя въ подобныхъ условіяхъ основывали свою литературу. Если мы готовы признавать небольшую литературу словацкую (въ отдѣльности отъ чешской), литературу сло-

винскую, маленькую литературу лужицкихъ сербовъ, то должны признать такое же право и за литературой галицко-русской, и не имѣемъ права на основаніи филологической теоріи (не всѣми, въ этой формѣ, раздѣляемой) бросать камнемъ въ эту литературу, скромную по размѣрамъ, но выросшую безъ нашего участія, въ другомъ государствѣ, и служащую по мѣрѣ силъ интересамъ своего народа. Въ самомъ дѣлѣ, при всѣхъ „братскихъ" чувствахъ къ славянству, какія насъ обуреваютъ, мы ничего не сдѣлали для этой литературы, всего чаще находили для нея только слова тенденціознаго осужденія и на основаніи „науки" закрыли передъ нею дверь ученаго съѣзда, гдѣ были даже представители мадьяръ (не особенныхъ друзей славянства). Думаемъ, что истинная наука должна бы научить не этому отношенію къ славянскимъ братьямъ, особенно къ ближайшимъ единоплеменникамъ.

Наконецъ, ссылки на „затѣи украинофиловъ" подобали бы не людямъ науки, а развѣ только спеціальному полицейскому вѣдомству, если бы послѣднему было дано подобное порученіе. Рѣчь, главнымъ образомъ, идетъ о литературномъ языкѣ въ *чужой* (политически) странѣ, гдѣ мы вовсе не призваны судить и рядить — и приговоры нашихъ „людей науки" получаютъ очень странный видъ. Если бы наши ученые противники галицко-русскаго литературнаго языка достойнымъ образомъ отнеслись къ дѣлу, передъ ними открытъ очень простой образъ дѣйствій. Въ самой Галиціи вопросъ о литературномъ языкѣ еще вызываетъ споры: издавна среди галичанъ есть приверженцы мнѣнія, что этотъ языкъ долженъ быть нашъ литературный языкъ, и въ настоящее время издается во Львовѣ журналъ г. Яворскаго („Живое Слово") на нашемъ литературномъ языкѣ и проповѣдующій необходимость этого языка для литературы галицкой, — такимъ образомъ, есть литературная почва для веденія спора,—и одна эта почва была бы прилична для людей науки.—Т.

Въ теченіе октября мѣсяца, въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Айхенвальдъ, Ю.—Пушкинъ, какъ воспитатель. Эскизъ. М. 99. Стр. 20.

Альбрехтъ, д-ръ.—Дешевыя квартиры въ Германіи и самопомощь въ ихъ устройствѣ. О жилыхъ домахъ для рабочаго люда. (съ 4 чертеж. и 12 планами. Стр. 78. Спб. 99. Ц. 2 р. 75 к.

Аннинскій, Александръ.—Древніе армянскіе историки, какъ историческіе источники. Од. 99. Стр. 133. Ц. 1 р. 20 к.

Аспоровъ, П.—Дѣти подмостковъ. Спб. 99. Стр. 21.

Базаровъ, В.—Трудъ производительный и трудъ, образующій цѣнность Спб. 99. Стр. 51. Ц. 40 к.

—— Краткій курсъ экономической науки. 2-е изд. Спб. 99. Стр. 321. Ц. 1 р. 50 к.

Бартъ, Пауль.—Философія исторіи какъ соціологія. Переводъ съ нѣмецкаго. Часть первая. Введеніе и критическій обзоръ. Спб. 1900. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Стр. XIV—424. Ц. 1 р. 75 к.

Березинъ, Александръ.—Одинокій трудъ. Статья и стихи. М. 99. Стр. 59. Ц. 40 к.

Божеряновъ, И.—Искусство и культура. Этюдъ для художниковъ. Вып. I. Спб. 99. Стр. 77. Ц. 50 к.

Бѣжецкій, А. Н.—На пути. Разсказы и очерки. 3-е изд. Спб. 99. Стр. 399. Ц. 1 р. 50 к.

—— Медвѣжьи углы. Повѣсти и очерки. 3-е изд. Спб. 99. Стр. 404. Ц. 1 р. 25 к.

Бѣлоконскій, П.—Деревенскія впечатлѣнія. Изъ записокъ земскаго статистика. Спб. 1900. Стр. 333. Ц. 1 р. 50 к.

Вернеръ, Э.—Сила воли. (Княгиня Баратовская—Vineta). Съ нѣм. Ф. Васильевой. М. 99. Стр. 384. Ц. 1 р. 50 к.

—— У орлиной скалы (св. Михаилъ—St. Michael). Романъ Съ нѣм. А. Перелыгиной. М. 99. Стр. 456. Ц. 1 р. 50 к.

Воиновъ, А.—Сборникъ геометрическихъ задачъ на вычисленіе. Съ приложеніемъ задачъ, рѣшаемыхъ при помощи тригонометріи. 2-е изд. М. 99. Стр. 146. Ц. 75 к.

Ганнушкинъ, М.—Народонаселеніе, какъ самостоятельный факторъ въ экономической эволюціи. М. 99. Стр. 56.

Герккеръ, Г.—Рабочій трудъ въ Западной Европѣ. Перев. съ 2-го нѣм. изд. Спб. 99. Стр. 512. Ц. 3 р.

Гиляровъ, А. Н.—Что такое философія, и что она можетъ, и чего не можетъ дать. Кіевъ. 99. Стр. 30.

Глинка, Ѳ.—Нѣсколько данныхъ объ эксплуатаціи французскихъ желѣзныхъ дорогъ. Кіевъ. 99. Стр. 81.

Гольцманъ, Оскаръ.—Паденіе Іудейскаго государства. Перев. съ нѣмецкаго. М. 99.

Гопъ, Антони.—На скользкомъ пути. Ром. Съ англ. М. 99. Стр. 314. Ц. 1 р. 50 к.

Горацій Флаккъ.—Оды, кн. II. Перев. въ стих. П. Порфирова. Спб. 99. Стр. 35. Ц. 40 к.

Готье, А.—Алкалоиды жира тресковой печени. Перев. съ франц. К. Рябинина. Спб. 99. Стр. 42.

Гошé, Г.—Леченіе сифилиса. Перев. съ франц. д-ра Е. Ротмана, п. р. В. И. Зарубина. Харьк. 1900. Стр. 48.

Градовскій, А. Д.—Собраніе сочиненій. Т. III. Спб. 99. Стр. 624. Ц. 3 р. За 8 томовъ по подпискѣ—15 р.

Грачевъ, А. Ф.—Въ люди вышелъ. Разсказъ. Переславль-Залѣсскій. 99. Стр. 47. Ц. 50 к.

Гриневская, Н.—Огоньки. Разсказы, стихотворенія, пьесы. Спб. 1900. Стр. 337. Ц. 1 руб.

Грумъ-Гржимайло, Г. Е.—Описаніе путешествія въ Западный Китай. Т. II: Поперекъ Бэй-Шаня и Нань-Шаня, въ долину Желтой рѣки. Съ картой, 29 фототип., 1 гравюрой и 10 цинкограф. въ текстѣ. Спб. 99. Стр. 445. in 4°.

Гулишамбаровъ, Ст.—Международная торговля птицей и птичьими продуктами. Спб., 99. Стр. 199.

Гюо, В.—Марія Тюдоръ. Драма. Перев. М. Саарбекова. М. 99. Стр. 178. Ц. 60 к.

Демолэнъ, Э.—Отъ чего зависитъ превосходство англо-саксонской расы. Перев. А. Баханова. Од. 99. Стр. 252. Ц. 1 р

Дриль, Дм. — Преступность и преступники. Уголовно-психологическіе этюды. 2-е изд. Спб. 99. Стр. 293. Ц. 1. р. 20 к.

Дымчевскій, А.—Думки. Стихотворенія, Ростовъ-на-Д. 99. Стр. 62. Ц. 70 к.

Дюбуа-Реймонъ, Э.—Германъ ф-Гельмгольцъ. Характеристика. Перев. съ нѣм. З. Батя, п. р. прив.-доц. Б. П. Вейнберга. Спб. 1900. Стр. 70. Ц. 30 к.

Ежъ.—На разсвѣтѣ. Перев. съ польскаго. Спб. 99. Стр. 208. Ц. 60 к.

Ержемскій, А. К.—Самоучитель фотографіи. 2-е изд. Спб. 99. Стр. 268.

Жоржъ Зандъ.—Индіана. Спб. 99. Стр. 318. Ц. 60 к.

——— Похожденіе Грибуля. Съ рис. Т. Михайлова. Спб. 99. Стр. 139.

Заринъ, Ф.—Стихотворенія. Спб. 99. Стр. 173. Ц. 1 р.

Зиминъ, Н. П.—Объ очищеніи воды при помощи механическихъ фильтровъ, въ связи съ коагулированіемъ. М. 99. Стр. 24.

Зимницкій, В. Г.—Способы и пріемы обученія правописанію. М. 99. Стр. 161. Ц. 40 к.

Зубаревъ. Э.—XX-ый вѣкъ. Человѣчество на пути къ истинѣ. Варшава. 99. Стр. 48. Ц. 40 к.

Иверсенъ, В. Э.—Полная сельско-хозяйственная зоологія. Настольная книга для народныхъ учителей и практическихъ сельскихъ хозяевъ. 2-е изд. Т. II: Безпозвоночныя. Съ 200 рис. въ текстѣ. Спб. 99 Стр. 286. Ц. 2 р. 40 к.

Казанцевъ, П. В.—Повѣсти и разсказы. Съ портретомъ автора и предисловіемъ Мамина-Сибиряка. Спб. 99. Стр. 715. Ц. 2 р.

Камаровскій, гр. П. А., и *Бонасевскій*, П. М.—Право и миръ въ международныхъ отношеніяхъ. Сборникъ статей. Вып. 2-й. М. 99. Стр. 321—545. Ц. 1 р.

Карамзинъ, Д.—Вредныя насѣкомыя для сада, огорода и оранжерей и способы ихъ истребленія. Со многими рисунками. Спб. 99. Стр. 84. Ц. 40 к.

Карѣевъ, Н.—Курсъ новой исторіи. Пособіе къ лекціямъ, читаннымъ въ имп. Александровскомъ Лицеѣ. Ч. I: Исторія XVII и XVIII вѣковъ. Спб. 99. Стр. 475.

——— Исторія Западной Европы въ новое время. Т. III: Исторія XVIII вѣка. Ч. II: Просвѣщенный абсолютизмъ и французская революція. Изд. 2-е. Спб. 99. Вып. VI: стр. 271—642. Ц. 2 р.

Кедролинъ, Ад. О.—Искры. Очерки и разсказы. М. 99. Стр. 285. Ц. 1 р.

Кей, В.—Чахотка, какъ соціальное явленіе. Перев. А. Яроцкаго. Спб. 99. Стр. 117. Ц. 50 к.

Кейзъ, Германъ.—Чудеса Земного Шара. Общедоступныя бесѣды по землевѣдѣнію. Съ 93 рис. Перев. съ нѣм. М. Ченинской, п. р. П. Березина. Спб. 1900. Стр. 374. Ц. 1 р.

Крандіевская, А. Р. — „То было раннею весной“ и другіе разсказы. М. 1900. Стр. 363 Ц. 1 р.

Крицкій, Маркъ.—Цвѣты репейника. Разсказы для взрослыхъ. М. 99. Стр. 145. Ц. 90 к.

Круковскій, Адр.—Къ столѣтней годовщинѣ рожденія А. С. Пушкина. Очеркъ жизни и дѣятельности поэта. Поневѣжъ. 99. Стр. 39.

Крупковъ, А.—Стихотворенія. Кн. 1-я. Од. 99. Стр. 106.

Лазаревскій, Борисъ.—Забытые люди. Очерки и разсказы. Од. 99. Стр. 197. Ц. 60 к.

Левенстимъ, А.—Профессіональное нищенство, его причины и формы. Бытовые очерки. Спб. 1900. Стр. 160. Ц. 1 р.

Леманнъ, д-ръ. Иллюстрированная исторія суевѣрій и волшебства. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. В. Н. Линдъ. М. 99. Изданіе магазина „Книжное дѣло". 3 вып., стр. 1—128. Ц. безъ доставки въ Москвѣ—3 р., съ доставкой и пересылкой—4 р.

Линдеманъ, К. З.—Основы сравнительной анатоміи позвоночныхъ животныхъ. Съ 289 рис. Спб. 1900. Стр. 686. Ц. 3 р. 50 к.

Лоранъ, Эм.—Тюремный міръ. Типы и характеристики. Перев. съ франц. С. Шклявера. 2-е изд. Спб. 99. Стр. 368. Ц. 1 р. 60 к.

Луговой, А.—Сочиненія. Т. IV: Романы, повѣсти, разсказы. Спб. 1900. Стр. 574. Ц. 2 р.

Лютовъ, М.—Жизнь и труды Гиббона, съ его портретомъ и факсимиле. Изд. 2-е. Спб. 1900. Стр. 112. Ц. 75 к.

Ляпуновъ, Б. М.—Изслѣдованіе о языкѣ синодальнаго списка 1-й новгородской лѣтописи. Вып. 1. Введеніе. Ч. I: Очерки изъ исторіи ирраціональныхъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ. Спб. 99. Стр. 289.

Мазаракій, В.—Указатель сообщеній, сдѣланныхъ на общихъ собраніяхъ Русскаго Энтомологическаго Общества. 1859—1894 гг. Спб. 99. Стр. 58.

Мейеръ, Эд.—Рабство въ древности. Перев. съ нѣм. Е. Каменецкой, п. р. В. Дэна. Спб. 99. Стр. 48. Ц. 40 к.

——— Рабство въ древнемъ мірѣ. Перев. съ нѣм. А. Вихерскаго. Стр. 58. Ц. 30 к.

Мижуевъ, П. Г.—Народное образованіе въ главнѣйшихъ государствахъ и его финансовая постановка. Спб. 96. Стр. 148.

Миллъ, Д. С.—Система логики. Перев. съ англ. п. р. В. Ивановскаго. Вып. VII (послѣдній). М. 99. Стр. 781 и XXX. Ц. за 7 вып. 5 р.

Михайловскій, Г. В.—Къ вопросу объ уголовномъ судьѣ. По поводу предстоящей судебной реформы. Нѣжинъ, 99. Стр. 92 (вмѣсто рукописи).

Михальчукъ, К.—Что такое малорусская (южно-русская) рѣчь? Кіевъ. 99. Стр. 61.

Мигулинъ, П. П.—Русскій государственный кредитъ. (1769—1899). Т. I. Харьк. 99. Стр. 606. Ц. 2 р.

Мончаловскій, О. А.—Житье и дѣятельность Ивана Наумовича. Львовъ. 99. Стр. 112. Ц. 50 крейц.

Муръ, Ф.—Милліонеры. Ром. Съ англ. М. 99. Стр. 156. Ц. 1 р.

Мутеръ, Р.—Исторія живописи въ XIX вѣкѣ. Вып. 2-й. Спб. 99. Стр. 221.

Мышенковъ, М. М.—Руководство къ хмѣлеводству. Спб. 99. Стр. 79. Ц. 30 к.

Надеждинъ, П. П.—Какъ читать словесныя произведенія. Практическое руководство для начинающихъ изучать словесныя произведенія, учительскихъ семинарій, воспитанниковъ старшаго возраста городскихъ 4-хъ-классныхъ училищъ. 2-е изд. Тула. 1900. Стр. 148.

Ольшамовскій, М.—О значеніи Пушкина въ исторіи русской литературы. Каз. 99. Стр. 20. Ц. 12 к.

Осадчаго, Т. П.—Земля и земледѣльцы въ юго-западномъ краѣ (на Украйнѣ, Подоліи и Волыни). Кіевъ. 99. Стр. 126. Ц. 80 к.

Осипова, Е., *Поповъ*, И., *Куркинъ*, П.—Русская земская медицина. Обзоръ

развитія земской медицины въ Россіи вообще и отдѣльно въ Московской губерніи. съ краткимъ статистическимъ очеркомъ страны и ея состоянія. Съ картами, планами и діаграммами. М. 99. Стр. 340. Ц. 3 р.

Остроумовъ, Н.—Къ исторіи народнаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ. К. П. ф. Кауфманъ, устроитель Туркестанскаго края. Личныя воспоминанія. Ташкентъ. 99. Стр. 282. Ц. 1 р. 50 к.

Оржешко, Элиза.—Хамъ. Романъ. Перев. Ф. Домбровскаго. Спб. 99. Стр. 262. Ц. 75 к.

——— Bene nati. Романъ. Переводъ Ф. Домбровскаго. Спб. 99. Стр. 210. Ц. 75 к.

Павлищевъ, Левъ, племянникъ А. С. Пушкина. Ковчина Александра Сергѣевича Пушкина. Спб. 99. Стр. 103. Ц. 50 к.

Палаузовъ. Б. Н.—Вопросъ о миссіи присяжныхъ засѣдателей. Од. 99. Стр. 75.

Петерсонъ, О. — Пѣсни моря. Разсказы и преданія. Спб. 99. Стр. 152. Ц. 75 к.

Пименова, З.—Море и его обитатели. Составл. по Брему, Келлеру и др. Спб. 98. Стр. 204.

Пироговъ, Н. И.—Сочиненія. Т. I и II. Спб. 1900. 2-е изд. Стр. 554 и 525. Ц. по 3 р., за оба тома 5 р.

Позняковъ, Н. И.—Соловьиный садъ и другіе разсказы. Спб. 1900. Стр. 275. Ц. 1 р.

Покровская, М. П., женщ.-вр.—Какъ вести бѣдное хозяйство, чтобы сохранить здоровье. Примѣненіе гигіены къ жизни бѣдныхъ людей. Спб. 1900. Стр. 170. Ц. 60 к.

Поссетъ-де-Сандокъ, Б. Б.—Круговоротъ воды въ природѣ и водное хозяйство. Митава. 99. Стр. 93.

Посадскій, П. В.—Изслѣдованіе воздуха и опредѣленіе коэффиціента вентиляціи въ Кіевской 1-й гимназіи. Кіевъ. 99. Стр. 62.

Потапенко, И. Н.—Черезъ любовь. Ром. М. 99. Стр. 248. Ц. 1 р.

Потебня, А. А.—Записки по русской грамматикѣ. III. Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительнаго. Изданіе М. В. Потебни. Харьковъ. 99. V. Стр. 663. Ц. 6 р.

Пресъ, Арк.—Повѣсти и разсказы. Спб. 99. Стр. 242. Ц. 1 р.

Пушкинъ, А. С.—Евгеній Онѣгинъ. 1799—1899. Художественно-иллюстрированное юбилейное изданіе, подъ покровительствомъ 1-го Дамскаго Художественнаго Кружка. Спб. 99. Стр. 312. Ц. 3 р. 50 к.

Рейтлингеръ, Н. А.—Обзоръ положенія и дѣятельности потребительныхъ обществъ въ Россіи. Спб. 99. Стр. 228. Ц. 4 р.

Реклю, Элизе.—Земля и люди. Вып. V. Британскіе острова. Перев. съ франц. п. р. Д. А. Коропчевскаго. Съ 91 иллюстрац. Спб. 99. Стр. 424 и 70. Ц. 2 р.

Рожковъ, Н.—Сельское хозяйство московской Руси въ XVI вѣкѣ. М. 99. IV, 511 стр. Ц. 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 р.

Розенцвейгъ, Г. О.—Изъ залы суда. Судебные очерки и картинки. Спб. 1900. Стр. 581.

Ройтманъ, Дм.—Евгеній Дюрингъ какъ литературный критикъ и его новый критическій пріемъ. (Е. Дюрингъ. „Великіе люди въ литературѣ". Переводъ Ю. М. Антоновскаго. 1897). Спб. 99. Стр. 43. Ц. 30 к.

Руновъ, д-ръ Н. В. — Руководство къ культурѣ розана. Спб. 99. Стр. 157. Ц. 80 к.

Сеньебосъ, Ш.—Политическая исторія современной Европы. 1814—1898 гг. 2-е изд., п. р. В. Поссе. Т. I и II. Спб. 99. Стр. 593. Ц. 3 р.

Саловъ, П. А.—Мелочи жизни. Разсказы. М. 99. Стр. 369. Ц. 1 р. 25 к.

Серафимовъ, М. С.—Стихотворенія. М. 99. Стр. 192. Ц. 1 р.

Сидней и Беатриса *Веббъ*.—Теорія и практика англійскаго трэдъ-юніонизма (Industriel Democracy). Съ англ. Влад. Ильинъ. Т. I. Спб. 1900. Стр. 366. Ц. 2 р. 50 к.

Симоновичъ, М.—По поводу книги Б. А. Шпаковскаго: „На судъ общественный". Спб. 99. Стр. 45.

Скаржинскій, А. Б.—Борьба съ алкоголизмомъ. Варшава. 99. Стр. 31.

Старковъ, А. П.—Причины наводненій въ Петербургѣ и средства борьбы съ ними. Спб. 99. Стр. 31.

Степовичъ. А. — Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Октябрь 1898—1899 г. Кіевъ. 99. Стр. 253.

Суворовъ, П.—Разсказы изъ далекаго прошлаго. М. 99. Стр. 284. Ц. 1 р.

Трачевскій, Александръ.—Учебникъ русской исторіи. Ч. I. Древняя Россія. 2-е изд., съ 25 рис. Стр. 304. Ц 1 р. 25 к. Ч. II. Новая Россія 2 изд., съ 47 рис. Стр. 233. Ц. 1 р. 25 к.

Терпигоревъ, С. Н.—Собраніе сочиненій (С. Атава). Ред. С. Н. Шубинскаго. Т. т. IV, V и VI. Въ шести томахъ, съ портретомъ автора и біографич. очеркомъ, составл. П. В. Быковымъ. Спб. 1900. Стр. 572 + 558 + 640. Ц. 8 р., съ перес. 9 руб. 50 к., въ перепл. 11 р.

Турчиновичъ-Вижникевичъ, В.—О современномъ состояніи предохранительныхъ прививокъ чумы рогатаго скота. Спб. 99. Стр. 169.

Фальберкъ, Г., *Чарнолусскій*, В. — Настольная книга по народному образованію. Въ двухъ томахъ Т. I. Спб. 99. Стр. 713.

Фаресовъ, А. И.—Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Чествованіе его памяти. Спб. 99. Стр. 64. Ц. 60 к.

Фойницкій, И. *Я*.—На досугѣ. Сборникъ критическихъ статей и изслѣдованій, съ 1870 г. Т. II. Спб. 1900. Стр. 567. Ц. 3 р. 50 к.

Фолькельтъ, І., проф. Лейпцигскаго университета.—Современные вопросы эстетики. Переводъ съ нѣмец. Н. Штрупа. Спб. 99. Изд. редакціи журнала „Образованіе". VIII, 237 стр. Ц. 75 к.

Хомяковъ, А. С.—Димитрій Самозванецъ. Трагедія въ 5 д. Спб. 99. Стр. 224. Ц. 1 р.

Цвѣтковъ, Н.—Рѣшеніе ариѳметическихъ задачъ, составляющихъ курсъ начальной ариѳметики и новая систематизація ихъ. Спб. 99. Стр. 75. Ц. 35 к.

——— Методическій сборникъ ариѳметическихъ примѣровъ и задачъ, расположенныхъ по новой системѣ. 1-й, 2-й, 3-ій годъ обученія. Спб 99. Ц. 50 к.

Череповъ, А.—I. Что долженъ знать хозяинъ о молочной коровѣ.—Выборъ молочной коровы.—II. Кормленіе по нормамъ. Спб. 99. Стр. 13. Ц. 20 к.

Череповъ, Н. — Гдѣ выходъ? Съ предисловіемъ С. Шарапова. Спб. 99. Стр. 70.

Чудновская, Л.—English Grammar. Англійская грамматика. Письма, прозаическія статьи и стихотворенія для русскихъ учебныхъ заведеній. Од. 1900. Стр. 239. Ц. 1 р. 50 к.

Шантепи-де-ла-Соссей, Д. П.—Иллюстрированная исторія религій. Перев.

съ нѣм. изд. Вып. 10 и 11. Подъ ред. В. Н. Линдъ. М. 99. Стр. 369–546. По подпискѣ 3 р. за 2 тома.

Шарковъ.—Календарь земледѣльца на 1900 годъ. Спб. 99. Стр. 128. Ц. 6 к.

Шахтъ, А. А.—Трудъ, собственность и капиталъ подъ охраной страхованія. Спб. 99. Стр. 79+XXVII. Ц. 1 р.

Шершеневичъ, Г. — Учебникъ торговаго права. Каз. 99. Стр. 343. Ц. 2 р. 50 коп.

——— Курсъ торговаго права. Каз. 99. Стр. 879. Ц. 6 р.

Шиповъ, Д. Н.—Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ. М. 99. Стр. 61.

Шмурло, Е.—Очеркъ жизни и научной дѣятельности К. Н. Бестужева-Рюмина. Юрьевъ. 99. Стр. 416.

Шпаковскій, Б. А.—Быль—трава. Небыль—вода. Спб. 99. Стр. 50.

Щегловитовъ, А. Т.—Куликі своихъ болотъ. Орелъ. 99. Стр. 265. Ц. 1 р.

Яковлева, З.—Повѣсти и разсказы. Спб. 99. Стр. 398. Ц. 1 р. 50 к.

Ячевскій, А. А.—Таблицы главнѣйшихъ грибныхъ паразитныхъ болѣзней винограда. Изд. Мин. Землед. и Госуд. Им. Департ. Земледѣлія. Спб. 99.

*Ярилов*ъ, А.—Былое и настоящее сибирскихъ инородцевъ. Вып. II. Мелецкіе инородцы. Юрьевъ. 99. Стр. 150 и LXIV. Ц. 2 р.

Andler, Charles. Le prince de Bismarck. Paris. 1899. Стр. X+402. Ц. 3 фр. 50 сант.

Belza, Stanislaw.—Na lagunach. Варш. 99. Стр. 320.

Chenisse, le docteur Léon.—La tuberculose et le Congrés de Berlin. Par. 99. Стр. 29.

Flachs, Ad.—Rumänische Hochzeits- und Totengebräuche. Berlin. 99. Стр. 68.

Funck-Brentano, Frantz.—Le Drame des Poisons. Etudes sur la société du XVII-e siècle et plus particulièrement de la Cour de Louis XIV d'après les Archives de la Bastille. Paris, 99. Стр. 307. Ц. 3 фр.

Lowenstimm, August. Der Fanatismus als Quelle der Verbrechen. Berl. 99. Стр. 41.

Lupus, d-r Aexis.—Aus Alexander Puschkin's Dichtungen. 2-te Auflage. Leipz. 99. Стр. 13.

——— Eugên Onégin, Rom. in Versen v. A. S. Puschkin. Erster Gesang. Leipz. 99.

——— Einige Worte über A. S. Puschkin, seine deutschen Uebersetzer und Kritiker. Leipz. 99. Стр. 35.

Turpin, Eugène, inventeur de la mélinite. Requête à M-rs les Présidents et Membres de la Conférence de la paix à la Haye. Paris 99. Стр. 14.

— Библіотека „Всходовъ": 1) Воздушныя путешествія, Э. Пименова; 2) Дитя горъ, І. Спири; 3) Потѣшные люди, А. Зариныъ; 4) Школьные годы Тома Брауна, Т. Гюгесъ; 5) Безъ призора, Прессансе; 6) Фритіофъ Нансенъ, А. Анненской; 7) Михаилъ Фарадей, ея же; 8) Жаворонокъ, историч. повѣсть; 9) Мюнхгезенъ, Спартакъ; 10) Роже, Ж., Вампирэхъ, человѣкъ каменнаго вѣка; 11) Личнигъ, Л., Вдали отъ фонтана. Спб. 98. Ц. по 25 к.

— Библіотечка дѣтскаго чтенія: 1) А. А. Оедоровъ-Давыдовъ, О чемъ мурлыкалъ Котъ Мурлыка. М. 98. Стр. 112. Ц. 25 к. 2) Ивановъ, Ив. Ив., Изъ исторіи Москвы. М. 99. Ц. 10 к. 3) Дружининъ, Н. Н., Обновленіе одного

города, разск. М. 99. Стр. 52. Ц. 10 к. 4) Линдеманъ, К., О червяхъ, опустошающихъ наши лѣса. Съ 16 рис. М. 99. Стр. 32. Ц. 5 к. 5) Очерки и разсказы В. Н. Немировича-Данченко: „Что было и что есть". М. 1900. Стр. 83. Ц. 25 к. 6) Его же, „По волѣ Божіей". М. 1900. Стр. 207. Ц. 75 к. 7) Его же, „О чемъ разсказывалъ вѣтеръ". М. 99. Стр. 130. Ц. 50 к. 8) Невѣжина, П. М., Милые шалуны. М. 1900. Стр. 212. Ц. 60 к.

— Библіотека общеполезныхъ свѣдѣній. Молоко и молочные продукты. кумысъ, кефиръ, значеніе ихъ и польза, д-ра Н. Вакуловскаго. Спб. 99. Ц. 40 к.

— Волшебный фонарь. Журналъ, спеціально посвященный всѣмъ вопросамъ устройства и постановки народныхъ чтеній въ Россіи, организаціи чтеній для учащихся. Выходитъ въ годъ 4 нумерами, по 2 нумера за разъ, въ январѣ и августѣ. Годъ первый. Августъ. 99. № 1 и 2. Въ годъ съ пересылкой—1 р.

— Геологическія изслѣдованія и развѣдочныя работы по линіи сибирской желѣзной дороги. Вып. XIII. Спб. 99. Стр. 52, съ картами.

— Дешевая Библіотека: № 205 и 206. Несторъ Кукольникъ, Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова. Романъ. Ч. I, II, III и IV. Спб. 99. Стр. 385. Ц. 50 к, № 207. Сочиненія кн. А. А. Шаховского. Спб. 99. Стр. 222. Ц. 20 к.

— Дешевая дѣтская библіотечка: Друзья. Разсказы Н. Соловьева. Несмѣлова. М. 99. Ц. 5 к.

— Ежегодникъ Императорскихъ Театровъ. Сезонъ 1897—1898 гг. Восьмой годъ изданія, п. р. А. Е. Молчанова. Спб. 99. Стр. 453. Съ приложеніями: Кн. 2.

— Изданіе журнала „Игрушечка". Избранныя сочиненія А. С. Пушкина. Для дѣтей младшаго возраста. Спб. 99. Стр. 97. Ц. 60 к.

— Изданіе М. Дорошенка: 1) Короленко, В. Г. Сонъ Макара; 2) его же Лѣсъ шумитъ; 3) Мериме, Пр., Маттео Фальконе. Спб. 99. Ц. 19 к.

— Изданія Московскаго Общества грамотности. Ермиловъ, В., Святитель. Тихонъ Задонскій. М. 99. Стр. 32. Ц. 5 к.

— Изданія О. Н. Поповой: 1) Зембартъ, Очерки промышленнаго развитія Германіи. I. Германія наканунѣ экономическаго переворота; 2) Мопассанъ, Пышка; 3) Франко, Къ свѣту; 4) Потапенко, Остроумно! 5) Гейфстамъ, Погибшая жизнь, пов.; 6) Мопассанъ, Потѣхи войны. Спб. 99.

— Каталогъ учебныхъ руководствъ и пособій, рекомендованныхъ, одобренныхъ и допущенныхъ для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства мин. нар. просвѣщенія. По 1 января 1899 г. Спб. 99. Стр. 199 Ц. 40 к.

— Книжки для деревни: № 1. Лечебникъ домашнихъ животныхъ. Состав. для сельскаго населенія. М. 99. Ц. 15 к.; № 3. Борьба съ пожарами въ деревнѣ. М. 99. Ц. 10 к.; № 6. Стельная корова. М. 99. Ц. 7 к.

— „Кольцовская Библіотека". № 1. Задушевныя пѣсни. Сборникъ стихотвореній Н. Н. Иванова. Воронѣ., 99. Стр. 30. Ц. 25 к

— Краткій обзоръ дѣятельности Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній за 1897—98 г. Спб. 99. Стр. 324. Ц. 50 к.

— Маленькая Библіотека. Бѣлоусова, Ив. А., Птичья стойка. Разсказы и стихотворенія. М. 1900. Стр. 46 Ц. 10 к.

— Малый Энциклопедическій Словарь. Съ приложеніемъ краткихъ руководствъ по различнымъ отраслямъ знанія и словарей иностранныхъ языковъ.

Вып. II, III и IV. Брай-Гебгардъ. Стр. 302—1232. Съ приложеніями. (Всего будетъ 3 тома, въ 12 выпускахъ, цѣна 18 руб.).

— Медицинскій отчетъ по вѣдомству учрежденій имп. Маріи за 1896—97 г. Спб. 99. Стр. 376.

— Народная Библіотека В. Н. Маракуева: 1) Гётте, А., Зоологія, наука о животныхъ. Од. 99. Ц. 50 к. 2) Робинзонъ Крузо, его жизнь и приключенія Од. 99. Ц. 10 к. 3) Ж. Зандъ. Крылья мужества. Од. 99. Ц. 15 к.

— Научно-образовательная Библіотека: 1) Гетчинсонъ, Вымершія чудовища и животныя прошлыхъ геологическихъ эпохъ. 2) Тьерри, Ог., Исторія происхожденія и успѣховъ третьяго сословія. М. 99.

— Новая Библіотека: Озорникъ, разск. Мамина-Сибиряка. Спб. 99. Ц. 8 к.

— Отчетъ о дѣятельности Симферопольскаго Общества исправительныхъ пріютовъ, за 1896—98 гг. Стр. 237.

— Программы домашняго чтенія, на 1-й годъ, систематическаго курса. М. 1900. Стр. 237. Ц. 35 к.

— Русско-польскія отношенія и чествованіе поляками Пушкина. Спб. 99. Стр. 139.

— Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Вып. X. Изд. п. р. И. Дубровина. Спб. 99. Стр. 496.

— Сборникъ консульскихъ донесеній. Годъ 2-й. Вып. V. Спб. 99. Стр. 365—455.

— Сборникъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Вып. VI. М. 99. Стр. 546 и LXXXI-CDLXXIV. Ц. 3 р.

— Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по начальному народному образованію въ Орловской губерніи за 1896—97 г. Съ 10 картограммами и 7 діаграммами. Орелъ. 98. Стр. 200, съ приложеніями.

Сборникъ ученo-литературнаго Общества при Импер. Юрьевскомъ университетѣ. Томъ II. Юрьевъ. 99. XXXVII и 204 стр. Ц. 2 р.

— Стенографическій отчетъ Тверского губернскаго земскаго собранія, сессіи 1898 г., засѣданій 8—23 января 1899 г. Тв. 99. Стр. 396.

— Уставы. Лѣсной, со включеніемъ положенія о сохраненіи и сбереженіи лѣсовъ, и о казенныхъ оброчныхъ статьяхъ. Состав. В. Семеновъ. Спб. 99. Стр. 213. Ц. 50 к.

— Этико-художественная Библіотека. Вып. 5: И. И. Янжулъ, Сосѣдскія гильдіи. М. 99. Ц. 20 к. Вып. 6: Р. Киплингъ, Чудо Пурѣнь-Багата. Лагерлевъ, легенды объ отшельникѣ. М. 99. Ц. 15 к. Вып. 7: Больтонъ Голлъ, Истинная жизнь. М. 99. Ц. 20 к. Вып. 8: И. Потапенко, Забытый пономарь. М. 99. Ц. 25 к. Вып. 9: М. Меньшиковъ, Дѣти. М. 99. Ц. 20 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Anatole France. Pierre Nozière. Paris, 1899, стр. 326.

Романы и повѣсти Анатоля Франса большей частью пишутся серіями: одинъ и тотъ же герой проходитъ черезъ нѣсколько книгъ, при чемъ событія въ каждой книгѣ совершенно иныя. Не фабула объединяетъ книги, а центральная личность, — она же не столько дѣйствуетъ, сколько размышляетъ о ходѣ событій. Этимъ создается около нея особая атмосфера, и субъективность автора выигрываетъ въ яркости. Творчество Франса, его выдумка и воображеніе—направлены на обрисовку его излюбленнаго героя. Видно, что онъ особенно дорогъ сердцу художника, и что тотъ, который въ одномъ случаѣ носитъ имя Жерома Коньяра, въ другомъ—Сильвестра Боннара, въ третьемъ—профессора Бержере, если и не вполнѣ самъ Анатоль Франсъ, то во всякомъ случаѣ выразитель его мыслей. Въ этомъ книжникѣ, который усвоилъ себѣ полуснисходительное, полупрезрительное отношеніе къ людямъ и полюбилъ ихъ именно за ихъ слабости и несовершенства, Анатоль Франсъ воплотилъ философію, составляющую смѣсь скептицизма, идеализма и жажды любви.

Но снисходительный мудрецъ Франса воплощаетъ лишь одну сторону отношенія къ дѣйствительности. Онъ интеллектуаленъ, и его наивное доброжелательство къ людямъ не исчерпываетъ душевной полноты самого художника. Чтобы воплотить свое свѣтлое и безмятежное чувство къ людямъ и къ природѣ, чтобы показать, какъ всѣ подробности жизни будятъ радостный откликъ въ его душѣ, Франсу понадобилось дополнить типъ идеальнаго, наивнаго и лишеннаго всякаго педантизма мудреца, другимъ, казалось бы противоположнымъ, но въ сущности несомнѣнно родственнымъ типомъ невиннаго ребенка, достигающаго своей непосредственностью той мудрости, которая разлита во всемъ мірозданіи и не нуждается для своего проявленія въ изощреніяхъ ума. Этотъ типъ мудраго, какъ все въ природѣ, ребенка Анатоль Франсъ уже намѣтилъ въ одномъ изъ своихъ первыхъ произведеній: „Le livre de mon ami“. Тамъ выступаетъ впервые Пьеръ Нозьеръ, разсказывающій по воспоминаніямъ своего дѣтства. Въ этихъ воспоминаніяхъ воплощена внутренняя поэзія дѣтской души, не по-

черпнутая изъ общенія съ внѣшнимъ міромъ, а напротивъ того, исходящая изъ родника души и оттуда изливающаяся на внѣшній міръ. Самымъ дорогимъ подаркомъ, о которомъ Нозьеръ сохранилъ память на всю жизнь, была роза на обояхъ въ гостиной. Мать указала ему на нее съ улыбкой и сказала: „я тебѣ ее дарю!" Это невещественное обладаніе наполнило душу ребенка великою радостью. Изъ такихъ чертъ слагалась поэзія всей жизни ребенка. Воображеніе и дѣйствительность имѣли для него совершенно одинаковое значеніе. Фигуры его иллюстрированной Библіи жили въ его сердцѣ наравнѣ съ членами семьи, а маленькія фигурки разнообразныхъ звѣрей, населявшихъ подаренный ему Ноевъ ковчегъ, были друзьями, привычки и особенности которыхъ онъ хорошо зналъ.

То, что въ „Livre de mon ami" намѣчено бѣглыми чертами, восполнено въ вышедшей недавно книгѣ Франса: „Pierre Nozière". Тутъ фигура маленькаго Пьера получаетъ законченный образъ: онъ становится носителемъ душевныхъ идеаловъ автора, такъ же, какъ профессоръ Бержере рисуетъ отношеніе Франса къ жизни общественной и частной. Жизнь маленькаго Нозьера полна совершенно особаго рода любви къ природѣ. Для того, чтобы любить красоту внѣшняго міра, т.-е. воспринимать душою проявляющееся въ немъ божественное начало, нѣтъ надобности жить среди широкихъ полей, лѣсовъ и горъ. Кварталъ стараго города, набережная мутной рѣки, верхушки церквей вдали, садъ, до котораго полчаса ходьбы—этого достаточно, чтобы пробудить въ чуткой душѣ любовь къ природѣ и понятіе о безконечности мірозданія. Францъ разсказываетъ устами своего маленькаго героя, какъ въ душѣ его сложилось представленіе о вселенной подъ вліяніемъ тѣхъ небольшихъ прогулокъ, которыя онъ могъ совершать нѣкомъ въ обществѣ своей старой няни. „Вселенная заканчивалась для меня немногимъ далѣе набережной „Малакэ". Я съ упоеніемъ вдыхалъ воздухъ, наполняющій этотъ пріютъ изящества и славы,—Тюльери, Лувръ, дворецъ Мазарини. Достигнувъ возраста пяти лѣтъ, я еще мало изслѣдовалъ части вселенной, лежащія за Луврóмъ, на правомъ берегу Сены. Лѣвый берегъ я зналъ лучше, потому, что тамъ жилъ. Я дошелъ по улицѣ „Petits Augustins" до самаго ея конца, и мнѣ казалось, что тамъ кончается міръ... Съ западной стороны я тоже видѣлъ предѣлы вселенной. Холмистыя высоты Шальо, долина Трокадеро, тогда еще пустынная и усыпанная ароматными бѣлыми цвѣтами мяты, конецъ свѣта, край пропасти, гдѣ одноногій человѣкъ, прыгаетъ совершенно нагишомъ, гдѣ живетъ человѣкъ-рыба и человѣкъ безъ головы съ лицомъ на груди... Но лучше всего я зналъ и любилъ берегъ Сены: моя старая няня Нанэттъ водила меня гулять туда каждый день. Тамъ былъ Ноевъ ковчегъ; я его

зналъ по картинкѣ въ Библіи. Я не сомнѣвался, что купальня на Сенѣ, „Samaritane", была именно Ноевымъ ковчегомъ. Изъ середины ея возвышалась гигантская пальма, и изъ нея выходилъ тонкій черный дымъ. Для меня метаморфоза ковчега была очень понятна. Такъ какъ потопа больше не бываетъ, то ковчегъ превратили въ купальню. Съ восточной стороны я доходилъ до „Jardin des Plantes", по Сенѣ, до Аустерлицкаго моста. Это было для меня крайнимъ предѣломъ. Самые смѣлые изслѣдователи природы всегда доходятъ до того пункта, далѣе котораго идти не могутъ. Для меня тоже невозможно было идти дальше Аустерлицкаго моста. Для этого у меня были слишкомъ маленькія ножки, а у няни моей Нанэттъ—слишкомъ старыя. Что же было за этими предѣлами? Какъ и ученые, мнѣ оставалось дѣлать только предположенія на этотъ счетъ. У меня составилась въ умѣ гипотеза, которая мнѣ казалась почти достовѣрной. Я думалъ, что за Аустерлицкимъ мостомъ начинаются волшебныя библейскія земли. На правомъ берегу Сены я видѣлъ издали холмъ, несомнѣнно такой же, какъ въ моей иллюстрированной Библіи. И согласно съ этимъ я былъ убѣжденъ, что „Jardin des Plantes" и есть именно земной рай; о немъ мнѣ много разсказывала мать".

Воображеніе, питающееся не далекими горизонтами, а напротивъ того, узкими предѣлами улицъ и мостовъ, удивительно художественно изображено Франсомъ. Источникъ поэзіи сосредоточенъ въ глубинѣ души: все внѣшнее имъ окрашивается и становится значительнымъ. Воображеніе дѣтской души, воспитанной на картинкахъ Библіи, создаетъ то, въ чемъ ему отказали обстоятельства жизни, создаетъ природу и всѣ тѣ мысли о величіи вселенной, которыя внушаются величественными зрѣлищами природы. Показать творческую силу наивной души, въ которую вложено лишь одно, но самое могущественное начало жизни—любовь, въ этомъ основная задача Франса.

Гуляя съ няней, маленькій Пьеръ создалъ для себя природу. Точно такъ же онъ какъ бы создаетъ для себя людей, т.-е. чутьемъ и любовнымъ интересомъ проникаетъ въ душевный міръ цѣлаго ряда людей, совершенно незамѣтныхъ въ жизни, но открывающихъ передъ нимъ свои сложныя ощущенія и мысли. Жизнь Пьера такимъ образомъ чрезвычайно полна. Что таковъ именно вѣрный путь къ общенію съ людьми, Франсъ доказываетъ на примѣрѣ своего маленькаго героя. Старая экономка м-мъ Матіасъ—источникъ множества впечатлѣній и мыслей для мальчика, между тѣмъ какъ отецъ его, докторъ Нозьеръ, совершенно не замѣчаетъ этой скромной экономки, имѣющей трагическій видъ человѣка, который „многое пережилъ въ жизни"... „Въ восемь лѣтъ я лучше понялъ эту душу, чѣмъ мой отецъ въ сорокъ, хотя отецъ мой склоненъ къ размышленію, достаточно наблю-

дателенъ для идеалиста и обладаетъ нѣкоторыми знаніями по физіономикѣ, почерпнутыми у Лафатера. Я помню, какъ онъ часто и долго разсуждалъ по поводу маски Наполеона, вывезенной съ острова Святой Елены докторомъ Антомарки. Гипсовый слѣпокъ этой маски, висѣвшій въ кабинетѣ, наводилъ на меня въ дѣтствѣ постоянный ужасъ. А между тѣмъ у меня было большое преимущество: я любилъ м-мъ Матіасъ, и м-мъ Матіасъ любила меня. Мною руководила привязанность, отцомъ же моимъ—только знаніе". Такимъ образомъ эта невѣдомая его отцу м-мъ Матіасъ послужила маленькому Пьеру источникомъ для изученія людей. Онъ понялъ самое главное. Онъ понялъ, что эта суровая, гордая м-мъ Матіасъ, наводившая ужасъ даже на „маму" своимъ взглядомъ загнанной волчицы, имѣла свои слабости. Онъ почувствовалъ къ ней большую близость и на этомъ основана была ихъ дружба. М-мъ Матіасъ рѣшилась даже повести мальчика къ своему мужу, существованіе котораго она тщательно скрывала отъ всѣхъ другихъ, именно потому, что любила его и отдавала ему все, что имѣла, а онъ ее безсовѣстно обиралъ и пренебрежительно съ ней обходился,—съ ней, которая внушала всѣмъ страхъ и уваженіе.

Цѣлый рядъ другихъ типовъ, выхваченныхъ изъ тихой жизни, гдѣ никакихъ особенныхъ событій не происходило, наполняютъ страницы воспоминаній Позьера. Въ этой тишинѣ растетъ и укрѣпляется чистая душа, сталкиваясь со слабостями людей и уясняя себѣ эти слабости, вмѣсто того чтобы судить ихъ. О томъ, что Пьеръ Позьеръ состоитъ въ духовномъ родствѣ съ ученымъ героемъ прежнихъ книгъ Франса, можно заключить изъ его особой нѣжности къ букинистамъ, занимающимъ своими витринами всю длину лѣвой набережной Сены по Quai Voltaire. Позьеръ говоритъ о нѣсколькихъ особенно любимыхъ имъ букинистахъ, съ которыми его связывали частыя бесѣды; въ особенности любилъ онъ нѣкоего м-г Desbas, благороднаго любителя книгъ и ненавистника Наполеона III. Одинъ изъ его вѣрныхъ кліентовъ и друзей сдѣлалъ ему комплиментъ, построенный на каламбурѣ: „Въ васъ нѣтъ ничего низкаго (rien de bas) кромѣ вашего имени, м-г Desbas". Когда его спрашивали, какъ идутъ дѣла, онъ отвѣчалъ: „такъ себѣ. Только что не чувствуешь себя въ безопасности! Всему виной образъ правленія",—и онъ возмущеннымъ жестомъ указывалъ вдаль, на Тюльери. Франсъ по этому поводу не можетъ удержаться, чтобы не поговорить вообще объ излюбленныхъ имъ старыхъ книгахъ. Онъ даетъ ученыя справки о букинистахъ въ XVII и XVIII вѣкахъ, и говоритъ о томъ, какъ теперь трудно напасть невзначай на какую-нибудь рѣдкостную книгу въ витринахъ на набережной. „Теперь уже не найдешь больше въ витринѣ книгъ по два су", жалуется ему одинъ любитель". А между тѣмъ,—говоритъ Франсъ,—именно эти витрины

книгъ по два су драгоцѣнны для меня. Я не нашелъ тамъ ни разу какого-нибудь перваго изданія Мольера и Расина, но нашелъ нѣчто болѣе важное, чѣмъ какое-нибудь in-quarto Расиновской „Athalie“—я нашелъ урокъ мудрости. Вся эта печатная бумага научила меня суетности успѣха. Я не могу рыться въ книгахъ по два су, не чувствуя въ душѣ мирной и тихой печали, и не говоря себѣ:—зачѣмъ прибавлять еще нѣсколько страницъ ко всей этой бумагѣ; не лучше ли не писать совсѣмъ“.

Еще нѣсколько типовъ,—портной, который шьетъ ученикамъ лицея мундиры съ „вышитыми“ и съ „нашитыми“ гербами; два художника, изъ которыхъ одинъ пишетъ геніальныя картины въ умѣ, а другой достигаетъ успѣха скромнымъ ремесленнымъ трудомъ: старый солдатъ Наполеоновскаго времени; продавецъ синихъ очковъ, и нѣкоторые другіе—дополняютъ галерею друзей дѣтства Нозьера. Интересъ книги—какъ въ этихъ жизненныхъ фигурахъ, изображенныхъ снисходительнымъ созерцателемъ, такъ и, главнымъ образомъ, въ психологіи ребенка, мудрость котораго—въ непосредственности его отношенія къ зрѣлищамъ жизни. Вторая часть книги состоитъ въ описаніи различныхъ мѣстъ замковъ и деревень во Франціи. Пьеръ Нозьеръ путешествуетъ по своей родинѣ и описываетъ свои впечатлѣнія. Какъ всегда въ описаніяхъ Франса, въ нихъ много знанія и художественнаго чувства.

II.

Emile Zola. Les quatres évangiles. Fécondité. Paris, 1899, Стр. 750.

Романъ Зола: „Fécondité“—начало новой серіи, объединенной однимъ общимъ замысломъ. Послѣ „Ругонъ-Макаровъ“, имѣвшихъ пессимистически-обличительный характеръ, Зола́ пересталъ быть безстрастнымъ историкомъ общественныхъ явленій и началъ постепенно входить въ роль проповѣдника. Въ „Ругонъ-Макарахъ“ его интересовали самыя условія жизни и создаваемые имъ нравы и характеры. Затѣмъ онъ перешелъ къ болѣе отвлеченному замыслу—къ изученію тѣхъ основныхъ силъ, которыя создаютъ извѣстное состояніе общества. Исторія трехъ городовъ—„Лурдъ“, „Римъ“ и „Парижъ“—выдвигаетъ психологическую основу общественныхъ явленій. Зола́ рисуетъ переходъ отъ традиціонныхъ формъ вѣры къ новымъ упованіямъ, создаваемымъ матеріальнымъ развитіемъ культуры. Выводы Зола́ вполнѣ соотвѣтствуютъ его позитивному міросозерцанію. Проявленія религіознаго духа въ жизни Франціи онъ сводитъ къ безсодержательному суевѣрію, поддерживаемому нервнымъ истощеніемъ націи. Онъ изображаетъ без-

силіе католицизма, далекаго въ своемъ теперешнемъ видѣ отъ чистоты намѣреній первобытной церкви, а въ „Парижѣ" указываетъ исходъ изъ безплодныхъ переживаній. Спасеніе разлагающейся Франціи, по убѣжденію Зола, въ переходѣ отъ мертваго, какъ ему кажется, ученія церкви къ живой и плодотворной религіи человѣчества, неразрывно связанной съ культомъ труда. Аббатъ Фромантъ—центральное лицо въ трехъ романахъ серіи городовъ—кончаетъ тѣмъ, что, разувѣрившись въ чудесахъ Лурда и въ спасительности папства, сбрасываетъ рясу, женится и становится родоначальникомъ семьи энергичныхъ работниковъ. Онъ вѣритъ въ спасительность неустаннаго созиданія жизни и въ святость труда, обогащающаго жизнь и человѣчество. Послѣдній романъ серіи „Ругонъ-Макаровъ", „Докторъ Паскаль", заканчивается гимномъ вѣчному обновленію человѣчества и воззваніемъ къ людямъ, забывшимъ, что ихъ самый священный долгъ — продолженіе рода человѣческаго. „Парижъ" заканчивается рожденіемъ сына у бывшаго аббата Пьера. Та же проповѣдь служенія цѣлямъ природы снова раздается и здѣсь,—еще болѣе увѣренная, она стала изъ научно-матеріалистической территоріи почти религіознымъ ученіемъ. Зола самъ себѣ кажется идеалистомъ, потому что, отрекаясь отъ пессимизма своихъ обличительныхъ романовъ, онъ нашелъ возможность обнадежить человѣчество, создать вѣру въ жизнь. Но, конечно, идеализмъ этотъ—только кажущійся, болѣе намѣренный, чѣмъ искренній. Зола—чуткій художникъ и не можетъ оставаться чуждымъ духу, воцарившемуся въ современной литературѣ. Но онъ не можетъ измѣнить основамъ своего міросозерцанія—и это было бы менѣе всего желательно для цѣльности его писательской личности. Поэтому, стремясь быть идеалистомъ, онъ пришелъ скорѣе къ оптимизму, еще болѣе выдвигающему его позитивную философію.

Отъ психологической серіи Зола захотѣлъ подняться въ область чистой проповѣди, чтобы завершить миссію учителя, которую онъ началъ какъ безстрастный анатомъ и продолжалъ какъ психологъ. Свою новую серію онъ поэтому коротко и смѣло называетъ „евангеліемъ". У аббата Фромана были четыре сына, названные по имени евангелистовъ: Матоесмъ, Маркомъ, Лукой и Іоанномъ. Каждый изъ нихъ стоитъ во главѣ одного изъ евангелій. Первая изъ предполагаемыхъ четырехъ частей—les quatres évangiles—и вышла подъ заглавіемъ: „Fécondité". Это—евангеліе отъ Матоея; въ центрѣ проповѣди стоитъ Матоей, сынъ Пьера Фромана, и вся его жизнь—проповѣдь, которую Зола ведетъ отъ его лица.

Съ такими приготовленіями, считая свою проповѣдь достаточно высокой, чтобы назвать ее евангеліемъ—„благою вѣстью",—Зола приступаетъ къ изложенію своей новой правды. Оказывается однако, къ

удивленію читателя, что эта новая правда—полное повтореніе прежней. Здѣсь, какъ и въ „Докторѣ Паскалѣ", Зола хочетъ вмѣнить въ обязанность каждому человѣку принимать участіе въ продолженіи рода человѣческаго. Вся разница въ томъ, что въ „Докторѣ Паскалѣ" и въ „Парижѣ", гдѣ тоже отчасти проводится та же мысль, Зола оставался объективнымъ и выводилъ поученіе изъ наблюденій надъ жизнью. Въ „Fécondité", въ качествѣ евангелиста, онъ считаетъ своимъ долгомъ говорить практически и показывать примѣрами исполненія и неисполненія своего завѣта—въ чемъ заключается долгъ человѣка, какія блага ожидаютъ его при исполненіи этого завѣта, какія тяжкія кары—при уклоненіи отъ него. Съ перваго взгляда кажется, что для проповѣди чисто практическаго свойства нечего впадать въ евангельскій тонъ. Слишкомъ хорошо извѣстно, что Франція страдаетъ отъ систематическаго уменьшенія народонаселенія. Противъ этого борется правительство. борется законъ, принимаются различныя мѣры, объ этомъ говорятъ и радѣютъ представители общественныхъ наукъ и практическіе дѣятели. Можетъ, конечно, и романистъ направлять доступными ему средствами своихъ соотечественниковъ на путь спасенія. Но онъ долженъ при этомъ помнить, что проповѣдь его относится къ дѣламъ людскимъ, и не видѣть въ ней истину, обобщающую духовную жизнь человѣка и его земные интересы. Думу и заботу о благахъ человѣческихъ и мірскихъ нельзя возводить въ религію. Зола же это дѣлаетъ, и въ этомъ неотдѣленіи временныхъ цѣлей отъ вѣчныхъ—его основная ошибка.

Но, оставляя въ сторонѣ неумѣстность евангельскаго тона въ изложеніи практическихъ истинъ, мы видимъ тутъ еще одно коренное несоотвѣтствіе въ романѣ Зола. Предполагая даже, что вопросъ о „fécondité" имѣетъ высшій евангельскій смыслъ, нужно,—для того, чтобы вразумить читателя, для того, чтобы исполнить миссію проповѣдника,—нужно освѣтить самую проповѣдь новымъ, убѣдительнымъ—въ виду важности проповѣди, даже ослѣпительнымъ свѣтомъ. Нужно показать людямъ въ жизни то, чего они не знали и не видѣли, указать соотношеніе проповѣдуемой истины съ явленіями, которыя прежде объяснялись совершенно иными причинами. Всего этого, однако, читатель, при всемъ желаніи, не найдетъ въ романѣ Зола. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что огромный романъ въ 750 страницъ наполненъ лишь фактами и наблюденіями, уже въ значительной степени использованными во всѣхъ предшествующихъ романахъ Зола, да и въ другихъ романахъ, рисующихъ нравы изъ жизни Парижа. Никакихъ новыхъ наблюденій Зола не сдѣлалъ для подкрѣпленія своей проповѣди, и его романъ представляется галереею давно знакомыхъ, по его же описаніямъ, лицъ, носящихъ только другія имена и постав-

ленныхъ въ нѣсколько измѣненныя взаимныя отношенія. Чѣмъ же романъ отличается отъ другихъ? Только тѣмъ, что добрая его половина наполнена сухимъ повтореніемъ словъ: „Размножайтесь, и да будетъ вамъ благо". Эти слова именно повторяются, а не доказываются, и только иногда, чувствуя неубѣдительность своего голословнаго увѣщеванія, Зола́ пишетъ длинныя страницы то экономическихъ, то сельско-хозяйственныхъ разсужденій, тоже чрезвычайно извѣстныхъ, хотя бы по газетнымъ статьямъ. Эти страницы отягчаютъ ненужнымъ балластомъ романъ, и безъ того чрезвычайно растянутый, но въ нихъ Зола́ нуждается, чтобы придать своей проповѣди научный характеръ, или вѣрнѣе, чтобы оправдаться передъ самимъ собою научностью, хотя бы и взятой изъ вторыхъ рукъ. Внѣ этихъ отступленій, проповѣдь fécondité сводится къ повторенію однихъ и тѣхъ же словъ, уснащенныхъ придуманными ad hoc примѣрами.

Все содержаніе романа представляетъ именно рядъ примѣровъ, положительныхъ и отрицательныхъ, подтверждающихъ истинность проповѣдуемаго евангелія. Ни одно явленіе не взято въ своей цѣлости, а обращено къ свѣту только одной своей стороной—тѣмъ, что относится къ вопросу о размноженіи рода человѣческаго. При такомъ искусственномъ и преднамѣренномъ освѣщеніи теряется, очевидно, всякая психологическая правда, и получается чрезвычайно условная картина жизни, даже нѣкоторый комизмъ. Читатель выноситъ довольно странное впечатлѣніе о томъ, въ чемъ состоитъ жизнь современной Франціи. Оказывается, что всѣ французы, къ какому бы сословію они ни принадлежали, какова бы ни была ихъ профессія, ихъ умственные интересы—всѣ они заняты однимъ вопросомъ—о томъ, нужны или нѣтъ дѣти въ семьѣ, и какъ избавиться отъ возможности имѣть дѣтей. Возможно и весьма вѣроятно, что во французскихъ семьяхъ—это вопросъ весьма насущный, но нельзя себя представить, что всѣ мысли и всѣ интересы цѣлой націи сводятся исключительно къ этому пункту. А между тѣмъ въ романѣ Зола́ стоитъ сойтись двумъ людямъ, а тѣмъ болѣе нѣсколькимъ, чтобы моментально зашла рѣчь или о кормилицахъ, если собесѣдники люди нравственные, или объ акушеркахъ, если они хотятъ, по выраженію романиста, „обманывать природу", или еще о другихъ подробностяхъ семейной жизни, которыя романистъ обобщаетъ подъ общимъ словомъ—fraudes. Служащій приходитъ къ своему патрону,—онъ застаетъ его на фабрикѣ откровенно любезничающимъ съ красивой работницей—и тотчасъ же начинается особаго рода разговоръ: богатый фабрикантъ объясняетъ, что ему нужны легко доступныя работницы для того, чтобы въ его собственной семьѣ все накопленное богатство перешло къ одному только сыну. Добродѣтельный подчиненный вздыхаетъ по этому по-

воду о вредѣ, наносимомъ росту народонаселенія. При этомъ въ умѣ его носятся образы всѣхъ тѣхъ покинутыхъ женщинъ, которыхъ онъ видѣлъ въ какомъ-то родильномъ домѣ: всѣ онѣ бросали на произволъ судьбы своихъ случайныхъ дѣтей. И всякій разъ, когда заходитъ разговоръ о дѣторожденіи—а заходитъ онъ настолько часто, что дѣйствующія лица романа кажутся маніаками — передъ взоромъ единственно добродѣтельнаго отца семейства возникаютъ всѣ тѣ же перечисляемыя имъ женщины родильнаго пріюта. Какая-то пружинка открывается у него въ умѣ, и тѣ же лица выскакиваютъ съ точностью автоматовъ. Пріемъ этого „выскакиванія“ доведенъ до комизма, и читателю начинаютъ надоѣдать силуэты четырехъ различныхъ женщинъ, которыя вѣчно представляются „умственному взору“ проповѣдника fécondité. Для того, чтобы освѣжить свою память, Матѳей отъ времени до времени снова, по волѣ автора, попадаетъ въ тотъ же пріютъ и вспоминаетъ тѣхъ, кого видѣлъ при первомъ посѣщеніи. Мало того, Зола придумалъ, по его мнѣнію, символическую, но на самомъ дѣлѣ комическую фигуру плоской, сухой и безцвѣтной англичанки, которую Матѳей Фроманъ встрѣчаетъ каждый разъ, попадая приблизительно ежегодно въ занимающій его пріютъ. Оказывается, что она почти ежегодно пріѣзжаетъ изъ Англіи на недѣлю — съ обратнымъ билетомъ въ карманѣ, — исполняетъ долгъ матери, отдаетъ ребенка въ воспитательный домъ, складываетъ свой всегда одинъ и тотъ же маленькій чемоданъ, и безъ слова сожалѣнія возвращается на родину: она даже не разговариваетъ ни съ кѣмъ, потому что во время своихъ короткихъ пріѣздовъ съ опредѣленной цѣлью не успѣла научиться по-французски. Англичанка Ами, такъ безсердечно относящаяся къ материнству, кажется Матѳею самымъ ужасающимъ примѣромъ растлѣннаго человѣчества, забывшаго о своемъ долгѣ. Но это регулярное возвращеніе сухой англичанки производитъ своей нелѣпостью истинно комическое впечатлѣніе.

Всѣ дѣйствующія лица въ романѣ Зола раздѣлены на двѣ категоріи. Одну, свято исполняющую завѣтъ fécondité, составляетъ только одна семья—Матѳей Фроманъ и его веселая, здоровая жена Маріанна. Они женятся, не имѣя почти никакихъ денегъ. Онъ получаетъ очень скромное мѣсто рисовальщика у богатаго кузена своей жены и долженъ долгіе годы довольствоваться чрезвычайно скуднымъ содержаніемъ. Въ этихъ условіяхъ во Франціи считается грѣхомъ имѣть семью; но Матѳей и Маріанна, любящіе другъ друга молодой и здоровой любовью, пренебрегаютъ буржуазной мудростью. У нихъ семья быстро ростетъ, не смотря на то, что всѣ вокругъ нихъ твердятъ имъ о безуміи, о томъ, что имъ грозитъ нужда. И судьба или, вѣрнѣе, авторъ вознаграждаетъ ихъ за добродѣтельное слѣдованіе природѣ. Ихъ семья

ростетъ, но ростетъ и благосостояніе супруговъ. Стараясь выдержать отчасти проповѣдническій тонъ, Золя говоритъ о жизни семьи Матѳея библейскимъ языкомъ. Черезъ каждыя нѣсколько главъ, новая глава начинается словами: „Прошло два года. И въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ у Матѳея и Маріанны родился еще одинъ ребенокъ". Такъ какъ въ романѣ 750 страницъ, и такъ какъ эта начальная фраза стоитъ во главѣ очень многихъ главъ, то самый добросовѣстный читатель теряетъ счетъ дѣтямъ добродѣтельной четы. Шесть или восемь дѣтей можно еще насчитать, а затѣмъ уже приходится только предполагать безконечное наростаніе семьи. При этомъ Матѳей изъ служащаго на фабрикѣ своего кузена превращается въ землевладѣльца. Въ романѣ не сказано, что Матѳей читалъ Толстого и заимствовалъ у него любовь къ землѣ. Но, читая его восторженныя слова о единственной спасительности земледѣльческаго труда, нельзя не подумать, что если онъ самъ незнакомъ съ ученіемъ нашего романиста, — зато его авторъ прекрасно освѣдомленъ на этотъ счетъ. И земля отплачиваетъ сторицей увѣровавшему въ нее Матѳею. Онъ становится богатъ, и возрастаніе семьи—уже не тягость, а благословеніе.

Категорія добродѣтельныхъ отцовъ семейства представлена однимъ только Матѳемъ. Зато галерея нарушителей священнаго долга чрезвычайно обширна. Въ ней мелькаютъ всѣ давно извѣстные типы. Вотъ богатый фабрикантъ Бошенъ съ его трезвой и практичной супругой. Она рѣшила, что ея первенецъ Морисъ будетъ единственнымъ наслѣдникомъ, и для этого испортила себѣ всю жизнь. Мужъ сочувствуетъ ея цѣлямъ и покоряется ей, но семья разрушена. Мужъ ведетъ порочную жизнь внѣ дома; единственный сынъ своей болѣзненностью постоянно грозитъ полнымъ вырожденіемъ семьи, и въ концѣ концовъ Бошенъ, бывшій энергичнымъ работникомъ при вступленіи въ бракъ, становится вялымъ, потрепаннымъ жизнью человѣкомъ, состарившимся раньше времени: онъ не умѣетъ даже вести дѣла, т.-е. идти къ той практической цѣли, ради которой принесено было въ жертву семейное счастье. Другая разновидность растлѣнія семьи—Сегены. Мужъ и жена слѣдуютъ модными вѣяніямъ въ литературѣ и въ искусствѣ, и ведутъ жизнь утонченныхъ артистовъ, нуждающихся лишь въ изысканныхъ ощущеніяхъ. Но такъ какъ они по существу совершенно не имѣютъ тѣхъ потребностей, которыя считаютъ долгомъ имѣть, то ничего кромѣ разстроенной семьи изъ ихъ образа жизни не выходитъ. До того, какъ они прониклись модными вкусами, у нихъ было двое дѣтей, на которыхъ легкомысленная Валентина Сегенъ совершенно не обращаетъ вниманіе. Но ея „изысканности" наносится тяжелый ударъ, когда, не смотря на всю ея осмотрительность, у нея оказывается еще одинъ ребенокъ. На ея при-

мѣрѣ Зола хочетъ показать, что семья вырождается не только потому, что женщины уклоняются отъ материнскихъ обязанностей, но и потому, что онѣ не умѣютъ быть матерями. По поводу ребенка Валентины, Зола вводитъ въ ея семейную жизнь своего апостола Матѳея: при его посредствѣ и поднимается нескончаемый вопросъ о кормилицахъ и о томъ, что бываетъ, когда мать не сама кормитъ ребенка. Этимъ Зола пользуется для того, чтобы нарисовать довольно интересную бытовую картину. На сцену выступаетъ „meneuse"—т.-е, женщина, привозящая кормилицъ изъ провинціи и увозящая въ провинцію дѣтей, отъ которыхъ матери хотятъ освободиться. Отъѣздъ и пріѣздъ такой meneuse съ грузомъ новорожденныхъ младенцевъ—одно изъ самыхъ удачныхъ мѣстъ въ романѣ. Матѳей отъ лица Зола возмущается при этомъ столь святотатственной систематической гибелью младенцевъ — почти всѣ отданныя meneuse дѣти погибаютъ, и матери это отлично знаютъ.

Послѣ матерей, не умѣющихъ справиться съ своимъ материнствомъ, Зола рисуетъ печальную картину женщинъ, рискующихъ своей жизнью для того, чтобы убить возможность материнства. Въ романѣ выведена трагическая исторія семьи Моранжъ, заканчивающаяся смертью въ одинаковыхъ условіяхъ матери и взрослой дочери: обѣ онѣ, одна за другой, такъ глубоко боялись материнства, которое лишило бы ихъ возможности богатой, веселой, удовлетворяющей ихъ тщеславію жизни, что спокойно идутъ подъ ножъ оператора, и обѣ погибаютъ, оставляя въ тупомъ отчаяніи мужа и отца. Для того, чтобы выдвинуть страшную опасность, грозящую странѣ именно благодаря такимъ détraquées, ненавидящимъ материнство, Зола рисуетъ цѣлый рядъ нервныхъ женщинъ, внушающихъ ужасъ и отвращеніе; а затѣмъ на фонѣ картины выступаютъ доктора и мнимые люди науки, которые потворствуютъ растлѣнію нравовъ своими изобрѣтеніями и своей хирургической ловкостью. Спускаясь изъ интеллигентныхъ классовъ въ народную среду, Зола находитъ и тамъ отчасти такіе же нравы, въ особенности среди соблазненныхъ женщинъ рабочаго класса. Все-таки видно, что Зола видитъ источникъ спасенія въ рабочей средѣ, гдѣ, вопреки требованіямъ благоразумія, семьи ростутъ. Но очевидно исходъ изъ городской культуры, извратившей чувства людей, Зола видитъ въ спасительной жизни полей. Счастливая семейная жизнь Матѳея составляетъ заключительный аккордъ перваго „евангелія".—З. В.

III.

Homenaje a Menendez y Pelayo en el ano vigesimo de su profesorado. Esoudios de erudicion espanola. Con un prologo de D. Juan Valera. T. I (869 c.). T. II (953 c.). Съ портретомъ и нѣсколькими иллюстраціями. Madrid. 1899. Изд. Victoriano Suarez.

Замѣчательное изданіе, заглавіе котораго мы выписали—сборникъ статей, составленный испанскими учеными, преимущественно историками литературы, съ цѣлью почтить двадцатилѣтіе профессорской дѣятельности уважаемаго историка литературы, нынѣ директора мадридской Національной Библіотеки, Менендеса-и-Пелайо. Проф. М.-и-П. состоитъ кромѣ этого и членомъ королевской академіи наукъ. Въ литературныхъ кружкахъ Мадрида профессоръ пользуется не только громкой извѣстностью, но и глубокими симпатіями. Его имя популярно и внѣ предѣловъ Испаніи, а его монографіи читаются повсюду, гдѣ слышится испанская рѣчь. „Don Marcelino sabe fado".—говорятъ ученики о своемъ учителѣ. Эта фраза, конечно, преувеличеніе; донъ-Марселинъ (такъ зовутъ друзья проф. Менендеса) не претендуетъ на званіе всезнайки, но во всякомъ случаѣ въ знаніи исторіи литературы, особенно испанской, онъ не знаетъ себѣ равнаго. Онъ стоитъ внѣ конкурса въ Испаніи такъ же, какъ у насъ въ той же области акад. А. Н. Веселовскій...

„El Homenaje"—состоитъ изъ 57 статей, принадлежащихъ перу столькихъ же авторовъ, не только испанцевъ, но и итальянцевъ, португальцевъ, нѣмцевъ, англичанъ и французовъ. Мы встрѣчаемъ въ числѣ иностранныхъ авторовъ такія имена, какъ Pio Rajna, Fitzmaurice Kelly, de Vasconcellos, Morel Fatio, Rouanet, Wulff, Haan. Рядъ испанскихъ авторовъ открываетъ маститый романистъ и критикъ Хуанъ Валера, и заключаетъ знаменитый романистъ, по таланту сродный Гоголю, Переда. Каждый изъ авторовъ далъ статью оригинальную, въ большинствѣ случаевъ на основаніи неизданныхъ матеріаловъ, и потому сборникъ, являясь замѣчательнымъ историко-литературнымъ явленіемъ, сохранитъ надолго свою цѣну, какъ рядъ самостоятельныхъ изслѣдованій по первоисточникамъ. Въ обширномъ предисловіи (34 с.) Хуанъ Валера даетъ обстоятельный критическій очеркъ дѣятельности Менендеса-и-Пелайо. Не ограничиваясь перечнемъ и характеристикою главнѣйшихъ трудовъ юбиляра, Валера указываетъ на ихъ значеніе для національнаго самосознанія Испаніи, особенно въ эпоху полнаго политическаго разгрома. Объединяя, обобщая историко-литературныя явленія, вызывая изъ забвенія старые, неизвѣстные или малоизвѣстные факты, или освѣщая извѣстные, Менендесъ-и-Пелайо

наглядно показалъ, чѣмъ была нѣкогда испанская нація, какъ велико ея духовное наслѣдіе, и какъ умѣстны ея надежды на будущее возрожденіе. Издавая одни памятники, комментируя другіе, посвящая изслѣдованія цѣлому циклу произведеній, онъ распространяетъ не только между испанской интеллигенціей, но и за границей критическое знаніе литературы. Онъ первый изъ испанскихъ историковъ литературы оцѣнилъ по достоинству сравнительный методъ. Его „Historia de las ideas esteticas en Espana" изобилуетъ сопоставленіями и сравненіями испанской литературы съ другими европейскими, раскрывая особенности и преимущества первой. „Historia de las heterodosos" способствуетъ установленію того положенія, что ни въ одинъ періодъ своей исторіи Испанія не переставала такъ или иначе бороться съ фанатизмомъ и ретроградствомъ, и что свободная мысль никогда не потухала въ этой странѣ.

Этюды Менендеса—„Horacio en Espana", „Calderon y su teatro", изданія древнихъ лириковъ, поэтовъ испано-американскихъ (Antologia de poetas hispano-americanos) высоко цѣнятся по достоинству спеціалистами. Послѣдній монументальный трудъ юбиляра—изданіе сочиненій Лопе-де-Веги, предпринятое мадридской академіей наукъ; въ немъ каждый томъ снабженъ обширными введеніями и комментаріями издателя, а нѣкоторыя пьесы напечатаны въ первый разъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, почти всѣ статьи разсматриваемаго сборника посвящены литературнымъ и историческимъ вопросамъ. Чрезвычайное разнообразіе содержанія исключаетъ возможность какой-либо классификаціи. Каждая статья представляетъ вполнѣ самостоятельный трудъ, страничку изъ излюбленной авторомъ темы—и почти всегда на основаніи неизданнаго матеріала. Среди корифеевъ испанской литературы больше всего статей пришлось на долю Сервантеса. Такъ, Arraiz, въ статьѣ „Curiasidades Cervantinos" разсматриваетъ автографы Сервантеса и нѣкоторыя приписываемыя ему произведенія; Orvee, въ статьѣ „Due illustrazioni al viaje al Parnaso", говоритъ объ отношеніи Чезаро Капорали и его поэмы—къ Сервантесу и о его „Путешествіяхъ на Парнасъ", изданныхъ въ Италіи послѣ „Vioje al Parnaso" Сервантеса; Egin las y Janguas даетъ любопытныя этимологическія замѣтки къ „Донъ-Кихоту"; Rodriguez Marin сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о положеніи осунскаго университета, осмѣяннаго въ „Донъ-Кихотѣ", и наконецъ Serrano y Sanz печатаетъ два стихотворенія Сервантеса, остававшіяся неизвѣстными.

Изъ другихъ авторовъ особенное вниманіе привлекаетъ знаменитый поэтъ и теологъ Luis de Leon. Blanco Garcia даетъ новыя данныя къ его біографіи, а Cuervo разсматриваетъ отношенія Luis Leon къ

инквизиціи. Лопе де-Вегѣ посвящены интересныя замѣтки Peres Pactor.

Иностраннымъ авторамъ въ испанскихъ переводахъ посвящены статьи: Cotarelo y Mori, Traductores castellanos de Moliere; E. Aerlich, Poésias liricas de Schiller traducidas, Schitt, La première traduction espagnole de la Divine Comédie (автору удалось найти первый переводъ на испанскій языкъ Божественной Комедіи).

Изъ историко-культурныхъ статей особенное вниманіе привлекаютъ слѣдующія: Gectoso y Perez, Las industrias artisticas antiquas en Sevilla; Garcia, Antiquedades montanesas; Hinojosa, El derecho en el Poema del Cid; Haan, Picaros y Ganapanes (въ этой статьѣ авторъ разсматриваетъ интересный вопросъ о положеніи воровского сословія въ Испаніи, породившаго интересную отрасль романа—novela picaresca); Berlanga, Hiberis; Rajna, A Roncisvalle (топографія ронсевалльскаго ущелья и долины); Rubio, La lengua y la cultura catalanas en Greciaen el siglo XIV; Roca, Origines de la Real Academia de Cuneios exertas; Lomba, El Rey D. Pedro en el teatro.

Статьи историческія заключаютъ много неизданнаго и любопытнаго матеріала. Таковы: Bofarull y Sans, Alfonso V de Aragon en Napoles; Böhmer, Alfonsi Valdesii litterae X. K. ineditae; Hazanas, El analista Zuniga; Morel Fatio, Cartos eruditas del Marquès de Mondejar; Rodriguez Villu, D.-Francisco de Mendoza, Almirante de Hragon.

Мы привели заглавія статей, представляющихся намъ наиболѣе цѣнными. Списокъ могъ бы быть значительно увеличенъ; точнѣе: въ сборникѣ всѣ статьи имѣютъ интересъ и цѣну. Много впервые изданнаго матеріала послужитъ точкой отправленія для историковъ литературы, культуры и политической исторіи. Всѣ они поблагодарятъ авторовъ, безкорыстно потрудившихся надъ составленіемъ цѣннаго дара одному изъ талантливѣйшихъ своихъ собратьевъ. „El Homenaje“—дѣлаетъ честь и авторамъ, и издателямъ, и испанской образованности.—Л. Ш.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 ноября 1899.

Отзывы воронежскихъ крестьянъ о различныхъ видахъ начальной школы.—Церковно-приходскія школы въ юго-западномъ краѣ. — Второклассныя церковно-приходскія школы.—Евреи и дворянство.—Брошюра: „Гдѣ выходъ“?

Одинъ изъ пріемовъ, широко практикуемыхъ въ послѣднее время нѣкоторыми органами печати, заключается въ возведеніи личнаго мнѣнія на степень взгляда, раздѣляемаго крупной общественной группой, или цѣлымъ обществомъ, большинствомъ „истинно-русскихъ людей“, или всѣмъ народомъ. Доказательства, при этомъ, признаются излишними; общераспространенность мнѣнія считается гарантіей его правильности, а самый фактъ общераспространенности представляется стоящимъ внѣ всякаго спора. Съ такимъ же точно правомъ, конечно, можно было бы выставить и прямо противоположный тезисъ, т.-е. провозгласить общераспространеннымъ прямо противоположное мнѣніе: но смѣлость, граничащая съ беззастѣнчивостью, дана не всѣмъ, и модное полемическое орудіе остается монополіей газетныхъ „охранителей“. Лучшимъ отпоромъ противъ обобщеній, висящихъ на воздухѣ, служатъ *факты*; но собрать достаточное ихъ число не всегда возможно. У насъ труднѣе, чѣмъ гдѣ-либо, узнать, что̀ думаетъ и чувствуетъ народная масса. Бываютъ, однако, случаи, когда въ область, мало доступную для изученія, проникаетъ лучъ свѣта—и освѣщаетъ, обыкновенно, совсѣмъ не то, въ существованіе чего насъ заставляли вѣрить. Приведемъ этому примѣръ, весьма характеристичный. Крестьянамъ приписывается, какъ извѣстно, особое сочувствіе начальной школѣ, состоящей въ вѣдѣніи духовенства—и, соотвѣтственно этому, холодность или равнодушіе къ земской школѣ. Много разъ были приводимы отдѣльныя данныя, идущія въ разрѣзъ съ этимъ тезисомъ; но противъ нихъ всегда можно было возразить, что исключеніями не опровергается правило. Такое же возраженіе можетъ быть сдѣлано, пожалуй, и противъ систематически собранныхъ отзывовъ, обнимающихъ собою цѣлую губернію—но для того, чтобы уничтожить ихъ значеніе, нужно нѣчто бо̀льшее, чѣмъ простое отрицаніе. Вотъ почему мы придаемъ большую важность изслѣдованію, произведенному недавно воронежскими земскими статистиками съ цѣлью уяснить отношеніе крестьянъ къ начальному образованію и начальной школѣ [1]). За образованіе вы-

[1]) См. „С.-Петербургскія Вѣдомости“, №№ 221 и 228

сказалось громадное большинство спрошенныхъ крестьянъ (болѣе 88%), между тѣмъ какъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ, въ той же губерніи, 60 или 70 крестьянъ изъ ста категорически заявляли, что школа имъ не нужна, что это дѣло барское и для крестьянина не подходящее. Признавая пользу *образованія*, воронежскіе крестьяне далеко не всегда похвально отзываются о *школѣ*. Всего менѣе они симпатизируютъ школамъ грамоты; одобрительный отзывъ былъ данъ только объ *одной* изъ нихъ. Недовольны крестьяне и условіями пріема въ эти школы, и преподаваніемъ, и преподавателями. Указывается на то, что въ школы грамоты принимаются предпочтительно дѣти, уже нѣсколько учившіяся дома, а вовсе необученныхъ отсылаютъ назадъ. Учителя въ школахъ грамоты „сами мало смыслятъ" и мало учатъ: „яка тамъ грамота"— говорятъ крестьяне, — „часъ-два; ни якого дiла". А о результатахъ обученія въ школѣ грамоты крестьяне выражаются такъ: „читать читаемъ, но пониманія нѣтъ". Даже отъ „вольныхъ учителей", находящихся въ полномъ распоряженіи родителей, требуется теперь обученіе „по граждански", на свѣтскій манеръ. Что еще 10 - 15 лѣтъ тому назадъ считалось въ крестьянской средѣ верхомъ образованности, то третируется теперь уже насмѣшливо. „Какой онъ грамотный"—часто слышалось во время изслѣдованія.—„его и писать (т.-е. записывать) не слѣдуетъ: псалтырь читаетъ, а что до письма, самъ не разбираетъ, что̀ напишетъ; *такихъ*-то много грамотеевъ"! Церковно-приходскую школу крестьяне считаютъ неустойчивою и обыкновенно противопоставляютъ ей земскую, гдѣ и „учитель настоящій", и ученіе идетъ правильно и регулярно. Есть, конечно, и недовольные земскою школой, но самые мотивы недовольства убѣждаютъ въ прочности симпатій, ею заслуженныхъ. Недовольны иногда крестьяне тѣмъ, что ихъ дѣтей не принимаютъ въ школу за тѣснотою. Подвергаютъ они критикѣ кое-гдѣ еще господствующее утрированное объяснительное чтеніе. Мало пользуется ихъ сочувствіемъ введенное въ нѣкоторыхъ земскихъ школахъ преподаваніе военной гимнастики. Прямо враждебно относятся они ко всѣмъ новымъ „затѣямъ", отклоняющимъ начальную школу отъ ея прямой задачи — дать народу грамоту, подъ которой крестьяне, по свидѣтельству изслѣдователей, разумѣютъ не одно только умѣнье читать и писать, но и образованіе въ болѣе широкомъ смыслѣ. Всѣ попытки смѣшенія въ начальной школѣ профессіональныхъ задачъ съ общеобразовательными — школьные сады и огороды, опытныя поля,—рѣзко отвергались стариками, а молодыми слегка вышучивались. Такое же отношеніе обнаружили крестьяне и къ устройству при начальныхъ училищахъ мастерскихъ. „Однимъ дѣломъ нужно заниматься,—говорили они; одно дѣло—грамотѣ учиться, другое — мастерству. Этакъ-то ни одного зайца не поймаешь". Замѣчательно,

что по вопросу о главной задачѣ начальной школы крестьяне приходятъ къ тому же заключенію, какъ и наиболѣе опытные педагоги, также возстающіе противъ смѣшенія общеобразовательныхъ цѣлей съ профессіональными. Это свидѣтельствуетъ о большой ясности и трезвости взгляда и невольно увеличиваетъ довѣріе къ отзывамъ крестьянъ о различныхъ видахъ школы — отзывамъ, подтверждаемымъ и многими другими фактами. Вотъ, напримѣръ, что̀ пишетъ „Волынь“ о церковно-приходскихъ школахъ юго-западнаго края, гдѣ онѣ соперничаютъ не съ земскими, а съ министерскими училищами: „можно назвать села, гдѣ священники въ школѣ (церковно-приходской) бываютъ два-три раза въ годъ, и села, гдѣ они не бываютъ въ школѣ въ теченіе года ни разу, и гдѣ все воспитаніе и обученіе дѣтей въ духѣ православія всецѣло передано въ руки какого-нибудь полуграмотнаго дьячка или полуграмотнаго учителя, который учитъ какъ и когда ему вздумается“. По словамъ газеты, въ министерскихъ школахъ никакъ не могло бы произойти то, что̀ имѣло мѣсто въ одномъ изъ уѣздовъ волынской губерніи: „во время поѣздки ревизора по церковно-приходскимъ школамъ дѣтей одной школы, гдѣ обученіе было поставлено хорошо, изобрѣтательные завѣдывающіе школами, по взаимному между собою уговору, раздѣлили дѣтей на партіи и на подводахъ перевозили ихъ изъ села въ село, именно туда, гдѣ имѣлъ быть ревизоръ. Въ тѣхъ селахъ, гдѣ были ученики министерскихъ училищъ, ихъ пригласили къ пріѣзду ревизора въ церковно-приходскую школу и выдали ихъ за ея учениковъ, предложивъ ревизору проэкзаменовать ихъ. Въ одномъ селѣ учитель, зная напередъ о затѣваемой продѣлкѣ, строжайше воспретилъ своимъ ученикамъ идти въ церковно-приходскую школу, благодаря чему затѣя не удалась“ [1]). Неудивительно, затѣмъ, что въ волынской губерніи завѣдывающіе церковно-приходскими школами и ихъ учителя жалуются на родителей, неохотно посылающихъ туда своихъ дѣтей, и обращаются къ мировымъ посредникамъ съ просьбами о понудительныхъ мѣрахъ. Это напоминаетъ до-реформенную эпоху, когда вѣдомству государственныхъ имуществъ приходилось силою загонять дѣтей въ устраиваемыя имъ школы. Вся разница въ томъ, что тогда въ народѣ еще не проникала мысль о пользѣ грамотности, и обойтись безъ искусственнаго „воздѣйствія“ едва ли было возможно, — а теперь крестьяне всюду добровольно и охотно наполняютъ школы, сколько-нибудь удовлетворяющія своему назначенію. Въ той же волынской губерніи, по свидѣтельству „Волыни“, крестьянскія общества часто хлопочутъ о преобразованіи существующихъ

[1]) Мы припоминаемъ, что нѣчто подобное сообщалось въ газетахъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, объ одной изъ церковно-приходскихъ школъ калужской епархіи.

одноклассныхъ министерскихъ училищъ въ двухклассныя, т.-е. сознаютъ необходимость образованія болѣе широкаго, чѣмъ получаемое въ начальной школѣ... О положеніи школъ духовнаго вѣдомства въ юго-западномъ краѣ имѣются, впрочемъ, и оффиціальныя свѣдѣнія, достовѣрность которыхъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Весьма характерно уже и то, что, при предварительномъ разсмотрѣніи земскихъ смѣтъ на трехлѣтіе 1899-1901 гг., губернскія начальства (кромѣ кіевскаго) высказались за уменьшеніе суммъ, которыхъ требовали епархіальныя власти (въ подольской губерніи — съ 160 тысячъ до 78, въ волынской — съ 90 тысячъ до 50). Особое совѣщаніе при министерствѣ финансовъ предполагало, наоборотъ, значительно повысить ассигновки на церковныя школы — въ общей сложности, по тремъ губерніямъ, до 382 тыс., вмѣсто 340, о которыхъ просили епархіальныя начальства, и 219, за которыя высказывались губернскія власти; но Государственный Совѣтъ уменьшилъ ихъ на 71 тыс. противъ высшей изъ этихъ трехъ цифръ, назначивъ всего 311 тыс. рублей. „Прежде, нежели приступать къ повсемѣстному увеличенію числа церковныхъ школъ въ не-земскихъ губерніяхъ,—сказано въ соображеніяхъ Государственнаго Совѣта,— надлежитъ усовершенствовать постановку учебнаго дѣла въ существующихъ уже училищахъ этого типа, сохранить въ нихъ наиболѣе способныхъ и опытныхъ преподавателей и постепенно замѣнить неправоспособныхъ учителей, число коихъ нынѣ весьма велико, лицами, спеціально къ тому подготовленными и обладающими надлежащимъ образовательнымъ и нравственнымъ цензомъ. Задачи распространенія народнаго образованія путемъ улучшенія преподавательскаго персонала будутъ, несомнѣнно, скорѣе достигнуты, нежели увеличеніемъ числа школъ, страдающихъ указаннымъ недостаткомъ, такъ какъ подобныя школы не только не могутъ принести дѣйствительной пользы, но даже могутъ привести къ отрицательнымъ результатамъ, подрывая довѣріе населенія и ослабляя его готовность удѣлять изъ своихъ скудныхъ достатковъ средства на ихъ содержаніе". Въ заключеніе Государственный Совѣтъ призналъ необходимымъ „вновь подтвердить, что земскіе сборы не могутъ быть разсматриваемы какъ постоянный источникъ для пособія епархіальнымъ начальнымъ народнымъ училищамъ и что вѣдомство православнаго исповѣданія не можетъ почитать себя освобожденнымъ отъ обязанности воздерживаться отъ всѣхъ тѣхъ мѣропріятій, которыя дѣлали бы неизбѣжнымъ дальнѣйшее отягченіе плательщиковъ земскихъ сборовъ".

О степени сочувствія народа къ разнымъ видамъ начальной школы незачѣмъ было бы спорить, если бы они всѣ были поставлены въ одинаковыя условія: лучшимъ показателемъ ихъ достоинствъ и недостатковъ являлась бы тогда самая ихъ распространенность. Къ со-

жалѣнію, равенство условій на самомъ дѣлѣ не существуетъ: росту церковно-приходской школы обстоятельства чисто внѣшняго свойства благопріятствуютъ гораздо больше, чѣмъ росту школы земской или министерской. Затраты государства на начальныя училища духовнаго вѣдомства увеличиваются чуть не съ каждымъ годомъ. Къ школамъ грамоты и обыкновеннымъ церковно-приходскимъ школамъ присоединяются все въ бо̀льшемъ и бо̀льшемъ числѣ такъ называемыя второклассныя школы, назначеніе которыхъ — подготовка учителей для школъ грамоты. Панегиристы второклассной школы спѣшатъ провозгласить ее явленіемъ совершенно новымъ, не имѣющимъ исторіи. Это невѣрно: основная ея мысль возникла на земской почвѣ. Какъ только за школами грамоты было оффиціально признано право на существованіе (распоряженіемъ бар. Николаи, состоявшимся въ 1882 г.), въ разныхъ мѣстахъ Россіи начались попытки сгруппировать небольшія крестьянскія школки около земской школы, какъ около центра, соединеннаго съ ними неоффиціальной, но тѣмъ болѣе глубокой нравственною связью. Изъ числа учениковъ и учениць, окончившихъ курсъ въ земской школѣ, учащій въ этой школѣ избиралъ наиболѣе способныхъ и склонныхъ къ учительству, занимался ихъ дальнѣйшей подготовкой и затѣмъ распредѣлялъ ихъ между сосѣдними школками, открытыми раньше или вновь устроенными по его совѣту. Съ теченіемъ времени эта организація могла охватить собою всѣ земскія губерніи и быстро подвинуть впередъ дѣло начальнаго обученія; но развитіе ея скоро было прервано передачей школъ грамоты въ духовное вѣдомство (въ 1884 г.). На цѣлое десятилѣтіе школы грамоты были предоставлены собственной судьбѣ, часто существуя только по имени, еще чаще представляя собою какъ бы пародію на школу. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что возобновленію заботы о школахъ грамоты способствовала дѣятельность А. А. Штевенъ, примѣнившей, въ арзамасскомъ уѣздѣ, раньше выработанную систему школы-матери и школъ-дочерей и открывшей, для приготовленія учителей въ эти послѣднія школы, нѣчто въ родѣ педагогическихъ курсовъ. Сходныя съ прежними попытками по цѣли, второклассныя церковно-приходскія школы существенно отличаются отъ нихъ по способу ея достиженія. На устройство особыхъ учительскихъ школъ земства не имѣли ни средствъ, ни даже права: извѣстно, что имъ не разрѣшено, несмотря на неоднократныя ходатайства, даже открытіе двухклассныхъ училищъ, которыя легко было бы приспособить къ подготовкѣ учителей для школъ грамоты. Второклассныя церковно-приходскія школы — это почти тѣ же двухклассныя училища, съ нѣсколько болѣе продолжительнымъ учебнымъ курсомъ (три года вмѣсто двухъ) и нѣсколько болѣе обширною программой. Нельзя не замѣтить, однако, что цѣлс

начальнаго обученія стоитъ теперь далеко не такъ, какъ стояло въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Тогда большимъ шагомъ впередъ было бы и быстрое распространеніе школъ грамоты, сколько-нибудь заслуживающихъ названія школы, т.-е. обладающихъ преподавателями если и не очень знающими, то добросовѣстными и преданными своему дѣлу; теперь требованія отъ начальной школы значительно возрасли, даже въ средѣ самихъ крестьянъ, и удовлетворить имъ школа грамоты, даже поставленная сравнительно хорошо, уже не въ силахъ. Допустимъ, что въ короткое время всѣ школы грамоты будутъ снабжены преподавателями, окончившими курсъ въ второклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ. Это будутъ, въ огромномъ большинствѣ, почти дѣти, потому что наименьшій возрастъ для вступленія въ второклассную школу опредѣленъ въ тринадцать лѣтъ, а крестьяне привыкли отдавать своихъ дѣтей въ школу какъ можно раньше. Возрастъ, въ которомъ будутъ оканчивать курсъ въ второклассной школѣ, совпадетъ, слѣдовательно, съ возрастомъ, раньше котораго нельзя поступить въ учительскую семинарію. Между тѣмъ, въ полу-дѣтскіе годы свѣдѣнія и навыки воспринимаются, обыкновенно, чисто внѣшнимъ образомъ; примѣненіе и развитіе ихъ зависитъ всецѣло отъ условій, при которыхъ происходитъ позднѣйшая дѣятельность. Для учителя школы грамоты эти условія будутъ какъ нельзя менѣе благопріятны. Чрезвычайно тяжело у насъ положеніе учителя и въ правильно организованной начальной школѣ—но еще тяжелѣе будетъ положеніе учащаго въ школѣ грамоты, какъ вслѣдствіе усиленной зависимости, въ которую онъ будетъ поставленъ (кромѣ различныхъ школьныхъ властей, имъ будутъ распоряжаться и крестьяне), такъ и вслѣдствіе крайне ограниченнаго круга дѣйствій самой школы. Пока существуетъ школа грамоты, какъ особый, низшій типъ начальнаго училища, она непремѣнно должна давать меньше свѣдѣній, чѣмъ настоящая, нормальная школа—а свѣдѣнія, сообщаемыя послѣднею, при нынѣ дѣйствующихъ программахъ безъ того уже доведены почти до минимума. Малѣйшая попытка учителя школы грамоты развить своихъ учениковъ можетъ быть вмѣнена ему чуть не въ преступленіе, какъ выходящая за предѣлы его призванія. Безъ того уже непрочныя знанія, пріобрѣтенныя имъ въ второклассной школѣ, слишкомъ легко могутъ, такимъ образомъ, заглохнуть и испариться, и онъ или обратится въ автомата, обучающаго грамотѣ, или поспѣшитъ промѣнять неблагодарную во всѣхъ отношеніяхъ дѣятельность на какую-нибудь другую. Намъ кажется, что въ настоящее время важно не подготовленіе учителей для школъ грамоты, а важна замѣна этихъ школъ другими, болѣе соотвѣтствующими своей цѣли, какъ это и предполагается во всѣхъ планахъ перехода къ всеобщему обученію, составляемыхъ зем-

ствами. Распространеніе второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, если ихъ удастся поставить на надлежащую высоту, желательно, въ нашихъ глазахъ, не потому, что онѣ будутъ служить разсадниками учащихъ въ школахъ грамоты, а потому, что онѣ вообще могутъ поднять крайне низкій уровень народнаго образованія.

Мы говорили недавно, что въ письмѣ, полученномъ нами въ защиту книги г. Глинки-Янчевскаго, въ числѣ доказательствъ упадка нашего судебнаго сословія было приведено опредѣленіе Сената о приписке потомственнаго дворянина-еврея къ одному изъ губернскихъ дворянскихъ обществъ. Теперь даже газеты, наиболѣе расположенныя къ евреямъ, признаютъ, что Сенатъ, на основаніи закона, не могъ поступить иначе [1]). Кампанія, вызванная сенатскимъ рѣшеніемъ, этимъ, конечно, не закончилась—только рѣчь идетъ теперь уже не о необходимости поправить ошибку Сената, а о необходимости пополнить законъ запрещеніемъ евреямъ приписываться къ дворянскимъ обществамъ или разрѣшеніемъ дворянскому обществу отказывать въ такой приписке. Для достиженія этой цѣли пускаются въ ходъ самые разнообразные доводы, апеллирующіе то къ разсудку, то къ чувству, обращающіеся то къ прошедшему, то къ будущему. „Основное право всякой корпораціи, всякаго сословія, всякаго общества"—читаемъ мы въ „Новомъ Времени" (№ 8482)—„состоитъ въ возможности для него принять или не принять въ свою среду новаго сочлена: если же безъ вѣдома и даже вопреки желанію корпораціи множествомъ путей можно въ нее войти, то всякій смыслъ ея обособленности исчезаетъ, сословная роль ея подрывается въ конецъ, члены ея — просто носители нѣкоего почетнаго званія, да и самая цѣнность права принадлежать къ корпораціи падаетъ. Между тѣмъ, правомъ выбора по отношенію къ своимъ членамъ пользуются всѣ корпораціи въ Россіи, кромѣ русскихъ дворянскихъ обществъ".

Въ этомъ разсужденіи смѣшиваются совершенно различныя понятія сословія, общества, корпораціи. Наши *сословія* вовсе не облечены правомъ принятія или непринятія въ свою среду: они установлены государствомъ, въ государственныхъ видахъ, и принадлежность къ тому или другому обусловливается единственно требованіями закона, опредѣляющаго способы пріобрѣтенія сословныхъ правъ. *Корпорація*—слово, употребляемое въ различныхъ значеніяхъ: иногда—въ смыслѣ юридическаго лица, иногда — въ смыслѣ совокупности лицъ, соединенныхъ между собою общностью призванія и занятій.

---

[1]) См., напр., статью г. Молчанова въ „Новомъ Времени".

Въ первомъ случаѣ порядокъ пополненія ея опредѣляется ея уставомъ, и опредѣляется весьма разнообразно: во второмъ случаѣ вступленіе въ ея составъ далеко не всегда требуетъ согласія ея членовъ или учрежденія, завѣдующаго ея дѣлами (назовемъ, для примѣра, корпорацію врачей, корпорацію профессоровъ того или другого учебнаго заведенія). Между *обществами*, наконецъ, одни обязаны своимъ существованіемъ исключительно доброй волѣ составляющихъ ихъ лицъ, заручившихся разрѣшеніемъ надлежащей власти; другія, схожія съ первыми только по названію, существуютъ въ силу предписанія закона, въ тѣсной связи съ сословными подраздѣленіями. Таковы общества сельскія, мѣщанскія, дворянскія. Согласіе самихъ обществъ на принятіе новыхъ членовъ требуется здѣсь только тогда, когда общество беретъ на себя по отношенію къ принимаемымъ извѣстныя обязанности, болѣе или менѣе обременительныя (надѣлъ землею, круговая порука, призрѣніе больныхъ и безпомощныхъ). И это требованіе, впрочемъ, не безусловно: есть города, гдѣ приписка къ мѣщанскому обществу не нуждается въ его согласіи. Никакихъ обязанностей по отношенію къ своимъ сочленамъ дворянское общество не несетъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежность къ нему есть сословное право, вытекающее изъ самого обладанія дворянскимъ достоинствомъ. Въ этихъ двухъ фактахъ—достаточное объясненіе и оправданіе тому, что въ приписки къ дворянскому обществу потомственному дворянину отказано быть не можетъ. Полученіе дворянства пріурочено, по нашимъ законамъ, къ такимъ событіямъ, которыя вполнѣ зависятъ отъ правительственной власти. Наступленіе этихъ событій—производство въ чинъ, пожалованіе ордена—показываетъ, само по себѣ, что извѣстное лицо признается достойнымъ дворянскаго званія и должно пользоваться всѣми сопряженными съ нимъ правами. Рѣшающій голосъ правительство, такимъ образомъ, сохраняетъ исключительно за собою. Нѣтъ, затѣмъ, никакихъ политическихъ или правовыхъ основаній для пересмотра этого рѣшенія, въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ, тѣмъ или другимъ дворянскимъ обществомъ. Если признавать санкцію дворянскаго общества необходимой для вступленія въ его среду, то ея слѣдуетъ требовать, очевидно, не для однихъ только евреевъ, а для всѣхъ вновь получающихъ дворянство, что̀ едва-ли было бы совмѣстно съ господствующимъ взглядомъ на дворянство, какъ на государственное сословіе.

За аргументами юридическими слѣдуютъ аргументы сантиментальные. Смоленское дворянство (случай, дошедшій до Сената, имѣлъ мѣсто въ смоленской губерніи) не можетъ—говорятъ намъ—принять въ свою среду „еврея-пришельца“, такъ какъ еще въ сороковыхъ годахъ въ Смоленскѣ жило всего одно только еврейское семейство,

и ни въ борьбѣ съ поляками, ни въ войнѣ 1812-го года евреи смоленскому дворянству ничѣмъ не помогли. Не можетъ оно поставить имя еврея-талмудиста рядомъ съ именемъ Суворова и Нахимова, не можетъ сопричислить его къ своимъ традиціямъ, между которыми играетъ такую важную роль служба въ первыхъ рядахъ арміи: вѣдь еврей, по русскимъ законамъ, не въ правѣ быть офицеромъ. Дальше идутъ устрашающія картины возможнаго будущаго. Еврей-дворянинъ и все его быстро плодящееся потомство „будутъ безпрекословно повиноваться главарямъ еврейскаго талмудическаго братства, какъ покорныя орудія въ его рукахъ". Они „пробьютъ брешь, черезъ которую проникнетъ (въ дворянское общество) рука всероссійской тѣсно сплоченной корпораціи евреевъ". Фактически правами дворянства надѣляется, въ лицѣ одного еврея, вся еврейская корпорація. Попавъ въ члены дворянскаго общества, еврей можетъ попасть и въ предводители дворянства и, въ этомъ званіи, „широко отворить ворота еврейскому вторженію и содѣйствовать кабалѣ русскаго населенія". Онъ окажется занозой, которая, „попавъ въ тѣло дворянскаго общества, произведетъ воспаленіе, нагноеніе, быть можетъ гангрену"... Расходившаяся фантазія газеты не знаетъ мѣры и забываетъ самые общеизвѣстные, самые несомнѣнные факты. Солидарность между дворянскимъ обществомъ и новыми его членами у насъ, вообще говоря, вовсе не существуетъ. Приписка къ тому или другому обществу имѣетъ чисто случайный характеръ, находясь въ связи съ мѣстомъ жительства или съ мѣстомъ владѣнія имуществомъ, а не съ предшествующею дѣятельностью на пользу данной губерніи или хотя бы просто въ ея предѣлахъ. Если предки кого-либо изъ приписывающихся къ дворянству смоленской губерніи участвовали, въ XVII в., въ осадѣ Смоленска или, въ XIX-мъ, въ защитѣ его противъ французовъ, то это— чистая случайность, которая, по всей вѣроятности, неизвѣстна ни приписывающемуся, ни приписывающимъ. Само собою разумѣется, притомъ, что такое участіе не можетъ быть названо помощью *дворянству*, такъ какъ не дворянство же воевало съ поляками или французами, и не ему служили русскіе воины царя Михаила или императора Александра I-го. Не по русскимъ законамъ, но по обычаю, въ послѣднее время соблюдаемому весьма строго, евреи не могутъ быть офицерами въ русскомъ войскѣ; но они входятъ въ его составъ какъ солдаты— а воинская честь не составляетъ исключительную принадлежность офицерскаго чина. Подвергаются опасности на войнѣ евреи и въ качествѣ военныхъ врачей; именно этимъ путемъ заслужилъ дворянство г. Гринкругъ, изъ-за котораго завязалась газетная полемика (онъ получилъ на Шипкѣ орденъ св. Владиміра *съ мечами*). Служба военнаго врача въ военное время требуетъ отнюдь не меньше мужества

и самоотверженія, чѣмъ служба офицера... Наше дворянство не имѣетъ, впрочемъ, ничего общаго съ рыцарствомъ. Для пріобрѣтенія его, въ большинствѣ случаевъ, не нужно никакихъ доблестей; *выслуга* играетъ здѣсь бо́льшую роль, чѣмъ *заслуга*, терпѣніе и усидчивость—большую роль, чѣмъ храбрость. Чинъ, дающій потомственное дворянство, является естественнымъ завершеніемъ долговременнаго служебнаго поприща, удостовѣренія, какъ говорится въ формулярномъ спискѣ, что его носитель „взысканіямъ не подвергался и къ продолженію службы аттестовался способнымъ и достойнымъ", но нисколько не гарантируя его душевныхъ качествъ, его истиннаго „благородства". То же самое слѣдуетъ сказать и о тѣхъ случаяхъ, когда чинъ — или орденъ — является наградой не-служебной, напр., за крупное пожертвованіе, за благотворительную дѣятельность. И никому до сихъ поръ не приходило въ голову утверждать, что дворянское общество должно, прежде включенія въ свою среду новаго дворянина, повѣрить его нравственный цензъ—не приходило какъ потому, что возведеніе въ дворянское званіе, со всѣми его правами и преимуществами, всецѣло зависитъ отъ государственной власти, такъ и потому, что наше дворянство не составляетъ чего-то въ родѣ средневѣковаго братства, съ избраннымъ имъ самимъ и имъ же охраняемыми девизами.

Остается еще одинъ вопросъ, которому наши юдофобы придаютъ особенную важность. Какъ бы мало ни былъ достоинъ дворянскаго званія русскій по происхожденію или вообще христіанинъ, его недостатки составляютъ его личное свойство и потому сравнительно неопасны; они могутъ и не перейти къ его потомству, и во всякомъ случаѣ ихъ не раздѣляетъ цѣлый легіонъ, невидимо, но реально вмѣстѣ съ нимъ проникающій въ дворянство. Другое дѣло—съ точки зрѣнія, противъ которой мы возражаемъ,—еврей, специфическія черты котораго сохраняются въ его потомкахъ, и въ лицѣ котораго воплощается вся еврейская корпорація. Пугало получается, такимъ образомъ, довольно внушительное—но это именно *пугало*, страшное лишь для тѣхъ, кто въ него вѣритъ. Получить дворянство можетъ только образованный еврей, вся жизнь вращавшійся среди христіанъ, близкій къ нимъ по занятіямъ и привычкамъ. Каково бы ни было вообще вліяніе капитала, отъ него ускользаютъ всѣ возвысившіеся надъ массой, всѣ освободившіе свою мысль изъ-подъ бремени традиціонныхъ путъ, поддерживаемыхъ замкнутостью или невѣжествомъ. Если они и остаются евреями, потому что не хотятъ измѣнить вѣрѣ предковъ, то они не подчиняются предразсудкамъ, относящимся къ религіи какъ наросты къ живому тѣлу. Это показываетъ примѣръ западной Европы, объ этомъ свидѣтельствуетъ опытъ каждаго, кому случалось сходиться, безъ предубѣжденій, съ евреями, живущими и дѣйствующими въ рус-

скомъ образованномъ обществѣ. Орудіемъ „всероссійской корпораціи евреевъ"—если такая корпорація и существуетъ — еврей-дворянинъ не сдѣлается уже потому, что зависимость его отъ нея порвана первыми шагами по дорогѣ, приведшей его къ дворянству. Допустимъ, однако, что опасность, сигнализируемая юдофобскими газетами, вымышлена не вполнѣ: во всякомъ случаѣ ея размѣры совершенно ничтожны. Въ послѣднія два десятилѣтія евреи, de facto, почти вовсе не допускаются на государственную службу и не могутъ, слѣдовательно, пріобрѣсти дворянство обычнымъ путемъ; да и раньше служащихъ и повышающихся по службѣ между ними было весьма немного. Евреи-дворяне возможны, поэтому, лишь въ видѣ самаго рѣдкаго исключенія—и нужно быть уже очень невысокаго мнѣнія о нашемъ дворянствѣ, чтобы бояться воздѣйствія на него со стороны этихъ исключеній. Предположимъ нѣчто при современныхъ условіяхъ совершенно невѣроятное: предположимъ, что еврей избранъ въ предводители дворянства и утвержденъ въ этомъ званіи. Одно изъ двухъ: или поводомъ къ избранію послужили дѣйствительныя заслуги избраннаго, или оно состоялось вслѣдствіе происковъ, интригъ, прямого или косвеннаго подкупа. Въ первомъ случаѣ предводитель будетъ, очевидно, идеально хорошій, потому что нужно совсѣмъ особое сочетаніе достоинствъ, чтобы преодолѣть общераспространенное предубѣжденіе противъ евреевъ; во второмъ случаѣ собраніе пожнетъ только то, что само посѣяло, и получитъ представителя соотвѣтствующаго его нравственному уровню. Происки и подкупы не составляютъ монополію евреевъ... Власть предводителя безспорно велика, вліяніе его—еще больше: но все-таки для насъ неясно, какимъ образомъ онъ можетъ „отворить ворота еврейскому вторженію", „содѣйствовать кабалѣ русскаго населенія" (подразумѣвается, конечно, кабальная зависимость отъ евреевъ). Покупкѣ имѣній черезъ подставныхъ лицъ предводитель не можетъ ни способствовать, ни помѣшать: примѣръ западнаго края удостовѣряетъ, вдобавокъ, что для обхода закона, отстраняющаго евреевъ отъ земли, евреи легко находятъ союзниковъ въ русскихъ, въ христіанахъ. Тамъ, гдѣ крестьянство всего чаще попадаетъ въ экономическое рабство къ евреямъ, предводители дворянства не выбираются, а назначаются правительствомъ. Кабала нееврейская, такъ сильно, къ несчастію, распространенная въ центральной Россіи, ничѣмъ, притомъ, не лучше еврейской... Заключеніе наше таково: вопіять объ ужасныхъ послѣдствіяхъ, сопряженныхъ съ вступленіемъ евреевъ въ среду дворянскихъ обществъ, значитъ поднимать много шуму изъ ничего. Настанетъ, быть можетъ, время, когда обстоятельства сложатся иначе—но прежде должно про-

изойти измѣненіе во взглядахъ правительства и общества, а это измѣненіе упразднитъ самый вопросъ, поднятый юдофобскою печатью.

Кто много читалъ или слышалъ восторженныхъ отзывовъ о красотѣ извѣстной мѣстности, тотъ обыкновенно испытываетъ разочарованіе, когда видитъ ее въ первый разъ—и это разочарованіе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ преувеличеннѣе были восторги. То же самое можно сказать и о книгѣ. Представимъ себѣ, что ее рекомендуютъ слѣдующимъ образомъ: „у насъ такъ много пишется и говорится мелкаго, узкаго и пустого, и такъ ничтожно мало широкаго, творческаго, важнаго. Произведеніе (такого-то) несомнѣнно принадлежитъ къ рѣдкому второму роду". Чтобы оказаться на высотѣ ожиданій, возбуждаемыхъ такою похвалою, книга должна быть дѣйствительно выходящей изъ ряда; въ противномъ случаѣ даже лучшія ея страницы неизбѣжно покажутся ординарными и блѣдными. Плохую услугу, поэтому, оказалъ г. Шарановъ брошюрѣ г. Черепова: „Гдѣ выходъ", предпославъ ей предисловіе, начинающееся вышеприведенными словами. Именно *творческаго* въ брошюрѣ нѣтъ и слѣда. Авторъ хорошо характеризуетъ крѣпостную эпоху, совершенно правильно осуждаетъ попытки замѣнить помѣщичью власть „сѣтью судебно-административныхъ мѣръ", основательно признаетъ больнымъ мѣстомъ нашей соціально-экономической жизни недостатокъ интеллигентныхъ силъ въ средѣ крестьянства, основательно видитъ основу благосостоянія во всеобщемъ просвѣщеніи и массовой культурности—но вѣдь во всемъ этомъ нѣтъ рѣшительно ничего новаго. Можно согласиться съ г. Череповымъ и тогда, когда онъ утверждаетъ, что каждому должна быть обезпечена возможность удовлетворять, съ минимальной затратой труда, основнымъ потребностямъ, которыми обусловливается его существованіе,— и тогда, когда главнымъ источникомъ этого обезпеченія онъ провозглашаетъ обладаніе земельнымъ участкомъ: но вѣдь не станетъ же онъ предъявлять авторское право на эти мысли, давно пущенныя въ оборотъ (напр. Генри Джорджемъ) съ такою послѣдовательностью и силой, которыхъ напрасно было бы искать въ трудѣ г. Черепова. Переходя къ болѣе опредѣленной темѣ—къ защитѣ общиннаго землевладѣнія, какъ организаціи, допускающей нормальное устройство земельныхъ отношеній,—г. Череповъ идетъ по стопамъ нашихъ экономистовъ-народниковъ, ничего существеннаго къ выработаннымъ имъ положеніямъ не прибавляя. Онъ указываетъ необходимость *преобразованія* общины, въ смыслѣ замѣны обветшалыхъ формъ земленользованія другими, болѣе пригодными для современныхъ условій; но вѣдь именно возможность такой замѣны многочисленные предшественники

г. Черепова и считали важнѣйшимъ преимуществомъ общиннаго строя. Г. Череповъ предлагаетъ равномѣрное распредѣленіе участковъ земли замѣнить такимъ же распредѣленіемъ ея продуктовъ — другими словами, единичную работу отдѣльныхъ общинниковъ замѣнить совмѣстною, съ примѣненіемъ наиболѣе совершенныхъ пріемовъ культурнаго, интенсивнаго хозяйства. А вотъ что говорилъ *семнадцать* лѣтъ тому назадъ А. Н. Энгельгардтъ, въ своихъ извѣстныхъ письмахъ изъ деревни: „хозяйство можетъ истинно прогрессировать только тогда, когда земля находится въ общемъ пользованіи и обрабатывается сообща. Раціональность въ агрономіи состоитъ въ томъ, чтобы, истративъ меньшее количество пудофутовъ работы, извлечь наибольшее количество силы изъ солнечнаго луча на общую пользу. А это возможно только тогда, когда земля находится въ общемъ пользованіи и обрабатывается сообща: когда люди, обрабатывающіе землю собственнымъ трудомъ, додумаются, что имъ выгоднѣе вести хозяйство сообща, то и земля, и все хозяйство, неминуемо перейдутъ въ ихъ руки“. Одинаково съ Энгельгардтомъ смотрѣла и смотритъ на дѣло цѣлая группа писателей, игравшихъ и играющихъ видную роль въ нашей литературѣ. Америка, открытіе которой ставится въ заслугу г. Черепову, открыта, въ сущности, почти полвѣка тому назадъ, еще во время первой полемики объ общинномъ землевладѣніи.

Старая мысль можетъ быть обновлена указаніемъ такого пути къ ея осуществленію, до котораго не додумывался еще никто. И съ этой точки зрѣнія въ брошюрѣ г. Черепова не оказывается ни одной искры творчества. Авторъ наивно вѣритъ, что преобразованіе общины не встрѣтитъ серьезныхъ затрудненій, если только будетъ сознана его необходимость и неотложность. Онъ разсчитываетъ на наглядный примѣръ, данный какимъ-нибудь землевладѣльцемъ или управляющимъ имѣніемъ—примѣръ, который убѣдилъ бы крестьянъ въ выгодности коллективнаго хозяйства. Большія надежды онъ возлагаетъ также на сочувствіе земства и въ особенности правительства, могущаго устранить всѣ преграды для успѣшнаго проведенія реформы. Съ другой стороны, онъ находитъ нужнымъ, чтобы во главѣ преобразованной общины стояли образованный управляющій и свѣдущій бухгалтеръ, получающіе за свой трудъ опредѣленное вознагражденіе изъ продуктовъ общиннаго хозяйства—и этимъ самымъ затрудняетъ преобразованіе, связывая его съ значительными расходами. Вся эта часть труда г. Черепова до крайности поверхностна. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить ее съ интересной книгой Н. А. Каблукова: „Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи“— позднѣйшимъ, по времени, выраженіемъ того направленія въ нашей литературѣ, о которомъ мы уже упоминали выше. Въ одномъ

изъ отдѣловъ этой книги, озаглавленномъ: „Товарищества въ сельскомъ хозяйствѣ и ихъ значеніе“, собрано множество данныхъ, показывающихъ, что переходъ къ коллективной обработкѣ земли не только давно поставленъ на очередь, но даже кое-гдѣ совершился на самомъ дѣлѣ. Особенно любопытенъ приговоръ объ общемъ землепользованіи, составленный нѣсколькими переселившимися въ самарскую губернію изъ смоленской крестьянскими семьями. Если бы гг. Черепокъ и Шараповъ были болѣе знакомы съ литературой занимающаго ихъ вопроса, то первый не сталъ бы ломиться въ открытую дверь, а второй не усмотрѣлъ бы въ этой ломкѣ признаковъ творчества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, говоря, къ предисловіи, о возможности болѣе интенсивнаго хозяйства даже при современномъ устройствѣ общины, г. Шараповъ не упустилъ бы изъ виду, что ее доказывали побѣдоносно еще А. С. Посниковъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, а затѣмъ В. П. Воронцовъ (В. В.) и многіе другіе...

ИЗВѢЩЕНІЯ

I. — Объ изданіи Календаря „Синяго Креста", на 1900-й годъ, Обществомъ попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ.

Съ соизволенія Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны, Общество попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, состоящее подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества, предприняло изданіе Календаря на 1900-й годъ подъ названіемъ Календарь „Синяго Креста", сборъ съ коего поступаетъ на усиленіе средствъ Общества. Календарь „Синяго Креста" на 1900-й годъ выйдетъ въ декабрѣ 1899 г., въ количествѣ 10.000 экземпляровъ, и явится подробнымъ справочнымъ изданіемъ, необходимымъ для каждаго.

Въ настоящее время Общество попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, съ соизволенія Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны, открыло подписку на Календарь „Синяго Креста", цѣною по 2 р. за экземпляръ, а равно и пріемъ объявленій отъ казенныхъ и частныхъ учрежденій.

II.—Отъ Императорскаго Казанскаго Университета.

Къ столѣтнему юбилею, наступающему въ 1904 г., Совѣтъ Казанскаго Университета постановилъ выпустить въ свѣтъ исторію Университета и біографическій словарь его профессоровъ и преподавателей, и въ видахъ достиженія возможной полноты изданій обращается ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя располагаютъ соотвѣтствующими матеріалами, съ покорнѣйшей просьбой не отказать въ заблаговременной доставкѣ таковыхъ въ Казанскій Университетъ на имя г. Ректора. Все доставленное будетъ принято Университетомъ съ глубокой благодарностью и сохранено въ цѣлости до востребованія.

ОПЕЧАТКИ.

			Напечатано:	*Слѣдуетъ:*
Стран.	24	строка 18 св.:	соображать	воображать
„	26	„ 6 сн.:	цвѣтомъ	свѣтомъ
„	35	„ 10 сн.:	лопающихся	ломающихся
„	38	„ 21 св.:	Кантомъ	Контомъ
„	—	„ 24 св.:	въ ея вѣру	въ „трагедію вѣры“
„	40	„ 21 „	разрѣшится	разрѣшима
„	43	„ 20 „	впрочемъ	во всемъ прочемъ
„	48	„ 10 сн.	рабы	рожденіе

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

№ 294. ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ № 294.

КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА

ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5-я л., 28.

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на коммиссію постороннія изданія, подписку на періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ.

NB. Книжные магазины и частныя лица могутъ обращаться съ заказами, безъ высылки при этомъ денегъ, и получать книги по почтѣ съ наложеніемъ платежа.

Пересылка книгъ на счетъ заказчика по почтовой стоимости.

I. БОГОСЛОВІЕ—ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ.

Бухъ, Л. Жизнь. Спб. Ц. 20 коп. 32

☞ **Бэрдъ**, Ч. Реформація XVI вѣка въ ея отношеніи къ новому мышленію и знанію. Перев. Е. А. Звягинцева. Подъ ред. и съ предисловіемъ проф. Н. И. Карѣева. Спб. Ц. 1 р. 25 к. 4011

Гиляровъ, А., проф. Что́ такое философія и что́ она можетъ и чего не можетъ дать. Спб. 1899 г. Ц. 30 к. 5867

Голубевъ, С. Къ исторіи Кіевской трехсвятительской церкви за вторую половину XVII столѣтія. Кіевъ. 1899 г. Ц. 40 к. 1855

——— Неизвѣстное полемическое сочиненіе противъ папскихъ притязаній въ юго-западной Россіи (1633 года). Кіевъ. 1899 г. Ц. 30 к. 5855

Забѣлинъ, П. Права и обязанности пресвитеровъ по основнымъ законамъ христіанской церкви и по церковно-гражданскимъ постановленіямъ русской церкви. Въ трехъ частяхъ. Изд. третье. Кіевъ. 1899 г. Ц. 3 р. 1856

☞ **Карышевъ**, И. Основы истинной науки. Книга I. Богъ неопровержимъ наукой. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

——— Основы истинной науки. Кн. II. Составъ человѣческаго существа; жизнь и смерть. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

——— Основы истинной науки. Кн. III. Сущность жизни. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. 5871

Льюисъ, Дж. Г. Исторія философіи. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія. Съ приложеніемъ статьи В. Д. Вольфсона о жизни и ученіи Шопенгауера и Гартмана. Изд. 3-е, съ полнымъ алфавитнымъ указателемъ. Спб. Ц. 3 р. 5831

Мниховскій, А-ръ. Типы душевнаго развитія. Кіевъ. Ц. 75 к. 2157

Морганъ, Л. Привычка и инстинктъ. Переводъ съ англійскаго М. Чепинской. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Поселянинъ, Е. Святыни земли русской. Съ описаніемъ жизни и подвиговъ святыхъ и знаменій, бывшихъ отъ чудотворныхъ иконъ. Спб. Ц. 25 к. 5858

Свѣтловъ, П., проф. Опытъ апологетическаго изложенія православно-христіанскаго вѣроученія. Т. I. Изданіе 2-ое. Кіевъ. 1899. Ц. 2 р. 25 к. Т. II—ч. 2-я. Кіевъ. Ц. 2 р. 75 к. 1855

☞ **Соважо**, Д. Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусствѣ. Пер. А. Серебряковой. Москва. Ц. 2 р. 4200

*) Книги, вновь поступившія въ складъ въ теченіе послѣдняго мѣсяца, указаны: ☞

Соловьевъ, Влад. Оправданіе добра. Нравственная философія. Предисловіе. — Введеніе.—Ч. I. Добро въ человѣческой природѣ. —Ч. II. Добро отъ Бога.—Ч. III. Добро чрезъ исторію человѣчества. — Заключеніе. (Нравственный смыслъ жизни въ его окончательномъ опредѣленіи и переходъ къ теоретической философіи). Приложеніе: Формальный принципъ нравственности (Канта). — Изложеніе и оцѣнка съ критическими замѣчаніями объ эмпирической этикѣ. 2-ое изд., дополненное. Москва. 1899 г. Ц. 4 р.

——— Судьба Пушкина. Ц. 50 к.

——— Право и нравственность. Ц. 1 р.

——— Духовныя основы жизни. Ц. 1 р.

——— Національный вопросъ въ Россіи. 2 выпуска. Изд. 3-ье. Ц. 3 р. 50 к.

Талмудъ. Мишна и тосефта. Критическій переводъ Н. Переферковича. Т. первый. (Книга 1 и 2). Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к. 5858

Хитровъ, М., прот. Древняя Русь въ великіе дни. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Цертелевъ, Д. Н., кн. Нравственная философія графа Л. Н. Толстого. Второе, дополненное изданіе. Спб. Цѣна 75 к.

Шопенгауеръ, Артуръ. Новые афоризмы. Перевелъ съ нѣмецкаго Р. Кресинъ. Харьковъ. Ц. 1 р.

——— Эристика или искусство спорить. Переводъ съ предисловіемъ кн. Д. Цертелева. Изд. третье. Спб. Ц. 50 к.

——— О писательствѣ и о слогѣ. Переводъ съ предисловіемъ кн. Д. Цертелева. Спб. Ц. 50 к.

——— Эстетика. Переводъ кн. Д. Цертелева. Изданіе второе. Спб. Ц. 50 к.

Эвансъ, Э. Н. Эволюціонная этика и психологія животныхъ. Переводъ съ англійскаго Е. Орлова. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

II. СЛОВЕСНОСТЬ.

Арсеньевъ, А. В. Сборникъ стихотвореній, поэмъ и разсказовъ. Съ предисловіемъ П. И. Вейнберга, виньеткой художника В. С. Крюкова и портретомъ автора. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к. 5862

Б—ва. В. П. Записки старой смолянки. 1833—1858 гг. Ч. I. (Съ 30 иллюстраціями). Спб. Ц. 1 р. 50 к. Ч. II. Жизнь въ Сибири – въ Иркутскѣ. (Съ 20 иллюстраціями). 1858—1878 г. Ц. 1 р. 50 к. Примѣчанія и изданіе свящ. К. Зи—скаго. Часть первая Уч. Ком. Собств. Е. И. В. Канц. рекомендована для библ. старш. класс. учебн. зав. Вѣд. Императрицы Маріи. 5877

Гейерстамъ, Г. Погибшая жизнь. Повѣсть. Переводъ со шведскаго. Спб. 1899 г. Ц. 20 к. 4011

Гейне. Собраніе сочиненій. Подъ редакціей П. И. Вейнберга. Т. V-й: Французскія дѣла и Лютеція. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к. Первые четыре тома по 1 р. 75 к. 5783

Гёте. Собраніе сочиненій въ переводѣ русскихъ писателей. 2-е изд., дополненное и исправленное, подъ редакціей Петра Вейнберга. Изданіе Н. В. Гербеля. 8 томовъ. Спб. 1893 г. Ц. за 8 томовъ 15 р. 5691

Горонъ. Сыщикъ. Новые мемуары бывшаго начальника парижской сыскной полиціи. Мелкія и крупныя мошенничества конца XIX вѣка и воровскія шайки. Пер. съ французскаго Энель. Спб. 1899 г. Ц. 75 к. 5870

Додэ, Э. Первая ночь. Разсказъ. Пер. съ франц. Энель. Спб. 1899 г. Цѣна 20 к. 5870

Жиркевичъ, А. В. Разсказы. (1892—1899 гг.). Наѣздъ.—Случай.— Около великаго. — Розги. — У стѣнъ тюрьмы.—Сподобилась! — Въ госпиталѣ. Спб. 1900 г. Ц. 2 р.

——— „Друзьямъ“. Сборникъ стихотвореній. Части 1 и 2-я. Цѣна каждой части 1 р. За обѣ части вмѣстѣ 1 р. 40 к. 358

Зола. Эмиль. Плодовитость. (Fécondité). Романъ. Полный переводъ съ французскаго О. Н. Поповой. Спб. 1900 г. Ц. 1 р 50 к. 4011

Картавцовъ, Е. По Египту и Палестинѣ. Путевыя замѣтки. Изд. 2-е. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Конисскій-Перебенди. О. Творы. Т. I. Оповидання. Одесса. 1899 г. Ц. 50 к. 5885

Крестовская, М. Артистка. Романъ. Спб. Ц. 2 р.

——— Ревность. Бабушкина внучка. Торжество Юліи Андреевны. Спб. Ц. 1 р.

——— Сынъ. Немудреные. Семейныя непріятности. Именинница. Сонъ въ лѣтнюю ночь. Дѣти. Первое счастье. Спб. Ц. 1 р.

Крыловъ, Викторъ (Александровъ). Драматическія сочиненія. Т. III: Шалость. — Поэзія любви. — Въ духѣ времени. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. 5860

Лазаревскій, Б. Забытые люди. (Очерки и разсказы). Одесса. 1899 г. Ц. 60 к. 5707

Наумовъ. Н. И. Собраніе сочиненій. Въ двухъ томахъ. Спб. Цѣна за оба тома 3 р. 4011

Павловъ. П. И. Думушки. Діалоги. Отрывки изъ былого. Богомольцы. Мелкія стихотворенія. Спб. 1899 г. Ц. 2 р 5871

Погосскій, А. Ѳ. Полное собраніе сочиненій въ четырехъ томахъ съ портретомъ, біографіей автора и примѣчаніями. Т. I. Спб. 1899 г. Цѣна по подпискѣ 6 р. 5873

Пружанскій, Н. Необыкновенная исторія обыкновенныхъ событій и другіе разсказы. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 30 к. 5854

Пружанскій, Н. Между фантазіей и дѣйствительностью. Повѣсти и разсказы. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 30 к. 5871

Пушкинъ, А. С. Сочиненія. Полное собраніе въ одномъ томѣ со статьей А. Скабичевскаго: „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ" (біографическій очеркъ), портретомъ автора, гравированнымъ В. Матэ, и 160 иллюстраціями. 5-е изд. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Подъ редакціей П. Н. Полевого. Изд. Н. В. Гербеля. Спб. Ц. 3 р. 5601

Сборникъ помощь голоднымъ. Разсказы лучшихъ современныхъ польскихъ беллетристовъ: Сенкевича, Пруса, Юноши, Балуцкаго и мн. др. Т. I. Варшава. 1899 г. Ц. 75 к.

Терпигоревъ, С. Н. (С. Атава). Собраніе сочиненій. Ред. С. Н. Шубинскаго. Съ біографическимъ очеркомъ, составленнымъ П. В. Быковымъ, и портретомъ С. Н. Терпигорева. Вышелъ т. VI. Содержаніе: Историческіе разсказы. Дорожные очерки. Спб. Цѣна за всѣ шесть томовъ 9 р.

Ф—тъ, Гр. Завоеваніе воздуха. (Очерки изъ исторіи воздухоплаванія). Съ 44 рисунками и 5 портретами. Изданіе 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 50 к. 5858

Шекспиръ. Полное собраніе сочиненій въ переводѣ русскихъ писателей. Пятое изданіе Н. В. Гербеля. Подъ редакц. Д. Л. Михаловскаго. Три тома. Съ портретомъ. Спб. Цѣна за три тома 10 руб. 5601

Шиллеръ. Полное собраніе сочиненій въ переводѣ русскихъ писателей. Изданіе 7-е, дополненное и исправленное. Новые переводы: Смерть Валленштейна (В. Величко), Марія Стюартъ (П. Вейнберга) и Мессинская невѣста (К. Р.). Изданіе Н. В. Гербеля. 3 тома. Спб. 1893 г. Ц. 8 р. 5601

Шимановскій. В. Ю. (В. Миличъ.) Вѣруся и другіе разсказы. Спб. 1900 г. Ц. 75 к. 5871

Эркманъ-Шатріанъ. Гаспаръ Фиксъ. Разсказъ. Перев. съ франц. Е. Джунковской. Спб. 1900 г. Ц. 65 к. 5616

Яковлева, З. Повѣсти и разсказы. Фантастическіе разсказы. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. 5896

III. ИСТОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ — ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

Бойезенъ, Г., проф. Комментарій къ трагедіи Гёте „Фаустъ". Съ портретомъ Гёте. Съ нѣмецкаго перевода О. Миліуса перевелъ А. Л. Шкловскій. Елисаветградъ. 1899 г. Ц. 75 к. 5845

Венгерова, З. Литературныя характеристики. (Прерафаэлитское движеніе во Франціи. Д. Г. Росетти, В. Моррисъ, О. Уайльдъ, Д. Мередитъ, Р. Броунингъ, В. Блэкъ, П. Верлэнъ, К. Ж. Гюисмансъ, Г. Гауптманъ, Г. Ибсенъ, Франциск Ассизскій, Боттичелли). Ц. 1 р. 50 к. 5081

Веселовскій, А. Н. Пушкинъ — національный поэтъ. Спб. 1899 г. Ц. 30 к. 5761

Веселовскій, Александръ. Боккаччіо, его среда и сверстники. Въ двухъ томахъ. Спб. Цѣна каждаго тома 2 р. 50 к. 3130

——— Изъ исторіи романа и повѣсти. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. II. Славяно-романскій отдѣлъ. Спб. Ц. 2 р.

Головинъ, К. Русскій романъ и русское общество. Спб. Ц. 3 р.

Демидовъ, Н. А. С. Пушкинъ. Его жизнь и творчество. 1799—1899. Съ портретомъ Пушкина и рисунками. Спб. 1899 г. Ц. 25 к. 5726

Дюрингъ, Е. Великіе люди въ литературѣ. Критика современной литературы съ новой точки зрѣнія. Перев. съ нѣмецк. Ю. М. Антоновскаго. Спб. Ц. 3 р. 50 к. 4011

И. М. Русская журнальная литература въ настоящее время. Спб. Ц. 20 к. 5822

Каренинъ, Влад. Жоржъ Сандъ. Ея жизнь и произведенія. 1804—1838. Съ приложеніемъ портретовъ, факсимиле и неизданныхъ отрывковъ и писемъ Жоржъ Сандъ. Спб. 1899 г. Цѣна 3 р. 50 коп. 308

Котляревскій, Н. М. Ю. Лермонтовъ. Личность поэта и его произведенія. Опытъ историко-литературной оцѣнки. Ц. 2 р. 300

——— Міровая скорбь въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего вѣка. Спб. Ц. 2 р. 194

Ляпуновъ, Б. Изслѣдованіе о языкѣ синодальнаго списка 1-й Новгородской лѣтописи. Вып. I. Введеніе. Часть 1-я (гл. I—IV): Очерки изъ исторіи ирраціональныхъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ. Изданіе

отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1899. Цѣна 2 руб. 5887

Михайловъ, Д. Аполлонъ Григорьевъ. Жизнь въ связи съ характеромъ литературной дѣятельности его. Съ портретомъ. Спб. 1900 г. Ц. 30 к. 5886

Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Изд. подъ ред. К. Я. Грота. 3 тома. Спб. Цѣна каждаго тома 3 руб. 5119

Петровъ, К. Ѳ. Пушкинъ какъ учитель молодого поколѣнія. Опытъ объясненія учащимся воспитательнаго значенія Пушкина, иллюстрированный произведеніями поэта. Спб. 1899 г. Ц. 30 к. 5880

Пти-де-Жюльвиль, Л., проф. Иллюстрированная исторія новѣйшей французской литературы. (1800–1900 гг.). Переводъ съ французскаго Ю. А. Веселовскаго, со вступительной статьей проф. А. Н. Веселовскаго. Со многими рисунками. Москва. 1899—1900 г. Подписная цѣна на всѣ 20 выпусковъ 7 р. Вышелъ вып. 1-й. 5774

Пыпинъ. А. Н. Исторія русской литературы. Въ 4-хъ томахъ. Вышелъ и разсылается подписчикамъ т. IV. Содержаніе: Времена имп. Екатерины II. Девятнадцатый вѣкъ. Пушкинъ и Гоголь. Утвержденіе національнаго значенія литературы. Спб. 1899 г. Цѣна 4-го тома 3 р. Съ выходомъ 4-го тома подписка прекращена. Цѣна за всѣ 4 тома 12 р., цѣна каждаго тома 3 руб.

Ройтманъ, Дм. Евгеній Дюрингъ какъ литературный критикъ, и его новый критическій пріемъ. (Е. Дюрингъ. „Великіе люди въ литературѣ". Переводъ Ю. М. Антоновскаго. 1897 г.) Спб. 1899 г. Цѣна 30 к. 5892

Симони, П. К. Русскій языкъ въ его нарѣчіяхъ и говорахъ. Часть. I, вып. 1-й. Великорусское нарѣчіе. 1. Общая часть. Труды по діалектологіи, изслѣдованія по народному великорусскому языку, словари, программы и библіографія. Спб. 1899 г. Ц. 60 к. 5853

Соловьевъ. (Скриба). В. Г. Бѣлинскій въ его письмахъ и сочиненіяхъ. (1810—1848). Спб. Ц. 1 р. 75 к. 5871

Фаресовъ, А. И. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ и чествованіе его памяти. Спб. 1899 г. Ц. 60 к. 5846

Чешихинъ, Всеволодъ. Современное общество въ произведеніяхъ Боборыкина и Чехова. Одесса. 1899 г. Ц. 25 к. 5850

Шепелевичъ. Л. Ю. Наши современники. Историко-литературные очерки. Бурже. — Монассанъ.—Родъ. — Гаунтманъ. —Эчегарай.—Сенкевичъ—какъ психологъ-романистъ.—Историческіе романы Сенкевича.—Романы Хуана Валеры. — Три романа Золя. Спб. 1899 г. Цѣна 1 р. 75 к.

IV. ПЕДАГОГИКА.

Демоленъ, Э. Новое воспитаніе. Реформа средняго образованія съ замѣной классицизма болѣе практическимъ обученіемъ, имѣющимъ въ виду всестороннее развитіе духовныхъ и физическихъ способностей ученика. Перев. съ французскаго подъ ред. В. Н. Линда. Москва. 1900 г. Ц. 80 к. 5774

Луговской, П. М. На помощь дѣтямъ. Нѣсколько мыслей по школьному вопросу. Новгородъ. Ц. 60 к. 5849

Программы домашняго чтенія на 1-й годъ систематическаго курса. Изд. 5-ое, исправл. и дополн. Москва. 1900 г. Ц. 35 к.

——— на 2-й годъ – ц. 45 к.

——— на 3-й годъ—ц. 50 к.

Программы чтенія для самообразованія. 3-е, вновь переработанное и дополненное изданіе. Изданіе Отдѣла для содѣйствія самообразованію въ Комитетѣ Педагогическаго Музея Военно-Учебныхъ заведеній. Спб. 1899 г. Ц. 40 к.

Шмидтъ, К. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Т. I. До-христіанская эпоха. Москва. Ц. 5 р. Т. IV. Отъ Песталоцци до настоящаго времени. Въ двухъ частяхъ. Москва. Ц. каждой части 3 р. 50 к. 4200

Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія. Вып. I. Каптеревъ, П. Ѳ. Задачи и основы семейнаго воспитанія. Спб. 1898 г. Ц. 30 к.— Вып. II. Острогорскій, Алексѣй. Семейныя отношенія и ихъ воспитательное значеніе. Спб. 1898 г. Ц. 30 к. —Вып. III. Фесенко, И. О. Городъ и деревня въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія дѣтей.—Спб. 1898 г. Ц. 25 к. — Вып. IV. Каптеревъ, П. Ѳ. О дѣтскихъ играхъ и развлеченіяхъ. Спб. 1898 г. Ц. 30 к.—Вып. V. Фесенко, И. О. Награды и наказанія въ семейномъ воспитаніи. Спб. 1898 г. Ц. 25 к. — Вып. VI. Каптеревъ, П. Ѳ. О дѣтской подражательности. Спб. 1898 г. Цѣна 30 к. —Вып. VII. Каптеревъ, П. Ѳ. Основныя начала сем. обученія (Дидактика семьи). Ц. 30 к.—Вып. VIII. И. Карцовъ. Капризы и раздражительность дѣтей. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.—Вып. IX. Розенбахъ, П. Наслѣдственность. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.—Вып. X. Ельницкій, К. Привычки, ихъ значеніе и воспитаніе. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.—Вып. XI. Поворинская, В. В. Дѣтскій садъ и огородъ. Спб. 1899 г. Ц. 25 к. — Вып. XII.

Переселенцева, Н. Н. Семейное воспитаніе въ Финляндіи. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.—Вып. XIII. Литвинскій, П. А. Игрушки, ихъ назначеніе и выборъ. Спб. 1899 г. Ц. 30 к. —Вып. XIV. М. Д. Ванъ-Путеренъ. Нормальная дѣтская для дѣтей до 3 лѣтъ. Спб. 1899 г. Ц. 30 к. — Вып. XV. Д-ръ А. С. Вирениусъ. Искривленіе позвоночника въ дѣтскомъ и отроческомъ возрастѣ. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.—Вып. XVI. Лимбергъ, А. К. Уходъ за зубами. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

V. УЧЕБНИКИ.

Аландскій, П. Исторія Греціи. Изд. 2-е. Кіевъ. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к. 1856

Борзаковскій, П. Краткія біографіи русскихъ писателей. Пособіе для учениковъ городскихъ училищъ. (По полож. 31 мая 1872 года). Особ. отд. Уч. К. М. Н. Пр. допущено въ городскія училища въ качествѣ пособія, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни. Одесса. Ц. 50 к. 5707

Весинъ, Л. П. Курсъ общей географіи въ объемѣ гимназической программы. Составлено по Гевальду, Даніелю, Кледену, Реклю, Супану и др. источникамъ. Азія, Африка, Америка и Австралія (100 рисунковъ въ текстѣ). Изданіе второе. Спб. Ц. 80 к. 3930

☞ **Гетте**, А. Зоологія. Наука о животныхъ. 2-е изд. Одесса. 1899 г. Ц. 50 к. 5707

Гливенко, И. Руководство къ изученію итальянскаго языка. Кіевъ. 1899 г. Ц. 2 р. 25 к. 1856

Обломковъ, П. Краткій учебникъ географіи. Курсъ I. Общій обзоръ земного шара. Съ чертежами и рисунками въ текстѣ, съ приложеніемъ краткаго обозрѣнія Россійской имперіи и карты полушарій. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб. Ц. 60 к.

☞ **Соколовъ**, А. Краткая всеобщая географія. Курсъ повторительный. Ч. I. Общія свѣдѣнія по географической морфологіи и физической географіи. Сравненіе Европы съ другими частями свѣта. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Соколовъ, П. К. Методика ариѳметики съ приложеніемъ сборника задачъ въ предѣлахъ первой сотни. Обученіе счету въ предѣлахъ отъ 1 до 100 безъ цифръ. —Опредѣленіе ариѳмет. дѣйствій.—Составныя именован. числа въ предѣлахъ отъ 1 до 100.—Обученіе счету въ предѣлахъ отъ 100 до 1000.—Мѣры поверхности.—Мѣры объема. — Элементарный курсъ простыхъ дробей. Цѣна съ приложеніемъ 1 р., безъ приложеній 60 к. Одобр. Уч. Ком. М. Н. Пр. для учительскихъ семинарій.

——— Задачи по ариѳметикѣ въ предѣлахъ первой сотни. Приложеніе къ методикѣ ариѳметики. Спб. Ц. 40 к. Одобрено Уч. Ком. М. Н. Пр. какъ пособіе для всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній. 51

☞ **Чудновская**, Л. Англійская грамматика, письма, прозаическія статьи и стихотворенія для русскихъ учебныхъ заведеній. Одесса. 1900. Ц. 1 р. 50 к. 5707

VI. НАРОДНЫЯ И ДѢТСКІЯ КНИГИ.

☞ **Абаза**, К. К. Героическіе разсказы. Народы Востока и Запада. Съ рисунками, картами и планами. Изд. 2-е. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ 2 р.

Богаевская, А. Веселая азбука. Слова и музыка. Пособіе для матерей, воспитательницъ и дѣтскихъ садовъ. Спб. Ц. 1 р.

——— Любимыя сказки. Слова и музыка. Спб. Ц. 1 р.

Bogaïewsky, А. „Amusons-nous!“ Petits-airs et petits-jeux. Спб. Ц. 1 р.

Висковатовъ, В. А. Какъ люди научились писать. 4-е изд. безъ перемѣнъ. Одесса. 1899 г. Ц. 8 к.

——— День въ римскомъ циркѣ. (Картины римскихъ нравовъ). Изданіе 4-е, безъ перемѣнъ. Одесса. 1899 г. Ц. 7 к.

Гервагенъ, Л. Разумно ли врать? Спб. 1899 г. Ц. 5 к. 5859

Гофманъ, Эрн. Щелкунчикъ и мышиный король. Сказка. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. въ перепл. 5865

☞ **Дергиманъ**, Г. Кто напился, тотъ силъ и ума лишился. Составлено для народной пользы. Спб. 1899 г. Ц. 15 к. 5902

——— Проступокъ и преступленіе. Спб. 1899 г. Ц. 15 к.

Зандъ, Ж. Крылья мужества. Разсказъ. Одесса. 1899. Ц. 15 к. 5707

Маминъ-Сибирякъ, Д. Упрямый козелъ. Сказка. Съ 10 рисунками А. Аѳанасьева. Спб. Ц. 15 к. То же на веленевой бумагѣ Ц. 25 к. 5851

☞ **Мачтетъ**, Г. Не выдержалъ. Повѣсть. Спб. 1899 г. Ц. 4 к. 4011

☞ **Мопассанъ**, Гюи де. „Потѣхи войны“. Сборникъ. 1. Плѣнники. 2. Безумная. 3. Пожаръ. Спб. 1899 г. Ц. 6 к. 4011

——— Пышка. Разсказъ изъ временъ франко-прусской войны. Перев. М. Ф—ъ. Спб. 1899 г. Ц. 10 к. 4011

Ночь подъ Рождество. Одесса. 1899 г. Ц. 5 к. 5707

☞ **Потапенко**, И. Ахметка Саратовскій. Очеркъ. Спб. 1899 г. Ц. 4 к.

——— Остроумно! Разсказъ. Спб. 1899 г. Ц. 5 к. 4011

Робинзонъ Крузо. Его жизнь и приключенія. (Для народныхъ училищъ). Съ картинами. Изд. 5-е. Одесса. 1899 г. Ц. 10 к. 5707

Сениговъ, І. Народныя сказки и пѣсни о Новгородѣ великомъ. Спб. Ц. 15 к.

——— Любимый богатырь русскаго народа. Спб. Ц. 15 к.

——— Народныя сказки и пѣсни объ Іоаннѣ Грозномъ. Спб. Ц. 30 к.

——— Царь-работникъ и учитель. Спб. Ц. 15 к.

——— Какъ воевалъ Петръ Великій со шведами. Спб. Ц. 20 к. 5851

☞ **Скрамъ**, Амалія. (Сіюръ Габріэль). Мужъ и жена. Разсказъ. Перев. съ норвежскаго. Спб. 1899 г. Ц. 12 к. 4011

☞ **Сто разсказовъ** изъ жизни животныхъ. Книга для дѣтей младшаго возраста. Съ 53 рис. Перев. съ англійскаго З. Журавской. Изд. 3-е. Спб. 1899 г. Ц. 50 к. 4011

С—въ, П. (Николаевъ), д-ръ. Раздѣлъ Китая. Научно-образовательная игра для дѣтей, а также пріятное и полезное занятіе для взрослыхъ. Одесса. Ц. 15 к. 5707

☞ **Франко**, И. „Къ свѣту". Разсказъ. Въ пересказѣ С. Ч. Спб. 1899 г. Ц. 5 к. 4011

Эберсъ, Г. Незамѣнимые. Сказка. Спб. Ц. 15 к. 5851

VII. ИСТОРІЯ—БІОГРАФІЯ.

☞ **Барсуковъ**, А. П. Родъ Шереметевыхъ. Вышла изъ печати книга 7-я съ приложеніями: 1) Полное родословіе Шереметевыхъ до послѣднихъ поколѣній и 2) Алфавитный указатель. Спб. 1899 г. Ц. 4 р. Имѣются въ продажѣ книги I—VI; цѣна каждой 4 р.

Бриліантовъ, И. Патріархъ Никонъ въ заточеніи на Бѣлозерѣ. Историческій очеркъ съ 3 портретами патріарха Никона, его автографомъ и 17 рисунками. Спб. 1899 г. Ц. 60 к.

Ферапонтовъ Бѣлозерскій, нынѣ упраздненный монастырь. Мѣсто заточенія патріарха Никона. Къ 500-лѣтію со времени его основанія, 1398—1898 г. Съ приложеніемъ очерка: „Патріархъ Никонъ въ заточеніи на Бѣлозерѣ". Съ 32 рисунками. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 5861

Васильчиковъ, А. А. Семейство Разумовскихъ. Спб. Ц. т. I — III 7 р. 50 к. Т. IV и V по 2 р. 50 к. 3303

Волкъ-Корачевскій, В. В. Борьба Польши съ казачествомъ во второй половинѣ XVII и началѣ XVIII вѣка. Кіевъ. 1899 г. Ц. 2 р. 1855

☞ **Глинскій**, Б. Б. Очерки русскаго прогресса. Статьи историческія, по общественнымъ вопросамъ и критико-біографическія. Съ 36 портретами и иллюстраціями. Спб. 1900 г. Ц. 5 р. 5871

Голубевъ. С. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники (Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія). Т. II. Кіевъ. Ц. 6 р.

——— Къ исторіи кіевской трехсвятительской церкви за вторую половину XVII столѣтія. Кіевъ. 1899 г. Ц. 40 к.

——— О древнѣйшемъ планѣ города Кіева 1638 года. Кіевъ. Ц. 1 р. 1855

Голышевъ, И. А. Собраніе сочиненій. Подъ редакціею А. Э. Мальмгрена. Т. I. В. II. Пряничныя произведенія и значеніе ихъ въ старину. Рѣзьба по дереву и рѣзныя украшенія въ храмахъ, дворцахъ и въ крестьянскомъ домашнемъ быту. Русскія древности Владимірской губ. и др. статьи. Съ 2 цинкографіями на отдѣльныхъ листахъ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 30 к. Имѣется вып. I. Ц. 1 р. 50 к. 5590

☞ **Дюбуа-Реймонъ**, Э. Германъ фонъ-Гельмгольцъ. Характеристика. Переводъ съ нѣмецк. В. Батя. Подъ редакц. прив.-доц. Б. П. Вейнберга. Спб. 1900 г. Ц. 30 к. 5899

☞ **Карѣевъ**, Н. Введеніе въ курсъ исторіи древняго міра. (Греція и Римъ). 3-е изд. Спб. Ц. 80 к. 4011

☞ **Ковалевскій**, Максимъ. Происхожденіе современной демократіи. Томъ III. Народная монархія. Томъ IV. Венеціанская демократія. Предисловіе автора. Москва. Цѣна каждаго тома 2 р. 4200

☞ **Костомаровъ**, Н. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Томъ II (Окончаніе). Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II. Изд. 3-ье. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 90 к. Имѣются въ продажѣ: Т. I. Господство дома св. Владимира. Изд. 4-ое. Ц. 3 р. 50 к. Т. II. Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II. Изд. 4-е. Ц. 2 р. Т. II. (Продолженіе). Изд. 3-ье. Цѣна 1 р. 60 к.

☞ **Лависъ**, Э., и **Рамбо**, А. Всеобщая исторія съ IV стол. до нашего времени. Т. I. Начатки средневѣковаго строя. 395—1095 г. Пер. В. П. Невѣдомскаго. Москва. Ц. 3 р. Т. II. Феодальная эпоха. Крестовые походы. 1095—1270 г. Пер. М. О Гершензона. Москва. Ц. 3 р. Т. III. Образованіе большихъ государствъ. 1270—1492. Пер. В. П. Невѣдомскаго. Москва. Ц. 3 р.

Т. IV. Возрожденіе и реформація: Новый Свѣтъ. 1492— 1559. Пер. В. Н. Невѣдомскаго. Москва. Ц. 3 р. Т. V. Религіозныя войны. 1559—1648. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Москва. 1899 г. 3 р. 4200

☞ **Лампрехтъ**, К. Исторія германскаго народа. Перев. П. Николаева. Т. I. Части 1-я и 2-я до XI в. Москва. Ц. 4 р. Т. II. Части 3-ья и 4-я до XIV вѣка. Москва. Ц. 4 р. Т. III. Ч. 5-я до XVII в. Москва. Ц. 3 р. 4200

Леманнъ, д-ръ. Иллюстрированная исторія суевѣрій и волшебства отъ древности до нашихъ дней. Переводъ съ нѣм. изд. д-ра Петерсена, подъ ред. В. Н. Линдъ. Вып. 4-ый. Москва. 1899 г. Подписная цѣна за всѣ 10 выпусковъ 3 р. 5774

☞ **Латышевъ**, В. Очеркъ греческихъ древностей. Ч. 1-я: государственныя и военныя древности. Изд. 3-е, пересмотрѣнное. Спб. Ц. 1 р. 50 к. Часть 2-я. Богослужебныя и сценическія древности. Изд. 2-е, исправленное. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к. 5868

☞ **Лэнъ-Пуль**, Стэнли. Мусульманскія династіи. Хронологическія и генеалогическія таблицы съ историческими введеніями. Перевелъ съ англійскаго, съ примѣчаніями и дополненіями, В. Бартольдъ, приватъ-доцентъ спб. университета. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

Павлищевъ, Левъ. Кончина Александра Сергѣевича Пушкина. Спб. 1899 г. Ц. 50 к. 5858

☞ **Петровъ**. М. Н., проф. Очерки изъ всемірной исторіи. Съ портретомъ автора и многими рисунками. Евангеліе въ исторіи. — Германикъ. — Мохаммедъ. — Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ. — Жанна д'Аркъ. — Людовикъ XI. — Савонарола.—Томасъ Мюнцеръ.—Эразмъ Роттердамскій. — Филиппъ II. —Петръ Великій. Цѣна 2 р. 25 к.

☞ **Реклю**, Эл. До-историческія времена. Николаевъ. 1899 г. Ц. 10 к.

Сементовскій, Н. Кіевъ, его святыни, древности, достопамятности. Съ 96 рисунками и планомъ. Кіевъ. 1900 г. Цѣна 1 р. 50 к. 1855

Скугаревскій. 1812-й годъ отъ начала войны до Смоленска включительно. Практическіе пріемы изученія военной исторіи. Казань. Ц. 1 р. 50 к. 5351

☞ **Тайлоръ**, Э. Б. Антропологія. Введеніе въ изученіе человѣка и цивилизаціи. Пер. съ англійскаго д-ра И. С. Ивина. Съ 78 рис. Изд. 2-е. Спб. Ц. 2 р.

☞ **Тэнъ**, И. Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи. Переводъ съ 3-го франц. изданія. Спб. Ц. 3 р. 50 к.

☞ **Тьерри**, Огюстэнъ. Исторія происхожденія и успѣховъ третьяго сословія. Переводъ съ французскаго подъ редакц. и со вступительной статьей проф. Р. Ю. Виппера. Москва. 1899 г. Ц. 60 к. 5834

☞ **Филипповъ**, Тертій. Сборникъ. Предисловіе. О началахъ русскаго воспитанія. „Не такъ живи, какъ хочется" (А. Островскаго). „Историческіе очерки русской народной словесности и искусства" (Ѳ. Буслаева). Записка о народныхъ училищахъ. О дѣятельности и литературныхъ заслугахъ Н. Ѳ. Щербины. Памяти П. Ѳ. Горбунова, и др. статьи. Спб. Цѣна 2 р. 3704

——— Три замѣчательные старообрядца. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Шантепи-де-ля-Соссей, Д., д-ръ. Иллюстрированная всеобщая исторія религій. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ ред. В. Н. Линда. 11 выпусковъ. Дополненіе къ этому сочиненію — библіографическій указатель книгъ и статей на русскомъ языкѣ по исторіи религій. Сост. С. Н. Трубецкой. Москва. 1899 г. Ц. 50 к. Цѣна за всѣ 11 выпусковъ 6 р. 5774

Шмурло, Е. Очеркъ жизни и научной дѣятельности К. Н. Бестужева-Рюмина. 1829 – 1897 г. Юрьевъ. 1899 г. Ц. 2 р.

VIII. ГЕОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ.

Альбомъ картинъ по географіи Европы съ вступительною статьею д-ра Гейстбека. Съ 234 рѣзанными на деревѣ рисунками. Переводъ съ нѣмецкаго А. П. Нечаева, съ предисловіемъ Д. А. Коропчевскаго. Спб. 1899 г. Цѣна въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 50 к. 5670

Альбомъ картинъ по географіи внѣевропейскихъ странъ. Съ вступительной статьею д-ра А. Гейстбека. Съ 314 рѣзанными на деревѣ рисунками. Переводъ съ нѣмецкаго А. П. Нечаева. Съ предисловіемъ Д. А. Коропчевскаго. Спб. 1899 г. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 75 к. 5731

Берновъ, М. А. Испанія, Алжиръ и Сахара. Путевые очерки. Съ портретомъ, біографіей автора и 52 иллюстраціями. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Пыпинъ, А. Н. Исторія русской этнографіи. Въ 4-хъ томахъ. Т. I и II. Общій обзоръ изученій народности и этнографія великорусская. Т. III. Этнографія малорусская. Т. IV. Бѣлоруссія и Сибирь. Спб.

IX. МАТЕМАТИКА—АСТРОНОМІЯ — МЕТЕОРОЛОГІЯ.

Амига, Э. Законы вселенной. Переводъ съ французскаго. Съ рисунками въ текстѣ. Одесса. Цѣна 25 к. 5707

Ковалевскій, С. Двойной поніусъ, его теорія и примѣненіе. Спб. 1899 г. Ц. 30 к. 215

Пирожковъ, М. В. Ариѳметика ирраціональныхъ чиселъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к. 138

X. ЕСТЕСТВОВѢДѢНІЕ.

☞ **Бернаръ**, Клодъ. Жизненныя явленія, общія животнымъ и растеніямъ. Пер. М. Антоновича. Спб. Цѣна 2 руб.

Битнеръ, В. В. Общедоступный химическій анализъ почвъ. Съ приложеніемъ описанія устройства самодѣльныхъ химическихъ вѣсовъ. (Съ 1 рисункомъ). Руководство для лицъ, незнакомыхъ съ аналитическою химіею. Спб. 1899 г. Ц. 40 к. 5858

Бобрецкій, Н., проф. Учебникъ зоологіи. Для студентовъ университета и высшихъ учебныхъ заведеній. Съ 546 политипажами. Кіевъ. Цѣна 5 р. 1855

☞ **Бобылевъ**, Д., проф. Гидростатика и теорія упругости. Вып. I. Спб. Ц. 1 р. 70 к.

——— Курсъ аналитической механики. Ч. I, кинематическая. 2-е изд. Спб. Ц. 2 р. 50 к. Ч. II, кинетическая. Вып. I. Механика матеріальной точки. 2-е изд. Спб. 2 руб. 50 к. Вып. II. Механика системъ, составленныхъ изъ матеріальныхъ точекъ. 2-е изд. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

——— Очеркъ теоріи водяныхъ теченій, выработанной Буссинекомъ. Вып. I. Спб. Ц. 1 р. 50 к. Вып. II. Спб. Ц. 1 р.

——— Руководство къ курсу теоретической механики. Съ 6-ю листами чертежей. Спб. Ц. 4 р. 40 к.

☞ **Вейнбергъ**. В. II. Работа и энергія. Четыре общедоступныхъ научныхъ бесѣды. Спб. 1899 г. Ц. 35 к.

☞ **Гексли-Розенталь**. Основы физіологіи. Съ 118 рисунками. Переводъ подъ редакц. и съ дополненіями В. II. Львова Москва. 1899 г. Ц. 2 р. 5493

☞ **Гетчинсонъ**. Вымершія чудовища и животныя прошлыхъ геологическихъ эпохъ. Вып. 6-й и 7-й (послѣдній). Съ 20 таблицами и 38 рис. Перев. М. В. Павловой. Съ предисловіемъ проф. А. II. Павлова. Москва. 1899 г. Ц. 45 к. Вып. I—ц. 12 к., вып. II и III—ц. 28 к., вып. III и IV—ц. 40 к. 5834

Гельмгольцъ, Г. Фарадеевская рѣчь. Современное развитіе Фарадеевыхъ воззрѣній на электричество. Переводъ В. Тюрина. Спб. Ц. 30 к. 5858

Гольдштейнъ. М. Ю., проф. Живое и мертвое. Одесса. 1899 г. Ц. 25 к. 5850

Hausbrand, Е. Сушка воздухомъ и паромъ. (Для практическаго пользованія). Перев. съ нѣмец. Л. Лейхманъ. Подъ редакціей проф. Я. Я. Никитинскаго. Москва. 1900 г. Ц. 1 р. 5653

Дарвинъ. Ч. Законы измѣнчивости. (Дополненіе къ сочиненіямъ, изданнымъ на русскомъ языкѣ подъ заглавіями: Измѣненіе животныхъ и растеній и пангенезисъ). Переводъ подъ ред. д-ра философіи М. Филиппова. Спб. Ц. 60 к. 5858

☞ **Клейнъ**, Г. Чудеса земного шара. Общедоступныя бесѣды по землевѣдѣнію, съ 93 рисунками. Перев. съ нѣмецкаго М. Чепинской, подъ ред. II. Березина. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 5899

Ле-Дантецъ, Ф. Индивидуальная эволюція, наслѣдственность и неодарвинисты. Перев. съ франц. подъ ред. В. Н. Линда. Москва. 1899 г. Ц. 1 р. 5774

☞ **Линдеманъ**, К. Э., проф. Основы сравнительной анатоміи позвоночныхъ животныхъ. Съ 289 рисунками. Спб. Ц. 3 р. 50 к. 5882

Томсонъ, I. Жизнь животныхъ. Ч. I. Повседневная жизнь животныхъ. Вып. I. Съ 15 рис. въ текстѣ. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. Подъ ред. В. К. Агафонова. Москва. 1900 г. Ц. 30 к. 5774

☞ **Фаусенъ**, В. Этюды по вопросамъ біологической эволюціи. Спб. 1899 г. Ц. 60 к. 4011

Шмальгаузенъ, II., проф. Краткій учебникъ ботаники для студентовъ медицины и начинающихъ натуралистовъ. Съ 298 рисунками въ текстѣ. 2-е исправл. изданіе. Кіевъ. 1899 г. Ц. 2 р. 1855

XI. ЮРИДИЧЕСКІЯ И СОЦІАЛЬНЫЯ НАУКИ.

☞ **Анисимовъ**, А. Уставъ о пошлинахъ съ разъясненіями Правительствующаго Сената Изд. 2-е. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к. 5900.

Астровъ, II. Дѣти подмостковъ. Къ вопросу о регламентаціи дѣтскаго труда въ области зрѣлищъ и увеселеній. Изъ журнала „Трудовая Помощь". Спб. 1899 г. Ц. 30 к. 5841

☞ **Баронъ**, проф. Система римскаго гражданскаго права. Переводъ съ 5-го нѣмецкаго изданія Л. Петражицкаго. Вып. III. Книга IV. Обязательственное право. 2-е изданіе. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. Вып. I. Книга 1-ая. Общая часть. Ц. 1 р. 60 к. Вып. II. Кн. 2-ая. Владѣнія. Кн. 3-я. Вещныя права. Ц. 1 р.

Бриліантъ, Л. М., и **Шкляверъ**, С. Я. Алфавитный указатель къ рѣшеніямъ гражданскаго кассаціоннаго департамента и общихъ собраній правительствующаго сената. Съ 1885 до 1899 года. Спб. 1899 г. Цѣна 6 рублей въ переплетѣ 342

Бухъ, Левъ. Основные элементы политической экономіи. Часть первая. Интен-

сивность труда, стоимость, цѣнность и цѣна товаровъ. Спб. Ц. 2 р. 3908

Бюхеръ, Карлъ, проф. Экономическія задачи современныхъ органовъ городского самоуправленія. Перев. М. Э. Гуковскаго. Приложеніе: Любопытная параллель. М. Э. Гуковскаго. Одесса. 1899 г. Ц. 30 к. 5850

——— Экономическій строй первобытныхъ народовъ. Перев. съ нѣмецкаго подъ редакц. М. Э. Гуковскаго. Одесса. 1899 г. Ц. 25 к. 5850

☞ **Бюхеръ**, К. Хозяйство первобытныхъ народовъ. Переводъ съ нѣмецкаго П. Розенберга. Ковна. Ц. 30 к. 5874

Варбъ, Е. Наемные сельскохозяйственные рабочіе въ жизни и въ законодательствѣ. Общественно-юридическіе очерки. Москва. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. 5774

☞ **Вайнштейнъ**, С. Я. Сборникъ узаконеній о пивовареніи и торговлѣ пивомъ въ мѣстахъ введенія казенной продажи питей. Со включеніемъ всѣхъ дополненій, измѣненій, правилъ, инструкцій, циркуляровъ и другихъ правительственныхъ распоряженій, послѣдовавшихъ до 1-го января 1899 г., а также списка пивоваренныхъ заводовъ въ Россіи. Спб. 1899 г. Цѣна 2 руб.

☞ **Веббъ**, Сидней и Беатриса. Теорія и практика англійскаго трэдъ-юніонизма. Т. I. Переводъ съ англійскаго Владиміра Ильина. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. 50 к. 4011

☞ **Геркнеръ**, Г., проф. Рабочій трудъ въ Западной Европѣ. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изд. Спб. 1899 г. Ц. 3 р. 5899

Гораповскій, М. Практическое руководство для судебныхъ слѣдователей при окружныхъ судахъ. Часть общая. Спб. Ц. 1 р. 20 к. 275

☞ **Гражданское уложеніе**. Книга пятая. Обязательства. Проектъ Высоч. учр. Редакц. Коммиссіи по составленію Гражданскаго Уложенія. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Демоленъ, Э. Отъ чего зависитъ превосходство англо-саксонской расы. Переводъ А. Боханова. Одесса. 1899 г. Ц. 1 р. 5707

☞ **Зомбартъ**, В. Очерки промышленнаго развитія Германіи. I. Германія наканунѣ экономическаго переворота. Перев. съ нѣмецкаго Ѳ. Капелюша. Спб. 1900 г. Ц. 60 к. 4011

Канторовичъ, Я. А. Законы о безвѣстно-отсутствующихъ. Съ приложеніемъ разъясненій по кассаціоннымъ рѣшеніямъ сената. Спб. 1899 г. Ц. 50 к. 349

Камаровскій, Л., гр., и **Богаевскій**, П. Право и миръ въ международныхъ отношеніяхъ. Сборникъ статей. Вып. I и II. Москва. 1899 г. Цѣна каждаго выпуска 1 р. 5774

☞ **Киддъ**, Бенжаменъ. Соціальная эволюція. Съ предисловіями Н. К. Михайловскаго и проф. Бейсмана. Переводъ съ англійскаго. Спб. Ц. 1 р. 25 к. 4011

Ковалевскій, Максимъ. Краткій обзоръ экономической эволюціи и ея подраздѣленія на періоды. Перев. съ французскаго В. Палеологъ. Спб. 1899 г. Ц. 25 к. 5865

☞ **Летурно**, Ш. Соціологія, основанная на этнографіи. Переводъ съ послѣдняго французскаго изданія. Вып. I. Съ 53 рис. Спб. Ц. 60 к. Вып. II. Съ 61 рис. Спб. Ц. 1 руб. 4011

Лефевръ, П. Повторительный курсъ исторіи философіи права. По курсамъ проф. Н. М. Коркунова, С. А. Бершадскаго, Звѣрева, Гейера и др. Спб. 1900 г. Ц. 75 к. 5843

Мейеръ, Э. Рабство въ древнемъ мірѣ. Переводъ съ нѣмецкаго А. В. Вихерскаго. Москва. 1899 г. Ц. 30 к. 5774

☞ **Моревъ**, Д. Д. Руководство политической экономіи. Спб. 1899 г. Ц. 2 руб.

——— Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи сравнительно съ другими государствами. Вып. 1-й. Изд. 6-е, исправленное по новѣйшимъ свѣдѣніямъ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Новиковъ, Я. А. Война и ея мнимыя благодѣянія. Перев. Я. С. Балабана. Одесса. 1899 г. Ц. 35 к. 5850

☞ **Палибинъ**, М. Повторительный курсъ полицейскаго права. Примѣнительно къ программѣ испытаній въ юридической коммиссіи по курсамъ профессоровъ Андреевскаго, Антоновича. Бунге и др. Изд. 2-ое, исправл. и дополн. Спб. 1900 г. Ц. 1 руб. 50 к. 5895

☞ **Поліанъ**, Л. Нищенствующій Парижъ. Дѣйствительные и притворные нищіе. Зло и способъ его искорененія. Перевелъ съ разрѣшенія автора I. Ю. Шрейеръ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к. 5894

☞ **Положеніе** о государственномъ промысловомъ налогѣ. (Высоч. утвержд. 8 іюня 1898 г.) съ объясненіями, извлеченными изъ журнала государ. совѣта и представленія м-ва финансовъ, и дополненное относящимися къ Положенію узаконеніями дѣйствующаго законодательства и распоряженіями министра финансовъ. 2-е изд. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.—Инструкція о примѣненіи Положенія о государ. промысловомъ налогѣ. Дополненіе ко 2-му изд. Спб. 1899 г. Ц. 30 к. — Второе дополненіе ко 2-му изд. Положенія о государ. промысловомъ налогѣ. Спб. 1900 г. Ц. 45 к.

☞ **Розинъ**, Н. О крайней необходимости. Уголовно-юридическое изслѣдованіе. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

☞ **Русскіе** судебные ораторы въ извѣстныхъ уголовныхъ процессахъ. Т. IV. Защитительныя рѣчи прис. повѣренныхъ: кн. Урусова, Карабчевскаго, Холевы, Плевако и др. Москва. 1899 г. Ц. 2 р. 25 к.

——— Т. V. Рѣчь предсѣдателя суда Кони. Обвинит. рѣчи: прокуроровъ Завадскаго, кн. Урусова, Громницкаго и др. Москва. 1899 г. Ц. 2 р. 5748

☞ **Сборникъ** правовѣдѣнія и общественныхъ знаній. Изданіе юридическаго общества при имп. московскомъ университетѣ и его статистическаго отдѣленія. Москва. 1893—1898 гг., 8 томовъ. Ц. по 2 р. 50 к. за томъ.

Сельскія ссудо-сберегательныя товарищества. Вып. I. Комитетскій образцовый уставъ съ объясненіями и приложеніями. 9-е испр. и дополненное изд. Спб. 1899 г. Ц. 25 к. 5837

Сергѣевскій, Н. Д., проф. Русское уголовное право. Пособіе къ лекціямъ. Часть общая. Изданіе третье. Ц. 2 р.

Сергѣевичъ, В. Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. 2-е изд., дополненное. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 296

☞ **Слонимскій**, Л. Экономическое ученіе Карла Маркса. (Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. B. I—III. 1867—93 г.). Изложеніе и критическій разборъ. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

——— Охрана крестьянскаго землевладѣнія и необходимыя законодательныя реформы. Спб. Ц. 60 к.

——— Умственное разстройство, его значеніе въ правѣ гражданскомъ и уголовномъ. I. Гражданское право и психіатрія. II. Уголовное право и психіатрія. Спб. Ц. 1 р.

Случевскій, В. Учебникъ русскаго уголовнаго процесса. Судоустройство — судопроизводство. Изд. 2-ое, передѣл. и дополнен. Цѣна 5 руб.

——— Уголовно-процессуальная казуистика. Пособіе для лекцій и экзаменовъ. Цѣна 1 р. 21

☞ **Спенсеръ**, Г. Многомужество и многоженство. Пер. съ англійскаго. Спб. 1899 г. Ц. 35 к. 5870

——— Развитіе половыхъ отношеній. Первобытныя отношенія половъ, экзогамія, эндогамія, безпорядочное половое сожительство. Пер. съ англійскаго. Спб. 1899 г. Ц. 50 к. 5870

☞ ——— Права женщинъ. 1) Женщина до брака. 2) Женщина въ бракѣ. Переводъ съ англійскаго Н. д'А. Спб. 1900 г. Ц. 25 к. 5878

☞ **Судейкинъ**, Власій. Государственный банкъ. Изслѣдованіе его устройства, экономическаго и финансоваго значенія. Спб. Ц. 3 р.

Тардъ, Г. Молодые преступники. Переводъ съ французскаго. Спб. 1899 г. Ц. 30 к. 5865

☞ **Урочное** положеніе для строительныхъ работъ, Высочайше утвержденное 17 апрѣля 1869 г. и исправленное согласно циркул. госуд. контроля отъ 11 апрѣля 1883 г. за № 2540. 2-е (неоффиціальное) изд. Спб. 1900 г. Спб. Ц. 1 р. 50 к. 5900

Учрежденія мелкаго кредита. 2-е, исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1899 г. Ц. 75 к. 5837

Фойницкій, И. Я., проф. На досугѣ. Сборникъ юридическихъ статей и изслѣдованій. Т. I. Спб. Ц. 3 р. 50 к. Т. II. Спб. Ц. 3 р. 50 к.

——— Курсъ уголовнаго судопроизводства. Т. II. Изд. 2-ое, переработ. и законченное. Спб. 1899 г. Ц. 3 р. 50 к. 5857

Энгельманъ, И., проф. Учебникъ русскаго гражданскаго судопроизводства. Юрьевъ. 1899 г. Ц. 3 р. 5856

☞ **Engelmann**, I., D-r Prof. Die Leibeigenschaft in Russland. Eine rechtshistorische Studie. Leipzig. Ц. 2 р.

XII. МЕДИЦИНА — ГИГІЕНА — ВЕТЕРИНАРІЯ.

☞ **Бутовскій**, А. Система шведской педагогической и военной гимнастики. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к. 5884

Дюковъ, Е., д-ръ. Гомеопатія какъ вопросъ земско-общественной медицины. (По поводу преній о гомеопатіи на харьков. губерн. земскомъ собраніи 1898 г.). Харьковъ. 1899 г. Ц. 25 к. 5844

Зелигсонъ, Э., д-ръ. Произвольное воспроизведеніе потомства опредѣленнаго пола — мальчиковъ или дѣвочекъ. 2-е изд. Москва. 1900 г. Ц. 80 к. 5840

☞ **Золотаревъ**, Л. Родителямъ для сыновей. Москва. 1899 г. Ц. 25 к.

——— Родителямъ для дочерей. Москва. 1899 г. Ц. 25 к. 5880

☞ **Ивановъ**, П., д-ръ. Краткій курсъ школьной гигіены. Спб. Ц. 40 к.

——— Теоретическія основанія тѣлесныхъ упражненій. Съ 24 рис. Спб. Ц. 1 р.

Клей, В. Чахотка, какъ соціальное явленіе. Перев. и дополненія д-ра медицины А. Ярошкаго. Спб. 1899 г. Ц. 50 к. 4011

Мечниковъ, И. Иммунитетъ. Переводъ съ нѣмецкаго И. Алексѣева. Спб. 1899 г. Ц. 50 к. 5858

☞ **Полонскій**, Л., врачъ. Геморрой. (Сущность и леченіе). Бесѣда врача съ

геморроидалистомъ. Теорія профессора Захарьина, взглядъ новѣйшей медицины и воззрѣніе старыхъ врачей. Спб. 1900 г. Ц. 30 к. 5878

Смоленскій, П., д-ръ. Простѣйшіе способы изслѣдованія и оцѣнки доброкачественности съѣстныхъ припасовъ, напитковъ, воздуха, воды, жилищъ и проч. Съ 110 рисунками въ текстѣ. 3 изд. Спб. 1899 г. Ц. 3 р. 5564

Старковъ, И., д-ръ мед. Физическое развитіе воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Отчетъ, удостоенный на всероссійской выставкѣ 1896 г. диплома I разряда. Спб. Ц. 2 р. 20

Шарко, Ж., проф. Исцѣляющая вѣра. Переводъ съ французскаго. Москва. 1899 г. Ц. 15 к. 5774

XIII. ТЕХНОЛОГІЯ—СТРОИТЕЛЬНОЕ И ИНЖЕНЕРНОЕ ДѢЛО—РЕМЕСЛА.

☞ **Кирштейнъ**, Г. Строительное искусство. Руководство къ возведенію фабричныхъ, гражданскихъ и сельскихъ строеній. Съ 140 чертежами и 132 отдѣльными таблицами. Рига. 1899 г. Ц. 10 р. 5890

☞ **Косткевичъ**, М. Д. Полный курсъ кройки и шитья съ приложеніемъ 12 листовъ выкроечныхъ рисунковъ, съ 34 выкройками различныхъ фасоновъ въ натуральную величину. 4 выкроечныхъ линейки, 40 масштабовъ. Спб. Ц. 5 р. 5882

Микулинъ, А. А. Фабрично-заводская и ремесленная промышленность одесскаго градоначальства херсонской губерніи и Николаевскаго военнаго губернаторства въ 1898 году. Изд. 2-е. Одесса. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к. 5707

Объ устройствѣ водяныхъ клозетовъ. Съ 46 рисунками въ текстѣ. 2 изд. съ дополненіями. Москва. 1900 г. Ц. 25 к. 5653

Окрашиваніе металловъ. 3-е изд., исправленное и дополненное. Москва. 1900 г. Ц. 40 к. 5653

Фелькнеръ, И. Общедоступный спутникъ механика-строителя. Исправлено и дополнено инж.-технол. А. А. Ладыгинымъ. Изданіе 5-ое. Съ 164 рис. Кіевъ. 1899 г. Ц. 2 р. 5856

Чукмасовъ, Д. Практическое руководство по мыловаренію. Приготовленіе обыкновенныхъ сортовъ мыла. Съ 35 рисунками въ текстѣ. 2-е изданіе Москва. 1900 г. Ц. 40 к. 5653

Шубертъ, М. Производство целлюлозы. Практическое руководство для технологовъ, заводчиковъ, управляющихъ, а также для преподаванія въ техническихъ училищахъ. Съ 107 рисунками въ текстѣ. Пер. съ послѣдняго нѣмецкаго изд. инженеръ-технологъ Н. А. Филипповъ. Москва. 1899 г. Ц. 2 р. 75 к. 5840

XIV. ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

Бліохъ, И. С. Будущая война въ техническомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ Въ шести томахъ. Цѣна 18 р. 50 к. Въ отдѣльной продажѣ: тт. I, II и IV (съ атласомъ) по 4 р.; тт. III, V и VI (общіе выводы) по 3 р.

——— Пораненія при современномъ оружіи (Сравнительный очеркъ). Спб. 1899 г. Ц. 20 к.

——— Невозможность помощи раненымъ на полѣ битвы. Спб. Ц. 20 к. 5771

Бѣломоръ, А. Е. Письма о флотѣ. Ц. 1 р. 50 к. 3549

XV. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

☞ **Вакуловскій**, Н. Н., д-ръ. Молоко и молочные продукты. Кумысъ, кефиръ; значеніе ихъ и польза. Спб. 1899. Ц. 40 к.

Лашкаревъ, А. Ю. Сѣно и сѣнопрессованіе. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

☞ **Радцигъ**, А. А. Скотоводство и молочное хозяйство въ разныхъ государствахъ. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

XVI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Альбомъ геліогравюръ. Съ картинъ русскихъ художниковъ: Верещагина, Свѣдомскаго, Неврева, Семирадскаго, Риццони, Маковскихъ, Полѣнова и мн. др. Съ поясн. текстомъ проф. А. Н. Шварца. Роскошное иллюстрированное изданіе. Цѣна въ роскошной папкѣ 20 рублей. 5524

Арнольдъ, Ю. Теорія постановки голоса по методу старой итальянской школы и примѣненіе теоріи къ практическому обученію красивому образованію нѣвческихъ звуковъ. В. III. Ц. 50 к. Вып. I и II по 40 к. 5622

☞ **Божеряновъ**, И. Искусство и культура. Этюдъ для художниковъ. Вып. I. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

☞ **Булацель**, И. М. Театръ. 12 одноактныхъ пьесъ. Съ портретомъ автора. Спб. Ц. 2 р. 50 к. 5871

Вальтеръ, В. Какъ учить играть на скрипкѣ. Практическое пособіе для учителей и учащихся. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

——— Въ защиту искусства. Мысли музыканта по поводу статьи Л. Н. Толстого: „Что такое искусство?“. Спб. 1899 г. Ц. 40 к.

☞ **Воскресенскій**, А. Руководство къ сценическому гриму. Анатомія головы.—

Возрастъ.—Болѣзни.—Ощущенія.— Условія грима.—Матеріалъ для грима.—Видоизмѣненіе лица. Съ 115 рисунками. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 5893

Гроссъ, Эрнестъ. Происхожденіе искусства. Съ 32 рисунками и съ 3 таблицами. Пер. съ нѣмецкаго А. Е. Грузинскій. Москва. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. 5493

☞ **Гутманъ**, Оскаръ. Гимнастика голоса. Руководство къ развитію и правильному употребленію органовъ голоса въ пѣніи и система правильнаго дыханія. Спб. Ц. 60 к. 5891

Мильталеръ, Ю. Что̀ такое красота? (Das Rätsel des Schönen). Введеніе въ эстетику. Пер. съ нѣм. З. А. Венгеровой. Спб. 1899 г. Ц. 40 к.

Новицкій, А. Исторія русскаго искусства отъ древности до нашихъ дней. Два большихъ тома, съ приложеніемъ снимковъ съ самыхъ выдающихся произведеній русской живописи, скульптуры, архитектуры. Москва. 1899 г. Подписная цѣна за всѣ 12 выпусковъ 10 р. Вышелъ выпускъ 4-ый.

☞ **Рѣпинъ**, И. К. Альбомъ картинъ и рисунковъ. Всего 18 картинъ. Спб. Ц. 15 р.

——— Альбомъ картинъ и рисунковъ. 23 картины. Спб. Ц. 20 р. 5347

☞ **Фолькельтъ**, І., проф. Современные вопросы эстетики. Перев. съ нѣмецкаго И. Штрупа. Спб. 1900 г. Ц. 75 к. 5899

XVII. СПОРТЪ.

Блокъ. Ю. Велосипедъ. Въ переплетѣ. Ц. 2 р. 5540

Вороновъ, Г. Лошадь. Руководство къ изученію строенія лошади, указаніе и выбору породъ, пригодныхъ для разведенія въ сельскихъ хозяйствахъ, къ ихъ разведенію, содержанію, выѣздкѣ, ковкѣ, кастраціи, леченію болѣзней и утилизаціи продуктовъ коневодства. Съ рис. и чертежами. Спб. Ц. 60 коп. 6796

XVIII. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Ганъ, И. К. Надо ли бояться грома и молніи? Изд. 2-е. Вильна. Ц. 15 к.

——— Карманный словарь для правописанія по Гроту. Изд. 2-е. Вильна. 1899 г. Ц. 15 к.

——— Руководство къ правильному употребленію знаковъ препинанія, съ задачами для упражненія. 6-е изд. Вильна. 1899 г. Ц. 30 к.

——— Спутникъ правописанія. Краткія правила съ подробнымъ орѳографическимъ словаремъ. 4-е изд., дополненное. Спб. Ц. 30 к.

——— Толкователь газетъ и журналовъ. Справочная книжка для читателей періодическихъ изданій. Вильна. Ц. 25 к. 5739

——— Полный словарь буквы ѣ. Собраніе всѣхъ словъ русскаго языка, коренныхъ и производныхъ, которыя пишутся черезъ ѣ. Изд. 6-е, исправленное. Вильна. Ц. 50 к.

——— Подробныя правила и программа для испытанія на званіе аптекарскаго ученика. Спб. Ц. 35 к.

——— Новыя правила и программа для поступающихъ въ 1-й классъ реальныхъ училищъ. Спб Ц. 10 к.

——— Въ второй классъ реальныхъ училищъ. Вильна. Ц. 10 к.

Въ третій классъ реальныхъ училищъ. Спб. Ц. 10 к. 5739

——— Новыя правила и программа для поступающихъ въ приготовительный классъ мужскихъ гимназій и прогимназій. 3-е изд. Вильна. 1899 г. Ц. 10 к

——— Въ 1-й классъ. 9-е изд Вильна. Ц. 10 к.

——— Въ 2-й классъ. Вильна. Ц. 10 к.

——— Тетради для письменнаго грамматическаго разбора. № 1. Этимологія. 3-е изд. Вильна. Ц. 6 к.

——— № 2. (Глаголъ, причастіе, дѣепричастіе) Вильна. Ц. 5 к.

——— № 2. Синтаксисъ. Вильна. Ц. 5 к. 5739

Герасимовъ, М. Календарь для учителей. 1899—1900 учебный годъ. 11-й г. изданія. Спб. 1899 г. Цѣна въ переплетѣ 75 к. 5858

☞ **Дергиманъ**, Г. Туалетная книжка. Полезный подарокъ для дамъ. Собраніе совѣтовъ по гигіенѣ, домашней медицинѣ, порядку въ домѣ, уходу за дѣтьми и проч. Спб. 1899 г. Ц. 50 к. 5902

☞ **Ельсинъ**, А. И. Памятная книжка для учащихся на 1899—1900 учебный г. Ц. 50 к. Приложеніе къ „памятной книжкѣ для учащихся“: главныя правила русскаго правописанія. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.

Майковъ. Влад. Азбучный указатель именъ личныхъ, географическихъ названій, монастырей, церквей, кладбищъ и разныхъ предметовъ, въ книгахъ VIII-XIII „Жизнь и труды М. П. Погодина“ упоминаемыхъ. Спб. 1899 г. Ц. 50 к. 352

Псарскій, К. Расчѣтныя таблицы. Настольная книга краткихъ вычисленій на счетахъ. Точный и скорый методъ расчѣтки

различнаго рода товаровъ, матеріаловъ и т. п., исчисленія поденной платы изъ мѣсячнаго оклада и процентовъ за дни, мѣсяцы и годы. Съ приложеніемъ главнѣйшихъ мѣръ вѣса и монетъ Россіи, Франціи, Англіи, Германіи и Соединен. Штатовъ и таблицъ взаимнаго ихъ перевода. Спб. 1899 г. Ц. 75 к. 5829

Русскій среди французовъ. Русско-французскіе общественные разговоры, содержащіе все необходимое для обыденной жизни. Спб. 1900 г. Ц. 40 к. 5863

☞ **Справочный** карманный словарь для правописанія по Гроту, Далю, Макарову и др. Составленъ подъ редакц. Виктора Кименталь. Спб. 1900 г. Ц. 15 к.

Энциклопедическій словарь. Изданіе Ф. Павленкова. Съ 2224 политипажами, въ томъ числѣ 813 портретовъ и 37 географическихъ картъ, гравированныхъ въ Парижѣ. Спб. 1899 г. Цѣна въ коленкоровомъ переплетѣ 3 р.

Въ книжномъ складѣ и магазинѣ типографіи М. М. Стасюлевича,
Вас. Остр., 5 л., д. 28.

Открыта подписка на изданіе БРОКГАУЗА и ЕФРОНА

МАЛЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

„Малый Энциклопедическій Словарь“ выходитъ выпусками, которые составятъ **три большихъ тома**, съ рисунками, иллюстраціями и картами, съ приложеніемъ: 1) краткихъ руководствъ по главнымъ предметамъ знанія; 2) краткихъ учебниковъ и словарей иностранныхъ языковъ и 3) сборниковъ справочныхъ свѣдѣній по различнымъ предметамъ практической жизни.

Всего будетъ 12 выпусковъ.

„Словарь“, составленный отчасти по образцу малыхъ нѣмецкихъ словарей Брокгауза и Мейера, имѣетъ цѣлью служить не только настольною справочною книгою, но и **пособіемъ для самообразованія**: съ этою цѣлью будутъ приложены къ тексту сжатые обзоры главныхъ наукъ и краткіе учебники и словари наиболѣе употребительныхъ иностранныхъ языковъ. Въ ближайшихъ выпускахъ будутъ помѣщены слѣдующіе краткіе обзоры и руководства:

Англійскій языкъ (словарь)—лектора англійскаго языка въ Спб. Университетѣ **К. И. Тернера**. Астрономія—**К. Фламмаріона**. Библейская исторія—проф. **А. Лопухина**. Ботаника—сэра **Гукера**, съ дополненіями проф. **А. Н. Бекетова**. Всеобщая исторія—проф. **Н. И. Кареева**. Географія—проф. **Д. Н. Анучина**. Геологія—**В. К. Агафонова**. Геометрія—**Н. М. Гюнтера**. Гигіена—прив.-доц. **Г. М. Герценштейна**. Гражданскіе законы—**Гр. В. Вербловскаго**. Греческій языкъ—препод. **К. Я. Шубина**. Искусство—подъ ред. **А. И. Сомова**. Итальянскій языкъ, со словаремъ—прив.-доц. **Ѳ. В. Броуна**. Зоологія—прив.-доц. **Н. Кипповича**.

Весь Словарь будетъ оконченъ къ серединѣ 1900 г.

Цѣна всего изданія 18 руб. безъ пересылки.

Вышли 1, 2, 3 и 4-й выпуски. Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 р., при полученіи 1 и 2 выпусковъ 3 р., 3 и 4-го—2 р., 5-го—2 р., 6-го—2 р., 7-го—2 р., 8-го—2 р., 9-го—2 р., остальные подписчикамъ безплатно.

Пересылка по почтовой стоимости. Вносящіе сполна подписную сумму въ 18 р. получатъ Словарь въ трехъ роскошныхъ переплетахъ, съ приплатою къ подписной цѣнѣ 1 р., вмѣсто 2 р. 25 к.

Печатается и въ непродолжительномъ времени выйдетъ новымъ изданіемъ сочиненіе

А. Н. ПЫПИНА:

Общественное движеніе при Александрѣ I.

Въ книжномъ магазинѣ М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Вас. Остр. 5 л., д. 28, и въ другихъ книжныхъ магазинахъ

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

СОЧИНЕНІЯ

А. ЛУГОВОГО.

Томъ четвертый—574 стран. in 8°.

СОДЕРЖАНІЕ: Взятка. — Больное мѣсто Сергѣя Сергѣевича. — Часы съ цѣпочкой.— Павла Львовича перевели.—Два бунта. — Тяжелые сны. — Возвратъ. Романъ колеблющихся настроеній.—Письмо.

Цѣна 2 р. 50 к.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ типогр. **М. М. Стасюлевича**, С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5 лин., д. 28.

ТАМЪ ЖЕ ПРОДАЮТСЯ РАНѢЕ ВЫШЕДШІЯ

Сочиненія А. ЛУГОВОГО:

ТОМЪ I. Повѣсти и разсказы: Не судилъ Богъ! — Однимъ часомъ. — На куриномъ насѣстѣ.—За грозой—вёдро.—Не отъ міра сего.—Ольга Ярославна.— Швейцаръ. **Драматическія произведенія:** „За золотымъ руномъ!“ Сцены изъ похода современныхъ аргонавтовъ, въ 4-хъ дѣйствіяхъ. — „Олимъ“. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ.— **Стихотворенія.**

Цѣна 2 руб.

ТОМЪ II. Грани жизни. Романъ въ 5-ти частяхъ.

Цѣна 2 руб.

ТОМЪ III. Повѣсти и разсказы: Pollice verso. (Добей его!). — Нѣсколько поцѣлуевъ.—Теплымъ повѣяло. — Счастливецъ. — Исполнили. — Простая случайность.—Изъ поѣздки къ голодающимъ.—Nocturne.— Первая ночь. — Музыкантъ въ своемъ родѣ.— Между двухъ смутныхъ идеаловъ.—Альміроръ!—**Стихотворенія.**

Цѣна 2 руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ

на безцензурный научно-общественный журналъ

„НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО",

посвященный вопросамъ государственнаго и мѣстнаго хозяйства, политической экономіи и статистикѣ.

Редакторъ-издатель профессоръ **Л. В. Ходскій.**

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Ямская ул., 30.

Контора открыта ежедневно отъ 11 час. до 4-хъ часовъ, кромѣ праздничныхъ дней. Редакція открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 1 час. до 3 час. дня.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Оригинальныя и переводныя статьи, по своему содержанію относящіяся къ предмету журнала. 2) Работы, имѣющія цѣлью знакомить читателей съ важнѣйшими результатами статистическихъ и иныхъ обслѣдованій экономическаго характера, производимыхъ правительственными и общественными учрежденіями. 3) Экономическое обозрѣніе. 4) Обозрѣнія и руководящія статьи по земскому хозяйству. 5) Иностранная экономическая хроника (обзоръ и оцѣнка выдающихся явленій международнаго характера, представляющихъ значеніе для экономическихъ интересовъ Россіи). 6) Хроника экономическаго законодательства. 7) Библіографическія замѣтки о заслуживающихъ вниманія спеціальныхъ книгахъ,—русскихъ и иностранныхъ [1]). 8) Библіографическій указатель оффиціальныхъ статистическихъ и другихъ изданій съ краткимъ перечнемъ ихъ содержанія [2]). 9) Указатель новыхъ книгъ, а также статей экономическаго содержанія, помѣщенныхъ въ общихъ и спеціальныхъ русскихъ и въ важнѣйшихъ иностранныхъ журналахъ. 10) Смѣсь. 11) Почтовый ящикъ. Вопросы читателей и отвѣты на нихъ редакціи въ предѣлахъ компетенціи журнала.

Журналъ будетъ выходить книжками, не менѣе 10 листовъ, ежемѣсячно, кромѣ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Примѣчаніе. Имѣя въ виду давать посильные отвѣты на вопросы текущей общественной жизни, редакція, между прочимъ, ставитъ своей цѣлью соединять научность въ обоснованіи статей съ возможной простотой и доступностью изложенія.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА съ доставкою и пересылкою въ предѣлахъ Имперіи за годъ 10 р., за границу—12 р. **ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА: подписавшіеся до 1-го января 1900 г. платятъ 8 р. въ годъ**, за границу—10 р. Для такихъ **первоначальныхъ подписчиковъ** право льготной подписки сохраняется и на будущіе годы.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 5 руб.; остальныя деньги къ маю мѣсяцу. Лица, желающія получать журналъ на **веленевой бумагѣ**, прибавляютъ къ подписной платѣ 3 руб.

За напечатаніе при журналѣ объявленій взимается: за одну страницу 20 руб., ½ страницы 10 руб., ¼ страницы 5 руб., ⅛ страницы 2 руб. 50 коп. При повторныхъ публикаціяхъ, а равно и для подписчиковъ на журналъ, дѣлается 30% уступки.

---

[1]) Для обезпеченія полноты и своевременности замѣтокъ въ этомъ отдѣлѣ, редакція покорнѣйше проситъ авторовъ и издателей доставлять ей издаваемыя ими книги тотчасъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ и, по возможности, въ двухъ экземплярахъ.

[2]) Редакція обращается съ покорнѣйшей просьбой къ правительственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ о присылкѣ ей тѣхъ изъ оффиціальныхъ матеріаловъ, подготовительныхъ проектовъ и изданій, которые, по ихъ мнѣнію, представляютъ общій интересъ и на которые желательно обратить вниманіе спеціалистовъ.

Имѣются въ продажѣ слѣдующія книги проф. Л. В. ХОДСКАГО.

Политическая экономія въ связи съ финансами. Третье переработанное изданіе. 1899 г. Цѣна 3 р. 50 к.

Элементарное руководство политической экономіи въ связи съ финансами. 1897 г. Цѣна 2 руб.

По поводу книги „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства“. 1897 г. Ц. 75 к.

Основанія теоріи и техники статистики. Съ приложеніемъ рисунковъ и графиковъ. 1896 г. Цѣна 2 руб.

Земля и земледѣлецъ. Экономическое и статистическое изслѣдованіе. 1891. Цѣна за два тома 5 руб.

Поземельный кредитъ въ Россіи и отношеніе его къ крестьянскому землевладѣнію. Москва. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Основы государственнаго хозяйства. Пособіе по финансовой наукѣ. 2-е изданіе. Цѣна 3 р. 50 к.

Д. Н. ЛОМАНЪ.

1) Царь-Освободитель, Царь-Мученикъ. Императоръ Александръ II. Чтеніе для народа. Съ 92 картинами. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. Цѣна 25 коп.

2) Царь-Освободитель, Царь-Мученикъ, Императоръ Александръ II. Чтеніе для народа. Спб. Ц. 5 коп.

3) Ко дню священнаго коронованія и муропомазанія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Съ 21 картиною. Изд. 2-е. Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. въ ученич. библ. средн. и низш. учебн. завед. Спб. Ц. 15 к.

4) Воцареніе дома Романовыхъ. Чтеніе для народа. Спб. Ц. 5 коп.

5) Достопримѣчательности С.-Петербурга. Чтеніе для народа. Съ 124 картинами. Спб. Ц. 30 коп., въ изящномъ переплетѣ 40 коп.

6) Павловская Памятка. Съ 40 картинами. Составлена по „Исторіи Л.-Гв. Павловскаго полка“, по „Памяткѣ“ капитана Н. Н. Карепова и по приказамъ по полку 1890 года. Спб. Ц. 20 к., въ изящномъ переплетѣ 40 коп.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Грумъ-Гржимайло, Г. Е.—Описаніе путешествія въ западный Китай. Т. II. Поперекъ Бей-Шаня и Нань-Шаня въ долину Желтой-рѣки. Съ картой, 29 фототипіями, 1 гравюрой и 10 цинкогр. въ текстѣ. Спб. 99. Стр. 445 in 4°.

Первоначальное предположеніе автора—ограничиться двумя томами, вслѣдствіе накопленія матеріала, нынѣ измѣнено: настоящій выпускъ содержитъ въ себѣ только половину всего матеріала, а потому за нимъ послѣдуетъ еще третій томъ. Зато, во второй томъ вошла, сверхъ хроники путешествія, весьма важная новая сторона дѣла, обращавшая до сихъ поръ мало вниманія европейскихъ ученыхъ, изучавшихъ территорію Средней Азіи, а именно, ея историческое прошлое. Болѣе трети настоящаго тома и посвящено именно исторической географіи Средней Азіи, представляющей и до сихъ поръ весьма много запутанныхъ этнографическихъ вопросовъ, которые авторъ пытается разрѣшить въ особой главѣ вышедшаго нынѣ въ свѣтъ тома.

Карѣевъ, Н.—Исторія Западной Европы въ новое время. Т. III: Исторія XVIII вѣка. Ч. 2-я: Просвѣщенный абсолютизмъ и французская революція. Вып. VI. Изд. 2-е. Спб. 99. Стр. 271—642.

——— Курсъ Новой исторіи. Ч. I: Исторія XVII и XVIII вв. Спб. 99. Стр. 475.

Настоящимъ выпускомъ заканчивается томъ третій западно-европейской исторіи XVIII вѣка, а именно второй его половины—вѣка Маріи Терезіи, Фридриха II и Іосифа II, смѣнившагося заключительною эпохою XVIII-го вѣка—эпохою большой французской революціи. Рядомъ съ вторымъ изданіемъ своего обширнаго труда, состоящаго изъ пяти томовъ, гдѣ исторія Западной Европы доводится до 70-хъ годовъ истекающаго нынѣ вѣка, авторъ приступилъ къ особому изданію этого труда, въ сокращенномъ видѣ, съ цѣлью дать руководство при преподаваніи имъ исторіи въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній—въ Александровскомъ Лицеѣ. Такимъ образомъ, въ составъ вышедшей нынѣ первой части могло войти содержаніе первыхъ трехъ томовъ вышеупомянутаго полнаго изданія въ пяти томахъ.

Генрихъ Гейне. Собраніе сочиненій. Редакція Петра Вейнберга. Т. VI. Съ біографіей и портретомъ автора. Спб., 99. Стр. 589+124. Ц. 1 р. 75 к.

Настоящимъ томомъ закончены прозаическія сочиненія Гейне; въ немъ помѣщены „Признанія“, „Донъ-Кихотъ“, „Мысли и замѣтки“, статьи смѣшаннаго характера, рецензіи и „мемуары“; въ концѣ приложенъ обстоятельный біографическій очеркъ (124 стр.). Нѣкоторыя статьи появляются здѣсь въ первый разъ въ русскомъ переводѣ; возстановлены также многіе пропуски отдѣльныхъ мѣстъ въ прежнемъ русскомъ изданіи, и теперь мы имѣемъ наконецъ полный, старательно провѣренный переводъ всѣхъ сочиненій знаменитаго нѣмецкаго поэта, подъ редакціей такого опытнаго и свѣдущаго литератора, какъ П. И. Вейнбергъ. Слѣдующіе два тома, VII-ой и VIII-ой, будутъ заключать въ себѣ стихотворенія Гейне и закончатъ все изданіе.

Малый энциклопедическій словарь. Т. I: А—Гебгардъ. Изд. Брокгауза и Ефрона. Спб. 99. Стр. 1244. Съ приложеніями. Ц. 6 р.

Особенность этого словаря заключается въ томъ, что, кромѣ обычныхъ научныхъ и справочныхъ свѣдѣній, онъ даетъ еще цѣлый рядъ небольшихъ руководствъ и обзоровъ по разнымъ отдѣламъ знаній, а также словари иностранныхъ языковъ. Такихъ особыхъ приложеній помѣщено въ первомъ томѣ—14, и изъ нихъ слѣдуетъ прежде всего отмѣтить обзоръ „Гражданскихъ законовъ“, извѣстнаго юриста-практика, члена московской судебной палаты, Г. Л. Вербловскаго, и очеркъ законовъ о государственномъ устройствѣ и управленіи, проф. В. В. Ивановскаго. Эти краткіе, общедоступные очерки дѣйствующаго законодательства пополняютъ весьма существенный пробѣлъ въ нашей популярной литературѣ и могутъ принести большую пользу читателямъ, въ виду малой распространенности у насъ свѣдѣній о русскихъ законахъ, которые долженъ былъ бы, однако, знать всякій обыватель. Изъ другихъ „приложеній“ обращаютъ на себя вниманіе: „Анатомія“, проф. Лесгафта и д-ра Бурцева, „Астрономія“ Фламмаріона подъ редакціею проф. Витковскаго, „Ботаника“ сэра Гукера съ добавленіями проф. А. Н. Бекетова, „Геологія“ приватъ-доцента В. К. Агафонова и др. Приложенія снабжены многими иллюстраціями, рисунками, картами.

Р. Мутеръ. Исторія живописи въ XIX вѣкѣ. Переводъ З. Венгеровой. Изданіе товарищества „Знаніе“. Вып. I—II. Спб. 99. Стр. 221.

Книга проф. Мутера займетъ несомнѣнно видное мѣсто въ ряду роскошныхъ литературно-художественныхъ изданій, предпринятыхъ у насъ въ послѣднее время. Сочиненіе само по себѣ пользуется достаточною извѣстностью въ Европѣ; это, въ сущности, единственная исчерпывающая исторія современной живописи. Живыя, яркія характеристики отдѣльныхъ художниковъ дѣлаютъ чтеніе книги въ высшей степени занимательнымъ, а талантливая группировка различныхъ школъ и направленій, въ связи съ указаніемъ ихъ взаимной исторической связи, представляетъ интересъ не только для публики вообще, но и для знатоковъ исторіи искусства. Множество иллюстрацій, украшающихъ это изданіе, исполнено съ изяществомъ.

Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго. Т. III. Спб. 99. Стр. 624. Ц. 3 р.

Въ этотъ томъ вошли этюды и очерки, касающіеся политическихъ теорій и соціальныхъ движеній современной Европы—статьи о „государствѣ и прогрессѣ“, о политической философіи Гегеля, о французскомъ парламентаризмѣ, о революціонной эпохѣ во Франціи, о натурализмѣ въ исторіи (по поводу Тэна), о системѣ Меттерниха, о консерватизмѣ, о „соціализмѣ на западѣ Европы и въ Россіи“. Свойственная автору обстоятельность изложенія и критики придаетъ этимъ очеркамъ цѣнность и для тѣхъ, кто не раздѣляетъ его взглядовъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

ВЪ **1900** Г.

(Тридцать-пятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— ВЫХОДИТЪ ВЪ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
	Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . . . 15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою. . . . . 16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . 17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . . . . 19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;

— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20, и товарищества „Издатель“, Невск. пр., 68—40.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжныхъ магазинахъ: И. И. Мамонтова, на Кузнец.-Мосту; И. П. Карбасникова, на Моховой; въ маг. „Русск. Мысли“ и въ Конторѣ И. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. И. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз.: „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ и И. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академич. пер., 7.

(15)

AP
50
V5
g.34
kn.11

Vîestnik Evropy

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY